

ISSN 2078-5356

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА:

*Вестник
Нижегородской академии
МВД России*

2025. № 4 (72)

Министерство внутренних дел Российской Федерации
The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

Юридическая наука и практика:

Вестник Нижегородской академии МВД России

**Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год**

№ 4 (72)

Legal Science and Practice:

Journal of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

**Founded in 2001
Published 4 times a year**

Нижний Новгород 2025

Юридическая наука и практика

Вестник

Нижегородской академии МВД России

№ 4 (72)

2025

Адрес редакции и издателя:

603144, Нижегородская область,
Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
Нижегородская академия МВД России
Редакционно-издательский отдел
Тел.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**Включен ВАК при Минобрнауки России
в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук
(Категория К-1)**

**Включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № ФС77-38354
от 11 декабря 2009 года

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 80785

Главный редактор *В. М. Баранов*
Редакторы *А. И. Новикова, Н. А. Елизарова,*
Т. Ю. Булганина
Компьютерная верстка *Т. М. Качалиной*
Дизайн обложки *К. А. Быкова*

Тираж 1000 экз. Заказ № 414
Свободная цена.
Дата выхода в свет 19.12.2025

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной
печати Нижегородской академии МВД России.

603144, Нижегородская область, Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

© Нижегородская академия МВД России, 2025

Legal Science and Practice

16+

Journal of Nizhny Novgorod Academy

of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 4 (72)

2025

Address of the editorial and publishing office:

Editorial and publishing department, Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia
Tel.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**The journal is included in the list of peer-reviewed
scientific journals and publications,
where main research results of doctoral dissertations
should be published
(Category K-1)**

**The journal is included in the system
of the Russian Science Citation Index**

Published 4 times a year

The Journal is registered at the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate number PI no. FS77-38354
as of December 11, 2009

Subscription index
at the General catalogue
“The Press of Russia”: 80785

Editor-in-chief *V. M. Baranov*
Editors *A. I. Novikova, N. A. Elizarova,*
T. Yu. Bulganina
DTP *T. M. Kachalina*
Cover design *K. A. Bykov*

1000 copies. Order no. 414
Free price.
Release date 19.12.2025

Printed at the printing section of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia

© Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Редакционный совет

Председатель:

Плясов Константин Анатольевич — начальник Нижегородской академии МВД России, генерал-майор полиции, доктор юридических наук, доцент, академик Российской академии юридических наук (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Члены редакционного совета:

Баранова Марина Владимировна — заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Баулин Олег Владимирович — профессор кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Бондарь Николай Семенович — судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, заведующий кафедрой конституционализма Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Белоусов Сергей Александрович — проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Власенко Николай Александрович — профессор кафедры теории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ершова Елена Александровна — заведующая кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Исаков Владимир Борисович — профессор-исследователь Департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Союза писателей Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Капустин Анатолий Яковлевич — заведующий Центром международного права и сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Карагодин Валерий Николаевич — заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Мацкевич Игорь Михайлович — ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Международного фонда правовых инициатив, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Морозов Олег Леонидович — заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по научной работе), кандидат экономических наук (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Москалькова Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки; научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Петрянин Алексей Владимирович — директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Поляков Михаил Петрович — профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Попондопуло Владимир Федорович — заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Саннинский Роман Александрович — председатель Арбитражного суда Нижегородской области, кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Стариков Юрий Николаевич — декан юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Супрунов Александр Германович — первый заместитель начальника Академии управления МВД России, кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Тарасов Николай Николаевич — профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Терещенко Людмила Константиновна — заместитель заведующего отделом административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Editorial council

Chairman:

Plyasov Konstantin A. — Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major General Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Members of editorial council:

Baranova Marina V. — Deputy Dean of the Faculty of Law for Research, Professor of the Department Theory and History of State and Law of the National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Law, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Baulin Oleg V. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bondar Nikolay S. — Justice of the Constitutional Court of the Russian Federation retired, Head of the Department of constitutionalism of the Southern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Belousov Sergey A. — Vice-rector for Research of the Saratov State Academy of Law, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Vlasenko Nikolay A. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Law Institute Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Yershova Yelena A. — Head of the Department of Labor and Social Security Law of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Isakov Vladimir B. — Research Professor at the Department of General and Interdisciplinary Legal Disciplines of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Writers' Union of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kapustin Anatoly Y. — Head of the Center for International Law and Reference and Legal Research at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Honored Scientist of the Russian Federation, Professor (scientific specialty 5.1.5 - international legal sciences)

Karagodin Valery N. — Head of the Department of Criminalistics of the Yekaterinburg Branch of the Moscow Academy of the

Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Matskevich Igor M. — Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, President of the International Foundation for Legal Initiatives, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Morozov Oleg L. — Deputy Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for research work), Candidate of Sciences (Economy) (scientific specialty 5.1.2 — public-law (state-law) sciences)

Moskalkova Tatyana N. — Doctor of Sciences (Law), Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences; scientific specialty 5.1.4 — criminal law sciences)

Petryanin Alexey V. — Head of Nizhny Novgorod branch Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Polyakov Mikhail P. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Popondopulo Vladimir F. — Head of the Department of Commercial Law of the St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Saninsky Roman A. — Chairman of Arbitration Court of Nizhny Novgorod Region, Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Starilov Yuri N. — Dean of the Law Faculty of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Suprunov Alexander G. — The First Deputy Head of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tarasov Nikolay N. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tereshchenko Lyudmila K. — Deputy Head of Department of Administrative Legislation and Procedure of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Баранов Владимир Михайлович — помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Нижегородской области

Заместитель главного редактора:

Смолин Алексей Юрьевич — начальник редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук

Члены редакционной коллегии:

Бирюков Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Болтанова Елена Сергеевна — заведующий кафедрой гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Булатов Борис Борисович — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Вавилин Евгений Валерьевич — заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Валеев Дамир Хамитович — заместитель декана юридического факультета Казанского федерального университета по научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Гамбарян Артур Сиреканович — заведующий кафедрой теории права и конституционного права Института права и политики Российско-Армянского университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки), заслуженный юрист Республики Армения

Горшенков Геннадий Николаевич — профессор кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Гусев Алексей Васильевич — профессор кафедры криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Демин Александр Васильевич — профессор кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Демичев Алексей Андреевич — профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Кириллов Михаил Андреевич — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кодан Сергей Владимирович — ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии

наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Корнев Аркадий Владимирович — заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Крохина Юлия Александровна — заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Крусс Владимир Иванович — заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Кузнецов Александр Павлович — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кучеров Илья Ильич — первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Лушников Андрей Михайлович — заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Мартынов Алексей Владимирович — заведующий кафедрой административного и финансового права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Милюков Сергей Федорович — профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Миронов Анатолий Николаевич — заместитель руководителя Межрегионального управления Росприроднадзора по городу Москве и Калужской области, доктор юридических наук (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Моисеев Алексей Александрович — профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского университета имени Х. М. Бербекова, доктор юридических наук, доктор права Австралии (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Нематов Акмал Рауфджонович — заместитель Главного ученого секретаря; главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Национальной академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Овчинников Алексей Игоревич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного Федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Павлов Вадим Иванович — начальник кафедры теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ромашов Роман Анатольевич — профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Сафин Завдат Файзрахманович — заведующий кафедрой экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Сизимова Ольга Борисовна — заведующий кафедрой гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Соловьева Татьяна Владимировна — профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Тарасов Анатолий Михайлович — главный советник генерального директора по юридическим вопросам АО «Лаборатория Касперского», главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Терехин Владимир Вячеславович — заместитель директора по научной работе Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических

наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Токтобаев Болот Токтомышевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Толстик Владимир Алексеевич — начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Фатьянов Алексей Александрович — заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Черных Евгения Евгеньевна — проректор по учебной работе Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, декан юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Шестерякова Ирина Владимировна — профессор кафедры частного права юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Editorial board

Editor-in-chief:

Baranov Vladimir M. — Assistant to Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Research Development, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Nizhny Novgorod Region

Deputy editor-in-chief:

Smolin Aleksey Yu. — Head of the Editorial and Publishing Department of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law)

Members of editorial board:

Biryukov Pavel N. — Head of the Department of International and Eurasian Law School of Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Boltanova Yelena S. — Head of Department of Civil Law of National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bulatov Boris B. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Vavilin Evgeniy V. — Head of the Department of Civil Law at the O. E. Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Member of the Council for Codification and Improvement of Civil Legislation under the President of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Valeyev Damir Kh. — Deputy Dean of the Faculty of Law of Kazan Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Gambaryan Artur S. — Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law of the Institute of Law and Politics of Russian-Armenian University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences), Honored Lawyer of the Republic of Armenia

Gorshenkov Gennady N. — Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of National research Lobachevsky State university of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Gusev Aleksey V. — Professor of the Department of Forensic Science and Legal Informatics at Kuban State University, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Demin Aleksandr V. — Professor of the Department of Entrepreneurial, Competitive and Financial Law of Law Institute of Siberian Federal University, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Demichev Alexey A. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Sciences (History), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kirillov Mikhail A. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kodan Sergey V. — History and Theory of State and Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kornev Arkady V. — Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Krokhina Yulia A. — Head of the Department of Legal Disciplines of the Supreme State Audit School (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Kruss Vladimir I. — Head of Department of Theory of Law of Tver State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kuznetsov Alexander P. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kucherov Ilya I. — The first Deputy Director of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Lushnikov Andrey M. — Head of the Department of Labor and Financial Law of Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Martynov Alexey V. — Head of the Department of Administrative and Financial Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Milukov Sergey F. — Professor of the Department of Criminal Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Mironov Anatoly N. — Deputy Head of the Interregional Department of Rospirodnadzor for the City of Moscow and the Kaluga Region, Doctor of Law (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Moiseyev Alexey A. — Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian University named after H. M. Berbekov, Doctor of Law (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Nematov Akmal R. — Deputy Chief Scientific Secretary; Chief Researcher of the Department of Theoretical Problems of the Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Ovchinnikov Aleksey I. — Deputy Director of the Department of Theory and History of State and Law of Southern Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Pavlov Vadim I. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Romashov Roman A. — Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement Activity of Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Safin Zavdat F. — Head Department of Environmental Law, Labor Law and Civil Procedure of Kazan (Privolzhsky) Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Sizemova Olga B. — Head of the Department of Civil Law and Procedure of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Solovyeva Tatyana V. — Professor of the Department of Civil Procedure of Saratov State Academy of Law, a member of the Advisory Board under the Committee of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation on Constitutional Legislation and State-Building, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Tarasov Anatoly M. — Chief Advisor of the General Director of the Kaspersky Lab JSC for the Juridical Questions, Chief Scientist of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Employee of the Internal Affairs of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Terekhin Vladimir V. — Deputy Director for Research of the Volga Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Toktobaev Bolot T. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tolstik Vladimir A. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Fatyanov Aleksey A. — Head of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of Plekhanov Russian Economic Uni-

versity, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Chernykh Evgenia E. — Vice-Rector for Academic Affairs of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Dean of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law Sciences)

Shesteryakova Irina V. — Professor of the Department of Private Law, Faculty of Law, State Academic University for the Humanities, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Теоретико-исторические правовые науки

Кодан С. В. Юридическая историография в структуре юридической науки: дисциплинарная характеристика и позиционирование в юриспруденции

13

Сатушиева Л. Х. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года в фокусе религиозных традиций народов Северного Кавказа

21

Малько А. В., Мусаткина А. А., Унгурян Ю. Л. Необходимость совершенствования юридической ответственности за посягательства на традиционные духовно-нравственные ценности в современной России

27

Овчинников А. И., Ширинских П. И. Метавселенные, ИИ и обеспечение национальной безопасности в условиях гибридных войн: глобальные вызовы и локальные решения

35

Орлов Д. В. О качестве подготовки проектов законов в контексте стоимости законодательного регулирования

42

Толстик В. А. Проблемы имплементации международных рекомендаций актов в российское законодательство

51

**Публично-правовые
(государственно-правовые) науки**

Горбачева С. В. Теоретико-правовые проблемы организации работы с обращениями граждан в региональных органах публичной власти в условиях цифровизации

59

Зайцев И. А. Философский аспект квалификации административных правонарушений в условиях цифровизации

65

Минникес И. В. Символы: государственные? основные? официальные? К терминологии законов республик-субъектов Российской Федерации о государственной символике

73

Морозов О. Л., Лизунов А. С. Правовые и организационные вопросы участия добровольных народных дружин в административной деятельности органов внутренних дел

81

Нестеров Е. А. Публично-правовая политика в области законодательного регулирования таксомоторной сферы: приоритеты и перспективы

87

Праскова С. В. Территория населенного пункта: законодательная тавтология?

94

Сафронов Д. В., Морозов О. Л. Совершенствование административной деятельности по обеспечению охраны общественного порядка на основе внедрения современных технических средств и инновационных технологий

104

Соколов Д. В., Лабути В. В., Фетисова Т. В. Роль различных видов профилактики в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности

109

Theoretical and historical legal sciences

Kodan S. V. Legal historiography in the structure of legal science: disciplinary characteristics and positioning in jurisprudence

Satusheva L. K. The State National Policy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2036, focusing on the religious traditions of the peoples of the North Caucasus

Malko A. V., Musatkina A. A., Unguryan Yu. L. The need to improve legal responsibility for infractions on traditional spiritual and moral values in modern Russia

Ovchinnikov A. I., Shirinskikh P. I. Metaverses, AI and national security in hybrid wars: global challenges and local solutions

Orlov D. V. About the quality of the preparation of bill in the context of the cost of legislative regulation

Tolstik V. A. Problems of implementing international recommendation acts into Russian legislation

Public law (state law)

Gorbacheva S. V. Theoretical and legal problems of organizing work with citizens' appeals in regional public authorities in the context of digitalization

Zaitsev I. A. The philosophical aspect of the qualification of administrative offenses in the context of digitalization

Minnikes I. V. State symbols? The main ones? Are they official? To the terminology of the laws of the republics-subjects of the Russian Federation on state symbols

Morozov O. L., Lizunov A. S. Legal and organizational issues of participation of volunteer people's squads in the administrative activities of internal affairs agencies

Nesterov E. A. Public law policy in the field of legislative regulation of the taxi industry: priorities and prospects

Praskova S. V. The territory of the settlement: a legislative tautology?

Safronov D. V., Morozov O. L. Improving administrative activities to ensure public order protection through the introduction of modern technical means and innovative technologies

Sokolov D. V., Labutin V. V., Fetisova T. V. The role of various types of prevention in ensuring public order and public security

СОДЕРЖАНИЕ CONTENT

Частноправовые (цивилистические) науки

- Киселева К. А.** Особенности нормативного регулирования ограниченных вещных прав на недвижимое имущество в системе МВД России **115**
- Семенов В. В.** Отдельные аспекты использования средств правовой защиты сторон договорных правоотношений в КНР и европейских странах **121**
- Соколов А. П.** Актуальные проблемы признания и приведения в исполнение решений российских судов в иностранных юрисдикциях: международные договоры, принцип взаимности и санкционные ограничения **126**

Уголовно-правовые науки

- Агафонов С. Ю., Серебров Д. О., Кулаков И. М.** Оказание первой помощи сотрудникам полиции в контексте принципов биоэтики **132**
- Головко С. Н., Карпов А. Г.** Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел на страже экономики: современное состояние и перспективы развития **136**
- Городнова О. Н., Кириллов М. А.** Толкование оценочных понятий, используемых в Уголовном законе, а также усмотрение в уголовном праве **142**
- Гриценко Т. В., Джагарян Н. В., Кузьмин М. Н.** Пределы полномочий органов расследования при работе с сообщениями о преступлениях частного обвинения **153**
- Кириллов М. А., Городнова О. Н., Сабитов Т. Р.** Судейское усмотрение и уголовно-правовая идеология **160**
- Молчанова Т. В.** Эмпирическое исследование динамики и структуры преступности в сфере экономической деятельности: современные тенденции **169**
- Никифорова Ю. Л.** Цифровая инфраструктура как основа оптимизации уголовно-процессуальной деятельности **179**
- Пшеничников И. М.** Конституционная безопасность как объект экстремистских и террористических преступлений **186**
- Тарасов А. А., Эксархопуло А. А.** Некоторые уроки современной российской судебной реформы в контексте национальной идентичности уголовного процесса России **191**

Трибуна молодого ученого

- Анисимова А. С.** Категории «правовая определенность» и «правовая неопределенность» в системе отношений «личность-государство» **204**
- Булатов Т. Р.** Юридическая техника административно-правового регулирования в сфере миграционных отношений **209**
- Додонов К. В.** Принципы экологического права с позиции позитивистского правопонимания **216**
- Дубова М. Е.** Виктимность сотрудников органов внутренних дел как детерминанта преступных посягательств, сопряженных с дискредитацией правоохранительной деятельности **224**

Private law (civil law) sciences

- Kiseleva K. A.** Features of the regulatory regulation of limited property rights to real estate in the system of the Ministry of internal affairs of Russia **115**
- Semenov V. V.** Selected aspects of the use of legal remedies by parties to contractual relations in the PRC and european countries **121**
- Sokolov A. P.** Topical issues of recognition and enforcement of russian court judgments in foreign jurisdictions: international treaties, reciprocity principle and sanctions restrictions **126**

Criminal law sciences

- Agafonov S. Y., Serebrov D. O., Kulakov I. M.** First aid to police officers in the context of bioethics principles **132**
- Golovko S. N., Karpov A. G.** Operational and investigative activities of internal affairs agencies protecting the economy: current status and development prospects **136**
- Gorodnova O. N., Kirillov M. A.** Interpretation of the evaluative concepts used in criminal law, as well as discretion in criminal law **142**
- Gritsenko T. V., Dzhabgaryan N. V., Kuzmin M. N.** The limits of the investigative authorities' powers when dealing with reports of private crimes **153**
- Kirillov M. A., Gorodnova O. N., Sabitov T. R.** Judicial discretion and criminal-legal ideology **160**
- Molchanova T. V.** An empirical study of the dynamics and structure of economic crime: modern trends **169**
- Nikiforenko Y. L.** Digital infrastructure as a basis for optimizing criminal proceedings **179**
- Pshenichnov I. M.** Constitutional security as an object of extremist and terrorist crimes **186**
- Tarasov A. A., Eksarkhopulo A. A.** Some lessons of contemporary Russian judicial reform in the context of the national identity of Russia's criminal procedure **191**

A young scientist's forum

- Anisimova A. S.** Categories of "legal certainty" and "legal uncertainty" in the system of relations "personality-state" **204**
- Bulatov T. R.** The legal technique of administrative and legal regulation in the field of migration relations **209**
- Dodonov K. V.** Principles of environmental law from the standpoint of positivistic legal understanding **216**
- Dubova M. E.** Victimization of law enforcement officers as a determinant of criminal offenses associated with the discrediting of law enforcement activities **224**

Дудин Н. В. Искусственный интеллект и <i>Big Data</i> в доказывании по делам о хищениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий Каменова Н. А. Особенности уголовного законодательства зарубежных стран об ответственности за дорожно-транспортные происшествия с летальным исходом, совершенные по вине водителей механических транспортных средств Макарова Е. С. Ретроспективный анализ законодательного регулирования правового статуса иностранного гражданина в России Михалук А. Н. Недвижимость вне регистрации: проблемы реализации права собственности на гараж в гаражно-строительных кооперативах Прынова В. И. О классификации юридического действия Пыжова Е. В. Информационные технологии и их влияние на формирование молодежных деструктивных движений Самойлюк М. С. Инновационные средства юридической техники ведомственного нормотворчества: понятие и практика применения Танисов Р. А. Юридическая природа и процессуальная реализация института подозрения в уголовном процессе Германии Тихонова Е. Н. О признаках фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности	230 236 245 250 256 261 267 274 279	Dudin N. V. Artificial intelligence and <i>Big Data</i> in evidence in cases of theft committed using information and telecommunication technologies Kamenova N. A. Features of criminal legislation in foreign countries regarding liability for fatal road accidents caused by the fault of drivers of motor vehicles Makarova E. S. A retrospective analysis of legislative regulation of the legal status of a foreign citizen in Russia Mikhalukov A. N. Real estate outside of registration: problems with realizing ownership of a garage in garage-construction cooperatives Prynova V. I. On the classification of legal assistance Pyzhova E. V. Information technologies and their influence on the formation of youth destructive movements Samoylyuk M. S. Innovative means of legal technique in departmental norm-setting: concept and practice of application Taniso R. A. The legal nature and procedural implementation of the institution of suspicion in German criminal proceedings Tikhonova E. N. On the signs of falsification of evidence and the results of investigative operations

Рецензии

- Баранов В. М.** Доктринальная экспертиза федерального законодательства (концепция, практика, техника). Отзыв на автореферат диссертации Веселова Игоря Геннадьевича на тему «Научно-экспертное обеспечение законодательной деятельности в федеральном законодательном процессе (теоретико-правовое исследование)» (Санкт-Петербург, 2025. 26 с.), представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. (теоретико-исторические правовые науки)
- Баранов В. М., Баранова М. В., Кабанов П. А.** Преступность правоприменителей как социальный феномен современного российского общества. Рецензия на монографию: А. Б. Марданова «Преступность правоприменителей: криминологический анализ официальной статистики» (Санкт-Петербург: Юридический центр, 2025. 160 с.)
- Гармаев Ю. П.** Методологический опыт решения проблем криминалистики и уголовно-процессуальной науки (отзыв официального оппонента на диссертацию Афанасьева Алексея Юрьевича «Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. (уголовно-правовые науки))

Reviews

- Baranov V. M.** Doctrinal expertise of federal lawmaking (concept, practice, technique). Review of the abstract of Veselov's Igor Gennadyevich dissertation on the topic "Scientific and expert support of legislative activity in the federal legislative process (theoretical and legal research)" (Saint Petersburg, 2025. 26 p.), submitted for the degree of Candidate of Law in the specialty 5.1.1. (theoretical and historical legal sciences)
- Baranov V. M., Baranova M. V., Kabanov P. A.** Crime by Law Enforcers as a Social Phenomenon in Contemporary Russian Society. Review of the monograph: A. B. Mardanov "Crime by Law Enforcers: A Criminological Analysis of Official Statistics" (Saint Petersburg: Legal Center, 2025. 160 p.)
- Garmaev Y. P.** Methodological experience in solving the problems of criminalistics and criminal procedure science (review of the official opponent for the dissertation of Afanasyev Alexei Yuryevich "Methodology for studying the mechanism of proving criminal activity", submitted for the degree of Doctor of Sciences (Law) in specialty 5.1.4. (Criminal law sciences))

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

- Каминский А. М.** Системно-деятельностный подход в исследовании криминальной и антикриминальной действительности (отзыв официального оппонента на диссертацию Афанасьева Алексея Юрьевича «Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. (уголовно-правовые науки)) **304**
- Кaminsky A. M.** System-activity approach in the study of criminal and anti-criminal reality (review of the official opponent for the dissertation of Afanasyev Alexei Yuryevich "Methodology for studying the mechanism of proving criminal activity", submitted for the degree of Doctor of Sciences (Law) in specialty 5.1.4. (Criminal law sciences))
- Тарасов А. А.** Методологический уровень преодоления кризиса теории доказывания и уголовно-процессуального доказательственного права (отзыв официального оппонента на диссертацию Афанасьева Алексея Юрьевича «Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. (уголовно-правовые науки)) **310**
- Tarasov A. A.** Methodological level of overcoming the crisis of the theory of evidence and criminal procedural evidentiary law (review of the official opponent for the dissertation of Afanasyev Alexei Yuryevich "Methodology for studying the mechanism of proving criminal activity", submitted for the degree of Doctor of Sciences (Law) in specialty 5.1.4. (Criminal law sciences))
- Милюков С. Ф.** Отзыв на автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки): А. А. Лихолетов Уголовно-правовая охрана специальных видов предпринимательской деятельности: теоретические и прикладные проблемы (Волгоград, 2025. 45 с.) **315**
- Milyukov S. F.** Review of the Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor of Laws in Specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences): A. A. Likholetov Criminal law protection of special types of entrepreneurial activities: theoretical and applied problems (Volgograd, 2025, 45 p.)
- Плешаков Е. А.** Приоритет в праве: природа, ценность, результативность функционирования. Рецензия на диссертацию С. А. Чиркаева «Юридический приоритет как общеправовой феномен: теоретические и практические аспекты» (Саратов, 2025. 223 с.) **318**
- Pleshakov E. A.** Priority in law: nature, value, effectiveness of functioning. Review of S. A. Chirkaev's dissertation "Legal priority as a general legal phenomenon: theoretical and practical aspects" (Saratov, 2025. 223 p.)
- Персоналии**
- Personalia**
- Демичев А. А., Ильин И. В.** Цивилист, теоретик и творческий человек (к 50-ти летнему юбилею профессора А. М. Хужина) **329**
- Demichev A. A., Ilyin I. V.** Civilian, theorist and creative person (on the 50th anniversary of Professor A. M. Khuzhin)
- К новым победам: юбилей профессора Хужина!** **332**
- To new victories: Professor Khuzhin's anniversary!**
- Кузнецов А. П.** Жизненный девиз профессора В. Ф. Щербакова: быть полезным людям (к 70-летию со дня рождения) **333**
- Kuznetsov A. P.** The life motto of Professor V. F. Shcherbakov: to be useful to people (on the 70th anniversary of his birth)
- Обзор защит диссертаций**
- Review of dissertation defenses**
- Баранов В. М., Афанасьев А. Ю.** Обзор защит диссертаций за 2025 год в диссертационном совете 03.2.009.01, созданном на базе Нижегородской академии МВД России **338**
- Baranov V. M., Afanasyev A. Yu.** Review of dissertation defenses for 2025 in dissertation council 03.2.009.01, created at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
- Некролог**
- In memoria**
- Баранов В. М., Баранова М. В., Михеева И. В.** Современный классик юриспруденции. Памяти профессора Юрия Александровича Тихомирова **342**
- Baranov V. M., Baranova M. V., Mikheeva I. V.** A modern classic of jurisprudence. In memory of Professor Yuri Alexandrovich Tikhomirov

Научная статья
УДК 34

Юридическая историография в структуре юридической науки: дисциплинарная характеристика и позиционирование в юриспруденции

Кодан Сергей Владимирович

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, svk2005@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4041-625X>

Аннотация. Активное формирование и развитие историографического направления в юриспруденции и юридической историографии как научной дисциплины юридического профиля ставит вопрос о ее месте в познании и системе знаний о государстве и праве, определении ее науковедческих параметров и научно-дисциплинарных характеристик. Таким образом, юридическая историография требует осмысления в контексте понимания ее как уровня познания государства и права через призму изучения накопленного интеллектуального историографического наследия в изучении государственно-правовой жизнедеятельности общества учеными-юристами. При этом данная научная дисциплина не вписывается в существующую структуру юридических наук и занимает в ней специфическое место, входит в число активно формирующихся в структуре юриспруденции служебных юридических наук. Этим вопросам и посвящена данная статья, представляющая авторское видение указанной проблемы.

Ключевые слова: юриспруденция, историография, юридическая историография, юридическое науковедение, структура юридической науки, уровни научного юридического знания, методология юридической историографии

Для цитирования: Кодан С. В. Юридическая историография в структуре юридической науки: дисциплинарная характеристика и позиционирование в юриспруденции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 13–20.

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 года № 075-15-2024-639).

Original article

Legal historiography in the structure of legal science: disciplinary characteristics and positioning in jurisprudence

Sergey V. Kodan

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
svk2005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4041-625X>

© Кодан С. В., 2025

Abstract. The active development of historiography in jurisprudence and legal historiography as a legal discipline raises the question of its place in the understanding and system of knowledge about the state and law, defining its scientific parameters and scientific-disciplinary characteristics. Accordingly, legal historiography requires consideration in the context of its understanding as a level of understanding the state and law through the prism of the accumulated intellectual historiographic legacy in the study of the state and legal activities of society by legal scholars. At the same time, this scientific discipline does not fit into the existing structure of legal scholarship and occupies a unique place within it, being one of the service legal sciences actively developing within the structure of jurisprudence. This article addresses these issues, presenting the author's perspective on the matter.

Keywords: jurisprudence, historiography, legal historiography, legal science studies, structure of legal science, levels of scientific legal knowledge, methodology of legal historiography

For citation: Kodan S. V. Legal historiography in the structure of legal science: disciplinary characteristics and positioning in jurisprudence. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 13–20. (In Russ.).

Funding: The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographic model of political and legal knowledge and its application to the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", implemented by the Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

Активное развитие историографии и историографических исследований в юриспруденции в числе основных теоретико-методологических проблем развития юридической историографии актуализирует вопрос ее позиционирования в качестве уровня познания государства и права. Это представляется актуальным и в плане реализации Институтом государства и права Российской академии наук и Институтом философии права Уральского отделения Российской академии наук научного проекта «Создание российской историографической модели политических и правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», поскольку проработка вопросов определения места и роли юридической историографии в системе юридических знаний является важной предпосылкой определения основных параметров указанной модели [1]. Эта проблематика непосредственно относится и к юридической историографии и ставит ряд теоретико-методологических вопросов позиционирования историографического уровня познания государства и права и юридической историографии в системе юридических наук, что и определяет содержательную направленность данной статьи.

Структура научного познания государства и права и дисциплинарного деления юридических наук в современной юриспруденции входит в число вопросов, казалось бы, давно решенных и не требующих обсуждения. И даже некоторые последние научные

публикации, касающиеся этой проблематики, при акцентировании внимания на развитии юридических наук не ставят вопросы совершенствования самих классификационных подходов к анализу структуры юридической науки, выделению в ней новых научно-дисциплинарных единиц [2].

Структурное дисциплинарное деление юридической науки в онтологическом плане определяется во взаимосвязи со структурными элементами науки в целом как системного образования — областями научного знания, отдельными науками и научными дисциплинами. На уровне этих структурных элементов научного знания общенаучная картина мира переходит и проявляется в специальных научных картинах мира — дисциплинарных онтологиях, а затем «в своих развитых формах наука предстает как дисциплинарно организованное знание, в котором отдельные отрасли — научные дисциплины (математика; естественно-научные дисциплины: физика, химия, биология и другие; технические и социальные науки) выступают в качестве относительно автономных подсистем, взаимодействующих между собой» — отмечает В. С. Степин [3, с. 89, 156]. При этом понимание дисциплинарного строения юридической науки, как и науки в целом, создает ориентиры для общего восприятия этого явления.

Научная дисциплина в философии науки и науковедении рассматривается как основная аналитическая единица организации исследований и структурирования науки, выступающая как «базовая форма организации

профессиональной науки, объединяющая на предметно-содержательном основании области научного знания, сообщество, занятое его производством, обработкой и трансляцией, а также механизмы развития и воспроизводства соответствующей отрасли науки как профессии», — отмечает Э. М. Мирский [4, с. 672]. Одновременно научная дисциплина, как считает А. П. Огурцов, может быть рассмотрена как «определенная форма систематизации научного знания, связанная с институционализацией знания, с осознанием общих норм и идеалов научного исследования, с формированием научного сообщества, специфического типа научной литературы (обзоров и учебников), с определенными формами коммуникации между учеными, с созданием функционально автономных организаций, ответственных за образование и подготовку кадров» [5, с. 44]. При этом следует обратить внимание и на то, что философское обоснование и анализ феномена научной дисциплины выводит на понимание того, что «сегодня в качестве исходной единицы необходимо рассматривать научную дисциплину как систему сложно организованных и развивающихся теоретических знаний в их связях с опытом, с основаниями данной дисциплины, а через них с другими науками и социокультурным контекстом», — подчеркивает В. С. Степин [6, с. 12].

Дисциплинарная организация научного знания в юриспруденции выступает как системное образование и в своей статике характеризуется тем, что «каждая юридическая наука — это отдельный элемент структуры юридической науки, относительно самостоятельное формообразование в общем процессе понятийно-правового изучения и выражения объективной действительности, специфически определенная часть теоретико-юридического познания и знания» и, соответственно, «основными структурными частями (элементами) юридической науки как системы теоретико-юридического знания являются отдельные юридические дисциплины (юридические науки)», отмечает В. С. Нерсесянц [7, с. 71].

Научные дисциплины в российской юриспруденции складываются в XIX–начале XX веков [22]. К середине XX столетия определилось, стало традиционным, и даже в целом аксиоматичным, выделение трех основных групп юридических наук: 1) теоретико-исторические науки — теория государства и права, история политических и правовых учений, всеобщая и отечественная история государства и права; 2) отраслевые науки — конституционное,

административное, гражданское, уголовное право; 3) специальные науки — криминалистика, судебная медицина, судебная психиатрия и др. Дополнительно к этому делению в современном правоведении выделяются межотраслевые, отраслевые юридические науки и науки, связанные с международным правом. В целом же указанное деление юридических наук сохраняется и поныне.

Современное развитие юриспруденции, как и социогуманитаристики в целом, характеризуется тем, что «юридические науки развиваются одновременно с другими социальными науками. Вызвано это динамикой общества, его институтов. В связи с этим указывают на две общие закономерности развития юридических наук — специализацию и интеграцию научных знаний», — отмечает Н. А. Власенко [9, с. 28]. Одновременно устойчивым трендом в развитии исследований в социогуманитаристике является их междисциплинарность «при выработке новых классификаций наук необходимо учитывать возможность появления новых междисциплинарных областей, что отразило бы эмерджентный характер знания в рамках постнеклассической рациональности», — подчеркивает А. А. Зубковская [10]. Соответственно, и расширяются предметные пространства юридических исследований на стыке, в межпредметном взаимодействии с другими науками социально-гуманитарного профиля, и появляются на пересечении с ними новые юридические научные дисциплины. Процесс их формирования и становления «свидетельствует о том, что прежние междисциплинарные связи юриспруденции со смежными науками (освоение и использование их методов и приемов исследования, некоторые теоретические положения и т. д.) уже не удовлетворяют теоретико-познавательные потребности юридической науки, и она нуждается в систематической разработке соответствующего круга проблем в рамках новой самостоятельной науки», — как подчеркивает В. С. Нерсесянц [7, с. 77].

Можно констатировать, что сложившееся отраслевое деление юридической науки не показывает всей полноты охвата научного познания государства и права и дисциплинарной организации знания в юриспруденции, которая может быть представлена как система относительно локализованных и взаимодействующих между собой познавательных уровней с соответствующими им научными дисциплинами. Каждый из них как своеобразные «этажи» показывают иерархию продвижения познания и фиксации

знания от обобщающих наук, представляющих общую картину мира в преломлении к юридической сфере жизнедеятельности общества, к фундаментальным знаниям о государстве и праве с последующим переходом к уровню знаний предметно-отраслевого, специального и служебного характера.

Подходы к определению уровней организации знания в юриспруденции в общем плане базируются на сложившейся в философии науки концепции распределения сложноструктурированных систем по отдельным уровням, находящимся в системе **вертикальных взаимосвязей** содержательно-конструктивного характера. В контексте определения уровней организации знания предполагается выделение нескольких его уровней, на каждом из которых образуется их совокупность, близких по предмету, содержанию, методам и функциям в научном познании. Этот подход достаточно широко апробирован и представлен при рассмотрении уровней получения научного знания, методологии исследований, систематизации понятийно-категориального аппарата [11–13].

В юриспруденции **уровневый подход к познанию права в последние годы выдвигается в число активно изучаемых проблем**. В. В. Шаханов предлагает «обратить внимание на недооцененный гносеологический потенциал “уровневой” системы познания» и подчеркивает, что «концепция “уровневого” познания права может быть представлена как сфера взаимодействия элементов правовой действительности, ее гносеологической матрицы. Она раскрывает логическую структуру познания права с использованием “уровневого” языка, методологии и типов деятельности», подчеркивает значение выделения, а также **выделяет** метапознавательный уровень познания права [14]. **Проблему уровневого подхода к познанию права** актуализирует Е. А. Фролова и отмечает, что в юриспруденции сильнее, чем в других науках, выражено стремление к обобщающему знанию. Правоведение раскрывает две стороны изучения мира: с одной стороны, показывая единство и бесконечное многообразие отдельных его проявлений (отраслевые юридические науки), с другой — подчеркивает единство существенных его оснований (фундаментальная юриспруденция)». Одновременно подчеркивает, что «в науке о праве существует несколько уровней познания права, и выделяет их через соответствующие научные юридические дисциплины энциклопедия права, теория права и философия права» [15, с. 36].

На указанном фоне констатируем, что обсуждаемый в юридической науке **уровневый подход** лишь в первом приближении касается самой структуры юридической науки. Дисциплинарная систематизация результатов научно-познавательной деятельности в юриспруденции, безусловно, помогает ученым рационально организовывать исследовательские практики в различных юридических науках. В то же время отдельные дисциплинарные картины мира требуют формирования целостного образа объектно-предметного пространства юриспруденции не только посредством выстраивания его сложившихся системно-структурных элементов — научных дисциплин — в относительно единую систему, но и требуют определить место дисциплин, возникших на междисциплинарном стыке юриспруденции с другими областями социально-гуманитарных знаний — философией, социологией, политологией, культурологией. Да и в самой юридической науке происходит процесс выделения новых областей научного знания и формирования новых научных дисциплин, которые должны получить «прописку» в ее системе.

Уровневый подход в организации научного знания в сфере юриспруденции при сохранении имеющихся его дисциплинарных единиц позволяет представить юридическую науку как сложноструктурированную систему приобретения, фиксации и трансляции юридических знаний в системе вертикальных и горизонтальных координат связей научных дисциплин. Каждый из уровней отражает иерархическую структуру знаний относительно репрезентируемого дисциплиной объекта юриспруденции, выполняет функции явления в целом и находится в отношениях дополнительности и взаимосвязей с другими уровнями. Одновременно появляется и возможность определять место, «встраивать» в структуру юридической науки новые научные дисциплины, формирующиеся в междисциплинарном пространстве как самих юридических наук, так и во взаимодействии с другими науками. При этом **уровневый подход к познанию правовых явлений** отражает философско-научный подход к структуре научного знания, которое развивается от эмпирического уровня познания к теоретическому уровню и восходит к метатеоретическому уровню [11]. Соответственно, и научные дисциплины следуют этому тренду развития научного познания.

Возьму на себя смелость предложить следующее видение **уровневой структуры юридической науки**.

Метадисциплинарный уровень научных дисциплин в юриспруденции исходит из того, что в философии науки «метауровень научного познания», который «позиционируется как наивысший уровень научного познания, представляющий собой совокупность принципов, норм, идеалов, составляющих основание научных теорий и науки в целом, которые обеспечивают единство и определенность научной деятельности, влияют на характер возникающего теоретического знания», — отмечает В. В. Шаханов [14, с. 65]. Соответственно, как подчеркивает Д. А. Керимов, особо выделяются «метанаучные знания», которые «интегрированы в антологические теории соответствующих наук, выполняются в каждой из них гносеологические функции» [16, с. 100]. При этом особо замечу, что метадисциплины в науке философии получили свое обозначение на основе имевшейся еще в древнегреческом языке части сложных слов с приставкой «мета» (*μετά*), буквально означавшей «за», «над», «после», и в содержательном плане обозначающая промежуточное положение, следование за чем-либо, переход к чему-либо другому. В организации научного знания посредством выделения особой группы метадисциплин, расположенных между науками более высокого обобщающего уровня и науками (после них) с более узкой с объектной/предметной направленностью (над ними), подчеркивается их позиционирование в структуре научного знания.

Метадисциплины в области изучения государства и права представляют юридические дисциплины общенаучного характера, которые формируются на стыке юриспруденции с другими смежными науками и изучают государство и право на основе своих теоретических компонентов во взаимосвязи с предметной областью исходной дисциплины. На указанном уровне сложились или находятся в стадии формирования такие юридические науки, как философия права, юридическая социология, юридическая политология, юридическая антропология, когда явления и процессы, представляющие общую юридическую картину мира, находят предметное преломление в соответствующих познавательных срезах их предметов.

Фундаментальный дисциплинарный уровень познания государства и права представлен теоретико-историческими научными юридическими дисциплинами, в число которых входят теория государства и права, всеобщая и отечественная история государства и права, история политических и правовых учений. Эти научные дисциплины, будучи объединенными общей

целью познания онтологической сущности государства и права, в их единстве и в рамках собственных предметов **изучают причины и общие закономерности** возникновения, развития и функционирования государства и права, их **взаимосвязи** с иными общественными явлениями — экономикой, политикой, культурой, моралью и т. д., исследуют личностные срезы в формировании правовых доктрин. В итоге на этом уровне формируются фундаментальные юридические знания теоретического и исторического характера, закладывающие основы юридического мышления, правовой культуры и профессионального правосознания.

Отраслевой дисциплинарный уровень познания государства и права связан с развитием научных юридических дисциплин и ориентирован на изучение теоретических и прикладных проблем в рамках предмета отдельных наук отраслевого характера. Их основу составляют традиционно сложившиеся и устоявшиеся в истории развития науки научные дисциплины: конституционное, административное, гражданское, уголовное право. Одновременно происходит формирование и становление новых отраслевых юридических наук, появление которых связано с изменениями в системообразующих государственно-правовых институтах в правовом регулировании. Эти науки, отражающие новые направления исследований междисциплинарного и инновационного характера, представлены такими научными дисциплинами, как информационное экологическое, образовательное право.

Служебный дисциплинарный уровень познания государства и права связан с выделением и развитием в юриспруденции областей познания и накопления «знаний о знаниях». Основания для дисциплинарной демаркации служебных юридических наук определяются их специфическими чертами: предметной направленностью, местом в исследовательских и образовательных программах, значением для формирования и развития ученого как центрального субъекта научной деятельности, что соответствует критериям для обособления совокупности знаний в отдельную самостоятельную отрасль юридического знания. В качестве служебных дисциплин происходит оформление и дисциплинарная демаркация таких исследовательских направлений, как юридическое науковедение, история юриспруденции, философия юриспруденции, методология юриспруденции, юридическое источниковедение [17]. В рамках данного уровня происходит и дисциплинарное становление

юридической историографии в качестве научной дисциплины.

Исходя из изложенного, констатируем, что уровневое построение структуры юридической науки с вертикально-горизонтальной системой координат определения положения научных дисциплин позволяет ее представить как в статике уже сложившихся наук, так и в динамике развития научного знания — встроит в нее новые сформировавшиеся или формирующиеся научные дисциплины. Не менее важным является и возможность через уровневое построение юридической науки увидеть ее сложившиеся междисциплинарные взаимодействия внутри и вне юриспруденции, их фиксацию в предметно-содержательных основаниях выделения новых наук и перспективы будущих исследовательских направлений.

Понимание и позиционирование историографического уровня познания государства и права связано с изучением процесса накопления и фиксации в науке знаний о государственно-правовом развитии общества в историографии как исследовательского направления в юридической науке, идущего в направлении выделения и новой научной дисциплины в юриспруденции — юридическая историография [18–20]. При этом важно учитывать, что историография в любой сфере научной деятельности является формой представления и отражения накопленных и представленных в текстах научных трудов знаний в соответствующих классификационных уровнях и дисциплинарных единицах структуры науки — в отдельных областях и отраслях научного знания с входящими в них научными дисциплинами

Основания выделения историографического уровня познания государства и права находятся в плоскости использования подходов науковедческой онтологии как одного из разделов науковедения, который изучает бытие науки и «включает в себя два раздела — внутренний и внешний. Внутреннее науковедение исследует науку как таковую, а внешнее — в связи с другими объектами. В первом преобладает внутридисциплинарный подход, во втором — междисциплинарный», — отмечает В. П. Даниленко [21]. В соответствии с объектно-предметной спецификой знания формируется дисциплинарная историография, которая в науке фрагментируется по отдельным областям научного знания, выступает как историография философии, истории, социологии, культурологии и т. д. Соответственно, и в юриспруденции дисциплинарно обособляется юридическая историография как пространство

историографического знания в юридической науке [19]. Одновременно указанные области историографического знания в различных областях науки находятся и в междисциплинарном взаимодействии.

Вопрос об историографическом уровне познания государства и права в исследовательском пространстве юриспруденции находится в плоскости понимания юридической науки и ее структуры в контексте взаимосвязи последней с историографией и ее включенности в исследовательские практики. В этой связи юридическая наука подставляет «сферу человеческой деятельности, которая направлена на выработку, систематизацию, хранение и трансляцию достоверных и аргументированных знаний о юридических явлениях, процессах и состояниях», — отмечает В. Н. Карташов [22]. Историография же как исследовательское направление в познавательном плане представляет «различные формы историко-научных реконструкций, которые изображают реальный исторический процесс развития науки на базе соответствующих месту и времени методов исследования, способов отбора, описания и интерпретации научных текстов, открытий, научных теорий» [23]. Также важно учитывать, что в современной науке понимание историографии рассматривается в качества типа синтетического знания междисциплинарного характера, который определяет общие, относительно универсальные для всей науки теоретические и методологические основы для работы в историографических пространствах науки в целом, отдельных отраслей знания и научных дисциплин в различных исследовательских направлениях и проекциях конкретных исследований как в дисциплинарных средах, так и междисциплинарных взаимодействиях между науками.

Позиционирование историографического уровня познания государства и права в юридической науке определяется местом и ролью историографии в юриспруденции — юридической историографии, которая ориентируется на изучение процессов государственно-правовых явлений и институтов через научные труды ученых-юристов, исследование их научной биографии и творческого процесса создания произведений, а также механизмов накопления сохранения и передачи историографической информации и других вопросов историографического характера в юриспруденции. Соответственно, юридическая историография составляет внутреннюю дисциплинарную основу историографического уровня познания

и выступает за внутридисциплинарное бытие историографии в юридической науке.

Историографический уровень познания государства и права обеспечивает через посредство юридической историографии внешние междисциплинарные взаимодействия юридической науки с накопленными историографическими знаниями в социогуманитаристике в целом, они транслируются и используются в юриспруденции как уже апробированные теоретико-методологические подходы и научно-исследовательские программы, которые задают все необходимые параметры для историографических юридических исследований в научных дисциплинах метадисциплинарного, фундаментального и отраслевого уровней. Тем самым юридическая историография становится неким связующим звеном между научными работами в историографии, в социогуманитаристике уже с историографией в юридической науке. Одновременно на данном уровне познания государства и права положения юридической историографии адаптируются к предметно-дисциплинарной специфике отдельных отраслей юридических наук и входящих в их состав научных дисциплин. Здесь представляется возможным вести речь об историографии теории государства, историографии истории государства, историографии государственного права, историографии цивилистики и т. д. со своими особенностями предметного, содержательного и методологического характера.

В итоге констатируем, что историографический уровень познания государства и права связан с изучением развития научного знания в юридической науке как в целом, в отдельных ее отраслях и научных дисциплинах через ее отражение в историографии юриспруденции — трудах ученых-юристов. Юридическая историография как исследовательское направление в юриспруденции и научная дисциплина выступают в качестве связующего, междисциплинарного звена, которое обеспечивает теоретико-методологическое взаимодействие юридической науки с работами в историографии социогуманитаристики, так и создает основу для историографических исследований в юридической науке различного уровня — от общенаучных до дисциплинарных и проблемных изысканий. Соответственно, выделение и понимание указанного уровня в изучении государства и права, как и в организации научного юридического знания, позволяет акцентировать внимание основных проблемных пространств развития юридической историографии в контексте создания

историографической модели политико-правовых знаний.

Список источников

1. Горбань В. С. Формирование современной историографической модели политико-правовых знаний // Государство и право. 2024. № 7. С. 64–78.
2. Тарасенко В. А., Гармышев В. В., Гармышев Я. В. Юридическая наука в системе научного знания // Образование и право. 2023. № 5. С. 98–102.
3. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. Москва: Гардарики, 2006. 384 с.
4. Мирский Э. М. Дисциплина научная // Новая философская энциклопедия. Москва: Мысль, 2010. Т. 1. С. 672–673.
5. Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки: Ее генезис и обоснование. Москва: Наука, 1988. 255 с.
6. Степин В. С. Теоретическое знание. Москва: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
7. Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Москва: Норма-Инфра-М, 1999. 288 с.
8. Фролова Е. А. Уровни познания права: вопросы методологии // Правосудие. 2023. Т. 5. № 3. С. 33–46.
9. Власенко Н. А. Теория государства и права. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2023. 480 с.
10. Зубковская А. А. Классификация наук в контексте постнеклассической рациональности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 9. С. 36–40.
11. Лебедев С. А. Уровни научного знания // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 62–75.
12. Назаров И. В. Статус и структура методологии науки // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 5. С. 339–346.
13. Нехамкин В. А. Междисциплинарность в современном гуманитарном познании: тенденции, итоги и перспективы развития // Социум и власть. 2019. № 2. С. 96–105.
14. Шаханов В. В. Метафеномены в юридической доктрине: постановка проблемы. // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 3. С. 63–67.
15. Фролова Е. А. Классификация юридических наук: полемика неокантианцев и сторонников психологической школы права // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2. С. 51–54.
16. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. Москва: Современная гуманитарная академия, 2003. 521 с.
17. Кодан С. В. Служебные юридические дисциплины в структуре юриспруденции // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 156–161.
18. Кодан С. В. Историография юридической науки в современных образовательных и исследовательских практиках // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 3. 2020. С. 12–18.

19. Кодан С. В. Юридическая историография: общее понимание, направления исследований, междисциплинарные взаимодействия // Российский юридический журнал. 2024. № 6. С. 14–24.

20. Кожевина М. А. Юридическая историография в системе познавательных средств отечественной юридической науки // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции, Омск, 24 марта 2023 года. Омск: Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского. С. 32–36.

21. Даниленко В. П. От тьмы — к свету. Введение в эволюционное науковедение. Санкт-Петербург: «Алетейя», 2015. 402 с.

22. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества. Москва: Юрайт. 2025. 283 с.

23. Маркова Л. А. Историография науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2009. С. 333–334.

References

1. Gorban V. S. Formation of a Modern Historiographic Model of Political and Legal Knowledge. *State and Law*, 2024, no. 7, pp. 64–78. (In Russ.).

2. Tarasenko V. A., Garmyshev V. V., Garmyshev Ya. V. Legal Science in the System of Scientific Knowledge. *Education and Law*, 2023, no. 5, pp. 98–102. (In Russ.).

3. Stepin V. S. Philosophy of Science. General Problems. Moscow: Gardariki, 2006. 384 p. (In Russ.).

4. Mirsky E. M. Scientific Discipline. New Philosophical Encyclopedia. Moscow: Mysl, 2010. Vol. 1. pp. 672–673. (In Russ.).

5. Ogurtsov A. P. Disciplinary Structure of Science: Its Genesis and Justification. Moscow: Nauka, 1988. 255 p. (In Russ.).

6. Stepin V. S. Theoretical Knowledge. Moscow: Progress-Tradition, 2003. 744 p. (In Russ.).

7. Nersesyants V. S. Jurisprudence. Moscow: Norma-Infra-M, 1999. 288 p. (In Russ.).

8. Frolova, E. A. Levels of Knowledge of Law: Methodological Issues. *Pravosudie*, 2023, vol. 5, no. 3, pp. 33–46. (In Russ.).

9. Vlasenko N. A. Theory of State and Law. Moscow: Norma, INFRA-M, 2023. 480 p. (In Russ.).

10. Zubkovskaya A. A. Classification of Sciences in the Context of Post-Non-Classical Rationality. *Society*:

Philosophy, History, Culture, 2023, no. 9, pp. 36–40. (In Russ.).

11. Lebedev S. A. Levels of Scientific Knowledge. *Voprosy Filosofii*, 2010, no. 1, pp. 62–75. (In Russ.).

12. Nazarov I. V. Status and Structure of the Methodology of Science. *Russian Journal for the Humanities*, 2015, vol. 4, no. 5, pp. 339–346. (In Russ.).

13. Nekhamkin V. A. Interdisciplinarity in modern humanitarian research: trends, results, and development prospects. *Society and Power*, 2019, no. 2, pp. 96–105. (In Russ.).

14. Shakhanov V. V. Metaphenomena in Legal Doctrine: Statement of the Problem. *Legal Policy and Legal Life*, 2018, no. 3, pp. 63–67. (In Russ.).

15. Frolova E. A. Classification of Legal Sciences: Polemics between Neo-Kantians and Supporters of the Psychological School of Law. *Law and State: Theory and Practice*, 2017, no. 2, pp. 51–54. (In Russ.).

16. Kerimov D. A. Methodology of Law. Subject, Functions, and Problems of the Philosophy of Law. Moscow: Modern Humanitarian Academy, 2003. 521 p. (In Russ.).

17. Kodan S. V. Service Legal Disciplines in the Structure of Jurisprudence. *Russian Law Journal*, 2020, no. 4, pp. 156–161. (In Russ.).

18. Kodan S. V. Historiography of Legal Science in Modern Educational and Research Practices. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 3, 2020, pp. 12–18. (In Russ.).

19. Kodan S. V. Legal Historiography: General Understanding, Research Directions, and Interdisciplinary Interactions. *Russian Law Journal*, 2024, no. 6, pp. 14–24. (In Russ.).

20. Kozhevina M. A. Legal Historiography in the System of Cognitive Tools of Domestic Legal Science. Law Enforcement in Public and Private Law: Proceedings of the International Scientific Conference, Omsk, March 24, 2023. Omsk: F. M. Dostoevsky Omsk State University. Pp. 32–36. (In Russ.).

21. Danilenko V. P. From Darkness to Light. Introduction to Evolutionary Science of Law. Saint Petersburg: Aletheia, 2015. 402 p. (In Russ.).

22. Kartashov V. N. Theory of the Legal System of Society. Moscow: Yurait. 2025. 283 p. (In Russ.).

23. Markova L. A. Historiography of Science. Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. Moscow: Canon+: ROOI “Rehabilitation”, 2009. Pp. 333–334. (In Russ.).

Информация об авторе

С. В. Кодан — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук.

Information about the author

S. V. Kodan — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Academy of Sciences leading researcher in the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Научная статья
УДК 323

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года в фокусе религиозных традиций народов Северного Кавказа

Сатушиева Любовь Хабасовна

Институт права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия, 9157235@mail.ru

Аннотация. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года выступает в качестве фундаментального документа, определяющего вектор развития межэтнических и межконфессиональных отношений в стране на долгосрочную перспективу. Ее реализация предполагает комплексный подход к укреплению общероссийской идентичности, сохранению и развитию культурного многообразия народов Российской Федерации, а также обеспечению гражданского мира и согласия. В контексте уникального социокультурного ландшафта Северного Кавказа, характеризующегося многообразием этнических групп и религиозных конфессий, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года приобретает особенное значение. Религиозные традиции народов Северного Кавказа, являясь неотъемлемой частью их культурного наследия, играют важную роль в формировании идентичности, социальных норм и ценностей, а также оказывают существенное влияние на общественно-политическую жизнь региона.

Настоящая статья посвящена углубленному анализу Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года сквозь призму религиозного фактора на Северном Кавказе.

Цель исследования состоит в выявлении степени учета религиозной специфики региона в положениях документа, оценке потенциальных рисков и возможностей, связанных с ее реализацией в условиях сложной этноконфессиональной динамики, а также разработке практических рекомендаций по оптимизации государственной политики в данной сфере.

В качестве методологической базы исследования используются методы сравнительного анализа, контент-анализа, а также социологические методы исследования: опросы, интервью. Привлекаются статистические данные, нормативные правовые акты, научные публикации и другие источники информации.

Ожидаемые результаты исследования: комплексная оценка степени учета религиозного фактора в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года.

Ключевые слова: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года, Северный Кавказ, народы, традиции, религия, культура, экстремизм, радикализм

Для цитирования: Сатушиева Л. Х. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года в фокусе религиозных традиций народов Северного Кавказа // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 21–26.

© Сатушиева Л. Х., 2025

Original article

The State National Policy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2036, focusing on the religious traditions of the peoples of the North Caucasus

Lyubov K. Satusheva

Institute of Law, Economics, and Finance, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation, 9157235@mail.ru

Abstract. The Strategy for the State National Policy of the Russian Federation through 2036 serves as a fundamental document defining the long-term development vector of interethnic and interfaith relations in the country. Its implementation presupposes a comprehensive approach to strengthening pan-Russian identity, preserving and developing the cultural diversity of the peoples of the Russian Federation, and ensuring civil peace and harmony. In the context of the unique socio-cultural landscape of the North Caucasus, characterized by a diversity of ethnic groups and religious denominations, the Strategy for the State National Policy of the Russian Federation through 2036 takes on particular significance. The religious traditions of the peoples of the North Caucasus, as an integral part of their cultural heritage, play a vital role in shaping their identity, social norms, and values, and also exert a significant influence on the socio-political life of the region.

This article provides an in-depth analysis of the Strategy for the State National Policy of the Russian Federation through 2036 through the prism of religious factors in the North Caucasus.

The purpose of the study is to identify the extent to which the document's provisions take into account the region's religious specificity, assess the potential risks and opportunities associated with its implementation amid complex ethno-confessional dynamics, and develop practical recommendations for optimizing public policy in this area.

The study's methodological framework utilizes comparative analysis, content analysis, and sociological research methods, including surveys and interviews. Statistical data, regulatory legal acts, scientific publications, and other sources of information are also included.

Expected results of the study: a comprehensive assessment of the extent to which religious factors are considered in the Strategy for the State National Policy of the Russian Federation through 2036.

Keywords: The State National Policy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2036, the North Caucasus, peoples, traditions, religion, culture, extremism and radicalism

For citation: Satusheva L. Kh. The State National Policy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2036, focusing on the religious traditions of the peoples of the North Caucasus. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 21–26. (In Russ.).

Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина от 25 ноября 2025 года был утвержден принципиально важный для развития страны документ: «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» (далее — Стратегия), определяющий направление внутренней политики государства в области межнациональных отношений, культурного многообразия и социальной интеграции населения [1]. В качестве приоритетов в национальной политике Стратегия определяет укрепление стабильности и сплоченности российского общества, повышение уровня доверия между народами, проживающими на территории страны, как благоприятных условий для экономического роста, социального прогресса и устойчивого развития Российской Федерации. Структурно этот документ состоит из шести разделов и 61 пункта против 37 в версии документа 2012 года, что

значительно расширяет и содержательно уточняет его положения.

Стратегия впервые официально объявляет Российскую Федерацию «государством-цивилизацией» с русским культурным ядром в своей основе. Документ делает акцент на четырех глобальных процессах: 1) интеграции новых субъектов Российской Федерации в государство-цивилизацию, 2) адаптацию мигрантов, 3) распространение русской культуры и русского языка в рамках БРИКС, ШОС и на территории СНГ, 4) защите исторической правды о Второй мировой войне и о роли СССР в ней, а также противодействию фальсификации истории, особенно если она направлена на разжигание конфронтации. Ключевая цель Стратегии — это достижение к 2036 году того, чтобы не менее 95 % граждан Российской Федерации ощущали свою принадлежность к единой российской нации. В настоящее время

общегражданская идентичность преобладает у 92 % россиян. К 2026 году Стратегия планирует, что доля граждан, позитивно оценивающих межнациональные отношения, достигнет отметки не ниже 85 %. Как минимум 90 % граждан должны будут констатировать отсутствие дискриминации, основанной на национальной или языковой принадлежности.

В новой редакции Стратегии поддержаны как традиционные подходы, так акцентировано внимание на новых вызовах, с которым сталкивается Российская Федерация: специальная военная операция, давление коллективного Запада, беспрецедентные санкции и сложная геополитическая ситуация. В связи с этим необходимы и новые методы работы, и механизмы взаимодействия, которые учтены в новой редакции. Стратегия также подразумевает проведение просветительских мероприятий для предупреждения в обществе сепаратистских проявлений, распространения религиозного и национального радикализма.

Обратим внимание, что реализация государственной национальной политики — это основа развития любого государства и общества.

В рамках обновленной стратегической парадигмы Российской Федерации называется самобытное государство-цивилизация, получившее юридически закрепленный статус. Подчеркивается, что многонациональный народ Российской Федерации объединен цивилизационным фундаментом: русской культурой, русским языком. Это становится системообразующим элементом, без которого невозможно сохранение исторической преемственности и территориальной целостности Российского государства.

Впервые в истории национальной политики русской культуре отведена особая роль. Не менее половины всех этнокультурных мероприятий в стране должны быть посвящены именно ей. Русский язык объявлен не просто государственным, а стратегическим ресурсом, который нужно продвигать как внутри страны, так и за ее пределами. Культурный код любви к Родине, уважения к старшим и заботы друг о друге становится обязательным элементом государственной идеологии [2].

Ключевые задачи обновленной общенациональной Стратегии определены следующим образом: усиление сплоченности многоэтнического населения Российской Федерации [русской нации] и формирование единой гражданской идентичности, при этом необходимо оберегать этнокультурное и лингвистическое разнообразие.

В основе концепции заложено несколько ключевых положений: 1) обеспечение равноправия и свободы для каждого человека, независимо от его расовой принадлежности, этничности, языка, социального статуса, вероисповедания, финансового благосостояния и прочих факторов; 2) создание одинаковых возможностей для прогресса и культурного обогащения всех народностей и этнических групп; 3) защита прав малочисленных коренных народов; 4) запрет на распространение идей, подстрекающих к вражде по расовому, национальному, религиозному или классовому признаку [3].

А. И. Куренной, заместитель Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе, считает значимыми вопросы, касающиеся национальной политики государства в Северо-Кавказском регионе, подчеркивает их неизменную актуальность: «Наши предшественники веками совместно работали ради процветания страны, внося вклад в духовное достояние единой державы своим многообразием языков и обычаев, создавая ее неповторимую многонациональную и многоконфессиональную культуру. На протяжении многих столетий Северный Кавказ служил пространством для мирного взаимодействия различных этносов, религиозных групп и цивилизаций» [4].

Северный Кавказ, регион сложной этнокультурной и религиозной мозаики, исторически является территорией повышенного внимания со стороны федерального центра. Успешное развитие региона, его интеграция в общероссийское пространство, укрепление межнационального мира и согласия — задачи, требующие выверенной и эффективной государственной политики. Стратегия, несомненно, выступает ключевым документом, определяющим вектор движения в этой сфере, но для достижения поставленных целей необходим отработанный и согласованный комплекс мер, учитывающих специфику региона и обеспечивающих реализацию стратегических приоритетов.

Формирование чувства принадлежности к единой российской нации, уважения к общему культурному и историческому наследию — фундамент стабильности и процветания Северного Кавказа. По нашему мнению, эта задача может решаться по следующим направлениям.

Развитие образования и науки выступает одним из главных направлений в реализации Стратегии. Северный Кавказ обладает огромным интеллектуальным и культурным потенциалом, поэтому необходим акцент на качественном

образовании, знании истории России и своего края, популяризации достижений российской науки и культуры. И в этом направлении уже немало сделано. Обратимся к некоторым примерам.

В ходе Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ–2025) 18 июня 2025 года Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ) и Общество «Знание» заключили соглашение о партнерстве. Целью данного соглашения является совместная работа по улучшению научно-образовательного и культурного потенциала населения Северного Кавказа. Основные направления сотрудничества включают в себя расширение просветительской деятельности в различных областях знаний, распространение информации об истории России и ее успехах, а также формирование непредвзятого взгляда на исторические факты [5].

В 2025 году дан старт просветительскому проекту «Ломоносовский обоз. Сила в смысле», в рамках которого специалисты из более 30 регионов Российской Федерации проводят лекции и образовательные мероприятия в небольших и удаленных населенных пунктах Северного Кавказа, ориентированные на учащихся старших классов и студентов колледжей. Особый акцент делается на воспитании патриотизма среди молодежи. Преподаватели ведут беседы с молодыми людьми о важности укрепления гражданской ответственности и защиты духовно-нравственных ценностей, традиционных для России. Участники проекта «Ломоносовский обоз. Сила в смысле» акцентируют внимание на важности сохранения исторических воспоминаний и семейных обычаев. Кроме того, в рамках Года защитника Отечества лекторы рассказывают о героях, чей вклад в Великую Победу был особенно значителен [6].

Необходима дальнейшая поддержка русского языка, как языка межнационального общения и государственного языка Российской Федерации в сочетании с поддержкой государственных языков, установленных в отдельных республиках Северного Кавказа. Их доступность и качественное изучение необходимо обеспечить во всех образовательных организациях региона.

Развитие культурного обмена и сотрудничества должно способствовать взаимообогащению культур народов Северного Кавказа и других регионов России. Здесь важна организация фестивалей, выставок, гастролей творческих коллективов. Поддержка таких проектов будет направлена на сохранение и популяризацию культурного наследия в регионе и за его пределами.

Обеспечения межнационального (межэтнического) и межрелигиозного согласия, противодействие экстремизму и возникновению конфликтов на национальной (этнической) и (или) религиозной почве выступают как ключевые условия развития Северного Кавказа. Обращаем внимание, что одной из главных угроз стабильности в регионе являются религиозные экстремизм и радикализм. Экстремистские группировки, используя религиозную риторику, пытаются вербовать молодежь, дестабилизировать обстановку в регионе и подрывать основы межнационального согласия. Противодействие религиозному экстремизму требует комплексного подхода, включающего идеологическую борьбу, профилактику, правоохранительные меры и социально-экономическое развитие региона. Важным направлением является поддержка умеренных религиозных лидеров, которые выступают против экстремизма и радикализма и призывают к мирному сосуществованию различных религиозных и этнических групп.

Подчеркнем, что достичь мир и согласие между народами можно только путем диалога и конструктивного взаимодействия. Необходимо создавать и поддерживать площадки для диалогического общения между представителями различных национальностей, религиозных конфессий, общественных организаций. В рамках новой Стратегии важно налаживать системный мониторинг межнациональной ситуации и оперативно реагировать на возникающие конфликты. Так, 20 ноября 2025 года исполняющий обязанности министра по национальной политике и делам религий Республики Дагестан Герой России Темирлан Абуталимов в рамках дискуссионной площадки «Религия и мир» (проект «Религия и мир» реализуется Министерством по национальной политике и делам религий Республики Дагестан с 2020 года. Он стал важным инструментом диалога между государством, научно-экспертным сообществом, общественными и религиозными институтами. Основная цель — укрепление духовно-нравственных ценностей, лежащих в основе стабильности и единства российского общества. Проект служит объединяющим фактором в деле профилактики экстремизма и радикализма, защиты традиционных российских духовных ценностей, единства народов Дагестана) в своем выступлении подчеркнул, что все мировые религии основаны на фундаментальных гуманистических ценностях, которые имеют непреходящее общечеловеческое значение. Они категорически отвергают насилие и пропагандируют любовь,

взаимопонимание и терпимость. По его мнению, духовные лидеры ежедневно призывают верующих к милосердию, справедливости, толерантности, воспитанию подрастающего поколения на высоких идеалах добра и уважения друг к другу, поэтому консолидация усилий религиозных объединений, их взаимодействие с государственными и общественными структурами — важные и непеременные условия обеспечения мира и согласия не только в Республике Дагестан и в стране в целом, но и во всем мире [7].

Стратегия государственной национальной политики на Северном Кавказе должна учитывать сложный и многогранный характер религиозных традиций региона. Только при условии глубокого понимания роли и влияния религиозного фактора, эффективного взаимодействия с религиозными организациями и последовательного противодействия религиозному экстремизму можно обеспечить стабильность, безопасность и устойчивое развитие Северного Кавказа.

По нашему убеждению, новая редакция Стратегии государственной национальной политики в Северокавказском регионе должна принимать во внимание конфессиональный аспект и базироваться на ряде ключевых принципов. Таковыми выступают:

1) гарантии религиозной свободы и признание культурного разнообразия: государство должно обеспечивать право каждого на свободу вероисповедания и совести, с уважением относиться к религиозным убеждениям граждан, проживающих в регионе, и активно поддерживать сохранение и развитие религиозных обычаев и традиций;

2) взаимодействие с религиозными объединениями: государство должно налаживать конструктивное взаимодействие с религиозными организациями для совместного решения актуальных социальных задач, повышения уровня образования и культуры, укрепления нравственных ориентиров и предупреждения экстремистских проявлений в регионе;

3) противодействие религиозному экстремизму и радикальным идеологиям: государство должно принимать комплексные меры для эффективного противодействия религиозному экстремизму и радикализму, включая активную идеологическую работу, профилактические мероприятия, правоохранительные действия и социально-экономическое развитие региона;

4) поддержка межрелигиозного и межнационального диалога: государство должно активно поддерживать развитие межрелигиозного и межнационального диалога, организовывать

и проводить мероприятия, направленные на укрепление взаимопонимания и доверия между различными этническими и религиозными общностями.

В заключение подчеркнем, что Стратегия является ключевым документом, определяющим направление развития на предстоящее десятилетие, формирующим основу стабильности государства в долгосрочной перспективе, что крайне важно в условиях становления многополярного мира, а также в условиях современной нестабильности и беспрецедентного санкционного и информационного давления на Российскую Федерацию. Руководство страны констатирует, что обеспечение безопасности государства заключается не только в деятельности вооруженных сил и правоохранительных органов, но и в укреплении единства общества, в том числе на основе гармоничных межнациональных и межрелигиозных отношениях.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2036 года, рассматриваемая сквозь призму религиозных традиций народов Северного Кавказа, представляет собой сложную и многоаспектную систему мер. Ее цель — обеспечение гармоничного существования различных этносов и конфессий в регионе, где религиозные ценности играют ключевую роль в процессе формирования идентичности и мировоззрения. Успешная реализация Стратегии требует продуманного и взвешенного подхода, учитывающего исторические, культурные и религиозные особенности каждого народа. Необходимо не только следовать букве закона, но и глубоко понимать духовные и нравственные принципы, лежащие в основе религиозных традиций. Именно такой подход позволит создать благоприятные условия для укрепления межнационального и межконфессионального согласия, тем самым способствуя устойчивому и стабильному развитию Северного Кавказа.

Список источников

1. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 года № 858 // Российская газета. 2025. 27 ноября.

2. Баева Д. Эксперт: Что означает Стратегия национальной политики до 2036 года для русского народа // @вфокусе: сайт. URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/ekspert-novaya-strategiya-nacpolitiki-znamenuet-perehod-k-suverenitetu-rossii-68867435/> (дата обращения: 28.11.2025).

3. Путин утвердил национальную стратегию — как должна выглядеть Россия к 2036 году // Дзен: плат-

форма для просмотра и создания контента: сайт. URL: https://dzen.ru/a/aShfpqJ7xm4vhMBO#diaspor_dvymya_rykami_za (дата обращения: 28.11.2025).

4. Семинар-совещание по реализации в СКФО Стратегии национальной политики Российской Федерации до 2025 года прошел во Владикавказе // РИА Дагестан: сайт. URL: https://riadagestan.ru/news/society/seminar_soveshchanie_po_realizatsii_v_skfo_strategii_natsionalnoy_politiki_rf_do_2025_goda_proshel_vo_vladikavkaze/ (дата обращения: 28.11.2025).

5. На ПМЭФ подписано соглашение о развитие просветительского проекта «Знание» на Северном Кавказе // МК.RU. Ставрополь (Кавказ): сайт. URL: <https://kavkaz.mk.ru/social/2025/06/18/na-pmef-podpisano-soglasenie-o-razvitie-prosvetitelskogo-proekta-znanie-na-severnom-kavkaze.html> (дата обращения: 28.11.2025).

6. Школьникам и студентам колледжей Северного Кавказа расскажут о роли традиционных ценностей в укреплении межнационального единства // Министерство образования и науки Карачаево-Черкесской Республики: офиц. сайт. URL: <https://www.minobrkchr.ru/news/detail.php?php?ID=15359> (дата обращения: 28.11.2025).

7. «Религия и мир». В Махачкале ведущие спикеры обсудили профилактику терроризма в молодежной среде // Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан: офиц. сайт. URL: <https://minnacrd.ru/news/religiia-i-mir-v-maxackale-vedushhie-spikery-obsudili-profilaktiku-terrorizma-v-molodeznoi-srede> (дата обращения: 28.11.2025).

Reverences

1. On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2036: decree of the President of the Russian Federation of November 25, 2025, no. 858. *Rossiyskaya Gazeta*, 2025, November 27. (In Russ.).

2. D. Baeva. Expert: What does the Strategy of National Policy up to 2036 mean for the Russian people / @vfokuse: website. URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/ekspert-novaya-strategiya-nacpolitiki-znamenuet-perehod-k-suverenitetu-rossii-68867435/> (accessed 28.11.2025). (In Russ.).

3. Putin approved the national strategy - what Russia should look like by 2036 / Zen: platform for viewing and creating content: website. URL: https://dzen.ru/a/aShfpqJ7xm4vhMBO#diaspor_dvymya_rykami_za (accessed 28.11.2025). (In Russ.).

4. A seminar-meeting on the implementation of the Strategy of the National Policy of the Russian Federation until 2025 in the North Caucasus Federal District was held in Vladikavkaz / RIA Dagestan: website. URL: https://riadagestan.ru/news/society/seminar_soveshchanie_po_realizatsii_v_skfo_strategii_natsionalnoy_politiki_rf_do_2025_goda_proshel_vo_vladikavkaze/ (accessed 28.11.2025). (In Russ.).

5. An agreement on the development of the educational project "Knowledge" in the North Caucasus was signed at the SPIEF / MK.RU. Stavropol (Caucasus): website. URL: <https://kavkaz.mk.ru/social/2025/06/18/na-pmef-podpisano-soglasenie-o-razvitie-prosvetitelskogo-proekta-znanie-na-severnom-kavkaze.html> (accessed 28.11.2025). (In Russ.).

6. Schoolchildren and college students of the North Caucasus will be told about the role of traditional values in strengthening interethnic unity / Ministry of Education and Science of the Karachay-Cherkess Republic: official website. URL: <https://www.minobrkchr.ru/news/detail.php?php?ID=15359> (accessed 28.11.2025). (In Russ.).

7. "Religion and the World". In Makhachkala, leading speakers discussed terrorism prevention among young people / Ministry of National Policy and Religious Affairs of the Republic of Dagestan: official website. URL: <https://minnacrd.ru/news/religiia-i-mir-v-maxackale-vedushhie-spikery-obsudili-profilaktiku-terrorizma-v-molodeznoi-srede> (accessed 28.11.2025). (In Russ.).

Информация об авторе

Л. Х. Сатушьева — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова.

Information about the author

L. Kh. Satusheva — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Institute of Law, Economics and Finance of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov.

Научная статья
УДК 340

Необходимость совершенствования юридической ответственности за посягательства на традиционные духовно-нравственные ценности в современной России

Малько Александр Васильевич¹, Мусаткина Александра Анатольевна², Унгуриян Юлия Львовна³

¹Поволжский институт ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Саратов, Россия, alex25-58@mail.ru;

²ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», Тольятти, Россия, alamus13@yandex.ru;

³Бузулукский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Бузулук, Россия, y.l.shumskih@mail.ru.

Аннотация. В статье исследуется актуальная проблема совершенствования юридической ответственности за посягательства на традиционные духовно-нравственные ценности в современной России. Анализируется современное состояние законодательства в данной сфере, выявляется его фрагментарный характер и отсутствие системного подхода со стороны законодателя. Выявляются недостатки нормативно-правового регулирования, которые приводят к проблемам в правоприменительной практике. На основе проведенного анализа доказываем, что ужесточение юридической ответственности является важной, но недостаточной мерой. Эффективная защита традиционных ценностей требует сбалансированного сочетания репрессивных, превентивных и воспитательных механизмов.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, национальная безопасность, юридическая ответственность, ужесточение юридической ответственности

Для цитирования: Малько А. В., Мусаткина А. А., Унгуриян Ю. Л. Необходимость совершенствования юридической ответственности за посягательства на традиционные духовно-нравственные ценности в современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 27–34.

Original article

The need to improve legal responsibility for infractions on traditional spiritual and moral values in modern Russia

Alexander V. Malko¹, Alexandra A. Musatkina², Yulia L. Unguryan³

¹Volga Region Institute, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saratov, Russian Federation, alex25-58@mail.ru;

²Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation, alamus13@yandex.ru;

³Buzuluk Humanitarian and Technological Institute (branch) of OSU, Buzuluk, Russian Federation, y.l.shumskih@mail.ru.

© Малько А. В., Мусаткина А. А., Унгуриян Ю. Л., 2025

Abstract. This article examines the pressing issue of improving legal liability for attacks on traditional spiritual and moral values in modern Russia. It analyzes the current state of legislation in this area, highlighting its fragmented nature and the lack of a systematic approach on the part of legislators. The study identifies shortcomings in legal regulation that lead to problems in law enforcement. The analysis demonstrates that tightening legal liability is an important, but insufficient, measure. Effective protection of traditional values requires a balanced combination of repressive, preventive and educational mechanisms.

Keywords: traditional spiritual and moral values, national security, legal responsibility, tightening of legal responsibility

For citation: Malko A. V., Musatkina A. A., Unguryan Yu. L. The need to improve legal responsibility for infractions on traditional spiritual and moral values in modern Russia. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 27–34. (In Russ.).

В условиях геополитической нестабильности и распространения деструктивной идеологии повышенное внимание уделяется защите традиционных духовно-нравственных ценностей, которые играют фундаментальную роль в обеспечении национальной безопасности, государственного суверенитета и культурной идентичности России, что находит прямое отражение в законодательстве. Возрождение, сохранение и укрепление традиционных ценностей является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Современные внешнеполитические вызовы обнажили системную уязвимость общества перед лицом внешних угроз практически во всех сферах, в том числе культурной, социальной и духовно-нравственной [1, с. 36].

К факторам, создающим угрозу для национальной безопасности в современных условиях, можно отнести: проникновение и распространение на территории России западных либеральных ценностей, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества; деятельность экстремистских и террористических организаций, направленная на разжигание межнациональной и межрелигиозной розни, подрыв основ государственности; пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений, в том числе и среди несовершеннолетних, жестокое обращение с детьми, разрушение традиционных семейных ценностей. Разрушение ценностной сферы общества, нравственного и культурного кода, по мнению исследователей [2, с. 30–31; 3, с. 36], способно привести к подрыву общественной солидарности и потере национальной идентичности. В связи с этим актуализируется вопрос о поиске адекватных и эффективных правовых механизмов противодействия, среди которых ключевое место занимает институт юридической ответственности.

Правовая основа защиты духовно-нравственных ценностей формируется на основе Конституции Российской Федерации, закрепляющей основные принципы и гарантии прав и свобод человека, положения, касающиеся

культуры и духовного наследия. Конкретизация этих положений осуществляется в Семейном кодексе Российской Федерации, устанавливающем приоритет традиционных семейных ценностей и защиты прав несовершеннолетних; Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [4], предусматривающей комплекс мер, направленных на поддержку семей с детьми, укрепления института брака и формирование позитивного образа семьи в обществе; Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5], в которой защита традиционных духовно-нравственных ценностей рассматривается как один из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности страны в условиях современных угроз; и, наиболее системно, в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее — Основы государственной политики), предусматривающих комплекс мер правового, экономического, организационного и информационного характера, направленных на защиту этих ценностей [6]. Перечисленные нормативные акты определяют приоритетные направления государственной политики в сфере защиты и продвижения духовно-нравственных ценностей, создают предпосылки для принятия конкретных законодательных и иных нормативных актов, направленных на реализацию стоящих перед государством задач.

В Основах государственной политики определяется понятие традиционных ценностей как «нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедших свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России», к которым относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность

за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Таким образом, традиционные духовно-нравственные ценности из морально-этических категорий трансформируются в объект правовой охраны, которая обеспечивается государством.

Система юридической ответственности является одним из инструментов защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. В российском законодательстве предусмотрены различные виды юридической ответственности за правонарушения, посягающие на традиционные ценности. Гражданско-правовая ответственность устанавливается за причинение морального вреда, связанного с оскорблением чести и достоинства личности, распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство гражданина или деловую репутацию юридического лица. Административная ответственность предусмотрена за распространение информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения среди несовершеннолетних, публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу, нарушение порядка организации и проведения публичных мероприятий. Уголовная ответственность установлена за совершение таких преступлений, как экстремизм, разжигание межнациональной и межрелигиозной розни, оскорбление религиозных чувств верующих, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Особую актуальность приобретает вопрос об обоснованном и эффективном усилении юридической ответственности за посягательства на традиционные духовно-нравственные ценности. Однако, фрагментарный характер действующего законодательства в этой сфере и его несоответствие современным вызовам снижают эффективность правовой защиты, что обуславливает необходимость дальнейшего анализа и поиска оптимальных решений. При этом важно обеспечить соразмерность между необходимостью защиты духовно-нравственных ценностей и недопущением избыточной криминализации общественных отношений.

Законодательная деятельность последних лет характеризуется усилением административной и уголовной ответственности за правонарушения, посягающие на традиционные ценности, а также введением новых составов преступлений. Данные изменения, по мнению

исследователей, во многом соответствуют потребностям времени [7, с. 130].

Примером активной законоотворческой деятельности в рассматриваемой сфере является принятие в 2024 году закона о запрете пропаганды отказа от деторождения, предусматривающего административную ответственность в виде серьезных штрафов [8]. Предпосылкой для принятия этого закона послужили результаты исследований, которые выявили широкое распространение идеи «чайлдфри» в интернет-сообществах. В частности, было установлено существование не менее 400 групп с общей аудиторией около 1,5 миллионов человек, среди которых третью часть составляют несовершеннолетние. Опрос ВЦИОМ, проведенный в 2024 году, показал, что среди респондентов старше 23 лет каждый десятый ориентирован на семью с одним ребенком, а каждый пятый — на бездетную семью, что в совокупности составляет примерно 22 % опрошенных [9]. Как отмечает председатель Государственной Думы Российской Федерации В. Володин, принятие данного закона направлено на реализацию государственной политики по защите детей, семьи и традиционных ценностей [9] и призвано пресечь распространение любой деструктивной информации, которая может как-либо повлиять на решение граждан о рождении детей. Запрет, прежде всего, касается распространения подобного контента в сети «Интернет», средствах массовой информации, кинофильмах, рекламе как основных каналах воздействия на сознание граждан и формирования негативного отношения к традиционной семье и деторождению.

После теракта в «Крокус Сити Холле» в России был принят ряд мер по ужесточению миграционного законодательства, включая увеличение срока проживания в браке с гражданином России для получения разрешения на временное проживание и вида на жительство [10]. Данные изменения направлены на повышение безопасности и предотвращение проникновения в страну лиц, использующих фиктивные браки для получения миграционного статуса.

Ужесточение ответственности за пропаганду наркотиков, реализованное в виде поправок в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) [11], было тщательно проработано с учетом необходимости соблюдения баланса между усилением борьбы с распространением наркотиков и защитой свободы творчества. Как отметил В. Куликов, закон не направлен на запрет художественных произведений, оправданно использующих

темую наркотиков, но призван пресечь их навязчивое восхваление и рекламу [12].

Рассмотренные примеры демонстрируют стремление государства оперативно реагировать на возникающие угрозы традиционным ценностям и национальной безопасности. Вместе с тем зачастую подобные меры, являясь реакцией на конкретные события, не объединены общей концепцией и не являются частью целостной системы, что может привести к снижению эффективности правовой защиты.

Основы государственной политики как документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности определяют цели, задачи и инструменты реализации государственного приоритета по защите традиционных духовно-нравственных ценностей, в соответствии с которыми, очевидно, должна выстраиваться деятельность государства по усилению юридической ответственности за соответствующие правонарушения. Однако анализ целей и задач, обозначенных в подпунктах 23 и 24 Основ государственной политики, выявляет дублирование и отсутствие четкой взаимосвязи между ними. Так, в соответствии с пунктом 23 Основ государственной политики одной из целей по сохранению и укреплению традиционных ценностей является противодействие распространению деструктивной идеологии, в рамках достижения которой должна реализовываться юридическая ответственность за совершение правонарушений, направленных на разрушение традиционных ценностей. В соответствии с обозначенными целями в пункте 24 Основ государственной политики определены задачи, одна из которых в подпункте «г» — противодействие распространению деструктивной идеологии, полностью совпадает с указанной выше целью. Цель — это желаемый конечный результат или состояние, а задачи — это конкретные шаги и действия, необходимые для достижения цели, определенные этапы на пути к цели, помогающие ее раскрыть. Таким образом, они не могут совпадать и дублировать друг друга.

Подобное совпадение цели и задачи свидетельствует о методологической непроработанности документа. Отсутствие продуманных целей и четко сформулированных задач, направленных на их достижение, не позволяет выстроить последовательную политику, в том числе и в сфере ужесточения юридической ответственности, поэтому вносимые изменения и дополнения в законодательство об уголовной и административной ответственности носят фрагментарный, точечный, несистемный характер, обусловленные в большей степени отдельными деструктивными событиями и

явлениями или спонтанно возникшими законодательскими идеями. В подобных условиях сложно вести эффективную деятельность по совершенствованию юридической ответственности за посягательства на традиционные духовно-нравственные ценности.

Отсутствие единых законодательных определений таких понятий, как «деструктивная идеология», «традиционная семья», «пропаганда», «дискредитация», «осквернение», «неприличная форма» является серьезной проблемой. Несмотря на то, что Основы государственной политики содержат перечень традиционных духовно-нравственных ценностей, юридическая интерпретация данных категорий остается неопределенной. В частности, понятие «семьи» не закреплено в законодательстве. Как справедливо отмечает Е. Н. Тогузаева, «учитывая различные формы семьи, в которые она может трансформироваться, важно говорить о неких незыблемых универсальных традиционных ценностях» [13, с. 113]. Не имеет законодательного определения понятие «традиционные семейные ценности». В судебной практике наблюдается различный подход к их трактовке и пониманию. Например, в деле о взыскании компенсации морального вреда понятие семейных ценностей связывается с семейными неудобствами, нарушением привычного образа жизни и социальной определенности [14]. В другом деле о признании информации, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, отрицание семейных ценностей связывается с пропагандой проституции, нетрадиционных сексуальных отношений [15]. Понятие семейных ценностей может связываться и с семейной жизнью, и семейными связями как неимущественным благом, относящимся к категории неотчуждаемых и непередаваемых, принадлежащих каждому человеку от рождения или в силу закона [16]. В одном из приговоров суда о совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 157 УК РФ, речь идет уже о «социальных семейных ценностях» [17].

Неточные формулировки и оценочный характер понятий приводят к различному их толкованию судами, что способствует снижению доверия к правосудию, нарушению принципов законности, справедливости и равенства всех перед законом. Следовательно, процесс ужесточения ответственности должен сопровождаться конкретизацией и детализацией составов правонарушений, четкие разъяснения должны даваться в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что будет способствовать единообразному

применению норм права, устраняя возможность их субъективного толкования.

В связи с возросшим значением защиты традиционных духовно-нравственных ценностей для обеспечения национальной безопасности российского государства необходимо привести статью 2 УК РФ в соответствие с современными реалиями. Предлагается дополнить данную статью указанием на защиту традиционных духовно-нравственных ценностей как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Это позволит создать правовую основу для дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в данной сфере и более эффективного противодействия угрозам национальной безопасности, связанным с разрушением традиционных ценностей.

В современных условиях проблема защиты традиционных ценностей осложнена высокотехнологичными угрозами, а также нетрадиционными методами воздействия в киберпространстве, социально-экономических и политических структурах. Искусственный интеллект, дипфейк-технологии, таргетированная реклама позволяют злоумышленникам на качественно новом уровне манипулировать общественным сознанием и особенно молодежи, а анонимность и трансграничность такого воздействия делают преступников практически недоступными для правоохранительных органов.

В связи с этим ужесточение юридической ответственности за посягательства на духовно-нравственные ценности должны сопровождаться и эффективными превентивными барьерами в цифровой сфере. Основными направлениями здесь могут быть криминализация использования искусственного интеллекта во вред духовно-нравственным ценностям, эффективная система государственного контроля над цифровыми платформами, взаимодействие с дружественными странами, международными организациями. Необходимо также учитывать, что цифровые технологии — это быстроменяющаяся реальность, поэтому российское законодательство должно развиваться с большим опережением.

Дискуссионным остается вопрос, создает ли ужесточение уголовной и административной ответственности реальные условия укрепления традиционных ценностей в обществе или, наоборот, только усугубляет проблему, создает социальную напряженность.

Например, сложной проблемой, находящейся на стыке права, этики и демографии, для современного российского общества остается вопрос об искусственном прерывании беременности. По данным статистики Минздрава России, количество прерываний беременности

в 2024 году составило 335 тысяч случаев, что почти на 25 тысяч меньше, чем в 2023 году. При этом снижение наблюдается с 2022 года, когда количество абортс составило 394 тысячи [18]. Вместе с тем статистические данные о количестве абортс, исчисляемых сотнями тысяч в год, в совокупности с пропагандой отказа от деторождения создают серьезную демографическую угрозу, подрывают основы воспроизводства населения, что актуализирует поиск эффективных мер в рамках защиты традиционных ценностей. В связи с этим решение проблемы абортс приобретает особую актуальность в системе защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. Органы государственной власти отдельных субъектов Российской Федерации предпринимают активные меры для снижения количества абортс в регионе. Так, в Приморском крае принят закон, запрещающий склонять женщин к искусственному прерыванию беременности. Данный закон в целом направлен на создание для семьи, отцовства, материнства и детства безопасной социальной среды, препятствий в виде навязывания чуждой и разрушительной для России системы ценностей [19].

С декабря 2023 года в Вологодской области на законодательном уровне был также установлен запрет на склонение к абортс. Губернатор области неоднократно выступал за полный запрет на абортс в регионе, предлагая компенсации медицинским учреждениям за добровольный отказ от лицензий на проведение абортс по желанию женщины. По данным региональных властей, это привело к резкому снижению числа абортс [20], однако данная мера повлекла массовые жалобы женщин в прокуратуру о нарушении их прав [21], что демонстрирует правовые и социальные риски подобного подхода.

В России не всегда возможно решение проблемы путем установления запретс, ужесточения уголовной или административной ответственности, криминализации деяний. Согласно социальным опросам, часть россиян считает абортс убийством, а часть нет. При этом большинство не возражает против права женщин самой решать этот вопрос. Опыт регионов свидетельствует, что прямое запретительное регулирование в столь чувствительной сфере не всегда является эффективным и может спровоцировать социальные конфликты. Необходима комплексная системная работа по формированию стойкой нетерпимости общества к абортс, сочетание меры поддержки семьи, просвещения и формирования общественного компромисса.

Конфликты на основе духовно-нравственных ценностей могут быть разрешены через

механизмы защиты чести, достоинства и деловой репутации и компенсации морального вреда, предусмотренные гражданским законодательством в рамках гражданско-правовой ответственности, что является более мягким, соразмерным и в отдельных случаях более эффективным инструментом, чем уголовное преследование.

Защита традиционных духовно-нравственных ценностей неразрывно связана с процессами воспитания и просвещения. Уголовный закон играет и мощную воспитательную роль. Запреты, установленные в нем, — это четкие красные линии, которые сигнализируют обществу о недопустимости определенного поведения. Цель ужесточения юридической ответственности — не наказать максимальное количество людей, а создать эффективный сдерживающий фактор, предотвращающий сами попытки посягательства на духовно-нравственные ценности.

Укрепление традиционных ценностей не может сводиться только к запретительным и карательным мерам. Большое значение имеет поддержка семьи, патриотическое и духовное воспитание, развитие культуры. И нужно отдать должное, в данном направлении в последние годы государство ведет активную, результативную деятельность.

Защита традиционных духовно-нравственных ценностей, в которой отражается стремление государства обеспечить культурный суверенитет и национальную идентичность, выступает значимым фактором, обуславливающим развитие юридической ответственности в современной России. Проведенный анализ позволяет утверждать, что простое ужесточение юридической ответственности является, безусловно, необходимым средством защиты духовно-нравственных ценностей, но недостаточным. Оно должно быть частью целостной государственной стратегии, к элементам которой можно отнести: систематизацию понятийного аппарата и законодательное закрепление четких дефиниций ключевых понятий; развитие гражданско-правовых механизмов и воспитательных инструментов наряду с уголовным и административным преследованием; адаптация к цифровым вызовам и криминализация использования новейших технологий. Именно комплексный подход позволит снизить деструктивное воздействие на традиционные духовно-нравственные ценности и обеспечить сохранение культурного и нравственного суверенитета России. Предпринимаемые меры должны отвечать принципам законности, соразмерности, целесообразности, иначе стремление защитить ценности может обернуться разрушением правовых основ общества.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов, свидетельствующих о необходимости системного подхода совершенствования юридической ответственности за посягательства на традиционные духовно-нравственные ценности.

Установлено, что современное законодательство данной сферы носит реактивный и фрагментарный характер. Нормативные новеллы часто являются точечным ответом на отдельные вызовы, что не позволяет создать единое правовое поле для надежной защиты ценностей как фундамента национальной безопасности. Предлагается дополнить статью 2 УК РФ указанием на традиционные духовно-нравственные ценности как самостоятельный объект уголовно-правовой защиты.

Выделен ключевой дефект правового регулирования — отсутствие легальных определений центральных понятий. Их оценочный характер приводит к субъективизму и противоречивости в судебной практике, подрывая принципы законности и правовой определенности. В этой связи предлагается дать четкие юридические определения основным ценностным категориям.

Обоснована недостаточность исключительно запретительно-карательных мер. Опыт регионов, введших жесткие ограничения, демонстрирует риск возникновения социальной напряженности и нарушения граждан. Эффективная защита ценностей требует сбалансированного сочетания репрессивных, превентивных и воспитательных механизмов.

Список источников

1. Бытко С. Ю. Традиционные российские ценности — понятие и значение для правотворческой деятельности // Правовая культура. 2024. № 4 (59). С. 35–40.
2. Жуковская Л. Н., Костылев С. В., Морозова О. Ф. Культурный код как смысловое содержание социально-культурной деятельности: взаимосвязь и взаимовлияние // Культурный код. 2023. № 4. С. 25–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-kak-smyslovoe-soderzhanie-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti-vzaimosvyaz-i-vzaimovliyanie> (дата обращения: 15.09.2025).
3. Бабосов Е. М. Культурный код нации: бережное воспроизводство прошлого и устремленность в будущее // Экономика. Социология. Право. 2023. № 1 (29). С. 35–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-natsii-berezhnoe-vosproizvodstvo-proshlogo-i-ustremlennost-v-budushee> (дата обращения: 15.09.2025).
4. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение

Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 года № 1618-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/1ae3172271088ff17d13f732abf826846524ab91/ (дата обращения: 15.09.2025).

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 15.09.2025).

6. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/77839.html> (дата обращения: 15.09.2025).

7. Копшева К. О., Пономаренко Е. В. Уголовно-правовая охрана духовно-нравственных ценностей: некоторые вопросы законодательного обеспечения // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 129–136.

8. О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 23 ноября 2024 года № 411-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491343/ (дата обращения: 10.08.2025).

9. Замахина Т. Госдума одобрила законы о защите семейных ценностей // Российская газета. 2024. URL: <https://rg.ru/2024/11/12/s-popravkoj-na-detstvo.html> (дата обращения: 10.08.2025).

10. О внесении изменений в статью 25.6 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: федеральный закон от 26 октября 2024 года № 358-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489053/ (дата обращения: 10.08.2025).

11. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»: федеральный закон от 31 июля 2025 года № 281-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511068/ (дата обращения: 15.09.2025).

12. Куликов В. Поправки в КоАП и Уголовный кодекс усилили наказание за пропаганду наркотиков // Российская газета. 2024. URL: <https://rg.ru/2024/08/14/zastaviat-protrezvet.html> (дата обращения: 10.08.2025).

13. Тогузаева Е. Н. Нормативное развитие института пропаганды традиционных семейных ценностей // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. 2022. № 3. С. 310–315. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativnoe-razvitie-instituta-propagandy-traditsionnyh-semeynyh-tsennostey> (дата обращения: 10.08.2025).

14. Решение Тальменского районного суда Алтайского края № 2-321/2025 2-321/2025~М-45/2025 М-45/2025 от 19 марта 2025 года по делу № 2-321/2025.

15. Решение Якутского городского суда Республики Саха № 2А-3587/2025 2А-3587/2025~М-2592/2025 М-2592/2025 от 18 марта 2025 года по делу № 2А-3587/2025.

16. Решение Зеленодольского городского суда Республики Татарстан № 2-396/2025 2-396/2025(2-4663/2024;)~М-3864/2024 2-4663/2024 М-3864/2024 от 10 февраля 2025 года по делу № 2-396/2025.

17. Приговор Ставропольского районного суда Самарской области № 1-114/2024 от 3 октября 2024 года по делу № 1-114/2024.

18. В России сократилось число аборт // РИА Новости. 28 мая 2025. <https://ria.ru/20250528/rossija-2019460405.html> (дата обращения: 10.08.2025).

19. Филимоненко А. В. Приморье приняли закон о запрете склонять женщин к абарту // Российская газета. 2024. URL: <https://rg.ru/2024/09/25/reg-dfo/shtrafza-ugovory.html> (дата обращения: 10.08.2025).

20. Губернатор сообщил, что в Вологодской области в июле не делали аборт // РБК. 2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6894a6ad9a794708d542b698> (дата обращения: 10.08.2025).

21. Исаева Н. Генпрокуратура вступилась за права вологодских женщин // Ведомости. 2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/strana/northwestern/articles/2025/04/15/1104377-vstupilas-prava-vologodskih> (дата обращения: 10.08.2025).

References

1. Bytko S. Yu. Traditional Russian values: concept and significance for law-making activity. *Legal Culture*, 2024, no. 4 (59), pp. 35–40. (In Russ.).
2. Zhukovskaya L. N., Kostylev S. V., Morozova O. F. Cultural Code as the semantic content of socio-cultural Activity: Interrelationship and mutual Influence. *Cultural Code*, 2023, no. 4, pp. 25–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-kak-smyslovoe-soderzhanie-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti-vzaimosvyaz-i-vzaimovliyanie> (accessed 15.09.2025). (In Russ.).
3. Babosov E. M. The Cultural code of the nation: careful reproduction of the past and aspirations for the Future. *Economics. Sociology. Law*, 2023, no. 1 (29), pp. 35–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-natsii-berezhnoe-vosproizvodstvo-proshlogo-i-ustremennost-v-budushee> (accessed 15.09.2025). (In Russ.).
4. On approval of the concept of state family policy in the Russian Federation through 2025: order of the government of the Russian Federation no. 1618-r of August 25, 2014. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/1ae3172271088ff17d13f732abf826846524ab91/ (accessed 15.09.2025). (In Russ.).
5. On the national security strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation.

ration no. 400 of July 2, 2021. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (accessed 15.09.2025). (In Russ.).

6. On Approval of the fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian Spiritual and Moral values: decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 9, 2022. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/77839.html> (accessed 15.09.2025). (In Russ.).

7. Kopsheva K. O., Ponomarenko E. V. Criminal-legal protection of spiritual and moral values: some issues of legislative support. *Legal Policy and Legal Life*, 2024, no. 3, pp. 129–136. (In Russ.).

8. On Amendments to Articles 10.6 and 15.1 of the Federal Law “On Information, Information Technologies and the Protection of Information” and certain legislative acts of the Russian Federation: federal Law no. 411-FZ of November 23, 2024 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491343/ (accessed 10.08.2025). (In Russ.).

9. Zamakhina T. The State Duma approved laws on the protection of family values. *Rossiyskaya Gazeta*, 2024, November 12. URL: <https://rg.ru/2024/11/12/s-popravkoj-na-detstvo.html> (accessed 10.08.2025). (In Russ.).

10. On Amendments to Article 25.6 of the Federal Law “On the Procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation” and the Federal Law “On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation”: federal Law no. 358-FZ of October 26, 2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489053/ (accessed 10.08.2025). (In Russ.).

11. On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the Federal Law “On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses”: federal Law no. 281-FZ of July 31, 2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511068/ (accessed 15.09.2025). (In Russ.).

12. Kulikov V. Amendments to the Code of Administrative Offenses and the Criminal Code have strengthened the punishment for drug propaganda. *Rossiyskaya Gazeta*, 2024. URL: <https://rg.ru/2024/08/14/zastaviat-protrezvet.html> (accessed 15.09.2025). (In Russ.).

13. Toguzaeva E. N. Normative development of the institute for the promotion of traditional family values. *News of Saratov University. Series. Series: Economics. Management. Law*, 2022, no. 3, pp. 310–315. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativnoe-razvitie-instituta-propagandy-traditsionnyh-semeynyh-tsennostey> (accessed 10.08.2025). (In Russ.).

14. Decision of the Talmensky District Court of the Altai Territory no. 2-321/2025 2-321/2025~M-45/2025 M-45/2025 dated March 19, 2025 in case no. 2-321/2025. (In Russ.).

15. Decision of the Yakutsk City Court of the Sakha Republic no. 2A-3587/2025 2A-3587/2025~M-2592/2025 M-2592/2025 dated March 18, 2025 in case no. 2A-3587/2025. (In Russ.).

16. Decision of the Zelenodolsk City Court of the Republic of Tatarstan no. 2-396/2025 2-396/2025(2-4663/2024;)~M-3864/2024 2-4663/2024 M-3864/2024 dated February 10, 2025 in case no. 2-396/2025. (In Russ.).

17. Verdict of the Stavropol District Court of the Samara Region no. 1-114/2024 dated October 3, 2024 in case no. 1-114/2024. (In Russ.).

18. The number of abortions has decreased in Russia. *RIA Novosti*. May 28, 2025. URL: <https://ria.ru/20250528/rossija-2019460405.html> (accessed 10.08.2025). (In Russ.).

19. Filimonenko A. V. Primorye Passes Law Banning Persuasion of Women to Have Abortions. *Rossiyskaya Gazeta*, September 25, 2024. URL: <https://rg.ru/2024/09/25/reg-dfo/shtraf-za-ugovory.html> (accessed 10.08.2025). (In Russ.).

20. The Governor Reported that no Abortions were Performed in Vologda Oblast in July. *RBC*, August 7, 2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6894a6ad9a794708d542b698> (accessed 10.08.2025). (In Russ.).

21. Isaeva N. The prosecutor general's office stood up for the rights of Vologda women. *Vedomosti*, 15.04.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/strana/northwestern/articles/2025/04/15/1104377-vstupilas-prava-vologodskih> (accessed 10.08.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Малько — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»;

А. А. Мусаткина — кандидат юридических наук, доцент, профессор Департамента публичного права ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»;

Ю. Л. Унгуриян — старший преподаватель Бузулукского гуманитарно-технологического института (филиал) ОГУ.

Information about the authors

A. V. Malko — Doctor of Science (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor in the Department of State and Legal Disciplines at the Volga Region Institute of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia);

A. A. Musatkina — Candidate of Science (Law), Associate Professor, Professor in the Department of Public Law at Togliatti State University;

Yu. L. Unguryan — Senior Lecturer at the Buzuluk Humanitarian and Technological Institute (branch) of OSU.

Научная статья
УДК 34

Метавселенные, ИИ и обеспечение национальной безопасности в условиях гибридных войн: глобальные вызовы и локальные решения

Овчинников Алексей Игоревич^{1, 2}, Ширинских Полина Ивановна³

^{1, 3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

²Донская духовная семинария, Ростов-на-Дону, Россия.

¹k_fp3@mail.ru

²shirinskikh1999@mail.ru

Аннотация. Современные вызовы национальной безопасности и ее правовое обеспечение в эпоху гибридных войн и развития искусственного интеллекта выступают актуальной областью научных исследований, что связано с необходимостью разработки мер и способов юридической защиты исторической правды, независимости и целостности государства. В работе определены субъекты, относящиеся к акторам гибридных войн, сформулированы и обобщены источники угроз национальной безопасности, возникающие при использовании технологий искусственного интеллекта в военных конфликтах, проанализированы риски развития индустрии метавселенных по принципу децентрализованного пространства. На основе проведенного анализа сформулированы рекомендации и предложения, направленные на повышение эффективности правового регулирования складывающихся общественных отношений внутри пространства метавселенных и снижение существующих угроз безопасности граждан и государства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, метавселенные, национальная безопасность, угрозы безопасности, цифровые технологии, гибридная война, негосударственные акторы

Для цитирования: Овчинников А. И., Ширинских П. И. Метавселенные, ИИ и обеспечение национальной безопасности в условиях гибридных войн: глобальные вызовы и локальные решения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 35–41.

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00225 «Правовое регулирование безопасного использования технологий искусственного интеллекта: концептуальные модели обеспечения безопасности, предупреждения рисков и ответственности», выполняемого в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

Original article

Metaverses, ai and national security in hybrid wars: global challenges and local solutions

Alexey I. Ovchinnikov^{1, 3}, Polina I. Shirinskikh²

^{1, 3}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation:

²Don Theological Seminary, Rostov-on-Don, Russian Federation.

¹k_fp3@mail.ru

²shirinskikh1999@mail.ru

© Овчинников А. И., Ширинских П. И., 2025

Abstract. Modern challenges to national security in the era of hybrid wars and the development of artificial intelligence are a relevant area of scientific research, which is associated, among other things, with the need to develop measures and methods to protect historical truth, independence and integrity of the state. The paper identifies subjects related to the actors of hybrid wars, formulates and summarizes the sources of threats to national security that arise when using artificial intelligence technologies in military conflicts, analyzes the risks of developing the metauniverse industry based on the principle of decentralized space. Based on the analysis, recommendations and proposals are formulated aimed at increasing the effectiveness of legal regulation of emerging social relations within the space of metauniverses and reducing existing threats to the security of citizens and the state.

Keywords: artificial intelligence, metaverses, national security, security threats, digital technologies, hybrid warfare, non-state actors

For citation: Ovchinnikov A. I., Shirinskikh P. I. Metaverses, AI and national security in hybrid wars: global challenges and local solutions. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 35–41. (In Russ.).

Funding: This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant no. 24-28-00225 “Legal Regulation of the Safe Use of Artificial Intelligence Technologies: Conceptual Models of Ensuring Security, Risk Prevention, and Liability”, implemented at Southern Federal University.

Введение. Война, представляющая собой особое социально-политическое явление, всегда была предметом общеполитической полемики о ее природе, сущности и истоках. В научном дискурсе данное явление описывается как «естественное, хотя одновременно и противоестественное состояние человеческого бытия» [1, с. 7]. К сожалению, и сегодня мир остается в этом присущем ему состоянии, меняются способы, но не изменяется трагическая суть военных конфликтов. Стоит отметить, что на сегодняшний день в стратегических документах различных государств все ярче и очевиднее прослеживается нацеленность на обеспечение военной безопасности, при этом на практике открытая военная конфронтация сменяется набором политических, информационных и экономических способов оказания давления на государство и угрозами применения военной силы. Для поиска и определения эффективных мер и средств противодействия новым вызовам и угрозам национальной безопасности важно признать, что существующие способы ведения войны прекратили сводиться исключительно к открытым боевым действиям. Все чаще их заменяют применение экономических санкций, распространение заведомо ложной информации с целью манипуляции общественным мнением и сознанием, нанесение ударов по инфраструктуре противника путем использования современных информационных технологий и многое другое. Комбинация подобных нетрадиционных методов борьбы в доктрине обозначается термином «гибридная война» и, будучи новой формой военных конфликтов, выступает центральной категорией многих научных исследований в социально-гуманитарной науке. Так,

ученые отмечают, что гибридные войны представляют собой «вид враждебных действий, при котором атакующая сторона не прибегает к классическому вторжению, а разрушает оппонента, комбинируя подрывные операции, саботаж, кибервойну и поддержку повстанцев на территории противника» [2, с. 43]. Использование в Российской Федерации иностранных информационных платформ и программного обеспечения при нескрываемой угрозе применения цифровых средств в качестве военных инструментов является не единственным уязвимым звеном информационной, а вместе с ней и военной безопасности государства. Наряду с этим стремительное распространение и применение достижений научно-технического прогресса в военной сфере, включая такие передовые технологии, как искусственный интеллект (далее — ИИ) и технологии виртуальной и дополненной реальности, влекут за собой появление новых вызовов и угроз для национальной безопасности государства. Подобные факты позволяют утверждать, что обеспечение обороноспособности страны и защита ее национальной целостности должны рассматриваться без отрыва от мировой повестки в области развития информационных технологий. В рамках данной статьи предлагается рассмотреть правовые аспекты новой формы военных конфликтов, ответить на вопросы: «Кем, где и с помощью каких инструментов совершаются гибридные войны?».

Акторы гибридных войн: государственные или негосударственные структуры? По своей сути гибридная (сетевая, сетецентрическая, мультимодальная) война — это новый способ ведения военных конфликтов в XXI веке, который по своему содержанию выходит за рамки

имеющихся в международном гуманитарном праве определений политического состояния войны или вооруженного конфликта как военного столкновения между двумя или несколькими государствами. Но действительно ли подобное опосредованно не только методами ведения борьбы, упомянутыми ранее, но и субъектами, участвующими в гибридной войне? Как отмечается в совместной работе ученых, специалистов в сфере военных наук А. В. Сержанова, А. В. Смолового, А. В. Долгополова, в военных конфликтах нового типа «проявляется организованное начало действий негосударственных структур» [3, с. 21]. Чаще всего под подобными структурами понимаются экстремистские, террористические и хакерские группы, организованные по сетевому принципу, что указывает на определенный порядок взаимодействия внутри сообщества, где отсутствует вертикаль власти и управления, а структурные группы выполняют свои задачи не только без единого командования, но и зачастую автономно друг от друга. Так, в 2012 году хакерская группа *GhostShell* объявила кибервойну против Правительства Российской Федерации, а через 10 лет с подобным заявлением выступила организованная по сетевому принципу хакерская группа *Anonymous* [4, 5].

Вместе с тем во многих научных работах подчеркивается мнимость самостоятельности при принятии решений так называемыми негосударственными акторами. Данный факт объясняется их фактическим использованием государством, которое «всячески дистанцируется от них, но скрытно использует в собственных интересах» [6, с. 19]. Подтверждением этого является не только наличие интереса государства, но и различного рода оказываемая последним поддержка. В частности, исследователи обращают внимание, что при ведении гибридных войн задействуются «всевозможные террористические, экстремистские, криминальные группировки, силы деструктивной оппозиции, получающие прямую и опосредованную материальную, информационную и иную поддержку от внешней управляющей силы» [7, с. 18]. Известной в мире масштабной компьютерной атакой на критическую инфраструктуру государства стала «кибератака с использованием компьютерного червя *Stuxnet* против ядерного центра по обогащению урана в иранском городе Натанз» [8, с. 137]. Данная вирусная атака была обнаружена в 2010 году, но до того, как была обезврежена, изменяя скорость и температуру центрифуг, смогла нанести физический вред ядерному оборудованию Ирана. Это один

из первых примеров применения кибератаки в условиях военных действий в XXI веке.

Однако даже в случае отсутствия в конфликте между государствами открытого вооруженного столкновения, действия подобного масштаба, связанные с атаками на критическую инфраструктуру страны, позволяют сформулировать два важных вывода. Во-первых, наличие военного интереса государства, использование и поддержка экстремистских, террористических и хакерских групп для достижения собственных военных целей свидетельствует о фактическом столкновении между двумя или несколькими государствами, что позволяет говорить не о террористической угрозе, а о военном конфликте между последними. Во-вторых, в том случае, когда в подобном конфликте государство действует опосредованно и использует отличные от открытой формы вооруженного столкновения или наряду с ним иные методы и способы политического давления, следует констатировать состояние гибридной войны.

К сожалению, доказать причастность определенного государства к атакам, совершаемым различными группировками в информационном пространстве, затруднительно. Более того, условия сетевого пространства практически формализуют анонимность его пользователей, облегчая совершение кибератак, кибершпионажа, распространение ложной информации, направленной на подрыв доверия к органам государственной власти и дестабилизацию их деятельности, усложняя при этом установление личности виновного (исполнителя) и привлечение его к ответственности.

Нельзя не отметить, что наряду с научными исследованиями об актуальности затронутой темы свидетельствует и закрепление в Указе Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» в качестве источников угроз экстремизма в современной России использование некоторыми государствами экстремистских и террористических организаций в качестве средства для ведения гибридных войн.

Считаем важным обозначить, что современная корпоративная модель управления транснациональных корпораций (далее — ТНК), определяющая их внутреннюю политику, на наш взгляд, также потенциально создает не менее серьезные вызовы для обеспечения национальной безопасности, а сами ТНК наряду с государствами в определенных случаях выступают участниками гибридных войн. Это происходит в

том случае, когда действия компаний направлены на формирование новых правил и принципов мироустройства и связаны с намерением ограничить роль государств. Объясняется подобное тем, что, обладая значительным финансовым влиянием, транснациональные корпорации являются участниками политических процессов, и в стремлении удержать имеющуюся власть над рынками, ресурсами и информационными потоками ТНК могут осуществлять определенные и необходимые для этого действия, в том числе и в рамках гибридных войн. В частности, проявлением подобного участия является кибершпионаж, финансирование поставок оружия и военной техники [9], распространение ложной информации и призывов к насилию через медиалатформы. Так, в 2022 году пресс-секретарь *Meta (организация признана экстремистской, запрещена в Российской Федерации)* Энди Стоун заявил, что «компания не будет пресекать призывы к насилию против россиян, в том числе военнослужащих» [10].

Обозначенные в работе новые способы ведения военных конфликтов и очерченный круг акторов гибридных войн раскрывают ключевые аспекты рассматриваемого явления. Повторимся, что, несмотря на участие негосударственных структур в военном конфликте, проведенный анализ показал, что использование в указанном словосочетании термина «война» оправдано, поскольку таким образом подтверждается существование военного столкновения между государствами. Имеющий место быть на сегодняшний момент переход от традиционных способов и моделей ведения боевых действий к одновременному воздействию на социальную, экономическую, политическую сферы государства с целью достижения стратегических военных задач, включая расширение сфер влияния и контроля, сопровождается использованием информационных технологий в качестве инструментов войны. Одним из ярких примеров таких технологий являются технологии искусственного интеллекта.

ИИ как новый инструмент гибридных войн. На сегодняшний день информационное превосходство, для достижения которого используются технологии искусственного интеллекта, является движущей силой и в гибридных операциях. Однако наряду с его использованием в военной сфере для разведки, логистики и анализа данных существуют примеры применения ИИ, последствия которых являются непредсказуемыми и (или) потенциально представляющими серьезную угрозу

для национальной безопасности. Данные примеры могут быть обобщены следующим образом.

1. Применение в военных конфликтах смертоносных автономных систем вооружения (далее — САС), действующих на основе ИИ. Применение рассматриваемого вида оружия для обеспечения законных оборонных интересов страны имеет оборотную сторону, связанную с его использованием противником для нападения на государство. В этом случае становятся очевиднее риски и угрозы, возникающие из-за непредсказуемого и неизбирательного действия смертоносных автономных систем вооружения, основной функционирования которых выступает ИИ. Полная автономность данных систем и отсутствие контроля со стороны человека порождают новые этические и правовые вопросы использования САС в военных конфликтах, особенно для поражения живой цели.

2. Использование вредоносного программного обеспечения, действующего на основе ИИ, для совершения кибератак на критическую инфраструктуру государства. Ученые обозначают, что «вредоносное персональное обеспечение, созданное ИИ, может обходить старые системы кибербезопасности, не предназначенные для выявления и предотвращения этой угрозы» [11, с. 138]. Подобное связано с характеристиками самого ИИ и из-за заложенной вариативности поведения и мимикрии под легальные программы усложняет их обнаружение.

3. Распространение дезинформации и иных сведений, создающих угрозу для национальной безопасности, с помощью генеративных языковых моделей. Генеративные языковые модели не обладают собственным мнением, ответы на запросы формируются исходя из материалов, использованных для их обучения, то есть массив используемых в последующем для ответа данных формируют загруженные разработчиком сведения из открытых источников и дополнительные тексты, публикации и документы, служащие основой для комбинации ответа. В процессе обучения сведения анонимизируются и интегрируются в один общий массив информации. Политика такова, что многие языковые модели выдают ответ, подчеркивая, что не транслируют мнение своих разработчиков. На наш взгляд, действуя в условиях добросовестности, разработчики обязаны предпринимать все необходимые меры, направленные на минимизацию рисков генерирования контента, содержащего угрозы безопасности личности, общества и государства. Однако, как показал предыдущий анализ, акторами гибридных войн

выступают государства и ТНК, которым важно добиться информационного и военного превосходства, в том числе используя новейшие передовые технологии. Соответственно, использование в стране иностранных платформ создает определенные угрозы национальной безопасности, поскольку массив данных, используемых генеративными языковыми моделями, был составлен не только представителями другого менталитета, но и потенциально теми людьми, которые придерживаются антигосударственных взглядов и идей. Были зафиксированы случаи распространения с помощью технологий ИИ экстремистских призывов и дипфейков. В частности, в 2023 году была совершена атака типа *Face Swap* (замена лица) с помощью технологий ИИ [12]. Помимо этого, неоднократно высказывались предположения относительно наличия либеральной предвзятости у некоторых генеративных моделей [13].

Одной из стратегических задач при реализации государственной политики в области обеспечения государственной и общественной безопасности должна стать превенция рисков и угроз, возникающих при использовании технологий ИИ в военных конфликтах.

Метавселенные как новое политическое пространство. Говоря об акторах гибридных войн, нельзя не отметить, что пространства, в которых они действуют, также претерпевают изменения. Одним из таких пространств является пространство метавселенной, которая представляет собой трехмерный виртуальный иммерсивный мультисенсорный мир, где взаимодействие людей осуществляется с помощью их цифровых двойников-аватаров и для подключения к которому необходимы специальные средства дополненной и (или) виртуальной реальности, позволяющие в бесшовном режиме переключаться с различных платформ, удовлетворяя социальные, познавательные, материальные и иные потребности человека. Подчеркнем, что сферы применения индустрии метавселенных с каждым годом расширяются — исключительно узкоцелевое развлекательное применение сменяется одновременной комбинацией образовательных, медицинских, культурных, управленческих и других функций данных пространств, раскрывая заложенную в самой идее метавселенных сущность. К сожалению, новое иммерсивное пространство становится активно используемым и в преступных целях. Цифровые технологии создают новые формы и способы для вовлечения лиц в деятельность экстремистских и террористических групп

и сообществ. Так, действуя в децентрализованном пространстве метавселенных, экстремисты в процессе вербовки повышают уровень доверия, «используя перчатки с тактильной обратной связью, передовую робототехнику и устройства дополненной реальности» [14]. Самое опасное заключается в том, что основной целевой аудиторией метавселенных, ее пользователями продолжают оставаться молодые люди, которые легче поддаются воздействию, без требуемых сомнений и критического анализа воспринимают транслируемую информацию. Соответственно, совершение информационно-пропагандистских атак в виртуальной иммерсивной среде влечет за собой риски распространения мыслей и идеалов, противоречащих общественному порядку государства, среди детей и молодежи. При развитии индустрии метавселенных по принципу децентрализованного пространства роль государства в формировании архитектуры действующих внутри метавселенных правил будет сведена к минимуму, что создаст не столько свободные условия для развития данной области, сколько укрепит безнаказанность преступных посягательств и нарушений в виртуальной иммерсивной среде. Зафиксированные случаи протестных и экстремистских призывов, распространения материалов, содержащих сцены насилия, на таких глобальных платформах, как *Second Life*, *Decentraland*, *Roblox*, *Minecraft*, подтверждают серьезность указанных выводов. По данным Австралийской федеральной полиции, в *Roblox* «на одной из симуляций была воссоздана террористическая атака в Крайстчерче в 2019 году, которая, по словам властей, была направлена на то, чтобы исказить реальность пользователей, позволив им нормализовать насилие и совершать преступления в игре» [15]. Отмечается также ряд других примеров, подтверждающих использование игровых платформ метавселенных для участия в шествиях и демонстрациях в целях выражения протестных настроений [16].

Однако существование индустрии метавселенных, развитие технологий дополненной и виртуальной реальности, включая VR- и AR-гарнитуру, сами по себе не являются детерминантами преступной деятельности. По нашему мнению, способствующие условия для организации преступной деятельности создают отсутствие идентификации в виртуальной среде, несоблюдение норм и правил по работе с охраняемой законом информацией, включая персональные данные, а также неосторожные и неосмотрительные действия самих

пользователей. В качестве одних из мер, направленных на правовое регулирование складывающихся общественных отношений внутри пространства метавселенных и снижение существующих рисков безопасности граждан и государства, предлагаем рассматривать обязательность авторизации пользователя под своим именем по принципу «один человек — один аватар» с предварительной идентификацией личности, что позволит избежать фишинговых персонажей аватара другого человека либо вымышленного аватара, установление возрастных ограничений для доступа в метапространство, реализацию государственной научно-технической и финансовой поддержки российской индустрии метавселенных, а также совершенствование форм взаимодействия между органами государственной власти и российскими бизнес-участниками рынка метавселенных с целью развития отечественного информационного сектора виртуальных вселенных и создания безопасной информационной среды, что может быть осуществлено за счет сотрудничества в области технического регулирования, при разработке специальных регламентов и стандартов для обеспечения безопасности и защиты пользователей в пространстве метавселенных.

Выводы. Следует обратить внимание, что в современном мире в борьбе за установление нового миропорядка наряду с насильственными способами и средствами ведения военных действий применяются и ненасильственные методы борьбы, направленные на дестабилизацию общественного порядка, искажение исторической правды, подрыв экономической безопасности государства и формирование деструктивного поведения в среде детей и молодежи. В связи с чем для обеспечения национальной безопасности считаем необходимым разработать собственную модель правового регулирования метавселенных и ИИ, действующую на определенных в государстве принципах, отражающих критически важные экономические аспекты и социальные, духовно-нравственные ценности, направленные на защиту цифрового суверенитета страны и противодействие вовлечению детей в деструктивные сообщества, что позволит правовыми средствами и способами противостоять новым гибридным угрозам.

Список источников

1. Лутцев М. В., Федорова А. В. Война как фактор социального бытия России // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 6–11.

2. Кривко М. А. Концептуализация понятия «гибридная война» в социально-философских исследованиях // Управленческое консультирование. 2018. № 7 (115). С. 43–48.

3. Сержантов А. В., Смоловый А. В., Долгополов А. В. Трансформация содержания войны: от прошлого к настоящему — технологии «гибридных» войн // Военная мысль. 2021. № 2. С. 20–27.

4. Хакерская группа объявила кибервойну России. URL: <https://lenta.ru/news/2012/11/03/blackstar/?ysclid=ma6r3z5ryw214611089> (дата обращения: 02.05.2025).

5. Хакеры объявили кибервойну России. URL: <https://lenta.ru/news/2022/02/25/hackerswar/?ysclid=ma6qbixec5439745997> (дата обращения: 02.05.2025).

6. Алаудинов А. А., Стригунов К. С., Гончаренко А. Р. Роль негосударственных акторов в современных гибридных войнах // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 2 (79). С. 16–25.

7. Филимонов Г., Данюк Н. «Гибридная война»: интерпретации и реальность // Свободная мысль. 2017. № 3 (1663). С. 17–24.

8. Футтер Э. Как запретить кибератаки на ядерные системы // Россия в глобальной политике. 2018. Т. 16, № 6. С. 136–146.

9. «Halliburton» — компания, наживающаяся на войне. URL: <https://www.voltairenet.org/article130571.html> (дата обращения: 03.05.2025).

10. Instagram официально внесен в реестр запрещенных сайтов Роскомнадзора. URL: <https://rg.ru/2022/03/14/instagram-ocialno-vnesen-v-reestr-zapreshchennyh-sajtov-roskomnadzora.html?ysclid=ma7ucngw1k131294498> (дата обращения: 03.05.2025).

11. Намиот Д. Е. О кибератаках с помощью систем Искусственного интеллекта // International Journal of Open Information Technologies. 2024. Т. 12, № 9. С. 132–141.

12. Эксперт: дипфейк с «обращением» Путина сделали при помощи технологии замены лица. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17933053> (дата обращения: 08.05.2025).

13. Соловьев Н. Роль генеративных моделей ИИ в войне против истины. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/rol-generativnykh-modeley-ii-v-voyne-protiv-istiny/> (дата обращения: 08.05.2025).

14. Austin C. Doctor, Elson Joel S., Hunter Samuel T. Violent Extremism, Innovation, and Recruitment in the Metaverse // Centre for Research and Evidence on Security Threats — 2023. URL: <https://crestresearch.ac.uk/comment/violent-extremism-innovation-and-recruitment-in-the-metaverse/> (дата обращения: 11.03.2025).

15. Online gaming platforms such as Roblox used as 'Trojan horse' for extremist recruitment of children, AFP warns. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2023/dec/03/online-gaming-platforms-such-as-roblox-used-as-trojan-horse-for-extremist-recruitment-of-children-afp-warns> (дата обращения: 10.05.2025).

16. Supporters of Palestine show solidarity by marching in the metaverse. URL: <https://www.arabnews.com/node/2398501/media> (дата обращения: 10.05.2025).

References

1. Lutsev M. V., Fedorova A. V. War as a factor in the social existence of Russia. *Modern scientific thought*, 2020, no. 1, pp. 6–11. (In Russ.).

2. Krivko M. A. Conceptualization of the concept of “hybrid war” in socio-philosophical studies. *Management consulting*, 2018, no. 7 (115), pp. 43–48. (In Russ.).

3. Serzhantov A. V., Smolovy A. V., Dolgoplov A. V. Transformation of the content of war: from the past to the present — technologies of “hybrid” wars. *Military thought*, 2021, no. 2, pp. 20–27. (In Russ.).

4. Hacker group declares cyber war on Russia. URL: <https://lenta.ru/news/2012/11/03/blackstar/?ysclid=ma6r3z5ryw214611089> (accessed 02.05.2025). (In Russ.).

5. Hackers declare cyber war on Russia. URL: <https://lenta.ru/news/2022/02/25/hackerswar/?ysclid=ma6qbjxec5439745997> (accessed 02.05.2025). (In Russ.).

6. Alaudinov A. A., Strigunov K. S., Goncharenko A. R. The Role of Non-State Actors in Modern Hybrid Wars. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2024, no. 2 (79), pp. 16–25. (In Russ.).

7. Filimonov G., Danyuk N. “Hybrid War”: Interpretations and Reality. *Free Thought*, 2017, no. 3 (1663), pp. 17–24. (In Russ.).

8. Futter E. How to Prohibit Cyberattacks on Nuclear Systems. *Russia in Global Affairs*, 2018, vol. 16, no. 6, pp. 136–146. (In Russ.).

9. “Halliburton” — a company profiting from war. URL: <https://www.voltairenet.org/article130571.html> (accessed 03.05.2025). (In Russ.).

10. Instagram officially included in the register of prohibited sites of Roskomnadzor. URL: <https://rg.ru/2022/03/14/instagram-ocialno-vnesen-v-reestr-zapreshchennyh-sajtov-roskomnadzora.html?ysclid=ma7ucngw1k131294498> (accessed 03.05.2025). (In Russ.).

11. Namiot D. E. On cyberattacks using Artificial Intelligence systems. *International Journal of Open Information Technologies*, 2024, vol. 12, no. 9, pp. 132–141. (In Russ.).

12. Expert: Deepfake with Putin’s “address” was made using face replacement technology. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17933053> (accessed 08.05.2025). (In Russ.).

13. Soloviev N. The role of generative AI models in the war against truth. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/rol-generativnykh-modeley-ii-v-voyne-protiv-istiny/> (accessed 08.05.2025). (In Russ.).

14. Austin C. Doctor, Elson Joel S., Hunter Samuel T. Violent Extremism, Innovation, and Recruitment in the Metaverse / Centre for Research and Evidence on Security Threats — 2023. URL: <https://crestresearch.ac.uk/comment/violent-extremism-innovation-and-recruitment-in-the-metaverse/> (accessed 11.03.2025).

15. Online gaming platforms such as Roblox used as ‘Trojan horse’ for extremist recruitment of children, AFP warns. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2023/dec/03/online-gaming-platforms-such-as-roblox-used-as-trojan-horse-for-extremist-recruitment-of-children-afp-warns> (accessed 10.05.2025).

16. Supporters of Palestine show solidarity by marching in the metaverse. URL: <https://www.arabnews.com/node/2398501/media> (accessed 10.05.2025).

Информация об авторах

А. И. Овчинников — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета; иерей, штатный клирик Главного воинского храма Южного военного округа святого Георгия Победоносца, проректор по научной работе Донской духовной семинарии;

П. И. Ширинских — преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета.

Information about the authors

A. I. Ovchinnikov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law at Southern Federal University; Priest, Full-Time Cleric of the Main Military Church of Saint George the Victorious of the Southern Military District, Vice-Rector for Research at the Don Theological Seminary;

P. I. Shirinskikh — Lecturer in the Department of Theory and History of State and Law at the Faculty of Law at Southern Federal University.

Научная статья
УДК 340

О качестве подготовки проектов законов в контексте стоимости законодательного регулирования

Орлов Дмитрий Викторович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, dm_orlov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0485-6140>

Аннотация. Вопрос о стоимости правового регулирования не сводится только к вопросу о расходах ресурсов на реализацию проекта закона и эффективности этих трат. Необходимо учитывать и те издержки, которые возникают непосредственно при подготовке проекта закона. В этой связи статья посвящена анализу ситуации, связанной с эффективностью подготовки проектов законов, инициаторами которых являются депутаты, сенаторы федерального законодательного органа, а также Правительство Российской Федерации. Анализ общих показателей свидетельствует о том, что снятие с рассмотрения проектов законов стало существенно меньше, чем в предыдущие созывы. Значительная часть снятия проектов происходит на стадии принятия профильным комитетом решения о предоставлении законопроекта в Совет Государственной Думы Российской Федерации и при этом остаются высокими показатели отклонения проекта закона на стадии его регистрации, а также при рассмотрении в рамках первого и второго чтения. Установлено, что в разные созывы депутатов процент принятых проектов, субъектами законодательной инициативы которых являлись депутаты, не превышал 39,4 %, сенаторы — 54 %, Правительство Российской Федерации — 96,8 %. На основе представленного анализа сделаны выводы о необходимости изменения механизма внесения проектов законов в Государственную Думу Российской Федерации, необходимости установления механизма расчета издержек при подготовке проекта закона, установления четких законодательно определенных критериев оценки деятельности депутатов, а также механизма ответственности.

Ключевые слова: законопроект, депутат, правовое регулирование, стоимость правового регулирования, издержки, юридическая техника, субъект законодательной инициативы

Для цитирования: О качестве подготовки проектов законов в контексте стоимости законодательного регулирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 42–50.

Original article

About the quality of the preparation of bill in the context of the cost of legislative regulation

Dmitry V. Orlov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, dm_orlov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0485-6140>

Abstract. The issue of the cost of legal regulation is not limited to the issue of spending resources on the implementation of the draft law and the effectiveness of these expenditures. It is necessary to take into account the

© Орлов Д. В., 2025

costs that arise directly during the preparation of the draft law. In this regard, the article is devoted to the analysis of the situation related to the effectiveness of the preparation of draft laws initiated by deputies, senators of the federal legislative body, as well as the Government of the Russian Federation. An analysis of the overall indicators shows that the withdrawal of draft laws from consideration has become significantly less than in previous convocations, a significant part of the withdrawal of projects occurs at the stage of the relevant committee's decision to submit the draft law to the Council of the State Duma Russian Federation, and at the same time, the rejection rates of the draft law remain high at the stage of its registration, as well as during consideration within the framework of the first and second readings. It was found that in different convocations of deputies, the percentage of adopted projects, the subjects of legislative initiative of which were deputies, did not exceed 39.4 %, senators — 54 %, the Government of the Russian Federation — 96.8 %. Based on the analysis presented, conclusions are drawn about the need to change the mechanism for submitting draft laws to the State Duma, the need to establish a cost calculation mechanism for preparing a draft law, establish clear legally defined criteria for evaluating the activities of deputies, as well as a liability mechanism.

Keywords: bill, deputy, legal regulation, cost of legal regulation, costs, legal technique, subject of legislative initiative

For citation: About the quality of the preparation of bill in the context of the cost of legislative regulation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 42–50. (In Russ.).

19 декабря 2024 года Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В. В. Володин на встрече с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, посвященной результатам работы палаты парламента за осеннюю сессию, доложил: «хочется отметить, что у нас по ключевым вопросам повестки высокий уровень консолидации всех депутатов независимо от политических фракций. 70 процентов всех принятых законов были поддержаны депутатами всех фракций» [1]. Также было обращено внимание на количество внесенных за период осенней сессии законопроектов и количество проектов законов, которые были приняты, — 314 и 233, соответственно, что является весьма существенным положительным моментом в оценке деятельности нижней палаты парламента. За весеннюю сессию показатель по принятию проектов закона был равен 331, что не являлось на тот момент выдающимся, по мнению самого спикера [2].

Как было отмечено В. В. Володиным, на количество принятых законов повлияло высокое качество проводимой работы в отношении проектов и их масштабность, а также проведение политики, начиная с 2016 года, заключающейся в назначении 50 % руководителей комитетов Государственной Думы Российской Федерации из числа представителей оппозиционных фракций.

Вместе с тем в представленных к обозрению докладах не присутствуют другие показатели, а именно количество внесенных проектов законов различными субъектами законодательной инициативы, количество отозванных проектов законов этими же субъектами, количество проектов, отклоненных на разных стадиях законодательской процедуры и отправленных в архив,

количество отрицательных заключений, говорящих о качестве представленных документов.

Как справедливо отмечает В. М. Баранов, «представляется полезным ежегодно готовить и публиковать обзор об отклоненных законопроектах с указанием их авторов и причин, по которым эти инициативы были отвергнуты» [3, с. 312]. Обзоры такого рода, как полагает ученый, помогут определить уровень профессионализма субъектов, получить опыт чужих ошибок, снизить количество проектов, являющихся показателями успешности депутатов и самое главное «...остановить «вал» недоброкачественных идей, концепций законопроектов и дополнений к законам» [3, с. 312–313].

В этой связи отметим важной начавшуюся в 1999 году практику формирования отчетов о причинах отклонения федеральных законов, планов работы с этими законами и размещение этой информации на сайте Государственной Думы Российской Федерации. Проблема заключается лишь в том, что данные отчеты с 2010 года либо не готовятся, либо не размещаются на сайте.

Кроме того, видится целесообразным оценивать любые показатели деятельности не за короткий период работы законодательного органа — сессию, а за период, начиная с даты созыва палаты и по текущую дату рассмотрения этих самых итогов, то есть по нарастающей. Справедливо, как нам думается, это в связи с тем, что процедура законотворчества является достаточно продолжительной и за период конкретной сессии в большинстве случаев проект не успевает пройти все ее стадии. Могут иметь место и проекты, которые рассматриваются годами, и даже те, которые остаются в «наследство» от прошлого созыва.

В подтверждение обратим внимание на ряд законопроектов. Так, законопроект № 1149361-7 «О внесении изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации в части отмены транспортного налога» [4] был внесен депутатами еще 13 апреля 2021 года, то есть в период 7 созыва, и предполагался к рассмотрению в первом чтении лишь 4 марта 2025 года, но так и не был рассмотрен. Отметим, что данный проект имеет очень высокую степень социальной значимости, поскольку существенно улучшает положение граждан — владельцев транспортных средств, но при этом ухудшает положение субъектов Российской Федерации в части наполнения бюджета. Очевидно, что решение вопроса или компромисс пока не найден.

Другой законопроект № 572350-8 «О признании недействительным с момента принятия решения 1954 года о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» [5] был зарегистрирован и направлен на рассмотрение Председателю Государственной Думы Российской Федерации 11 марта 2024 года. По данным системы обеспечения законодательной деятельности дальнейшего прохождения законодательных процедур не было.

Схожий пример — проект закона, зарегистрированный 16 октября 2023 года № 459924-8 «О внесении изменения в статью 331 Трудового кодекса Российской Федерации (№ 197-ФЗ от 30 декабря 2001 года)» [6], оставшийся также без движения, интересен тем, что четыре соавтора проекта закона на следующий день после регистрации направили письма о просьбе исключить их из числа авторов.

В отличие от вышеуказанного проекта законопроект № 541853-8 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» [7] среди документов с просьбой об исключении депутатов из числа соавторов содержит письмо автора об отзыве законопроекта. Данный пакет документов в статусе законопроекта просуществовал менее суток.

Рекорд побит проектом закона № 718700-8 «О внесении изменений в статью 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [8], поскольку был отозван спустя 3,5 часа после регистрации.

Так что же является причинами быстрого отказа от авторства и отзыва проекта закона? Низкое качество, в том числе выраженное в недостаточной аргументации необходимости реализации идеи законопроекта или несоответствие законодательству? Может, причиной является тот самый политический аспект, о котором пишет Е. Ю. Курышев и С. О. Алексеев [9, с. 74]? Вопросы остаются без ответа, поскольку в вышеуказанных случаях никаких пояснений с указанием причин в письмах в адрес Председателя Государственной Думы Российской Федерации не содержится.

Формально данные случаи увеличивают показатели работы, но, по существу, не являются полезными, а лишь несут дополнительные траты для государства. Депутаты используют предоставленные им ресурсы, «тратят» как свое рабочее время, так и в некоторых случаях время Председателя Государственной Думы Российской Федерации, иных депутатов, входящих в комитеты по предварительному рассмотрению проекта.

Сложившаяся ситуация вызывает интерес к оценке масштабов проблемы, выявления факторов, влияющих на ситуацию, определения тенденций и выработке рекомендаций.

В связи с тем, что общей консолидированной информации по всем законопроектам, отклоненным в период со 2-го по 8-й созыв (на 13 февраля 2025 года), на сайте Государственной Думы Российской Федерации не представлено, нами проведен анализ с подготовкой данной информации из открытого официального источника — Системы обеспечения законодательной деятельности, доступ к которой осуществлен через официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. Данные отражены в таблице 1.

Таблица 1

Сводная таблица по проектам законов, отклоненных на различных этапах законотворчества

Table 1

Summary table of draft laws rejected at various stages of the legislative process

Этапы законотворчества	Созывы							Всего	Итого
	2-й (1996– 2000)	3-й (2000– 2003)	4-й (2003– 2007)	5-й (2007– 2011)	6-й (2011– 2016)	7-й (2016– 2021)	8-й (2021– наст. время)		
Внесение законопроекта в Государственную Думу Российской Федерации	39	134	88	60	72	173	31	597	

Регистрация	1	–	1	–	–	17	3	22	22 716
Прохождение законопроекта у Председателя Государственной Думы Российской Федерации	9	–	–	1	–	3	4	17	
Регистрация писем и документов об изменении и паспортных данных законопроекта	29	134	87	59	72	153	24	558	
Предварительное рассмотрение законопроекта, внесенного в Государственную Думу Российской Федерации	647	1962	1 152	575	840	579	330	6 085	
Принятие профильным комитетом решения о предоставлении законопроекта в Совет Государственной Думы Российской Федерации	2	–	–	–	–	419	308	729	
Рассмотрение Советом Государственной Думы Российской Федерации законопроекта, внесенного Государственную Думу Российской Федерации	645	1 962	1 152	575	840	160	22	5 356	
Рассмотрение законопроекта в первом чтении	604	1 942	2 480	2427	3 245	3 067	1 594	15 359	
Принятие ответственным комитетом решения о представлении законопроекта	–	–	–	–	–	–	2	2	
Рассмотрение Советом Государственной Думы Российской Федерации	171	945	1 052	1 059	913	672	363	5 175	
Рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации	433	997	1 428	1 368	2 332	2395	1 229	10 182	
Рассмотрение законопроекта во втором чтении	27	27	70	71	95	158	75	523	
Принятие ответственным комитетом решения о представлении законопроекта	–	–	–	–	–	–	–	–	
Рассмотрение Советом Государственной Думы Российской Федерации	2	–	–	–	–	–	1	3	
Рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации	25	27	70	71	95	158	74	520	
Рассмотрение законопроекта в третьем чтении	1	6	5	9	4	6	–	31	
Принятие ответственным комитетом решения о представлении законопроекта	–	–	–	–	–	–	–	–	
Рассмотрение Советом Государственной Думы Российской Федерации	–	–	–	–	–	–	–	–	
Рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации	1	6	5	9	4	6	–	31	
Прохождение закона в Совете Федерации	–	–	–	–	–	–	–	–	
Повторное рассмотрение закона, отклоненного Советом Федерации	43	41	26	3	2	5	1	121	
Прохождение проекта закона у Президента Российской Федерации (отклонен, возврат)	5	–	31	13	1	4	1	55	
Из них подписано при повторном рассмотрении	2	–	6	2	–	–	–	10	
Снят с рассмотрения	3	–	25	11	1	4	1	45	

Источник: составлена на основе данных, размещенных на сайте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Системе обеспечения законодательной деятельности) [10]

В связи с большим количеством данных и представлением в большей степени интереса в отношении современного состояния дел целесообразным будет сконцентрировать внимание на работе действующего созыва Государственной Думы Российской Федерации, значительная часть времени которого уже прошла (выборы должны состояться в сентябре 2026 г.).

Первое, на что обратим внимание, — это показатели снятия с рассмотрения проектов законов на каждой из указанных стадий, которые стали существенно ниже, чем в предыдущие созывы, что, безусловно, является положительным моментом. Второе — значительная часть снятия проектов происходит на стадии принятия профильным комитетом решения о

предоставлении законопроекта в Совет Государственной Думы Российской Федерации, что также оценивается положительно, поскольку меньше некачественных актов доходит до рассмотрения советом и депутатами в рамках первого чтения. Третье — остаются высокими показатели отклонения проекта закона на стадии его регистрации, при рассмотрении в рамках первого и второго чтения, но при этом в рамках третьего чтения проекты принимаются без «потерь».

Последние аспекты могут быть оценены поразному — с одной стороны положительно в отношении работы механизма по контролю за качеством и недопущением проектов на дальнейшие стадии процесса и, соответственно, попытках снизить затраты и повысить результативность Государственной Думы Российской Федерации, с другой — отрицательным в том смысле, что эти некачественные проекты все-таки готовятся субъектами законодательной инициативы.

Обратим внимание, что далее по стадиям законотворчества отклоненных законов единицы, что может говорить как о качественной работе депутатов, комитетов председателя и всех заинтересованных органов, так и о том, что участники законодательного процесса — депутаты

и сенаторы — консолидированы в вопросах по существу, а значит, механизм, начиная с этого момента, работает эффективно, в части ошибок и нерациональных расходов на возврат проекта и повторение процедур.

Всего за период работы Государственной Думы Российской Федерации 8-го созыва (на 31 августа 2025 г.) было отозвано 400 проектов, из них: по субъектам законодательной инициативы: депутаты — 255, сенаторы — 77, законодательные органы субъектов Российской Федерации — 52, Правительство Российской Федерации — 16. Отметим, что некоторые из отозванных проектов были внесены одновременно несколькими субъектами законодательной инициативы, в связи с чем имеет место разница в сумме, указанной выше, и сумме при сложении отдельных показателей.

Интерес представляет и эффективность деятельности представителей различных фракций, которую можно выразить в процентном соотношении от общего количества проектов законов, внесенных на рассмотрение, к количеству принятых или недошедших до подписания (отозванных, возвращенных, отклоненных, снятых с рассмотрения).

Таблица 2

Эффективность деятельности фракций по критерию общего количества проектов закона, работа над которыми была завершена, и результатам их рассмотрения перешедших из предыдущих созывов или внесенных в 8-м созыве депутатами, входящими во фракции в Государственной Думе Российской Федерации (по состоянию на 19 августа 2025 г.)

Table 2

Faction Performance Based on the Total Number of Bills Completed and the Results of Their Review, Carried Over from Previous Convocations or Submitted in the 8th Convocation by Deputies Members of Factions in the State Duma of the Russian Federation (as of August 19, 2025)

№ п/п	Фракции Государственной Думы Российской Федерации	Численность депутатов	Законопроекты					в работе
			общее количество, работа по которым завершена	отозванные, возвращенные, снятые с рассмотрения	отклоненные	подписанные Президентом Российской Федерации		
1.	Фракция Всероссийской политической партии «Единая Россия»	315	1 204	407	33,8 %	797	66,2 %	274
2.	Фракция Политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации»	57	546	302	55,3 %	244	44,7 %	243
3.	Фракция Политической партии ЛДПР — Либерально-демократической партии России	22	917	618	67,4 %	299	32,6 %	308

4.	Фракция Социалистической политической партии «Справедливая Россия — Патриоты — За правду»	28	833	502	60,3 %	331	39,7 %	300
5.	Фракция Политической партии «Новые люди»	15	328	148	45,1 %	180	54,9 %	113
	вакантные депутатские мандаты	10						
Всего (данная цифра не является суммой, поскольку один и тот же законопроект могли вносить несколько депутатов из разных фракций. Общие цифры взяты из СОЗД)			2 596	1 724	66,4%	872	33,6 %	

Составлено: на основании источника [11]

Данные цифры необходимо еще и рассматривать через призму численного состава фракций, представленных в Государственной Думе Российской Федерации, то есть в расчете на одного депутата той или иной фракции. Так, в среднем на одного депутата фракции приходится от 2,5 до 14 проектов принятых законов за рассматриваемый период.

Вместе с тем не стоит забывать о количестве проектов законов, не дошедших до подписания. Самый низкий процент является лучшим показателем и представлен работой партии «Единая Россия» — 33,8 %, далее партией «Новые люди» — 45,1 %, «Коммунистическая партия Российской Федерации» — 55,3 %. «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» — 60,3 % и самый высокий процент представлен партией «ЛДПР» — 67,4 %.

Общий показатель эффективности работы Государственной Думы Российской Федерации составляет 33,6 % принятых проектов законов и 66,4 % проектов законов, которые по каким-либо причинам не получили положительную оценку. Полагаем, что данный показатель зависит от расхождения в политических взглядах по самой идее проекта, разногласий по реализации этой идеи в проекте, а также от качества его подготовки.

Что касается политических взглядов, то мы полностью поддерживаем мнение В. М. Баранова о том, что «представление сразу концепции и тем более проекта закона нерентабельно, и оно должно начинаться после принципиального одобрения идеи законопроекта» [12, с. 31].

Цифры не являются абсолютными показателями, так как при проведении расчетов не стоит забывать, что проекты могут быть направлены несколькими субъектами законодательной инициативы, разными по объему норм, сферам, на которые они направлены, а также «новизне» вопроса, который ими регламентируется.

Ярким примером влияния этих совокупных «особенностей» на оценку может служить внесенный 21 марта 2025 года проект закона № 871363-8 «О внесении изменения в статью 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [13], где субъектами законодательной инициативы являлись 398 депутатов при объеме закона в одну норму. Данный проект прошел все стадии процесса в течение месяца без каких-либо замечаний, был подписан и опубликован уже 21 апреля 2025 года.

Как известно, все познается в сравнении. Сравнение позволяет понять, а может ли быть ситуация лучше и насколько лучше, выявить причины и условия, оказывающие влияние на другой результат. Понимание уровня качества и определения эффективности деятельности можно получить, сравнивая показатели деятельности различных субъектов законодательной инициативы между собой. Так, за период 8-го созыва Государственной Думы Российской Федерации Правительством Российской Федерации как субъектом законодательной инициативы, было внесено 1 204 проекта законов, из них 1 059 рассмотрены, то есть находятся в архиве и 145 на рассмотрении (на 30 августа 2025 г.). При этом 1 025 из рассмотренных, подписаны Президентом Российской Федерации и опубликованы, что составляет 96,8 %, а 34 сняты с рассмотрения — 3,2 %. Депутатами Государственной Думы Российской Федерации за этот же период внесено 2 675 проектов, из которых 1 911 находятся в архиве и представлены 753 подписанными проектами — 39,4 %, 1 158 сняты с рассмотрения — 60,6 % (на 30 августа 2025 г.).

Для сравнения: депутатами 7-го созыва подготовлено и направлено в Государственную Думу Российской Федерации 2 628 проектов, из них подписано Президентом Российской Федерации и опубликовано 846, что составляет 33 %.

В рамках работы Государственной Думы Российской Федерации 6-го созыва было направлено 3 572 проекта (три остаются на рассмотрении), из них подписано Президентом Российской Федерации и опубликовано лишь 680, то есть 19 %.

Анализируя представленные цифры, обратим внимание на следующие моменты: 1) положительной тенденцией является существенное увеличение количества принятых актов, внесенных депутатами Государственной Думы Российской Федерации по отношению к непринятым; 2) лучший показатель в 39,4 % за последние несколько созывов значительно уступает показателю 96,8 % эффективности исполнительного органа власти, выступающего в роли субъекта законодательной инициативы.

Полагаем, что причинами такой большой разницы в эффективности могут быть: влияния аспекта отчетности депутатов (у Правительства Российской Федерации жесткой привязки к показателю отчетности в виде проектов законов нет), спекулирование на важных социальных вопросах без серьезной аргументации и материальной проработанности, отсутствие заранее согласованной идеи законопроекта и проведение заблаговременной работы по поддержке проекта закона в палате парламента другими депутатами и фракциями, возможности депутатов, которые не сравнить с возможностями органа исполнительной власти, и многоступенчатость контроля за качеством акта в Правительстве Российской Федерации.

К слову, сенаторы Российской Федерации за период 8-го созыва Государственной Думы Российской Федерации являлись инициаторами внесения проектов законов 1 033 раза (в некоторых случаях соавторами наряду с депутатами Государственной Думы Российской Федерации). Проекты законов, работа по которым уже завершена, — 733, подписанных Президентом Российской Федерации, из них составляет 399, что чуть превышает 54 %.

Представленные выше цифры демонстрируют невысокую эффективность отдельных категорий субъектов законодательной инициативы и в итоге высокий уровень издержек, влияющих на стоимость правового регулирования [14]. Издержки ведь не только состоят из времени и ресурсов депутата или сенатора, внесшего проект, но эти действия вовлекают издержки других депутатов, председателя, иных органов и лиц, проводящих различного рода оценку проекта. Сюда же можно отнести в качестве издержки упущенную выгоду, то есть те положительные результаты, которые могли бы быть, если ресурсы пошли

бы на получение положительного результата, а именно — принятие закона.

Другая сторона вопроса — по данным системы обеспечения законодательной деятельности за период 8-го созыва [15] среди субъектов, обладающих правом законодательной инициативы, 2 субъекта не вносили проекты законов — Совет Федерации и Конституционный Суд Российской Федерации. Учитывая специфику деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, а также практику принятия постановлений, в которых суд обращает внимание на несоответствия действующих законов Конституции Российской Федерации с указанием необходимости внесения изменений, понять причины можно. По сути, работа ведется, но другим образом. Ситуация с Советом Федерации иная. Начиная с 3-го созыва и по 7-й количество обращений в Государственную Думу Российской Федерации с законодательной инициативой существенно снижалось, пока вовсе не прекратилось в 8-м созыве. На наш взгляд, это негативная тенденция. Отзывы, возвращения, снятия с рассмотрения проектов законов, инициаторами которых были отдельные сенаторы, демонстрируют необходимость готовить проекты закона и направлять их от коллективного субъекта — Совета Федерации.

Думается, что проблема оценки работы деятельности депутата кроется в отсутствии четких установленных правил, критериев оценки работы депутата, в механизме расчета затрат на один принятый проект закона, а также ответственности за неудовлетворительный результат.

Путей преодоления сложившейся ситуации несколько. Например, А. А. Косых предлагает ограничить введением законодательного закрепления минимального количества авторов законопроекта численностью в 15–20 человек и при этом отвергает идею об ограничении законодательной инициативы фракцией [16, с. 65]. Полагаем, что такое ограничение действительно улучшит ситуацию и повысит процент эффективности, но не решит проблему. Любое количество юридически не связанных между собой авторов в виде обособленного коллектива может в любой момент «разбежаться», как в вышеуказанных примерах с просьбами исключения из числа соавторов.

Здесь мы в большей степени поддерживаем мнение В. М. Баранова о том, что ограничение активности депутатов необходимо произвести, отдав приоритет именно фракциям, то есть коллективным законодательным инициативам [17, с. 148]. На наш взгляд, только установление

фракции как субъекта законодательной инициативы будет являться базовой гарантией качества подготовленного проекта закона, поскольку фракция станет первым «ситом» и в итоге будет нести репутационные издержки за отрицательный результат при рассмотрении законопроекта.

Полагаем, что в качестве субъектов законодательной инициативы необходимо оставить органы или их структурные подразделения, а также обособленные коллективы — в рамках Государственной Думы Российской Федерации это могут быть комитеты или фракции, в рамках деятельности верхней палаты парламента — Совет Федерации. При этом возможен вариант без внесения необходимых изменений в Конституцию Российской Федерации, как, например, в установлении процедуры предварительного рассмотрения и внутреннего одобрения проекта этим коллективом. Разработчиком и субъектом законодательной инициативы при этом остается депутат, подготовивший проект.

Список источников

1. Встреча с Председателем Государственной Думы Вячеславом Володиным 19 декабря 2024 года // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75915> (дата обращения: 10.02.2025).
2. Встреча с Председателем Совета Федерации Валентиной Матвиенко и Председателем Государственной Думы Вячеславом Володиным 5 августа 2024 года // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74705> (дата обращения: 10.02.2025).
3. Баранов В. М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление (извлечения) // Техничко-юридический анализ правотворческой реальности современной России: к юбилею профессора В. М. Баранова: монография / под ред. Р. А. Ромашова, М. В. Барановой. Москва: Проспект, 2025. 576 с.
4. О внесении изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации в части отмены транспортного налога: законопроект № 1149361-7 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1149361-7> (дата обращения: 20.07.2025).
5. О признании недействительным с момента принятия решения 1954 года о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР: законопроект № 572350-8 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/572350-8> (дата обращения: 12.05.2025).
6. О внесении изменения в статью 331 Трудового кодекса Российской Федерации (№197-ФЗ от

30 декабря 2001 г.): законопроект № 459924-8 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/459924-8> (дата обращения: 20.07.2025).

7. О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе»: законопроект № 541853-8 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/541853-8> (дата обращения: 20.07.2025).

8. О внесении изменений в статью 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»: законопроект № 718700-8 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718700-8> (дата обращения: 20.07.2025).

9. Курышев Е. Ю., Алексеев С. О. Инновации и законотворчество // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 4 (4). С. 71–80.

10. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz#data_source_tab_b (дата обращения: 13.02.2025).

11. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/stat/frakstad> (дата обращения: 19.08.2025).

12. Баранов В. М. Идея законопроекта // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 28–38.

13. О внесении изменения в статью 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: законопроект № 871363-8 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/871363-8> (дата обращения: 13.04.2025).

14. Орлов Д. В. Стоимость правового регулирования: определение понятия // Юридическая наука. 2024. № 3. С. 27–32.

15. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz_info_spzi/spzi_list (дата обращения: 20.07.2025).

16. Косых А. А. Интеллектуальные аспекты идеи законопроекта // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 60–67.

17. Баранов В. М. Идея законопроекта как средство ранней диагностики качества современного российского законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 148–151.

References

1. Meeting with State Duma Chairman Vyacheslav Volodin on December 19, 2024. President of Russia: official website. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75915> (accessed 10.02.2025). (In Russ.).
2. Meeting with Federation Council Chairwoman Valentina Matviyenko and State Duma Chairman Vyacheslav Volodin on August 5, 2024. President of Russia: official website. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74705> (accessed 10.02.2025). (In Russ.).

3. Baranov V. M. "The Idea of the Bill: Essence, Practical Value, and Technical and Legal Design (Extracts)". Technical and Legal Analysis of the Law-Making Reality of Modern Russia: On the Anniversary of Professor V. M. Baranov: Monograph / ed. by R. A. Romashov and M. V. Baranova. Moscow: Prospect, 2025. 576 p. (In Russ.).
4. On Amendments to the Tax Code of the Russian Federation Regarding the Abolition of Transport Tax: bill no. 1149361-7 / State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1149361-7> (accessed 20.07.2025). (In Russ.).
5. On recognizing as invalid, from the moment of adoption, the 1954 decision on the transfer of the Crimean region from the RSFSR to the Ukrainian SSR: bill no. 572350-8 / State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/572350-8> (accessed 12.05.2025). (In Russ.).
6. On amending Article 331 of the Labor Code of the Russian Federation (no. 197-FZ of December 30, 2001): bill no. 459924-8 / State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/459924-8> (accessed 20.07.2025). (In Russ.).
7. On amendments and additions to the federal law "On Military Duty and Military Service": bill no. 541853-8 / State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/541853-8> (accessed 20.07.2025). (In Russ.).
8. On Amendments to Article 24 of the Federal Law "On Military Duty and Military Service": bill no. 718700-8 / State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718700-8> (accessed 20.07.2025). (In Russ.).
9. Kuryshchev E. Yu., Alekseev S. O. Innovations and Lawmaking. *Bulletin of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops*, 2021, no. 4 (4), pp. 71–80. (In Russ.).
10. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz#data_source_tab_b (accessed 13.02.2025). (In Russ.).
11. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/stat/frakstad> (accessed 19.08.2025). (In Russ.).
12. Baranov V. M. "The Idea of the Bill". *Legal Technique*, 2007, no. 1, pp. 28–38. (In Russ.).
13. On Amending Article 247 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: bill no. 871363-8 / State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/871363-8> (accessed 13.04.2025). (In Russ.).
14. Orlov D. V. The Cost of Legal Regulation: definition of the concept. *Legal Science*, 2024, no. 3, pp. 27–32. (In Russ.).
15. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz_info_spzi/spzi_list (accessed 20.07.2025). (In Russ.).
16. Kosykh A. A. Intellectual aspects of the draft law idea. *Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (60), pp. 60–67. (In Russ.).
17. Baranov V. M. The Idea of a Draft Law as a Means of Early Diagnostics of the Quality of Modern Russian Legislation. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 22, pp. 148–151. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. В. Орлов — кандидат юридических наук, доцент, докторант Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

D. V. Orlov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, doctoral student of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 34

Проблемы имплементации международных рекомендательных актов в российское законодательство

Толстик Владимир Алексеевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, tolstikva@mail.ru,
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5834-9561>

Аннотация. В статье сформулированы базовые методологические предпосылки, касающиеся социальной и юридической природы международных рекомендательных актов, без учета которых невозможно адекватное решение проблемы их имплементации в российское законодательство. Подвергнуты критике выделяемые в научной и учебной юридической литературе способы имплементации (отсылка, рецепция, просто трансформация, генеральная, специальная, фактическая, юридическая трансформации, просто инкорпорация, автоматическая и индивидуальная инкорпорации, адаптация, легитимация). Обращено внимание на чрезмерную усложненность и запутанность данного вопроса. Опираясь на сформулированные в статье базовые методологические положения, предложен адекватный, внутренне не противоречивый вариант понимания имплементации рекомендательных норм международного права в российское законодательство и ее способов.

Ключевые слова: мягкое право, твердое право, рекомендательные акты, международные рекомендательные акты, имплементация, способы имплементации, отсылка, рецепция, трансформация, инкорпорация, автоматическая инкорпорация, адаптация

Для цитирования: Толстик В. А. Проблемы имплементации международных рекомендательных актов в российское законодательство // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 51–58.

Original article

Problems of implementing international recommendation acts into Russian legislation

Vladimir A. Tolstik

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, tolstikva@mail.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5834-9561>

Abstract. The article formulates the basic methodological prerequisites concerning the social and legal nature of international recommendatory acts, without taking into account which it is impossible to adequately solve the problem of their implementation in Russian legislation. The ways of implementation (reference, reception, simple transformation, general transformation, special transformation, actual transformation, legal transformation, simple incorporation, automatic incorporation, individual incorporation, adaptation, and legitimation) identified in the scientific

© Толстик В. А., 2025

and educational legal literature are subjected to criticism. Attention is drawn to the excessive complexity and confusion of this issue. Based on the basic methodological principles formulated in the article, an adequate and internally consistent understanding of the implementation of international law recommendations in Russian legislation and its methods is proposed.

Keywords: soft law, hard law, recommendatory acts, international recommendatory acts, implementation, methods of implementation, reference, reception, transformation, incorporation, automatic incorporation, adaptation

For citation: Tolstik V. A. Problems of implementing international recommendation acts into Russian legislation. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 51–58. (In Russ.).

Проблемы имплементации международных рекомендательных актов в российское законодательство, равно как и в законодательство иных стран, несмотря на имеющиеся доктринальные разработки, продолжают оставаться актуальными, поскольку, как представляется, не имеют удовлетворяющего юридическую науку и практику решения.

На наш взгляд, связано это с отсутствием должной методологической проработки базовых положений, касающихся социальной и юридической природы международных рекомендательных актов. Между тем без определенности в этих вопросах не будет определенности и в иных аспектах, в том числе и имплементации международных рекомендательных актов в российское законодательство.

О каких базовых положениях идет речь?

Во-первых, следует определиться с понятием «международные рекомендательные акты», его объемом и содержанием.

Ф. М. Вольтеру принадлежит фраза: «Прежде чем спорить, давайте договоримся о терминах». Французский философ, математик, физик и физиолог Р. Декарт: «Определив точно значения слов, вы избавите человечество от половины заблуждений» [1]. Это базовое методологическое требование, которое должно предварять любое научное исследование, особенно в тех случаях, когда используемая терминология полисемична.

Слово может иметь несколько значений, термин по общему правилу предполагает одно значение этого слова или словосочетания, посредством которого точно обозначается (наименовывается) определенное понятие. Однако в реальности далеко не всегда все так просто и однозначно. Нередко и в законодательстве, и тем более в юридической науке, требование единства юридической терминологии нарушается в силу целого ряда объективных (полисемия, синонимия, омонимия) и субъективных (благие намерения, упущения, научная недобросовестность и многие другие) причин. Причем для

гуманитарной науки такое положение вещей в последнее время скорее норма, чем исключение.

Возьмем слово «декларация». В юриспруденции оно имеет несколько значений. В одном случае, например, в конституционном праве — это нормативный правовой акт, имеющий в контексте государственности официальное, торжественное, программное значение. В других отраслях права декларации представляют собой официальные документы с сообщением некоторых необходимых сведений (торговая декларация, налоговая декларация, декларация о доходах). В международном праве их определяют, как официальные документы, принятые международными организациями и содержащие концептуальные положения, принципы [2, с. 106]. Как видим, слово «декларация» может пониматься как нормативный и как индивидуальный акт; как юридически обязательный и как рекомендательный (юридически необязательный акт). Если не договориться, в каком смысловом значении данное слово употребляется в конкретном научном дискурсе, корректно понять друг друга будет нельзя.

В ряде случаев ученые в принципе не могут договориться об обоснованности, уместности, полезности использования того или иного термина/понятия. Так, профессор В. М. Баранов вряд ли когда-либо сможет прийти к согласованной позиции с профессором Д. А. Липинским относительно обоснованности использования в юридической науке понятия «позитивная юридическая ответственность». В таких случаях следует проинформировать читателей, и в том числе потенциальных оппонентов о том, в каком смысле используется слово или словосочетание будет пониматься в научном произведении (статье, монографии).

Говоря о международных рекомендательных актах, обратим внимание на то, что этот термин употребляется во множественном числе. Возникает вопрос: «О каких конкретных актах идет речь?». Подобно тому, как в Венской конвенции

о праве международных договоров установлено, что «договор» означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» [3], международные рекомендательные акты могут называться по-разному: резолюция, декларация, руководящие принципы, техническое руководство, правила, рекомендация, совместное коммюнике, модельный закон и т. д. [4, с. 137].

Так, в Энциклопедии права модельные законы (англ. *model law*) определены как «*рекомендательные законодательные акты*» (курсив наш — В. Т.), принимаемые законодательным институтом федеративного государства, государственного объединения или международной организацией в целях согласования нормативной ориентации субъектов законодательной деятельности членов соответствующего объединения» [5].

На сегодняшний день отсутствует действующее легальное определение понятия «международные рекомендательные акты». Вместе с тем один из вариантов такой дефиниции сформулирован авторами проекта Федерального закона «О нормативных правовых актов» (далее — Проект) [6], подготовленного Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Под международными рекомендательными актами понимаются документы, независимо от их наименования (модельные законы, модельные кодексы, рекомендательные резолюции, решения, имеющие рекомендательный характер и т. д.), не имеющие юридически обязательного характера, принимаемые международными организациями (ст. 20 Проекта).

Следует отметить, что в данном определении в целом отражены доминирующие в юридической науке представления относительно политико-правовой природы рассматриваемых актов, и ключевое из них — отсутствие юридически обязательного характера.

Между тем в уточнении нуждается признак, касающийся субъектов, принимающих международные рекомендательные акты. Они могут приниматься не только международными организациями, но и их органами, а также государствами (например, совместные коммюнике).

Во-вторых, принципиально важно выяснить, на чем основаны представления об отсутствии юридической силы у положений, норм,

предписаний, содержащиеся в рассматриваемых актах, отрицании их юридической обязательности для государств?

Анализ различных научных источников по вопросу юридической силы рекомендательных актов, принимаемых международными организациями, учредительных актов (уставов), регулирующих организацию и порядок функционирования таких институтов, национального законодательства отдельных государств, показывает, что в современной юридической науке не вполне адекватно описывается организационная и юридическая природа актов, принимаемых международными организациями и их органами. Так, по мнению А. А. Каширкиной и А. Н. Морозова, «с точки зрения теории образования норм международного права и практики международно-правового сотрудничества государства в процессе разработки и принятия международного рекомендательного акта согласовывают свои воли и интересы в отношении содержания положений международного рекомендательного акта, но не согласовывают воли и интересы применительно к приданию такого рода актам юридически обязательной силы, что и отличает их от международных договоров и юридически обязательных решений международных организаций, принимаемых в соответствии с учредительными актами таких организаций» [4, с. 138].

Получается, что международные организации принимают международные договоры (конвенции), которые изначально являются юридически обязательными, и рекомендательные акты, которые юридической силы не имеют. Согласиться с таким подходом можно было только в том случае, если государства-члены той или иной международной организации наделяли ее полномочиями на принятие юридически обязательных для своей юрисдикции актов. Во всех иных случаях, а это общее правило, государства оставляют за собой право признавать или не признавать те или иные акты международных организаций юридически обязательными.

Обусловлено это принципом суверенного равенства государств, в силу которого любые акты внешних (надгосударственных) субъектов как договоры, так и рекомендательные только тогда могут быть юридически обязательными для конкретного государства, когда в их отношении в предусмотренной законом форме будет выражено согласие на обязательность соответствующих документов. Если такого согласия нет, то ни о какой обязательности говорить нельзя. Эти утверждения в том числе распространяются и

на так называемые общепризнанные принципы и нормы международного права (*jus cogens*), которые будут признанными для конкретного государства тогда, когда оно в отношении таких источников выразит свое согласие на их обязательность в любой из предусмотренных федеральным законом форм [7–9].

Сказанное наглядно подтверждается положениями пункта *d* части 6 статьи 19 Устава Международной организации труда (далее — Устав МОТ), в которых установлено, что кроме представления конвенции и рекомендации «на рассмотрение компетентной власти или властей, член Организации не несет перед Организацией никаких других обязательств, за исключением обязательства сообщать Генеральному директору Международного бюро труда в соответствующие периоды, когда этого потребует Административный совет, о состоянии законодательства и существующей практике в его стране по вопросам, которых касается рекомендация, о том, какие меры были приняты или намечены для придания силы любым положениям рекомендации, а также о таких изменениях этих положений, которые являются или могут оказаться необходимыми в целях принятия или применения рекомендации» [10]. Заметим, что у государства есть сугубо организационная обязанность представлять на рассмотрение компетентной власти или властей данные документы и информировать соответствующее должностное лицо и орган МОТ. При этом никаких обязательств по реализации положений, рассматриваемых документов в соответствующей национальной правовой системе у него не возникает.

В данном контексте следует отметить, что любая международная правительственная или неправительственная организация как самостоятельный субъект права заинтересована в том, чтобы ее решения выполнялись. Иное будет подрывать авторитет данной организации. По этой причине они прописывают в своих уставах различные механизмы (меры), направленные на прямое или косвенное побуждение государств и их органов и организаций на выполнение не только юридически обязательных, но и рекомендательных актов. В их числе различного рода отчеты и более жесткие меры, вплоть до приостановления членства или исключения из числа членов. Подобная практика дает основание отдельным ученым говорить о наделении, например, рекомендаций Организации экономического сотрудничества и развития квазиобязательной юридической силой [4, с. 143],

с чем по вышеизложенной причине мы согласиться не можем.

Таким образом, положения международных рекомендательных актов сами по себе не имеют юридической силы и, следовательно, не могут порождать права и обязанности для адресатов. А это, в свою очередь, означает, что во всех случаях их игнорирования никаких неблагоприятных правовых последствий для соответствующих субъектов наступать не должно. Между тем в юридической литературе имеет место несколько двусмысленное, на наш взгляд, утверждение относительно повышения роли и значения так называемого «мягкого» права, к которому относят и международные рекомендательные акты: «Государство в разрезе современных международных отношений уже не вправе отмахнуться от рекомендаций, принимаемых важнейшими интеграционными структурами или международными организациями, равно и проигнорировать их» [4, с. 138]. Что значит, с юридической точки зрения, «не вправе отмахнуться равно и проигнорировать их»? В каком смысле авторами употреблено словосочетание: «не вправе»? Буквальное понимание явно указывает на юридический смысл. А в этом контексте «не вправе игнорировать» означает не что иное, как обязано отреагировать. Иной интерпретации быть не должно. Однако указанные авторы в уже цитируемой научной статье отмечали, что никаких международно-правовых обязательств международные рекомендательные акты для государств порождать не могут [4, с. 138].

В-третьих, чем обусловлено то обстоятельство, что международные организации в одних случаях принимают договоры, а в других — рекомендательные акты?

По мнению ряда ученых, это связано с тем, что международный рекомендательный акт (далее — МРА) имеет преимущества перед договором. Так, зарубежный ученый Ч. Лоусон считает, что «мягкое» право обладает следующими преимуществами: зачастую является отправным пунктом для разработки юридически обязательных международно-правовых норм; предоставляет более широкие возможности для их использования по сравнению с международно-правовыми актами; облегчает достижение компромисса, позволяя субъектам достичь консенсуса, несмотря на разные интересы, ценности, возможности и т. д. [4, с. 138].

На наш взгляд, в данном случае речь должна идти не о преимуществах рассматриваемых актов, а о возможности и обоснованности их

использования в конкретных историко-политических условиях.

Вот что по этому поводу говорится в статье 19 Устава МОТ:

«Если Конференция высказывается за принятие предложений по какому-либо пункту повестки дня, она решает, следует ли придать этим предложениям форму: международной конвенции или рекомендации, если вопрос, стоящий на обсуждении, или какой-либо его аспект не позволяют принять по нему в этот момент решение в форме конвенции» [10].

Причины такого выбора могут быть самые различные: экономические, политические, идеологические и другие. Главное в том, что в процессе принятия предложений участникам по какому-либо вопросу не удалось прийти к согласованному решению. Между тем в контексте рассматриваемой проблемы еще раз следует отметить, что с точки зрения юридической обязательности конвенции и рекомендательные акты до выражения согласия на их обязательность для Российской Федерации, равно как и для любого иного государства, не отличаются друг от друга. Вместе с тем данные документы могут существенно различаться по своим структурно-содержательным признакам и иным аспектам.

Далее перейдем к рассмотрению понятия и способов имплементации положений международных рекомендательных актов в российское законодательство.

Анализ работ авторов, так или иначе затрагивавших проблемы понимания имплементации и ее способов, позволяет сделать вывод, что в юридической науке вопрос о понятии имплементации норм международного права и особенно ее способах (причем в данном случае речь идет о так называемом «твердом», так и «мягком» праве) относится к числу наиболее спорных, противоречивых, и как представляется, чрезмерно запутанных.

В научной и учебной юридической литературе называется большое количество способов имплементации (отсылка, рецепция, просто трансформация, генеральная, специальная, фактическая и юридическая трансформации, просто инкорпорация, автоматическая и индивидуальная инкорпорации, адаптация, легитимация), которые и в отдельности, и в своей совокупности логически не согласованы. В чем это выражается? В одних случаях имеет место пересечение их объемов, в других — один способ определяется через признаки другого, в-третьих, одно и то же явление номинируется

разными терминами и т. д. При этом степень запутанности рассматриваемого вопроса столь высока, что с теоретической и практической точки зрения гораздо полезнее не пытаться оздоровить «мутное болото», а опереться на базовые отправные положения, в том числе изложенные выше, и попытаться без излишнего усложнения предложить адекватный, внутренне не противоречивый вариант понимания имплементации норм международного права и ее способов.

Итак, в качестве базовых, отправных положений обозначим следующие.

1) Любые нормы (положения) международных документов (договоров, рекомендательных актов) с точки зрения принципа суверенного равенства государств могут только тогда стать юридически обязательными для конкретного государства, когда оно в установленной законом форме выразит на это свое недвусмысленное согласие.

2) Если государство приняло на себя те или иные обязательства, то в силу принципа добросовестного выполнения обязательств по международному праву оно должно соответствующим образом их исполнять. В Преамбуле к Федеральному закону от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 года) «О международных договорах Российской Федерации» установлено: «Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права — принципу добросовестного выполнения международных обязательств».

3) Юридически обязательные для Российской Федерации нормы так называемого «твердого» международного права (нормы международных договоров Российской Федерации) могут быть как самоисполнимыми, так и несамоисполнимыми. Первые реализуются непосредственно, вторые для своей реализации требуют издания внутригосударственных актов [8]. Пример: одно из юридических свойств Конституции Российской Федерации состоит в том, что нормы основного закона имеют прямое действие, то есть не требуют для их реализации издания конкретизирующих нормативно-правовых актов. В Конституции Российской Федерации закреплено право на альтернативную гражданскую службу. Однако Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» [11] был принят только в 2002 году. Таким образом, в период с момента вступления Конституции Российской Федерации в юридическую силу (25 декабря 1993 года)

до вступления в силу указанного федерального закона (1 января 2004 года) конституционное право на альтернативную гражданскую службу реализовать было весьма проблематично.

4) Нормы «мягкого» международного права (положения международных рекомендательных актов) до выражения согласия на их обязательность для Российской Федерации являются юридически необязательными. По этой причине любое положение международного рекомендательного акта может быть как полностью проигнорировано государством, так и имплементировано в той или иной части посредством издания внутригосударственных актов.

5) Имплементация может пониматься в широком и узком смысле слова. В первом случае под ней следует понимать воплощение норм международного права в правомерное поведение субъектов российского права. Иное понимание нивелировало бы истинный смысл рассматриваемой категории. Во втором (узком смысле) адресатом имплементации являются уполномоченные государственные органы, которые в случае наличия на то воли государства могут создать нормативные условия (принимать внутригосударственные акты), реализация которых будет означать и реализацию положений международных рекомендательных актов в юрисдикции Российской Федерации. Так, в Большой российской энциклопедии дано следующее определение имплементации: «Имплементация (от англ. *implementation* — осуществление, выполнение), реализация международных обязательств на внутригосударственном уровне путем включения международно-правовых норм в национальную правовую систему (законы и подзаконные нормативные акты)» [12].

Имплементацию международных рекомендательных актов не следует путать со способами выражения государством согласия на обязательность для себя норм международного права. Имплементировать (осуществлять, реализовывать) по общему правилу можно только то, что является юридически обязательным. С этой точки зрения согласие (желание) принять для своей юрисдикции соответствующие предписания предшествует имплементации.

Когда речь идет об имплементации в узком смысле слова, уместна аналогия с правоприменением, предполагающим принятие вспомогательных (правоприменительных) актов для индивидуализации общих требований нормы, с той лишь разницей, что при имплементации создаются прежде всего нормативные условия (принимаются нормативные правовые акты)

для последующей их реализации в национальном правопорядке, в том числе посредством правоприменения как формы индивидуального правового регулирования [13].

Способы имплементации в доктрине международного права традиционно рассматриваются в контексте узкого подхода к пониманию анализируемой категории. В этой связи их характеристику логично начать с фактических правотворческих действий по включению положений МРА в российское законодательство.

Положения МРА выступают в качестве идеального источника права. Как их можно использовать технико-юридически? Какие могут быть варианты?

1) МРА могут быть полностью (практически в неизменном виде) приняты как национальный нормативный правовой акт или его отдельные положения включены в действующие нормативные правовые акты. Так, адресатом модельного закона является национальный законодательный орган, который вправе его использовать в любой форме: одобрить акт целиком; частично одобрить с внесением дополнений, изменений; использовать как ориентир для будущей законодательной работы; оставить его без внимания [5]. Если имеет место первый вариант, то данный способ обоснованно назвать инкорпорацией, под которой, в соответствии с толковыми словарями, понимается включение в состав целого, в систему. В юриспруденции слово инкорпорация используется для наименования и других понятий: как одна из форм систематизации законодательства, как одна из форм объединения государств. Резонно сохранить признак «без изменения содержания».

2) В большинстве случаев положения МРА в неизменном виде включить в систему законодательства Российской Федерации по целому ряду причин невозможно. В числе таких причин, например, особенности используемой терминологии, особенности технико-юридического изложения норм права, особенности структуры законодательства, особенности отраслевого построения источников права, особенности законодательной стилистики и другие. Так, в примечании к части 1 статьи 3 Устава МОТ говорится: «Со времени последнего издания Устава МОТ и Регламента Международной конференции труда на русском языке в русской терминологии произошли определенные изменения. В связи с этим термин «предприниматель» следует понимать как «работодатель», то есть термин, который в настоящее время используется в актах и документах МОТ на русском языке» [11].

Во всех таких случаях требуется адаптировать положения МРА к специфике формы и содержания законодательства Российской Федерации. Соответственно, данный способ логично именовать адаптация. При этом заметим, что в рассматриваемом случае обоснованно использовать именно термин «адаптация», а не трансформация, как это делают отдельные авторы, поскольку последнее означает не просто изменение внешней формы, а качественное содержательное изменение, что никоим образом не предполагается в процессе имплементации.

3) Наконец, в третьих, можно использовать отсылку (бланкетную норму), с помощью которой акт в целом и то или иное положение МРА можно сделать юридически обязательным.

Уместно задать вопрос: «Какой смысл включения положения части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, указывающей на то, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы?». Считается, что тем самым указанные источники включаются в правовую систему Российской Федерации. С таким пониманием вряд ли можно согласиться. Дело в том, что создание норм международного права и (или) их включение в правовую систему Российской Федерации осуществляется посредством деятельности государства по выражению согласия на обязательность данных норм для Российской Федерации. Смысл данной нормы, как представляется, в другом: все иные нормы международного права не являются составной частью ее правовой системы.

Иное дело, когда в закон включаются отсылочные положения, касающиеся конкретных МРА или их отдельных положений. В данном случае имеет место бланкетный способ изложения норм права.

Таким образом, можно выделить три самостоятельных способа имплементации норм права: инкорпорация, адаптация и отсылка.

Выбор в каждом отдельном случае конкретного способа (или их совокупности) имплементации зависит от целого ряда условий:

— специфики МРА, имея в виду их существенно различающееся между собой по форме и по содержанию многообразие. Так, модельные законы — это, по сути, готовые проекты законов. Декларации — это документы, которые для их фактической имплементации предполагают не только существенную конкретизацию их абстрактных положений в процессе издания

внутригосударственных актов, но и создание эффективных механизмов для воплощения в правомерное поведение субъектов права;

— специфика стандартов юридической техники;

— соответствие национальным правовым традициям;

— и другое.

В заключение еще раз отметим, что имплементация международных рекомендательных актов в национальное законодательство (равно как и полный или частичный отказ от нее) является суверенным правом каждого отдельного государства, таким же правом является и возможность выбора того или иного способа имплементации при наличии соответствующей суверенной воли.

Список источников

1. Р. Декарт. Викицитатник. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рене_Декарт (дата обращения: 11.08.2025).
2. Логвинова И. В. О политико-юридическом значении деклараций // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 106–110.
3. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года // Сборник международных договоров СССР. 1988. Вып. XLII.
4. Каширкина А. А., Морозов А. Н. Международные рекомендательные акты в российской правовой системе: пределы и возможности использования // Журнал российского права. 2015. № 2 (218). С. 135–147.
5. Энциклопедия права. Модельный закон. URL: <http://law.niv.ru/doc/encyclopedia/laws/articles/641/modelnyj-zakon.htm> (дата обращения: 11.08.2025).
6. Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). Москва. 2013.
7. Толстик В. А. Иерархия источников права: дис... д-ра. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 494 с.
8. Толстик В. А. Иерархия российского и международного права. Москва, 2001. С. 126.
9. Толстик В. А. Общепризнанные принципы и нормы международного права // Журнал российского права. 2000. № 8 (45). С. 67–77.
10. Устав Международной организации труда. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2025).
11. Об альтернативной гражданской службе: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 113-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2025).
12. Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/2006536> (дата обращения: 20.08.2025).

13. Толстик В. А. Некоторые спорные вопросы теории реализации норм права // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2015. № 2 (4). С. 75–80.

References

1. R. Descartes. Wikiquote. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Рене_Декарт (accessed 11.08.2025). (In Russ.).
2. Logvinova I. V. On the Political and Legal Significance of Declarations. *Socio-Political Sciences*, 2017, no. 2, pp. 106–110. (In Russ.).
3. Vienna Convention on the Law of Treaties of 23 May 1969. *Collection of International Treaties of the USSR*, 1988, Iss. XLII. (In Russ.).
4. Kashirkina A. A., Morozov A. N. International Recommended Acts in the Russian Legal System: Limits and Possibilities of Use. *Journal of Russian Law*, 2015, no. 2 (218), pp. 135–147. (In Russ.).
5. Encyclopedia of Law. Model Law. URL: <http://law.niv.ru/doc/encyclopedia/laws/articles/641/modelnyj-zakon.htm> (accessed 11.08.2025). (In Russ.).

6. Draft federal law “On normative legal acts in the Russian Federation” (initiative bill). Moscow. 2013. (In Russ.).

7. Tolstik V. A. Hierarchy of sources of law. Dissertation... doctor of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2002. 494 p. (In Russ.).

8. Tolstik V. A. Hierarchy of Russian and international law. Moscow, 2001. P. 126. (In Russ.).

9. Tolstik V. A. Generally recognized principles and norms of international law. *Journal of Russian Law*, 2000, no. 8 (45), pp. 67–77. (In Russ.).

10. Charter of the International Labour Organization. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 20.08.2025). (In Russ.).

11. On Alternative Civilian Service: federal law no. 113-FZ of July 25, 2002. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 20.08.2025). (In Russ.).

12. The Great Russian Encyclopedia 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/2006536> (accessed 20.08.2025). (In Russ.).

13. V. A. Tolstik. Some Controversial Issues in the Theory of Implementation of Legal Norms. *Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice*, 2015, no. 2 (4), pp. 75–80. (In Russ.).

Информация об авторе

В. А. Толстик — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

V. A. Tolstik — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 342

Теоретико-правовые проблемы организации работы с обращениями граждан в региональных органах публичной власти в условиях цифровизации

Горбачева Светлана Вячеславовна

Нижегородский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия, gorbacheva-sv@ranepa.ru

Аннотация. Данная статья посвящена теоретико-правовым проблемам организации работы с обращениями граждан в региональных органах публичной власти в условиях цифровизации. Определено, что при электронном взаимодействии граждан с органами публичной власти в безусловном порядке и в полной мере должна использоваться Единая система идентификации и аутентификации. Установлено, что принятие на общегосударственном уровне мер по совершенствованию функционала Госуслуг и введению Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций), а затем и платформы обратной связи привело к тому, что число региональных порталов обратной связи граждан с региональными властями в значительной степени сократилось. В результате рассмотрения данной проблематики мы приходим к выводу о необходимости использования положительного опыта функционирования цифрового взаимодействия граждан субъектов Российской Федерации с региональными властями таких регионов, как Москва и Республика Татарстан. Цифровизационные процессы могут и должны укрепить самостоятельность и компетентность властей субъектов Российской Федерации в рассмотрении обращений к ним со стороны населения региона.

Ключевые слова: обращение гражданина, региональные органы публичной власти, электронно-цифровая среда, цифровой документ, интернет-портал

Для цитирования: Горбачева С. В. Теоретико-правовые проблемы организации работы с обращениями граждан в региональных органах публичной власти в условиях цифровизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 59–64.

Original article

Theoretical and legal problems of organizing work with citizens' appeals in regional public authorities in the context of digitalization

Svetlana V. Gorbacheva

Nizhny Novgorod Institute of management — branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation, gorbacheva-sv@ranepa.ru

© Горбачева С. В., 2025

Abstract. The scientific article is devoted to the theoretical and legal problems of organizing work with citizens' appeals in regional public authorities in the context of digitalization. It is determined that the Unified System of Identification and Authentication should be used in full and unconditionally in electronic interaction between citizens and public authorities. It is established that the adoption of measures at the national level to improve the functionality of public services and introduce the Unified System of Identification and Authentication, followed by the introduction of a feedback platform, has led to a significant reduction in the number of regional portals for citizens' feedback with regional authorities. As a result of the conducted research, the author concludes that it is necessary to use the positive experience of digital interaction between citizens and regional authorities in regions such as Moscow and Tatarstan in other constituent entities of the Russian Federation. Digitalization processes can and should strengthen the independence and competence of the authorities of the constituent entities of the Russian Federation in handling appeals from the regional population.

Keywords: citizen's appeal, regional public authorities, electronic and digital environment, digital document, and Internet portal

For citation: Gorbacheva S. V. Theoretical and legal problems of organizing work with citizens' appeals in regional public authorities in the context of digitalization. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 59–64 (In Russ.).

Как утверждает устойчивое латинское выражение *Vox populi – vox dei*, впервые документально зафиксированное в послании средневекового богослова Алкуина к будущему императору Карлу Великому, глас народа — глас Божий. Не вдаваясь в богословский смысл данной фразы, признаваемой в России поговоркой [1, с. 184], с юридических позиций полагаем возможным говорить о ее фактической реализации посредством закрепленной на высшем нормативном уровне возможности вынесения важнейших вопросов отечественного государства и общества на референдум, равно как и делегирование гражданами России своих конституционно закрепленных властных полномочий выборным органам государственной/муниципальной власти, их должностным лицам.

Важнейшим и действенным каналом выражения народом и его отдельными представителями своей воли выступает закрепленное Конституцией Российской Федерации право гражданина на обращение в органы государственной и муниципальной власти. Положения статьи 33 Конституции Российской Федерации непосредственно фиксируют правомочие гражданина как лично в устном формате обращаться к должностным лицам органов публичной власти, так и направлять в их адрес обращения не только в лично-индивидуальном, но и в коллективном порядке [2].

Конституция Российской Федерации является наиболее значимым, но далеко не единственным нормативным правовым актом, определяющим и конкретизирующим теоретические и прикладные вопросы как реализации гражданином своего права на обращение в органы государственной и муниципальной власти, так и деятельности должностных лиц указанных

властных органов по принятию и рассмотрению соответствующих обращений. Цифровизационные процессы, неуклонно внедряющиеся во всех сферах жизнедеятельности российского государства и его властных институтов, не могли обойти стороной и реализацию гражданином России своего конституционного права на обращение в орган, организацию, учреждение, наделенные публично-правовыми функциями. В настоящем исследовании предполагается проведение краткого исследования теоретико-правовой проблематики деятельности должностных лиц региональных публичных органов в реалиях цифрового общества.

Конституционное предписание о праве гражданина на обращение в органы государственной власти, органы местного самоуправления нашло свое развитие и конкретизацию в правовых положениях специализированного законодательного акта, которым определяется понятие и содержание такого рода обращений, равно как и порядок действий должностных лиц по их рассмотрению [3]. Диспозиция пункта 1 статьи 4 Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее — Закон № 59-ФЗ) закрепляет: гражданин вправе обратиться в государственный/муниципальный орган, к должностному лицу в трех альтернативно существующих и избираемых им самостоятельно формах: в форме устного обращения, в письменном виде, а также в форме документа, направляемого адресату с использованием электронно-цифровых средств доставки. Если при устном обращении гражданина в публичный орган риск разглашения его персональных данных практически отсутствует, поскольку идентификация указанного лица

осуществляется в его присутствии, документ, удостоверяющий личность, лишь предъявляется, то в случае письменного, а тем более электронного обращения опасность несанкционированного использования персональных данных гражданина, несомненно, присутствует. Для его максимального купирования отечественным законодателем закрепляются следующие модели подачи гражданином обращения в форме цифрового документа:

— задействование потенциала общефедеральной информационной системы, имеющей государственную природу — Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) (далее — Госуслуги);

— использования возможностей информационных систем, аналогичных по своему функционалу Госуслугам, функционирующих в пределах отдельного субъекта Российской Федерации;

— задействования функционала иных региональных и муниципальных информационно-цифровых систем, специализирующихся на принятии и обработке электронных обращений граждан;

— подача обращения в электронной форме через специальную форму, размещенную на официальном интернет-сайте федерального/регионального органа исполнительной власти, равно как и муниципального исполнительного органа.

Следует отметить, что российский законодатель в диспозиции пункта 1 статьи 4 Закона № 59-ФЗ прямо указывает на то, что любая из закрепленных моделей принятия у гражданина обращения в орган публичной власти в форме цифрового документа должна заведомо содержать и обеспечивать полнообъемную реализацию механизма идентификации автора обращения, равно как его аутентификацию. Указанной законодательной конструкцией предусматривается, что письменное или предоставленное в форме электронного документа обращение гражданина может представлять собой предложение автора обращения органу публичной власти, равно как его жалобу или заявление.

С учетом того уровня мобильности, который обеспечивается гражданину для реализации его конституционного права на обращение в орган, организацию, учреждение, наделенный публично-властными полномочиями, цифровизационными процессами в сфере государственного/муниципального управления. Можно с достаточной долей уверенности констатировать, что подача такого обращения именно в форме

электронного документа для большинства граждан предпочтительна. Схожую научную позицию высказывает А. А. Морукова, утверждая, что информационные системы, обеспечивающие гражданину возможность подачи своего обращения в орган публичной власти в цифровой форме, не только фактически воплощают рассматриваемое конституционно закрепленное право, но и дают государству (на федеральном и региональном уровнях) как основному адресату таких электронных документов действенный механизм учета разнонаправленного мониторинга общественной жизни вообще и ожиданий граждан в частности [4, с. 246].

Еще до начала проведения Российской Федерацией в феврале 2022 года специальной военной операции как для Российской Федерации, так и для его граждан чрезвычайно остро стояла проблема должной сохранности персональных данных физических лиц в связи с многочисленными попытками злоумышленников использовать их в преступных целях. Подача гражданином как в письменном виде, так и в форме электронного документа своего обращения в региональный орган государственной власти в обязательном порядке предполагает указание заявителем определенного объема информационных данных, подпадающих под категорию персональные. По мнению О. И. Филонова, по результатам проведенного ею в 2018 году анализа электронного функционала региональных Госуслуг, значительный объем такого рода интернет-площадок не обеспечивал должного уровня защиты персональных данных граждан, осуществляя работу с обращениями в отрытом виде, без должного уровня защиты и шифрования указанной информации [5, с. 120]. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (далее — Стратегия) был закреплен генезис российского общества на информационных началах на период до 2030 года [6]. Предназначением Стратегии является всемерное содействие поступательному развитию устойчивого и, что чрезвычайно важно, безопасного взаимодействия российского гражданина с органами публичной власти, в том числе и на уровне субъектов Российской Федерации.

Анализируя влияние цифровизационных процессов на сферу коммуникации российского гражданина с органами государственной власти, в том числе и на региональном уровне, С. П. Степкин обратил внимание на итоги

состоявшегося в ноябре 2018 года в Федеральном Собрании Российской Федерации круглого стола [7], лейтмотивом которого выступила проблема совершенствования российского законодательства в части регламентации рассмотрения должностными лицами органов публичной власти обращений граждан и совершенствования защиты персональных данных. В числе приоритетных решений прошедшего форума, по мнению С. П. Степкина, стало поручение Совета Федерации Российской Федерации Правительству Российской Федерации не только пролонгировать мониторинг правоприменения положений Закона № 59-ФЗ, но и представить конкретные предложения по обеспечению должной защиты информации на федеральных, региональных и муниципальных интернет-ресурсах, функционал которых предусматривает прием, обработку и рассмотрение обращений граждан [8, с. 52].

На федеральном уровне задачу полноценной защиты персональных данных автора обращения в орган государственной власти при его одновременной полной идентификации и авторизации с сентября 2023 года можно во многом считать решенной. Как отмечает Н. Е. Дмитриева, такого рода защитно-идентификационные меры обеспечиваются посредством введенной в эксплуатацию с 1 сентября 2023 года платформы обратной связи, функционирующей на базе Госуслуг. Дополнительной опцией платформы, в значительной степени облегчающей гражданам отправку обращений в органы государственной и муниципальной власти, по мнению указанного автора, выступает наличие версии платформы для установки на смартфонах и иных средствах мобильной коммуникации [9, с. 52].

Введение в действие функционала платформы обратной связи на базе Госуслуг было не только обусловлено внесенными в Закон № 59-ФЗ дополнениями, но конкретизировано Правительством Российской Федерации, которое ввело правила использования потенциала Госуслуг для направления гражданами своих обращений в органы государственной федеральной и региональной власти [10].

С учетом заявленной темы настоящего исследования необходимо обратить внимание на тот факт, что при всей своей универсальности Госуслуги не являются исключительным «монополистом» функционал которого предоставляет возможность гражданам реализовать свое право на обращение в региональные органы государственной власти с использованием возможностей цифровой среды. Федеральный законодательный

акт, регламентирующий оказание на территории России услуг государственного и муниципального характера, помимо обязательности функционирования такой информационной системы, как Госуслуги, предусматривает необходимость создания и работы соответствующих региональных ресурсов [11]. На данных интернет-ресурсах, также как на Госуслугах, в безусловном порядке и в полной мере должна использоваться Единая система идентификации и аутентификации (далее — ЕСИА). В этой связи представляется обоснованным суждение С. В. Каменской относительно того, что именно ЕСИА не только предоставляет получателю цифрового обращения получить достоверные данные об авторе обращения и причинах его электронного послания, но и одновременно с этим четко закрепить гипотетический источник разглашения персональных данных автора обращения [12, с. 82].

Полагаем, следует согласиться с суждением В. Килиана, что в действующих общественно-политических реалиях цифрового общества значимость и обязательность максимальной защиты и обеспечения со стороны государства недоступности передачи персональных данных гражданина посторонним лицам не вызывает сомнений и предполагает использование всего возможного потенциала цифровых технологий обработки информационных данных [13, с. 1061].

Еще до введения на Госуслугах платформы обратной связи, функционал которой позволил во многом превратить данный социально значимый, но прежде всего ориентированный на предоставление гражданам и организациям различного рода услуг в режиме «одного окна» глобальный информационно-цифровой ресурс в полноценный канал обратной связи граждан с государством, во многих субъектах Российской Федерации уже успешно действовали региональные интернет-порталы для взаимодействия населения с региональными органами власти и их должностными лицами. Так, по состоянию на 2020 год больше, чем в половине субъектов Российской Федерации население, используя потенциал интернет-площадок, могло обратиться к высшему должностному лицу, направить цифровое обращение в соответствующие органы государственной власти. Принятие на общегосударственном уровне мер по совершенствованию функционала Госуслуг и введению ЕСИА, а затем и платформы обратной связи привело к тому, что число региональных порталов обратной связи граждан

с региональными властями в значительной степени сократилось. Причиной тому стали обстоятельства как объективного, так и субъективного для регионов России плана. Полагаем, что приоритетным основанием для продолжения успешного функционирования «окон обратной связи» властей региона с населением в таких субъектах Российской Федерации, как Москва, Республика Татарстан и Белгородская область, выступает и высокий уровень доверия к ним со стороны граждан, их качество работы. Не вдаваясь в полнообъемный анализ функционала указанных региональных интернет-порталов, считаем возможным отметить, что функционал цифровой платформы «Мос.ру» не только сопоставим с соответствующими показателями Госуслуг, но по скорости и качеству решения проблем регионального характера превосходит федеральный аналог.

С теоретико-правовых позиций считаем возможным констатировать, что в настоящее время Российской Федерацией предпринимаются активные усилия по обеспечению полнообъемной реализации конституционно опосредованного права граждан на обращение в органы публичной власти в форме цифрового документа. К числу проблемных вопросов в данном плане следует отнести чрезмерно патерналистский подход государства как к правовому обеспечению, так и практической реализации данного права, на что указывает выраженная динамика сокращения региональных интернет-порталов обратной связи населения субъектов Российской Федерации с региональными органами государственной власти. Полагаем, положительный опыт функционирования указанных платформ в Москве и Республике Татарстан должен быть взят за основу как в правовом, так и практическом плане.

Список источников

1. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. Москва, 1991. 534 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2025).
3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2025).
4. Морукова А. А., Калинина С. В. Обеспечение информационной безопасности при направлении гражданами обращений в органы публичной власти в электронной форме // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник статей. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ. 2017. С. 245–249.
5. Филонова О. И., Полякова Е. Н. Правовое обеспечение внедрения цифровых технологий в сфере электронных обращений граждан в органы государственной власти // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Т. 4. № 4. С. 119–132.
6. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901.
7. Вопросы совершенствования законодательства об обращениях граждан обсудили в Совете Федерации Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/98521/> (дата обращения: 20.08.2025).
8. Степкин С. П. Цифровая трансформация обращений граждан с использованием современных информационных технологий // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 4. С. 72–81.
9. Дмитриева Н. Е. Электронные обращения граждан в органы власти: сравнительный анализ стран БРИКС // Информационное общество. 2024. № 5. С. 47–61.
10. Об утверждении Правил использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для направления гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами, лицами без гражданства, объединениями граждан, в том числе юридическими лицами, обращениями и сообщений в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам, а также для получения и обработки такими органами и организациями указанных обращений и сообщений и направления ответов на такие обращения и сообщения: постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2023 года № 2334. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408214235/?ysclid=meir7mqjo672975858> (дата обращения: 20.08.2025).
11. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31, ст. 4179.
12. Каменская С. В. Социальное обеспечение граждан в условиях цифровой экономики // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 78–88.
13. Килиан В., Функат Д. Структурирование правовых знаний по защите данных: исследовательский проект по защите данных DAPRO // IEEE Conference: труды XI Международного семинара по применению баз данных и экспертных систем. 2000. С. 1061–1065.

References

1. Zhukov V. P. Dictionary of Russian Proverbs and Sayings. Moscow, 1991. 534 p. (In Russ.).
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 19.08.2025). (In Russ.).
3. On the Procedure for Considering Citizens' Appeals in the Russian Federation: federal law no. 59-FZ dated May 2, 2006. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 19.08.2025). (In Russ.).
4. Morukova A. A., Kalinina S. V. Ensuring Information Security When Citizens Submit Electronic Applications to Public Authorities / Actual Problems of Administrative and Administrative Procedure Law: collection of articles. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2017. Pp. 245–249. (In Russ.).
5. Filonova O. I., Polyakova E. N. Legal Support for the Implementation of Digital Technologies in the Field of Electronic Appeals from Citizens to Government Agencies. *Bulletin of Tyumen State University. Social, Economic, and Legal Research*, 2018, vol. 4, no. 4, pp. 119–132. (In Russ.).
6. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: decree of the President of the Russian Federation no. 203 dated May 9, 2017. *Collection of Legislation of the RF*, 2017, no. 20, art. 2901. (In Russ.).
7. The issues of improving legislation on citizens' appeals were discussed at the Federation Council. URL: <http://council.gov.ru/events/news/98521/> (accessed 20.08.2025). (In Russ.).
8. Stepkin S. P. Digital Transformation of Citizens' Appeals Using Modern Information Technologies. *Russian Law: Education, Practice, Science*, 2022, no. 4, pp. 72–81. (In Russ.).
9. Dmitrieva N. E. Electronic appeals from citizens to government bodies: a comparative analysis of BRICS countries. *Information Society*, 2024, no. 5. pp. 47–61. (In Russ.).
10. On Approval of the Rules for the Use of the Federal State Information System "Unified Portal of State and Municipal Services (Functions)" for sending by citizens of the Russian Federation, foreign citizens, stateless persons, associations of citizens, including legal entities persons, appeals and communications to state bodies, local self-government bodies, state and municipal institutions, other organizations performing publicly significant functions, and their officials, as well as for receiving and processing such appeals and communications by such bodies and organizations and sending responses to such appeals and communications: decree of the Government of the Russian Federation no. 2334 dated December 27, 2023. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408214235/?ysclid=meir7mqjo672975858> (accessed 20.08.2025). (In Russ.).
11. On the Organization of the Provision of Public and Municipal Services: federal law no. 210-FZ dated July 27, 2010. *Collection of Legislation of the RF*, 2010, no. 31, article 4179. (In Russ.).
12. Kamenskaya S. V. Social Security for Citizens in the Digital Economy. *Journal of Russian Law*, 2021, no. 9, pp. 78–88. (In Russ.).
13. Kilian V., Funkat D. Structuring Legal Knowledge on Data Protection: The DAPRO Data Protection Research Project. IEEE Conference: Proceedings of the XI International Workshop on Database and Expert Systems Applications. 2000. Pp. 1061–1065. (In Russ.).

Информация об авторе

С. В. Горбачева — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета, ученый секретарь ученого совета Нижегородского института управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

S. V. Gorbacheva — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law, Academic Secretary of the Academic Council of the Nizhny Novgorod Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Научная статья
УДК 342.951

Философский аспект квалификации административных правонарушений в условиях цифровизации

Зайцев Игорь Алексеевич

Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, zi1978@mail.ru

Аннотация. В исследовании философского аспекта квалификации административного правонарушения проанализированы способы познавательной деятельности должностного лица при сборе доказательств по делу об административном правонарушении, одновременно предпринята попытка связать этот процесс с происходящими изменениями в социокультурном пространстве, находящемся под влиянием цифровизации. Предложены оригинальные выводы, раскрывающие новые философские категории: «цифровая философия» и «цифровой человек». Обращено внимание на возможные изменения в квалификации административных правонарушений с учетом научных достижений в области нейронной инженерии, нейровизуализации, а также внедрением нейротехнологий.

Методологическую основу статьи составили общенаучные и специальные методы научного познания, которые в комплексе позволили на основе анализа различных точек зрения философов и специалистов в области социально-гуманитарных наук, исследующих влияние цифровизации на общество и человека, всесторонне рассмотреть и предложить авторское видение философского аспекта квалификации административных правонарушений.

Автором предложено подходить к философскому аспекту квалификации административных правонарушений в условиях цифровизации не только с позиции особого способа мышления, направленного на познавательную деятельность по уяснению юридического соответствия материальной нормы, административно-деликтного закона (признаки состава административного правонарушения) и совершенного деяния, но и с методологических представлений (взглядов) философов на изменения в обществе, происходящие под воздействием цифровых технологий, оказывающих непосредственное влияние на индивидуальное поведение физического лица.

Ключевые слова: философский аспект, административное правонарушение, административная ответственность, квалификация административного правонарушения, цифровизация, цифровая философия, цифровой человек

Для цитирования: Зайцев И. А. Философский аспект квалификации административных правонарушений в условиях цифровизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 65–72.

Original article

The philosophical aspect of the qualification of administrative offenses in the context of digitalization

Igor A. Zaitsev

NRI of the Ministry of Interior of the Russian, Moscow, Russian Federation, zi1978@mail.ru

© Зайцев И. А., 2025

Abstract. In the study of the philosophical aspect of the qualification of an administrative offense, the author, analyzing the methods of cognitive activity of an official when collecting evidence in a case of an administrative offense, simultaneously attempts to link this process with the ongoing changes in the socio-cultural space influenced by digitalization. Original conclusions are proposed that reveal new philosophical categories of “digital philosophy” and “digital man”, attention is drawn to possible changes in the qualification of administrative offenses, taking into account scientific advances in the field of neural engineering, neuroimaging and the introduction of neurotechnologies.

The methodological basis of the study was formed by general scientific and special methods of scientific knowledge, which in combination allowed, based on the analysis of various points of view of philosophers and specialists in the field of social and humanitarian sciences studying the impact of digitalization on society and man, to comprehensively consider and offer the author’s vision of the philosophical aspect of the qualification of administrative offenses.

The author proposes to approach the philosophical aspect of the qualification of administrative offenses in the context of digitalization not only from the position of a special way of thinking aimed at cognitive activity to clarify the legal compliance of the material norm of the administrative-tort law (signs of the composition of an administrative offense) and the committed act, but also from the methodological ideas (views) of philosophers on changes in society occurring under the influence of digital technologies that have a direct impact on the individual behavior of an individual.

Keywords: philosophical aspect, administrative offense, administrative responsibility, qualification of administrative offense, digitalization, digital philosophy, digital person

For citation: Zaitsev I. A. The philosophical aspect of the qualification of administrative offenses in the context of digitalization. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 65–72. (In Russ.).

Философский аспект квалификации административного правонарушения представляет особый способ мышления, сочетающего в себе «логические и лингвистические принципы», позволяющие передать смысловую нагрузку текста нормы [1, с. 39]. Учитывая, что квалификация административного правонарушения по своей сути является познавательной деятельностью, предлагается взять за основу гносеологию как составную часть (раздел) философии, изучающую возможности познания мира человеком, «структуру познавательной деятельности, формы знания в его отношении к действительности, критерии истинности и достоверности знания, его природу и границы» [2].

Исходя из представлений специалистов в области гносеологии (И. Я. Лойфман и М. Н. Руткевич) основным вопросом, стоящим перед философией, является разрешение проблемы отношения «сознания к материи, духа к природе, психического к физическому». Обратная сторона этого вопроса вызвана отношением «мысли о предмете к предмету мысли» находящихся во взаимосвязи между собой, распространяя такой подход и на формы «чувственного познания: ощущения, восприятия, представления», предполагающего «идти от частного к общему» [3, с. 5].

Интерпретируя данное положение применительно к институту административной ответственности и рассматривая административное правонарушение как материю (объективную реальность), определяющую начало проявления в

физическом мире или в цифровом пространстве административно-процессуальных отношений, мыслительная деятельность субъекта административного правонарушения (физического лица) по отношению к совершенному деянию будет существенно отличаться от аналогичной деятельности должностного лица, наделенного властными полномочиями по сбору доказательств при возбуждении дела об административном правонарушении. Участники таких правоотношений находятся в определенном взаимодействии, наделены процессуальными правами и обязанностями, представляя с внешней стороны «две стороны одного отношения мысли к реальности» и «одного философского вопроса» к совершенному административному правонарушению [3, с. 5].

Познавательная деятельность должностного лица, осуществляющего квалификацию административного правонарушения, подчинена законам логики и направлена на установление фактических данных совершенного в прошлом деяния на основе анализа объективных и субъективных признаков состава правонарушения. Возникает вполне обоснованный вопрос: «Каким образом устанавливаются эти фактические данные?». При ответе на него заметим, что, согласно общему методологическому подходу, свойственному любому виду юридической квалификации правонарушений, они проводятся по правилам диалектической и формальной логики, решающей каждой свои задачи [4, с. 70].

Диалектическая логика мышления позволяет всесторонне, полно, объективно и своевременно выяснить (изучить) все обстоятельства совершенного деяния, обеспечивая точное его совпадение с признаками состава административного правонарушения, используя такие категории, как «взаимосвязь общего и отдельного (единичного)», «возможность и действительность», «содержание и форма» [4, с. 72–73]. В свою очередь, формальная логика мышления о «законах и правилах мысли» применяется непосредственно в практической деятельности, развивая «ясность и четкость мышления, способность оптимально уточнять предмет мысли, внимательность, аккуратность, обстоятельность, уравнишенность, убедительность и надежность в суждениях, умение абстрагироваться от конкретного содержания и сосредоточиться на структуре своей мысли» [5, с. 8].

Используя различные общенаучные познавательные методы (анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция), формальная логика оперирует, в первую очередь, методом восхождения от абстрактного к конкретному, отображая в сознании должностного лица, осуществляющего квалификацию административного правонарушения, отдельные разрозненные признаки, позволяющие охарактеризовать деяние с «какой-либо одной стороны, отвлекаясь, абстрагируясь от других его сторон» [4, с. 73].

Вместе с тем вхождение цивилизации в очередную этап глобальных перемен, вызванных цифровизацией, вырабатывает новые философские взгляды (представления) на проблемы взаимодействия человека и современных технологий, влияющих на общество, культуру и непосредственно на квалификацию административных правонарушений. С целью теоретической проработки и уяснения происходящих преобразований философами предлагается использовать термины «цифровая философия» (цифровая философия — направление в философии и космологии) и «цифровой человек» [6, с. 122], позволяющие раскрыть современную «картину» развития населения планеты, обращая внимание на постепенное «превращение» общества в инструмент (машину) для производства, переработки и потребления нескончаемого объема информации и даже ставя под сомнение дальнейшее развитие государства [7, с. 143]. Кроме того, использование представленных терминов позволит разрешить спорные вопросы «о статусе человека и сохранении его подлинной «человеческой» сущности», выступающих в виде новых задач цифровой фи-

лософии, приобретающих общемировой характер [8, с. 10].

Погружаясь в цифровую реальность, понимаемую в виде набора «обновленных значений и смыслов <...>, позволяющую <...> артикулировать <...> намерения и действия <...>, и претендующую на роль новой среды обитания человека» [9, с. 68], цифровая философия пытается объяснить фундаментальные основы «человеческого существования в мире, где новые формы искусства становятся средством самовыражения, компьютерные игры — ведущей площадкой социализации, а пребывание в социальных сетях — основным способом доступа к личному общению» [10, с. 67]. Конструируемая относительно новая цифровая социальная и культурная среда (социокультурное пространство) создает своеобразные формы человеческого (общественного) бытия, навязывая свои «цифровые требования» к каждому индивиду, обязуя его зарегистрироваться «в социальных сетях и мессенджерах для осуществления профессиональной деятельности», использовать цифровую биометрию, электронную коммерцию (цифровые деньги, электронную торговлю, электронные страховые услуги), электронные и цифровые пропуска, осуществляя за ним постоянный (тотальный) цифровой контроль [6, с. 126].

Переходя к пониманию термина «цифровой человек» и исходя из анализа научных публикаций философов и специалистов в области социально-гуманитарных наук, исследующих влияние цифровизации на общество и человека [11, с. 102–122], представим три наиболее приемлемых подхода.

Особенность первого подхода заключается в недооценке субъектом «цифрового бытия» опасности (угрозы) от воздействия на формирование личности новой социальной среды обитания, изменяющей представление об окружающей физической реальности. Попадая «в сетевой оборот», происходит отождествление индивидуальных интересов с интересами участников «цифровых социальных групп» постепенно становясь неотъемлемой частью их субъективных взглядов и мнений, создавая в сознании человека дальнейший смысл своего существования, полностью погружаясь в придуманный (мнимый) мир. В нем «стираются» границы для общения и складывается общее впечатление о вседозволенности и безнаказанности пользователей социальных групп и сетей, размываются или подменяются духовно-нравственные ценности, создаются иллюзорные

ориентиры, «выплескиваются негативные чувства и эмоции, ненависть, агрессия, гиперсексуальность <...>, пропагандируется насилие и жестокость» [12, с. 162], разрушаются моральные (этические) барьеры, незаметно уходя «от ценностей добра в мир зла», приводящие к формированию деструктивного поведения, а в дальнейшем и к совершению противоправного деяния [13, с. 4, 6, 7].

В качестве основного правового регулятора государством используется институт административной ответственности, дополняя Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) новыми «цифровыми составами административных правонарушений», в которых основным квалифицирующим признаком выступает *использование сети «Интернет»*. К ним предлагается относить, в частности, часть 12 статьи 13.15 КоАП РФ, предусматривающую административную ответственность за распространение в глобальной сети «информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений <...>» [14]. Во многом правильная квалификация по этой норме возможна только после установления личности правонарушителя в цифровом пространстве, проведения лингвистических и иных видов экспертиз.

Второй подход связан с проводимой государством политикой по повышению компьютерной (цифровой) грамотности для отдельных социальных слоев населения страны (педагоги, учащиеся учебных заведений и их родители, инвалиды, лица старшего поколения) [15–16], позволяющей погрузиться в цифровую среду, научиться свободно обращаться с новыми технологиями и использовать «их в своей повседневной жизни», погружаясь в «цифрового человека» [6, с. 123, 124].

Такая государственная поддержка нужна представителям старшего поколения как менее активной, наиболее уязвимой, доверчивой и слабо информированной о новых цифровых технологиях социальной группы, становящейся «легкой жертвой для всевозможных мошенников» [17, с. 25]. Так, по результатам социологических исследований (2021–2022) граждане в возрасте от 60 до 74 лет (до 70,4 %) не используют сеть «Интернет», а если и используют, то в основном для получения государственных

и муниципальных услуг в электронном виде (50,8 %). Основными проблемами такой низкой активности выступает отсутствие персональных ЭВМ и других устройств, сложности, возникающие «при установке приложений и программ, а также отсутствие навыков» [18, с. 35].

Совершение мошеннических действий, как правило, связано с утечкой персональных данных российских граждан в сеть «Интернет», что потребовало принятия государством мер по стимулированию «операторов персональных данных инвестировать в развитие инфраструктуры информационной безопасности и защиту персональных данных своих пользователей» [19]. В связи с этим в статью 13.11 КоАП РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных» включены новые составы административных правонарушений, устанавливающие в зависимости от объема «утечки» информации (количества субъектов персональных данных), пропорционально-корректируемый размер административного штрафа, а за совершение повторного административного правонарушения введены для юридических лиц оборотные штрафы (1–3 процента совокупного размера суммы выручки, полученной от реализации всех товаров (работ, услуг), за календарный год, предшествующий году, в котором было выявлено административное правонарушение), с максимальной суммой до 500 млн рублей [20].

В философской и юридической литературе *третий подход* рассматривается с учетом последних научных достижений в области нейронной инженерии, нейровизуализации и внедрением нейротехнологий [21, с. 65], способных при их использовании управлять человеческим мозгом (интерфейс «мозг-компьютер» под которым понимается система, устанавливающая прямой канал связи между мозгом человека или животного и компьютером или внешним устройством), развивая гибрид «телесного и технического» как бы синтезируя естественное (природное) и неестественное (искусственное) [22, с. 6], интегрируя сознание человека «в цифровую среду на кибернетическом уровне» [6, с. 124]. Предпринимаются попытки выявить и доказать наличие взаимосвязи нейробиологических процессов, происходящих в мозге человека с его поведением (нейронные основы социального поведения), не только в медицине, образовании и в сфере социально значимых услуг, но и в правоприменительной деятельности правоохранительных органов [23, с. 32].

Выдвигаются предложения о возможности использования результатов нейровизуализационных (нейробиологических) исследований «магнитно-резонансной томографии (MRI), позитронно-эмиссионной томографии (PET), одnofотонной эмиссионной компьютерной томографии (SPECT), магнитоэнцефалографии (MEG) <...> и ряда других, позволяющих получать данные о структуре и активности мозга в виде изображений», установить возможные физические повреждения, измеряя, например, объем «кровотока и уровня насыщения крови кислородом» [24, с. 9–37]. Полученные результаты могут быть использованы в качестве новых доказательств виновности (невиновности) лица в рамках развития нейроправа, а возможно, и появление в будущем сообщества нейрo-юристов.

Нейроправо как «молодая» отрасль права имеет междисциплинарный характер, а исследования в основном посвящены «перспективам и рискам» влияния ее результатов на материальную и процессуальную составляющую для уголовно-правовой науки и криминологии [25, с. 208]. Однако высказываемые, в том числе и в зарубежной литературе мнения об использовании интерфейса «мозг-компьютер» для выявления «лжи или чтения мыслей» [26] поставит в дальнейшем вопрос о допустимости использования полученных доказательств и для квалификации административных правонарушений, а следовательно, о необходимости выработки общих (единых) требований к их публичной огласке с точки зрения морали и нравственности.

В данном подходе возможны кардинальные изменения в обществе, так как «новые методы визуализации мозга со временем позволят измерить страдания <...>, уточнить оценку морального вреда и размер компенсации <...>, распознать мысли людей <...>, потребует создания правовых норм для защиты конфиденциальности» [23, с. 40] и концептуальным образом приведут к пересмотру основополагающих доктринальных положений, влияющих на квалификацию административных правонарушений (например, на возможное снижение возраста наступления административной ответственности (с 16 до 14 лет), понимание вины и вменяемости (невменяемости), обоснованности применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении).

Во избежание негативных последствий от внешнего вмешательства кого-либо для «контроля над разумом» человека [27, с. 65] предлагается акцентировать внимание не только на

цифровые права физического лица, привлекаемого к административной ответственности (например, право на забвение, право на персональные данные, право на свободу выражения своего мнения в информационном пространстве) [28, с. 45–48], а устремить научные изыскания на будущее поколение цифровых прав нейроправа, относя к ним право на психическую конфиденциальность (неприкосновенность), право на психическую преемственность (личную идентичность), право на равный доступ к умственным аугментациям, право на защиту от алгоритмической предвзятости и право на свободу воли [29, с. 65].

Парадокс складывающейся ситуации заключается в том, что, несмотря на имеющиеся научные открытия и технологические достижения, произошедшие за последнее время, необычная быстрота и нарастающая динамика происходящих цифровых трансформаций не позволяют в полной мере уяснить сущность, специфику и возможные последствия от их использования в «социуме» и разобраться, «куда именно мы движемся» [9, с. 433]. При данных обстоятельствах следует привлекать специалистов не только гуманитарных и социальных наук, но и технических наук, способных в комплексе разрешить спорные вопросы «о единстве человека и окружающей природной среды», выставляя на повестку дня «вопросы выживания <...> на фоне деградации духовности и угрозы глобального экологического кризиса» [30, с. 433].

Междисциплинарный подход, применяемый для проведения современного философского исследования, объединяющий в себя «методики и практики гуманитарных, социальных и вычислительных наук с целью изучения возможности применения и интерпретации новых цифровых <...> технологий, систематического использования цифровых ресурсов <...> в исследованиях» [29, с. 73], выступает в виде нового научного направления современного познания — цифровая гуманитаристика [31, с. 3–29].

В заключении следует отметить, что предложенный авторский взгляд на исследование философской составляющей квалификации административных правонарушений позволит несколько шире подойти к его пониманию и обратит внимание не только на способы мышления, представляющие собой познавательную деятельность должностного лица по установлению юридического соответствия материальной нормы (признаков состава административного правонарушения) и совершенного деяния, но и в попытке объяснить происходящие под

воздействием цифровизации изменения в социокультурном пространстве перспективами использования нейротехнологий и ролью института административной ответственности в правовом регулировании этих общественных отношений.

Список источников

1. Чепкасова Е. В. Герменевтический и феноменологический подходы к анализу текста // Библиосфера. 2008. № 1. С. 39.
2. Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7100?ysclid=m7m1r856he834366758#t1> (дата обращения: 25.04.2025).
3. Лойфман И. Я., Руткевич М. Н. Основы гносеологии. Екатеринбург, 1996. С. 5, 70, 72–73.
4. Малахов В. П. Формальная логика: учебник. Москва, 2020. С. 8.
5. Безнасюк А. С., Толкаченко А. А., Жагловский В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. Москва, 2005. С. 73.
6. Крайнов А. Л. Homo Digitalis как продукт цифровизации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2023. Т. 23, № 5. С. 122–129.
7. Марков Б. В. Человек и общество в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2020. Т. 20. № 2. С. 143.
8. Сорочайкин А. Н., Сорочайкин И. А. Формирование цифровой философии и цифрового человека в цифровой реальности // Основы экономики, управления и права. 2021. № 4 (29). С. 10.
9. Пржиленский В. И. Понятие цифровой реальности: значение и смысл // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 2. С. 68.
10. Тихонова С. В. Философский манифест в цифровую эпоху // Долженствование, норма и научное знание в прогнозируемом будущем: материалы Всероссийской научной конференции, Феодосия, 17–19 сентября 2021 года. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. С. 67.
11. Дыдров А. А., Невелева В. С., Тихонова С. В., Труфанова Е. О. Человек в цифровую эпоху // Практика. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 4 (34). С. 102–122.
12. Некрасов А. С., Некрасов С. И., Некрасова Н. А., Клепацкий В. В. От «человека информационного» к «человеку цифровому» // Вестник Университета Российской академии образования. 2019. № 3. С. 4, 6, 7.
13. Степанюк В. К. Человек «экономический» и «цифровой»: трансформация человеческой природы в условиях глобализации // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2020. № 4 (121). С. 162.
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года

№ 195-ФЗ: ред. от 23 мая 2025 года с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2025 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2025).

15. О порядке финансового обеспечения социальных программ субъектов Российской Федерации, связанных с укреплением материально-технической базы организаций социального обслуживания населения, оказанием адресной социальной помощи неработающим пенсионерам, являющимся получателями страховых пенсий по старости и по инвалидности, и обучением компьютерной грамотности неработающих пенсионеров (документ утратил силу с 1 января 2018 года в связи с изданием постановления Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2017 года № 1687): постановление Правительства Российской Федерации от 10 июня 2011 года № 456. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2025).

16. Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 года № 164-р.

17. Кара И. С., Кара С. В. Перспективы признания повышенной ответственности за преступления, совершенные в отношении пожилых лиц, в международном и российском законодательстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 6. С. 25.

18. Петухова И. С., Щекина И. В. Пожилые люди в сетевом пространстве // International Journal of Open Information Technologies. 2022. Т. 10. № 11. С. 35.

19. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: пояснительная записка к проекту Федерального закона № 502104-8 О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2025).

20. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 ноября 2024 года № 420-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2025).

21. Красиков В. И. Особенности новых прав человека в условиях развития современных нейротехнологий // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 65.

22. Соколовский С. В. Тело киборга: человек и концепция расширенного организма // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 6.

23. Филипова И. А. Нейротехнологии в праве и правоприменении: прошлое, настоящее и будущее // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 2. С. 32, 40.

24. Полубинская С. В. Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 5. С. 9–37.

25. Алферова Е. В. Нейроправо: достижения в области нейронауки и их применение в криминологии,

криминалистике и правосудии. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. 2023. № 2. С. 208.

26. Tade Matthias Spranger. International Neuro-law. A Comparative Analysis. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-642-21541-4#about-this-book> (дата обращения: 24.05.2025).

27. Красиков В. И. Особенности новых прав человека в условиях развития современных нейротехнологий // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 65.

28. Зайцев И. А. Права и обязанности физического лица, привлекаемого к административной ответственности, в условиях развития цифровой коммуникации (ч. 1 «Новое поколение прав человека в информационном пространстве (цифровые права)» // Административное право и процесс. 2022. № 12. С. 45–48.

29. Гурьянова А. В. Судьба философии в цифровую эпоху // Российская наука: актуальные исследования и разработки: Сборник научных статей IX Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х ч. Т. 1. Самара, 15 марта 2020 года / ред. С. И. Ашмарина, А. В. Павлова [и др.]. Самара: Самарский государственный экономический университет, 2020. С. 433.

30. Можаяева Г. В., Можаяева-Ренья П. Н., Сербин В. А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 73.

31. Ярославцева Е. И. Цифровая гуманитаристика: междисциплинарность стратегий будущего // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 2. С. 3–29.

References

1. Chepkasova E. V. Hermeneutic and Phenomenological Approaches to Text Analysis. *Bibliosphere*, 2008, no. 1, p. 39. (In Russ.).

2. Humanitarian Portal. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7100?ysclid=m7m1r856he834366758#t1> (accessed 25.04.2025). (In Russ.).

3. Loifman I. Ya., Rutkevich M. N. Fundamentals of Epistemology. Ekaterinburg, 1996. Pp. 5, 70, 72–73. (In Russ.).

4. Malakhov V. P. Formal Logic: textbook. Moscow, 2020. P. 8. (In Russ.).

5. Beznasyuk A. S., Tolkachenko A. A., Zhaglovsky V. N. Theoretical Foundations of Crime Qualification. Moscow, 2005. P. 73. (In Russ.).

6. Kraynov A. L. Homo Digitals as a Product of Digitalization. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 122–129. (In Russ.).

7. Markov B. V. Man and Society in the Digital Age. *Bulletin of the Saratov University*, 2020, vol. 20, no. 2, p. 143. (In Russ.).

8. Sorochaikin A. N., Sorochaikin I. A. Formation of Digital Philosophy and Digital Man in Digital Reality. *Fundamentals of Economics, Management, and Law*, 2021, no. 4 (29), pp. 10. (In Russ.).

9. Przhilensky V. I. The Concept of Digital Reality: Meaning and Sense. *Philosophy of Science and Technology*, 2021, vol. 26, no. 2, p. 68. (In Russ.).

10. Tikhonova S. V. Philosophical Manifesto in the Digital Age. Obligation, Norm, and Scientific Knowledge in the Predictable Future: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Feodosia, September 17–19, 2021. Simferopol: Arial Publishing House, Limited Liability Company, 2021. P. 67. (In Russ.).

11. Dydrov A. A., Neveleva V. S., Tikhonova S. V., Trufanova E. O. Man in the Digital Age. *Praxema. Problems of Visual Semiotics*, 2022, no. 4 (34), pp. 102–122. (In Russ.).

12. Nekrasov A. S., Nekrasov S. I., Nekrasova N. A., Klepatsky V. V. From “Information Man” to “Digital Man”. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 2019, no. 3, pp. 4, 6, 7. (In Russ.).

13. Stepanyuk V. K. “Economic” and “Digital” Man: Transformation of Human Nature in the Context of Globalization. *Bulletin of F. Skorina Gomel State University*, 2020, no. 4 (121), p. 162. (In Russ.).

14. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 no. 195-FZ: as amended on May 23, 2025, as amended. and add., effective September 1, 2025. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 20.07.2025). (In Russ.).

15. On the procedure for financial support of social programs of the constituent entities of the Russian Federation related to strengthening the material and technical base of social service organizations, providing targeted social assistance to non-working pensioners who are recipients of old-age and disability insurance pensions, and computer literacy training for non-working pensioners (the document became invalid as of January 1, 2018 in connection with the publication of the Resolution of the Government of the Russian Federation no. 1687 of December 29, 2017): resolution of the Government of the Russian Federation no. 456 O of June 10, 2011. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 20.07.2025). (In Russ.).

16. On approval of the Strategy of actions in the interests of senior citizens in the Russian Federation until 2025: order of the Government of the Russian Federation no. 164-r of February 5, 2016. (In Russ.).

17. Kara I. S., Kara S. V. Prospects for recognizing increased liability for crimes committed against elderly persons in international and Russian legislation. *International criminal law and international justice*, 2020, no. 6, p. 25. (In Russ.).

18. Petukhova I. S., Shchekina I. V. Elderly people in the online space. *International Journal of Open Information Technologies*, 2022, vol. 10, no. 11, p. 35. (In Russ.).

19. On amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: explanatory note to draft federal law no. 502104-8 O. Access from

the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.07.2025). (In Russ.).

20. On amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: federal law no. 420-FZ of November 30, 2024. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.07.2025). (In Russ.).

21. Krasikov V. I. Features of New Human Rights in the Context of the Development of Modern Neurotechnologies. *Bulletin of the Russian Law Academy*, 2023, no. 1, p. 65. (In Russ.).

22. Sokolovsky S. V. The Cyborg Body: Man and the Concept of the Extended Organism. *Siberian Historical Research*, 2022, no. 2, p. 6. (In Russ.).

23. Filipova I. A. Neurotechnologies in Law and Law Enforcement: Past, Present, and Future. *Law Enforcement*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 32, 40. (In Russ.).

24. Polubinskaya S. V. Use of Neuroscience Data in the Doctrine of Criminal Law and Judicial Practice. *Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2019, vol. 14, no. 5, pp. 9–37. (In Russ.).

25. Alferova E. V. Neurolaw: Achievements in Neuroscience and Their Application in Criminology, Forensic Science, and Justice. (Review). *Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 2, p. 208. (In Russ.).

26. Tade Matthias Spranger. International Neurolaw. A Comparative Analysis. URL: [https://link.springer.com/](https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-642-21541-4#about-this-book)

book/10.1007/978-3-642-21541-4#about-this-book (accessed 24.05.2025). (In Russ.).

27. Krasikov V. I. Features of New Human Rights in the Context of the Development of Modern Neurotechnologies. *Bulletin of the Russian Law Academy*, 2023, no. 1, p. 65. (In Russ.).

28. Zaitsev I. A. Rights and Obligations of an Individual Brought to Administrative Liability in the Context of the Development of Digital Communication (Part 1 "New Generation of Human Rights in the Information Space (Digital Rights)"). *Administrative Law and Process*, 2022, no. 12, pp. 45–48. (In Russ.).

29. Guryanova A. V. The Fate of Philosophy in the Digital Age. Russian Science: Current Research and Development: Collection of Scientific Articles of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Vol. 1. Samara, March 15, 2020 / ed. S. I. Ashmarin, A. V. Pavlova [and other]. Samara: Samara State University of Economics, 2020. P. 433. (In Russ.).

30. Mozhaeva G. V., Mozhaeva-Renya P. N., Serbin V. A. Digital Humanities: Organizational Forms and Research Infrastructure. *Bulletin of Tomsk State University*, 2014, no. 389, P. 73. (In Russ.).

31. Yaroslavl'tseva E. I. Digital Humanities: Interdisciplinarity of Future Strategies. *Horizons of Humanitarian Knowledge*, 2020, no. 2, pp. 3–29. (In Russ.).

Информация об авторе

И. А. Зайцев — кандидат юридических наук, докторант Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Information about the author

I. A. Zaitsev — Candidate of Sciences (Law), Doctoral candidate of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 342.228

Символы: государственные? основные? официальные? К терминологии законов республик-субъектов Российской Федерации о государственной символике

Минникес Ирина Викторовна

Институт правовых исследований Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, ivminnikes@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>, Researcher ID: E-6361- 2017

Аннотация. В статье рассмотрена проблема вариативности терминологии конституций и законов о символах республик – субъектов Российской Федерации. Сравнительный анализ нормативного материала показал, что в законодательстве республик Российской Федерации герб, флаг и гимн обозначаются разными терминами: «государственный символ», «основной государственный символ», «символ государственности», «официальный символ» и другими. Этот факт не вызывает вопросов, если в тексте конституции субъектов и в законах о символах родовая принадлежность символов обозначена одинаково, но такая модель существует только в одной республике. Законодательство большинства республик вариативно. С помощью конструкции «терминологический ряд» выделено несколько типов вариативности родовой принадлежности символов государственности: полностью согласованный терминологический ряд (конституционная терминология и терминология законов о символах полностью совпадает); согласованный терминологический ряд на уровне законодательства при умолчании норм конституции (родовая принадлежность совпадает только в законах, в конституции о ней не упоминается); частично согласованные терминологические ряды (совпадает терминология законов, но в конституции термин отличается, например, «государственный»/«официальный государственный»); частично несогласованный терминологический ряд на уровне закон – конституция (терминология законов не совпадает с терминологией конституции); частично несогласованный терминологический ряд на уровне законов о символах (герб, флаг и гимн в специализированных законах обозначены разными терминами); полностью несогласованный терминологический ряд (противоречия между терминологией законов и между законами и конституцией).

Ключевые слова: герб, флаг, гимн, конституция республики, государственная символика, символы государственности, законы о государственных символах

Для цитирования: Минникес И. В. Символы: государственные? основные? официальные? К терминологии законов республик-субъектов Российской Федерации о государственной символике // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 73–80.

Original article

State symbols? The main ones? Are they official? To the terminology of the laws of the republics-subjects of the Russian Federation on state symbols

Irina V. Minnikes

Institute of Legal Studies of Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, ivminnikes@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>, Researcher ID: E-6361- 2017

© Минникес И. В., 2025

Abstract. The article deals with the problem of terminology variability of constitutions and laws on symbols of the republics-subjects of the Russian Federation. A comparative analysis of the normative material has shown that the coat of arms, flag and anthem in the legislation of the republics are designated by different terms — “state symbol”, “main state symbol”, “symbol of statehood”, “official symbol”, etc. This fact does not raise any questions if the generic symbols are indicated in the same way in the text of the constitution and in the laws on symbols. But such a model exists only in one republic. The legislation of most republics is variable. Using the “terminological series” construction, several types of variation in the generic affiliation of symbols of statehood are identified: a fully agreed terminological series (the constitutional terminology and the terminology of the laws on symbols completely coincide); coordinated terminological series at the legislative level while omitting the constitution (the generic affiliation coincides only in the laws, the constitution does not mention it); Partially agreed terminological series (the terminology of laws coincides, but the term differs in the constitution, for example, “state”/“official state”); Partially uncoordinated terminology series at the law-constitution level (the terminology of laws does not coincide with the terminology of the constitution); Partially uncoordinated terminology series at the level of laws on symbols (coat of arms, flag and anthem are designated by different terms in specialized laws); Completely uncoordinated terminology series (contradictions between the terminology of laws and between laws and the constitution).

Keywords: coat of arms, flag, anthem, constitution of the republic, state symbols, symbols of statehood, laws on state symbols

For citation: Minnikes I. V. State symbols? The main ones? Are they official? To the terminology of the laws of the republics-subjects of the Russian Federation on state symbols. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 73–80. (In Russ.).

Символика государственности занимает важное место в общественной жизни. Как справедливо отмечено, в последнее время историческая символика «как дело государственного уровня и как явление социальное, и как сфера политической культуры, и как область эстетического привлекает к себе повышенное внимание» [1, с. 3]

Согласно Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (далее — Стратегия) одним из важных направлений политики государства является воспитание уважительного отношения к символам государства. Так, в пункте 2 Стратегии гражданское воспитание предполагает «развитие у подрастающего поколения уважения к таким символам государства, как герб, флаг, гимн Российской Федерации, историческим символам и памятникам Отечества» [2].

Но при этом нельзя не согласиться с мнением некоторых авторов о «геральдическом хаосе» и недостатке патриотизма у граждан нашей страны в отношении государственных символов, вызванном не в последнюю очередь отсутствием элементарных знаний о символике государства, а также, как представляется, некоторым формализмом и пробелами в законодательстве [3, с. 73; 4; 5, с. 4].

Вопрос символического, духовного, политического наполнения символики государственности, безусловно, заслуживает особого внимания. Но не меньшую роль в контексте осознания важности государственной символики играет технико-юридический аспект, правовые формы

и текстуальные конструкции, в которых воплощается государственная символика.

Как справедливо заметил Ю. А. Тихомиров, «тщательно отработанный текст акта служит важнейшим условием и характеристикой его высокого качества, облегчает правильное понимание содержания норм и предусмотренных ими юридических действий» [6, с. 3]. Эта сентенция особенно справедлива в отношении законов, определяющих важнейшие ценности общества: государственный строй, права человека и, как представляется, символы государственности.

Но всегда ли современные лингвистические средства должным образом отражают значимость, стабильность, смысловые оттенки и прочие важные стороны символов государственности?

Цель статьи — выявление особенностей терминологии законодательства о государственной символике в контексте согласованности его «терминологических рядов» [7, с. 186].

Нормативную базу статьи составили законы о символах, принятые в республиках-субъектах Российской Федерации. Выбор законодательства республик продиктован следующими соображениями: их число достаточно значительно, чтобы послужить основой для обобщений и выводов; республики позиционируют себя как субъекты-государства в составе Российской Федерации, что позволяет им достигать большей автономности и изобретательности в законодательных актах, кроме того, дает возможность проследить связь республиканского

законодательства с республиканскими конституциями как основами законов.

В настоящей статье проанализировано лишь несколько проблем: это вариативность терминологии для обозначения символики в законодательстве республик-субъектов Российской Федерации и возможность типизирования вариативности терминологических рядов законодательства.

Сравнительный анализ нормативного материала

Законодательство субъектов Российской Федерации едино лишь в одном — обобщении всех атрибутов государственности в едином термине «символы», который можно рассматривать как обозначение некой правовой общности, совокупности, включающей несколько объектов, наделенных общими родовыми признаками. В данном случае речь идет о государственном

флаге, государственном гербе и государственном гимне республик-субъектов Российской Федерации.

Если термин «символ» можно отнести к общеупотребительным в отношении герба, флага и гимна, то их конкретизация, то есть указание на то, о какого рода символах идет речь, отличается большим разнообразием вариантов.

1. Терминология конституции и законов о государственной символике

Стоит задуматься над определениями, которые сопровождают термин «символ», так как они выступают характеристикой родовой принадлежности символики государственности. В обороте у законодателей республик-субъектов Российской Федерации существует несколько определений: «государственный символ», «основной государственный символ», «символ государственности», «официальный символ» и т. п.

Таблица 1

Терминология конституции и законов о символике

Table 1

Terminology of the Constitution and laws on symbols

Республика	Символы в Конституции	Символ герб в законе	Символ флаг в законе	Символ гимн в законе
Адыгея	государственные	государственный	государственный	государственный
Алтай	государственные	официальный	официальный	сохранения единства..., традиций...
Башкортостан	официальные	государственный официальный	государственный официальный	государственный официальный
Бурятия	официальные/ государственные	официальный государственный	официальный государственности	официальный государственности
Дагестан	государственные	официальный государственный	официальный государственный	официальный государственный
Кабардино-Балкария	—	—	—	—
Ингушетия	государственные	официальный государственный	официальный государственный	официальный государственный
Калмыкия	республиканские	государственный	государственный	государственный
Карачаево-Черкесская	государственные	официальный государственный	—	сохранения традиций... единства...
Карелия	—	государственный	государственный	—
Коми	—	официальный государственный	официальный государственный	официальный государственный
Марий Эл	—	официальный государственный	официальный государственный	официальный государственный
Мордовия	—	официальный государственный	официальный государственный	официальный государственный
Саха (Якутия)	—	основной государственный	основной государственный	основной государственный

Северная Осетия (Алания)	—	государственный	государственный	официальный
Татарстан	официальные/ государственные	государственный	государственный	государственный
Тыва	государственные	официальный государственный	официальный государственный	официальный государственный
Удмуртия	—	официальный государственный	официальный государственный	официальный государственный
Хакасия	—	официальный государственный	официальный государственный	официальный государственный
Чеченская	—	официальный государственный	официальный государственный	официальный государственный
Чувашия	—	государственный/ официальный государственный	государственный/ официальный государственный	государственный/ официальный государственный

Источник: составлено автором на основе действующих нормативно-правовых актов республик

Прочерки в таблице указывают на то, что слово «символ» в конституциях и законах ряда республик не употребляется. Так, в законодательстве Кабардино-Балкарской Республики (и в Конституции Кабардино-Балкарской Республики, и в законах «О государственном гербе Кабардино-Балкарской Республики» от 4 августа 1994 года № 12-РЗ, «О государственном флаге Кабардино-Балкарской Республики» от 4 августа 1994 года № 11-РЗ и «О государственном гимне Кабардино-Балкарской Республики» от 14 августа 1994 года № 13-РЗ) отсутствует слово «символ».

Тогда как в республиках Коми, Мордовии, Саха (Якутия), Удмуртской Республики, Хакасии только в Основном законе опускается термин «символ».

В законах Республики Карелии термин «символ» применен к флагу и гербу, но, если верить тексту закона, не относится к гимну. Означает ли это, что гимн имеет иную правовую природу, нежели герб и флаг? Однако если обратить внимание на законодательство большинства республик, можно утверждать, что «Государственный гимн... наряду с гербом и флагом отражает культурно-исторические традиции народов, проживающих на территории этого государства, его связи с другими культурами» [8, с. 3]. Следовательно, исключение его из числа символов нелогично.

В принципе любой из вариантов определения родовой принадлежности символов возможен и правомерен. Но только в том случае, когда законодатель четко придерживается единой терминологической линии: если герб признан «государственным символом», то и гимн, и флаг также должны иметь сходный правовой статус и также именоваться «государственными символами».

2. Типизация ошибок терминологического ряда

Анализ текстов конституций и законов о государственной символике позволяет говорить о несогласованности терминологического ряда законодательства большинства республик. Несогласованность может быть разной: от простого умолчания до использования разных терминов применительно к одному объекту в одном и том же нормативном акте.

В зависимости от степени вариативности предлагается выделить несколько вариантов терминологических рядов, использованных для обозначения родовой принадлежности символики государственности.

А. Полностью согласованный терминологический ряд

Один из немногих примеров постоянства терминологического ряда относительно родовой принадлежности символов государственности — это законодательство Республики Адыгея. Закон от 7 июня 2007 года № 90 «О государственных символах Республики Адыгея» указывает, что герб, флаг и гимн республики являются *государственными* (выделено мной. — И. М.) символами. Законодатель Республики Адыгеи последователен: в статье 58.1 Конституции Республики Адыгеи также обозначен герб, флаг и гимн как *государственные* символы.

К сожалению, это единственная республика, в которой конституционная терминология и терминология законов о символах полностью совпадает в вопросе о родовой принадлежности символов.

В. Согласованный терминологический ряд на уровне законодательства при умолчании конституции

На второе место по критерию устойчивости терминологии можно поставить терминологический ряд законодательства обширной группы республик, в которой совпадает только терминология законов о символах, независимо от того, урегулирован этот вопрос тремя самостоятельными законами либо единым законом о государственных символах.

В отличие от «лидера» Республики Адыгеи, конституции этих республик вообще не употребляют термин «символ», указывают только на наличие в республиках государственных герба, флага и гимна.

Примером актов этой группы могут служить законы о государственной символике и Конституция Республики Коми.

Все три закона («О государственном гербе Республики Коми» от 6 июня 1994 года № XII-20/1, «О государственном флаге Республики Коми» от 6 июня 1994 года № XII-20/3 и «О государственном гимне Республики Коми» от 6 июня 1994 года № XII-20/5) четко обозначают их общую природу: «Государственный герб Республики Коми является *официальным государственным* символом Республики Коми»; «Государственный флаг Республики Коми является *официальным государственным* символом Республики Коми»; «Государственный гимн Республики Коми является *официальным государственным* символом Республики Коми...». Но эта родовая принадлежность закреплена вышеуказанными законами, но не Конституцией.

Таким же единым термином «*официальный государственный* символ» при умолчании конституций пользуются составители законов о символике республик Мордовии, Хакасии, Удмуртской и Чеченской Республик.

Этот прием юридической техники вполне допустим, поскольку законы призваны детализировать статьи конституций относительно того же предмета.

С. Частично согласованный терминологический ряд (вариативность на уровне закон-конституция)

Третий вариант терминологического ряда складывается, когда законы оперируют единой терминологией относительно родовой принадлежности символов, но в конституции представлено несколько иное определение.

Например, все три закона («О государственном гербе Республики Дагестан» от 19 ноября 2003 года № 25, «О государственном флаге Республики Дагестан» от 19 ноября 2003 года № 27 и «О государственном гимне Республики Дагестан» от 19 ноября 2003 года № 26)

Республики Дагестан называют все виды государственной символики «*официальными государственными* символами». Но в Конституции Республики Дагестан слово «официальный» отсутствует, а родовая принадлежность символов обозначена определением «*государственные*» символы.

Республики Ингушетия и Тыва имеют аналогичное законодательство.

Такой вариант юридической терминологии можно расценивать как допустимый, так как в законодательстве и тексте конституций есть общее слово для определения родовой типизации символов государственности.

Д. Частично согласованный терминологический ряд (вариативность на уровне конституции)

Промежуточное положение между терминологически устойчивым или, по крайней мере, допустимо вариативным законодательством и полностью несогласованным занимает законодательство Республики Татарстана.

Закон этой республики, как и многие другие законы субъектов-республик Российской Федерации, именуется Законом «О *государственных* символах Республики Татарстана» от 14 июля 1999 года № 2284 (далее — Закон). Так, согласно Закону *государственными* символами Республики Татарстан являются Государственный герб Республики Татарстан, Государственный флаг Республики Татарстан и Государственный гимн Республики Татарстан. Таким образом, в тексте закона нет несогласованной родовой принадлежности символики государственности.

Следует отметить, что и название раздела VI «Государственные символы и столица Республики Татарстан» Конституции Республики Татарстан говорит о *государственных* символах. Если сопоставить терминологию Закона и наименование раздела Конституции, никаких противоречий также не наблюдается.

Но вот в тексте статьи 121 Конституции Республики Татарстан законодатель оперирует сразу двумя терминами: «государственные символы» и «официальные символы»: 1. Республика Татарстан имеет Государственный герб, Государственный флаг и Государственный гимн — *официальные* символы, выражающие суверенитет Республики Татарстан, самобытность и традиции народа Татарстана. 2. Описание *государственных* символов Республики Татарстан и порядок их официального использования устанавливаются законом.

Поскольку оба термина разнесены по разным пунктам статьи, создается впечатление, что речь

идет о разных предметах: в пункте 1 статьи 121 Конституции Республики Татарстан — об официальных, а в пункте 2 статьи 121 Конституции Республики Татарстан — о государственных символах.

Безусловно, понять, что речь идет об одних и тех же объектах, нетрудно. Но если руководствоваться мнением специалистов в области юридической техники, «термин — это слово или словосочетание, употребленное в одном строго определенном значении» [7, с. 158], законодатель республике стоит задуматься над устранением двойственности.

Е. Частично несогласованный терминологический ряд (вариативность — на уровне закон-конституция)

Значительно более серьезную проблему представляют ситуации, когда законы о символах полностью разнятся с конституцией.

В этом контексте особого внимания заслуживает то, как регулируется вопрос о родовой принадлежности символов в Республике Калмыкия.

Согласно статье 1 Закона от 11 июня 1996 года № 44-1-3 «О государственных символах Республики Калмыкия» (далее — Закон № 44-1-3) «Государственными символами Республики Калмыкия, выражающими национальные особенности, общественно-политический и государственный строй Республики Калмыкия, являются: Государственный флаг Республики Калмыкия — Хальмг Тангчин Туг, Государственный герб Республики Калмыкия — Хальмг Тангчин сюлде и Государственный гимн Республики Калмыкия — Хальмг Тангчин частр».

Если не считать особых национальных наименований, то данная статья Закона № 44-1-3 объединяет герб, флаг и гимн в единую группу с общими родовыми признаками — все они *государственные* символы. Однако в статье 19 Конституции Республики Калмыкия говорится, что Республика Калмыкия имеет свои *республиканские* символы — флаг, герб и гимн; их описание и порядок официального использования устанавливаются законодательством, тогда как понятие «государственные» символы в Основном законе не отражены.

Таким образом, противоречие очевидно: с одной стороны — *республиканские* символы названы в Конституции, однако согласно вышеупомянутой статье подробности о *республиканских* символах будут даны в соответствующем законодательстве; с другой — Закон № 44-1-3, описывающий *государственные* символы, вместо республиканских.

Представляется, что такая подмена объектов правового регулирования уже не может

быть отнесена к незначительной ошибке законодателя.

Ф. Частично несогласованный терминологический ряд (вариативность — на уровне закона)

Законодательство этой группы республик характеризуется несогласованностью терминологии на уровне специализированных законов о символике. Другими словами, родовая принадлежность герба, флага и гимна, если верить закону (законам) о символах, отличается.

Так, Закон «О государственной символике Республики Башкортостан» от 6 июня 1993 года № 10-3 (далее — Закон № 10-3) объединяет герб, флаг и гимн сразу двумя понятиями: «государственные символы» и «официальные символы». В названии статьи 2 «Государственные символы Республики Башкортостан» Закона № 10-3 фигурируют символы *государственные*, тогда как в тексте той же статьи 2 говорится об *официальных* символах: «Республика Башкортостан имеет свои Государственный герб, Государственный флаг и Государственный гимн — *официальные* символы...».

Г. Полностью несогласованный терминологический ряд (вариативность — на уровне закона и закона-конституции)

Эта группа республик, законодательство которых характеризуется максимальной степенью вариативности.

Примером может служить законодательство Республики Бурятия.

Статья 107 Конституции Республики Бурятия указывает, что она «имеет свои *официальные символы* — Государственный герб, Государственный флаг и Государственный гимн». Правда, далее законодатель меняет определение, объявив, что «Описание и порядок официального использования *государственных* символов Республики Бурятия устанавливаются законом Республики Бурятия».

Названия законов, детализирующих положения Конституции Республики Бурятия, соответствуют второй половине статьи 107 Конституции Республики Бурятия — это Закон от 2 июля 2007 года № 2324-III «О Государственном флаге Республики Бурятия», Закон от 20 апреля 1995 года № 119-1 «О Государственном гербе Республики Бурятия» и Закон от 20 апреля 1995 года № 121-1 «О Государственном гимне Республики Бурятия». Но вот содержание законов неоднозначно.

Так, согласно Закону «О государственном флаге...» он является «*официальным государственным* символом Республики Бурятия».

Такую формулировку, как отмечено ранее, можно признать допустимой за счет наличия общего с Конституцией Республики Бурятия определения «официальный». Однако это еще не все вариации терминологии, поскольку герб и гимн Республики Бурятия в соответствующих законах именуются «официальными символами государственности», то есть не так, как они обозначены в наименовании законов и Конституции Республики Бурятия.

В итоге родовая принадлежность символов в законодательстве Республики Бурятия обозначается четырьмя терминами: официальный, государственный, официальный государственный и официальный символ государственности.

К сожалению, это не единственный пример вариативности терминологического ряда.

Согласно статье 144 Конституции Республики Алтай «Республика Алтай имеет свои государственные символы: герб, флаг, гимн». Но согласно статье 1 Закона от 1 июня 2000 года № 27-ЗС «О гербе Алтайского края» «герб Республики Алтай является *официальным* символом...». Аналогичным образом *официальным* символом в соответствующем законе назван и флаг. Обозначение флага и герба как официальных символов противоречит терминологии статьи Конституции Республики Алтай. Еще более сложны связи с государственной символикой в Конституционном законе от 11 сентября 2001 года № 24-8 «О государственном гимне Республики Алтай», согласно статье 1 «Государственный гимн Республики Алтай является символом *сохранения единства* многонационального народа, традиций многонациональной культуры Республики Алтай». Таким образом, гимн — все еще символ, но символ не государственный, не официальный, а направленный на «сохранение единства и традиций».

Похожая ситуация наблюдается в законодательстве Карачаево-Черкесской Республики.

Таким образом, законодательство этой группы республик оперирует как минимум тремя разными терминами, которые трудно назвать терминологическим рядом.

Закключение

Вопрос о национальной символике является той сферой, где диктат центра не должен довлеть, а полная унификация законодательства не нужна. Вполне допустимо, если один субъект Российской Федерации в законах говорит о государственных символах, другой — об основных и т. п. Проблемы возникают тогда, когда внутри республиканского правового поля нет

единого подхода к регулированию, когда порядковые объекты в законе приобретают разную правовую природу.

Возможно, кому-то такие погрешности покажутся малозначимыми. Неточности и противоречия можно игнорировать и рассчитывать на догадливость или, наоборот, невнимательность и индифферентность правоприменителя. Но, как справедливо замечал Ю. А. Тихомиров, «... путанные тексты «неюридический язык», игнорирование правил составления и согласования проектов, противоречия в использовании юридических понятий резко снижают эффективность правовой системы» [6, с. 3]. Таким образом, как представляется, многим республикам-субъектам Российской Федерации, необходимо внести коррективы в свои законы.

Список источников

1. Туник Г. А. Современная российская геральдика как фактор отражения специфики Российского государства: историко-политологический анализ: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Москва, 2008. 54 с.
2. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года № 996-р). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.07.2025).
3. Склизкова Е. В. Геральдический аспект культурной самоидентификации нации: Британия — Россия // Вестник славянской культуры. 2016. № 1 (39). С. 65–75
4. Еропов С. В. Геральдика для всех. URL: <https://gerboved.ru/t/1885> (дата обращения: 20.07.2025).
5. Ефимов Д. М. Роль государственной символики в формировании социальной идентичности студенчества в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2006. 29 с.
6. Тихомиров Ю. А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Журнал Российского права 2008. № 2 (134) С. 3–9.
7. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. Москва. Проспект, 2021. 648 с.
8. Карабанов А. А. Гимн российского государства как социокультурный феномен. автореф. дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2023. 23 с.

References

1. Tunik G. A. Modern Russian Heraldry as a Factor Reflecting the Specifics of the Russian State: Historical and Political Analysis. Author's abstract... doctor of political sciences. Moscow, 2008. 54 p. (In Russ.).
2. Strategy for the Development of Education in the Russian Federation through 2025 (approved by Decree

of the Government of the Russian Federation no. 996-r of May 29, 2015). Access from the reference legal system "Consultant Plys" (accesscol 20.07.2025). (In Russ.).

3. Sklizkova E. V. The Heraldic Aspect of the Cultural Self-Identification of a Nation: Britain — Russia. *Bulletin of Slavic Culture*, 2016, no. 1 (39), pp. 65–75. (In Russ.).

4. Egorov S. V. Heraldry for Everyone. URL: <https://gerboved.ru/t/1885> (accessed 20.07.2025). (In Russ.).

5. Efimov D. M. The Role of State Symbols in Shaping the Social Identity of Students in the Context of the Transformation of Russian Society. Author's abstract...

candidate of sciences (sociology). Nizhny Novgorod, 2006. 29 p. (In Russ.).

6. Tikhomirov Yu. A. Legal Design: Criteria and Errors. *Journal of Russian Law*, 2008, no. 2 (134), pp. 3–9. (In Russ.).

7. Legal Technique: textbook / ed. by V. M. Baranov. Moscow. Prospect, 2021. 648 p. (In Russ.).

8. Karabanov A. A. The Anthem of the Russian State as a Sociocultural Phenomenon. Author's abstract... candidate of cultural studies sciences. Krasnodar, 2023. 23 p. (In Russ.).

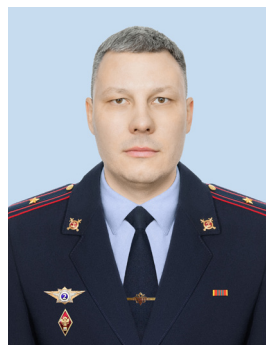
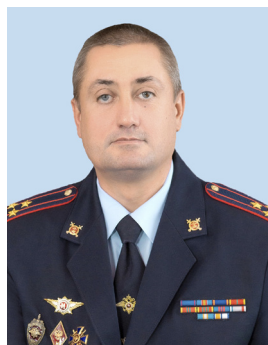
Информация об авторе

И. В. Минникес — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета.

Information about the author

I. V. Minnikes — Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Institute of Legal Studies Baikal State University.

Научная статья
УДК: 342.9

Правовые и организационные вопросы участия добровольных народных дружин в административной деятельности органов внутренних дел

Морозов Олег Леонидович¹, Лизунов Алексей Сергеевич²

^{1, 2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹morozoole@yandex.ru

²lizunov52rus@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу действующего законодательства и научных взглядов по вопросу участия добровольных народных дружин в административной деятельности органов внутренних дел по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. В ходе исследования выявлены основные причины, снижающие эффективность этой деятельности: возможность применения народными дружинниками физической силы только в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости; законодательно установленный запрет на применение народными дружинниками физической силы в целях пресечения правонарушения; отсутствие отлаженной системы подготовки народных дружинников к выполнению указанных функций. На этой основе сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: добровольная народная дружина, охрана общественного порядка, применение физической силы, административное принуждение

Для цитирования: Морозов О. Л., Лизунов А. С. Правовые и организационные вопросы участия добровольных народных дружин в административной деятельности органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 81–86.

Original article

Legal and organizational issues of participation of volunteer people's squads in the administrative activities of internal affairs agencies

Oleg L. Morozov¹, Aleksey S. Lizunov²

^{1, 2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹morozoole@yandex.ru

²lizunov52rus@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of current legislation and scientific views on the participation of voluntary national squads in activities aimed at protecting public order and ensuring public safety. The study revealed the main reasons that reduce the effectiveness of this activity: the possibility

© Морозов О. Л., Лизунов А. С., 2025

of using physical force by people's vigilantes only in a state of necessary defense and extreme necessity, a legally established ban on the use of physical force by people's vigilantes in order to prevent offenses, the lack of a well-established system of training people's vigilantes to perform these functions. On this basis, proposals have been formulated to improve the current legislation.

Keywords: voluntary people's militia, public order maintenance, use of physical force, administrative coercion

For citation: Morozov O. L., Lizunov A. S. Legal and organizational issues of participation of volunteer people's squads in the administrative activities of internal affairs agencies. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 81–86. (In Russ.).

К вопросам участия граждан в охране общественного порядка посредством их объединения в добровольные народные дружины либо иные объединения правоохранительной направленности на разных отрезках истории развития нашего общества отношение государства менялось неоднократно. Скажем, в период существования Союза Советских Социалистических Республик (далее — СССР) эта общественная деятельность всячески поощрялась и, более того, полномочия народных дружинников в сфере охраны общественного порядка выглядели достаточно весомо и позволяли им успешно справляться с поставленными перед ними задачами.

Так, в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 379 от 20 мая 1974 года народный дружинник имел право не только требовать от граждан прекращения совершения правонарушения и соблюдения установленного общественного порядка, но и в отсутствие работника милиции составлять протокол о правонарушении, доставлять правонарушителя в милицию или штаб народной дружины, проверять у нарушителя, в том числе и водителей транспортных средств, документы, изымать орудия совершения правонарушения при обстоятельствах, не терпящих отлагательства, использовать транспортные средства, кроме специальных и дипломатических автомобилей, для доставления граждан в лечебные учреждения [1].

С начала 90-х годов отношение к институтам гражданского общества, выполняющим правоохранительные по своему содержанию функции, в корне изменилось. Повсеместное распространение, в том числе и на законодательном уровне, получило мнение о том, что деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, нередко сопряженная с применением мер принуждения, является исключительной прерогативой государства. В частности, утверждалось, что

граждане, исправно платящие налоги, вправе рассчитывать на то, что их безопасность будет в полной мере обеспечена государством, в противном случае включение граждан в правоохранительную деятельность при отсутствии у них соответствующего опыта приведет к повсеместному нарушению режима законности, необоснованным ограничениям прав и свобод человека и гражданина [2, с. 5].

Оправдал ли себя такой подход? Полагаем, что нет. В условиях существующего некомплекта в рядах сотрудников органов внутренних дел, на что неоднократно на расширенных заседаниях коллегий МВД России обращал внимание Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации В. А. Колокольцев [3], сама жизнь диктует потребность в вовлечении в административную деятельность органов внутренних дел по охране общественного порядка представителей гражданской общественности. Особенно рельефно потребность в этом проявляется в сельской местности, где территориальный орган МВД России зачастую находится на отдаленном расстоянии от населенных пунктов, попадающих в зону его обслуживания.

В унисон с этим значительное количество ученых-юристов и государственных должностных лиц, на практике занимающихся правоприменительной деятельностью, высказывают единое мнение о том, что в современных реалиях государство, функционируя в отрыве от граждан и институтов гражданского общества, не всегда в состоянии эффективно противостоять преступности и иным противоправным проявлениям [4, с. 3]. На этой основе констатируется потребность переосмысления опыта прошлых лет и возрождения тех социально-правовых институтов, которые ранее уже доказали свою эффективность.

Положительным сдвигом в решении этой проблемы послужило принятие в 2014 году

Федерального закона от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (далее — ФЗ № 44) [5]. Данный нормативный правовой акт впервые в новейшей истории закрепил принципы и формы участия граждан в охране общественного порядка, порядок создания и организации народных дружин, права и обязанности народных дружинников и другое.

Так, народный дружинник получил право требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправного деяния, осуществлять охрану места происшествия, принимать меры по сохранности вещественных доказательств с целью их дальнейшей передачи сотрудникам полиции, оказывать содействие полиции в сфере охраны общественного порядка, применять физическую силу и осуществлять иные права, предусмотренные федеральными законами.

Однако при системном анализе указанных положений закона приходит понимание того, что далеко не все так благоприятно в этой сфере правового регулирования, как может показаться на первый взгляд. Подобные законодательные новации породили целый ряд не нашедших до настоящего времени своего разрешения проблем, снижающих эффективность деятельности народных дружинников.

Наибольшее количество вопросов вызывает законодательная регламентация применения народными дружинниками физической силы. Начнем с того, что по смыслу закона физическую силу народный дружинник вправе применить при осуществлении охраны общественного порядка, только лишь оказавшись в состоянии крайней необходимости либо необходимой обороны. Очевидно, что охрана общественного порядка прежде всего нацелена на выявление и пресечение правонарушений, однако парадоксальность ситуации в том, что в силу прямого указания в законе для пресечения правонарушения народные дружинники применить физическую силу не вправе. Наивно было бы полагать, что граждане на требование народного дружинника прекратить противоправное действие охотно это выполняют. Вполне возможно оказание в том числе и физического сопротивления народному дружиннику. Какое поведение в этом случае будет приемлемо для народного дружинника в условиях существующей правовой действительности?

Более того, законодатель установил для народного дружинника обязанность перед применением физической силы предупреждать правонарушителя о своем намерении и

предоставлять возможность для того, чтобы последний прекратил совершение противоправных действий, создающих угрозу жизни и здоровью народного дружинника или иных лиц, за исключением случаев возникновения угрозы для жизни и здоровья гражданина, народного дружинника либо наступления иных тяжких последствий.

При этом народный дружинник не вправе применять физическую силу в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен, за исключением случаев совершения этими лицами группового или вооруженного нападения.

В этой связи отметим: необходимая оборона и крайняя необходимость являются обстоятельствами, исключающими преступность деяния. Эти положения носят общий характер и в равной степени распространяют свое действие на всех субъектов уголовного права, в качестве которых могут выступать граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, независимо от их служебного положения, профессиональной или иной подготовки.

Сравним в этой связи статус народного дружинника со статусом гражданина, не обремененного, в отличие от последнего, обязанностью выполнять какие-либо социально-полезные функции по охране общественного порядка. Оказавшись в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, гражданин вправе применить физическую силу к нападавшему без совершения каких-либо предшествующих этому действий. Во всяком случае, ни в Уголовном кодексе Российской Федерации, ни в руководящих разъяснениях высших судебных инстанций не закреплено положение о том, что гражданин, оказавшись в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, перед применением физической силы для защиты себя или иного лица обязан предупреждать об этом правонарушителя и предоставлять возможность для того, чтобы последний выполнил его требования. Отсутствуют для гражданина и ограничения по кругу субъектов, в отношении которых запрещается применять физическую силу, находясь в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости. Народный дружинник оказывается в более уязвимом положении не только в сравнении с простым гражданином, но и в соотношении с сотрудником полиции. Как известно, нет существенных ограничений

по применению физической силы к широкому кругу лиц.

Именно поэтому на практике народный дружинник лишен должной самостоятельности, он всегда осуществляет свою деятельность совместно с сотрудником полиции. Однако, выступая на стороне представителей власти, он создает лишь мнимую видимость численного и силового перевеса по отношению к правонарушителю.

В этой связи возникает коллизия правоприменения: если исходить из того, что авторы анализируемого нами закона являются приверженцами концептуального подхода о недопустимости применения мер принуждения гражданами, задедованными в охране общественного порядка, то почему тогда народный дружинник, например, получил право требовать прекращения противоправных действий, что является одной из форм принуждения? Если же разработчики данного закона исходили из того, что принуждение все же допустимо, то почему тогда народному дружиннику запрещено применять физическую силу для пресечения правонарушения и установлены указанные выше ограничения в этой сфере?

Эти вопросы нуждаются в скорейшем раз решении, иначе деятельность народных дружинников будет малоэффективна, они будут не столько помогать, сколько затруднять работу сотрудников полиции.

На наш взгляд, в сложившихся условиях государство может делегировать часть своих функций по охране правопорядка общественным организациям правоохранительной направленности и добровольным народным дружинам, закрепив за собой право контроля за их деятельностью. Говоря о правах народных дружинников, необходимо, прежде всего, повысить уровень их самостоятельности и автономности, создать правовые и организационные условия, при которых они могли бы осуществлять свою деятельность самостоятельно в отсутствие сотрудника полиции.

В части, касающейся применения народными дружинниками физической силы, вполне можно использовать правовые основания для этого, закрепленные в статье 20 Федерального закона от 3 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О Полиции» [6]. Часть первая статьи 19 ФЗ № 44 должна содержать отсылочную норму и быть изложена в следующей редакции: «Народные дружинники вправе применять физическую силу по основаниям, предусмотренным статьей 20 Федерального закона «О полиции»

от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ». При этом, по нашему мнению, часть 7 указанной статьи, содержащую запреты по применению физической силы для отдельных категорий лиц, следует исключить из текста данного закона.

Поскольку народные дружинники, осуществляя охрану общественного порядка, частично реализуют функцию полиции, вполне логично, что в этой части они будут наделены такими же правами и обязанностями по применению физической силы, как и сотрудники полиции.

Кроме того, считаем возможным предоставить народным дружинникам право доставлять правонарушителей в ближайший территориальный орган МВД России либо иное служебное помещение. Применение физической силы без осуществления последующего доставления лица в служебное помещение для документирования его противоправных действий теряет смысл.

В принципе, и так действующее законодательство и сформированная в соответствии с ним судебная практика позволяют производить фактическое задержание лиц, совершивших преступление, не только сотрудникам правоохранительных ведомств, но и гражданам, которые являются потерпевшими от противоправного деяния или стали его очевидцами, или которым стало достоверно известно о совершении преступления данным лицом [7].

Предлагаемое расширение полномочий народных дружинников актуализирует вопрос их профессиональной подготовки. Статья 15 ФЗ № 44 закрепила, что порядок подготовки народных дружинников утверждается органами исполнительной власти в сфере внутренних дел. В соответствии с этим в органах внутренних дел был разработан Приказ МВД России от 18 августа 2014 года № 696 [8]. Из содержания указанного ведомственного нормативного правового акта следует, что подготовка народных дружинников осуществляется в форме инструктажа продолжительностью не более 30 минут. В рамках такой подготовки у народных дружинников проверяется форма одежды, наличие соответствующей символики, удостоверения, их знакомят с законодательством, мерами личной безопасности, с правилами оказания первой помощи.

На наш взгляд, подобную форму обучения и подготовки народных дружинников нельзя признать достаточной. В этой связи считаем возможным на базе образовательных организаций МВД России создать кратковременные курсы подготовки народных дружинников, в рамках которых они смогут получить навыки по

применению приемов борьбы, а также сформировать знания основных прав и свобод граждан, основ административного и уголовного законодательства, правил личной безопасности и порядка оказания первой помощи.

Представляется, что добровольческие формирования в виде народных дружин могут функционировать не только в ординарных условиях, но и при введении особых административно-правовых режимов.

В конце октября 2025 года Президент Российской Федерации В. В. Путин поддержал предложение по привлечению добровольческих формирований к охране особо опасных объектов на территории Российской Федерации [9]. В настоящее время законопроект о привлечении граждан мобилизационного резерва к указанной выше деятельности находится на обсуждении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Ранее профессор А. М. Кононов высказывал мнение о необходимости создания военизированных добровольческих формирований в виде народного ополчения, которые бы осуществляли свою деятельность на новых территориях Российской Федерации, где введен и до настоящего времени действует режим военного положения [10, с. 111].

Поддерживая данную инициативу, отметим, что подобными добровольческими военизированными формированиями вполне могут стать специализированные добровольные народные дружины. Однако это вызывает необходимость конкретизации их правового положения, решения вопросов финансирования деятельности подобных формирований из средств федерального бюджета, страхования жизни и здоровья их участников, установления дополнительных мер правовой и социальной поддержки.

Список источников

1. О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка: постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 20 мая 1974 года № 379. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1613#0i6d0VuwdVInljx> (дата обращения: 25.10.2025).
2. Потапенко И. В. Административно-правовое регулирование участия объединений граждан в охране общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2011. 221 с.
3. Текст официального выступления В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. URL: <https://мвд.рф/document/10091957> (дата обращения: 29.10.2025).

4. Матюшенков Д. М. Взаимодействие органов исполнительной власти с общественными объединениями в сфере охраны общественного порядка: дис... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 184 с.

5. Об участии граждан в охране общественного порядка: федеральный закон от 2 апреля 2014 года № 44 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14, ст. 1536.

6. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

7. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.10.2025).

8. Вопросы подготовки народных дружинников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, и по оказанию первой помощи: приказ МВД России от 18 августа 2014 года № 696. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.10.2025).

9. Шойгу: Путин поддержал допуск добровольцев к защите критически важных объектов. URL: <https://rg.ru/2025/10/28/shojgu-putin-podderzhal-dopusk-dobrovolcev-k-zashchite-kriticheski-vazhnyh-obektov.html> (дата обращения: 29.10.2025).

10. Кононов А. М. Актуальные вопросы административно-правового регулирования привлечения граждан и общественных объединений правоохранительной направленности к охране общественного порядка в условиях военного положения // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 104–114.

References

1. On further improvement of the activities of voluntary national squads for the protection of public order: resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR dated 05/20/1974 no. 379. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1613#0i6d0VuwdVInljx> (accessed 25.10.2025). (In Russ.).
2. Potapenko I. V. Administrative and legal regulation of the participation of citizens' associations in the protection of public order. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2011. 221 p. (In Russ.).
3. The text of V. A. Kolokoltsev's official speech at an expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://Ministry of Internal Affairs.rf/document/10091957> (accessed 29.10.2025). (In Russ.).
4. Matyushenkov D. M. Interaction of executive authorities with public associations in the field of public order protection. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2022. 184 p. (In Russ.).

5. On the participation of citizens in the protection of public order: federal law no. 44-FZ of April 2, 2014. *Collection of Legislation of the RF*, 2014, no. 14, art. 1536. (In Russ.).

6. On the police: federal law no. 3-FZ of February 7, 2011. *Collected Legislation of the RF*, 2011, no. 7, art. 900. (In Russ.).

7. On the application by Courts of legislation on necessary defense and harm during the detention of a person who has committed a crime: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 19. dated September 27, 2012. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 29.10.2025). (In Russ.).

8. Issues of training people's vigilantes for actions in conditions related to the use of physical force and

first aid: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 696 dated August 18, 2014. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 29.10.2025). (In Russ.).

9. Shoigu: Putin supported the admission of volunteers to protect critical facilities. URL: <https://rg.ru/2025/10/28/shojgu-putin-podderzhal-dopusk-dobrovolcev-k-zashchite-kriticheski-vazhnyh-obektov.html> (accessed 29.10.2025). (In Russ.).

10. Kononov A. M. Current issues of administrative and legal regulation of the involvement of citizens and law enforcement-oriented public associations in the protection of public order under martial law. *Legal policy and legal life*, 2023, no. 2, pp. 104–114. (In Russ.).

Информация об авторах

О. Л. Морозов — кандидат экономических наук, заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по научной работе);

А. С. Лизунов — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России.

Information about the authors

O. L. Morozov — Candidate of Sciences (Economy), Deputy Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work);

A. S. Lizunov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Affairs of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 342.9

Публично-правовая политика в области законодательного регулирования таксомоторной сферы: приоритеты и перспективы

Нестеров Евгений Александрович

Юридический институт Российского университета транспорта, Москва, Россия, info@ui-miit.ru

Аннотация. Автор подвергает критическому осмыслению тенденции публично-правовой политики современной России в области законодательного регулирования транспортных правоотношений, в частности, таксомоторной сферы. Использование многообразия средств и способов познания при сочетании классического методологического инструментария и инновационных, экспериментальных подходов, позволено выявить основные приоритеты нормативного опосредования правоотношений в области легкового такси. Аргументируется тезис, что множественность нормативных правовых актов, абстрактные юридические конструкции, разрозненные дефиниции, отсутствие унифицированных правовых принципов и идеологических начал правового регулирования таксомоторной отрасли — та проблема, которую необходимо решать на системной основе. Формулируется положение, что формой обобщения предлагаемых учеными и практиками мер повышения эффективности правового регулирования таксомоторных отношений мог бы стать документ стратегического планирования, в частности, доктрина развития таксомоторных перевозок в России. В качестве выводов указывается, что доктрина позволит повысить прогнозируемость, плановость нормативного воздействия на таксомоторную отрасль, а также сформировать единое понимание развития бизнеса такси и публичных интересов на рынке.

Ключевые слова: транспортное право, такси, унификация законодательства, безопасность, экспериментальное регулирование

Для цитирования: Нестеров Е. А. Публично-правовая политика в области законодательного регулирования таксомоторной сферы: приоритеты и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 87–93.

Original article

Public law policy in the field of legislative regulation of the taxi industry: priorities and prospects

Evgeniy A. Nesterov

Law Institute of the Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation, info@ui-miit.ru

Abstract. The author critically examines the trends in the public law policy of modern Russia in the field of legislative regulation of transport relations, in particular, the taxi industry. Using a variety of means and methods of cognition, combined with classical methodological tools and innovative, experimental

© Нестеров Е. А., 2025

approaches, the main priorities of regulatory mediation of legal relations in the field of passenger taxis have been identified. The thesis is argued that the multiplicity of regulatory legal acts, abstract legal constructions, disparate definitions, and finally the lack of unified, unified legal principles and ideological principles of legal regulation of the taxi industry is a problem that needs to be addressed on a systematic basis. The position is formulated that a strategic planning document, in particular the doctrine of the development of taxi transportation in Russia, could become a form of generalization of measures proposed by scientists and practitioners to improve the effectiveness of legal regulation of taxi relations. The conclusions indicate that the doctrine will increase the predictability and planning of the regulatory impact on the taxi industry, as well as form a vector of a common understanding of the development of the taxi business and public interests in the market.

Keywords: transport law, taxi, unification of legislation, safety, experimental regulation

For citation: Nesterov E. A. Public law policy in the field of legislative regulation of the taxi industry: priorities and prospects. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 87–93. (In Russ.).

Таксомоторная сфера общественных отношений сегодня находится на пике популярности. Гражданское общество взволновано качеством оказываемых услуг, промышленный сектор нацелен на повышение технологической независимости существующих автопарков, бизнес-сообщество остро ощущает необходимость мер поддержки государства и снижения административных барьеров. Все это создает не только медийный ажиотаж (сегодня тематика такси не сходит с полос средств массовой информации и каналов масс-медиа), но и актуализирует потребность в повышении эффективности правового регулирования данной сферы, определении стратегических приоритетов реализации публично-правовой политики государства.

Как известно, чуть менее трех лет назад был принят рамочный федеральный закон [1], направленный на упорядочение правового регулирования перевозок легковым такси (далее — 580-ФЗ). Отмечая безусловные положительные сдвиги в области не только повышения качества, безопасности предоставляемых сегодня услуг перевозки, стоит обратить внимание и на ряд уязвимых мест, снижающих потенциал такси как транспортного каркаса государства и общества. В частности, не первый год отмечается потребность в глубокой и всесторонней унификации всего транспортно-правового массива, и таксомоторное законодательство здесь не исключение [2, с. 32].

Следующий момент, на который обращают внимание и ученые и практики, — это установление содержательных и структурных элементов правового статуса участников отношений в сфере такси [3, с. 73]. Особняком применительно к тематике правоотношений такси традиционно стоят вопросы ответственности: как

юридической, так и общесоциальной, морально-нравственной [4, с. 85].

Наконец, краеугольным камнем построения непротиворечивой системы таксомоторных правоотношений, установления баланса публичных и частных интересов, нахождения компромисса между потребностями потребителя и возможностями агрегатора и перевозчика является научное осмысление юридической природы услуги такси (включая такие компоненты, как аренда, фрахтование) [5, с. 54; 6; 7]. Все эти вопросы сегодня без преувеличения составляют актуальную повестку юридической науки и практики, требуют вдумчивого, системного подхода к их разрешению.

Действительно, множество нормативных правовых актов, абстрактные юридические конструкции, разрозненные дефиниции, наконец, отсутствие унифицированных правовых принципов и идеологических начал правового регулирования таксомоторной отрасли — та проблема, которую необходимо решать на системной основе. В этой связи анализ функционирования таксомоторной сферы позволяет установить следующие магистральные направления, нуждающиеся в научном осмыслении и предложении действенных средств правового регулирования.

Во-первых, повышение экономической прозрачности деятельности участников рынка такси. Функционирование такси до принятия 580-ФЗ, как думается, ни для кого не секрет, находилось в теневом секторе экономики и фактически было лишено понятной, прогнозируемой системы фискальных обременений. Сегодня ситуация в значительной мере изменилась, хотя и не без сохранения некоторой латентности в данных правоотношениях. В частности, эксперты

обращают внимание, что в социальных сетях на сегодняшний день зарегистрировано более 4 тыс. групп и 29 чат-ботов, позволяющих заказывать услуги такси и осуществлять поиск попутчиков, с общей аудиторией 11 миллионов человек [8]. Тем не менее запуск в сентябре 2023 года пилотного проекта по повышению прозрачности функционирования такси уже дал свои результаты. По материалам аналитиков, объем рынка такси в 2024 году превысил один трлн рублей. С учетом подсчетов выручки водителей из числа плательщиков налога на профессиональный доход и индивидуальных предпринимателей равной 10 млрд рублей, доля указанных плательщиков от общего числа зарегистрированных водителей составила 18,84 % [9].

Приведенные данные уже свидетельствуют о положительных сдвигах в заданном направлении, однако приходится все же констатировать, что правовое регулирование продолжает несколько запаздывать от динамики развития рынка. В частности, с учетом функционирования таксомоторной отрасли на базе инновационных виртуальных экономических площадок профессиональное сообщество остро ощущает потребность в принятии соответствующего федерального закона о цифровых платформах. Данный законопроект находится на завершающей стадии разработки в Минэкономразвития России. Выступая на Петербургском международном экономическом форуме, Президент Российской Федерации В. В. Путин нацелил на ускорение его принятия, при этом пообещав перевести в «цифру» весь транспортный контур России [10]. Притом, что применительно к одному из ключевых участников рынка — «Яндекс. Такси», доля самозанятых водителей ежегодно возрастает (на сегодняшний день превысила 70 %), электронные площадки несомненно позволят ускорить повышение экономической прозрачности сектора, с одной стороны, а с другой — законность функционирования отрасли, снизить коррупционность в данной сфере. Это, возможно, создаст условия повышения конкурентоспособности отечественных цифровых площадок, привлечет потребительский интерес и т. д.

Во-вторых, обеспечение и укрепление мер безопасности транспортных перевозок применительно к социально уязвимым категориям населения. Данное стратегическое направление неслучайно было обозначено 20 декабря 2024 года Президентом Российской Федерации В. В. Путиным по итогам Государственного совета по вопросам социальной поддержки семей [11]. В числе ключевых направлений усиления

мер транспортной безопасности была озвучена необходимость обеспечения «...наличия в транспортных компаниях парка автомобилей, оснащенных детскими удерживающими системами (устройствами), соответствующими весу и росту ребенка» [11]. Обозначенное управленческое решение напрашивалось не первый год. Статистические данные последних лет свидетельствуют о росте числа пострадавших детей в результате дорожно-транспортных происшествий: как в количественном, так и содержательном выражении. Превалирующую часть в общей доле пострадавших составляют случаи, когда несовершеннолетние являлись пассажирами [12]. Так, за 12 месяцев 2024 года в стране зафиксировано 1 474 (по итогам 2023 — 1 292) дорожно-транспортных происшествий с участием лиц до 18 лет, в которых 1 629 человек получили ранения (2023 г. — 1 431), 44 ребенка погибли (в 2023 г. — 52) [13].

Реализация данного поручения не всегда осуществляется с учетом целостного, единообразного подхода. Он мог бы включать в себя следующее:

- установление унифицированного требования к перевозчику об обязательном наличии в автомобиле детского удерживающего устройства;

- конкретизация и приведение к единообразию требований относительно типов и видов детских удерживающих устройств.

И первое, и второе нуждаются в научном осмыслении и лишь затем — в нормативном опосредовании. Относительно первого — на сегодняшний день разработан соответствующий законопроект, находящийся на предварительном рассмотрении в аппарате Государственной Думы Российской Федерации [14]. Текст предлагаемого закона лаконичен и сводится к установлению обязательного требования к водителям такси иметь в автомобиле две детские удерживающие системы. Как известно, Правила дорожного движения не детализируют критерии [15], которым данные системы должны отвечать. Следовательно, нужна научно-проработанная конкретизация требований относительно типов детских удерживающих устройств. Как думается, бустеры, накладки на штатные ремни безопасности и прочие приспособления, используемые автолюбителями, неполностью могут обеспечить надлежащий уровень безопасности. Кроме того, общество также рассчитывает, что планируемые к введению нормы не скажутся на удорожании услуги по перевозке.

В-третьих, внедрение правовых инноваций посредством расширения опытно-

экспериментального правового регулирования. Как известно, с 2020 года в нашей стране органы публичной власти активно используют так называемое пробное, пилотное правовое регулирование, основу для такой возможности создал соответствующий федеральный закон [16]. В результате чего на сегодняшний день действуют 17 экспериментальных правовых режимов, четыре из которых — в области наземного транспорта. Как отмечают специалисты [17, с. 40], экспериментальное правовое регулирование позволяет использовать гибкие средства воздействия на инновационные отношения, создавая изъятия из общего правового регулирования и не нарушая фундаментальные основы действия права (во времени, пространстве и по кругу лиц), тестовым путем определить наиболее приемлемые варианты нормативного опосредования. Анализ реестра экспериментальных правовых режимов [18] применительно к сфере наземного транспорта позволяет отметить наиболее прогрессивные направления пробного правового регулирования:

- функционирование интеллектуальных транспортных систем;
- создание и последующая эксплуатация энергоэффективного транспорта (водородного и прочее);
- социальное ориентирование транспортно-го контура (маршруты и автопарк с учетом социально-уязвимых категорий граждан и прочее);
- инновационные системы оплаты и цифровые модели контроля.

Между тем лишь 17 регионов Российской Федерации вовлечены в процесс разработки инновационных подходов к правовому регулированию таксомоторных отношений. Как думается, данный показатель мог бы быть расширен. Следует понимать, что экспериментальное правовое регулирование позволяет не только исключить ряд формально-юридических требований, нередко создающих серьезную административную нагрузку на участников рынка, но и проверить на практике цифровые технологии, в процессе тестирования определиться с наиболее оптимальными методиками, оптимизировать либо вовсе исключить финансовые и иные риски за счет государственной поддержки и многое другое. Таким образом, вовлеченность всех заинтересованных субъектов в разработку и реализацию инновационных решений на транспорте за счет экспериментального правового регулирования позволит на основе накопления соответствующего опыта предложить апробированные решения для изменения

законодательства. Впоследствии это даст возможность сформировать непротиворечивую правоприменительную практику, что крайне важно на современном этапе.

В качестве выводов по изложенному материалу обратим внимание на следующие приоритетные направления совершенствования публично-правовой политики Российской Федерации в сфере регулирования таксомоторных отношений:

— «обеление» отрасли, повышение экономической прозрачности и, соответственно, прогнозируемости деятельности участников рынка такси. Одним из способов достижения данной стратегической задачи с юридической стороны видится принятие федерального закона о цифровых платформах, который создаст правовую основу для упрочения экономической прозрачности сектора, условия повышения конкурентноспособности отечественных цифровых площадок;

— усиление социальной ответственности участников рынка такси, выражающееся не только в ужесточении мер безопасности перевозок социально уязвимых категорий населения, но и в удержании политики ценообразования, несмотря на планируемые к введению дополнительные обременения в виде детских удерживающих устройств;

— масштабируемость проводимой публично-правовой политики в области таксомоторных отношений. Попытки отдельных регионов развивать технологические инновации, цифровые сервисы и прочее, нередко сталкиваются с непреодолимыми административными и иными барьерами. Для их минимизации необходимо шире использовать возможности экспериментального правового регулирования, позволяющего легализовать на федеральном уровне решения, успешно протестированные на местах.

Возможно, формой обобщения предлагаемых и иных мер повышения эффективности правового регулирования таксомоторных отношений мог бы стать документ стратегического планирования — доктрина (концепция, стратегия или иного рода) развития таксомоторных перевозок в России. Выдвинутое предложение опирается на определенные преимущества доктрины как стратегического организационно-правового документа (поскольку в рамках публично-правовой политики современной Российской Федерации с положительной стороны уже рекомендовали себя ряд доктрин) [19–21]:

во-первых, доктрина (что следует из наименования данного документа), как правило имеет прочную научно-методологическую основу,

опирается на существующие и успешно апробированные подходы к государственно-правовому воздействию;

во-вторых, доктрина выступает компромиссной формой унификации, упорядочения нормативного правового материала конкретной отрасли, что впоследствии может перейти в конкретную форму систематизации (кодификацию или инкорпорацию);

в-третьих, использование доктрины ориентировано на перспективу (за счет применения определенной доли абстрактности правовых предписаний): доктрина не утратит своей актуальности через несколько лет, при этом конкретность нормативных формулировок будет обеспечена за счет подзаконного нормотворчества, а также издания планирующих актов управления (программ, планов, поручений и прочее).

Все предложенные меры, взятые в единстве государственной доктрины развития пассажирских перевозок, позволят:

— повысить прогнозируемость, плановость нормативного воздействия на таксомоторную отрасль;

— сформировать единое понимание развития бизнеса такси и публичных интересов на рынке;

— высветить наиболее уязвимые сегменты таксомоторной сферы отношений, указав на востребованные зоны для адресного, точечного оказания мер государственной поддержки.

Список источников

1. Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 580-ФЗ (в ред. от 24 июня 2023 года) // *Собрание законодательства РФ*. 2023. № 1 Ч. I, ст. 27.

2. Репьев А. Г. Теория унификации транспортного права: возможные модели и технико-юридические сложности // *Алтайский юридический вестник*. 2025. № 2 (50). С. 29–34.

3. Бажина М. А., Щекочихина Е. П. Правовой статус службы заказа такси при организации перевозки пассажиров и багажа легковым такси // *Вестник Полоцкого государственного университета*. 2024. № 4 (69). С. 71–74.

4. Дзансолова А. А. К вопросу о правовой природе и ответственности сервисов заказа легкового такси // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2023. Т. 19, № 4. С. 83–89.

5. Лютов Н. Л., Войтковская И. В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «уберизации» труда? // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15, № 6 (115). С. 149–159.

6. Скварко У. А. Правовая природа правоотношений службы заказа легкового такси с перевозчиком легковым такси // *Право и экономика*. 2024. № 6 (436). С. 51–55.

7. Рыбинская Е. Т., Стерхов П. А. Гражданско-правовое регулирование услуг такси в Российской Федерации в свете изменений законодательства: актуальность, проблемы реализации // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 4 (232). С. 331–333.

8. АНО «Цифровые платформы». URL: <https://цифровыеплатформы.рф> (дата обращения: 20.06.2025).

9. Доля легализовавшихся таксистов в России резко возросла. URL: <https://www.rusbiznews.ru/news/n3838.html> (дата обращения: 23.06.2025).

10. Новая экономика России. О чем говорил Владимир Путин на заседании ПМЭФ // *Российская газета*. 2025. 23 июня.

11. Перечень поручений по итогам заседания Государственного Совета по вопросам социальной поддержки семей, Пр-119ГС // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/76156> (дата обращения: 20.06.2025).

12. Баринов В. Их жизни в руках взрослых: в России растёт число автоаварий с детьми. Какие меры принимаются для пресечения таких ДТП // *Российская газета*. 2024. 20 ноября.

13. Показатели состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 23.06.2025).

14. О внесении изменений в Федеральный закон «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (об оснащении легкового такси детскими удерживающими системами): проект федерального закона № 855081-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/855081-8#bh_note (дата обращения: 23.06.2025).

15. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 года № 1090 (в ред. от 27 марта 2025 г.) // *Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации*. 1993. № 47, ст. 4531.

16. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 5 января 2025 года) // *Собрание законодательства РФ*. 2020. № 31. (Ч. I), ст. 5017.

17. Репьев А. Г., Сенякин И. Н. Экспертное значение экспериментальной нормы российского права // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 36–42.

18. Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/?ysclid=mc908m3erl840120111 (дата обращения: 23.06.2025).

19. Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 года № Пр-2976 // Российская газета. 2014. 30 декабря.

20. О доктрине развития российской науки: указ Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 884 (в ред. от 23 февраля 2006 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 3005.

21. Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 года № 512 (в ред. от 13 августа 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 31, ст. 5699.

References

1. On the organization of passenger and Baggage Transportation by passenger taxi in the Russian Federation, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation: federal law no. 580-FZ of December 29, 2022 (as amended, dated June 24, 2023). *Collection of legislation of the RF*, 2023, no. 1 (part I), art. 27. (In Russ.).

2. Repyev A. G. Theory of unification of transport law: possible models and technical and legal difficulties. *Altaiskiy yuridicheskiy vestnik*, 2025, no. 2 (50), pp. 29–34. (In Russ.).

3. Bazhina M. A., Shchekochikhina E. P. The legal status of the taxi ordering service in the organization of passenger and baggage transportation by passenger taxi. *Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences*, 2024, no. 4 (69), pp. 71–74. (In Russ.).

4. Dzansolova A. A. On the issue of the legal nature and responsibility of passenger taxi ordering services. *Problems of economics and legal practice*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 83–89. (In Russ.).

5. Lyutov N. L., Voitkovskaya I. V. Taxi drivers who perform work through online platforms: what are the legal consequences of the “uberization” of labor? *Actual problems of Russian law*, 2020, vol. 15, no. 6 (115), pp. 149–159. (In Russ.).

6. Skvarko U. A. The legal nature of the legal relationship between the passenger taxi ordering service and the passenger taxi carrier. *Law and economics*, 2024, no. 6 (436), pp. 51–55. (In Russ.).

7. Rybinskaya E. T., Sterkhov P. A. Civil law regulation of taxi services in the Russian Federation in the light

of legislative changes: relevance, problems of implementation. *Law and the state: theory and practice*, 2024, no. 4 (232), pp. 331–333. (In Russ.).

8. ANO “Digital Platforms”. URL: <https://цифровые-платформы.рф> (accessed 20.06.2025). (In Russ.).

9. The share of legalized taxi drivers in Russia has increased dramatically. URL: <https://www.rusbiznews.ru/news/n3838.html> (accessed 23.06.2025). (In Russ.).

10. New Economy of Russia. What Vladimir Putin said at the SPIEF meeting. *Rossiyskaya Gazeta*, 2025, June 23. (In Russ.).

11. List of instructions following the meeting of the State Council for Social Support of Families, 119GS Ave. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/76156> (accessed 20.06.2025). (In Russ.).

12. Their lives are in the hands of adults: The number of car accidents with children is growing in Russia. *Rossiyskaya gazeta*, 2024, November 20. (In Russ.).

13. Road safety indicators. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (accessed 23.06.2025). (In Russ.).

14. On Amendments to the Federal Law “On the Organization of Passenger and Baggage Transportation by Passenger Taxi in the Russian Federation, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation” (on equipping passenger taxis with child restraint systems): draft federal law no. 855081-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/855081-8#bh_note (accessed 23.06.2025). (In Russ.).

15. On the Rules of the Road (together with the “Basic provisions on the admission of vehicles to operation and the duties of officials to ensure road safety”): decree of the Government of the Russian Federation no. 1090 dated October 23, 1993 (as amended dated Marty 27, 2025). *Collection of acts of the President and Government of the Russian Federation*, 1993, no. 47, art. 4531. (In Russ.).

16. On experimental Legal Regimes in the Field of digital Innovations in the Russian Federation: federal law no. 258-FZ dated July 31, 2020 (as amended from August, 8, 2024) (with amendments and additions, intro. effective from January 5, 2025). *Collection of legislation of the RF*, 2020, no. 31 (part I), art. 5017. (In Russ.).

17. Repyev A. G., Senyakin I. N. The expert significance of the experimental norm of Russian law. *Legal technology*, 2022, no. 16, pp. 36–42. (In Russ.).

18. Register of experimental legal regimes in the field of digital innovations. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/?ysclid=mc908m3erl840120111 (accessed 23.06.2025). (In Russ.).

19. Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014 № Пр-2976). *Rossiyskaya Gazeta*, 2014, 30 December. (In Russ.).

20. On the doctrine of the development of Russian science: decree of the President of the Russian Federation no. 884 dated June 13, 1996 (as amended dated February 23, 2006). *Collection of legislation of the RF*, 1996, no. 25, art. 3005. (In Russ.).

21. On the approval of the Maritime Doctrine of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 512 dated July 31, 2022 (as amended dated August 13, 2024). *Collection of legislation of the RF*, 2022, no. 31, art. 5699. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. А. Нестеров — кандидат юридических наук, директор Юридического института Российского университета транспорта.

Information about the author

E. A. Nesterov — Candidat of Sciences (Law), Director of the Law Institute of the Russian University of Transport.

Научная статья
УДК 342.26

Территория населенного пункта: законодательная тавтология?

Праскова Светлана Васильевна

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, savap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4518-3659>

Аннотация. Отмечается, что в федеральных законах относительно недавно (с 2017 года) стало использоваться словосочетание «территория населенного пункта», но вопрос актуализировался в связи с принятием нового федерального закона, определяющего общие принципы организации местного самоуправления.

Проблема в использовании данного словосочетания связана с тем, что населенный пункт в географии и социальных науках понимается как часть территории, на которой постоянно проживает население. В российском законодательстве регулирование данного вопроса отнесено к компетенции регионов, практика которых различается, но в целом региональный законодатель определяет населенный пункт как часть территории субъекта Российской Федерации. С этой позиции словосочетание «территория населенного пункта» внутренне противоречиво, поскольку населенный пункт не может иметь территории, он ею является.

Вместе с тем сравнительный анализ федеральных законов показывает, что данное словосочетание начинает использоваться все чаще. Это особенно важно в сфере регулирования градостроительных отношений и территориальных основ организации публичной власти. В этой связи автор статьи полагает, что это лишь частное проявление более крупной проблемы: отсутствия в отечественной юриспруденции четкого понимания природы населенного пункта. Отмечается, что в научной литературе встречаются определения населенного пункта как территориальной единицы и единицы расселения. Делается вывод о необходимости разработки понимания населенного пункта в рамках науки градостроительного права, а также соотнесения населенного пункта с территориальными единицами и публично-территориальными образованиями.

Ключевые слова: территория, поселение, населенный пункт, муниципальное образование, местное самоуправление, административно-территориальное устройство, градостроительное законодательство

Для цитирования: Праскова С. В. Территория населенного пункта: законодательная тавтология? // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 94–103.

Original article

The territory of the settlement: a legislative tautology?

Svetlana V. Praskova

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, savap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4518-3659>

Abstract. It is noted that the phrase “territory of a settlement” has been used in federal laws relatively recently (since 2017), but the issue has become more relevant due to the adoption of a new federal law defining the general principles of organizing local self-government.

© Праскова С. В., 2025

The problem in using this phrase is related to the fact that a locality in geography and social sciences is understood as a part of the territory where the population permanently resides. In Russian legislation, the regulation of this issue is attributed to the competence of the regions, whose practice varies. But in general, the regional legislator defines a locality as part of the territory of a constituent entity of the Russian Federation. From this perspective, the phrase “territory of a locality” is internally contradictory, since a locality cannot have a territory, it is one.

At the same time, a comparative analysis of federal laws shows that this phrase is beginning to be used more and more often. This is especially important in the field of regulating urban planning relations and the territorial foundations of the organization of public authority. In this regard, the author believes that this is only a private manifestation of a larger problem: the lack of a clear understanding of the nature of the settlement in Russian jurisprudence. It is noted that in the scientific literature there are definitions of a settlement as a territorial unit and a settlement unit. It is concluded that it is necessary to develop an understanding of the settlement within the framework of the science of urban planning law, as well as the correlation of the settlement with territorial units and public-territorial entities.

Keywords: territory, settlement, inhabited locality, municipality, local government, administrative-territorial structure, urban planning legislation

For citation: Praskova S. V. The territory of the settlement: a legislative tautology? *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 94–103. (In Russ.).

Введение

Принятие Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее — Федеральный закон № 33-ФЗ) [1] официально ознаменовало четвертый этап реформирования территориальной организации местного самоуправления в России. Закрепленный принцип одноуровневости муниципальных образований, как и возможность отступления от него, не является новацией для российского права, во многом повторяя концепцию Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 1995 года (далее — Федеральный закон № 154-ФЗ) [2]. Также нельзя сказать, что реализация новых положений принципиально меняет практику муниципального устройства. Многие регионы начали переход к концепции «городской муниципальной округ» еще с 2020 года. Так, по данным Росстата, на 1 января 2025 года в Российской Федерации было создано 528 муниципальных округов [3]. И тем не менее это событие существенно подогрело градус научной дискуссии в части определения территорий муниципальных образований. Вновь закрепленная позиция федерального законодателя — прекрасный повод для того, чтобы обратить внимание на далеко не новые, но по-прежнему не решенные проблемы.

Одним из вопросов, активно обсуждавшимся при проведении каждой муниципальной реформы, был вопрос о соотношении населенного пункта и муниципального образования. В середине 90-х годов прошлого века эта дискуссия была связана с введением в публичное право категории «муниципальное образование» и

завершилась признанием ее нетождественности населенному пункту (поселению), а муниципального устройства — административно-территориальному устройству [4, с. 66–71; 5, с. 105–106]. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 года (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ) [6] принципиально изменил терминологию, признав поселение видом муниципального образования, а населенный пункт — основой для определения его территории. Одновременно он перенаправил обсуждение в науке на категории населенных пунктов, поскольку именно от них зависел вид поселения [7, 8]. Федеральный закон № 33-ФЗ сохраняет деление муниципальных образований на виды и по-прежнему связывает его с категориями населенных пунктов, входящих в состав их территории. Принципиальных новаций в этом плане нет. Но при регулировании территориальных основ местного самоуправления Федеральный закон № 33-ФЗ использует словосочетание «территория населенного пункта», которое в первоначальной редакции Федерального закона № 131-ФЗ не применялось. И эта терминология, на наш взгляд, требует осмысления, поскольку обостряет очень непростой для российского права вопрос: «Что такое населенный пункт?».

Населенный пункт как правовая категория

Населенный пункт является межотраслевой научной категорией, широко используемой в географии и социальных науках. Большая российская энциклопедия определяет населенный пункт (населенное место, поселение) как территорию, населенную людьми, которая служит местом их проживания и имеет сосредоточенную

застройку в пределах установленной границы (черты). Обязательный признак поселения — использование его как места постоянного или сезонного обитания. Населенный пункт характеризуется пространственной ограниченностью, общностью структурных элементов и имеет географическое наименование (топоним) [9]. Именно в этом значении, как территория с постоянными населением он используется в социально-экономической географии, выступая основой системы расселения населения.

Широко используется населенный пункт и в законодательстве: не только применительно к традиционной сфере организации публичной власти, но практически во всех отраслях. Он является основой для создания других правовых категорий, наиболее известной из которых является «земли населенных пунктов». Существует и множество разновидностей статусов населенных пунктов, наделение которыми порождает различные правовые последствия: закрывающиеся населенные пункты в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, опорные населенные пункты.

Объем правового понятия «населенный пункт» определен предельно четко, поскольку для признания какой-либо части территории таковым требуется определение его категории, присвоение наименования и включение в учетные данные административно-территориального устройства соответствующего субъекта Российской Федерации. Собственно, именно юриспруденция дает ответ на вопрос, является соответствующее место проживания граждан населенным пунктом или нет. Но содержание данного правового понятия определено недостаточно четко.

Дело в том, что в силу преемственности конструкции административно-территориального устройства советского периода населенный пункт относят к видам административно-территориальных образований (единиц). При этом советское законодательство не содержало легальной дефиниции населенного пункта, используя его как собирательную категорию и оперируя в основном его отдельными видами: город, рабочий поселок, сельский населенный пункт [10–12]. Даже Положение о порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР [13] 1982 года, которое до сих пор во многом предопределяет единицы административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации, использовало термин «населенный пункт» лишь как обобщение для его отдельных видов.

При переходе к современной федерации административно-территориальное устройство

было отнесено к предметам ведения субъектов Российской Федерации и стало определяться их нормативными правовыми актами. Не имея возможности остановиться на этом вопросе подробно, отметим лишь, что вопрос об отнесении административно-территориального устройства к конкретной группе предметов ведения в науке решается неоднозначно. Мы придерживаемся позиции, что в целом административно-территориальное устройство является предметом исключительного ведения субъектов Российской Федерации, поскольку федеральный законодатель определил данную сферу в качестве предмета правового регулирования региональных законов, а на уровне Федерации его законодательное регулирование отсутствует.

Региональные законы по-разному подходят к определению населенного пункта. Может сохраняться подход советского периода, когда легальная дефиниция не дается, а термин «населенный пункт» используется лишь как обобщающий для отдельных видов [14, 15]. Но многие регионы закрепили собственные дефиниции понятия населенного пункта. Можно выделить два основных подхода к определению населенного пункта:

1) как вида административно-территориального образования (территориальной единицы) (например: Республика Коми [16], Омская область [17, п. 4 ст. 1];

2) как части территории субъекта Российской Федерации (например: Брянская область [18, абз. 4 п. 1 ст. 2], Архангельская область [19, ч. 1 ст. 17]).

Однако содержательно они мало различаются, поскольку административно-территориальные образования (единицы) определяются как часть территории субъекта Российской Федерации. Например, в Иркутской области населенный пункт понимается как административно-территориальное образование, являющееся местом постоянного и компактного проживания людей, приспособленное для жизни, хозяйственной деятельности, отдыха и сосредоточивающее жилые, административные и хозяйственные здания и сооружения. Одновременно административно-территориальное образование определено как часть территории области в определенных границах [20, ч. 3 и 4 ст. 2].

В свою очередь, в Московской области населенный пункт определен как часть территории, служащей постоянным или преимущественным местом проживания и жизнедеятельности людей, имеющей сосредоточенную застройку в пределах границы, установленной

в соответствии с законодательством Российской Федерации [21, п. 7 ч. 1 ст. 3].

Соответственно, принадлежность населенных пунктов к родовой категории административно-территориальных образований (единиц) не более чем посредник. Региональный законодатель практически единодушен в определении населенного пункта как части территории субъекта Российской Федерации, обладающей определенными качественными характеристиками.

Но, оценивая словосочетание «территория населенного пункта» с позиций выявленного легального понимания населенного пункта, следует сделать вывод, что оно внутренне противоречиво. На первый взгляд может показаться, что это скрытая риторическая тавтология — утверждение, в котором идея повторяется с использованием почти синонимичных морфем, слов или фраз, то есть «говорится одно и то же дважды» [22]. Однако это не так. Языковая тавтология избыточна, но истинна. Словосочетание же «территория населенного пункта» лишено смысла, поскольку часть территории не может иметь собственной территории, она таковой является. Использование такой языковой формы возможно в литературе для усиления художественного эффекта, но не в юриспруденции, где каждый термин должен иметь четко определенное содержание и объем. Тем более это недопустимо в рамках актов, имеющих высшую юридическую силу.

На сегодняшний день «территорию населенного пункта» нельзя оценивать как специально-юридический термин. Это лишь употребляемое в нормативном тексте словосочетание. И для его оценки необходимо выявить контекст, в котором он используется.

Использование словосочетания «территория населенного пункта» в федеральном законодательстве

В настоящий момент словосочетание «территория населенного пункта» встречается только в 17 действующих федеральных законах. Его нельзя оценить как распространенное или общепринятое. Его употребление носит скорее эпизодический и ситуационный характер, чем является результатом осознанного формирования термина, отражающего правовое понятие. Например, в пункте 1 части 2 статьи 168 Жилищного кодекса Российской Федерации территория населенного пункта упоминается только единожды, при том, что в части 5 статьи 57 данного кодекса говорится о границах населенного пункта, а не о границах его территории (что логически верно!) [23]. Аналогичная ситуация имеет

место еще в 11 федеральных законах [24, 25]. Более, чем один раз территория населенного пункта упоминается в Техническом регламенте о требованиях пожарной безопасности [26], Федеральном законе от 4 мая 1999 года № 96 «Об охране атмосферного воздуха» [27] и Федеральном законе от 14 марта 1995 года № 33 «Об особо охраняемых природных территориях» [28], но это словосочетание было введено единожды при внесении изменений. В силу такого незначительного использования, а также учитывая, что эти законы не регулируют вопросы территориальной организации, их можно не принимать во внимание. Одновременно важен тот факт, что словосочетание «территория населенного пункта» было введено в них только в последние 5–7 лет.

Несколько иначе обстоит дело с Градостроительным кодексом Российской Федерации (далее — ГрК РФ) [29]. В целом он использует термин «населенный пункт» именно в значении «часть территории», хотя федеральный законодатель никогда не предпринимал попыток закрепить в нем необходимую, на наш взгляд, легальную дефиницию данного понятия. В этой связи следует отметить, что в Государственную Думу Российской Федерации дважды вносился проект федерального закона, направленный на закрепление категорий населенных пунктов в ГрК РФ (проекты № 314773-8 и № 592285-8) [30, с. 24–28]. Но и в них не предлагалось определить, что такое населенный пункт. Так, показательно, что в градостроительном законодательстве используется термин «граница населенного пункта», а не «граница территории населенного пункта», а для обозначения нахождения чего-либо в пределах населенного пункта используются словосочетания «в границах населенного пункта» и «часть населенного пункта». Но и в этом законе в последние годы стала упоминаться территория населенного пункта. Так, одно из направлений благоустройства территории трактуется как содержание территорий населенных пунктов и расположенных на таких территориях объектов (п. 36 ст. 1 ГрК РФ). Используется это словосочетание и при определении критерия плотности застройки для вновь образуемых населенных пунктов (п. 3 ч. 26 ст. 24 ГрК РФ), определения территории для проведения публичных слушаний или общественных обсуждений (ч. 3.2, 4 ст. 28 ГрК РФ), особенностей утверждения правил землепользования и застройки (ч. 1.1, 8.4 ст. 31, ч. 1 ст. 32 ГрК РФ), действия градостроительного регламента (ч. 7 ст. 36 ГрК РФ). Косвенно о

территории населенного пункта говорится при обозначении расположения каких-либо объектов в его границах (ч. 14 ст. 9 ГрК РФ).

В большинстве случаев это представляется неудачным словесным оборотом, который легко исправить. Но при анализе ГрК РФ нужно учитывать, что для градостроительной деятельности населенный пункт является фундаментальной категорией, с которой так или иначе связано любое отраслевое понятие, поэтому появление в ГрК РФ внутренне противоречивого словосочетания не может не тревожить.

Наконец, отдельное внимание заслуживает муниципальное законодательство, поскольку для территориальной организации местного самоуправления населенный пункт является не менее фундаментальной категорией, чем для градостроительных отношений.

Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» 1991 года [31] совершенно не использовал словосочетание «территория населенного пункта», напротив, последовательно определяя населенный пункт как особую разновидность территории. Так, одним из оснований досрочного прекращения полномочий главы местной администрации признавался выезд его на постоянное жительство и работу за пределы «населенного пункта, в границах которого находится территория Совета» (п. «б» ч. 5 ст. 93). Это выражение примечательно еще и тем, что подразумевает вхождение территории осуществления местного самоуправления в границы населенного пункта, а не наоборот.

Федеральный закон № 154-ФЗ поменял терминологию, используя вслед за Конституцией Российской Федерации слово «поселение» вместо «населенного пункта», но сохранив его понимание как вида территории (абз. второй п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 12) [32]. Словосочетание «территория поселения» используется в нем только один раз — для обозначения населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями (п. 1 ст. 27), что скорее является случайностью, чем осознанной политикой.

Первоначальная редакция Федерального закона № 131-ФЗ в целом сохранила эту концепцию. Разведя содержание понятий «поселение» и «населенный пункт», данный закон определил поселение через совокупность тех или иных населенных пунктов, «объединенных общей территорией» (абз. первый и второй ч. 1 ст. 1). Одновременно территория поселения определяется не через территорию населенных пунктов, а через «земли населенных пунктов» (п. 3 ч. 1 ст. 11). Хотя «территория населенного

пункта» косвенно упоминалась в частях 2 и 3 статьи 12 Федерального закона № 131-ФЗ.

Эта концепция начала размываться в 2004 году, когда была изменена формулировка требования к соотношению поселения и населенного пункта.

В первоначальной редакции пункт 12 статьи 11 Федерального закона № 131-ФЗ предусматривал, что «границы поселения не могут пересекаться с границами населенного пункта». Эта формулировка соответствовала принципу «непересечения границ» между территориальными единицами: полного вхождения территориальной единицы одного уровня в другую. Однако в 2004 году его формулировка была изменена на другую: «территория населенного пункта должна полностью входить в состав территории поселения» [33]. Пожалуй, это первое явное употребление в законе словосочетания «территория населенного пункта» в качестве термина. При том, что содержание требования к соотношению территории поселения и населенного пункта не изменилось, эта редакция явно наделяет населенный пункт территорией, что предполагает его иную, отличную от территории природу.

Затем, в 2017 и 2019 годах [34, 35] это положение подвергалось редакционной корректировке в связи с добавлением других видов муниципальных образований: городского и муниципального округов. И именно с этого времени «территория населенного пункта» начинает использоваться как в частях 2.2, 2.3, 4 статьи 12, пункта 4.3 части 1, части 1.2 статьи 25.1 Федерального закона № 131-ФЗ, так и в других федеральных законах.

Вновь принятый Федеральный закон № 33-ФЗ еще более активно использует это словосочетание. Часть 6 статьи 10 данного закона повторяет принцип полного вхождения территории населенного пункта в состав территории муниципального образования. Одновременно при определении требований к территории муниципального образования наряду с формулировкой «в состав территории муниципального образования входят населенные пункты» используется «в состав территории муниципального образования входит территория населенных пунктов» (ч. 3 и 4 ст. 9, ч. 4 ст. 89). Статьи 45 и 48 Федерального закона № 33-ФЗ используют словосочетание «территория населенного пункта» применительно к проведению схода и собрания граждан, статья 51 — к избранию старосты сельского населенного пункта, статья 69 — к сбору средств самообложения.

Нет никаких сомнений, что в дальнейшем словосочетание «территория населенного пункта» будет использоваться в федеральных законах все чаще и чаще. Неизбежно оно перейдет и в терминологию регионального законодательства, и правовых актов местного самоуправления. Эта тенденция, на наш взгляд, является не проблемой, а лишь ее частным проявлением (индикатором).

Выводы

Терминологические изменения являются неотъемлемой чертой развития законодательства. «Игра в слова» давно и горячо любима юристами. И само по себе появление нового словосочетания в законе не заслуживает отдельного исследования. На него следует обращать внимание лишь в том случае, когда множественность и противоречивость терминологии является следствием отсутствия четкого понятийного аппарата. Именно такая ситуация, на наш взгляд, и имеет место в рассмотренной проблеме: использование внутренне противоречивого словосочетания «территория населенного пункта» является прямым последствием отсутствия четкого понимания населенного пункта в праве.

Несмотря на то, что населенный пункт как место компактного проживания людей связан со всей историей человечества, потребность в его научном осмыслении и оформлении в научное понятие появилась далеко не сразу. Для юриспруденции, которая и сама имеет относительно короткую историю, такая потребность выявилась лишь в последние полвека. Советское законодательство без каких-либо существенных проблем обходилось не только без легальной дефиниции населенного пункта, но и в значительной степени даже без этого понятия. Однако для современного российского права такая ситуация неприемлема.

Необходимость в юридической категории населенного пункта обусловлена, прежде всего, «взрывным» увеличением объема правового регулирования земельных и градостроительных отношений. Представить себе современное планирование развития территории без базовой дихотомии «населенный пункт (территория с постоянным населением) любая другая территория» практически невозможно. В науке встречаются различные предложения, например: отказаться от категории «границы населенного пункта» [36, с. 13–14]. Однако необходимость понятия «населенный пункт» не оспаривается. Напротив, оно скорее используется как аксиома, не требующая определения. А потому, на

наш взгляд, назрела необходимость не только в определении содержания понятия населенного пункта, но и в его качественном переосмыслении. Действительно ли населенный пункт — это просто часть территории, имеющая компактную застройку? Либо это явление более сложное и многоаспектное? А если так, то территория действительно может быть лишь частью населенного пункта, а не его сущностью. И тогда использование федеральным законодателем словосочетания «территория населенного пункта» не тавтология, а «лакмусовая бумажка», показывающая переход этой научной категории в иное состояние.

В этом плане показательно, что в науке идет поиск сущности населенного пункта через иные категории, которые хотя и связаны с территорией, но не тождественны ей. Например, А. Н. Диденко предлагает определять населенный пункт как относительно устойчивую, характеризующуюся определенным географическим местоположением первичную территориальную единицу расселения людей, обладающую определенными характеристиками [37, с. 19]. И. В. Упоров в основу понимания населенного пункта закладывает «предназначенное для постоянного проживания место, первичную единицу расселения людей с сосредоточенной застройкой», мотивируя такой подход практикой Верховного Суда Российской Федерации, восходящей к дефиниции Большой советской энциклопедии [38, с. 3280–3281]. Однако такое понимание приемлемо лишь при условии четкого определения базовой категории. А оно пока отсутствует в отношении и территориальной единицы (вне контекста конкретного вида территориального устройства), и единицы расселения.

На наш взгляд, осмысление категории населенного пункта является, прежде всего, задачей науки, изучающей правоотношения градостроительной деятельности. Именно в рамках этих отношений должны быть сформированы четкие критерии, позволяющие отграничить населенный пункт от иных территорий. Если для прошлого века вполне приемлема была привязка такого понимания к постоянно проживающему населению, то в условиях современного многообразия форм и способов оформления помещений, пригодных для постоянного проживания, а также вариантов не в полной мере оседлого образа жизни (например, работа вахтовым методом), его явно недостаточно. В контексте градостроительных отношений акцент в понимании населенного пункта должен

смениться на характер застройки и режима использования строений. Так, далеко не всегда выделяемый применительно к населенному пункту признак — способность обеспечивать непрерывную жизнедеятельность человека (населения) — должен получить тщательную научную проработку и критерии оценки.

Следует оговориться, что отчасти эта работа уже проведена. Так, при принятии решения об установлении границ населенного пункта, образуемого из лесного поселка, военного городка, ГрК РФ требует учитывать следующие критерии: 1) недопустимости изломанности границ населенного пункта; 2) включения в границы населенного пункта объектов социального и коммунально-бытового назначения, обслуживающих население этого населенного пункта; 3) плотность застройки не ниже 30 % (п. 26 ст. 24). Однако это именно тот случай, когда правовое регулирование опережает развитие научной концепции.

В свою очередь, перед науками, изучающими организацию публичной власти, стоит непростая задача — вписать новое понимание населенного пункта в существующий понятийно-категориальный аппарат. Требуется соотнести населенный пункт с такими фундаментальными категориями, как территориальная единица (территориальное образование) и публично-территориальное образование (публичное образование), а также определить его место в административно-территориальном и муниципальном устройстве.

Будем надеяться, что российская юриспруденция сможет дать достойный ответ на этот вызов стремительно меняющихся общественных отношений. В противном случае повторится уже неоднократно разыгранный сценарий, когда в законодательстве ситуационно и порой противоречиво формируется концепт нормативной регламентации, а наука постфактум пытается вписать его в существующую систему понятий.

Список источников

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2025).
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ (утратил силу) // Российская газета. 1995. 1 сентября. № 170.
3. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 01.04.2025).

4. Замотаев А. А. Местное самоуправление как элемент государственного устройства: основные понятия и термины // Государственная власть и местное самоуправление в России: Проблемно-тематический сборник / Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1998. С. 50–71.

5. Гриценко Е. В., Мадьярова А. В. Региональное законодательство об определении территорий муниципальных образований // Конституционно-правовая реформа и региональное законодательство в Российской Федерации: Проблемно-тематический сборник. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1999. С. 79–106.

6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ // Российская газета. 2003. 8 октября. № 202.

7. Пропищин А. И. Сельское поселение как вид муниципального образования: понятие и критерии отграничения от городского поселения // Юрист-Правовед. 2011. № 5 (48). С. 94–97.

8. Сазонов П. А. О некоторых вопросах, связанных с новым законодательным регулированием состава территории городского поселения // Академический юридический журнал. 2008. № 4 (34). С. 27–33.

9. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/naselionnyi-punkt-2a86d6> (дата обращения: 01.04.2025).

10. О рабочих поселках: декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 года (утратил силу) // СУ РСФСР. 1926. № 65, ст. 509.

11. О курортных поселках: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июня 1927 года (утратил силу) // СУ РСФСР. 1927. № 56, ст. 384.

12. О дачных поселках: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1927 года (утратил силу) // СУ РСФСР. 1928. № 8, ст. 70.

13. Положение о порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР, утвержденный Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 августа 1982 года (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1982. № 34, ст. 1271.

14. Об административно-территориальном устройстве Белгородской области: закон Белгородской области от 15 декабря 2008 года № 248 // Белгородские известия. 2008. 19 декабря. № 219–220.

15. Об административно-территориальном устройстве Калининградской области: закон Калининградской области от 10 июня 2010 года № 463 // Калининградская правда (вкладыш «Ведомости Правительства Калининградской области»). 2010. 26 июня. № 112.

16. Об административно-территориальном устройстве Республики Коми: закон Республики Коми от 6 марта 2006 года № 13-ПЗ // Республика. 2006. 16 марта. № 44.

17. Об административно-территориальном устройстве Омской области и порядке его изменения: закон Омской области от 15 октября 2003 года № 467-ОЗ // Омский вестник. 2003. № 69.

18. Об административно-территориальном устройстве Брянской области: закон Брянской области от 5 июня 1997 года № 13-З // Брянская неделя. 2004. 7 октября. № 40.

19. Об административно-территориальном устройстве Архангельской области: закон Архангельской области от 23 сентября 2009 года № 65-5-ОЗ // Волна. 2009. 6 октября. № 43.

20. Об административно-территориальном устройстве Иркутской области: закон Иркутской области от 21 июня 2010 года № 49-ОЗ // Областная. 2010. 25 июня. № 71.

21. Об административно-территориальном устройстве Московской области: закон Московской области от 31 января 2013 года № 11/2013-ОЗ // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2013. 12 февраля. № 24

22. URL: [https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.521061d6-687a7c91-273d8da2-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/autology_\(language\)](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.521061d6-687a7c91-273d8da2-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/autology_(language)) (дата обращения: 01.04.2025).

23. Жилищный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2004 года № 188-ФЗ // Российская газета 2005. 12 января. № 1.

24. Водный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 3 июня 2006 года № 74-ФЗ // Российская газета. 2006. 8 июня. № 121.

25. О недрах: закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 года № 2395-1 // Российская газета. 1995. 15 марта. № 52.

26. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности: федеральный закон от 22 июля 2008 года № 123-ФЗ // Российская газета. 2008. 1 августа. № 163.

27. Об охране атмосферного воздуха: федеральный закон от 4 мая 1999 года № 96-ФЗ // Российская газета. 1999. 13 мая. № 91.

28. Об особо охраняемых природных территориях: федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ // Российская газета. 1995. 22 марта. № 57.

29. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ // Российская газета. 2004. 30 декабря. № 290.

30. Дементьев А. Н., Матвеев М. Н. Статус населенных пунктов и производных от населенных пунктов территориальных образований: проблемы нормативного правового регулирования // Местное право. 2024. № 2. С. 19–30.

31. О местном самоуправлении в РСФСР: Закон РСФСР от 6 июля 1991 года № 1550-1 (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 18 июля. № 29, ст. 1010.

32. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

33. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федеральный закон от 28 декабря 2004 года № 186-ФЗ // Российская газета. 2004. 30 декабря. № 290.

34. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федеральный закон от 3 апреля 2017 года № 62-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2025).

35. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федеральный закон от 1 мая 2019 года № 87-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2025).

36. Сокол-Номоконов Э. Н., Макаров А. В. Феноменология границ населенных пунктов в российском праве // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 2. С. 9–19.

37. Диденко А. Н. К вопросу о правовой типизации населенных пунктов (город, поселок, сельский населенный пункт) // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 1. С. 16–25.

38. Упоров И. В. Населенный пункт как территориальная категория: признаки и понятие // Научный аспект. 2024. Т. 24, № 5. С. 3277–3283.

References

1. On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority: federal law no. 33-FZ of March 20, 2025. URL: <http://pravo.gov.ru>, (accessed 01.04.2025). (In Russ.).

2. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: federal law no. 154-FZ of August 28 of 1995 (expired). *Rossiyskaya Gazeta*, 1995. September, 1, no. 170. (In Russ.).

3. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (accessed 01.04.2025). (In Russ.).

4. Zamotaev A. A. Local self-government as an element of the state structure: basic concepts and terms. State power and local self-government in Russia: A problem-themed collection / Russian Academy of Sciences, Institute of Scientific Information. by default. sciences. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 1998. Pp. 50–71. (In Russ.).

5. Gritsenko E. V., Madyarova A.V. Regional legislation on the definition of territories of municipalities. Constitutional and legal reform and regional legislation in the Russian Federation: A problem-themed collection. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 1999. Pp. 79–106. (In Russ.).

6. On the General Principles of organizing local Self-government in the Russian Federation: federal law no. 131-FZ of October 6, 2003. *Rossiyskaya gazeta*, 2003, October, 8, no. 202. (In Russ.).

7. Propishchin A. I. Rural settlement as a type of municipal formation: the concept and criteria of differentiation from urban settlement. *Jurist-Pravoved*, 2011, no. 5 (48), pp. 94–97. (In Russ.).
8. Sazonov P. A. On some issues related to the new legislative regulation of the composition of the territory of an urban settlement. *Academic Law Journal*, 2008, no. 4 (34), pp. 27–33. (In Russ.).
9. The Great Russian Encyclopedia. URL: <https://big-enc.ru/c/naselionnyi-punkt-2a86d6> (accessed 01.04.2025). (In Russ.).
10. On workers' settlements: decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR dated September 27, 1926 (abrogated). *SU RSFSR*, 1926, no. 65, art. 509. (In Russ.).
11. On resort towns: resolution of the Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the RSFSR of June 6, 1927 (abrogated). *SU RSFSR*, 1927, no. 56, art. 384. (In Russ.).
12. On country villages: resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of June 14, 1927 (expired). *SU RSFSR*, 1928, no. 8, art. 70. (In Russ.).
13. Regulation on the procedure for resolving issues of the administrative-territorial structure of the RSFSR, approved by By Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated August 17, 1982 (abrogated). *Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR*, 1982, no. 34, art. 1271. (In Russ.).
14. On the administrative-territorial structure of the Belgorod region: the law of the Belgorod region of December 15, 2008, no. 248. *Belgorodskie Izvestiya*, 2008, December, 19, no. 219–220. (In Russ.).
15. On the administrative-territorial structure of the Kaliningrad region: Law of the Kaliningrad region of June 10, 2010, no. 463. *Kaliningradskaya Pravda* (insert "Bulletin of the Government of the Kaliningrad Region"), 2010, June, 26, no. 112. (In Russ.).
16. On the administrative-territorial structure of the Komi Republic: The Law of the Komi Republic no. 13-RZ dated March 6, 2006. *Republic*, 2006, March, 16, no. 44. (In Russ.).
17. On the administrative-territorial structure of the Omsk region and the procedure for its amendment: The Law of the Omsk region no. 467-OZ of October 15, 2003. *Omsk Bulletin*, 2003, no. 69. (In Russ.).
18. On the administrative-territorial structure of the Bryansk region: The Law of the Bryansk region no. 13-Z of June 5, 1997. *Bryansk Week*, 2004, October, 7, no. 40. (In Russ.).
19. On the administrative-territorial structure of the Arkhangelsk Region: The Law of the Arkhangelsk Region no. 65-5-OZ dated September 23, 2009. *Volna*, 2009, October, 6, No. 43. (In Russ.).
20. On the administrative-territorial structure of the Irkutsk region: The Law of the Irkutsk region no. 49-OZ dated June 21, 2010. *Regional*, 2010, June, 25, no. 71. (In Russ.).
21. On the administrative-territorial structure of the Moscow region: The Law of the Moscow Region no. 11/2013-OZ dated January 31, 2013. *Daily News. Moscow region*, 2013, February, 12, no. 24. (In Russ.).
22. URL: [https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.521061d6-687a7c91-273d8da2-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/autology_\(language\)](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.521061d6-687a7c91-273d8da2-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/autology_(language)) (accessed 01.04.2025). (In Russ.).
23. Housing Code of the Russian Federation: federal law no. 188-FZ of December 29, 2004. *Rossiyskaya Gazeta*, 2005, January, 12, no. 1. (In Russ.).
24. Water Code of the Russian Federation: federal law no. 74-FZ of June 3, 2006. *Rossiyskaya gazeta*, 2006, June, 8, no. 121. (In Russ.).
25. On mineral resources: the Law of the Russian Federation no. 2395-I dated February 21, 1992. *Rossiyskaya Gazeta*, 1995, March, 15, no. 52. (In Russ.).
26. Technical Regulations on Fire Safety Requirements: federal law no. 123-FZ of July 22, 2008. *Rossiyskaya gazeta*, 2008, August, 1, no. 163. (In Russ.).
27. On Atmospheric Air Protection: federal law no. 96-FZ of May 4, 1999. *Rossiyskaya gazeta*, 1999, May, 13, no. 91. (In Russ.).
28. On specially protected natural territories: federal law no. 33-FZ of March 14, 1995. *Rossiyskaya gazeta*, 1995, March, 22, no. 57. (In Russ.).
29. Urban Planning Code of the Russian Federation: federal law no. 190-FZ of December 29, 2004. *Rossiyskaya gazeta*, 2004, December, 30, no. 290. (In Russ.).
30. Dementyev A. N., Matveev M. N. The status of settlements and territorial formations derived from settlements: problems of regulatory legal regulation. *Local law*, 2024, no. 2, pp. 19–30. (In Russ.).
31. On Local self-government in the RSFSR: law of the RSFSR of July 6, 1991 no. 1550-I (abrogated). *Vedomosti SND and VS RSFSR*, 1991, July, 18, no. 29, art. 1010. (In Russ.).
32. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993. *Rossiyskaya Gazeta*, 1993, December, 25, no. 237. (In Russ.).
33. On Amendments to the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation": federal law no. 186-FZ of December 28, 2004. *Rossiyskaya gazeta*, 2004, December, 30, no. 290. (In Russ.).
34. On Amendments to the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation": federal law no. 62-FZ of April 3, 2017. URL: <http://pravo.gov.ru>, (accessed 01.04.2025). (In Russ.).
35. On Amendments to the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation": federal law no. 87-FZ of May 1, 2019. URL: <http://pravo.gov.ru>, (accessed 01.04.2025). (In Russ.).
36. Sokolnomokonov E. N., Makarov A. V. Phenomenology of settlement boundaries in Russian law. *State power and local self-government*, 2017, no. 2, pp. 9–19. (In Russ.).

37. Didenko A. N. On the issue of legal typification of settlements (city, village, rural locality). *Constitutional and municipal law*, 2025, no. 1, pp. 16–25. (In Russ.).

38. Uporov I. V. Settlement as a territorial category: signs and concept. *Scientific aspect*, 2024, vol. 24, no. 5, pp. 3277–3283. (In Russ.).

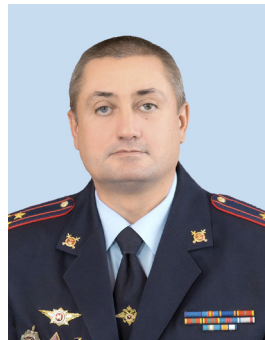
Информация об авторе

С. В. Праскова — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета.

Information about the author

S. V. Praskova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of Legal Research of Baikal State University.

Научная статья
УДК 34.06

Совершенствование административной деятельности по обеспечению охраны общественного порядка на основе внедрения современных технических средств и инновационных технологий

Сафронов Дмитрий Владимирович, Морозов Олег Леонидович²

^{1,2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹dv_safronov@mail.ru

²morozoole@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен анализ текущего состояния технического обеспечения административной деятельности органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка. Выявлены системные проблемы. В статье предложена концепция перехода к прогнозно-аналитической модели управления за счет интеграции наработанных способов и методик с современными технологиями. Разработаны предложения по их внедрению и сформулированы рекомендации для их реализации, направленные на повышение объективности, скорости и эффективности управления силами и средствами правопорядка.

Ключевые слова: административная деятельность, охрана общественного порядка, управление, технические средства, инновационные технологии, большие данные, искусственный интеллект, предиктивная аналитика, беспилотные летательные аппараты

Для цитирования: Сафронов Д. В., Морозов О. Л. Совершенствование административной деятельности по обеспечению охраны общественного порядка на основе внедрения современных технических средств и инновационных технологий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 104–108.

Original article

Improving administrative activities to ensure public order protection through the introduction of modern technical means and innovative technologies

Dmitry V. Safronov¹, Oleg L. Morozov²

^{1,2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹dv_safronov@mail

²morozoole@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the current state of technical support for the administrative activities of internal affairs bodies in the field of public order protection. It identifies systemic problems in this work and proposes a concept for transitioning to a predictive and analytical management model through

© Сафронов Д. В., Морозов О. Л., 2025

the integration of established methods and techniques with modern technologies. The article develops proposals for their implementation and formulates recommendations for their implementation, aimed at increasing the objectivity, speed, and effectiveness of managing law enforcement forces and resources.

Keywords: administrative activities, public order protection, management, technical means, innovative technologies, big data, artificial intelligence, predictive analytics, unmanned aerial vehicles

For citation: Safronov D. V., Morozov O. L. Improving administrative activities to ensure public order protection through the introduction of modern technical means and innovative technologies. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 104–108. (In Russ.).

Динамика социально-политических и экономических процессов в современном мире характеризуется высокой степенью непредсказуемости. Усложнение общественных отношений, рост мобильности населения и интенсивности коммуникаций, наряду с появлением новых форм противоправной деятельности, создают беспрецедентные вызовы для системы охраны общественного порядка в частности и безопасности государства в целом.

Несмотря на положительную динамику в части снижения количества преступлений в общественных местах в 2025 году [1], традиционные, по большей части не в полном объеме отвечающие требованиям времени, модели управления, основанные на реагировании по факту совершения правонарушения, демонстрируют свою ограниченную способность оперативно отвечать на возникающие угрозы.

В этих условиях ключевым фактором повышения эффективности деятельности правоохранительных органов становится качественная трансформация самой парадигмы управления. Имеется в виду переход от ситуативного, часто интуитивного, принятия решений к управлению, основанному на аналитических данных, и в большей степени от тривиального реагирования к предупреждению и реагированию в комплексе.

Фундаментом такой трансформации способно выступить (что отчасти уже и происходит) целенаправленное и системное внедрение современных технических средств и инновационных технологий, способных кардинально повысить оперативность, точность и аналитическую глубину управленческих процессов.

Несмотря на предпринимаемые в последние годы усилия по техническому переоснащению органов внутренних дел, текущее состояние системы управления охраной общественного порядка характеризуется рядом устойчивых взаимосвязанных проблем, которые сдерживают ее качественное развитие.

Одной из наиболее острых проблем является отсутствие единого информационного пространства. Существующие технические

средства и программно-аппаратные комплексы, такие как «Безопасный город», системы видеонаблюдения торговых комплексов, транспортной инфраструктуры (аэропортов, железнодорожных, морских и речных вокзалов, метро, наземного транспорта), спортивных и культурных объектов, мест массового скопления людей, а также базы данных, средства связи и фиксации правонарушений, зачастую функционируют как технологически изолированные системы. Причина ситуации в том, что данные системы разрабатывались и внедрялись в разное время, разными заказчиками (в том числе силовыми структурами) и подрядчиками, зачастую имеют разную структуру построения и лишены возможности передачи информации для взаимодействия между правоохранительными ведомствами вследствие различных протоколов обмена данными [2].

Таким образом, оперативный дежурный территориального органа внутренних дел, принимающий решение, лишен возможности получить целостную, комплексную картину оперативной обстановки в режиме реального времени. Данные о транспортных потоках, записи с камер видеонаблюдения, информация о ранее совершенных правонарушениях и текущие данные патрульных групп зачастую существуют в разрозненных системах. Это приводит к запаздыванию в принятии решений, снижает координацию между подразделениями и не позволяет реализовать синергетический эффект от имеющихся ресурсов.

Кроме того, сложившаяся практика применения технических средств в значительной степени ориентирована на постфактумный анализ. Камеры видеонаблюдения используются преимущественно для установления обстоятельств уже совершенного преступления, а не для его предотвращения, а анализ данных носит в основном ретроспективный характер. При этом существующая система управления не способна работать на опережение. Отсутствие развитых инструментов прогнозно-аналитического моделирования не позволяет заблаговременно перераспределять

силы и средства в зоны потенциально высокой криминогенной опасности, что крайне важно для повышения эффективности.

Следует отметить, что поток информации, поступающей от тысяч камер видеонаблюдения, датчиков, радаров и отчетов патрулей, на несколько порядков превышает возможности ее рутинного анализа человеком или даже группой людей. Внимание оператора притупляется, что приводит к пропуску значимых событий, особенно в условиях длительного мониторинга. Аналитики вынуждены тратить непропорционально много времени на сбор и предварительную обработку данных из разнородных источников, а также на их содержательный анализ и выработку решений. В результате значительный объем ценной оперативной информации попросту теряется, не будучи распознанной и интерпретированной.

Задействованные стандартные технические средства в условиях постоянного бурного развития электроники часто не соответствуют актуальным критериям эффективной работы в условиях массового пребывания граждан, при плохой освещенности, в сложных погодных условиях. Затруднены автоматическая идентификация правонарушений в условиях плотного скопления людей, изучение невербальных моделей поведения, указывающих на эскалацию напряжения, а также мониторинг и анализ активности в закрытых интернет-сообществах и мессенджерах, которые все чаще становятся площадкой для организации противоправных действий. Выводы из оценки информации, полученной из указанных ресурсов, крайне важны для оперативного предупреждения будущих преступлений и беспорядков.

Централизация управления и масштабная цифровизация неизбежно создают новые потенциальные риски от кибератак, поскольку критически важные инфраструктуры (центры обработки данных, системы связи и управления) становятся потенциальными мишенями для злоумышленников. Кроме того, накопление колоссальных массивов персональных данных, включая биометрические, требует создания максимально надежных, прозрачных и законодательно выверенных механизмов их защиты от несанкционированного доступа [3]. При этом доверие общества к системе правопорядка напрямую зависит от того, насколько гарантирована неприкосновенность частной жизни граждан.

Для преодоления обозначенных системных проблем необходим качественный скачок, предполагающий не просто замену устаревшей техники на новую, а структурную перестройку всей

системы управления на основе интеграции передовых технологических решений в единый комплекс.

Центральным для перехода к проактивной модели управления с предиктивной аналитикой [4] может быть внедрение информационных платформ на основе «больших данных» (*BigData*) и искусственного интеллекта (далее — ИИ). В этом случае должен быть создан Единый центр анализа данных (далее — ЕЦАД) на основе защищенной государственной облачной платформы, аккумулирующей информацию из всех доступных источников: стационарных и мобильных камер видеонаблюдения, систем распознавания номерных знаков, биометрических баз (включая ГИС Единая биометрическая система), данных о транспортных потоках из систем ГЛОНАСС/GPS, сведений из социальных сетей, открытых источников, оперативных сводок и так далее. Такой центр сбора информации и аналитики может стать «цифровым центром» системы управления.

На базе ЕЦАД рационально развернуть системы машинного обучения и ИИ, способные выявлять скрытые закономерности и корреляции. Программно-аппаратные комплексы способны анализировать совокупность факторов: историю правонарушений в конкретном районе, погодные условия, время суток, данные о планируемых массовых мероприятиях (концерты, митинги), социально-экономическую статистику. На выходе система будет способна генерировать прогнозные карты криминогенного риска с указанием вероятных мест, времени и типов правонарушений. Это позволит осуществлять адресное и заблаговременное планирование патрулирования, оптимизируя распределение имеющихся ресурсов, сил и средств.

Внедрение интеллектуального видеонаблюдения состоит в переходе от простой записи видео к его семантическому анализу в реальном времени с помощью технологий компьютерного зрения. Алгоритмы ИИ могут быть обучены на автоматическое распознавание не только лиц и автомобильных номеров, но и моделей поведения, свидетельствующих о подготовке или совершении правонарушения (агрессивная конфронтация, бегство, оставление бесхозных предметов, нахождение в запрещенной зоне, признаки алкогольного или наркотического опьянения). При обнаружении подобного события система автоматически способна генерировать и направлять тревожное сообщение оператору вместе с фрагментом видео, что кардинально повышает скорость реакции и снижает нагрузку на персонал.

Развитие киберфизических систем и интернета вещей (*IoT*) должно быть нацелено на повышение эффективности и безопасности работы сотрудника органа внутренних дел и создание распределенной сенсорной сети.

В этом смысле реальное повышение эффективности каждого отдельного сотрудника на маршруте патрулирования возможно при оснащении сотрудников интегрированным комплектом устройств: боди-камерами с функцией автоматической активации (при извлечении табельного оружия, включении мигающего светосигнального прибора на крыше патрульного автомобиля или по голосовой команде) и потоковой передачей видео в ЕЦАД; датчиками жизненных показателей (пульс, уровень стресса), которые могут сигнализировать о чрезвычайной ситуации; *GPS*-трекерами для точного позиционирования; портативными планшетами или смартфонами с защищенным доступом к базам данных для оперативной проверки документов.

Развертывание сети недорогих *IoT*-датчиков способно позволить создать «умную» среду в городе. Акустические датчики способны определить сам факт и место выстрела, криков о помощи и мгновенно оповестить дежурную смену. Датчики контроля качества воздуха могут фиксировать задымление или химическое загрязнение, а сейсмические датчики — вибрации, что полезно для раннего предупреждения чрезвычайных ситуаций и несанкционированных работ с опасностью для рядом находящихся людей.

В настоящее время беспилотные авиационные системы (далее — БАС), представляющие собой не только группировку беспилотных летательных аппаратов (далее — БПЛА), но и интегрированный комплекс управления, мониторинга и принятия решения, перестают быть экзотикой и могут стать стандартным инструментом мобильного патрулирования [5].

В будущем целесообразно формирование специализированных подразделений, оснащенных транспортными средствами и дронами (в основном коптерами) различных классов. БПЛА с камерами высокого разрешения и тепловизорами способны обеспечить быстрый обзор с высоты при прибытии на место происшествия, осуществить визуальное сопровождение подозреваемого в режиме реального времени, провести поиск пропавших лиц в труднодоступной местности, осуществлять мониторинг массовых мероприятий, транслируя панорамное видео непосредственно в ЕЦАД. Оснащение дронов громкоговорителями и модулями для доставки малогабаритных грузов (например, аптечек или

средств спасения) существенно расширит их функционал.

Перспективные технологии виртуальной и дополненной реальности (*VR/AR*) обладают значительным потенциалом в области подготовки кадров и поддержки принятия решений непосредственно на месте событий [6].

Так, тактические тренажеры на базе *VR* позволяют создавать реалистичные иммерсивные сценарии для отработки действий сотрудников в нестандартных и стрессовых ситуациях (разрешение ситуаций с захваченными заложниками, действия при массовых беспорядках, коммуникация с лицами в неадекватном состоянии). Тренажеры позволяют многократно отрабатывать навыки без какого-либо риска для участников и окружающих, собирая при этом объективную статистику о реакции и действиях сотрудника органов внутренних дел.

Очки дополненной реальности в долгосрочной перспективе могут проецировать тактически значимую информацию прямо на сетчатку глаза сотрудника. Это может быть оптимальный маршрут обхода, наведение на разыскиваемый автомобиль с подсветкой его контура, отображение виртуальных границ оцепленной зоны или получение краткой справки о человеке при его визуальной идентификации системой в режиме реального времени.

Вместе с тем в целях достижения наибольшей эффективности для внедрения указанных выше мер организационного и технического характера потребуется дополнительный комплекс мероприятий.

Разработка и законодательное закрепление единых технических стандартов и протоколов (общегосударственных отраслевых стандартов), обеспечивающих бесшовную интеграцию и совместимость всех вновь приобретаемых и уже эксплуатируемых технических средств.

Инициирование межведомственных проектов по созданию защищенной *IT*-инфраструктуры с консолидацией усилий МВД России, Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, ФСБ России и Министерства цифрового развития Российской Федерации для создания и эксплуатации Единого центра анализа данных как критически важной государственной информационной системы.

Формирование актуальной правовой базы, регламентирующей порядок использования технологий ИИ, распознавания лиц и предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности с учетом обеспечения баланса между ее

эффективностью и неприкосновенностью частной жизни.

Повышение уровня подготовки кадров по мере разработки и внедрения технических систем с запуском программ переподготовки действующих сотрудников и открытие новых образовательных программ в ведомственных образовательных организациях для подготовки ИТ-специалистов, специалистов по обработке больших массивов данных, аналитиков кибербезопасности и операторов сложных технических комплексов.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что современные технические средства и инновационные технологии способны стать системообразующим элементом, ядром новой, интеллектуальной системы управления охраной общественного порядка. Их трансформация в единую систему, способную к автономному анализу, прогнозированию и поддержке принятия решений, является не просто технологическим трендом, а стратегической необходимостью для обеспечения административной деятельности по охране общественного порядка в XXI веке.

Успех этой трансформации будет зависеть от системного, комплексного подхода, сочетающего прорывные технологические решения с глубокой правовой, организационной и кадровой проработкой. Он позволит создать гибкую, устойчивую и эффективную систему управления, способную адекватно отвечать на вызовы современной криминогенной реальности и обеспечивать надежную защиту прав и законных интересов граждан.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–сентябрь 2025 года. URL: <https://мвд/reports/item/72174303/> (дата обращения: 15.10.2025).
2. Как создать единое информационное пространство в АПК «Безопасный город». URL: <https://>

ista-systems.ru/upload/iblock/stati/Статья%20Кузнецов_2.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

3. О персональных данных: федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 15.10.2025).
4. Дремлюга Р. И., Решетников В. В. Правовые аспекты применения предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности. URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/1bd/ATP%202018%20№3_133-144.pdf (дата обращения: 15.10.2025).
5. Национальный стандарт Российской Федерации. Беспилотные авиационные системы. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200141433> (дата обращения: 15.10.2025).
6. Нестяк С. Н. VR-технологии в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49813263_38787972.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–September 2025. URL: <https://мвд/reports/item/72174303/> (accessed 15.10.2025). (In Russ.).
2. How to create a unified information space in the “Safe City” APCS. URL: https://ista-systems.ru/upload/iblock/stati/Статья%20Кузнецов_2.pdf (accessed 15.10.2025). (In Russ.).
3. On personal data: federal law no. 152-FZ of July 27, 2006. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed 15.10.2025). (In Russ.).
4. Dremlyuga R. I., Reshetnikov V. V. Legal aspects of applying predictive analytics in law enforcement. URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/1bd/ATP%202018%20№3_133-144.pdf (accessed 15.10.2025). (In Russ.).
5. National standard of the Russian Federation. Unmanned aerial systems. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200141433> (accessed 15.10.2025). (In Russ.).
6. Nestyak S. N. VR technologies in professional training of employees of internal affairs bodies. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49813263_38787972.pdf (accessed 15.10.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

Д. В. Сафронов — кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры управления Нижегородской академии МВД России;

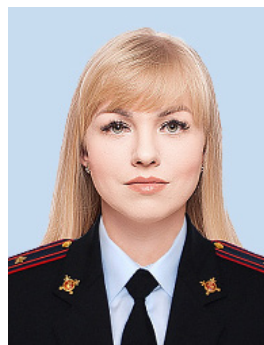
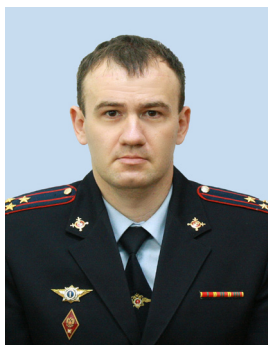
О. Л. Морозов — кандидат экономических наук, заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по научной работе).

Information about the authors

D. V. Safronov — Candidate of Sciences (Technical), Associate Professor, Professor at the Department of Management at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

O. L. Morozov — Candidate of Sciences (Economy), Deputy Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Научная статья
УДК 343.85

Роль различных видов профилактики в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности

Соколов Дмитрий Вячеславович¹, Лабутин Виталий Валерьевич², Фетисова Татьяна Витальевна³

^{1, 2, 3}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹sokolov@bk.ru

²labutin2812@yandex.ru

³labutina.tatyana1313@yandex.ru

Аннотация. Качество жизни российских граждан, степень их доверия государству и его правоохранительной системе во многом зависят от того, насколько высок уровень охраны правопорядка и обеспечения общественной безопасности. В приоритетном порядке усилия государства в данной сфере должны быть направлены на профилактику различного рода правонарушений, иных девиаций, осложняющих нормальную жизнедеятельность гражданина, общества и государства. В данном исследовании предпринимается попытка оценки содержательного наполнения мер профилактики правонарушений и их роли в обеспечении общественного порядка и безопасности.

Ключевые слова: профилактика, правопорядок, общественная безопасность, специальная профилактика, правоохранительная деятельность

Для цитирования: Соколов Д. В., Лабутин В. В., Фетисова Т. В. Роль различных видов профилактики в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 109–114.

Original article

The role of various types of prevention in ensuring public order and public security

Dmitry V. Sokolov¹, Vitaly V. Labutin², Tatyana V. Fetisova³

^{1, 2, 3}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹sokolov@bk.ru

²labutin2812@yandex.ru

³labutina.tatyana1313@yandex.ru

Abstract. The quality of life of Russian citizens, as well as the degree of their trust in the state and its law enforcement system, largely depends on the level of protection of law and order and the provision of public security. As a priority, the state's efforts in this area should be focused on the prevention of various types of offenses and other forms of deviant behavior that hinder the normal functioning of individuals, society, and the state. This study attempts to assess the substantive content of preventive measures and their role in ensuring public order and security.

© Соколов Д. В., Лабутин В. В., Фетисова Т. В., 2025

Keywords: prevention, law and order, public security, special prevention, law enforcement activity

For citation: Sokolov D. V., Labutin V. V., Fetisova T. V. The role of various types of prevention in ensuring public order and public security. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 109–114. (In Russ.).

Факт того, что превенция преступлений, административных правонарушений и иного рода противоправных явлений на государственно и общественно значимые интересы, ценности, устои, важнейшими из которых видится правопорядок, поддерживаемый в общественном пространстве, и общественная безопасность, гораздо менее обременительна и затратна для органов публичной власти, нежели устранение их последствий. Более того, последствия целого ряда посягательств на правопорядок и общественную безопасность, запрещенных и наказуемых в административно-правовом и уголовном порядке, в полной мере устранить, восстановив статус-кво, не представляется возможным. В настоящем исследовании проводится краткий анализ различных видов профилактического воздействия, нацеленного на создание такой ситуации и условий, в которых деятельность государства и социума по обеспечению общественных безопасности и порядка будет максимально эффективной.

Идея необходимости создания в государстве и его общественном пространстве системы действенных мер, не связанных с государственным принуждением, направленных на купирование и/или устранение детерминант противоправного поведения, имеет многовековую историю своего генезиса. Исследуя вопросы гармоничного и целостного развития государства и общества, древнегреческий философ Платон приходит к выводу, что реализация индивидом преступной модели поведенческой активности вносит заметную деструкцию как в его личную гармонию, так и в общемировую гармонию. По мнению античного философа, преступное деяние, совершаемое человеком, есть выражение болезненного состояния его души и одновременно симптом болезни государства, в котором проживает данный индивид. Раз такой преступной болезни подвержено государство, то и обязанность ее лечения возлагается на него. В понимании Платона система государственных узаконений должна быть целевым образом ориентирована на отвращение граждан, потенциально склонных к девиантной модели поведения, от фактического совершения преступных и противоправных деяний [1, с. 223].

Сходные суждения можно найти у видного ученого античности и ученика Платона

Аристотеля. Рассуждая о роли государства в формировании психики гражданина, Аристотель обосновывает право государства на принудительные меры психического характера, реализуемые в отношении индивида для предупреждения совершения им преступного деяния. В качестве наиболее действенных рычагов воздействия на психику индивида, удерживающих его от реализации преступной модели поведения, философ видел нормативные предписания закона и наличие угрозы жесткого наказания за их нарушение [2, с. 84].

Как западноевропейскими, так и российскими философами-просветителями в их трудах неоднократно затрагивался вопрос необходимости построения на общегосударственном уровне действенной системы мер воздействия на личность и социальные группы, способной свести к минимуму склонность среднестатистической человеческой личности к противоправному и/или преступному поведению [3–5].

До второй половины XIX века отечественный нормативно-правовой массив не содержал систематизированных нормативно-правовых предписаний, регламентирующих организацию и непосредственное осуществление мер по недопущению противоправных посягательств на общественное благоденствие и безопасность. Ситуация изменилась с Высочайшим утверждением императором Александром II Устава о предупреждении и незамедлительном пресечении на территории Империи преступных деяний. Отдельные разделы Устава регламентировали деятельность полицейских чинов по профилактике, предупреждению и недопущению деяний, запрещенных действующими законодательными актами. В частности, профилактике нарушений общественного порядка посвящен раздел 2 Устава, регламентирующий как деятельность полиции по обеспечению правопорядка в различных ситуациях, так и обязанности граждан по недопущению ими противоправного и аморального поведения [6].

В Российской Федерации на общегосударственном уровне вопрос нормативного регулирования реализации профилактики правонарушений вообще и противоправных посягательств на общественную безопасность и правопорядок был решен в июне 2016 года с принятием законодательного акта федерального уровня,

закрепившего базовые начала профилактики совершения на территории России деяний, запрещенных действующими нормативными предписаниями (далее — ФЗ «О профилактике») [7]. В пункте 2 статьи 2 указанного акта отечественным парламентарием приводится законодательная дефиниция профилактики нарушений действующих правовых предписаний. По мнению российского законодателя, профилактика правонарушений являет собой систематизированное единство деятельностно-активных мер, имеющих не только социальную и юридико-правовую природу, но и обладающих организационным и информационным характером. Перечень данных мер законодатель оставляет открытым, используя в дефиниции профилактики правонарушений категорию мер иного характера. Предназначением приведенных мер выступают:

— поиск и последующая ликвидация детерминант противоправной деятельности;

— проведение целенаправленной социально-воспитательной работы с неограниченным кругом физических лиц по минимизации возможности избрания ими антиобщественной модели поведения, а равно совершения деяний, запрещенных нормами действующих правовых источников и принятых в обществе социальных норм.

Приведенная в ФЗ «О профилактике» законодательная дефиниция исследуемой категории не положила конец начатой еще в середине XX века научной дискуссии относительно соотношения и тождественности таких понятий, как «предупреждение» и «профилактика». Так, в понимании отдельных криминологов приведенные понятия, наряду с предотвращением и даже с пресечением противоправной/преступной деятельности, выступали фактически тождественными, юридически однозначными понятиями. В качестве основания для таких суждений И. А. Гельфан указывает на базовое предназначение всех перечисленных мер — предупреждение и неизбежное купирование самой возможности осуществления антиобщественной деятельности «остальными лицами» [8, с. 13]. Исходя из логики данных умозаключений, представляется возможность сделать вывод, что фокус рассматриваемых мер профилактического/предупредительного характера должен быть направлен не на лиц, демонстрирующих девиантную модель поведения, ранее привлекавшихся к юридической ответственности, но на иных законопослушных лиц. Полагаем невозможным согласиться с такой точкой зрения.

Присутствовало в советской криминологии и кардинально иное отношение к соотносимости понятий предупреждения и профилактики проявляемых в общественном пространстве поведенческих девиаций. В качестве мер превентивного характера его сторонниками предлагалось рассматривать комплексную правоохранительную деятельность, объединяющую в себе усилия по обнаружению и скорейшей минимизации детерминант противоправной и преступной деятельности. Соответственно предупреждение нарушений правовых предписаний в таком случае представит обладающим принудительной природой воздействием правоохранителей на физических лиц, демонстрирующих умысел на совершение правового деликта, либо фактически осуществляющих подготовку к совершению правонарушения [9, с. 45].

Промежуточную научную позицию относительно самостоятельности профилактических мер воздействия и их соотношения с мерами предупредительного характера высказала в своем исследовании профилактики нарушений избирательных прав граждан Н. М. Сизикова. В ее понимании, предупреждение правонарушений и их профилактика соотносится как общее и частное. В таком случае профилактика предстает составным элементом системы предупреждения нарушений требований правовых норм [10, с. 9]. Аналогичных взглядов придерживается И. И. Гербиков. Рассматривая профилактику как часть более глобального по своим масштабам предупреждения противоправных проявлений, он указывает на их взаимозависимость. Деятельность по предупреждению правонарушений не может считаться целостной без задействования потенциала мер профилактического воздействия. В свою очередь, профилактика предстает отправной точкой предпринимаемых правоохранителями предупредительных усилий по созданию условий, исключающих саму возможность совершения индивидами нарушений правовых и иных социальных норм [11, с. 101].

В понимании профессора В. Д. Малкова предупреждение нарушений правовых норм выступает родовым понятием, обобщающим все возможные меры превентивного характера, направленные на максимальное исключение самой возможности совершения виновными лицами общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом, под угрозой наказания. Меры предупредительной природы, включая и профилактику преступлений, правонарушений,

ориентированы на охранение граждан, общества и государства от неблагоприятных последствий противоправной деятельности [12, с. 80].

Переходя к рассмотрению возможных и фактически реализуемых разновидностей мер профилактического характера, применяемых для обеспечения правопорядка и общественной безопасности, следует, прежде всего, обратиться к их нормативной регламентации. В соответствии с правовыми предписаниями статьи 6 ФЗ «О профилактике», соответствующие меры могут быть сгруппированы в два кейса — ординарные и специальные меры профилактического воздействия. В свою очередь, диспозиции статьи 15 этого же законодательного акта предусматривают использование уполномоченными на то субъектами профилактики нарушений правовой деятельности.

Исходя из трактовки понятий «ординарный», «общий», представляется возможным утверждать, что общая, обычная профилактика противоправных посягательств на общественный порядок и соответствующую безопасность носит максимально усредненный, неперсонифицированный характер. Подтверждением тому выступает содержательное наполнение диспозиции части 1 статьи 15 ФЗ «О профилактике», согласно которой в качестве вектора мер общепрофилактического воздействия выступает целенаправленная правоохранительная деятельность:

— по отысканию и минимизации как причин, выступающих «спусковым крючком» противоправной и/или криминальной активности индивидов и социальных групп, так и той материальной и социальной среды, само существование которой является базой, способствующей реализации девиантной модели поведения;

— по совершенствованию правового и социального сознания граждан, повышению качества их правовых знаний.

В отличие от обычной, общего характера профилактики ее индивидуальная составляющая обладает выраженными признаками адресности. Прежде всего, профилактические меры воспитательного характера адресуются субъектами индивидуальной профилактики в отношении лиц, попадающих под категорию лиц, оказавшихся в ситуации затрудненного жизненного состояния, вследствие чего испытывающих необходимость в их адаптации к обычному обществу. Отечественным законодателем в части 2 статьи 24 ФЗ «О профилактике» закреплён открытый перечень социальных групп граждан, попадающих под указанную категорию.

Самостоятельной составляющей индивидуальной профилактики выступают мероприятия по ликвидации факторов, оказывающих негативное воздействие на лиц, испытывающих необходимость в их адаптации к условиям современного социума. Отдельный вектор проведения индивидуально-профилактической правоохранительной работы нацелен на помощь гражданам, ставшим жертвами противоправных деяний, а равно индивидам с высоким потенциалом стать пострадавшими от противоправной деятельности.

Законодателем предусмотрена возможность отдельных субъектов властной системы российского государства, прямо указанных в части 3 статьи 6 ФЗ «О профилактике», среди которых присутствуют должностные лица органов внутренних дел МВД России, реализовывать меры профилактического воздействия специального характера. Данные специально-профилактические меры могут носить как выраженный индивидуальный характер, так и быть нацелены на профилактику преступной деятельности в пределах определенной территории, требующей комплексных усилий по ее декриминализации. Как указывает М. П. Клейменов, специальная оперативно-розыскная профилактика демонстрирует свою успешность в ходе реализации субъектами оперативно-розыскной деятельности комплексных оперативных мероприятий выраженной профилактической направленности [13, с. 163].

Переходя непосредственно к рассмотрению роли перечисленных разновидностей профилактического воздействия в обеспечении правопорядка и общественной безопасности, считаем необходимым указать, что в обозначенной сфере не только могут, но и в безусловном порядке должны реализовываться все предусмотренные ФЗ «О профилактике», подзаконными нормативными актами виды и формы профилактики.

Одни общепрофилактические меры могут быть даже и не подкреплены предварительной подготовительной плановой работой. Так, само нахождение в общественных местах сотрудников органов внутренних дел, иных правоохранительных органов в форменном обмундировании не только повышает у граждан осознание собственной защищенности со стороны государства от противоправных посягательств, но и останавливает потенциальных правонарушителей от реализации противоправной и преступной модели деятельности. Подавляющее большинство профилактических мероприятий, особенно носящих комплексный

характер, требует высокого качества подготовки, координации и взаимодействия с иными субъектами профилактики правонарушений. Так, проводимые на постоянной основе по линии государственной автомобильной инспекции МВД России в различных субъектах Российской Федерации профилактические операции «Дети», «Бахус», «Неплательщик», проводимые сотрудниками дорожно-патрульной службы автоинспекции совместно с иными субъектами системы профилактики правонарушений, позволяют снизить число правонарушений как по профилю профилактического мероприятия, так и уменьшить количество административных правонарушений, совершаемых в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

В условиях ведения Российской Федерацией специальной военной операции и значительного роста числа проявлений террористической активности, посягающей на качество обеспечения в России общественной безопасности, резко возрастает роль специальных оперативно-профилактических мероприятий общего и индивидуального характера. В процессе подготовки и непосредственной реализации такого рода мер специальной профилактики субъектами оперативно-розыскной деятельности задействуется потенциал оперативно-розыскных мероприятий как гласного, так негласного характера.

Изучение значимости различных мер общей и индивидуальной профилактики для поддержания общественного порядка и обеспечения общественной безопасности позволяет сформулировать ряд выводов.

Роль применяемых правоохранителями различных видов и форм профилактики правонарушений, посягающих на правопорядок и общественную безопасность, трудно переоценить. Их качественная подготовка и последующая реализация позволяет предвосхитить факт совершения индивидом, группами граждан деяния, за совершение которого они будут привлечены к юридической ответственности.

Такая разновидность профилактического воздействия, как оперативно-розыскная профилактика может быть реализована исключительно субъектами оперативно-розыскной деятельности. Ее эффективность в рамках недопущения и купирования угроз террористического характера находится в прямой зависимости от качества организации оперуполномоченным оперативной работы с конфидентами.

В зависимости от текущего состояния и динамики оперативной обстановки на территории оперативно-служебной деятельности

территориального органа МВД России, существующих и потенциальных криминальных угроз общественному порядку и общественной безопасности, вектор профилактического воздействия должен быть направлен на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению посягательств на конституционно охраняемые права, свободы и законные интересы физических и юридических лиц.

Список источников

1. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmusa, А. А. Тахо-Годи. Москва: Мысль, 1994. 654 с.
2. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 1. Метафизика. О душе. Москва, 1976. 550 с.
3. Вольтер Ф.-М. А. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги в 2 т. Т. 1. Философские повести и рассказы / пер. под ред. А. Н. Горпина и П. К. Губера. Москва; Ленинград: Academia, 1931. 499 с.
4. Монтескье Ш. Избранные произведения / под общ. ред. М. П. Баскина; Академия наук СССР: институт философии. Москва: Госполитиздат, 1955. 799 с.
5. Здравомыслов Б. В. Уголовно-правовые взгляды русских революционных демократов А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова / под ред. С. А. Покровского. Москва: Госюриздат, 1959. 120 с.
6. Устав о предупреждении и пресечении преступлений: (Св. зак. т. 14, изд. 1857): доп. и изм. по продолж. 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 годы с разъяснениями по Уложению о наказаниях изд. 1866 года и по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Москва: Т. Рис, 1872. 159 с.
7. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26, ст. 3851. 2024. № 33, ст. 4928.
8. Гельдфан А. И., Михайленко П. П. Предупреждение преступлений – основа борьбы за искоренение преступности. Москва: Юридическая литература, 1964. 203 с.
9. Лекарь А. Г. Профилактика преступлений. Москва: Юридическая литература, 1972. 104 с.
10. Сизикова Н. М. Профилактика правонарушений в области избирательного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 22 с.
11. Гербеков И. И. Понятие и виды профилактики правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 99–105.
12. Малков В. Д. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе борьбы с преступностью // Вестник МГЛУ. Вып. 25 (711). 2014. С. 78–88.

13. Клейменов М. П., Кондратьев А. В. Специальная профилактика преступлений // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 1 (54). С. 163–165.

References

1. Plato. Collected works: in 4 vols. Vol. 3. / Transl. from Ancient Greek; ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi. Moscow: Mysl, 1994. 654 p. (In Russ.).
2. Aristotle. Works in 4 vols. Vol. 1. Metaphysics. On the soul. Moscow, 1976. 550 p. (In Russ.).
3. Voltaire F.-M. A. Philosophical tales and stories, memoirs and dialogues in 2 vol. Vol. 1. Philosophical tales and stories / transl. ed. by A. N. Gorlin, P. K. Guber. Moscow; Leningrad: Academia, 1931. 499 p. (In Russ.).
4. Montesquieu Sh. Selected works / ed. by M. P. Baskin; USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 799 p. (In Russ.).
5. Zdravomyslov B. V. Criminal law views of Russian revolutionary democrats A. I. Herzen, V. G. Belinsky, N. G. Chernyshevsky, N. A. Dobrolyubov / ed. by S. A. Pokrovsky. Moscow: Gosyurizdat, 1959. 120 p. (In Russ.).
6. Statute on the prevention and suppression of crimes: (Code of Laws, vol. 14, ed. 1857): with amendments of 1863, 1864, 1868, 1869 and 1871, with clarifications to the Penal Code of 1866 ed. and to the Statute on punishments imposed by justices of the peace. Moscow: T. Ris, 1872. 159 p. (In Russ.).

7. On the foundations of the system for the prevention of offenses in the Russian Federation: Federal Law of June 23, 2016, no. 182-FZ (as amended on August 8, 2024). *Collection of legislative acts of the RF*, 2016, no. 26, art. 3851; 2024, no. 33, art. 4928. (In Russ.).

8. Gel'dfan A. I., Mikhailenko P. P. Crime prevention — the basis of the struggle for the eradication of crime. Moscow: Legal literature, 1964. 203 p. (In Russ.).

9. Lekar' A. G. Crime prevention. Moscow: Legal literature, 1972. 104 p. (In Russ.).

10. Sizikova N. M. Prevention of offenses in the field of electoral law. Abstract of the dissertation ... candidate of legal sciences. Moscow, 2008. 22 p. (In Russ.).

11. Gerbekov I. I. The concept and types of crime prevention. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2017, no. 4 (42), pp. 99–105. (In Russ.).

12. Malkov V. D. Prevention and prophylaxis of crimes and other offenses in the crime control system. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, iss. 25 (711), 2014, pp. 78–88. (In Russ.).

13. Kleymenov M. P., Kondrat'ev A. V. Special crime prevention. *Bulletin of Omsk University. Series "Law"*, 2018, no. 1 (54), pp. 163–165. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. В. Соколов — кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России;

В. В. Лабутин — начальник кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России;

Т. В. Фетисова — преподаватель кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России.

Information about the authors

D. V. Sokolov — Candidate of Sciences (Law), Deputy Head of the Department of Professional Activities of Employees of Public Order Protection Units of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

V. V. Labutin — Head of the department of professional activity of employees of public order protection units Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

T. V. Fetisova — Lecturer at the department of criminology Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК: 347.2/3:351.74

Особенности нормативного регулирования ограниченных вещных прав на недвижимое имущество в системе МВД России

Киселева Ксения Александровна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, aksinya.verner@list.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу нормативного правового регулирования имущественных правоотношений в системе МВД России с особым акцентом на механизмы распоряжения недвижимым имуществом, закрепленным за органами внутренних дел. Выявлены существующие правовые пробелы и неопределенности, связанные с компетенциями и полномочиями государственных учреждений, а также с процедурой регистрации и осуществления сделок с недвижимостью. Особое внимание уделено анализу нормативных актов, в том числе постановлений Правительства Российской Федерации, судебной практики и проблемам практического применения законодательства, негативно влияющих на эффективность ресурсного обеспечения органов внутренних дел. В статье подчеркнута необходимость актуализации нормативной базы и совершенствования процедур закрепления и использования имущества, а также предложены рекомендации по повышению правовой ясности и эффективности регулирования имущественных отношений в системе МВД России.

Ключевые слова: особенности, нормативное регулирование, ограниченные вещные права, недвижимое имущество, Министерство внутренних дел Российской Федерации

Для цитирования: Киселева К. А. Особенности нормативного регулирования ограниченных вещных прав на недвижимое имущество в системе МВД России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 115–120.

Original article

Features of the regulatory regulation of limited property rights to real estate in the system of the Ministry of internal affairs of Russia

Ksenia A. Kiseleva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, aksinya.verner@list.ru

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the legal framework governing property relations within the Russian Ministry of Internal Affairs, with a particular focus on the mechanisms for managing real estate assigned to internal affairs agencies. The study identifies existing legal gaps and

© Киселева К. А., 2025

uncertainties related to the competencies and powers of government agencies, as well as the procedures for registering and executing real estate transactions. Particular attention is paid to the analysis of regulatory acts, including outdated government decrees, judicial practice, and issues in the practical application of legislation, which negatively impact the effectiveness of resource provision to internal affairs agencies. The article emphasizes the need to update the regulatory framework and improve procedures for assigning and using property, and also offers recommendations for increasing legal clarity and the effectiveness of property regulation within the Russian Ministry of Internal Affairs.

Keywords: features, regulatory framework, limited property rights, real estate, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

For citation: Kiseleva K. A. Features of the regulatory regulation of limited property rights to real estate in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 115–120. (In Russ.).

В последнее время существенно вырос научный интерес к проблеме особенностей взаимосвязи правоотношений и механизма правового регулирования, в которых участвует Министерство внутренних дел Российской Федерации, его территориальные органы и иные учреждения, функционирующие в системе МВД России по вопросу, связанному с распоряжением закрепленного за ними имущества. Сюда же стоит отнести ряд проблемных вопросов, связанных с определением компетенций и полномочий органов и должностных лиц, а также регламентацией и процедурой осуществления регистрационных действий с недвижимым имуществом в системе органов внутренних дел.

Стоит отметить, что анализируемые в статье аспекты подлежат закреплению на уровне достаточно обширного перечня подзаконных актов, к числу которых возможно отнести постановление Правительства Российской Федерации от 26 июля 2010 года № 537 «О порядке осуществления федеральными органами исполнительной власти функций и полномочий учредителя федерального государственного учреждения», закрепляющее порядок реализации федеральными исполнительными органами власти функций и полномочий, которыми они наделены как учредители федерального государственного учреждения [1].

Согласно вышеуказанному нормативному правовому акту возможность совершения сделок с недвижимостью подлежит согласованию учредителя с Федеральным агентством по управлению государственным имуществом (далее — Росимущество). При этом допускается самостоятельное решение вопроса о возможности заключения сделки с объектом недвижимого имущества, закрепленным за соответствующим федеральным исполнительным органом

власти (или его территориальными органами), исключительно Министерству обороны России, Федеральному агентству морского и речного транспорта и Управлению делами Президента Российской Федерации. В иных случаях подобные сделки должны согласовываться с Росимуществом.

В то же время следует учитывать, что, несмотря на принятие достаточно обширной нормативной правовой базы по вопросам распоряжения государственным имуществом, не все вопросы были раскрыты на законодательном уровне.

В рамках статьи выявлена неопределенность в отношении правомочий казенных и бюджетных учреждений по заключению гражданско-правовых сделок, в частности, в части видов допустимых договоров и предельных объемов обязательств. Возникает практический вопрос о возможности самостоятельного заключения указанными учреждениями договоров, таких как аренда и найм. Однако анализ показал, что существуют затруднительные моменты в определении специфики закрепления государственного имущества, включая недвижимое, за органами внутренних дел.

Одновременно с этим нами был сделан вывод о том, что данные вопросы либо остаются неурегулированными в целом, либо правоприменитель апеллирует к давно устаревшим и неактуальным нормам права.

Приведем конкретный пример. Так, в частности, до настоящего времени действующим признается постановление Правительства Российской Федерации от 5 января 1998 года № 3 «О порядке закрепления и использования, находящихся в федеральной собственности административных зданий, строений и нежилых помещений» (далее — Постановление № 3),

регламентирующее порядок закрепления и использования зданий и сооружений, находящихся в федеральной собственности [2]. Учитывая тот факт, что с момента его принятия прошло уже 27 лет, то разумно предположить, что многие (а возможно, и все) его положения уже являются несостоятельными и неактуальными. Дело в том, что за период действия указанного нормативного акта было внесено множество изменений, в том числе касающихся оборота недвижимого имущества. Не исключено, что указанная нами ситуация может оказать негативное воздействие как на всю систему МВД России в целом, так и на ее территориальные подразделения в частности.

Так, в тексте Постановления № 3 закреплён стандарт площади, устанавливаемый для выполнения административных целей (составляющий 9 кв. м) на каждого сотрудника аппарата. Считаем, что данное положение утратило свою силу или, как минимум, нуждается во введении соответствующих корректировок, учитывая реалии современного мира.

Важно понимать, что действие указанного стандарта может привести к тому, что у лица, владеющего соответствующим имуществом на праве оперативного управления, может быть изъято имущество или его часть.

Для более глубокого анализа нами было обращено внимание на судебную практику. Так, в частности, арбитражные суды [3] при вынесении решений исходят из положений Постановления № 3, согласно которому стандарт 9 кв. м признаётся минимальным на одного работника аппарата (в том числе МВД России). При этом делается вывод о том, что максимальный размер не установлен на уровне законодательства и, соответственно, может устанавливаться на усмотрение правоприменителя.

Заметим, что поднятая в рамках настоящей научной статьи проблема носит крайне актуальный характер для учебных заведений системы МВД России. В частности, Росимущество неоднократно поднимало вопрос о необходимости изъятия части помещений общежитий, занимаемых образовательными учреждениями, входящими в систему МВД России. В качестве основания для изъятия обращалось внимание на установленный Правительством Российской Федерации (в тексте Постановления № 3) норматив, а именно трактованный Росимуществом как максимальная площадь 9 кв. м. на одного обучающегося. К тому же необходимо понимать, что в настоящее время, учитывая современные реалии, к объектам, находящимся в оперативном

управлении МВД, включая их образовательные учреждения, осуществляется применение достаточно строгих требований.

Регламентация порядка, предусматривающего закрепление федеральной государственной собственности, представлена на уровне значительного числа нормативных документов. Хотелось бы обратить внимание на следующую особенность, характерную для закрепления за МВД России недвижимых объектов, относящихся к государственной собственности.

В частности, для того чтобы зарегистрировать соответствующее право на недвижимое имущество, требуется произвести получение выписки на данный объект недвижимости. При этом в виду того, что в качестве органа, осуществляющего выдачу данной выписки, является Росимущество, возникает вопрос о целесообразности совершения данной процедуры. На наш взгляд, инициирование данной процедуры только лишь образует бумажную волокиту и, как следствие, ведет к затягиванию сроков при прекращении или, наоборот, закреплению за МВД России соответствующего вещного права на имущественный объект, а также при заключении договоров аренды и совершения иных действий.

Как нами отмечалось ранее, в системе МВД происходит реализация правоотношений, связанных с владением, распоряжением и использованием соответствующими имущественными объектами.

Так, в рамках реализации сложных функциональных задач, обусловленных ресурсным обеспечением деятельности органов внутренних дел, руководителями данных органов в пределах установленной компетенции, применяется диверсифицированный спектр гражданско-правовых инструментов, направленных на обеспечение эффективного и рационального использования имущественного комплекса, включая объекты недвижимого имущества, закреплённого за соответствующими органами внутренних дел.

При этом в сфере гражданского оборота органы внутренних дел могут выступать в качестве арендатора, заключая договор аренды на движимое и недвижимое имущество в пределах средств, выделенных ОВД на основании сметы [4, с. 41].

Таким образом, самостоятельное участие в процессе реализации гражданско-правовых отношений способствует разрешению многих вопросов ресурсного обеспечения деятельности ОВД.

Продолжая раскрытие вопроса нормативно-регулирующего ограниченных вещных прав на недвижимое имущество, стоит сказать, что положения, связанные с имуществом (движимым и недвижимым), полученным от учредителя на праве оперативного управления, подлежат закреплению в тексте каждого Устава Федеральных государственных казенных учреждений (далее — ФГКУ).

Так, в рамках пункта 2 устава ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» указано, что в качестве учредителя и собственника имущества Академии является Российская Федерация. Одновременно с этим реализация функций и полномочий учредителя осуществляется Министерством внутренних дел Российской Федерации в соответствии с установленным законом порядком [5]. Далее отмечено, что недвижимое имущество закреплено за Академией МВД России на праве оперативного управления.

На уровне уставов других образовательных учреждений, входящих в систему МВД России, также закреплены нормативные положения по вопросам обладания недвижимым имуществом.

В процессе проведения анализа текстов уставов ФГКУ нами был сделан вывод о том, что, несмотря на отнесение права оперативного управления к числу ограниченных вещных прав, применительно к его реализации выше обозначенными учреждениями имеются определенные особенности.

Абсолютным большинством представителей научной среды отмечается, что в качестве права оперативного управления выступает совокупность правомочий, предусматривающих право владения и право пользования. Если быть более точными, то на практике имущество, передаваемое в рамках права оперативного управления, подлежит использованию в строгом соответствии с его назначением, а также именно тем видом деятельности, для которого состоялась его передача.

Важно отметить, что при получении имущества в рамках оперативного управления право распоряжения на такой объект не возникает, поскольку ФГКУ не обладает правом на самостоятельное распоряжение таким объектом, также как и не может осуществлять его приобретение [6].

На основании вышеизложенного сделаем следующие выводы:

Реализация сделок с недвижимым имуществом учреждений, входящих в систему МВД России, требует предварительного согласования как с учредителем, так и с Росимуществом.

Исключение из указанного правила составляют Министерство обороны Российской Федерации, Федеральное агентство морского и речного транспорта и Управление делами Президента Российской Федерации, наделенными полномочиями по самостоятельному принятию решений о совершении сделок с объектами недвижимого имущества, закрепленными за ними или их территориальными органами.

Несмотря на наличие развитой нормативной правовой базы, регламентирующей распоряжение государственным имуществом, остаются нерешенными отдельные вопросы. В частности, сохраняется неопределенность относительно границ правомочий казенных и бюджетных учреждений в части видов и объемов сделок, которые они вправе заключать самостоятельно. Особую актуальность приобретает вопрос о возможности самостоятельной реализации указанными учреждениями договоров аренды, найма и иных аналогичных сделок. Кроме того, анализ практики выявил затруднения, связанные с определением порядка закрепления государственного имущества, включая недвижимое, за органами внутренних дел.

Наряду с этим, проведенный анализ научной литературы, а также законодательных положений, позволил нам выявить определенные проблемы, возникающие на практике в процессе реализации учреждениями, входящими в систему МВД, права оперативного управления недвижимым имуществом.

А именно к числу таковых возможно отнести следующие:

— констатируется наличие ряда проблем, осложняющих процесс закрепления имущества за органами внутренних дел (к примеру, действие устаревших нормативных актов (в частности, Постановление № 3); а также установление требований о необходимости получения выписки из реестра федерального имущества, выдачу которой осуществляет Росреестр (одобряющий при этом или отказывающий в реализации возможности совершения сделки с недвижимостью учреждениями системы МВД России);

— в отношении имущества, получаемого учреждениями системы МВД России, на праве оперативного управления действуют определенные ограничения в части распоряжения им, а именно: его нельзя сдавать в аренду, закладывать, вносить в качестве вклада в подлежащие созданию организации.

В рамках настоящей статьи акцентируем внимание на судебной практике, сформировавшейся в настоящее время по вопросам,

касающимся оперативного управления недвижимым имуществом учреждениями системы МВД.

Так, в ходе рассмотрения материалов дела Арбитражный суд Магаданской области 26 февраля 2021 года по делу № А37-2651/2020 пришел к выводу о наличии правовых оснований для передачи в казну Российской Федерации недвижимого имущества, закрепленного за отделением МВД России по Сусуманскому району на праве оперативного управления, так как оно не используется по назначению [7].

В соответствии с материалами дела истец (МВД России) обратился в суд с иском к территориальному управлению Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Магаданской области. Требования включали:

— обя­зание в месячный срок со дня вступления решения суда в законную силу принять в состав казны Российской Федерации объекты недвижимого имущества: нежилое помещение (гараж) и земельный участок [8];

— прекращение права оперативного управления в отношении гаража и права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком [9, с. 69].

В заключение хотелось бы сказать, что проведенный анализ демонстрирует актуальность и сложность вопросов правового регулирования имущественных отношений в системе МВД России, особенно в части распоряжения недвижимым имуществом, закрепленным за органами внутренних дел. Несмотря на существование развитой нормативно-правовой базы, сохраняются существенные пробелы, что обусловлено устаревшими нормативными актами, недостаточной ясностью в определении полномочий казенных и бюджетных учреждений, а также практическими трудностями в осуществлении процедур регистрации и сделок с недвижимостью. Особое значение имеет необходимость актуализации действующих нормативных документов, таких как Постановление № 3, с учетом современных требований и реалий, а также повышения эффективности процедур закрепления и использования имущества. Важной задачей является развитие правового механизма самостоятельного и согласованного заключения гражданско-правовых сделок учреждений системы МВД России, что позволит повысить их ресурсную автономию и оперативность.

В целом решение обозначенных проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативной базы,

оптимизацию процедур и судебную практику, что в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности использования и управления имуществом комплексом системы МВД России.

Список источников

1. О порядке осуществления федеральными органами исполнительной власти функций и полномочий учредителя федерального государственного учреждения (ред. от 23 ноября 2024 года): постановление Правительства Российской Федерации от 26 июля 2010 года № 537. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.09.2025).

2. О порядке закрепления и использования, находящихся в федеральной собственности административных зданий, строений и нежилых помещений» (в ред. от 29 июля 2020 года): постановление Правительства Российской Федерации от 5 января 1998 года № 3 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2, ст. 264.

3. Определение Верховного Арбитражного суда Российской Федерации от 3 июля 2013 года № ВАС-5816/13 по делу № А70-3982/2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.09.2025).

4. Гриднева О. В., Гришмановский Д. Ю., Субхангулов Р. Р. Особенности заключения гражданско-правовых договоров учреждениями МВД России // Юридическая наука. 2021. С. 37–42.

5. Вопросы Академии управления МВД России: приказ МВД России от 31 марта 2015 года № 397. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.09.2025).

6. Об утверждении Порядка согласования решения о списании федерального недвижимого имущества (включая объекты незавершенного строительства), закрепленного на праве оперативного управления или хозяйственного ведения за территориальными органами Министерства внутренних дел Российской Федерации, федеральными казенными учреждениями и федеральными государственными унитарными предприятиями, находящимися в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 9 ноября 2021 года № 861. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.09.2025).

7. Постановление Арбитражного суда Магаданской области 26 февраля 2021 года по делу № А37-2651/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.09.2025).

8. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2024 года) // Российская газета. 2001. № 211–212.

9. Устимова С. А., Рассказова Е. Н. Актуальные проблемы постоянного (бессрочного) пользования земельным участком в системе вещных прав // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 68–70.

References

1. On the Procedure for the Exercise of the Functions and Powers of the Founder of a Federal State Institution by Federal Executive Bodies (as amended on November 23, 2024): resolution of the Government of the Russian Federation no. 537 of July 26, 2010. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 26.09.2025). (In Russ.).
2. On the Procedure for the Assignment and Use of Administrative Buildings, Structures, and Non-Residential Premises in Federal Ownership (as amended on July 29, 2020): Resolution of the Government of the Russian Federation of January 5, 1998 no. 3. *Collected Legislation of the RF*, 1998, no. 2, art. 264. (In Russ.).
3. Ruling of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 3, 2013, no. VAS-5816/13 in case no. A70-3982/2012. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 26.09.2025). (In Russ.).
4. Gridneva O. V., Grishmanovsky D. Yu., Subkhangulov R. R. Specifics of concluding civil contracts by institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Legal Science*. 2021. pp. 37–42. (In Russ.).
5. Issues of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 397 dated March 31, 2015. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 03.09.2025). (In Russ.).
6. On approval of the Procedure for approving decisions on the write-off of federal real estate (including unfinished construction projects), assigned by the right of operational management or economic management to territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, federal state-owned institutions, and federal state unitary enterprises under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 861 of November 9, 2021. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 05.09.2025). (In Russ.).
7. Resolution of the Arbitration Court of the Magadan Region of February 26, 2021, in case no. A37-2651/2020. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 06.09.2025). (In Russ.).
8. Land Code of the Russian Federation no. 136-FZ of October 25, 2001 (as amended on December 28, 2024). *Rossiyskaya Gazeta*, 2001, no. 211–212. (In Russ.).
9. Ustimova S. A., Rasskazova E. N. Actual Problems of Permanent (Unlimited) Use of a Land Plot in the System of Property Rights. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 7, pp. 68–70. (In Russ.).

Информация об авторе

К. А. Киселева — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

K. A. Kiseleva — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 347.42

Отдельные аспекты использования средств правовой защиты сторон договорных правоотношений в КНР и европейских странах

Семенов Виктор Владимирович

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Рязань, Россия,
Viktor-sem@yandex.ru

Аннотация. Объектом данной статьи являются отношения в сфере защиты гражданских прав, предметом — использование средств правовой защиты сторон договорных правоотношений в КНР и европейских странах. В статье проведен сравнительно-правовой анализ средств защиты в договорных правоотношениях в КНР и европейских странах. Выявлена дивергенция подходов: в системах общего права доминирует возмещение убытков, тогда как в романо-германской традиции приоритет отдается реальному исполнению. Особое внимание уделено гибридной модели китайского права, которая, не устанавливая иерархии средств защиты, закрепляет принцип диспозитивности их выбора потерпевшей стороной. В соответствии со статьей 582 Гражданского кодекса КНР ключевое значение имеет институт исправления положения, предлагающий неденежные формы компенсации, такие как ремонт и замена. При этом в китайской доктрине и правоприменении сохраняется терминологическая неопределенность в разграничении неденежной компенсации и реального исполнения. Дополнительной гарантией эффективности защиты выступает право кредитора на исполнение обязательства за счет должника третьим лицом. Таким образом, китайское договорное право демонстрирует интеграцию элементов различных правовых семей, формируя уникальную гибридную модель защиты договорных прав.

Ключевые слова: защита гражданских прав, средства защиты, способы защиты, возмещение убытков, компенсация, восстановление положения, договорные правоотношения

Для цитирования: Семенов В. В. Отдельные аспекты использования средств правовой защиты сторон договорных правоотношений в КНР и европейских странах // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 121–125.

Original article

Selected aspects of the use of legal remedies by parties to contractual relations in the PRC and european countries

Viktor V. Semenov

Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Ryazan, Russian Federation, Viktor-sem@yandex.ru.

Abstract. This study focuses on civil rights protection. It examines the use of legal remedies by parties to contractual relationships in China and European countries. This article provides a comparative legal analysis of remedies in contractual relationships in China and European countries. A divergence of approaches is revealed: common

© Семенов В. В., 2025

law systems emphasize compensation for damages, while the Romano-Germanic tradition prioritizes actual performance. Particular attention is given to the hybrid model of Chinese law, which, without establishing a hierarchy of remedies, enshrines the principle of discretionary choice by the injured party. The institution of rectification (Article 582), which offers non-monetary forms of compensation such as repair and replacement, is of key importance in the Civil Code of the PRC. At the same time, Chinese doctrine and law enforcement retain a terminological ambiguity regarding the distinction between non-monetary compensation and actual performance. An additional guarantee of effective protection is the creditor's right to have a third party perform the obligation at the debtor's expense. Thus, Chinese contract law demonstrates the integration of elements from various legal families, forming a unique hybrid model for the protection of contractual rights.

Keywords: protection of civil rights, remedies, methods of protection, compensation for damages, compensation, reinstatement, contractual legal relations

For citation: Semenov V. V. Selected aspects of the use of legal remedies by parties to contractual relations in the PRC and european countries. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 121–125. (In Russ.).

Введение. Возникновение у субъекта гражданских правоотношений субъективных прав объективно детерминирует появление потенциальной возможности их последующего нарушения. Существует прямая корреляция: чем шире объем правомочий, принадлежащих лицу, тем выше вероятность совершения против них правонарушений. Данная закономерность обуславливает пристальное внимание к проблематике защиты гражданских прав, которая занимает центральное место как в доктринальных исследованиях, так и в правоприменительной практике.

При этом важно подчеркнуть, что наличие развитой системы юрисдикционных механизмов защиты, сколь бы эффективной она ни была, не в состоянии полностью исключить саму возможность посягательств на субъективные гражданские права. Эта задача лежит за пределами функционального назначения права как такового, поскольку его первичная цель — не предупредить все возможные нарушения (прерогатива скорее социальных и моральных норм), а восстановить нарушенное положение и компенсировать причиненный вред. Таким образом, даже наиболее совершенное законодательство не может служить абсолютным гарантом непроницаемости правового поля от возможных нарушений.

В контексте правоприменительной деятельности квалификация и правильный выбор необходимого в конкретной ситуации способа защиты нарушенного субъективного права представляют собой фундаментальную задачу. Ее разрешение детерминирует достижение конечных целей защиты, которые заключаются в полноценном восстановлении нарушенного правового положения субъекта и обеспечении стабильности гражданских правоотношений в целом. Особенно это значимо для договорных

правоотношений, являющихся основой экономического оборота.

Материалы и методы. Использовались следующие методы исследования: диалектический, логический, системно-структурный, формально-юридический, системный, сравнительно-правовой.

В качестве эмпирической основы выступили ранее проведенные исследования: В. С. Бельных [1], А. Г. Карапетова [2], Д. Н. Латыпова [3], В. В. Семенова [4], А. Б. Степина [5], Р. О. Халфиной [6], Л. А. Чеговадзе [7] и других.

Результаты и обсуждение. Ценность любого договора состоит в его исполнении. Он заключается для того, чтобы быть исполненным. Если договорные обязанности исполняются ненадлежащим образом или не исполняются вовсе, действия нарушителя посягают на саму эту ценность. Государство в лице законодателя, предоставляя потерпевшей стороне возможность с помощью различных средств обратиться за защитой, создает условия для ее сохранения. В разных странах, в зависимости от правовой системы, эти средства защиты могут различаться, но суть их сводится к двум основным типам. Первый тип связан с возмещением убытков (ущерба), при котором исполнение заменяется денежной компенсацией. Второй тип направлен на реальное исполнение того, что было согласовано сторонами при заключении договора, но в более поздний срок. В этом случае потерпевшая сторона вправе получить именно то, на что она рассчитывала при вступлении в договорные отношения.

Как отмечает Стивен Шавелл, функцией средств правовой защиты является «исцеление жертвы нарушения» (*make the victim of a breach whole*). По его мнению, функция договорных средств правовой защиты заключается в том, чтобы поставить пострадавшего от

последствий нарушения договора в такое же хорошее положение, в каком он был бы при исполнении должником своих обязательств или «исцелить жертву нарушения» [8, с. 831]. Раскрывая понятие субъективного права на защиту Е. А. Суханов указывает, что его целью является восстановление своего нарушенного права и пресечение нарушающих его действий. Особое внимание он обращает на превентивную и пресекающую функцию мер защиты [9, с. 539–541]. Таким образом, средства правовой защиты призваны сохранить ценность договора.

Классификация средств правовой защиты в договорных правоотношениях предполагает их дифференциацию на три основные группы: требование о конкретном исполнении (исполнении в натуре), требование о расторжении договора и требование о возмещении ущерба.

В сравнительно-правовом аспекте наблюдается дивергенция подходов к определению основного средства защиты. В правовых системах, принадлежащих к семье общего права, доминирующим является возмещение убытков, тогда как требование о конкретном исполнении допускается в качестве исключительной меры. Возмещение убытков, вызванных нарушением условий контракта, является наиболее часто применяемым способом защиты в рамках института компенсаций [3, с. 196–213]. Применение института исполнения обязательства в натуре во многом зависит от усмотрения суда в каждом конкретном случае (деле) [1, с. 77]. Напротив, в странах романо-германской правовой традиции (например, во Франции и Германии) приоритет отдается реальному исполнению обязательства, а компенсационная функция рассматривается как субсидиарная.

Особый научный интерес представляет гибридная модель китайского договорного права, которая заимствует элементы обеих правовых семей. Китайский законодатель не отдал приоритета ни одному из средств защиты, а закрепил в Гражданском кодексе КНР (далее — ГК КНР) принцип диспозитивности выбора средств защиты потерпевшей стороной. Статьи 577 и 580 ГК КНР закрепляют как требование о конкретном исполнении, так и требование о возмещении убытков, включая компенсацию упущенной выгоды. Ключевым принципом выступает восстановление положения, в котором находилась бы потерпевшая сторона, если бы договор был исполнен надлежащим образом.

Более детальный анализ китайской правовой системы позволяет выделить два типологически различных средства защиты.

Фактическое исполнение обещанного, направленное на принуждение должника к совершению именно тех действий, которые составляют предмет обязательства.

Денежная компенсация (возмещение убытков), направленная на возмещение понесенных кредитором потерь в денежной форме.

Кроме того, законодательно закреплены обеспечительные меры (например, задаток) и специальные механизмы (досрочное привлечение к ответственности за нарушение договора).

Возможность предъявления требования об исполнении обязательства вытекает из статей 577 и 580 ГК КНР, согласно которым основная цель — заставить нарушителя исполнить обязательство так, как это было изначально согласовано в договоре. Законодатель также устанавливает исчерпывающий перечень оснований для отказа в принуждении к реальному исполнению: исполнение невозможно в силу закона либо в связи с реальным положением вещей; обязательство ввиду предмета договора не может быть исполнено принудительно либо издержки по его исполнению слишком высоки; кредитор не требует исполнения обязательства в течение разумного срока.

Особое место в системе средств защиты занимает институт исправления положения (ст. 582 ГК КНР), предоставляющий кредитору при неисполнении или ненадлежащем исполнении право избрать один из альтернативных способов защиты: ремонт, замену, переделку, возврат товара, уменьшение цены или вознаграждения. Данное средство, занимая промежуточное положение между реальным исполнением и денежной компенсацией, представляет собой неденежную форму компенсации, которая играет полноценную роль в современном китайском договорном праве, является хорошей альтернативой денежному возмещению причиненного ущерба. Его функциональное назначение заключается не в принуждении к исполнению обязательства в его первоначальном виде, а в компенсации последствий нарушения путем предоставления эквивалента исполнения, максимально приближающего кредитора к положению, в котором он находился бы при надлежащем исполнении.

При этом доктринальная и законодательная квалификация мер, предусмотренных статьей 582 ГК КНР, остается дискуссионной. Можно сделать вывод о том, что законодатель не проводит четкого разграничения между немонетарной (альтернативной) компенсацией и реальным

исполнением. В китайской правовой доктрине ремонт, замена и переделка интерпретируются не как самостоятельные средства защиты, а как разновидности реального исполнения. Это создает терминологическую и концептуальную коллизию с подходом, преобладающим в европейском праве, где аналогичные средства рассматриваются как самостоятельные виды денежной компенсации.

Стоит обратить внимание на то, что по китайскому гражданскому законодательству в тех случаях, когда обязательство по своей природе не может быть исполнено принудительно (например, действие, которое должен совершить лично должник, но он этого не делает), кредитор может поручить исполнение третьему лицу, а все расходы взыскать с нарушителя. Исполнение силами третьего лица в ряде случаев является наиболее эффективным средством защиты. При этом нарушитель не освобождается от своего основного обязательства даже после привлечения к иным мерам ответственности. Он должен продолжить исполнение договора, если это еще возможно.

Что касается денежной компенсации, ее применение регламентировано статьей 584 ГК КНР. Ее цель состоит в компенсации потерь и упущенной выгоды. К таким средствам относятся: возмещение убытков (реальный ущерб и упущенная выгода), взыскание неустойки. Популярность денежного возмещения объясняется простотой применения, это самый простой способ положить конец спору. Оно имеет место тогда, когда другие средства защиты непригодны по каким-либо причинам. Исходя из содержания статьи 853 ГК КНР, закрепляющей возмещение убытков, следует, что нарушитель должен взять на себя ответственность по возмещению убытков после исполнения обязательства или принятия мер по исправлению положения. Размер возмещения убытков должен соответствовать убыткам, возникающим в результате нарушения договора, включая выгоду, которая могла быть получена после исполнения договора, но не превышать убытки, которые нарушившая договор сторона могла или должна была предвидеть в момент заключения договора в качестве вероятных убытков при нарушении договора.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы, имеющие теоретическое и практическое значение для сравнительного договорного права. Несмотря на исторически сложившуюся дивергенцию правовых систем, базовая цель договорных средств

защиты остается универсальной. Выбирая конкретное средство защиты, потерпевшая сторона должна учитывать комплекс факторов, среди которых доминируют критерии процессуальной экономии и эффективности. Китайский законодатель отказался от следования какой-либо одной традиции. Закрепление принципа диспозитивности выбора средств защиты создает гибкий механизм, позволяющий кредитору избирать наиболее адекватный способ защиты в зависимости от конкретных обстоятельств, будь то реальное исполнение или возмещение убытков, включая упущенную выгоду. Это свидетельствует о прагматичном подходе законодателя, ориентированном на эффективность, а не на догматическое следование той или иной правовой семье. Эта правовая модель является результатом нормативной рецепции, интегрировавшей элементы как континентального, так и общего права.

Список источников

1. Белых В. С. Средства защиты по праву справедливости Англии // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2016. № 4 (45). С. 75–83.
2. Карапетов А. Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. Москва: Статут, 2003. 190 с.
3. Латыпов Д. Н. Способы защиты гражданских прав по англосаксонскому праву // Вестник гражданского процесса. 2021. № 6. С. 196–213.
4. Семенов В. В. Сделки по законодательству Китая и России: общее и особенное // Юрист. 2024. № 9. С. 61–66.
5. Степин А. Б. Механизмы защиты гражданских прав // Гражданское право. 2020. № 6. С. 16–19.
6. Халфина Р. О. Договор в английском гражданском праве. Москва, 1959. 319 с.
7. Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В. О целях и способах защиты гражданских прав // Цивилист. 2022. № 2. С. 37–42.
8. Steven Shavell, «Specific Performance Versus Damages for Breach of Contract: An Economic Analysis», 84 Tex. L. Rev. 831 2005–2006, 869.
9. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2023. 624 с.

References

1. Belykh V.S. Equity Remedies in England. *Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*, 2016, no. 4 (45), pp. 75–83. (In Russ.).
2. Karapetyan A. G. Claim for the Award of Performance of an Obligation in Kind. Moscow: Statut, 2003. 190 p. (In Russ.).

3. Latypov D. N. Methods of Protecting Civil Rights under Anglo-Saxon Law. *Bulletin of Civil Procedure*, 2021, no. 6, pp. 196–213. (In Russ.).

4. Semenov V. V. Transactions under the Legislation of China and Russia: General and Specific. *Jurist*, 2024, no. 9, pp. 61–66. (In Russ.).

5. Stepin A. B. Mechanisms for the Protection of Civil Rights. *Civil Law*, 2020, no. 6, pp. 16–19. (In Russ.).

6. Khalfina R. O. Contract in English Civil Law. Moscow, 1959. 319 p. (In Russ.).

7. Chegovadze L. A., Deryugina T. V. On the Goals and Methods of Protecting Civil Rights. *Tsivilist*, 2022, no. 2, pp. 37–42. (In Russ.).

8. Steven Shavell, "Specific Performance Versus Damages for Breach of Contract: An Economic Analysis", 84 Tex. L. Rev. 831 2005-2006, 869.

9. Civil Law: Textbook: in 4 volumes / ed. by doctor of sciences (Law), Prof. E. A. Sukhanov. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Statute, 2023. 624 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В. В. Семенов — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

V. V. Semenov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Научная статья
УДК 341

Актуальные проблемы признания и приведения в исполнение решений российских судов в иностранных юрисдикциях: международные договоры, принцип взаимности и санкционные ограничения

Соколов Алексей Павлович

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Россия, srrpj@mail.ru, <http://orcid/0000-0001-6961-8632>

Аннотация. В статье проанализированы современные тенденции и проблемы, связанные с признанием и приведением в исполнение решений российских государственных судов за рубежом. Рассмотрены основные правовые механизмы (международные договоры о правовой помощи и принцип взаимности) и особенности их применения в различных юрисдикциях, включая страны СНГ, Азии, Ближнего Востока и Европейского союза. Особое внимание уделяется влиянию международных санкций и специфике исполнения решений, вынесенных на основании статьи 248.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливающих исключительную компетенцию российских судов по спорам с участием подсанкционных лиц. Исследована практика судов таких стран, как Казахстан, Китай, Турция, Израиль, ОАЭ, Кипр, Гонконг и других. Выявлены ключевые факторы, влияющие на успешность процедуры признания и исполнения, включая соблюдение процессуальных норм (в частности, надлежащего уведомления ответчика) и учет политического контекста. Сделан вывод о смещении вектора интересов российских компаний в сторону юрисдикций, демонстрирующих более предсказуемый подход к признанию российских судебных актов.

Ключевые слова: признание и исполнение иностранных судебных решений, международное частное право, международный договор о правовой помощи, принцип взаимности, статья 248.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, санкции, иностранные юрисдикции, международный гражданский процесс, компетенция судов

Для цитирования: Соколов А. П. Актуальные проблемы признания и приведения в исполнение решений российских судов в иностранных юрисдикциях: международные договоры, принцип взаимности и санкционные ограничения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 126–131.

Original article

Topical issues of recognition and enforcement of russian court judgments in foreign jurisdictions: international treaties, reciprocity principle and sanctions restrictions

Aleksey P. Sokolov

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, srrpj@mail.ru, <http://orcid/0000-0001-6961-8632>

© Соколов А. П., 2025

Abstract. The article analyzes current trends and challenges related to the recognition and enforcement of Russian state court decisions abroad. It examines the main legal mechanisms — international legal assistance treaties and the principle of reciprocity — and the specifics of their application in various jurisdictions, including CIS countries, Asia, the Middle East, and the EU. Special attention is paid to the impact of international sanctions and the specifics of enforcing decisions rendered based on Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, which establishes the exclusive jurisdiction of Russian courts in disputes involving sanctioned entities. The practice of courts in countries such as Kazakhstan, China, Turkey, Israel, the UAE, Cyprus, Hong Kong, and others is explored. Key factors influencing the success of recognition and enforcement procedures are identified, including compliance with procedural rules (particularly proper notification of the defendant) and consideration of the political context. The article concludes that there is a shift in the interests of Russian companies towards jurisdictions demonstrating a more predictable approach to recognizing Russian judicial acts.

Keywords: recognition and enforcement of foreign judgments, private international law, international legal assistance treaty, principle of reciprocity, article 248.1 APC RF, sanctions, foreign jurisdictions, international civil procedure, court jurisdiction

For citation: Sokolov A. P. Topical issues of recognition and enforcement of Russian court judgments in foreign jurisdictions: international treaties, reciprocity principle and sanctions restrictions. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 126–131. (In Russ.).

Вопросы эффективного исполнения судебных решений за рубежом приобретают особую актуальность в условиях глобализации экономических связей и возрастающей трансграничной активности российских компаний. Однако современные геополитические реалии, характеризующиеся введением масштабных санкционных ограничений в отношении Российской Федерации и ее резидентов, существенно осложнили данный процесс. Российские субъекты права сталкиваются с правовой неопределенностью, отсутствием устоявшейся практики в ряде юрисдикций и необходимостью навигации в сложной системе международных норм и национального законодательства иностранных государств.

Российские субъекты права сталкиваются с правовой неопределенностью, отсутствием устоявшейся практики в ряде юрисдикций и необходимостью навигации в сложной системе международных норм и национального законодательства иностранных государств.

При этом следует отметить, что поведение самих иностранных контрагентов в текущей обстановке зачастую меняется: они нередко предпочитают судебные споры переговорам, опасаясь возможных последствий нарушения санкций [1].

Целью настоящей статьи является анализ современных подходов к признанию и приведению в исполнение решений российских судов за рубежом, выявление ключевых проблем и факторов, влияющих на данный процесс, а также исследование практики отдельных наиболее востребованных юрисдикций.

1. Правовые основания признания и исполнения: международные договоры и принцип взаимности

Традиционно признание и исполнение иностранных судебных решений базируется на двух основных механизмах: наличии международного договора о правовой помощи и действии принципа взаимности (*reciprocity*).

Вместе с тем в основе выбора конкретного правового механизма (договор или взаимность) лежит и общее регулирование коллизионных вопросов российским правом. Так, статьи 1186 и 1192–1194 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) указывают общие принципы определения компетенции и применимого права к отношениям с участием иностранного элемента, указывая на приоритет международных соглашений, участником которых является Российская Федерация. Если в споре одновременно задействованы положения международного договора и коллизионные нормы гражданского законодательства, суд обязан проверить, не противоречат ли внутренние коллизионные правила договору и не препятствуют ли они признанию вынесенного решения.

Кроме того, в ряде случаев существенную роль играют нормы о возмещении убытков или взыскании долга при нарушении договорных обязательств. На практике это означает, что суд, рассматривающий ходатайство о признании решения (например, о взыскании денежных сумм), проверяет не только вопрос о наличии международного соглашения или принципа взаимности, но и соответствие требований, установленных статьям 15 и 393 ГК РФ, в части суммы и объема подлежащих возмещению убытков. Так, если иностранное право или практика допускают компенсацию сверх убытков, не предусмотренную ГК РФ, в некоторых случаях это может вызвать противоречие

публичному порядку и привести к отказу в признании.

Статья 1210 ГК РФ, в свою очередь, прямо закрепляет право сторон (в том числе и из разных государств) самостоятельно выбирать применимое право к договору, определяя сферу действия такой «автономии воли». При этом, если выбор права явно противоречит публичному порядку или ставит перед собой цель, направленную на обход обязательных норм российского или иного применимого законодательства, российский суд может отказать в признании договора или вынесенного по нему решения. Именно поэтому при признании решений иностранных судов особое значение имеет корректность выбора права, закрепленного в соглашении сторон, и отсутствие противоречий с нормами императивного характера.

К примеру, если российский поставщик и иностранный покупатель заранее согласовали в контракте, что обязательства регулируются правом страны покупателя, но фактическое производство и исполнение договора осуществлялись на территории третьего государства, то при рассмотрении возникших споров суд будет определять применимое право согласно статьям 1186 и 1210 ГК РФ. Если же решение по такому спору вынесено российским судом с игнорированием согласованных коллизионных норм, это может стать основанием для отказа в признании за рубежом. Напротив, четкое следование выбранной сторонами подсудности и праву, а также соблюдение приоритета международных соглашений (при их наличии) повысит шансы на успешное признание.

Российская Федерация является участницей более 60 двусторонних и многосторонних договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, предусматривающим взаимное признание и исполнение судебных решений. Ключевыми многосторонними соглашениями для пространства СНГ являются Киевское соглашение 1992 года [2], Минская конвенция 1993 года [3] и Кишиневская конвенция 2002 года [4]. Наличие такого договора, как правило, упрощает процедуру, устанавливая конкретные основания для признания и ограниченный перечень оснований для отказа. При отсутствии договора суды в России могут руководствоваться принципом взаимности, однако в последние полтора-два года все чаще требуют подтверждение, что эта взаимность сохраняется и после 2022 года, учитывая новые санкционные ограничения [5].

Однако даже при наличии договора суды иностранного государства могут обращать

внимание на фактическое соблюдение принципа взаимности. Например, при рассмотрении дел о признании российских решений в Китае, несмотря на наличие двустороннего договора 1992 года, имеющего приоритет над национальным процессуальным законодательством (Гражданского процессуального кодекса КНР), суды могут дополнительно оценивать наличие взаимной практики признания китайских решений в России.

В юрисдикциях, с которыми у России отсутствуют международные договоры о правовой помощи (например, Турция, Израиль, ОАЭ, Гонконг, Сингапур), ключевым правовым основанием становится именно принцип взаимности. Доказывание наличия взаимности возлагается на сторону, ходатайствующую о признании решения. При этом подходы к установлению взаимности различаются.

В одних странах (например, Турция) требуется подтверждение наличия положительной практики признания решений судов данной страны в России.

В других (например, ОАЭ, в частности, практика судов Дубая) может быть достаточно демонстрации отсутствия негативных примеров отказа в признании решений судов ОАЭ в России.

В Израиле для доказывания взаимности принимаются доктринальные источники, экспертные заключения и прецеденты, подтверждающие «разумную возможность» признания израильских решений в Российской Федерации.

Следует отметить, что взаимность не является статичной категорией и устанавливается судом применительно к каждому конкретному делу, что создает элемент неопределенности.

2. Влияние санкций и проблема признания решений на основании статьи 248.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

Существенным фактором, осложняющим признание и исполнение российских судебных решений за рубежом, особенно после 2022 года, стали международные санкции. Это проявляется в нескольких аспектах.

Прямой запрет на исполнение: в странах Европейского союза действует законодательный запрет на исполнение решений, вынесенных на основании статей 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) (устанавливающих исключительную компетенцию российских арбитражных судов по спорам с участием подсанкционных лиц или спорам, связанным с санкциями).

Нарушение компетенции: решения, вынесенные на основании статьи 248.1 АПК РФ

при наличии действительного арбитражного или пророгационного соглашения в пользу иностранного суда или арбитража с высокой вероятностью не будут признаны и исполнены за рубежом (даже в дружественных юрисдикциях) из-за нарушения общепризнанных правил определения компетенции. Иностранные суды рассматривают такие решения, как вынесенные с нарушением подведомственности.

Политический фактор и поиск баланса: в «недружественных» государствах политический контекст может влиять на решение суда, хотя формально отказ должен быть мотивирован правовыми основаниями (например, противоречие публичному порядку). Примером служит неоднозначная практика судов Литвы. В то же время в «дружественных» юрисдикциях (например, Республика Казахстан) суды занимают осторожную позицию, стремясь сбалансировать международные обязательства (по конвенциям) и необходимость сохранения инвестиционной привлекательности, что может приводить к отказам в признании спорных решений по формальным основаниям.

Проблемы с фактическим исполнением: даже в случае признания решения фактическое исполнение может быть затруднено, если взыскатель или должник находятся под санкциями, ограничивающими банковские операции (например, в Израиле банки не работают с подсанкционными лицами, хотя само решение может быть признано).

На текущий момент не зафиксировано ни одного известного случая успешного признания и исполнения за рубежом решения российского суда, вынесенного на основании статьи 248.1 АПК РФ.

3. Анализ практики в отдельных юрисдикциях

Казахстан: действует Кишиневская конвенция 2002 года. Однако суды могут применять и положения замененных ею Киевской и Минской конвенций, в данном случае необходим анализ оснований для отказа по всем трем документам. Принцип взаимности не применяется ввиду наличия договора. Отмечены случаи отказа в признании решений по статье 248.1 АПК РФ со ссылкой на нарушение общих процессуальных правил ГПК Казахстана (отсутствие регистрации или филиала ответчика в стране).

Турция: отсутствует договор, применяется принцип взаимности. Сложилась устойчивая положительная практика признания российских решений, подтвержденная и после 2022 года (например, дело № 2022/118 15-го Коммерческого суда Стамбула; дело № 2024-1759 13-й гражданской палаты Апелляционного суда

Стамбула [6]). Отказы связаны в основном с формальными нарушениями (ненадлежащее извещение, отсутствие компетенции). Однако судебная практика по статье 248.1 АПК РФ нет, но формальных препятствий для признания решений с санкционным элементом (если ст. 248.1 АПК РФ не применялась для обоснования компетенции в обход соглашения сторон) не усматривается.

Израиль: отсутствует договор, применяется принцип взаимности. Имеется позитивная практика признания российских решений (в том числе по уголовным делам с гражданскими исками), вынесенных до 2022 года (дела № 7251/20 и № 1948/15 Верховного суда Израиля [6]). Интересно отметить дело № 40733-11-21 (БМ-Банк против Исмаилова), где Окружной суд Тель-Авива признал решение Арбитражного суда города Москвы по субсидиарной ответственности, отклонив довод ответчика о нарушении международных санкций, поскольку Израиль их не вводил. Это указывает на потенциальную возможность признания решений в пользу подсанкционных лиц, но с оговоркой о трудностях фактического исполнения.

ОАЭ: отсутствует договор, применяется принцип взаимности. Юрисдикция набирает популярность. Практика показывает, что для установления взаимности достаточно отсутствия отказов в признании решений судов ОАЭ в России (позиция Апелляционного суда Дубая). Возможна также процедура признания через суды свободных экономических зон (*DIFC, ADGM*) на основе норм общего права путем подачи нового иска.

Китай: действует договор 1992 года, но суды могут учитывать и взаимность. Необходимо строгое соблюдение процедурных требований, в частности, правил вручения извещений по Гаагской конвенции 1965 года (пример отказа из-за несоблюдения сроков уведомления ответчика).

Кипр: действует договор 1984 года, но практика осложнена санкционным регулированием ЕС и появлением в России с 2022 года негативной практики признания кипрских решений, что подрывает принцип взаимности, лежащий в основе договора. Исполнение решений по статьям 248.1 и 248.2 АПК РФ исключено.

Гонконг: применяются правила общего права, требующие инициирования нового разбирательства, где российское решение выступает основным доказательством долга. Суд не пересматривает дело по существу, но может учитывать взаимность. Известен лишь один прецедент признания (дело оргкомитета Сочи-2014 против *Pico Projects* № CACV 163/2021).

Европейский Союз: несмотря на политическую напряженность и санкции, признание возможно, если нет прямой связи с санкциями и соблюдены все процедуры. Примеры: признание во Франции решения Мещанского районного суда по иску ВТБ к Д. Мазурову (2024 г.), признание Окружным судом Амстердама решения Арбитражного суда города Москвы по делу Промсвязьбанка против *Promsvyaz Capital B. V.* (2023 г.).

4. Процессуальные аспекты и факторы успеха

Независимо от юрисдикции для повышения шансов на признание и исполнение решения российского суда необходимо уделять пристальное внимание следующим аспектам:

Доказывание правовых оснований: четкое обоснование наличия действующего международного договора или демонстрация соблюдения принципа взаимности на основе актуальной практики или иных допустимых доказательств. Причем чаще суды теперь проверяют актуальность взаимности после 2022 года [5].

Надлежащее уведомление ответчика: это одно из наиболее частых оснований для отказа. Необходимо строго соблюдать требования применимых международных конвенций (например, Гаагской конвенции 1965 г.) и национального законодательства иностранного государства относительно сроков и способов вручения судебных документов иностранному ответчику на всех стадиях российского процесса. Важно иметь документальные подтверждения своевременного и надлежащего извещения.

Соблюдение компетенции: убедиться, что российский суд обладал компетенцией рассматривать спор согласно как российскому праву, так и общепринятым международным стандартам (особенно при наличии соглашений сторон о подсудности или арбитраже).

Отсутствие противоречия публичному порядку: решение не должно нарушать основополагающие принципы правопорядка страны признания. Кроме того, с 2022 года российские суды стали шире толковать публичный порядок, включая в него, среди прочего, вопросы военной и экономической безопасности [5]. Если иностранная компания производит вооружения или является резидентом «недружественной» страны, суды в Российской Федерации могут отказать в признании на основании угрозы публичному порядку.

Окончателность и исполнимость решения: решение должно вступить в законную силу и подлежать исполнению на территории страны исполнения.

Учет санкционного контекста: В случае наличия санкционных аспектов необходимо доказать, что признание и исполнение решения не нарушит применимый санкционный режим иностранного государства.

Процедура признания и приведения в исполнение решений российских судов за рубежом в современных условиях характеризуется повышенной сложностью и непредсказуемостью. Ключевыми факторами, определяющими успех, являются выбор юрисдикции, наличие применимого международного договора или устойчивой практики взаимности, отсутствие связи дела с санкционными ограничениями (особенно с применением ст. 248.1 АПК РФ в обход соглашений сторон) и безупречное соблюдение процессуальных требований, прежде всего надлежащего уведомления ответчика.

Наблюдается тенденция к смещению интереса российских компаний от традиционных юрисдикций (например, Кипр) в сторону стран Ближнего Востока (ОАЭ, Турция) и Азии, демонстрирующих более прагматичный и менее политизированный подход. Несмотря на трудности, практика показывает, что признание и исполнение российских решений за границей остается возможным при тщательной подготовке и учете всех правовых и фактических обстоятельств дела. Дальнейшее развитие практики, в том числе в части толкования принципа взаимности и подходов к решениям с санкционным элементом, требует постоянного мониторинга и анализа.

Несмотря на все сложности практика показывает, что признание и исполнение решений российских судов в целом остается реальным при комплексном учете санкционных аспектов и надлежащей подготовке. Дальнейшее развитие практики зависит как от политической конъюнктуры, так и от возможных разъяснений высших судебных инстанций России, прежде всего Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Список источников

1. Синченкова Анастасия. Исполнить решение суда: как это сделать в условиях санкций. URL: <https://pravo.ru/story/246010/> (дата обращения: 14.07.2025).
2. О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 года. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/57#text> (дата обращения: 14.07.2025).
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголов-

ным делам (заключена в городе Минске 22 января 1993 года) (ред. от 28 марта 1997 года) (вступила в силу 19 мая 1994 года, для Российской Федерации 10 декабря 1994 года). URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/192#text> (дата обращения: 14.07.2025).

4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в городе Кишиневе 07 октября 2002 года). URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/1313#text> (дата обращения: 14.07.2025).

5. Раиса Каменская. Взаимно и по-дружески: как в последние два года признают иностранные решения в России. URL: <https://pravo.ru/story/256237/> (дата обращения: 14.07.2025).

6. Нижник Диана. Взаимность и поиск баланса: как сейчас исполняют российские решения за границей. URL: <https://pravo.ru/story/257783/> (дата обращения: 14.07.2025).

7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.07.2025).

8. Гагская конвенция о вручении судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам за границей от 15 ноября 1965 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.07.2025).

9. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19 июня 1992 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.07.2025).

10. Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.07.2025).

11. О применении судами некоторых положений главы 45 ГПК РФ и главы 31 АПК РФ при рассмотрении дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 года № 24. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.07.2025).

References

1. Anastasia Sinchenkova. Enforcing a Court Decision: How to Do It Under Sanctions. URL: <https://pravo.ru/story/246010/> (accessed 14.07.2025). (In Russ.).

2. On the Procedure for Resolving Disputes Related to Economic Activities: Agreement of the CIS Countries of March 20, 1992. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/57#text> (accessed 14.07.2025). (In Russ.).

3. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (concluded in Minsk on 22 January 1993) (as amended on 28 March 1997) (entered into force on 19 May 1994, for the Russian Federation on 10 December 1994), URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/192#text> (accessed 14.07.2025). (In Russ.).

4. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (concluded in Chisinau on 7 October 2002). URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/1313#text> (accessed 14.07.2025). (In Russ.).

5. Raisa Kamenskaya. Mutually and Friendly: How Foreign Decisions Have Been Recognized in Russia Over the Past Two Years. URL: <https://pravo.ru/story/256237/> (accessed 14.07.2025). (In Russ.).

6. Diana Nizhnik. Reciprocity and the Search for Balance: How Russian Decisions Are Currently Enforced Abroad. URL: <https://pravo.ru/story/257783/> (accessed 14.07.2025). (In Russ.).

7. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: federal law no. 95-FZ of July 24, 2002. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 14.07.2025). (In Russ.).

8. The Hague Convention on the Service of Judicial and Extrajudicial Documents in Civil or Commercial Matters Abroad of November 15, 1965. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 14.07.2025). (In Russ.).

9. Treaty between the Russian Federation and the People's Republic of China on Legal Assistance in Civil and Criminal Matters, dated June 19, 1992. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 14.07.2025). (In Russ.).

10. New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards, 1958. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 14.07.2025). (In Russ.).

11. On the application by courts of certain provisions of Chapter 45 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and Chapter 31 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when considering cases on the recognition and enforcement of decisions of foreign courts and foreign arbitral awards: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 24 of July 9, 2019,. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 14.07.2025). (In Russ.).

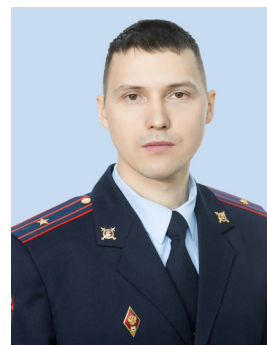
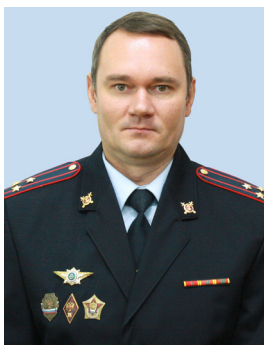
Информация об авторе

А. П. Соколов — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия.

Information about the author

A. P. Sokolov — Doctor of Sciences (Economy), Professor, Professor of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities at the Russian State University of Justice.

Научная статья
УДК 343

Оказание первой помощи сотрудникам полиции в контексте принципов биоэтики

Агафонов Сергей Юрьевич^{1, 2}, Серебров Дмитрий Олегович³, Кулаков Иван Михайлович⁴

^{1, 3, 4}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия;

²Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия.

¹agafonov_sergey82@mail.ru

²d.o.serebrov@gmail.com

³Nickchui@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены дискуссионные вопросы, связанные с оказанием первой медицинской помощи сотрудникам полиции и гражданам, получившим те или иные увечья в результате совершения противоправных действий. Кроме того, уделено внимание принципам биоэтики, способствующим расставлению приоритетности в оказании первой медицинской помощи различным субъектам в ситуациях крайней необходимости.

Ключевые слова: сотрудник полиции, первая помощь, неоказание первой помощи, ответственность, биоэтика

Для цитирования: Агафонов С. Ю., Серебров Д. О., Кулаков И. М. Оказание первой помощи сотрудникам полиции в контексте принципов биоэтики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 132–135.

Original article

First aid to police officers in the context of bioethics principles

Sergey Yu. Agafonov^{1, 2}, Dmitry O. Serebrov³, Ivan M. Kulakov⁴

^{1, 3, 4}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

²Volga Region Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

¹agafonov_sergey82@mail.ru

²d.o.serebrov@gmail.com

³Nickchui@yandex.ru

Abstract. This article examines controversial issues related to providing first aid to police officers and individuals injured in unlawful acts. It also addresses bioethical principles that help prioritize first aid for various individuals in emergency situations.

© Агафонов С. Ю., Серебров Д. О., Кулаков И. М., 2025

Keywords: first aid, police officer, failure to provide assistance, responsibility, criminal liability, bioethics

For citation: Agafonov S. Yu., Serebrov D. O., Kulakov I. M. First aid to police officers in the context of bioethics principles. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 132–135. (In Russ.).

В своей деятельности сотрудник полиции часто сталкивается с ситуациями, сопряженными с риском для жизни и здоровья, в которых может сыграть большую роль умение правильно оказывать первую помощь. Данное умение критически важно, поскольку в тех или иных ситуациях от этого будет зависеть жизнь сотрудника, а также жизнь тех, кого сотрудник полиции сможет защитить. Необходимо понимать, что подобная ситуация может возникнуть не только в ходе выполнения сотрудником своих служебных обязанностей, но и в результате внезапной болезни или несчастного случая.

Прежде чем говорить о роли науки биоэтики в оказании первой помощи сотрудникам полиции, необходимо уточнить, что представляет из себя процесс оказания первой помощи. Кто оказывает первую помощь? Может ли обычный гражданин оказать первую помощь? Существует ли ответственность за некачественное оказание первой помощи?

В соответствии со статьей 27 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3 «О полиции» сотрудник полиции обязан оказывать первую помощь гражданам вне зависимости от его должности и времени суток [1]. Это значит, что в любой момент, где бы он ни находился, сотрудник полиции обязан прийти на помощь гражданам.

Понятие «первая помощь» закреплено в статье 31 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 323) [2]. В соответствии с данным законом первая помощь является комплексом мероприятий, направленных на поддержание жизни и здоровья, проводимых в результате несчастных случаев, травм, ранений и других ситуаций. Также в ФЗ № 323 говорится о том, что первая помощь оказывается лицами, которые обязаны ее предоставлять в соответствии с федеральными законами или иными нормативными правовыми актами. К их числу относятся сотрудники полиции и военнослужащие, а также находящиеся вблизи лица в случаях, предусмотренных федеральными законами. Кроме того, данный закон описывает состояния, при которых оказывается первая помощь лицу, а также список мероприятий по оказанию первой помощи и их последовательность.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что сотрудники полиции должны проходить специальную подготовку по оказанию первой помощи. Граждане, не обладающие специальными навыками, не могут быть привлечены к какой-либо ответственности за неоказание первой помощи.

Определить понятие биоэтики можно, опираясь на научные труды различных авторов. Так, О. В. Попова определяет биоэтику как область знаний и исследований, изучающих этические вопросы, возникающие в связи с развитием биологии и медицины [3]. На основании вышесказанного мы ставим перед собой задачу определить этические вопросы, которые могут возникнуть в результате оказания первой помощи: «Стоит ли оказывать первую помощь, если лицо, ее оказывающее, не обладает соответствующей подготовкой и успех проведения им мероприятий не гарантирован?».

В биоэтике, как и в любой науке, необходимо выделять основные принципы, то есть основные понятия, на которых держится наука. Мы согласимся с мнением О. В. Омеличкина и выделим вслед за ним основные принципы науки биоэтики (рис. 1) [4].

Автономия (Autonomy) – право человека на самоопределение, принятие решений о своем лечении, основанное на информированном согласии.

Благодеяние (Beneficence) – обязанность действовать в наилучших интересах пациента, приносить пользу.

Не навреди (Non-maleficence) – принцип «primum non nocere» (прежде всего – не навреди). Минимизация вреда

Справедливость (Justice) – справедливое распределение ресурсов, равное отношение ко всем пациентам.

Рис. 1. Основные принципы биоэтики

Fig. 1. Basic principles of bioethics

Составлено на основе источника [4]

Далее мы рассмотрим примеры ситуаций, в которых могут возникнуть морально-этические конфликты, сопряженные с оказанием первой помощи. Важно понимать, что подобные ситуации возникают в жизни сотрудника полиции не только в ходе выполнения служебных обязанностей, но и вне их.

Конфликт между принципами автономии и необходимости оказания первой помощи. Ситуация может быть следующая: при задержании сотрудник полиции получает ранение: находясь в состоянии шока, паники или иного эмоционального возбуждения, отказывается от помощи. Вопрос будет заключаться в следующем: «Имеет ли право коллега проигнорировать отказ от помощи, если жизни сотрудника полиции угрожает опасность?». В данной ситуации необходимо анализировать понятие вменяемости и дееспособности в состоянии эмоционального возбуждения. В соответствии со статьей 21 Гражданского кодекса Российской Федерации дееспособность — это способность своими действиями приобретать права и обязанности [5]. Вменяемость представляет собой способность человека руководить своими действиями и отдавать себе отчет в происходящем. По сути, высокое эмоциональное возбуждение является основанием для определения дееспособности и вменяемости сотрудника полиции, его отказ в данной ситуации не должен влиять на оказание первой помощи и нарушать принцип автономии. Однако в случаях, когда определение психоэмоционального состояния и степени травмированности сотрудника полиции затруднительно, необходимо установить наблюдение за ним и при малейшем признаке недомогания приступить к оказанию первой помощи.

Конфликт при соблюдении принципа конфиденциальности. При оказании первой помощи лицу, ее оказывающему, могут открыться сведения, содержащиеся в каких-либо документах или иных источниках информации (например, сведения служебного характера). Вопрос заключается в следующем: «Как обеспечить соблюдение конфиденциальности пациента в виду отсутствия специальных условий?». Отвечая на него, необходимо подробно рассмотреть, кто именно оказывает первую помощь. Проблема может возникнуть в случае, если лицо не является сотрудником полиции. Это может быть, например, лицо, находящееся в непосредственной близости от сотрудника. Исходя из этого, обеспечить полностью конфиденциальность не получится. Однако можно принять превентивные меры, направленные на дальнейшее нераспространение информации. Эти меры могут представлять из себя, например, подписание расписки о неразглашении любой информации, которая потенциально могла стать известной лицу, оказывавшему первую помощь.

Следующий конфликт связан с *приоритетностью оказания помощи*. Например, в ходе

перестрелки сотрудник полиции и нападавший получили ранения. Сотруднику полиции необходимо выбрать, кому в первую очередь оказывать первую помощь. В данном случае при возможности следует руководствоваться принципом приоритетности, который заключается в том, что тот, кто имеет более серьезные повреждения, должен в первую очередь получить первую помощь. В данной ситуации возникает вопрос о триаже. Тriage — это метод распределения пострадавших в зависимости от срочности и однородности необходимых мероприятий, таким образом, можно начать оказывать первую помощь одновременно. Произвести все необходимые мероприятия для обоих пострадавших и затем уделить больше времени тому из них, кто нуждается в более сложных мероприятиях по оказанию первой помощи.

Существуют *конфликты, связанные с возможностью получения психологической травмы лицом, оказывающим первую помощь, если проведенные им мероприятия не увенчались успехом*. Также важным будет вопрос: «Могут ли личные взаимоотношения между пострадавшим и лицом, оказывающим помощь, помешать оказанию качественной первой помощи?».

В поисках ответа на большинство вопросов решением будет установление правовых границ и рамок оказания первой помощи сотрудникам полиции. Нормативные правовые акты, регулирующие это направление скорее всего будут содержать набор специальных обязательных протоколов, снижающих груз морального выбора. Вместе с тем и вариативность будет почти на нуле, поскольку ситуаций много, и все их не подгонишь к конкретному алгоритму.

В заключение хотелось бы сказать, что при оказании сотруднику полиции первой помощи может возникать масса этических вопросов. Наука биоэтика помогает отвечать на них.

Список источников

1. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 года) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (ред. от 5 сентября 2025 года) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724.
3. Попова О. В. Биоэтика как реляционная философия действия (на примере китайской биоэтики) // Горизонты гуманитарного знания. 2023. № 3. С. 3–20.
4. Омеличкин О. В. Принципы и правила биоэтики // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1. № 2. С. 41–47.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 года) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

Reverences

1. On the Police: federal law no. 3-FZ of February 7, 2011, (as amended on July 31, 2025). *Collected Legislation of the RF*, 2011, no. 7, art. 900. (In Russ.).

2. On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation: federal law no. 323-FZ of November 21, 2011, (as amended on Sep-

tember 5, 2025). *Collected Legislation of the RF*, 2011, no. 48, art. 6724. (In Russ.).

3. Popova O. V. "Bioethics as a Relational Philosophy of Action (Based on Chinese Bioethics)". *Horizons of Humanitarian Knowledge*, 2023, no. 3, pp. 3–20. (In Russ.).

4. Omelichkin O. V. Principles and Rules of Bioethics. *Bulletin of Social and Humanitarian Sciences*, 2020, vol. 1, no. 2, pp. 41–47. (In Russ.).

5. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, no. 51-FZ (as amended on July 31, 2025). *Collected Legislation of the RF*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.).

Информация об авторах

С. Ю. Агафонов — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России; доцент кафедры общей и клинической психологии Приволжского исследовательского медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации;

Д. О. Серебров — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России;

И. М. Кулаков — преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России.

Information about the authors

S. Yu. Agafonov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology of the Volga Region Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation;

D. O. Serebrov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

I. M. Kulakov — Lecturer in the Department of Forensic Science at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343.9

Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел на страже экономики: современное состояние и перспективы развития

Головко Сергей Николаевич¹, Карпов Александр Геннадьевич²

^{1,2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹golovko12@yandex.ru

²ordnamvd@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современное состояние и перспективы развития оперативно-розыскной деятельности в контексте борьбы с экономической преступностью. С учетом развития цифровизации в Российской Федерации нами проводится мысль о необходимости сочетания устоявшихся средств и методов оперативно-розыскной деятельности с теми, которые лучшим образом будут способствовать противостоянию преступности в сфере экономики и прежде всего в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Сделан вывод о том, что негласность есть черта не только оперативно-розыскной деятельности, но и отдельных следственных действий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, средства и методы, уголовное судопроизводство, следственные действия, информация в интернете, цифровая среда, информационно-коммуникационные технологии, искусственный интеллект, киберпреступность

Для цитирования: Головко С. Н., Карпов А. Г. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел на страже экономики: современное состояние и перспективы развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 136–141.

Original article

Operational and investigative activities of internal affairs agencies protecting the economy: current status and development prospects

Sergey N. Golovko¹, Alexander G. Karpov²

^{1,2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹golovko12@yandex.ru

²ordnamvd@mail.ru

Abstract. This article examines the current state and prospects for the development of operational investigative activities in the context of combating economic crime. Taking into account the development of digitalization in Russia, it is suggested that it is necessary to combine the already established means and methods of operational investigative activities with those that will best contribute to countering crime in the economic sphere and, above all, crimes

© Головко С. Н., Карпов А. Г., 2025

committed using information and telecommunication technologies. It is suggested that secrecy is a feature not only of operational investigative activities, but also of individual investigative actions.

Keywords: operational investigative activities, means and methods, criminal proceedings, investigative actions, information on the Internet, digital environment, information and communication technologies, artificial intelligence, cybercrime

For citation: Golovko S. N., Karpov A. G. Operational and investigative activities of internal affairs agencies protecting the economy: current status and development prospects. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 136–141. (In Russ.).

Меры оперативно-розыскного характера занимают особое место среди существующих правоохранительных мер государства, призванных стать преградой на пути преступности. Выделение на определенном этапе указанных мер из научных знаний о криминалистике и включение их в самостоятельный отраслевой комплекс произошло в начале 50-х годов XX века, а уже спустя несколько десятилетий завершилось созданием теории оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), которая в настоящее время выполняет главную роль научного обеспечения ОРД органов, уполномоченных на то законом.

На сегодня оперативно-розыскной инструментарий является самым эффективным средством выявления преступлений и обеспечения правоохранительной функции государства. Указанное обстоятельство определяет, что в настоящее время фактически является самостоятельным элементом современной правоохранительной системы, который характеризуется уникальными особенностями.

Сейчас, наверное, трудно себе представить, что могло бы действовать так более реально и эффективно на ранних стадиях получения данных об уголовно наказуемых деяниях, чем установленные законом методы и средства ОРД.

К настоящему времени ОРД стала неотъемлемым элементом современной правоохранительной системы, имеющим уникальные особенности.

Благодаря принятию Закона от 13 марта 1992 года № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» [1], получившего новую редакцию 12 августа 1995 года, удалось нормативно закрепить понятие и сущность ОРД, ее цели, задачи и принципы, установить перечень субъектов ОРД, их права, обязанности, социальные и правовые гарантии [2].

Как верно отметил профессор Н. С. Железняк относительно целей и задач ОРД, «...Главные (стратегические) цели ОРД определены в статье 1 федерального закона № 144-ФЗ от 12 августа 1995 года «Об оперативно-розыскной

деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД» № 144), где отмечено, что эта деятельность осуществляется в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Что же касается тактических целей, то они совпадают с задачами, изложенными в статье 2 ФЗ «Об ОРД» № 144, и представлены в ней четырьмя блоками, которые мы условно назвали "антикриминальный", "розыскной", "антикоррупционный" и блок "обеспечения национальной безопасности"» [3, с. 21].

В действующей редакции ФЗ «Об ОРД» № 144 также определил исчерпывающий перечень оперативно-розыскных мероприятий, посредством которых осуществляются их реализация, условия и основания их проведения, конкретизированы вопросы соблюдения прав и свобод граждан при осуществлении ОРД, регламентированы вопросы контроля и прокурорского надзора за данной деятельностью и другое.

Законодательное регулирование ОРД позволило в целом устранить противоречия и существовавшую разность подходов, ранее имевших место в ведомственных приказах и инструкциях различных ее субъектов. Все это способствовало установлению единой практики применения оперативно-розыскного инструментария, что выразилось в обеспечении относительно единых подходов к ведомственной регламентации рассматриваемого вида деятельности самостоятельными органами исполнительной власти, уполномоченными на ее осуществление, одним из которых, в соответствии с частью 1 статьи 13 ФЗ «Об ОРД» № 144, явились органы внутренних дел.

Решение задач ОРД обеспечивается посредством применения специфического оперативно-розыскного инструментария, уникальность которого обусловлена тем, что ни одна иная отрасль права не регламентирует вопросы негласного тайного способа решения задач своей деятельности посредством таких специальных комплексов оперативно-розыскных

действий, каковыми выступают оперативно-розыскные мероприятия. Более того, конспирация, возможность сочетания гласных и негласных методов и средств при проведении оперативно-розыскных мероприятий законодательно закреплены в качестве специальных принципов, присущих только ОРД. По мнению Н. В. Павличенко, наступает то время, когда некоторые черты негласности по своему содержанию приобретают и отдельные следственные действия, к числу которых относятся наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)), контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) [4, с. 110–113].

Уникальность ОРД состоит в том, что, в отличие от иных видов правоохранительной деятельности, основания для осуществления ОРД возникают уже на этапе формирования у лица устойчивого умысла на совершение противоправных посягательств, даже если фактически он еще не приступил к реализации задуманного (то есть того, что относится к объективной стороне соответствующего криминального посягательства). Именно на недопущение перерастания умысла в подготовительные или совершаемые преступные действия направлена такая задача ОРД, как предупреждение преступлений. Ее практическое решение возможно в том числе путем принятия мер по склонению лица, замышляющего злодеяние, к отказу от претворения в жизнь преступных замыслов либо изменение соответствующим образом его противоправного поведения так, чтобы не допустить наступления общественно опасных последствий. Однако для того, чтобы убедить потенциального преступника отказаться от своих замыслов, сначала данное лицо необходимо выявить и установить реальную опасность его преступных намерений средствами ОРД.

Изложенные обстоятельства определяют, что ОРД может осуществляться в момент, когда конкретного уголовно наказуемого деяния еще нет в реальности, но известны намерения лица, желающего его совершить [3]. Более того, субъекты ОРД нацелены на выявление подобных скрываемых фактов, для чего и применяется оперативно-розыскной инструментарий, позволяющий негласно проникать в криминальную среду, действующую в экономической сфере хозяйствования, и получать необходимую информацию в тайне от объектов оперативной заинтересованности, а также своевременно обнаружить, зафиксировать и обеспечить дальнейшее

использование сведений об их противоправной деятельности. В связи с этим роль ОРД в выявлении информации о фактах подготовки и совершения преступлений в сфере экономики, а также о лицах, причастных к указанным деяниям, сложно переоценить.

Как было указано выше, ОРД на сегодня является одним из ключевых элементов правоохранительной деятельности государства, который содержательно взаимосвязан с иными отраслями законодательства, определяемыми как отрасли криминального цикла и видами жизнедеятельности в обществе в целом. Если говорить о начале ОРД, то без положений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) и устойчивых знаний экономической сферы хозяйствования здесь не обойдешься. Обращая внимание на завершающие стадии ОРД, в первую очередь мы видим тесную связь ее с уголовным судопроизводством, которое во многих ситуациях фактически является потребителем результатов ОРД в вопросах выявления и раскрытия преступлений.

Учитывая указанные взаимосвязи, необходимо отметить и тот факт, что на современную систему ОРД, безусловно, накладывают отпечаток изменения, происходящие в сфере уголовно-правовой политики, реализуемой государством посредством законодательного изменения материального (уголовного) права, логичным следствием изменений чего являются соответствующие перемены в УПК РФ [5] и ФЗ «Об ОРД» № 144. Например, изменение тяжести преступлений либо их подследственности (отнесение к компетенции органов дознания) приводит к невозможности проведения отдельных ОРМ, как, например, в свое время произошло с введением в УК РФ статьи 290.1, устанавливающей уголовную ответственность за мелкое взяточничество [6].

На основе анализа содержательных изменений реализуемой государством уголовной политики и изменения законодательства в сфере борьбы с преступностью отдельные исследователи отмечают определенные тенденции трансформации ОРД, связанные с ее возрастающей процессуализацией. В частности, Н. В. Павличенко и А. И. Тамбовцев в своей монографии обращают внимание на наличие в кругу ученых мнения о том, что на современном этапе существует объективная необходимость формирования системы процедурных норм, регламентирующих порядок осуществления оперативно-розыскных мероприятий [7, с. 61–62]. Однако среди научной общественности единой

позиции по этому вопросу не сформировано, поскольку есть и те, кто еще сомневается в целесообразности подобных изменений. Свою позицию они обосновывают возможностью угрозы расшифровки тактических приемов и негласных методов, ослаблением ОРД по причине утраты ее творческого начала, что особенно важно для выработки внезапности по отношению к преступникам. Более того, в перспективе возможна вообще угроза полного поглощения ОРД уголовно-процессуальной деятельностью, так как негласные формы в тактике следственных действий уже существуют более десятка лет, и ученая мысль делает в этом направлении необходимые шаги для ее научного обеспечения [8–10].

Таким образом, в качестве одного из достижений современного состояния ОРД можно отметить ее гласное законодательное регулирование, которое с принятием соответствующих законов позволило вывести данное направление правоохранительной работы из тени исключительно закрытых ведомственных приказов. При этом, несмотря на бесспорное повышение качества правовой регламентации ОРД, как у практических работников, так и у представителей оперативно-розыскной науки имеется значительное количество аргументированных предложений по оптимизации действующей практики нормативной регламентации ОРД.

Между тем, наряду с уже известными в теории и практике пробелами законодательства в области ОРД, происходящие в жизни российского общества изменения, которые во многом связаны с повсеместным распространением информационно-телекоммуникационных технологий, диктуют новые вызовы, требующие переосмысления существующих взглядов на те или иные вопросы, возникающие в сфере ОРД. Дело в том, что ОРД не может существовать в отрыве от происходящих в обществе процессов цифровизации. С одной стороны, такие процессы являются благодатной почвой для совершения преступлений, а с другой — они могут быть важнейшим источником оперативно значимой информации о лицах, причастных к ним. По справедливому утверждению профессора В. И. Шарова, «...информация в сети «Интернет», представляющая интерес для ОРД, порождается в процессе подготовки совершения преступлений, в том числе и в реальном мире, что опять же расширяет сферу оперативно-розыскной деятельности в сети и представляет интернет как важнейший источник оперативной информации» [11, с. 85].

В настоящее время результативность оперативно-розыскного противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий характеризуется низкими показателями. В значительной степени сложившаяся ситуация является следствием того, что традиционные средства и методы ОРД не адаптированы к современным условиям противодействия преступности в сфере экономики.

Значительная часть поисковой работы в глобальных сетях в данном направлении борьбы с киберпреступностью возлагается на плечи тех специализированных подразделений органов внутренних дел (далее — ОВД), которые отвечают за применение оперативно-технических форм проведения ОРМ, в частности, одним из таковых являются недавно созданные в структуре МВД России специализированное подразделение по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. И результаты здесь пока не утешительные. За последние пять лет раскрывается в среднем лишь четверть таких преступлений от числа предварительно расследованных [12].

Анализ результатов ОРД в рассматриваемой сфере противостояния преступности позволяет увидеть, что для данного направления деятельности оперативных подразделений ОВД характерно использование стереотипных методов и приемов, не учитывающих особенностей новых видов преступлений, отсутствие наработанных методик и несовершенство нормативной базы. В этих условиях не вызывает сомнений важность теоретического поиска эффективных форм организации ОРД в системах, где используются информационные технологии, а также формулирование и внесение предложений по улучшению правового обеспечения ОРД [13].

Одним из направлений повышения эффективности ОРД может стать развитие механизмов проведения ОРМ в цифровой среде с учетом использования современных технических средств и методов их применения для поиска, фиксации и анализа информации, состоящей из больших объемов данных, в том числе на основе искусственного интеллекта, ведь информация, попавшая в сеть «Интернет», не исчезает из нее, следует лишь приложить усилия к ее поиску. Именно развитие сетевых технологий, информационно-технических средств может способствовать повышению эффективности ОРД прежде всего за счет внедрения современных систем видеонаблюдения, интеллектуальных систем аутентификации и идентификации с использованием большого хранилища данных.

Представляется, что эффективное раскрытие преступлений оперативными сотрудниками во многом обусловлено своевременностью и полнотой получения сведений о противоправных деяниях, в том числе (а может и прежде всего) путем использования технических источников информации. Нарбатывая оперативно значимую информацию следует рассматривать перспективы ее использования преимущественно для решения задач предупреждения преступлений. Кроме того, при выявлении соответствующей информации необходимо делать акцент не на коммуникативных или вербальных способах ее получения, а преимущественно на применении средств, основанных на вычислительной технике, посредством которой происходит использование информационно-телекоммуникационных технологий, включая искусственный интеллект. Именно по этому пути сейчас происходит развитие методов и средств ОРД: так называемые киберпреступления раскрываются исключительно за счет обработки сведений, полученных из подразделений специальных технических мероприятий ОВД.

В заключение отметим, что перспектива развития ОРД ОВД видится в применении сочетания классических средств и методов, применяемых в оперативно-розыскной практике, с особенностями использования современных информационных технологий. Такое сочетание должно применяться в режиме дополнения друг друга с целью повышения эффективности ОРД оперативных подразделений ОВД в противостоянии преступным посягательствам на жизнь, здоровье, права и свободы человека и гражданина, собственность, безопасность общества и государства.

Список источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 13 марта 1992 года № 2506-1 (утратил силу). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.06.2025).
2. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.06.2025).
3. Железняк Н. С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. 332 с.
4. Павличенко Н. В. Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 2. С. 110–114.
5. Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред.

от 28 февраля 2025 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.06.2025).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 28 февраля 2025 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.06.2025).

7. Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Эволюция оперативно-розыскных мероприятий: монография. Москва: Академия управления МВД России, 2021. 160 с.

8. Зуев С. В. Правовое регулирование и развитие негласных форм уголовного судопроизводства России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 1. С. 23–28.

9. Мазунин Я. М., Мазунин П. Я. Негласная деятельность следователя: пора признать данность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 136–140.

10. Карл А. М. Соотношение негласных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83). С. 144–151.

11. Шаров В. И. Оперативно-розыскные мероприятия в сети Интернет // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 82–87.

12. Форма статистической отчетности «ИТТ» (код 280) ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» // Сервис ведомственной правовой статистики ИСОД МВД России (дата обращения: 10.07.2025).

13. Осипенко А. Л. Об участии органов внутренних дел в системе обеспечения кибербезопасности Российской Федерации // Общество и право. 2018. № 3 (65). С. 35–43.

References

1. On operational-search activities in the Russian Federation: law of the Russian Federation no. 2506-1 of March 13, 1992 (no longer in effect). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 28.06.2025). (In Russ.).
2. On operational-search activities: federal law no. 144-FZ of August 12, 1995 (as amended on December 29, 2022). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 28.06.2025). (In Russ.).
3. Zheleznyak N. S. Updating the Federal Law "On Operational-Investigative Activities": monograph. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 332 p. (In Russ.).
4. Pavlichenko N. V. Procedural Law: Theoretical and Law Enforcement Issues. *Legal Paradigm*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 110–114. (In Russ.).
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on February 28, 2025). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 28.06.2025). (In Russ.).
6. Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on February 28, 2025).

Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 28.06.2025). (In Russ.).

7. Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I. Evolution of Operational Investigative Measures: monograph Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 160 p. (In Russ.).

8. Zuev S. V. Legal regulation and development of covert forms of criminal proceedings in Russia. *Bulletin of the South Ural State University*. Series: Law. 2015, vol. 15, no. 1, pp. 23–28. (In Russ.).

9. Mazunin Ya. M., Mazunin P. Ya. Covert activities of the investigator: it's time to acknowledge the reality. *Legal science and law enforcement practice*, 2015, no. 1 (31), pp. 136–140. (In Russ.).

10. Karl A. M. The relationship between covert investigative actions and operational-search measures. *Bul-*

letin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 3 (83), pp. 144–151. (In Russ.).

11. Sharov V. I. Operational-search measures on the Internet. *Society and Law*, 2018, no. 2 (64), pp. 82–87. (In Russ.).

12. Statistical reporting form "ITT" (code 280) of the Center for Scientific Research of the Federal State Institution "GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia" // Departmental Legal Statistics Service ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia (accessed 10.07.2025). (In Russ.).

13. Osipenko A. L. "On the participation of internal affairs agencies in the cybersecurity system of the Russian Federation". *Society and Law*, 2018, no. 3 (65), pp. 35–43. (In Russ.).

Информация об авторах

С. Н. Головки — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД учебно-научного комплекса противодействия налоговым и экономическим преступлениям Нижегородской академии МВД России;

А. Г. Карпов — кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД учебно-научного комплекса противодействия налоговым и экономическим преступлениям Нижегородской академии МВД России.

Information about the authors

S. N. Golovko — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational and Investigative Activities of the Educational and Scientific Complex for Combating Economic and Tax Crimes of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

A. G. Karpov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Operational and Investigative Activities of the Educational and Scientific Complex for Combating Economic and Tax Crimes of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343.3.7

Толкование оценочных понятий, используемых в Уголовном законе, а также усмотрение в уголовном праве

Городнова Ольга Николаевна¹, Кириллов Михаил Андреевич²

¹Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Чебоксары, Россия;

²Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия.

¹o.n.gorodnova@ruc.su

²kirillov.mihail@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены способы толкования оценочных понятий, широко используемых в уголовном законодательстве Российской Федерации. Авторы подчеркивают, что такие категории не обладают четкими формальными критериями и требуют от правоприменителя проведения содержательной юридической и морально-этической оценки.

Особое внимание уделено вопросу интерпретационного индивидуального познания оценочных понятий уголовного права через идеи, ценности, эталоны. Авторами обоснована роль уголовно-правовой идеологии в контексте уголовного права не как политической доктрины, а как нормативно-ценностной основы, определяющей, какие формы поведения заслуживают уголовного осуждения, а какие — прощения или оправдания.

Проанализированы способы толкования и интерпретации понятий, условно обозначенные как языковые, логические, историко-политические, функциональные, системные и телеологические, а также роль судебной практики и доктрины в наполнении оценочных понятий конкретным смыслом в результате судебного усмотрения.

Авторы, выявляя признаки оценочных понятий в уголовном праве, проанализировали особенности их познания, пришли к выводу о том, что особое место в формировании и трансляции уголовно-правовой идеологии занимает судебское усмотрение.

Ключевые слова: оценочные понятия, толкование, способы, судебское усмотрение, индивидуальное правосознание, уголовно-правовая идеология

Для цитирования: Городнова О. Н., Кириллов М. А. Толкование оценочных понятий, используемых в Уголовном законе, а также усмотрение в уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 142–152.

Original article

Interpretation of the evaluative concepts used in criminal law, as well as discretion in criminal law

Olga N. Gorodnova¹, Mikhail A. Kirillov²

¹Cheboksary Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation, Cheboksary, Russian Federation;

© Городнова О. Н., Кириллов М. А., 2025

²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹o.n.gorodnova@ruc.su

²kirillov.mihail@bk.ru

Abstract. The article discusses the ways of interpreting the evaluative concepts widely used in the criminal legislation of the Russian Federation. The authors emphasize that such categories do not have clear formal criteria and require the law enforcement officer to conduct a substantive legal and moral-ethical assessment.

Special attention is paid to the issue of interpretative knowledge of the evaluative concepts of criminal law through ideas, values, and standards. The authors substantiate the role of criminal law ideology in the context of criminal law not as a political doctrine, but as a normative and value-based framework that determines which forms of behavior deserve criminal condemnation and which deserve forgiveness or even justification.

The article analyzes such methods of interpretation and understanding of concepts as linguistic, logical, historical-political and teleological, as well as the role of judicial practice and doctrine in filling the concepts of assessment with concrete meaning as a result of judicial discretion. The authors, identifying the features of the concepts of assessment in criminal law, analyzing the features of their cognition, come to the conclusion that judicial discretion occupies a special place in the formation and translation of the criminal law ideology.

Keywords: evaluative concepts, interpretation, methods, judicial discretion, individual legal consciousness, and criminal law ideology

For citation: Gorodnova O. N., Kirillov M. A. Interpretation of the evaluative concepts used in criminal law, as well as discretion in criminal law. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 142–152. (In Russ.).

Одним из наиболее эффективных инструментов, сочетающих в себе гибкость, динамичность и способность к внутренней адаптации, являются оценочные понятия. В отличие от строго формализованных юридических конструкций, оценочные категории обладают открытой структурой, позволяющей учитывать контекст конкретного деяния, степень общественной опасности, морально-этические нормы, религиозные убеждения и иные обстоятельства, значимые для правоприменения.

На сегодняшний день действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) содержит более 200 оценочных понятий — от таких общеупотребительных, как «значительный ущерб», до более специализированных формулировок вроде «особая жестокость», «необходимая оборона», «гуманизм». Такое широкое использование оценочных категорий подчеркивает их системообразующую роль в механизме уголовно-правового регулирования: они обеспечивают баланс между необходимостью точности закона и требованием его соответствия реальности, в которой не всегда возможно заранее предусмотреть все варианты поведения и его оценки.

Оценочные понятия выступают не просто техническим приемом, а важным элементом правовой культуры, позволяющим уголовному закону оставаться одновременно и стабильным, и отзывчивым к изменениям в обществе.

Вместе с тем следует признать, что, несмотря на многолетнее внимание юридической

науки к проблематике оценочных понятий, на сегодняшний день так и не достигнута полная ясность, однозначность и содержательная завершенность в их понимании. Отсутствие четких критериев их содержания и границ применения сохраняет эпистемологическую неопределенность, которая нередко становится причиной ошибок при толковании и реализации норм, содержащих оценочные категории.

Именно эта эпистемологическая неполнота, проявляющаяся как в недостаточной разработанности отдельных аспектов сущности и признаков уголовно-правовых оценочных понятий, так и в продолжающихся научных дискуссиях вокруг их функций и способов толкования, наряду с реальными правоприменительными ошибками, допускаемыми юристами на практике, подчеркивает настоятельную потребность в дальнейшем теоретическом изучении данного института.

В настоящей статье актуализирована задача не столько уточнения природы и признаков оценочных понятий в уголовном праве (в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все виды и особенности оценочных понятий как таковых и понятий, которые лишь предполагают конкретизированное в законе судебское усмотрение), сколько разработка практикоориентированных подходов к их толкованию и применению через призму уголовно-правовой идеологии. Авторы исследования озадачены поиском ответа на вопрос: «Являются ли оценочные понятия в уголовном праве одним из способов наполнения уголовного закона идеологическим смыслом?».

Говоря о толковании понятий, используемых и неконкретизированных, неопределенных в уголовном законе, необходимо определить, что представляют собой оценочные понятия, и вспомнить о субъектах, которые вправе осуществлять их толкование. От этого зависит уяснение сущности этих понятий. Кроме того, ответы на эти вопросы позволят выявить роль идейных ценностей для формирования уголовно-правовой идеологии, понять смысл современной уголовно-правовой идеологии.

Наивысшая эффективность уголовного законодательства достигается тогда, когда его нормы в полной мере отвечают потребностям общества, адекватно реагируя на сложные, многогранные и постоянно меняющиеся социальные процессы. Однако, учитывая динамичную природу общественных отношений и невозможность заранее предусмотреть все возможные жизненные коллизии, законодатель не в состоянии полностью формализовать весь спектр поведения, подлежащего уголовно-правовому регулированию.

В этих условиях одним из ключевых инструментов юридической техники становится использование оценочных понятий — категорий, содержание которых не фиксируется жестко в законе, а определяется с учетом конкретных обстоятельств дела, социального контекста и правоприменительной практики.

Академик В. Н. Кудрявцев, внесший значительный вклад в разработку теории квалификации преступлений, неоднократно обращался к проблеме толкования оценочных понятий в уголовном праве. В своих трудах он подчеркивал, что наполнение таких понятий конкретным содержанием напрямую зависит от уровня профессионального правосознания и глубины юридических знаний тех, кто непосредственно применяет нормы закона — судей, следователей, прокуроров [1, с. 143]. По его убеждению, оценочные категории не существуют в праве как абстрактные конструкции: их смысл формируется в процессе правоприменения и приобретает конкретику лишь тогда, когда интерпретатор, опираясь на устоявшиеся в профессиональном юридическом сообществе представления, соотносит общую формулировку закона с реальными обстоятельствами дела. Таким образом, именно правоприменитель выступает в роли «проводника» между нормативной неопределенностью и жизненной конкретикой, наделяя оценочные понятия юридически значимым содержанием в каждом индивидуальном случае.

М. И. Ковалев, в свою очередь, исходит из тезиса о том, что оценочными следует считать те юридические категории, которые выражают субъективную позицию интерпретатора — его взгляд на характер, степень и значимость тех или иных обстоятельств [2, с. 70]. Особое внимание он уделяет соотношению абстрактности описания деяния и конкретности указания его последствий, формулируя известную юридикотехническую максиму: «Чем абстрактнее описаны действия, тем конкретнее должны быть указаны последствия этих действий. И наоборот!» Эта формула получила широкое признание в научной среде и нередко рассматривается как универсальный принцип балансировки нормативных конструкций, содержащих оценочные элементы.

Сложно возразить академику В. Н. Кудрявцеву, который обращал внимание на отсутствие четкой терминологии, недостаточное единство в понимании категорий и понятий, что затрудняет противодействие преступности. По мнению ученого, представителям уголовно-правовой доктрины следует выработать единую терминологию по всем вопросам содержания и применения уголовного законодательства [3, с. 68]. К слову сказать, каждое оценочное понятие подлежит единообразной трактовке и толкованию одновременно и должностными лицами органов государственной (в том числе законодательной) власти, и отдельными учеными-исследователями, правоприменителями, обывателями.

Наиболее удачно, на наш взгляд, Н. В. Касияненко определила оценочно-правовое понятие как «...заимствованную юриспруденцией форму познания, имеющую дуалистическую сущность, которая проявляется через совокупность логико-гносеологических и правовых признаков, объективируемую в законодательстве посредством оценочного термина и конкретизируемую правоприменителем путем оценки в пределах, установленных законодателем» [4].

На наш взгляд, сама научная теория или разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые носят не только рекомендательный, но и обязательный характер, не просто могут определять, но и призваны выявлять сущность оценочных понятий. Р. У. Ахмедов обоснованно полагает, что оценочные признаки Уголовный закон называет, но не определяет, поэтому это делает правоприменитель на основе обязательных разъяснений, данных в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Одним из ключевых инструментов, предоставляющих судье возможность учета индивидуальных обстоятельств, выступают оценочные понятия, содержащиеся в нормах УК РФ или в уголовном праве в целом. Эти категории позволяют законодателю установить рамки для гибкого применения норм, учитывая специфику конкретных ситуаций и особенности личности обвиняемого, потерпевшего.

Судейское усмотрение представляет собой неотъемлемый элемент современной системы уголовного правосудия, без которого невозможно обеспечить индивидуальный подход к назначению наказания в каждом конкретном случае. Судейское усмотрение является проявлением индивидуального правосознания и инструментом уголовно-правовой идеологии. Данное явление обусловлено самой природой правоприменения, когда формальное соответствие деяния составу преступления должно дополняться учетом множества субъективных и объективных факторов, влияющих на степень общественной опасности совершенного деяния.

Для обеспечения единообразия в правоприменительной практике и предотвращения произвола в оценке оценочных понятий Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своих постановлениях устанавливает границы допустимого усмотрения судей. Как верно подмечают авторы Р. А. Сабитов, Т. Р. Сабитов, анализируя источники уголовного права, принимаемые Верховным Судом Российской Федерации прецедентные решения по уголовным делам касаются таких сложных вопросов правоприменения, как установление малозначительности деяния, определение возрастной невменяемости, добровольного отказа от доведения преступления до конца, необходимой обороны [5, с. 79]. Такие разъяснения выполняют важную роль в формировании устойчивой правоприменительной практики и повышении предсказуемости правоприменения. Правоприменитель, будь то должностное лицо или обычный гражданин, применяя, оценивая положения УК РФ, должен с целью верного толкования смысла и значения правовых предписаний ознакомиться с официальными разъяснениями, даваемыми различными органами власти.

Несмотря на значительное количество разъяснений, предоставленных высшей судебной инстанцией, остается ряд оценочных понятий и правовых категорий, которые не получили достаточной конкретизации со стороны Верховного Суда Российской Федерации и со стороны научной доктрины. Это создает определенные

трудности для судей при их применении и может приводить к неоднородности судебной практики в различных регионах страны, поэтому дальнейшее совершенствование разъяснительной практики Пленума Верховного Суда Российской Федерации в части оценочных понятий является актуальной задачей, направленной на обеспечение законности, справедливости и единообразия в применении уголовно-правовых норм.

Кто и как применяет нормы УК РФ? К субъектам толкования и применения правовых норм в силу уровня собственного правосознания относятся и лица, которые занимаются расследованием совершения преступления, и суды, и прокуратура, и деятели науки и обычные обыватели, поскольку различают и профессиональное, и обыденное толкование норм уголовного права (правосознание). Именно эти субъекты (идеологи), применяя Уголовный закон по собственному убеждению, анализируют неконкретизированные в законе понятия на практике с учетом объективных и субъективных факторов: обстановка принятия и применения Уголовного закона, обстоятельства совершенного преступления. Субъекты толкования не всегда способны на практике придать точность и конкретность оценочным толкуемым понятиям. Для разъяснения их сути они вынуждены прибегать к официальному (законодатель, Верховный Суд Российской Федерации) и неофициальному (доктринальному) толкованию норм уголовного законодательства. Таким образом, обязательно правоприменитель должен толковать и давать оценку понятиям. Это может сделать и исследователь, подготовивший комментарий к УК РФ, и тогда его идеи будут служить в качестве источника уголовно-правовой идеологии.

В зависимости от качества субъекта, который интерпретирует информацию, содержащуюся в оценочном понятии, выделяют официальное обязательное толкование, исходящее от должностных лиц органов власти. Оно делится на виды: нормативное и казуальное толкование. Нормативное носит всеобщий обязательный характер, казуальное распространяется на конкретный случай и применяется для разрешения конкретного конфликта. Нормативное делится на аутентичное (осуществляется нормотворцем) и легальное (носит подзаконный характер, осуществляется уполномоченным лицом).

В процессе интерпретации оценочных понятий в уголовном праве важно понимать, что право на конкретизацию и раскрытие содержания таких категорий не ограничивается

исключительно компетенцией правоприменителя. Любой субъект права — будь то участник правоотношений, исследователь, представитель общественности или государственный орган — обладает потенциальной возможностью интерпретировать оценочные понятия, внося свой вклад в их содержательное наполнение в ходе практического применения.

Неофициальное толкование делится на доктринальное, обыденное и профессиональное и не является общеобязательным, но имеет большое значение для уяснения смысла оценочных понятий.

В зависимости от предела интерпретационной оценки понятия выделяют бுவальное, распространительное (расширительное), ограничительное толкование.

Пределы интерпретационной оценки подобных понятий определяются не только нормативными правовыми актами, но и более широким кругом факторов. Во-первых, значительную роль играют описательные возможности естественного языка, поскольку оценочные понятия формируются через конкретные лексические единицы, каждая из которых обладает собственной семантической нагрузкой, многозначностью и контекстуальной вариативностью. Эти языковые особенности создают определенное пространство для интерпретации, которое должно оставаться в рамках, не противоречащих нормам права.

Во-вторых, существенную роль в определении границ интерпретации играют внеправовые основания оценки, включающие в себя социальные стандарты, моральные эталоны, культурные традиции, идеи и иные догмы, существующие в обществе. Эти внеправовые критерии оценки формируют дополнительный контекст, в котором происходит осмысление оценочных понятий, и одновременно создаются определенные ограничения, обусловленные общепринятыми представлениями о допустимом и недопустимом поведении.

Интерпретация оценочных понятий в уголовном праве представляет собой сложный многоуровневый процесс, в котором пересекаются правовые, лингвистические и социокультурные аспекты. При этом важно сохранять баланс между необходимой определенностью правовых понятий и гибкостью их применения, обеспечивая одновременно и защиту прав граждан, и эффективность правоприменения.

А. В. Наумов в своих научных трудах рассматривает использование оценочных понятий в уголовном законодательстве как инструмент,

позволяющий обеспечить гибкость правоприменения [6]. По мнению автора, законодатель включает такие понятия в текст УК РФ с целью предоставления суду возможности максимально учитывать специфику конкретных уголовных дел и адаптировать правоприменение к меняющимся социально-экономическим условиям современного общества.

А. В. Наумов отмечает, что оценочные понятия выполняют важную функцию в обеспечении индивидуализации правосудия, позволяя учитывать не только формальные признаки преступления, но и его качественные характеристики, степень общественной опасности, мотивы совершения деяния и другие значимые обстоятельства.

Вместе с тем, признавая необходимость использования оценочных категорий, А. В. Наумов предлагает минимизировать риски их некорректной трактовки путем более детальной расшифровки содержания этих понятий непосредственно в тексте УК РФ. Такой подход позволит сохранить гибкость правоприменения, одновременно обеспечивая большую определенность и предсказуемость судебной практики. Позиция А. В. Наумова свидетельствует о необходимости баланса между юридической техникой законодательства и практическими потребностями правоприменения, что особенно важно в сфере уголовного права, где от правильности квалификации деяния зависят судьбы людей.

Аксиологическая детерминация оценочных понятий в уголовном праве представляет собой фундаментальный механизм, через который ценностные ориентиры общества трансформируются в правовые нормы и предписания. Этот процесс демонстрирует, что действие Уголовного закона не является абстрактно-формальным, а напрямую обусловлено системой идей, ценностных установок, принятых в конкретном обществе. Примером служит такое оценочное понятие, как «развратные действия» (ч. 1 ст. 135 УК РФ), содержание которого не может быть понято, а дефиниция применена вне контекста моральных и культурных ценностей определенной исторической эпохи и социальной среды.

Оценка уголовно-правовых норм и предписаний носит многогранный характер, поскольку детерминируется не только обыденным положением дел в обществе, его устоями и господствующим образом мыслей, но и субъективными факторами — интересами, стремлениями и насущными потребностями общества, которое не только применяет, но и активно толкует законы.

Это означает, что правоприменительная практика неотделима от ценностного контекста, в котором она осуществляется, а процесс интерпретации норм всегда сопровождается аксиологическим осмыслением.

В акте оценки происходит сложный познавательный процесс, связанный с осознанием ценностных свойств того или иного явления, действия или состояния. В рамках этого процесса выясняется значимость исследуемого объекта для конкретного субъекта — будь то отдельная личность, социальная группа или все общество в целом. Одновременно определяется степень и характер способности данного объекта удовлетворять потребности и интересы этого субъекта, что в конечном счете формирует основу для юридической квалификации и правовой оценки.

Говоря о дефиниции «оценочное понятие в уголовном праве», следует выделить его признаки-функции: опосредованно закреплено в уголовном законе или теории уголовного права, судебной доктрине в качестве юридической абстракции; поддается осмыслению и толкованию; трактуется на основе уголовно-правовой идеологии, формируя в ходе судебного усмотрения ее саму; является разновидностью форм познания; призвано адаптировать правоприменение к меняющимся социально-экономическим условиям современного общества и сохранить гибкость правоприменения в зависимости от форм проявления понятийно обозначаемых объектов; способствует индивидуальному правосознанию; подлежит толкованию в зависимости от правовой ситуации на основе идей уголовного права; является результатом отсутствия конкретной абсолютно определенной уголовно-правовой дефиниции, указывающей на условия использования; позволяет оптимизировать текст уголовного закона, не превращая его в учебное пособие.

По мнению ученого Д. Р. Касимова, чье диссертационное исследование посвящено глубокому анализу классификационных признаков оценочных понятий, интерпретационное познание оценочных понятий уголовного права в советском прошлом происходило через идеи, ценности, эталоны конкретной идеологии [7, с. 46]. Это было возможным лишь в советский период развития уголовного права, когда эталоны были результатом идеологии охраны и провозглашения власти народа. На наш взгляд, это возможно и в современных условиях развития уголовно-правовой идеологии провозглашения защиты прав личности, общества и государства, иначе

почему же оценка интерпретатором того или иного понятия склонна меняться, трансформироваться в зависимости от условий применения Уголовного закона и результатов уголовно-правовой политики, смены уголовно-правовой идеологии? На наш взгляд, уголовное (уголовно-правовое) правосознание (индивидуальное или общественное), сформированное на теоретическом уровне, — это и есть уголовно-правовая идеология, которая, как и любая оценка, не может быть константной, исключительно формально-юридической — только лишь правовой. Для трактовки и применения оценочных понятий большое значение приобретает аксиология — наука о ценностном предназначении познания. На наш взгляд, уголовно-правовую идеологию нужно рассматривать как симбиоз ценностных установок различных социальных групп, выраженную не только в нормах УК РФ, но и в результатах официального судебного толкования и в разъяснениях законодателя Уголовного закона.

Идеология, понимаемая как система ценностных установок, убеждений и представлений о справедливости, добре и зле, неотделима от правосознания — внутреннего духовного фундамента, на котором строится восприятие и применение права. В контексте уголовного права идеология выступает не как политическая доктрина, а как нормативно-ценностная основа, определяющая, какие формы поведения заслуживают уголовного осуждения, а какие — прощения или даже оправдания. Именно через призму этой идеологии формируется отношение к таким ключевым категориям, как вина, наказание, гуманизм, справедливость, общественная опасность.

Толкование оценочных понятий — сложная познавательно-оценочная деятельность на основе системности. Системность предполагает анализ не только самого понятия, но и конкретизирующие его нормы права, которые содержат рассматриваемое понятие.

Способы толкования — приемы, методы, которые основаны на уяснении субъектом познания смысла и предназначения законодательной нормы или ее отдельной дефиниции путем логической и функциональной деятельности на основе не только правовых знаний, но и общественных ценностей, идей.

В современной юридической науке сложилась достаточно развернутая система способов толкования правовых норм, которая приобретает особую значимость при интерпретации оценочных понятий, требующих не формального,

а содержательного понимания. При этом интерпретатор (толкователь) использует не один, а несколько способов толкования оценочных понятий с целью достижения справедливости правоприменения.

Языковой способ толкования выступает главным познавательным инструментом любой информации, не только уголовно-правовой. Он предполагает определение значения оценочных понятий через анализ их лексического содержания, семантики и языковых связей. При применении к оценочным категориям этот способ позволяет выявить общепринятое понимание терминов в рамках русского языка и установить их базовое содержание, что служит отправной точкой для дальнейшей интерпретации.

Характерным примером применения языкового способа толкования в уголовном праве является интерпретация оценочного понятия «жестокое обращение» с животными, предусмотренного статьей 245 УК РФ.

При языковом толковании данного понятия суд обращается к лексическому значению составляющих его слов в рамках русского языка. Слово «жестокый» означает бесчеловечный, безжалостный, причиняющий сильную физическую или моральную боль. Глагол «обращаться» указывает на характер взаимодействия с объектом.

Языковой анализ показывает, что жестокое обращение предполагает не просто небрежное отношение, а именно такое поведение, которое сопряжено с намеренным причинением страданий животному. Это может включать физическое насилие, истязание, создание условий, грозящих гибелью или серьезным вредом здоровью животного.

При языковом толковании учитываются также синонимы и контекст употребления термина в нормативном тексте. Например, понятие «жестокое обращение» логически противопоставляется гуманному содержанию животных. Языковое толкование оценочного понятия «жестокое обращение» позволяет определить его ядро через общепринятое понимание составляющих термин слов, что служит основой для последующего применения специальных юридических и систематических способов интерпретации.

Мышление невозможно без языковых форм восприятия информации. Комплементарным способом толкования по отношению к языковому является логическое толкование оценочных понятий. Логический способ основывается на использовании формально-логических методов

анализа, позволяя выявить внутренние противоречия и установить логические связи между различными нормами. При толковании оценочных понятий логический способ способствует минимизации противоречий в их применении и обеспечивает внутреннюю согласованность правового регулирования.

Примером применения логического способа толкования в уголовном праве может служить интерпретация оценочного понятия «особо крупный размер» ущерба, предусмотренного частью 4 статьи 158 УК РФ (кража в особо крупном размере).

При логическом толковании данного понятия посредством собственного правосознания суд должен руководствоваться принципами формальной логики и внутренней согласованности уголовного законодательства. Так, часть 1 статьи 158 УК РФ устанавливает базовую квалификацию кражи, части 2 и 3 — разные квалифицирующие признаки, в частности с причинением значительного ущерба гражданину и кражу в крупном размере.

Логический анализ показывает, что понятие «особо крупный размер» ущерба должно быть качественно отличным от «крупного размера» и количественно превышать его. Если крупный размер ущерба определен законодателем в размере более 250 тыс. рублей, то логически «особо крупный размер» должен быть установлен на существенно более высоком уровне, а именно 1 млн рублей (ч. 4 примечания к ст. 158 УК РФ).

Логическое толкование оценочного понятия «особо крупный размер» позволяет не только определить его содержание, но и обеспечить внутреннюю согласованность норм уголовного закона, исключить противоречия и добиться справедливой квалификации деяния в зависимости от степени общественной опасности содеянного.

Исторический (историко-политический) способ толкования предполагает при трактовке оценочных понятий изучение законодательных материалов, справок, докладных записок и других документов, сопровождавших принятие нормы, которая содержит познаваемое понятие. При интерпретации оценочных понятий данный способ позволяет понять реальные цели и задачи законодателя, а также исторический контекст, в котором возникла та или иная оценочная категория.

Примером применения исторического способа толкования является интерпретация оценочного понятия «по мотивам политической,

идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», которое содержится в различных статьях Уголовного кодекса, включая пункт «л» части 2 статьи 105 УК РФ, пункт «е» части 2 статьи 111 УК РФ, пункт «е» части 2 статьи 112 УК РФ и других.

Историческое толкование оценочного понятия «мотивы политической ненависти или вражды» демонстрирует, как изменение политической обстановки и государственной политики влияет на содержание и применение норм Уголовного закона, что требует учета исторического контекста при их интерпретации. Понятие «мотивы политической ненависти или вражды» не может быть оторвано от конкретного исторического периода и политической ситуации в стране. Например, в условиях усиления государственного суверенитета понятие стало трактоваться с учетом необходимости защиты национальных интересов. Под политической ненавистью или враждой доктрина рекомендует понимать негативное отношение виновного к лицам, участвующим в процессе организации и осуществления власти в государстве, регионе или муниципальном образовании [8]. Без анализа современной политической власти невозможно трактовать рассматриваемые мотивы и доказывать их наличие.

Системный способ толкования опосредует рассмотрение оценочных понятий в их взаимосвязи с другими нормами и институтами правовой системы, а также доктринальными концепциями. Этот подход позволяет избежать изолированного понимания оценочных категорий и обеспечивает их согласованное применение в рамках всей системы уголовного права и законодательства.

Например, объективную сторону состава изнасилования (ст. 131 УК РФ) можно познавательно интерпретировать только путем сравнения рассматриваемого состава преступления с насильственными действиями сексуального характера (ст. 132 УК РФ).

Примером применения системного способа толкования является интерпретация оценочного понятия «изнасилование группой лиц» (групповое изнасилование) (п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ), в контексте всей системы норм, регулирующих сексуальные преступления против личности.

При систематическом толковании данного понятия суд должен рассмотреть его в тесной взаимосвязи с другими нормами УК РФ. Во-первых, понятие «групповое» должно соотноситься с

аналогичными квалифицирующими признаками в других статьях, например при квалификации убийства, разбоя или других тяжких преступлений, совершенных группой лиц.

Системный анализ показывает, что в разных статьях УК РФ понятие «групповое» трактуется единообразно (здесь же «подключается» доктрина в части акцессорной и самостоятельной природы соучастия) — как совершение умышленного преступления минимум двумя лицами (соисполнителями преступления), поэтому при толковании «группового изнасилования» нельзя придавать ему иное содержание, отличное от установленного в законе и судебной практике.

Кроме того, системное толкование требует учета положений статьи 32 УК РФ (соучастие), которая устанавливает общие принципы участия в преступлении, исключает неосторожное сопричинение. Понятие «групповое изнасилование» должно соотноситься с категориями соисполнителей. В системе норм о преступлениях против личности понятие «групповое» выступает как отягчающее обстоятельство, значительно повышающее степень общественной опасности деяния. Это подтверждается сопоставлением санкций: если простое изнасилование без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 131 УК РФ) предусматривает наказание до 6 лет лишения свободы, то групповое изнасилование (п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ) — от 4 до 10 лет.

Согласно трактовке Верховного Суда Российской Федерации изнасилованием, совершенным группой лиц (группой лиц по предварительному сговору, организованной группой), должны признаваться не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственное половое сношение, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшей или другим лицам. При этом действия лиц, лично не участвующих в совершении насильственного полового сношения, но путем применения насилия или угроз содействовавших другим лицам в совершении преступления, следует квалифицировать как соисполнительство в совершении изнасилования [9].

Функциональный способ толкования предполагает анализ социальной, аксиологической (ценностной) функции оценочных понятий и их роли в регулировании общественных отношений. При применении к оценочным категориям данный способ позволяет определить их практическую направленность и социальную значимость, что особенно важно для понимания их содержания.

Примером применения функционального способа толкования является интерпретация оценочного понятия «особо опасный рецидив», предусмотренного в части 3 статьи 18 УК РФ.

При функциональном толковании данного понятия основное внимание уделяется его социальной функции и роли в системе уголовного правосудия. Понятие «особо опасный рецидив» выполняет несколько ключевых функций: прогностическая функция позволяет суду предвидеть высокую вероятность повторного совершения тяжких преступлений субъектом. Это основывается на анализе характера предыдущих деяний и их тенденции к повторению. Защитная функция направлена на усиленную защиту общественных отношений путем применения более строгих мер наказания к лицам, представляющим повышенную опасность для общества (рецидивистам). Превентивная функция служит средством индивидуального и общего предупреждения преступлений, демонстрируя обществу, что повторные тяжкие, особо тяжкие преступления будут караться наиболее строго.

Функциональный анализ показывает, что понятие «особо опасный рецидив» не просто констатирует факт повторности преступлений, а выполняет сложную регулятивную функцию в системе борьбы с профессиональной преступностью. Функциональное толкование рассматриваемого оценочного понятия позволяет понять его социальную значимость и практическую направленность, что способствует более точному и справедливому применению данной нормы в судебной практике.

Специально-юридический (техничко-юридический) способ толкования основывается на использовании специфических юридических методов и приемов, включая анализ судебной практики, правоприменительной практики и разъяснений высших судебных инстанций. Этот способ особенно важен при толковании оценочных понятий, поскольку позволяет выявить устойчивые подходы к их применению и обеспечить единообразие правоприменения.

Примером применения специально-юридического способа толкования является интерпретация оценочного понятия «крупный размер» ущерба, используемого в различных статьях Особенной части УК РФ (например, ст. 158, ч. 6 ст. 159, 165 и др.). Техничко-юридический подход предполагает анализ законодательной техники использования термина. Понятие «крупный размер» в разных статьях может иметь различные количественные характеристики, что объясняется

различной степенью общественной опасности соответствующих преступлений.

При специально-юридическом толковании данного понятия суд опирается на специфические юридические методы и технику правового регулирования. Во-первых, анализируется содержание примечаний к разным статьям УК РФ, в которых законодатель установил конкретные денежные эквиваленты для разных видов преступлений. Например для кражи, как и для причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 168 УК РФ), крупный размер ущерба определен в сумме более 250 тыс. рублей (ч. 4 примечания к ст. 158 УК РФ), для мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, крупным размером признается стоимость имущества, превышающая 4 млн 500 тыс. рублей (примечание 1 к ст. 159 УК РФ).

Телеологический (целевой) способ предполагает толкование оценочных понятий, исходя из целей и задач, которые преследует норма. При этом оценочные категории интерпретируются в свете общих принципов уголовного законодательства, что позволяет достичь наиболее справедливого результата в каждом конкретном случае.

При телеологическом толковании понятия «психическое расстройство, не исключающее вменяемости» (ч. 2 ст. 22 УК РФ), основное внимание уделяется целям и задачам, которые преследует норма. Цель данной правовой конструкции двойственна: с одной стороны, это защита общества от лиц, представляющих опасность из-за психического расстройства, с другой — медицинская и социальная помощь таким лицам.

Телеологический анализ показывает, что рассматриваемое понятие должно быть истолковано в свете принципов гуманности и медицинской этики, заложенных в основе уголовного законодательства. Оно не может быть синонимом любой формы психического расстройства, а должно охватывать только те состояния, которые не исключают вменяемости. В данном случае телеологическое толкование оценочного понятия позволяет интерпретировать его в свете гуманитарных целей Уголовного закона, обеспечивая баланс между защитой общества и правами человека, что особенно важно в сфере уголовного права.

Этапы толкования условно принято делить на уяснение и разъяснение толкуемого понятия, по-другому познание сущности понятия и

доведение результата познания применительно к конкретной ситуации или в целом, например в образовательных, научных целях.

Отличительной особенностью уяснения является его внутренний характер. Осмысливаемый текст становится предметом личного сознания интерпретатора и не существует объективно вне его сознания на каких-либо материальных носителях.

Разъяснение выступает как посткогнитивная деятельность интерпретатора, направленная на доведение содержания понятия до сведения.

Уяснение и разъяснение составляют целостный процесс толкования, где первая стадия обеспечивает содержательную основу, а вторая — коммуникативную реализацию полученных знаний.

Таким образом, в ходе исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Оценочные понятия в уголовном праве, например, такие как «особая жестокость», «малозначительность деяния», «общественная опасность», «военная необходимость» и другие, выступают механизмом наполнения уголовного закона идеологическим содержанием. Лишенные строгой формальной определенности, они открывают возможность для гибкой адаптации нормы к меняющимся социальным, этическим и культурным реалиям. Однако эта гибкость одновременно делает их «точками входа» для идеологических установок: через толкование таких понятий в судебной практике формируются доминирующие в обществе представления о том, что считать жестоким, опасным, допустимым или недопустимым.

2. К признакам оценочных понятий в уголовном праве относятся:

— отсутствие четкой конкретизации в тексте уголовного закона или ином нормативном правовом акте, что делает их содержание открытым для интерпретации;

— возможность определения их смысла правоприменителем с учетом специфики конкретного дела, его социального, морального и правового контекста;

— наличие у правоприменителя относительной свободы усмотрения при установлении содержания оценочного понятия, ограниченной рамками закона, судебной практики и принципами права;

— ориентированность не на описание предмета как такового, а на отражение его качественных характеристик, свойств или связей, то есть на выражение степени, интенсивности, значимости или иных оценочных параметров.

3. Содержание, структура, логико-языковые характеристики и функциональная роль каждого оценочного понятия определяются не произвольно, а в соответствии с объективными закономерностями, обусловленными:

— характером и спецификой общественных отношений, подлежащих уголовно-правовому регулированию;

— смысловым контекстом конкретной нормы УК РФ;

— местом и значением оценочного элемента в общем механизме правового регулирования — как на уровне отдельной статьи, так и в системе уголовного закона в целом.

4. Оценочные понятия выступают не как случайные или технические термины в тексте закона, а как осмысленные инструменты, позволяющие обеспечить гибкость, адаптивность и справедливость уголовно-правового воздействия в условиях неизбежной сложности и изменчивости социальной реальности.

Оценочные понятия следует рассматривать как носители определенного идеологического смысла. Такой взгляд исходит из понимания того, что право никогда не существует в идеологической вакууме: оно формируется, толкуется и применяется в конкретном социально-политическом и ценностном контексте.

5. Идеология, будучи системой взглядов, убеждений и ценностных установок, пронизывает правосознание — как индивидуальное, так и общественное. Поскольку оценочные понятия по своей природе требуют от правоприменителя не просто формального сопоставления факта с нормой, а содержательной оценки обстоятельств дела, их интерпретация неизбежно опирается на доминирующие в обществе или у конкретного субъекта правопорядка идеологические установки, например такие категории, как «общественная опасность», «хулиганские побуждения» не могут быть наполнены содержанием без обращения к ценностным ориентирам, которые, в свою очередь, формируются под влиянием господствующей современной идеологии.

6. Особое место в формировании и трансляции уголовно-правовой идеологии занимает судебское усмотрение. Будучи не просто техническим инструментом применения закона, оно представляет собой акт ценностного выбора, в ходе которого судья, сознательно или бессознательно, опирается на определенную систему моральных и правовых ориентиров. В условиях, когда закон предоставляет пространство для интерпретации — особенно при наличии оценочных

понятий, — именно судебское усмотрение становится практическим источником уголовно-правовой идеологии, воплощая в конкретных решениях те или иные взгляды на сущность преступления, меру ответственности и цели наказания.

Список источников

1. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. Москва, 1972. С 143. URL: <https://7ref.ru/torolo/heropp> (дата обращения: 01.09.2025).
2. Ковалев М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 70–75.
3. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрист, 1999. 800 с.
4. Касияненко Н. В. Оценочно-правовые понятия в нормотворчестве и правореализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2022. 20 с.
5. Сабитов Р. А., Сабитов Т. Р. Источники уголовного права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 296 с.
6. Наумов А. В. Пути реформирования российского уголовного законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 3–11.
7. Касимов Д. Р. Теоретико-прикладные аспекты оценочных понятий в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 146.
8. Таюрская Е. А. Политическая, идеологическая, национальная, расовая, религиозная ненависть или вражда как мотивы совершения преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2009. № 3 (50). С. 21–26.
9. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 года

№ 16. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 12.10.2025).

References

1. Kudryavtsev V. N. General Theory of Crime Qualification. Moscow, 1972. P. 143. URL: <https://7ref.ru/torolo/heropp> (accessed 01.09.2025). (In Russ.).
2. Kovalev M. I. Optimal Ratio of Formal and Evaluative in Criminal Law. *Soviet State and Law*, 1973, no. 11, pp. 70–75. (In Russ.).
3. Kudryavtsev V. N. General Theory of Crime Qualification. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Jurist, 1999. 800 p. (In Russ.).
4. Kasiyanenko N. V. Evaluation-Legal Concepts in Rulemaking and Law Enforcement. Author's abstract... candidate of legal sciences. Minsk, 2022. 20 p. (In Russ.).
5. Sabitov R. A., Sabitov T. R. Sources of Criminal Law. Moscow: Yurilitinform Publ. House, 2025. 296 p. (In Russ.).
6. Naumov A. V. Ways to Reform Russian Criminal Legislation. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2013, no. 10, pp. 3–11. (In Russ.).
7. Kasimov D. R. Theoretical and Applied Aspects of Evaluation Concepts in Criminal Law. Dissertation... candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2024. p. 146. (In Russ.).
8. Tayurskaya E. A. Political, Ideological, National, Racial, Religious Hatred or Enmity as Motives for Committing a Crime. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 3 (50), pp. 21–26. (In Russ.).
9. On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 16 of December 4, 2014. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (accessed 12.10.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

О. Н. Городнова — кандидат юридических наук, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации;

М. А. Кириллов — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Information about the authors

O. N. Gorodnova — Candidate of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation;

M. A. Kirillov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal and Criminal-Executive Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343.1

Пределы полномочий органов расследования при работе с сообщениями о преступлениях частного обвинения

Гриценко Татьяна Викторовна¹, Джагарян Наталья Владимировна², Кузьмин Михаил Николаевич^{3, 4}

¹Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Россия, kazmenkova78@mail.ru;

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, ndjagaryan@yandex.ru;

³Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, mihail_kuzmin@mail.ru.;

⁴Ростовский институт защиты предпринимательства, Ростов-на-Дону, Россия.

Аннотация. Учитывая, что преимущественно с сообщениями о преступлениях частного обвинения граждане обращаются не в суд, как это предписывает Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а в органы предварительного расследования, ошибки, допускаемые последними при работе с такими сообщениями, способствуют формированию негативной оценки самого порядка частного обвинения. Из содержания отобранных методом случайной выборки 40 приговоров, постановленных судами Российской Федерации по делам частного обвинения в 2020–2025 годах, следует, что последними вопросы законности/незаконности, осуществляемой органами предварительного расследования, трансформации частного порядка обвинения в публичное при возбуждении уголовных дел не исследуются. Вместе с тем необоснованно осуществляемый переход к публичному обвинению сообразно действующему законодательству влечет нарушение прав сторон частного уголовно-правового конфликта: следствием такого перехода становится невозможность прекратить уголовное преследование волей потерпевшего. Для снижения остроты данной проблемы следует пересмотреть законодательно оформленные подходы к правовым последствиям перехода к публичному порядку обвинения. Отсутствие возможности примириться должно быть следствием исключительно установленной неспособности потерпевшего защищать свои права и законные интересы. Практика принятия органами расследования необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовных дел (при отсутствии обстоятельств, меняющих характер обвинения с частного на публичный) не может быть искоренена без внесения соответствующих коррективов в закон: основания отказа в возбуждении уголовного дела органом расследования должны быть нормативно закреплены. В статье обосновывается, что такими основаниями должны быть обстоятельства, указанные в пунктах 1, 5 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: частное обвинение, орган расследования, сообщение о преступлении

Для цитирования: Гриценко Т. В., Джагарян Н. В., Кузьмин М. Н. Пределы полномочий органов расследования при работе с сообщениями о преступлениях частного обвинения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 153–159.

© Гриценко Т. В., Джагарян Н. В., Кузьмин М. Н., 2025

Original article

The Limits of the investigative authorities' powers when dealing with reports of private crimes

Tatyana V. Gritsenko¹, Natalya V. Dzhangaryan², Mikhail N. Kuzmin^{3, 4}

¹Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation, kazmenkova78@mail.ru;

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, ndjagaryan@yandex.ru;

³Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation, mihail_kuzmin@mail.ru.

⁴Rostov Institute for Entrepreneurship Protection, Rostov-on-Don, Russian Federation.

Abstract. Given that mostly citizens do not go to court with reports of crimes of private prosecution, as prescribed by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, but to the bodies of preliminary investigation, the mistakes made by the latter when dealing with such reports contribute to the formation of a negative assessment of the very order of private prosecution. From the content of 40 sentences randomly selected by the courts of the Russian Federation in cases of private prosecution in 2020–2025, it follows that the latter do not investigate the legality/illegality of the transformation of the private prosecution procedure into a public one when initiating criminal cases. At the same time, an unjustified transition to public prosecution, in accordance with current legislation, entails a violation of the rights of the parties to a private criminal conflict: the consequence of such a transition is the inability to terminate criminal prosecution by the will of the victim. To reduce the severity of this problem, it is necessary to review the legislatively formulated approaches to the legal consequences of the transition to public prosecution. The lack of an opportunity to reconcile should be the result of an exclusively established inability of the victim to defend his rights and legitimate interests. The practice of investigating authorities making unjustified decisions to refuse to institute criminal proceedings (in the absence of circumstances changing the nature of the charge from private to public) cannot be eradicated without making appropriate adjustments to the law: the grounds for refusing to initiate criminal proceedings by the investigating authority must be legally fixed. The paper substantiates that such grounds should be the circumstances specified in paragraphs 1, 5, part 1, Article 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: private prosecution, investigative body, crime report

For citation: Gritsenko T. V., Dzhangaryan N. V., Kuzmin M. N. The Limits of the investigative authorities' powers when dealing with reports of private crimes. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 153–159. (In Russ.).

Уголовные дела частного обвинения возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд (ч. 1 ст. 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)). Из этого правила есть исключения, оговоренные в законе. Согласно части 4 статьи 20 и части 1.2 статьи 319 УПК РФ органы предварительного расследования уполномочены возбуждать указанные дела в порядке, свойственном делам публичного обвинения, при установлении ими:

а) неспособности потерпевшего защищать свои права и законные интересы;

б) совершения преступления лицом, данные о котором не известны;

в) относимости предположительно виновного к категории лиц, перечисленных в пункте 2 части 1 статьи 147 УПК РФ (сенаторы Российской Федерации, депутаты Государственной Думы Российской Федерации, судьи Российской Федерации и прочие).

Во всех остальных случаях поступления сообщения о преступлении частного обвинения в орган расследования последний должен принять меры к его незамедлительной регистрации, проверке в соответствии со статьями 144, 145 УПК РФ и передаче в суд. Обязательность данных действий подчеркивалась Конституционным Судом Российской Федерации [1].

Несмотря на то, что работа органов расследования с сообщениями о преступлениях частного обвинения и принятие по ее итогам каких-либо процессуальных решений законодателем описываются как неординарные случаи, практика складывается строго наоборот. В исследованиях последних лет отмечается, что потерпевшие в основном с заявлениями о таких преступлениях обращаются не в суд, а в органы расследования: по данным А. И. Петрушина — в 95 % [2, с. 131], по данным А. А. Барыгиной, дела о таких преступлениях и возбуждаются данными органами [3]. При этом как учеными, так и практиками справедливо указывается на

пробельность, противоречивость в регулировании вопросов о пределах полномочий органов расследования по поступающим им сообщениям о преступлениях частного обвинения [4, с. 222]. В результате органами расследования по итогам работы с такими сообщениями допускаются типичные ошибки.

1. Необоснованное возбуждение уголовного дела и производство дознания в отсутствие обстоятельств, требующих перехода от частного к публичному характеру обвинения [3; 5].

В качестве иллюстрации приведем выдержку из показательного для таких дел судебного решения. Из показаний потерпевшей, оглашенных в судебном заседании, по уголовному делу, возбужденному по части 1 статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) органом дознания «она проживает с мужем Р. ... ДД.ММ.ГГГГ к ним приехали сотрудники полиции и увидели у нее синяк в области глаза. ДД.ММ.ГГГГ она обратилась в ЦРБ, так как у нее болел глаз, в больнице она пояснила, что упала и ударилась. Ей позже провели судебно-медицинскую экспертизу, где было установлено, что у нее кровоподтек области орбиты правого глаза, вред здоровью не причинен. У эксперта она пояснила, что упала и ударилась бровью о косяк, это так и было...» [6].

Как следует из показаний потерпевшей в приведенном фрагменте приговора, с заявлением о преступлении в органы дознания она не обращалась. Давая показания на предварительном расследовании, она сообщила также, что «...Р. извинился перед ней, загладил свою вину перед нею тем, что передал денежные средства в размере 2 000 рублей <...> она его простила...» [6]. В тексте приговора нет каких-либо оговорок о том, что потерпевшая не может «защищать свои права и законные интересы», обвиняемый — ее супруг, соответственно, меры по установлению его личности не требовались.

Проведенный без учета норм УПК РФ переход к публичному порядку производства в данном случае привел к нарушению прав участников конфликта: она, желая примириться, не могла повлиять на итог «правосудия»: гражданин Р. был осужден. Механизм исправления в судебном разбирательстве допущенной органом расследования ошибки в части необоснованного перехода к публичному обвинению законом не предусмотрен.

2. Необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела, допускаемый органами расследования также без учета правил перехода от обвинения частного к публичному, в том числе

как наряду, так и вместо постановления о передаче сообщения в суд. А. И. Петрушиным такие ошибки отмечены в 21 из 100 изученных им уголовных дел о рассматриваемых преступлениях [2]. Специалисты связывают их распространенность с противоречивостью правового регулирования, сообразно которому прямой запрет органам расследования отказывать в возбуждении уголовного дела в УПК РФ отсутствует. При этом порядок действий по передаче органом расследования, принятию судом материалов проверки по сообщению о преступлении в законе не прописан, а Конституционным Судом Российской Федерации постановление об отказе в возбуждении уголовного дела исключено из числа возможных решений по итогам проверочных мероприятий [1].

Согласно изложенному целью настоящей статьи является определение алгоритма действий и пределов полномочий органов предварительного расследования в части принимаемых ими решений по итогам проверки сообщений о преступлениях частного обвинения как при наличии, так и при отсутствии оснований для перехода от частного к публичному характеру обвинения.

Для возбуждения уголовного дела о преступлении частного обвинения органом расследования требуется один из поводов, указанных в пунктах 1–4 части 1 статьи 140 УПК РФ, — установление признаков соответствующего деликта наряду с обстоятельствами (одного из них), требующими публичного порядка производства по делу. Если у потерпевшего будет выявлено в судебном разбирательстве отсутствие способности защищать свои права, то судебное разбирательство должно быть продолжено, но с привлечением прокурора.

Поскольку в защиту прав потерпевшего привлекается прокурор, то характер обвинения трансформируется из частного в публичное. Сообразно действующему правовому регулированию можно говорить лишь о неполной трансформации применительно к рассматриваемому случаю, поскольку из системного толкования норм части 8 и части 4 статьи 318 УПК РФ следует допустимость разрешения конфликта примирением сторон. Диссонансным представляется то, что сохранение такой возможности законодатель предусмотрел исключительно для случаев перехода от частного к публичному обвинению, связанному с неспособностью потерпевшим самостоятельно защищать свои права. При установлении одного из двух других условий, меняющих характер обвинения с частного

на публичный, неизвестности потерпевшему сведений о личности предположительно виновного лица и (или) принадлежности последнего к лицам, перечисленным в статье 447 УПК РФ, характерно примирение и прекращение уголовного преследования как специфического именно для дел частного обвинения. Итог разрешения дела исключается.

П. М. Титов в своем исследовании верно обосновывает позицию о том, что полная трансформация обвинения из частного в публичное, когда примирение допускается исключительно в соответствии с нормой статьи 25 УПК РФ, должна происходить именно в случаях неспособности потерпевшего самостоятельно защищать свои права. «С учетом невозможности потерпевшего самостоятельно отстаивать свои права и интересы, примирение будет носить заведомо фиктивный характер» [7, с. 140], — с этим аргументом ученого сложно не согласиться. В то же время внедрение публичных начал в изначально частное обвинение, когда устанавливается, что потерпевшему требуется помощь уполномоченных органов и должностных лиц в установлении личности виновного в совершении преступления или становится известно о принадлежности последнего к лицам, наделенным иммунитетом от уголовного преследования, никак не связано с неспособностью лица выполнять функцию обвинения и распоряжаться правом на примирение со своим «обидчиком».

Излишней в этой же связи видится норма, обязывающая органы предварительного расследования инициировать уголовное преследование по делу частного обвинения в отношении лица, неизвестного пострадавшему независимо от воли последнего. Чем объясняется такой дифференцированный подход к определению вида уголовного преследования по критерию известности или неизвестности потерпевшему виновного лица при прочих равных условиях? Полагаем, что в таких случаях инициация уголовного преследования исключительно по воле самого потерпевшего должна сохраняться.

Факт неизвестности потерпевшему своего «обидчика» законом включен в категорию «иные причины неспособности его защищать свои права и интересы», и это представляется спорным. У потерпевшего всего лишь отсутствуют соответствующие процессуальные возможности по установлению лиц, причастных к совершению преступления, и ему требуется помощь соответствующих государственных органов, наделенных такими полномочиями. В остальном потерпевший не имеет каких-либо

ограничений, препятствующих реализации им функции частного обвинения. В. Г. Степанова изначально появление рассматриваемой нормы оценивала как «излишнюю степень вмешательства государственных органов в сферу частных интересов граждан» [8, с. 106].

Установление любого из рассмотренных выше обстоятельств влечет изменение характера обвинения: привносятся элементы публичности. При этом степень изменений должна зависеть как от конкретного обстоятельства, лежащего в их основе, так и от этапа судопроизводства, на котором оно устанавливается.

Полная трансформация частного обвинения в публичное, по мнению авторов, должна происходить в том случае, если неспособность потерпевшего самостоятельно защищать свои права будет установлена органом расследования при получении сообщения о преступлении частного обвинения. В данной ситуации черты частного уголовного преследования, включая возможность примирения волею сторон, должны стираться полностью. В остальных случаях характер обвинения должен сочетать элементы диспозитивности и публичности:

— если неспособность потерпевшего защищать свои права обнаружена в стадии судебного разбирательства, то в данном случае предварительное расследование необязательно, но потерпевший не должен наделяться правом собственным волеизъявлением прекратить уголовное преследование;

— при неизвестности личности виновного лица или наличии у него иммунитета от уголовного преследования органом расследования возбуждается уголовное дело, проводится расследование, обвинение поддерживает прокурор, однако за потерпевшими по таким делам должно сохраняться право примириться с обвиняемым в суде и тем самым прекратить уголовное преследование. Полагаем, ни факт неизвестности заявителю о преступлении частного обвинения виновного, ни особый статус последнего не могут служить причиной постановки их в неравное положение с остальными лицами, уголовное преследование которых осуществляется в частном порядке.

Предлагаемые подходы к пониманию степени трансформации обвинения из частного в публичное, а точнее, смешанное в зависимости от ее основания, способны не только в целом положительно сказаться на укреплении диспозитивных начал, свойственных судопроизводству по рассматриваемым делам. Они позволяют решить еще одну поднимаемую специалистами

проблему, распространенную на практике, когда переквалификация на преступление частного обвинения происходит в ходе уже начатого в публичном порядке расследования уголовного дела. Как правило, в представленном варианте расследование продолжается, а стороны утрачивают право на примирение [9]. Это, несомненно, нарушает права сторон данного уголовного-правового конфликта, разрешение которого не может быть достижимо в частном порядке. Принятие законодателем предложенных коррективов поспособствует тому, чтобы сам факт производства расследования не становился препятствием для прекращения уголовного преследования волей потерпевшего.

Орган расследования должен принять меры к незамедлительной регистрации каждого поступающего сообщения о преступлении частного обвинения и организовать его проверку по правилам статей 144, 145 УПК РФ. Обязательность организации проверочных мероприятий, вытекающая из взятых государством в лице соответствующих уполномоченных органов обязательств защищать права потерпевших от преступлений, подчеркивалась Конституционным Судом Российской Федерации [1]. Согласно тому же постановлению Конституционного Суда Российской Федерации по итогам проверки может быть принято всего два решения:

- либо «о возбуждении уголовного дела в защиту прав потерпевшего»;
- либо о направлении сообщения с материалами проверки в суд в порядке пункта 3 части 1 статьи 145 УПК РФ [1].

Данные разъяснения только усугубили имеющуюся неопределенность в части целевой нагрузки проверочных мероприятий, если отсутствуют основания для перехода к публичному судопроизводству, а также поставили новый вопрос: «Насколько абсолютно должен быть воспринят высказанный запрет на отказы в возбуждении уголовного дела?».

Полагаем, деятельность органов расследования в рассматриваемых случаях должна быть алгоритмизирована следующим образом.

1. За регистрацией поступившего заявления о преступлении частного обвинения должны следовать действия по установлению события преступления, а именно объективных его признаков (необходимых хотя бы для того, чтобы исключить признаки публично преследуемого деяния); предприняты действия по установлению причастности к его совершению конкретных лиц, предусмотренные нормой части 2 статьи 21 УПК РФ. Возникает вопрос: «Если «нужное»

событие установлено не было, какими должны быть дальнейшие действия органа расследования?». Конституционный Суд Российской Федерации постановление об отказе в возбуждении уголовного дела *по любому основанию* не называет в числе возможных, наряду с этим читаем по тексту того же постановления названного высшего судебного органа: «...руководитель следственного органа, следователь, дознаватель <...> не уполномочены разрешать вопрос об отсутствии в содеянном *состава преступления*, преследуемого в порядке частного обвинения (кроме случая, предусмотренного частью четвертой той же статьи), и, соответственно, вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения *по данному основанию*» [1]. Ответа на вопрос: «Как поступать органу расследования, если не установлено преступное событие?» не находим.

Осмысление учеными и практиками цитируемого выше документа приводит к полярным мнениям. И. Г. Башинская, например, считает, что дознаватель после установления отсутствия события преступления должен направить соответствующий материал в суд, и именно судью следует наделить полномочием отказать в возбуждении уголовного дела [10, с. 63]. Учитывая, что итоговые решения по делу судом могут быть приняты исключительно в судебном разбирательстве, данное предложение сложно оценить как удачное.

Другими учеными, напротив, практика отказов в возбуждении уголовных дел частного обвинения органами расследования не оценивается как недопустимая. В. В. Кальницкий, Е. Г. Ларин полагают целесообразным сохранить ее в части отказов по так называемым формальным основаниям (декриминализация деяния, истечение срока давности) [4, с. 222]. Уязвимость представленного мнения усматривается в том, что таким отказам обязательно будет предшествовать фактическое установление признаков состава преступления, в то время как в контексте позиции Конституционного Суда Российской Федерации данная деятельность по делам частного обвинения является прерогативой суда.

Полагаем, что органы расследования не должны лишаться полномочия отказать в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия события преступления, поскольку на практике это приведет к формальному подходу к проводимым проверочным мероприятиям: независимо от полученного результата итог один: направить материалы в суд. Также это усугубит и без

того существующую проблему «искусственной» постановки в статус подозреваемых, поскольку суд, в компетенцию которого также не входит принятие рассматриваемого решения ввиду отсутствия события преступления, может только прекратить уже состоявшееся инициированное уголовное преследование.

2. После установления события преступления следует выявить наличие/отсутствие признаков, указывающих на необходимость в трансформации частного обвинения в публичное. При их выявлении дальнейшая деятельность органа предварительного расследования ничем не отличается от деятельности в рамках публичного судопроизводства: ни в части решаемых задач, ни в части возможных итоговых для данного этапа решений.

Если основания для перехода от частного к публичному порядку уголовного преследования отсутствуют, то перед органом расследования стоит только задача обеспечить последующее рассмотрение дела в суде: установление признаков состава преступления, а равно оснований для прекращения уголовного дела должно осуществляться в судебном разбирательстве. Полагаем, что в русло соответствующей деятельности органа расследования логично укладываются истребование у потерпевшего заявления о преступлении на имя суда, составленного в порядке части 2 статьи 20, частей 1, 5 статьи 318 УПК РФ, и направление его вместе с материалами проверки в суд в порядке пункта 3 части 1 статьи 145 УПК РФ. В случае нежелания потерпевшего по любым причинам осуществлять дальнейшее уголовное преследование, составлять заявление на имя суда орган расследования имеет основание для решения об отказе в возбуждении уголовного дела по пункту 5 части 1 статьи 24 УПК РФ.

В качестве итоговых положений мы предлагаем следующие.

1. Требуют пересмотра законодательно оформленные подходы к правовым последствиям перехода от частного к публичному порядку обвинения с учетом конкретного обстоятельства, данный переход обусловившего. Высказанные по данному вопросу авторские предложения могут быть оформлены в новых редакциях правовых норм, содержащихся:

а) в части 4 статьи 318 УПК РФ: «Производство по уголовному делу предварительного следствия или дознания не лишает стороны права на примирение, кроме случаев установления неспособности потерпевшего защищать свои права и законные интересы»;

б) последнем предложении части 4 статьи 20 УПК РФ: «Уголовное дело о любом преступлении, указанном в части второй настоящей статьи, совершенном лицом, данные о котором неизвестны, возбуждается с согласия потерпевшего, кроме случаев установления неспособности потерпевшего защищать свои права и законные интересы».

Вопрос о возможности распространения данной нормы также на преступления, перечисленные в части 3 статьи 20 УПК РФ, требует проведения отдельного исследования.

Данные коррективы также снизят остроту проблемы нарушения прав сторон частного уголовно-правового конфликта на примирение и прекращение уголовного преследования обоснованными решениями органов расследования о возбуждении уголовных дел в отсутствие обстоятельств, требующих перехода от частного к публичному судопроизводству.

2. Основанием для отказа в возбуждении уголовного дела частного обвинения органом расследования при наличии обстоятельств, меняющих характер обвинения с частного на публичный, может быть любое из указанных в пунктах 1–6 части 1, части 2 статьи 24 УПК РФ (при прочтении ч. 4 ст. 20 УПК РФ в предложенной авторами редакции). Вопрос об основаниях отказа в возбуждении уголовного дела органом предварительного расследования при отсутствии таких обстоятельств требует дополнительной проработки и нормативного закрепления. Полагаем, такими основаниями должны быть обстоятельства, указанные в пунктах 1, 5 части 1 статьи 24 УПК РФ.

Список источников

1. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 24 и пункта 5 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. А. Школьник: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2023 года № 36-П. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision691423.pdf> (дата обращения: 28.05.2025).

2. Петрушин А. И. Некоторые вопросы участия органов предварительного расследования в уголовном судопроизводстве по делам частного обвинения // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 131–134.

3. Барыгина А. А. Актуальные вопросы подследственности и подсудности уголовных дел по части 1 статьи 116.1 УК РФ, рассматриваемых в порядке производства по делам частного обвинения // Российская юстиция. 2024. № 11. С. 26–34.

4. Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Пределы компетенции полиции по разрешению заявлений о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30. № 3 (94). С. 216–223.

5. Ломакин В. И., Mondoхонов А. Н. Уголовные дела частного обвинения как способ повышения раскрываемости преступлений // Законность. 2015. № 6 (968). С. 3–6.

6. Приговор Называевского городского суда Омской области от 19 февраля 2024 года по делу № 1-22/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uLHKxJN9rdHI/> (дата обращения: 30.05.2025).

7. Титов П. М. Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 199 с.

8. Степанова В. Г. Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 224 с.

9. Лизунов А. С. Право потерпевшего на доступ к правосудию по делам частного обвинения в свете постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2023 года № 36-П // Российский следователь. 2024. № 9. С. 29–32.

10. Башинская И. Г. Проблемы отказа в возбуждении уголовного дела частного обвинения органами дознания // Общество и право. 2023. № 3 (85). С. 61–64.

References

1. On the Case of Checking the Constitutionality of Part Four of Article 24 and Paragraph 5 of Article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen A. A. Shkolnik: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 36-P dated June 28, 2023. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision691423.pdf> (accessed 28.05.2025). (In Russ.).

2. Petrushin A. I. Some Issues of Participation of the Preliminary Investigation Bodies in Criminal Proceedings in Cases of Private Accusation. *Bulletin of Tomsk State University*, 2012, no. 360, pp. 131–134. (In Russ.).

3. Barygina A. A. Actual Issues of Subsidiarity and Jurisdiction of Criminal Cases under Part 1 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation Considered in the Procedure of Private Prosecution. *Russian Justice*, 2024, no. 11, pp. 26–34. (In Russ.).

4. Kalnitsky V. V., Larin E. G. Limits of the Police's Competence to Resolve Statements of Crimes Pursued on a Private Charge. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, vol. 30, no. 3 (94), pp. 216–223. (In Russ.).

5. Lomakin V. I., Mondokhonov A. N. Criminal cases of private prosecution as a way to increase the detection of crimes. *Legality*, 2015, no. 6 (968), pp. 3–6. (In Russ.).

6. Sentence of the Nazyvaevsky City Court of the Omsk Region dated February 19, 2024, in case no. 1-22/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uLHKxJN9rdHI/> (accessed 30.05.2025). (In Russ.).

7. Titov P. M. Criminal proceedings in cases of private prosecution. Dissertation... candidate of legal sciences. Yekaterinburg, 2021. 199 p. (In Russ.).

8. Stepanova V. G. Criminal proceedings in cases of private prosecution. Dissertation... candidate of legal sciences. Irkutsk, 2008. 224 p. (In Russ.).

9. Lizunov A. S. The Victim's Right to Access Justice in Private Prosecution Cases in the Light of the Constitutional Court of the Russian Federation's Resolution no. 36-P of June 28, 2023. *Russian Investigator*, 2024, no. 9, pp. 29–32. (In Russ.).

10. Bashinskaya I. G. Problems of Refusal to Initiate a Criminal Case of Private Prosecution by the Investigative Bodies. *Society and Law*, 2023, no. 3 (85), pp. 61–64. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. В. Гриценко — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии;

Н. В. Джагарян — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционализма Южного федерального университета;

М. Н. Кузьмин — кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Ростовского юридического института МВД России; доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ЧОУ ВО «Ростовский институт защиты предпринимателя».

Information about the authors

T. V. Gritsenko — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the Rostov Branch of the Russian Customs Academy;

N. V. Dzhangaryan — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutionalism at Southern Federal University;

M. N. Kuzmin — Candidate of Sciences (Law), Head of the Research and Editorial and Publishing Department at the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurs.

Научная статья
УДК 343.21

Судейское усмотрение и уголовно-правовая идеология

Кириллов Михаил Андреевич¹, Городнова Ольга Николаевна², Сабитов Тимур Рашидович³

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия;

²Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Чебоксары, Россия;

³Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия.

¹o.n.gorodnova@ruc.su

²mkirillov@ruc.su

³trsabitov.mail@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена взаимосвязь между судебным усмотрением и уголовно-правовой идеологией как ключевыми факторами, определяющими характер правоприменительной практики в сфере уголовного правосудия. Проанализировано содержание и пределы судебного усмотрения, доказано, что оно является источником уголовно-правовой идеологии современной Российской Федерации. Особое внимание уделено влиянию идеологических установок на интерпретацию норм уголовного закона, квалификацию преступлений и назначение наказания.

На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов сделан вывод о необходимости в сбалансированном сочетании свободы судебного усмотрения с четкими идеологическими ориентирами, обеспечивающими единообразие правоприменения и защиту прав личности, общества, государства.

В статье подчеркнуто, что осознанное и ответственное использование судебного усмотрения в рамках устоявшейся уголовно-правовой идеологии способствует укреплению доверия к правосудию и повышению легитимности уголовного права.

Ключевые слова: уголовно-правовая идеология, судебское усмотрение, индивидуальное правосознание, правоприменитель, изменение категории преступления, назначение судебного штрафа

Для цитирования: Кириллов М. А., Городнова О. Н., Сабитов Т. Р. Судейское усмотрение и уголовно-правовая идеология // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 160–168.

Original article

Judicial discretion and criminal-legal ideology

Mikhail A. Kirillov¹, Olga N. Gorodnova², Timur R. Sabitov³

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

© Кириллов М. А., Городнова О. Н., Сабитов Т. Р., 2025

²Cheboksary Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation, Cheboksary, Russian Federation;

³Ural State Law University named after V. F. Yakovleva, Ekaterinburg, Russian Federation.

¹o.n.gorodnova@ruc.su

²mkilllov@ruc.su

³trsabitov.mail@gmail.com

Abstract. The article examines the relationship between judicial discretion and criminal law ideology as key factors that determine the nature of law enforcement practice in the field of criminal justice. The authors analyze the content and limits of judicial discretion, proving that it is the source of the criminal law ideology in modern Russia. Special attention is paid to the influence of ideological attitudes on the interpretation of criminal law norms, the classification of crimes, and the imposition of punishment. Based on the analysis of judicial practice and doctrinal approaches, it is concluded that there is a need for a balanced combination of judicial discretion with clear ideological guidelines that ensure uniform law enforcement and protection of the rights of individuals, society, and the state.

The article emphasizes that the conscious and responsible use of judicial discretion within the framework of the established criminal law ideology contributes to strengthening trust in the justice system and increasing the legitimacy of criminal law.

Keywords: criminal law ideology, judicial discretion, individual legal consciousness, law enforcement officer, change in the category of a crime, and imposition of a judicial fine

For citation: Kirillov M. A., Gorodnova O. N., Sabitov T. R. Judicial discretion and criminal-legal ideology. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 160–168. (In Russ.).

Феномен широты судебного усмотрения (судейской дискреции) в сфере уголовного правосудия — одна из наиболее дискуссионных и многогранных проблем юридической науки и практики. На протяжении десятилетий ученые, правоприменители и общественные деятели спорят о том, в какой мере свобода усмотрения судьи (его оценочная деятельность) способствует справедливости, а в какой создает почву для коррупционных рисков [1–3]. В условиях строгого соблюдения принципа разделения властей и независимости судебной ветви власти особенно актуальным становится вопрос не столько о ликвидации дискреции как таковой, сколько о ее рациональном, сбалансированном применении в рамках правового государства.

С одной стороны, чрезмерная свобода усмотрения может порождать неоднозначность в правоприменении, подрывать предсказуемость и единообразие судебной практики. С другой — полное устранение усмотрения превратило бы судью в технического исполнителя нормы, лишив правосудие его главного качества — способности к индивидуализации и гуманизации наказания, дифференциации уголовной ответственности. В этом контексте особенно важно не идеализировать уголовное законодательство как абсолютно совершенный механизм, а напротив, признавать его неизбежную ограниченность и стремиться к такому его совершенствованию, обеспечивающему баланс между

правовой определенностью и гибкостью правоприменения.

В контексте настоящего исследования принципиальное значение имеет понимание судебской усмотрения не только как процессуальной категории, но и как проявления уголовно-правовой идеологии и индивидуального (субъективного) правосознания судьи. При вынесении приговора судья опирается не только на букву закона, но и на личный опыт, правовые установки, сформированные под влиянием исторического опыта, ценностей правовой цивилизации, социальной справедливости и гуманизма. В этом проявляется регулятивная функция правовой идеологии: она направляет, ограничивает и одновременно обогащает судебное усмотрение, придавая ему содержательную, а не формальную природу. По нашему мнению, не только законодательство, но и судебный прецедент относятся к источникам уголовно-правовой идеологии.

Традиционная доктрина, акцентируя внимание преимущественно на общественном и групповом уровнях правосознания, зачастую упускает из поля зрения значимость индивидуального правосознания как самостоятельной составляющей уголовно-правовой идеологии. Уголовно-правовая идеология не статичный свод догм, а динамичное поле идей, в котором переплетаются коллективные и индивидуальные голоса, формирующие облик современного уголовного права и его будущее развитие.

Согласно общепринятой классификации правосознание делится на три взаимосвязанных уровня: общественное, групповое и индивидуальное. Соответственно, уголовно-правовая идеология также не может сводиться исключительно к официальной позиции государства или доминирующим взглядам профессионального сообщества — она включает в себя и идеологические конструкции отдельных личностей в первую очередь правоприменителей (судей).

По мнению С. А. Комарова, правосознание это не просто совокупность знаний о праве, а целостное духовно-интеллектуальное и эмоционально-ценностное отношение личности к праву как к социальной реальности [2, с. 327]. Он определяет его как совокупность представлений и чувств, выражающих не только осведомленность о правовых нормах, но и уважение к праву как к высшей социальной ценности, а также готовность следовать ему в повседневном поведении. При таком подходе правосознание выступает как внутреннее убеждение в необходимости соблюдения права, как ориентир на «должное» — на то, как должно быть устроено правовое взаимодействие в обществе.

С нашей точки зрения, правосознание — это сложное, многомерное явление, находящееся на пересечении рационального и эмоционального, индивидуального и коллективного. Оно включает не только когнитивный компонент (знания о законах и правовых институтах), но и аксиологический — признание права как идеала справедливости, свободы и порядка, а также поведенческий — устойчивую склонность к правомерному поведению, основанную на внутреннем убеждении, а не на страхе наказания.

В этом контексте особое значение приобретает уголовно-правовая идеология — системно организованная совокупность взглядов, принципов и ценностных установок, разделяемых законодателем, учеными, правоприменителями и обществом, в целом. Под уголовно-правовой идеологией мы понимаем концептуальную основу уголовного права, направленную на формирование и трансляцию убеждений о том, какими должны быть уголовное законодательство и правоприменение в демократическом правовом государстве.

Важно подчеркнуть, что правомерное судебское усмотрение не является безграничным. Его границы очерчены нормами уголовного закона, принципами уголовного права, уровнем правового сознания, культуры, этики судьи. В то же время именно усмотрение позволяет судье адекватно реагировать на пробелы, коллизии и

несовершенства законодательства, обеспечивая тем самым живое, а не механическое применение права. Более того, через практику усмотрения формируются устойчивые тенденции правоприменения, которые, в свою очередь, отражают и реализуют текущую уголовно-правовую политику государства.

Без идеологической основы невозможно рассуждать об эффективности уголовно-правовой, правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной политики. Уголовно-правовая идеология является надстройкой уголовно-правовой политики, уголовного законодательства и правоприменения.

Судейское усмотрение возникает в рамках уголовного судопроизводства как право и обязанность судьи осуществлять выбор при квалификации деяния, назначении наказания или решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности. Этот выбор всегда обусловлен необходимостью соотнесения конкретного дела с общими началами уголовного права, а также с индивидуальными обстоятельствами личности и совершенного преступления. Именно в этом синтезе нормы и жизни, закона и справедливости раскрывается подлинная сущность правосудия.

В научной литературе по уголовному праву продолжается дискуссия о природе и пределах судебское усмотрения. Одни исследователи рассматривают его как потенциальный источник ошибок в толковании и применении уголовного закона, подчеркивая необходимость поиска оптимального баланса между свободой усмотрения судьи и механизмами законодательного контроля [3]. Другие, напротив, утверждают, что усмотрение не просто право, а прямая обязанность судьи, обусловленная самой сутью правосудия, требующего индивидуального подхода к каждому делу [4]. На самом деле обе позиции отражают разные, но взаимодополняющие аспекты одной и той же проблемы.

С одной стороны, чрезмерная свобода усмотрения может подорвать принцип равенства всех перед законом и судом, породить необоснованные различия в наказаниях за схожие деяния и снизить предсказуемость судебных решений. С другой — полное устранение усмотрения лишает уголовное правосудие гибкости, необходимой для адекватной индивидуализации и дифференциации ответственности, что противоречит самой идее справедливости. Важно, что система сдержек и противовесов в данном случае уже существует и функционирует: она включает институт обжалования судебных

актов, систематический мониторинг и обобщение практики, публичность судебного разбирательства, а также постоянное повышение профессиональной квалификации судей.

Особое внимание этой проблеме уделяет известный правовед А. В. Наумов. В своих работах он критически оценивает чрезмерную широту судебного усмотрения при назначении наказания, указывая, что она затрудняет реализацию принципов справедливости и единообразия правоприменения [5]. По его мнению, многие диспозиции Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) содержат санкции с неоправданно большим разрывом между минимальным и максимальным пределами наказания. Например, в части 2 статьи 105 УК РФ (убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах) суд вправе назначить наказание в диапазоне от 8 до 20 лет лишения свободы — разрыв в 12 лет. Подобные размытые санкции, по мнению А. В. Наумова, создают почву для произвольного подхода и снижают доверие к правосудию.

В качестве пути решения он предлагает законодательно ограничить максимально допустимый размах уголовно-правовых санкций до трех — четырех лет. Такой подход, по нашему убеждению, позволил бы сохранить возможность индивидуализации наказания, одновременно обеспечивая большую определенность, соразмерность и предсказуемость судебных решений.

Мы разделяем его позицию. Она отражает стремление к гармонизации двух фундаментальных начал уголовного правосудия: с одной стороны — к гуманному, персонифицированному подходу к правонарушителю, с другой — к строгому соблюдению закона и обеспечению равенства всех перед ним. Ограничение чрезмерной дискреции не означает ущемления независимости суда, напротив, оно способствует более точному соответствию между общественной опасностью деяния, личностью виновного и мерой государственного принуждения, что и составляет суть справедливого наказания.

В дискуссиях о пределах судебного усмотрения в уголовном правосудии особое место занимает позиция Э. Ф. Побегайло, который последовательно предостерегает от рисков смещения функций различных ветвей государственной власти. В своих научных трудах он подчеркивает, что судебная власть, будучи призванной толковать и применять закон, не должна подменять собой законодателя. Особенно остро эта проблема проявляется в контексте

положений части 6 статьи 15 УК РФ, предоставляющей суду право изменять категорию преступления на менее тяжкую при наличии определенных условий. По мнению Э. Ф. Побегайло, такая практика фактически наделяет суд полномочиями, выходящими за рамки его конституционной роли [6].

Когда суд не просто применяет норму, а изменяет юридическую квалификацию преступления с точки зрения его категории, он тем самым корректирует законодательную оценку общественной опасности деяния — функцию, принадлежащую исключительно законодательной власти. Это, по его убеждению, вступает в прямое противоречие с принципом разделения властей, закрепленным в статье 10 Конституции Российской Федерации, и подрывает основы правового государства, где каждая ветвь власти должна действовать в строго очерченных компетенциях.

В то же время В. А. Маслов предлагает иную трактовку [7]. Он считает, что предоставление суду права изменять категорию преступления в рамках части 6 статьи 15 УК РФ не нарушает принципа разделения властей, а напротив, является проявлением законодательной воли. Если законодатель сознательно и в установленном порядке делегирует судебной власти определенные полномочия — в данном случае возможность индивидуализировать уголовно-правовую оценку с учетом конкретных обстоятельств дела, то это не означает вторжения судебной власти в сферу законодательной. Такое делегирование само по себе есть акт законодательной власти, реализуемый в рамках ее конституционной компетенции. Соответственно, последующие решения суда, основанные на этой норме, представляют собой самостоятельное и законное осуществление правосудия, а не подмену функций.

Таким образом, в научной среде существует принципиальное расхождение во взглядах: одни исследователи видят в судебной переквалификации угрозу для конституционного баланса властей, другие — логичное развитие механизма индивидуализации уголовной ответственности. Эта традиционная дискуссия отражает глубокое противоречие между стремлением к гибкости правоприменения и необходимостью сохранения четких институциональных границ в системе правового государства.

На наш взгляд, законодательная практика предоставления суду права изменять категорию преступления в рамках части 6 статьи 15 УК РФ вступает в противоречие с фундаментальным

принципом законности. Этот принцип предполагает неукоснительное следование нормам, установленным законодателем, и исключает возможность произвольного переосмысления или корректировки законодательной воли со стороны правоприменителя. Судебная власть призвана толковать и применять закон, а не создавать или модифицировать его содержание. Когда суды фактически берут на себя функцию переоценки категории преступления, то есть пересматривают законодательную квалификацию общественной опасности деяния, это подрывает основы правового государства и создает угрозу субъективизма и правового произвола.

Результаты анализа судебной практики подтверждают существование определенных проблем в подходах к назначению наказания ниже низшего предела, установленного уголовным законом. Анализ содержания приговоров показывает, что суды не уделяют значительного внимания обстоятельствам, характеризующим личность осужденного. Выявленная проблема заключается в недостаточной степени мотивирования судебного решения. В подавляющем большинстве случаев приговоры не содержат четкого обоснования причинно-следственной связи между представленными обстоятельствами личности и характером совершенного преступления. Суды констатируют наличие тех или иных смягчающих факторов, но не объясняют, почему именно эти обстоятельства должны повлиять на снижение степени общественной опасности преступного деяния.

Такая практика может приводить к неединообразному применению норм о назначении наказания ниже низшего предела и подрывает принцип законности в уголовном праве, поэтому необходима более тщательная проработка критериев оценки исключительности обстоятельств и установления четкой связи между личностью осужденного, характером преступления и мерой наказания.

Дзержинский районный суд города Нижнего Тагила по приговору применил положения статьи 64 УК РФ и назначил гражданину Н. за грабеж в магазине «Бристоль» более мягкий вид наказания, чем предусмотрен частью 1 статьи 161 УК РФ, а именно штраф в размере 15 тыс. рублей [8]. Смягчающими наказание обстоятельствами суд признал возмещение имущественного ущерба, причиненного собственнику, активное содействие в раскрытии преступления, признание вины в содеянном. Вместе с тем суд указал, что имелаась видеозапись с камеры видеонаблюдения, которая

априори подтверждала вину гражданина Н. Кроме того, суд не привел развернутую аргументацию, почему представленные смягчающие наказание обстоятельства признаются судом исключительными и достаточными для назначения наказания ниже минимального предела. Этот недочет в судебной мотивировке затрудняет, на наш взгляд, возможность проверки законности и обоснованности вынесенного приговора вышестоящими инстанциями.

Вместе с тем следует признать, что в реальной правовой жизни затруднительно исключить взаимное влияние функций ветвей власти. Особенно это проявляется в условиях несовершенства законодательства. Например, законодатель не предусмотрел прямую связь между возможностью изменения категории преступления по части 6 статьи 15 УК РФ и правом освобождения от уголовной ответственности по статьям 76.1, 76.2, 90 УК РФ. В подобных ситуациях Верховный Суд Российской Федерации, руководствуясь задачами обеспечения справедливости и устранения пробелов в правовом регулировании, восполняет недостатки закона через свои разъяснения. Верховный Суд Российской Федерации восполняет данный пробел своим усмотрением и связывает возможность изменения категории преступления с возможностью освобождения лица в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ) и по ряду иных норм.

Дословно Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал: «Решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания. В этих случаях суд постановляет приговор, резолютивная часть которого должна, в частности, содержать решения о признании подсудимого виновным в совершении преступления, о назначении ему наказания, об изменении категории преступления на менее тяжкую с указанием измененной категории преступления, а также об освобождении от отбывания назначенного наказания (пункт 2 части 5 статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)» [9].

Именно в таких случаях несовершенства уголовного закона проявляется конструктивная роль судебного усмотрения. Однако важно подчеркнуть: оно не возникает «из ничего» и

не является произвольным. Судейское усмотрение формируется в строгих рамках уголовного закона, опирается на основополагающие идеи уголовного права: гуманизм, справедливость, соразмерность наказания, а также на морально-нравственные установки общества и правовые позиции высших судебных инстанций. В совокупности эти элементы составляют своеобразную уголовно-правовую идеологию, которая направляет и ограничивает свободу усмотрения судьи, превращая усмотрение из риска в инструмент справедливого правосудия.

Современная судебная система все более ориентирована на обеспечение единообразия правоприменительной практики. Это достигается не только через точное толкование норм, но и через выработку устойчивых, системных правовых позиций. Ключевую роль в данном процессе играют высшие судебные инстанции — прежде всего Верховный Суд Российской Федерации и кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции. Их разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума, обзорах судебной практики и определениях, становятся обязательными ориентирами для нижестоящих судов. Такой подход способствует не только унификации решений по схожим делам, но и повышению правовой определенности, что, в свою очередь, укрепляет доверие граждан к правосудию и надежно защищает их права и законные интересы.

Одновременно с обеспечением законности и единообразия правоприменения при осуществлении правосудия особое значение имеет соблюдение профессиональной этики судей. Подлинная профессиональная этика невозможна без развитого, зрелого правосознания, а правосознание, лишенное этических ориентиров, рискует превратиться в субъективизм. Этические нормы выступают не просто как моральный ориентир, а как обязательный компонент судебной деятельности, дополняющий формально-юридические требования. Формирование единых подходов к применению уголовного закона и соблюдение профессиональной этики — две стороны одной медали качественного правосудия. Они обеспечивают не только стабильность и предсказуемость судебной практики, но и укрепляют доверие граждан к судебной системе как к институту, способному защищать права и восстанавливать справедливость.

Однако на практике стремление к единообразию зачастую оказывается скорее декларативным, чем реальным. Особенно это проявляется при диспозитивном применении новелл

уголовного законодательства, когда правовая норма предоставляет суду широкие полномочия, но не сопровождается четкими критериями их реализации. Ярким примером служит институт судебного штрафа, введенный в УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: одни видят в нем проявление гуманизации уголовной политики, другие — инструмент «откупа» от ответственности, создающий коррупционные риски. На наш взгляд, проблема не в самом институте, а в его неупорядоченном применении. Несмотря на прошедшие годы и наличие обзора судебной практики по применению статьи 76.2 УК РФ (утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 года) [10], практика остается разнородной: одни суды активно назначают судебный штраф как меру освобождения от уголовной ответственности, другие — отказывают в этом без достаточного обоснования. Причины подобной несогласованности кроются как в несовершенстве самой нормы, так и в чрезмерной широте судейского усмотрения.

Особенно остро проблема проявляется при рассмотрении дел о двухобъектных преступлениях, где посягательство направлено одновременно на частные и публичные интересы. Так, в сфере преступлений против воинского правопорядка (статьи 333–335 УК РФ) объектами посягательства выступают не только здоровье, честь и достоинство военнослужащего, но и общественные отношения, обеспечивающие боеспособность, дисциплину и порядок в Вооруженных Силах Российской Федерации. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2013 года № 19 (применительно к ст. 76 УК РФ) прямо указал, что при решении вопроса об освобождении от ответственности необходимо учитывать количество и приоритет объектов преступного посягательства [11]. В этой связи возникает серьезная правовая дилемма: судебный штраф по своей правовой природе ориентирован на возмещение имущественного вреда конкретному потерпевшему (в том числе государству, например, при утрате военного имущества), однако основной вред от преступлений против воинской службы нематериальный: он выражается в подрыве дисциплины, нарушении иерархии, снижении боеготовности. Между тем

в ряде решений военных судов отсутствует четкое обоснование того, как именно был устранен именно этот вред. Например, в приговоре военного гарнизонного суда по делу о нарушении порядка сбережения военного имущества (ст. 335 УК РФ) суд указал, что вред устранен в связи с тем, что обвиняемый внес 50 тыс. рублей в благотворительный фонд детского дома. Подобный подход вызывает серьезные сомнения: «Как помощь детскому дому компенсирует ущерб, нанесенный воинской дисциплине?» [12].

Д. С. Чукин предлагает рассматривать в качестве способа устранения вреда перечисление средств ветеранским организациям, поскольку это напрямую связано с поддержкой институтов военной службы [12]. Однако и такой подход требует специальных судебных разъяснений и четких критериев.

Следует признать, что предпосылки для судебское усмотрения заложены уже в самом тексте УК РФ. Закон предоставляет суду право ограничивать преступное поведение от малозначительного, освобождать от ответственности и наказания, индивидуализировать меру воздействия. Кроме того, УК РФ насыщен оценочными категориями: «значительный вред», «малозначительность деяния», «исключительные обстоятельства», «особая жестокость», «вынужденная необходимость», которые не могут быть истолкованы иначе как сквозь призму внутреннего убеждения судьи, именно поэтому судебское усмотрение неизбежно, но оно должно быть единым, обоснованным, этичным и прозрачным. Только в этом случае оно станет не источником правовой неопределенности, а инструментом справедливого и гуманного правосудия.

Таким образом, судебское усмотрение в уголовном праве представляет собой не просто дискреционную власть, а инструмент реализации уголовно-правовой идеологии, направленной на достижение справедливого, гуманного и эффективного правосудия. Оно требует от судей не только профессиональных знаний, но и глубокого понимания философских и моральных основ уголовного закона.

Судейское усмотрение это не просто технический элемент правоприменения, а динамический механизм, через который формируется, развивается и конкретизируется уголовно-правовая идеология — система ценностей, принципов и убеждений, лежащих в основе уголовного законодательства и его реализации.

Сущность и особенности правового сознания юристов конкретизируются в содержании правовой идеологии и правовой психологии [13, с. 30]

Важной составляющей правосознания является правовая идеология, под которой понимают «...систематизированное научное выражение правовых взглядов, принципов, требований общества, различных групп и слоев населения» [14, с. 2].

Уголовно-правовая идеология выражает общественное понимание справедливости, гуманизма, соразмерности наказания, приоритета прав личности и защиты общественных интересов. Однако эти абстрактные идеи обретают реальное содержание именно в практике судей, когда они сталкиваются с живыми, уникальными жизненными ситуациями, не укладывающимися в жесткие рамки нормы. Именно в момент усмотрения — при оценке доказательств, квалификации деяния, выборе меры наказания или решении об освобождении от ответственности — судья осуществляет интерпретацию и наполнение идеологических принципов конкретным смыслом.

Таким образом, судебское усмотрение формирует уголовно-правовую идеологию:

1. Через индивидуализацию справедливости. Судья, руководствуясь внутренним убеждением и этическими установками, применяет общие нормы уголовного закона к частному случаю. В этом процессе он не просто «исполняет» идеологию, а реализует ее на практике, показывая, как принципы гуманизма, индивидуализации и соразмерности работают в реальной жизни. Например, решение назначить судебный штраф вместо лишения свободы за преступление небольшой тяжести не просто юридический акт, а утверждение гуманистической парадигмы в уголовной политике.

2. Через создание устойчивых правоприменительных тенденций. Когда множество судей в схожих ситуациях принимают аналогичные решения, то формируется практическая доктрина, которая постепенно становится частью правовой культуры. Эти тенденции отражают доминирующие в обществе и судебной среде взгляды на то, что есть справедливо, жестоко, необходимо или излишне. Со временем такие подходы могут быть закреплены в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, а затем и в законе. Таким образом, судебная практика, основанная на усмотрении, становится лабораторией уголовно-правовой идеологии.

3. Через диалог законодателя и обществом. Судейское усмотрение часто выявляет пробелы, противоречия или устаревшие подходы в законодательстве. Реагируя на них, судьи тем самым инициируют эволюцию уголовно-правовой

мысли. Например, широкое применение института примирения с потерпевшим или деятельного раскаяния сигнализирует о смещении акцента с кары на восстановление нарушенных отношений, что отражает переход к ресторативной (восстановительной) модели уголовной ответственности. Это уже не просто практика — это новая идеологическая установка, рожденная в судебных залах.

Важно подчеркнуть: судебское усмотрение формирует идеологию не произвольно, а в рамках конституционных принципов, норм уголовного права и общепризнанных моральных ценностей, идеологических установок. Оно ограничено, но именно в этих границах оно становится творческим актом правосознания, в котором живет дух закона.

Судейское усмотрение — это зеркало и двигатель уголовно-правовой идеологии: оно отражает ее текущее состояние и одновременно формирует ее будущее.

На наш взгляд, понятие «правовая идеология», а в более узком смысле «уголовно-правовая идеология» следует рассматривать не только как форму общественного уголовно-правового сознания, но и как сложный, многоуровневый феномен, вбирающий в себя как коллективные, так и индивидуальные смыслы. Сквозь призму уголовно-правовой идеологии находят выражение не только нормативные установки государства, но и глубинные потребности, ценности и интересы различных социальных групп, классов, народов.

Список источников

1. Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. Москва: Юрист, 1998. 245 с.
2. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов. 10-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство «Юрайт», 2025. 528 с.
3. Василевская И. В. Судейское усмотрение при толковании закона: границы и способы контроля // Человек. Социум. Общество. 2024. № S1. С. 119–124.
4. Ершов В. В. Судебное правоприменение: актуальные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. 2006. № 5. С. 77–84.
5. Наумов А. В. Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.) / сост. Е. Н. Карабанова, И. А. Стаценко; вступит. ст. О. С. Капинус. Москва, 2019. 384 с.
6. Побегайло Э. Ф. Об углубляющемся кризисе российской уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики: материалы

III Международной научно-практической конференции (Краснодар, 28 сентября 2012 года) / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2012. Т. I. С. 14–24.

7. Маслов В. А. Судейское усмотрение в уголовно-правовой политике. Изменение категории преступления судом // Russian Journal of Economics and Law. 2025. Т. 19. № 1. С. 126–140.

8. Приговор Дзержинского районного суда города Нижнего Тагила (Свердловская область) — от 10 марта 2025 года № 1-167/2025 по делу № 1-167/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0BQogjw4WvY5/>. (дата обращения: 06.08.2025).

9. П. 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 15 мая 2018 года № 10. URL: <https://www.vsrf.ru/documents/own/26765/> (дата обращения: 01.05.2025).

10. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 года) URL: <https://www.vsrf.ru/documents/all/28088/> (дата обращения: 06.08.2025).

11. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 (ред. от 29 ноября 2016 года). URL: <https://www.vsrf.ru/documents/own/8350/> (дата обращения 06.08.2025).

12. Чукин Д. С. Судейское усмотрение при назначении судебного штрафа за совершение преступлений против военной службы // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2023. № 2 (307). С. 90–97.

13. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в уголовном праве. Москва: Проспект, 2017. 104 с.

14. Гранат Н. Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 11/12. С. 2–5.

References

1. Khabrieva T. Ya. Interpretation of the Constitution of the Russian Federation: Theory and Practice. Moscow: Yurist Publ., 1998. 245 p. (In Russ.).
2. Komarov S. A. General Theory of State and Law: Textbook for Universities. 10th ed., corrected and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 528 p. (In Russ.).
3. Vasilevskaya I. V. Judicial Discretion in Interpreting the Law: Boundaries and Methods of Control. *Man. Society. Obshchestvo*, 2024, no. S1, pp. 119–124. (In Russ.).
4. Ershov V. V. Judicial Law Enforcement: Current Theoretical and Practical Problems. *Russian Justice*, 2006, no. 5, pp. 77–84. (In Russ.).
5. Naumov A. V. Selected Works. On the Reform of the Criminal Code of the Russian Federation (published

2009–2019) / [comp. by E. N. Karabanova, I. A. Stat-senko; introduction by O. S. Kapinus]; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2019. 384 p. (In Russ.).

6. Pobegaylo E. F. On the Deepening Crisis of Russian Criminal Policy. Modern Problems of Criminal Policy: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (Krasnodar, September 28, 2012) / ed. by A. N. Ilyashenko. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. Vol. I. Pp. 14–24. (In Russ.).

7. Maslov V. A. Judicial Discretion in Criminal Law Policy. Changing the Category of a Crime by the Court. *Russian Journal of Economics and Law*, 2025, vol. 19, no. 1, pp. 126–140. (In Russ.).

8. Sentence of the Dzerzhinsky District Court of Nizhny Tagil (Sverdlovsk Region) — no. 1-167/2025 dated March 10, 2025 in Case no. 1-167/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0BQogjw4WvY5/> (accessed 06.08.2025). (In Russ.).

9. On the Practice of Applying the Provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation by the Courts: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 10 of May 15,

2018. URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/26765/> (accessed 01.05.2025). (In Russ.).

10. Review of Judicial Practice on Exemption from Criminal Liability with the Imposition of a Judicial Fine (Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 10, 2019). URL: <https://www.vsr.ru/documents/all/28088/> (accessed 06.08.2025). (In Russ.).

11. On the Application by Courts of Legislation Governing the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 19 of June 27, 2013 (as amended on November 29, 2016). URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/8350/> (accessed 06.08.2025). (In Russ.).

12. Chukin D. S. Judicial Discretion in Imposing a Fine for Committing Crimes Against Military Service. *Law in the Armed Forces — Military Legal Review*, 2023, no. 2 (307), pp. 90–97. (In Russ.).

13. Gracheva Yu.V. Judicial Discretion in Criminal Law. Moscow: Prospect, 2017. 104 p. (In Russ.).

14. Granat N. L. Legal consciousness and legal culture. *Jurist*, 1998, no. 11/12, pp. 2–5. (In Russ.).

Информация об авторах

М. А. Кириллов — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России;

О. Н. Городнова — кандидат юридических наук, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации;

Т. Р. Сабитов — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева.

Information about the authors

M. A. Kirillov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal and Criminal-Executive Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Dean of the Law Faculty of the Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation;

O. N. Gorodnova — Candidate of Sciences (Law), Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation;

T. R. Sabitov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law at the V. F. Yakovlev Ural State Law University.

Научная статья
УДК 343.9

Эмпирическое исследование динамики и структуры преступности в сфере экономической деятельности: современные тенденции

Молчанова Татьяна Витальевна

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, molcha@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния, структуры и динамики отдельных качественных и количественных характеристик преступлений в сфере экономической деятельности в 2011–2024 годы. В статье акцентируется внимание на выявление отдельных хронологических периодов, в которых зафиксированы как обострение криминальной напряженности, так и снижение преступной активности, что позволяет провести более детализированный анализ факторов, обуславливающих такие колебания в криминогенной ситуации.

Автор подчеркивает сформировавшийся устойчивый регресс уровня преступности в сфере экономической деятельности начиная с 2021 года, что обусловлено сокращением числа отдельных преступлений, предусмотренных статьями 171, 171.2, 171.3, 171.4, 175, 180, 186, 199 главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации. Модернизация законодательной инфраструктуры и совершенствование механизмов правового регулирования привели к значительному сокращению преступной активности в рамках статей, предусмотренных главой 22 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В статье в качестве эмпирической базы использованы отдельные формы статистического наблюдения ГИАЦ МВД России, материалы новостных интернет-изданий, а также собственные научные исследования преступности в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: экономическая деятельность, преступность в сфере экономической деятельности, статистические данные, анализ, показатели преступности, тенденции преступности, глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, динамика, рост, снижение, структура преступности, законодательные изменения

Для цитирования: Молчанова Т. В. Эмпирическое исследование динамики и структуры преступности в сфере экономической деятельности: современные тенденции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 169–178.

Original article

An empirical study of the dynamics and structure of economic crime: modern trends

Tatyana V. Molchanova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation, molcha@yandex.ru.

Abstract. The presented study is focused on analyzing the state, structure, and dynamics of various qualitative and quantitative aspects of crimes in the sphere of economic activity between 2011 and 2024. The article highlights the identification of specific chronological periods marked by both an intensification of criminal activity and a

© Молчанова Т. В., 2025

subsequent decline, enabling a more nuanced exploration of the factors influencing these fluctuations in the criminogenic environment.

The author emphasizes the consistent decrease in the crime rate within the economic sector since 2021, driven by a reduction in the incidence of crimes specified in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, including Articles 171, 171.2, 171.3, 171.4, 175, 180, 186, and 199. This decline is largely attributed to the reform of the legislative framework and the enhancement of legal regulatory mechanisms, which have significantly curbed criminal activity within the scope of these articles.

The article is based on empirical data derived from selected forms of statistical observation conducted by the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, materials from online news sources, and the author's own scientific research on crime in the economic domain.

Keywords: Economic activity, crime in the sphere of economic activity, statistical data, analysis, crime indicators, crime trends, Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, dynamics, growth, decline, crime structure, legislative changes

For citation: Molchanova T. V. An empirical study of the dynamics and structure of economic crime: modern trends. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 169–178. (In Russ.).

В сфере экономической деятельности Российской Федерации преступность представляет собой сложное явление, формирующееся на пересечении системных дисбалансов институционального развития, пробелов в правовом регулировании и специфики экономических отношений. Ее эволюция определяется глубинными процессами трансформации финансовых и управленческих механизмов, глобализацией капиталов, в особенности, цифровизацией экономической деятельности, которая привела к фундаментальным изменениям в структуре производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг.

Цифровизация радикально трансформировала преступность, породив новые киберугрозы и изменив традиционные криминальные схемы, что требует пересмотра существующих криминологических подходов. Современные технологии не только создают новые формы противоправной деятельности, но и модифицируют организацию, масштабы и латентность преступлений. В предшествующих исследованиях мы выделяли, что «...интеграция информационных технологий в область экономической деятельности «спровоцировала» увеличение случаев преступной направленности в данном сегменте социально-экономических отношений» [1, с. 228].

Цифровая трансформация экономической деятельности, адаптивность к изменениям макроэкономической ситуации и использование высокотехнологичных методов совершения преступлений делают преступность в сфере экономической деятельности не только значимым фактором криминогенной среды, но и новым вызовом для обеспечения национальной и финансовой безопасности государства.

Одним из ключевых направлений в исследовании преступности в сфере экономической деятельности является ее количественная оценка, основанная на применении статистических методов анализа. Как мы упоминали в статье, посвященной аналитике данных по главе 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), «...подход, основанный на статистическом анализе, представляет собой методологическую стратегию, направленную на объективное изучение выбранной проблемы путем систематического сбора, анализа и интерпретации данных с целью выявления закономерностей и тенденций» [2, с. 120].

Мы акцентируем научное внимание на то, что статистическая криминология, находясь на пересечении экономики, права и социологии, предоставляет инструменты для выявления закономерностей, прогнозирования динамики преступлений и оценки эффективности мер противодействия. В публикуемом материале рассматривается статистическая оценка преступности в сфере экономической деятельности за 2011–2024 годы. Особое внимание уделяется изучению динамических характеристик преступности в сфере экономической деятельности, а также описанию числовых характеристик отдельных составов преступлений главы 22 УК РФ. Раскрывая числовые закономерности, скрытые за динамикой преступности, мы получаем возможность не только описывать существующие тенденции, но и увидеть, как статистическая оценка преступлений в сфере экономической деятельности становится неотъемлемой частью современной аналитики данных о преступности. В таблице 1 отражены динамические изменения, характеризующиеся следующими тенденциями.

Таблица 1

Динамика количества преступлений, совершенных
в сфере экономической деятельности в 2011–2024 годы

Table 1

Dynamics of the number of crimes committed
in the economic sphere in 2011–2024

Глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Зарегистрирова- но преступлений	47 380	39 372	32 148	31 175	34 799	33 757	35 136	42 901	44 372	45 926	46 882	42 636	38 168	34 622
Прирост/сниже- ние, %	—	–16,90	–18,34	–3,02	11,62	–2,99	4,08	22,099	3,42	3,50	2,08	–9,06	–10,48	–9,29

Составлено автором на основе источника [3]

Эмпирические данные в таблице иллюстрируют наличие выраженных неоднородных динамических изменений исследуемых показателей, что свидетельствует о сложной, многокомпонентной природе экономической деятельности. Анализ выявленных статистических колебаний позволяет предположить, что их амплитуда (2011–2014 г., 2015–2021 г., 2022–2024 г.) и частота подвержены влиянию множества факторов.

Следует выделить определенные хронологические интервалы, в рамках которых зафиксированы как выраженный рост, так и значительное снижение преступной активности в сфере экономической деятельности.

Статистический анализ динамики преступлений в сфере экономической деятельности за 2012–2014 годы показывают выраженную корреляцию с тенденцией снижения преступности в Российской Федерации. Общее количество зарегистрированных преступлений демонстрирует устойчивое сокращение (с 2 302 168 — в 2012 г. до 2 190 578 — в 2014 г.).

Снижение темпов экономического роста могло выступать дополнительным фактором в общем росте экономики, который был до лета 2014 года, способствующим трансформации структуры преступной активности. В условиях стагнации экономической деятельности потенциальные возможности для совершения преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, сокращаются, что, в свою очередь, приводит к снижению их регистрационной динамики.

Как мы констатировали ранее, «...увеличению числа преступлений по главе 22 УК РФ (начиная с 2017 г.) способствовал ряд объективных и

субъективных обстоятельств». Одной из основных причин послужил значительный прогресс в развитии различных сфер экономической деятельности, в частности, предпринимательской. «Расширился список признаков подозрительных операций, которые могут быть заблокированы Центральным банком России» [4, с. 77]. В фокус таких сомнительных операций попали сделки, связанные с обналичиванием средств посредством корпоративных карт, а также транзакции, использующие криптовалюту и иные формы виртуальных активов. Отдельные исследователи отмечают, что «... современная экономика в значительной степени основывается на операциях, связанных с цифровыми транзакциями и электронными деньгами. Эти элементы играют ключевую роль в упрощении финансовых взаимодействий» [5, с. 88], в том числе наблюдается тревожная тенденция трансформации гражданско-правовых споров между субъектами предпринимательской деятельности в уголовно-правовые разбирательства.

В рамках настоящей статьи особое внимание следует уделить анализу наиболее распространенных преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности. Как мы указывали в своих исследованиях, «...наиболее криминализированными сферами и отраслями национальной экономики остаются: финансово-кредитная система, строительство, оптово-розничная торговля, транспорт, рыбное и лесное хозяйство, топливно-энергетический комплекс, операции с недвижимостью, а также внешнеэкономическая деятельность (ВЭД)» [6, с.9 2].

Сосредоточим свое научное внимание на отдельных составах, связанных исключительно

со сферой предпринимательской деятельности, поскольку криминальная динамика предпринимательских отношений всегда характеризуется высокой изменчивостью и неравномерными колебаниями, отсутствием линейной корреляции с традиционными экономическими факторами, прежде всего обусловленными спецификой данного вида преступности. Природа преступлений, связанных с предпринимательской деятельностью, всегда хаотична, непредсказуема, подвержена внезапным всплескам и затуханиям.

Криминологическая мотивация экономических преступлений в предпринимательской среде основана на рациональном нарушении закона для сверхприбыли при низких рисках раскрытия на использование пробелов нормативного правового регулирования и криминализации деловой среды. Субъективная сторона демонстрирует умышленный характер и осознанное пренебрежение социально-экономическим ущербом ради личной выгоды. Таблица 2 иллюстрирует сформировавшиеся динамические тенденции.

Таблица 2

Современная ситуация распределения наиболее часто совершаемых преступлений в сфере экономической деятельности (фрагмент)

Table 2

Current situation of distribution of the most frequently committed crimes in the sphere of economic activity (fragment)

Глава 22 Уголовный кодекс Российской Федерации	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений
Статья 171	611	226	650	209	588	275	556	210	595	199	470
Статья 171.1	136	63	399	138	722	272	1 051	460	1 387	520	1 728
Статья 171.2	135	69	1 423	544	1 519	1 079	1 492	917	1 249	710	1 136
Статья 171.3	-	-	-	-	-	106	18	570	174	765	297
Статья 171.4	-	-	-	-	-	76	28	1 210	745	1 464	1 058
Статья 173.1	206	30	254	105	935	130	2 590	499	4 588	708	5 082
Статья 173.2	21	7	26	5	517	222	2 369	1 337	4 892	2 343	5 397

Составлено автором на основе источника [3]

В 2024 году наблюдается устойчивая тенденция к сокращению преступности в сфере экономической деятельности, что выражается в снижении количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьями 171 («Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации»), 171.1 («Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации»), 171.2

без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации»), 171.1 («Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации»), 171.2

(«Незаконные организация и проведение азартных игр»), 171.3 («Незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства»), 171.4 («Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции»), 173.2 («Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица»).

Так, снижение уровня незаконной организации азартных игр (ст. 171.2 УК РФ) в 2024 году связано с ужесточением нормативно-правового регулирования в данной сфере.

В рамках совершенствования законодательства были внесены изменения в федеральный закон, регулирующий порядок проведения азартных игр, а также установлены дополнительные ограничения на деятельность букмекерских контор и тотализаторов [7]. Одним из ключевых изменений стало введение запрета с 1 сентября 2024 года на использование технических устройств, имитирующих функционал игрового оборудования казино и залов игровых автоматов, в букмекерских конторах и тотализаторах, *расположенных за пределами специально отведенных игорных зон*. Данный запрет направлен на предотвращение распространения незаконных азартных игр под видом легальной деятельности, связанной с приемом ставок на спортивные события.

Также важной законодательной новеллой стало установление «...запрета на игры с выигрышем, который определяется случайным образом с использованием программ и оборудования, доступ к которым осуществляется через информационно-телекоммуникационные сети, а также средства связи» [7].

Обращая исследовательское внимание на статьи 171, 173.1, 173.2 УК РФ, отметим, что снижение уровня преступности в 2024 году во многом обусловлено внесением нормативных коррективов в уголовное законодательство, направленных на уточнение правоприменительной практики, дифференциацию ответственности и адаптацию уголовно-правовых норм к актуальным социально-экономическим условиям. Эти изменения способствовали оптимизации механизма правового регулирования и, как следствие, снижению криминогенной нагрузки в соответствующих сферах.

Внесение коррективов в УК РФ, направленных на детализированное нормативное правовое регулирование механизмов привлечения

субъектов к уголовной ответственности за преступные деяния в сфере экономической деятельности [8], привело к повышению юридической определенности и обеспечению сбалансированного подхода к вопросам уголовной репрессии и защиты экономических интересов государства. В статью 171 УК РФ были внесены изменения, в рамках которых из ее диспозиции исключен составообразующий признак, характеризующий преступное деяние как «...сопряженное с извлечением дохода в крупном размере». В результате реформирования законодательной базы из положений пункта «б» части 2 указанной статьи устранен квалифицирующий признак, предусматривающий отягчающее обстоятельство, выражающееся в получении дохода в крупном размере. Указанные изменения были внедрены с целью повышения эффективности правоприменительной деятельности и ликвидации возможных правовых пробелов, способных привести к неоднозначному толкованию норм права.

Показатели, характеризующие статьями 173.1, 173.2 УК РФ, также фиксируют тенденцию статистического регресса. Этому способствовало принятие Федерального закона от 8 августа 2024 года № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (изменения вступили в силу с 1 сентября 2024 года), регламентирующего правовой порядок внесения в Единый государственный реестр юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) сведений, касающихся избрания либо назначения лица, наделенного полномочиями действовать от имени юридического лица без необходимости оформления доверенности. Указанные изменения направлены на повышение уровня правовой определенности в области корпоративного управления, совершенствование процедур государственной регистрации юридических лиц и усиление гарантий правомерного функционирования субъектов предпринимательской деятельности. С учетом внесенных законодательных изменений участники обществ с ограниченной ответственностью (за исключением кредитных, некредитных финансовых и специализированных организаций) при принятии решения об избрании нового руководителя обязаны нотариально удостоверить данный факт. В рамках установленной процедуры нотариус не только заверяет легитимность принятого решения, но и подписывает заявление о внесении соответствующих изменений в ЕГРЮЛ, после чего самостоятельно направляет

(ранее — 2 млн 250 тыс. рублей), а согласно статье 172.3 УК РФ к крупному размеру отнесена сумма сокрытых денежных средств, совокупный объем которых в пределах одного финансового года превышает 4 млн 500 тыс. рублей (ранее — 3 млн рублей).

Разработчики законопроекта указывали на отсутствие пересмотра пороговых значений ущерба по указанным статьям на протяжении длительного периода, что привело к увеличению случаев уголовного преследования предпринимателей. Вследствие этого сложилась диспропорция, при которой степень общественной опасности ряда деяний существенно снизилась, однако санкции оставались неизменными. Введение индексации призвано устранить данный дисбаланс и обеспечить соответствие уголовно-правовых мер актуальным экономическим реалиям.

Анализ ниже продемонстрированных статистических данных позволяет выделить иные преступления в главе 22 УК РФ, которые также характеризуются высокой частотой совершения и широким криминальным охватом сфер совершения (табл. 2).

**Современная ситуация распределения наиболее часто совершаемых преступлений
в сфере экономической деятельности (фрагмент)**

Current situation of distribution of the most frequently committed crimes in the sphere of economic activity (fragment)

Глава 22 Уголовный кодекс Российской Федерации	2014		2015		2016		2017		2018		2019		2020		2021		2022		2023		2024	
	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд
Статья 174.1	695	482	802	601	794	605	674	513	968	608	918	684	1424	706	923	663	866	651	928	642	1042	802
Статья 175	2 936	2 339	2 590	1 868	2 410	1 849	2 464	1 905	2 143	1 621	1 677	1 136	1 840	1 051	1 263	938	1 062	799	835	695	593	458
Статья 180	402	198	636	210	861	370	970	401	1 270	428	1472	571	1 880	504	1 563	612	945	492	681	274	452	265
Статья 186	20 525	762	21 136	839	18 778	726	16 290	857	17 550	542	17 692	718	22 301	1 051	17 055	1 355	13 008	956	6 983	461	5 115	207

Статья 187	309	273	181	124	185	87	239	151	541	231	842	357	1642	656	2754	1514	4648	2963	6401	4874	7246	4658
Статья 199	1335	300	1847	384	1823	397	1754	434	1812	447	1538	469	1833	218	1187	249	1031	261	1427	254	1373	392

Составлено автором на основе источника [3]

Значительное снижение количества зарегистрированных преступлений по статье 175 УК РФ с 2023–2024 годы («Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем») может быть связано с вопросами квалификации преступных деяний. Как отмечает Н. А. Лопашенко, «...вопросы квалификации не только создают правовое поле, способствующее развитию деятельности субъектов экономической деятельности, но и оказывают влияние на формирование на статистической картины преступности в сфере экономической деятельности» [9, с. 40].

Для квалификации по статье 175 УК РФ необходимо доказать, что лицо заведомо знало о преступном происхождении имущества. Следователи сталкиваются со сложностями в собирании таких доказательств, поскольку это требует установления не только факта приобретения или сбыта, но и осознания преступного происхождения имущества. В случаях, когда доказать заведомость не удастся, преступление может быть переквалифицировано на другие статьи УК РФ, например, статьи 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» и 160 УК РФ («Присвоение или растрата»).

За 2020–2024 годы наблюдается снижение показателей преступности по статье 180 УК РФ («Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)»: 2020 год — 1 880 преступлений; 2024 год — 452 преступных факта. Считаем, что это обстоятельство обусловлено наличием статьи 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая устанавливает ответственность за аналогичные деяния, квалифицируемые как незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг). Сопоставление данных норм позволяет выявить определенную конкуренцию между уголовной и административной ответственностью в рассматриваемой сфере общественных отношений. Это означает, что однократное совершение правонарушения, не повлекшее значительного ущерба правообладателю, влечет административную ответственность. Многократность, систематичность деяний, причинение

крупного ущерба, наличие корыстной заинтересованности — факторы, свидетельствующие о повышенной общественной опасности деяния, и, соответственно, могут служить основанием для привлечения к уголовной ответственности.

Приведенное нами мнение подтверждается и научной позицией других исследователей: «...в большинстве своем борьба с незаконным использованием средств индивидуализации товаров и услуг ведется с помощью административного законодательства. И это связано, прежде всего, с хитростью и «мобильностью» преступников, пользующихся знаниями об объективных признаках рассматриваемого состава, это помогает избежать привлечения к уголовной ответственности. Схема с регистрацией на третьих лиц — одна из таких уловок. Неоднократность в таких случаях доказать непросто» [10, с. 157].

Исследуемый период характеризуется стабильным удельным весом снижения преступлений, предусмотренных статьей 186 УК РФ, среди других деяний, указанных в главе 22 УК РФ, несмотря на их количественные колебания в различные временные интервалы. Необходимо отметить, что «...такое преступление, как изготовление поддельных денег и ценных бумаг, является распространенным преступным деянием во всем мире в структуре экономической преступности» [11, с. 47].

Снижение числа преступлений, связанных с изготовлением, хранением, перевозкой и сбытом поддельных денежных средств и ценных бумаг в 2023–2024 годах, может быть обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, следует выделить значительный прогресс в области технической и технологической безопасности. Современные методы защиты от фальсификаций, включая сложные элементы защиты в денежных средствах и ценных бумагах, способствуют значительному усложнению процесса подделки, что снижает количество таких преступлений.

Во-вторых, снижение количества поддельных денежных знаков (ст. 186 УК РФ) в 2004 году обусловлено не только усилением государственного контроля, но и трансформацией финансового поведения общества, связанной с уменьшением использования наличных

средств: «...в 2024 году уровень фальшивомонетничества в России достиг минимального значения за последние годы: на 1 млн банкнот в обращении приходится лишь одна фальшивка. Чаще всего подделывают банкноты номиналами 5 000 и 1 000 рублей» [12].

Сокращение объема поддельных денежных знаков обусловлено значительным снижением доли наличных расчетов. Согласно данным Центробанка, в первом полугодии 2024 года объем наличных денег в обращении уменьшился на 570,3 млрд рублей, что стало рекордным сокращением с 2015 года, когда за аналогичный период снижение составило 1,2 трлн рублей. К концу 2024 года доля безналичных платежей достигла 85 %, и ожидался ее дальнейший рост. Статистические данные фиксируют рост безналичных платежей: «...За 10 лет внедрения разных платежных технологий мы с цифры 25 % безналичных операций в 2014 году по концу прошлого года (2023 г. — Т. М.) имеем 83 %. И наш прогноз на горизонте трех — пяти лет, что мы подойдем к цифре 90 %» [13].

В-третьих, существенным фактором сокращения фальшивомонетничества является то, что современные преступные группы все чаще ориентируются на создание мошеннических колл-центров, направленных на незаконное получение безналичных средств.

В рамках представленного материала отмечается сокращение статистических данных по статье 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией — плательщиком страховых взносов». Это норма является также наиболее встречающейся в рассматриваемой главе, имеющей различные статистические колебания за исследуемый период.

Следующий новый состав, появление которого сказалось на увеличении статистических данных по преступлениям в сфере экономической деятельности, — это статья 199.2 УК РФ «Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов». Так, в 2022 году выявлено 291 преступление, в 2023 году — 382, 2024 году — 479 преступление за указанный период, что составляет прирост на 64 %.

Анализ рассмотренных статистических данных преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, в том числе характеризующих наиболее распространенные преступные деяния в сфере

экономической деятельности, позволяет сформулировать ряд существенных выводов.

Представленные количественные показатели демонстрируют значительную вариативность и неоднородность цифровых колебаний, что указывает на сложную природу изучаемого вида преступности. Такая динамика обусловлена комплексом факторов, среди которых особое значение имеют изменение в механизмах законодательного регулирования и установление уголовной ответственности за различные формы незаконной экономической (в том числе предпринимательской деятельности), что приводит к эволюционным изменениям в структуре и динамике преступности.

Анализ статистических данных за 2023–2024 годы свидетельствует о значительном снижении количества зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности по ряду статей УК РФ, включая статьи 175, 180, 186, 199, а также статьи 171, 171.1, 171.2, 171.3, 171.4, 173.1, 173.2 УК РФ, относящиеся к незаконному предпринимательству и финансовым нарушениям. Данная тенденция обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, включая изменения в правоприменительной практике, совершенствование механизмов государственного контроля за финансовыми и предпринимательскими процессами (учреждение, функционирование и ликвидация различных субъектов предпринимательской деятельности), усиление превентивных мер со стороны правоохранительных органов, а также с иными аспектами современного развития производственных, распределительных, обменных и потребительских отношений.

Отдельным фактором, влияющим на динамику и структуру преступности в сфере экономической деятельности и определяющим вектор ее развития, является цифровизация экономической деятельности, повышающая прозрачность финансовых операций.

Важно учитывать, что снижение официальной статистики зарегистрированных преступлений по главе 22 УК РФ не всегда является однозначным индикатором фактического уровня преступности в сфере экономической деятельности. В ряде случаев оно может отражать рост латентности преступлений, обусловленный их более сложной и технологичной природой, переходом в сферу киберпространства и использованием новых механизмов сокрытия незаконной деятельности.

Рассмотренный тренд преступности в сфере экономической деятельности требует

дальнейшего анализа, с ориентиром на возможный рост их латентности. В этой связи необходим комплексный анализ факторов, детерминирующих данную динамику и структуру, включая изменения в механизмах правового регулирования, эффективность превентивных мер и приспособление криминальной деятельности к новым условиям экономической и цифровой среды.

Список источников

1. Молчанова Т. В. Цифровые угрозы преступной активности в экономической сфере: статистические и процессуальные особенности // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 2. С. 228–234.
2. Молчанова Т. В. За гранью цифр: что скрывает статистика преступлений в экономической сфере? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3 (57). С. 120–127.
3. Ф. 491, книга 1: Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности». Раздел 8: Преступления в сфере экономической деятельности // ГИАЦ МВД России.
4. Молчанова Т. В. Преступления в сфере экономической деятельности. Статистическая оценка и возможности прогнозирования: монография. Москва: Юнити-Дана, 2022. 191 с.
5. Дятлов С. А. Искусственный интеллект в цифровой экономике: учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2023. 119 с.
6. Сухаренко А. Н., Молчанова Т. В. Внешнеэкономическая преступность в условиях военной операции // Вестник экономической безопасности. 2024. № 4. С. 91–97.
7. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: федеральный закон от 10 июля 2023 года № 303-ФЗ. Доступ из СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 20.07.25).
8. Федеральный закон О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 6 апреля 2024 года № 79-ФЗ. Доступ из СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 20.07.25).
9. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография в 2 ч. Москва: Юрлитинформ, 2022. 442 с.
10. Салеева Ю. Е., Царева Ю. В. Причины невосребованности ст. 180 УК РФ // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 154–162.
11. Молчанова Т. В. Статистическая оценка преступлений в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2020. № 3. С. 45–49.

12. Унесла нелегкая: количество фальшивых банкнот в России снизилось до минимума // Газета «Известия». URL: <https://iz.ru/1838966/oksana-belkina/unesla-nelegkaa-kolicestvo-falsivyh-kupur-v-rossii-upa-lo-do-minimuma> (дата обращения: 25.06.2025).

13. Центробанк России ожидает роста безналичных расчетов до 90% // Ежедневная деловая газета «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/04/17/1032406-tsentrobank-rossii-prognoziruet> (дата обращения: 25.06.2025).

References

1. Molchanova T. V. Digital Threats to Criminal Activity in the Economic Sphere: Statistical and Procedural Features. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2, pp. 228–234. (In Russ.).
2. Molchanova T. V. Beyond the Numbers: What Do Economic Crime Statistics Conceal? *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, vol. 15, no. 3 (57), pp. 120–127. (In Russ.).
3. F. 491, Book 1: Consolidated Report for Russia “Unified Crime Report”. Section 8: Crimes in the Sphere of Economic Activity. GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russ.).
4. Molchanova T. V. Crimes in the Sphere of Economic Activity. Statistical Assessment and Forecasting Possibilities: Monograph. Moscow: Unity-Dana, 2022. 191 p. (In Russ.).
5. Dyatlov S. A. Artificial Intelligence in the Digital Economy: A Textbook. St. Petersburg: Publishing House of the Saint Petersburg State University of Economics, 2023. 119 p. (In Russ.).
6. Sukharensko A. N., Molchanova T. V. Foreign Economic Crime in the Context of a Military Operation. *Bulletin of Economic Security*, no. 4, 2024, pp. 91–97. (In Russ.).
7. On Amendments to the Federal Law “On State Regulation of Activities Related to the Organization and Conduct of Gambling and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”: federal law no. 303-FZ of July 10, 2023. Accessed from the reference Legal system “ConsyltantPlus” (accessed 20.07.2025). (In Russ.).
8. Federal Law On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law no. 79-FZ of April 6, 2024. Accessed from the reference Legal system “ConsyltantPlus” (accessed 20.07.2025). (In Russ.).
9. Lopashenko N. A. Crimes in the Sphere of Economic Activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation): a monograph in 2 Parts. Moscow: Yurilitinform, 2022. 442 p. (In Russ.).
10. Saleeva Yu. E., Tsareva Yu. V. Reasons for the Lack of Demand for Article 180 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2 (54), pp. 154–162. (In Russ.).

11. Molchanova T. V. Statistical Assessment of Crimes in the Sphere of Economic Activity. *Business Security*, 2020, no. 3, pp. 45–49. (In Russ.).

12. A Hard Claim: The Number of Counterfeit Banknotes in Russia Has Decreased to a Minimum. *Izvestia Newspaper*. URL: <https://iz.ru/1838966/oksa-na-belkina/unesla-nelegkaa-kolicestvo-falsiviyh-kupur>

v-rossii-upalo-do-minimuma (accessed 25.06.2025). (In Russ.).

13. The Central Bank of Russia expects non-cash payments to grow to 90 % // *Vedomosti daily business newspaper*. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/04/17/1032406-tsentrobank-rossii-prognoziruet> (accessed 25.06.2025). (In Russ.).

Информация об авторе

Т. В. Молчанова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

T. V. Molchanova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Criminology Department at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343.13

Цифровая инфраструктура как основа оптимизации уголовно-процессуальной деятельности

Никифорова Юлия Лавриновна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, ulchaha@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты формирования цифровой инфраструктуры как фундамента оптимизации уголовно-процессуальной деятельности. Цифровизация уголовного процесса проанализирована через призму трансформации аналоговых данных в цифровой формат, что способствовало повышению эффективности расследования преступлений и судопроизводства в целом. Особое внимание уделено исследованию механизмов внедрения цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность, а также их влиянию на оптимизацию рабочих процессов. Обоснована необходимость перехода к цифровому производству как ключевому фактору совершенствования уголовного процесса и повышения качества правосудия.

Ключевые слова: уголовный процесс, аналоговые данные, цифровизация, оптимизация, цифровое производство

Для цитирования: Никифорова Ю. Л. Цифровая инфраструктура как основа оптимизации уголовно-процессуальной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 179–185.

Original article

Digital infrastructure as a basis for optimizing criminal proceedings

Yulia L. Nikiforenko

Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ulchaha@mail.ru

Abstract. This article examines the theoretical and practical aspects of developing a digital infrastructure as a foundation for streamlining criminal procedure. The digitalization of criminal proceedings is analyzed through the lens of transforming analog data into digital format, which has contributed to increased efficiency in crime investigations and overall legal proceedings. Particular attention is paid to exploring the mechanisms for implementing digital technologies in criminal procedure, as well as their impact on streamlining workflows. The necessity of transitioning to digital production as a key factor in improving criminal procedure and enhancing the quality of justice is substantiated.

Keywords: criminal proceedings, analog data, digitalization, optimization, and digital production

For citation: Nikiforenko Yu. L. Digital infrastructure as a basis for optimizing criminal proceedings. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 179–185. (In Russ.).

© Никифорова Ю. Л., 2025

На сегодняшний день процесс оптимизации в рамках развития цифрового пространства, охвативший практически все сферы человеческой деятельности, затронул и такую консервативную сферу, как юриспруденция.

Международная практика свидетельствует о развитии и активном использовании цифровых возможностей уголовного производства. Причем подход к модернизации процессуального законодательства в различных государствах весьма разнообразен. Дифференциация цифровых процессов проявляется в том, что отдельные страны придерживаются стратегии эволюционного развития, осуществляя постепенное расширение функциональных возможностей существующей процессуальной конструкции. В то же время ряд государств реализует радикальный подход, основанный на внедрении принципиально новых цифровых платформ и инновационных технологических решений в сфере судопроизводства.

В судебной системе Федеративной Республики Германия [1; 2] реализована комплексная система электронного документооборота, интегрированная в существующую процессуально-правовую среду. При этом основополагающие принципы и фундаментальные положения процессуального права остаются неизменными, обеспечивая преемственность правовой традиции.

Инновационная коммуникационная платформа предоставляет возможность эффективного взаимодействия между ключевыми субъектами уголовного судопроизводства. Суды, органы прокуратуры и правоохранительные структуры получили доступ к единой системе электронного документооборота, функционирующей на основе оцифрованных материалов уголовных дел.

В судебной системе Англии и Уэльса [3] с 2016 года успешно функционирует инновационная Система цифровых дел (*The Crown Court Digital Case System*, сокращенно *CCDCS* или *DCS*), представляющая собой комплексную электронную платформу для управления судебными материалами. Данная система обеспечивает централизованный доступ к материалам уголовного производства для всех участников судебного процесса. Прокуроры, представители защиты и судебные органы получают возможность загружать документы и осуществлять их оперативный поиск через единый веб-портал. Каждому уголовному делу, рассматриваемому в Суде Короны, присваивается персональный цифровой идентификатор, формирующий отдельное электронное досье. Безопасность

системы обеспечивается многоуровневой системой авторизации: доступ к материалам дела предоставляется исключительно зарегистрированным пользователям, что гарантирует конфиденциальность процессуальных документов.

В 2017 году в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан произошли существенные изменения, регламентирующие внедрение электронного формата судопроизводства [4]. Цифровая модернизация процессуального права выразилась во внесении соответствующих поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, закрепивших возможность осуществления расследования уголовных дел в электронной форме.

Однако лидирующие позиции в сфере цифровизации уголовного судопроизводства занимает Китайская Народная Республика, демонстрируя впечатляющие результаты внедрения современных технологий в судебную систему [5].

В 2012 году Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики был дополнен положениями, признающими электронные данные в качестве допустимых доказательств. Законодательно был закреплён широкий спектр электронных материалов, включающих короткие текстовые сообщения и аудиопротоколы судебных заседаний.

Цифровая трансформация документооборота приобрела системный характер. Формирование уголовных дел осуществляется исключительно в электронном формате, а судебные заседания сопровождаются комплексным аудио- и видеопроотоколированием с обязательной фиксацией на электронных носителях.

Значительным достижением стало создание нейросети «умного прокурора», способной на основе анализа улик, экспертиз и других материалов дела формулировать обвинительные заключения. Система обучена на базе 17 000 уголовных дел и способна выдвигать обвинения по наиболее распространенным категориям преступлений.

Интеграция искусственного интеллекта (далее — ИИ) стала ключевым элементом модернизации судебной системы. Специальное программное обеспечение задействовано при рассмотрении каждого дела для:

- 1) проверки корректности ссылок на законодательство;
- 2) разработки юридических документов;
- 3) выявления возможных ошибок человеческого фактора.

Ключевым элементом модернизации процессуальной системы стала интеграция ИИ. В качестве показательных примеров успешного использования технологий ИИ можно выделить две инновационные разработки [6; 7]:

— «Шанхайская интеллектуальная вспомогательная система» рассмотрения уголовных дел, позволяющая, используя актуальные данные нормативно-правовых источников, формулировать резолютивные судебные решения;

— нейросеть «умный прокурор» способна на основе анализа улик, экспертиз и других материалов уголовного дела формулировать обвинительные заключения.

Анализ международного опыта наглядно демонстрирует впечатляющие результаты внедрения цифровых технологий в организацию судебного делопроизводства. Зарубежные правовые системы успешно интегрируют инновационные решения, что позволяет существенно оптимизировать рабочие процессы и повысить эффективность правосудия.

В отечественной правовой системе в виду отсутствия законодательной регламентации цифрового формата расследования и системного использования цифровых возможностей наблюдается отставание в данной сфере. Однако предпринимаются определенные шаги по модернизации существующей инфраструктуры. В рамках развития электронного документооборота осуществляется постепенное внедрение специализированных программных решений и электронных сервисов, направленных на интеграцию в действующую правовую систему.

Эти программные обеспечения можно условно разделить на две основные категории: открытые электронные сервисы, доступные широкому кругу пользователей, включая граждан и представителей различных ведомств, и ведомственные электронные сервисы, разработанные специально для внутреннего использования правоохранительными органами или судами.

Государственная автоматизированная система «Правосудие» представляет собой открытый электронный сервис, обладающий широким функционалом. Система обеспечивает не только мониторинг процессуальных решений и хода рассмотрения дел, но и предоставляет возможность электронного документооборота в рамках гражданского судопроизводства.

Особую актуальность функционал данной системы приобрел в период введения ограничительных мер в связи с пандемией COVID-19, когда необходимость дистанционного

взаимодействия с судом стала критически важной. Однако следует отметить существенную ограниченность применения электронного формата при рассмотрении уголовных дел.

В уголовном производстве сотрудники следственно-оперативных подразделений вынуждены придерживаться традиционного формата взаимодействия с судом. Для получения судебного разрешения на проведение следственных действий или утверждения законности принятых решений требуется личное представление бумажных копий материалов уголовного дела, что существенно снижает эффективность процессуальных процедур и затрудняет оперативность принятия решений.

Органами прокуратуры с целью ведения государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях разработана цифровая система учета материалов проверок и уголовных дел (далее — УМПиУД). Функциональное назначение системы заключается в систематизации данных о состоянии преступности, сообщениях о преступлениях, следственной работе и дознании. В частности, система обеспечивает учет материалов проверок, зарегистрированных в книге учета сообщений о преступлениях (далее — КУСП), и возбужденных уголовных дел, которые рассматриваются в соответствии со статьями 144–145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Процесс работы с системой начинается с внесения данных сотрудником дежурной части. В УМПиУД заносится информация по каждому материалу проверки, включая присвоенный номер согласно регистрации в КУСП, а также краткие сведения о произошедшем инциденте. В последующем к зарегистрированному в системе УМПиУД материалу прикрепляется PDF-копия принятого решения: постановление органов внутренних дел об отказе в возбуждении уголовного дела или решение прокуратуры об отмене таких постановлений либо об утверждении их законности.

По уголовным делам лицо, осуществляющее расследование, вносит в систему УМПиУД сведения по возбужденному уголовному делу: номер, дату, квалификацию преступления, сведения о лице, совершившем преступление, предмет преступного посягательства, сумму материального ущерба, сведения о лице, осуществляющем расследование, а также данные о наличии контроля со стороны надзирающих органов.

Согласимся с позицией отдельных авторов [9; 10, с. 338] и отметим, что существенным недостатком системы УМПИУД является необходимость дублирования бумажных документов в цифровой формат, что способствует повышению нагрузки сотрудников органов внутренних дел.

Государственная автоматизированная система правовой статистики (далее — ГАС ПС) [11] представляет собой цифровой сервис ограниченного доступа, созданный для ведения статистического учета в сфере правоохранительной деятельности. Правовой основой разработки системы послужило принятие в 2011 году новой редакции статьи 51 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Данным нормативным актом за Генеральной прокуратурой были закреплены полномочия по ведению государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, следственной работе, дознании и прокурорском надзоре.

Пилотный проект системы был запущен в 2013 году и охватил деятельность шести региональных прокуратур. С момента внедрения система претерпела существенные изменения, включая расширение географии применения и совершенствования функционала. Первоначальный опыт эксплуатации системы выявил ряд технических сложностей. В частности, статистические карточки требовалось распечатывать и заверять подписями составившего их сотрудника и надзирающего прокурора, что создавало трудности при их выгрузке в единую систему учета.

Имея личный опыт по составлению карточек статистической отчетности, хочется отметить преимущество электронной системы ГАСП ПС по отношению к «привычным» карточкам статистической отчетности. В первую очередь это отказ от бумажных документов, которых и без того очень много (на момент возбуждения уголовного дела сотруднику, ведущему расследование по уголовному делу, необходимо предоставить сопроводительное письмо в 2 экземплярах, копию постановления о возбуждении уголовного дела, надзорный материал, статистические карточки на возбужденное уголовное дело) и сокращение временных затрат. Однако на данный момент органы предварительного расследования, участвующие в опытной эксплуатации системы ГАСП СП, вынуждены вести статистическую отчетность дважды: в привычной форме, согласно ведомственным учетам правовой статистики, и в системе ГАС ПС во исполнение требований прокуратуры.

Как мы можем заметить, технологическое развитие отечественной правовой системы характеризуется определенным дисбалансом в сфере цифровизации уголовного судопроизводства. Как справедливо отмечает С. В. Власова, предпринятые попытки внедрения цифровых технологий в практику предварительного расследования и прокурорского надзора не только не способствовали повышению эффективности данных процессов, но и привели к усугублению бюрократических процедур в правоохранительной системе [12, с. 335]. Ключевой аспект возникающих сложностей проявляется в сохранении доминирования традиционных методов работы с информацией. Существующая нормативно-правовая база и правоприменительная практика продолжают базироваться на использовании бумажных носителей и аналоговых методов фиксации и хранения доказательственной базы.

Отсутствие эффективных правовых механизмов, обеспечивающих возможность проведения расследования в цифровом формате, существенно ограничивает потенциал оптимизации процесса расследования и минимизации временных затрат на обработку информации, что требует комплексного пересмотра подходов к цифровизации уголовно-процессуальной деятельности.

Однако проблема использования в отечественном уголовном процессе научно-технических достижений не является новой. Еще в советский период учеными-процессуалистами [13; 14; 15, с. 143] активно обсуждался вопрос о необходимости признания научно-технических достижений в уголовном судопроизводстве, не ставя их в оппозицию классической уголовно-процессуальной системе. Речь шла исключительно о локальной оптимизации существующей системы, направленной на ее совершенствование и развитие. Научно-технические инновации рассматривались как вспомогательный инструмент, не представляющий угрозы для классической модели уголовного процесса даже на уровне теоретических концепций. Таким образом, интеграция научных достижений воспринималась как естественный процесс модернизации, сохраняющий фундаментальные основы уголовно-процессуальной системы.

В подобных естественных изменениях нуждается и современная процессуальная система. Мы придерживаемся позиции, высказанной Л. В. Головки [16], что комплексная трансформация предполагает не замену традиционных процессуальных механизмов, а их качественное совершенствование посредством внедрения

современных решений. Ключевым аспектом успешного развития и применения цифровых технологий является сохранение базовых принципов уголовного процесса при их адаптации к новым технологическим условиям. Это позволит обеспечить баланс между прогрессивными изменениями и необходимостью поддержания законности, справедливости и защиты прав участников уголовного судопроизводства. Ведение электронного документооборота позволит существенно оптимизировать временные затраты на обработку процессуальных документов, обеспечивая при этом надежное хранение информации и оперативный доступ к материалам дела для всех участников уголовного судопроизводства. Цифровая трансформация доказательственной базы позволит открыть новые перспективы в сфере сбора, фиксации, исследования и протоколирования доказательств, обеспечивая высокую степень сохранности процессуальных материалов.

В тоже время цифровизация общественных отношений актуализирует необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части регламентации применения цифровых технологий при производстве по уголовным делам. Данная проблематика требует комплексного подхода к изменениям действующего УПК РФ с учетом обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных участников уголовного процесса.

Фундаментальные принципы уголовного процесса должны сохраняться при внедрении цифровых инноваций. Презумпция невиновности, состязательность и равноправие сторон требуют адаптации к новым технологическим реалиям без утраты своего сущностного содержания. Это предполагает обеспечение равных возможностей для всех участников процесса при использовании цифровых технологий, сохранение права на защиту и доступ к правосудию.

Технологический прогресс не должен приводить к нивелированию процессуальных гарантий, а напротив, должен способствовать их усилению за счет повышения эффективности уголовного судопроизводства. При этом важно обеспечить возможность альтернативного использования традиционных процессуальных форм для тех участников процесса, которые по тем или иным причинам не могут или не желают использовать цифровые технологии.

Законодательное регулирование применения цифровых технологий в уголовном процессе должно предусматривать четкие критерии

допустимости электронных доказательств, порядок их сбора, проверки и оценки. Необходимо также определить процессуальный порядок использования различных цифровых инструментов при производстве следственных и судебных действий.

Таким образом, цифровизация уголовного процесса представляет собой комплексный процесс модернизации уголовно-процессуальной системы, направленный на повышение эффективности, доступности и прозрачности судопроизводства при сохранении фундаментальных принципов уголовного процесса.

Список источников

1. Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия... и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6 (115).
2. Auftakt der Elektronischen Akte in Strafsachen — Digitalisierung der Strafverfolgung beginnt // Land Brandenburg. 2025. № 7/2025. URL: <https://mdjd.brandenburg> (дата обращения 01.08.2025).
3. Шестакова Л. А. Опыт использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве отдельных стран англо-саксонского права // Основы экономики, управления и права. 2022. № 3 (34). С. 42–46.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения 01.08.2025).
5. Трошинский П. В., Молотников А. Е. Цифровые технологии в судебной системе КНР: нормативно-правовой аспект // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы XII Международной научно-практической конференции, Чита, 27 марта 2020 года. Забайкальский государственный университет, 2020. С. 160–168.
6. Реховский А. Ф. Использование искусственного интеллекта в уголовном процессе Китая // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы третьей Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 21 мая 2021 года / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 69–77;
7. Китайские ученые разработали ИИ-прокурора // Коммерсант. 27 декабря 2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5153358> (дата обращения 01.08.2025).
8. Крадущийся тигр. Искусственный интеллект в Китае принимает решения по делам, а судьи отправляют правосудие в соцсетях // <Актон> Право. 2020. URL: <https://www.law.ru/article/22959> (дата обращения: 01.08.2025).

9. Потапов Д. В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Академия управления МВД России, 2019. 206 с.

10. Левченко О. В. Процессуально-Правовая форма взаимодействия прокуратуры и органов предварительного расследования при противодействии преступности в условиях цифровизации // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы третьей Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 21 мая 2021 года / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 335–343.

11. О государственной автоматизированной системе правовой статистики прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1042623/> (дата обращения: 01.08.2025).

12. Власова С. В. Теоретико-методологическая модель правовой организации противодействия экономической преступности в условиях цифровизации // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 1-2-1. С. 334–341.

13. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.

14. Лупинская П. А. Совершенствование законодательства и развитие науки о решениях в уголовном судопроизводстве статей 114–118 // Развитие науки и практики уголовного судопроизводства в свете требований Конституции СССР / редкол. Л. Б. Алексеева, А. Д. Бойков, Т. Н. Добровольская, Н. В. Жогин (Отв. ред.); отв. за вып.: Бойков А. Д. Москва: Издательство Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1978. 195 с.

15. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. 143 с.

16. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

References

1. Maslennikova L. N., Sushina T. E. The experience of digitalization of criminal proceedings in the Federal Republic of Germany... and the possibility of its use in the digitalization of criminal proceedings in Russia. *Actual problems of Russian law*, 2020, no. 6 (115). (In Russ.).

2. Auftakt der Elektronischen Akte in Strafsachen — Digitalisierung der Strafverfolgung beginnt. *Land Brandenburg*, 2025, no. 7/2025. URL: <https://mdjd.brandenburg> (accessed 01.08.2025). (In Russ.).

3. Shestakova L. A. The experience of using information technologies in criminal proceedings in certain countries of Anglo-Saxon law. *Fundamentals of econom-*

ics, management and law, 2022, no. 3 (34), pp. 42–46. (In Russ.).

4. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (accessed 01.08.2025). (In Russ.).

5. Troshchinsky P. V., Molotnikov A. E. Digital technologies in the judicial system of the People's Republic of China: regulatory aspect. Actual problems of China's development in the process of its regionalization and globalization: proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference, Chita, March 27, 2020. Zabaykalsky State University, 2020. pp. 160–168. (In Russ.).

6. Rekhovsky A. F. The use of artificial intelligence in the criminal process of China. Technologies of the XXI century in jurisprudence: Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, May 21, 2021 / editor-in-chief D. V. Bakhteev. Yekaterinburg: Ural State University of Law, 2021. pp. 69–77. (In Russ.).

7. Chinese scientists have developed an AI prosecutor / The kommersant. December 27, 2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5153358> (accessed 01.08.2025). (In Russ.).

8. The crouching tiger. Artificial intelligence in China makes decisions on cases, and judges administer justice on social networks / <Action> Right. October 2, 2020. URL: <https://www.law.ru/article/22959> (accessed 01.08.2025). (In Russ.).

9. Potapov D. V. Problems of interaction between the investigator, the head of the investigative body and the prosecutor in pre-trial proceedings in a criminal case. Dissertation... candidate of legal sciences Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 206 p. (In Russ.).

10. Levchenko O. V. The procedural and legal form of interaction between the prosecutor's office and the preliminary investigation authorities in countering crime in the context of digitalization. Technologies of the XXI century in jurisprudence: Materials of the Third International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, May 21, 2021 / editor-in-chief D. V. Bakhteev. Ural State University of Law, 2021. Pp. 335–343. (In Russ.).

11. About the State automated system of legal statistics of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1042623/> (accessed 01.08.2025). (In Russ.).

12. Vlasova S. V. Theoretical and methodological model of the legal organization of countering economic crime in the context of digitalization. *Issues of Russian and international law*, 2023, vol. 13, no. 1-2-1, pp. 334–341. (In Russ.).

13. Gorsky G. F., Kokorev L. D., Elkind P. S. Problems of evidence in the Soviet criminal process. Voronezh, 1978. (In Russ.).

14. Lupinskaya P. A. Improvement of legislation and development of the science of decisions in criminal proceedings of Articles 114–118. Development of the science and practice of criminal proceedings in light of the

requirements of the Constitution of the USSR / edit. board Alekseeva L. B., Boykov A. D., Dobrovolskaya T. N., Zhogin N. V. (Responsible editors); responsible for the issue: Boykov A. D. Moscow: Publishing House of the All-Union Institute for the Study of the Causes and Development of Crime Prevention Measures, 1978. 195 p. (In Russ.).

15. Alekseev N. S., Daev V. G., Kokorev L. D. An essay on the development of the science of the Soviet criminal process. Voronezh, 1980. 143 p. (In Russ.).

16. Golovko L. V. Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution? *Bulletin of Economic Security*, 2019, no. 1, pp. 15–25. (In Russ.).

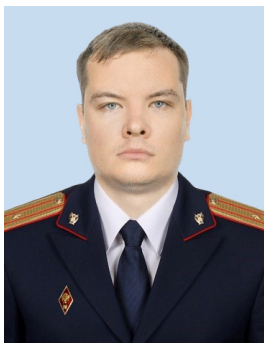
Информация об авторе

Ю. Л. Никифорова — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

Yu. L. Nikiforenko — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor at the Department of Criminalistics Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343

Конституционная безопасность как объект экстремистских и террористических преступлений

Пшеничнов Илья Михайлович^{1, 2}

¹Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия;

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, pshenichnov.im@skspba.ru

Аннотация. Современные подходы к пониманию террористических и экстремистских преступлений, с одной стороны, рассматривают данные феномены как часть и целое, с другой – разграничивают их природу через призму объекта посягательства, что не в полной мере отвечает сущности тех угроз, с которыми приходится сталкиваться правоохранительным органам. В свою очередь, общественная безопасность и конституционный строй хоть и выступают в числе ключевых общественных отношений, страдающих от подобного рода криминальной активности, но все же не отражают истинной направленности соответствующих деяний, что предопределяет необходимость формирования новых подходов к их правовой оценке как в теоретическом, так и практическом планах. С учетом этого в данном ключе особое внимание уделено дефиниции «конституционная безопасность», представляющейся весьма перспективной категорией в разрешении заявленной проблематики.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, конституционная безопасность, общественная безопасность, конституционный строй, государственная власть, преступление, противодействие, законодательство, уголовная ответственность

Для цитирования: Пшеничнов И. М. Конституционная безопасность как объект экстремистских и террористических преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 186–190.

Original article

Constitutional security as an object of extremist and terrorist crimes

Ilya M. Pshenichnov^{1, 2}

¹Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee, Saint Petersburg, Russian Federation;

²National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation, pshenichnov.im@skspba.ru

Abstract. Modern approaches to understanding terrorist and extremist crimes, on the one hand, consider these phenomena as a part and a whole, on the other hand, they distinguish their nature through the prism of the object of encroachment, which does not fully meet the essence of the threats that law enforcement agencies have to face. In turn, public security and the constitutional order, although they are among the key public relations suffering from this kind of criminal activity, still do not reflect the true orientation of the relevant acts, which determines the need to form new approaches to their legal assessment, both in theoretical and practical terms. With this in mind, in this context, it is proposed to pay special attention to the definition of “constitutional security”, which seems to be a very promising category in resolving the stated issues.

© Пшеничнов И. М., 2025

Keywords: extremism, terrorism, constitutional security, public safety, constitutional order, state power, crime, counteraction, legislation, criminal liability

For citation: Pshenichnov I. M. Constitutional security as an object of extremist and terrorist crimes. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 186–190. (In Russ.).

В начале XXI века экстремистские и террористические проявления приобрели более сложный и многогранный характер: наряду с открытым насилием все чаще используются информационные и гибридные способы оказания давления на государственное устройство. В этих условиях анализ сложившейся криминогенной обстановки показывает, что речь идет не столько о физической безопасности граждан или привычном поддержании общественного порядка, сколько о самой организации власти, устойчивости демократических процедур и реальной осуществимости основных прав и свобод, то есть тех элементов, от которых зависит жизнеспособность конституционного уклада в практическом, а не только текстуальном измерении [1, с. 23–24].

Тем не менее в уголовно-правовой науке до сих пор отсутствует единый подход к обозначению того, какая именно группа общественных отношений должна считаться объектом охраны при характеристике экстремистских и террористических преступлений. Устоявшаяся в отечественной гуманитарной доктрине и судебной-следственной практике отсылка к общественной безопасности оказывается чрезмерно широкой и размывает специфику посягательств, связанных с дестабилизацией демократического режима, а также подрывом институтов государственной власти и гражданского общества [2, 3]. Наряду с этим обращение непосредственно к основам конституционного строя фиксирует прежде всего нормативное содержание Основного закона, но при этом слабо отражает динамику их защищенности, зависимость от функционирования выборов, правосудия, средств массовой информации и иных элементов публичной сферы.

Это обуславливает необходимость уточнения понятийного аппарата и поиска такой дефиниции, которая позволила бы связать воедино конституционные принципы, институциональные механизмы и реально действующие гарантии их охраны, в связи с чем представляется целесообразным исследование возможности использования в данном ключе категории «конституционная безопасность», от выбора которой в качестве ключевого ориентира уголовно-правовой охраны зависят не только теоретические выводы о природе экстремистских

и террористических преступлений, но и практические подходы к их квалификации, разграничению и оценке реальной степени угрозы для политико-правового устройства страны.

При раскрытии содержания предлагаемого феномена корректнее исходить не из абстрактного лозунга о «сохранении Конституции», а из более конкретного и целостного понимания того, какие именно общественные отношения здесь фигурируют (комплекс межотраслевых связей, обеспечивающих устойчивую организацию публичной власти на основе конституционных предписаний, реальная включенность граждан в «политико-правовую жизнь», а также эффективная охрана закрепленных прав и свобод). В таком ракурсе безопасность государственного и общественного строя предстает не как статичное отсутствие угроз, а как *способность институциональной системы выдерживать внешние и внутренние вызовы без утраты демократического характера, правовой природы и признанного легитимного базиса*.

При этом сама по себе ссылка на обозначенную выше категорию еще не решает вопроса об объекте уголовно-правовой охраны, поскольку для соответствующей отрасли законодательства важно очертить, какие именно общественные отношения страдают от тех или иных форм экстремистской и террористической активности. Если исходить только из широкой формулы общественной безопасности, то в одном ряду оказываются угрозы жизни и здоровью граждан, посягательства на имущество, массовые беспорядки и подрыв доверия к институтам власти, что затрудняет выделение тех нематериальных последствий, которые и определяются направленностью умысла виновного лица (при этом речь ведется не об исполнителях, зачастую руководствующихся корыстными и иными низменными побуждениями, а о реальных инициаторах радикальной криминальной активности) [4, с. 184–185]. Тогда как опора на конституционную безопасность позволяет сфокусироваться на устойчивости организации публичной власти, на сохранности процедур народного волеизъявления, на работоспособности механизмов судебной защиты и на состоянии публичной сферы, в которой разворачивается добросовестная политическая конкуренция.

В то же время данный подход неизбежно детерминирует вопрос о том, как соотносятся

обозначенная категория и более привычное для уголовно-правовой науки понятие основ конституционного строя. Последнее в доктрине и законодательстве обычно описывается как совокупность закрепленных в Конституции Российской Федерации принципов народовластия, приоритета прав и свобод человека, разделения властей, федерализма, политического и идеологического многообразия [5, с. 9]. Тем самым формируется нормативный образ того, каким должен быть государственно-правовой уклад и статус личности, однако в меньшей степени отражается, насколько эта конструкция устойчива к целенаправленным попыткам подрыва и какое влияние подобная радикально-противоправная деятельность оказывает на ее эффективность и фактическую реализуемость.

Кроме того, если основы конституционного строя отвечают прежде всего на вопрос о содержании и структуре общественно-политического устройства страны, то обращение к конституционной безопасности позволяет сфокусироваться на том, как работают соответствующие институты и процедуры в реальных условиях. Такой ракурс делает видимыми не только текстуально закрепленные положения, которые как таковые в действительности не претерпевают негативных последствий (провозглашение прав человека высшей ценностью либо признание частной собственности, тем не менее не означают, что причинение вреда здоровью личности или имущественного ущерба непосредственно посягают на конституционный строй), но и само функционирование представительных органов, выборных механизмов, судебной системы, средств массовой информации и гражданского общества, от которых в целом зависит практическое осуществление основополагающих принципов. Лишь при таком подходе представляется возможным очертить, на какие именно элементы ориентирована уголовно-правовая охрана при оценке экстремистских и террористических проявлений, и тем самым задать исходные ориентиры для анализа характера причиняемого вреда и границ ответственности.

При этом необходимо понимать, что фигурирующие в данном контексте экстремистские проявления олицетворяют собой не столько совокупность изолированных правонарушений, сколько особый тип идеологически мотивированной активности, структурно встроенной в сферу публичных коммуникаций [6, с. 35]. Для таких деяний характерно сочетание пропагандистского и организационного компонентов: через публичные призывы, распространение

деструктивной символики, легитимацию дискриминационных установок формируется среда, в которой обесцениваются принципы равноправия, политического плюрализма и взаимной терпимости, в результате чего под удар попадают не отдельные участники общественных отношений, а устойчивость тех основополагающих и руководящих начал, которые закреплены в Конституции Российской Федерации и реализуются через институты представительной власти, выборов и правосудия.

Кроме того, следует подчеркнуть, что существенная часть экстремистских деяний носит формально ненасильственный характер и реализуется в форме информационных кампаний, массовых мероприятий, создания сетей сторонников [7], которые не всегда сопровождаются немедленными материальными последствиями, но постепенно деформируют общественно-политическую обстановку в стране (стираются границы допустимого, радикальные лозунги начинают восприниматься как что-то обычное, а группы, объявленные «чужими» и фактически исключаются из круга тех, чье равноправие признается и защищается законом). В результате возникает накопительный эффект, когда внешне разрозненные эпизоды радикализма складываются в устойчивую линию давления на деятельность представительных органов и на восприятие гражданами легитимности действующей власти.

На этом фоне иная, хотя и структурно связанная с ней нагрузка на конституционную безопасность обнаруживается при обращении к террористическим преступлениям, которые олицетворяют собой инструмент прямого давления на органы власти и население. Выбор целей в таких случаях редко бывает случайным: атакуются объекты, связанные с федеральными или муниципальными организационно-распорядительными функциями, осуществлением правосудия, функционированием транспортной и иной критически важной инфраструктуры, обеспечивающей реализацию конституционных прав на свободу передвижения, участие в выборах, доступ к иным базовым гарантиям.

В результате возникают не только прямой материальный преступный результат в виде вреда жизни/здоровью граждан и имущественного ущерба, но и цепочка иных общественно опасных последствий для системы обеспечения безопасности политико-правового строя. При этом каждый подобный криминальный эпизод заставляет органы власти оценивать, какие объекты оказались наименее защищенными, а

процедуры и механизмы противодействия — неэффективными. Параллельно корректируются решения в сфере уголовной политики: усиливаются санкции по отдельным составам, вводятся специальные квалифицирующие признаки, расширяется перечень превентивных норм, меняются акценты в практической работе правоохранительных органов.

Если посмотреть на эти изменения через призму конституционной безопасности, становится заметно, что террористическая преступность затрагивает не столько общественный порядок, сколько общие основы функционирования публичной власти. С одной стороны, усиливается охрана наиболее значимых институтов государственной власти, с другой — от того, как выстроены правовые рамки такой мобилизации, зависит сохранение их правового характера, предсказуемость применяемых средств и своевременное возвращение системы к обычному режиму после стабилизации ситуации. В этом смысле терроризм выступает не только источником непосредственного вреда, но и испытанием для устойчивости тех институциональных и правовых механизмов, которые являются опорой действующего государственного и общественного уклада.

С учетом изложенного особое значение приобретает вопрос о том: «Как выбор конституционной безопасности в качестве исходного ориентира отражается на конструкции составов преступлений и квалификационных подходах?». Речь идет не о декларативной смене терминологии, а о смещении акцента при определении того, какой вред признается юридически значимым для отнесения деяния к экстремистской или террористической категории. Если в качестве родового объекта брать лишь общественную безопасность в широком смысле, любой массовый вред или запугивание населения потенциально могут интерпретироваться как посягательство на соответствующие составы. Ориентация же на защиту устойчивости политико-правового устройства и ключевых механизмов, обеспечивающих его стабильность, позволяет выдвинуть в центр внимания направленность деяния на изменение либо блокирование основ публичной власти, а не только на причинение тяжких последствий отдельным потерпевшим.

Такой подход задает и более четкие критерии разграничения исследуемых преступлений с иными формами насильственной и идеологически мотивированной активности, поскольку в каждом конкретном случае анализируется не только способ посягательства, но и то,

затрагивает ли оно условия реализации народо-властия, функционирование органов управления, выборов и правосудия либо же остается в пределах локального конфликта, пусть и сопровождающегося значительным вредом. В первом варианте оправдана квалификация по статьям, охватывающим экстремистские и террористические проявления, во втором — предпочтительно применение норм, защищающих жизнь, здоровье, собственность и иные частные или коллективные блага без включения конституционной безопасности в число непосредственных объектов. Тем самым исследуемая категория начинает выполнять системообразующую роль в уголовно-правовом описании соответствующих деяний, задавая рамки для оценки их общественной опасности и границ уголовной репрессии.

В целом проведенный анализ показывает, что обращение к конституционной безопасности в качестве основного объекта отражает реальную направленность общественно опасных последствий, причиняемых экстремистскими и террористическими посягательствами. Именно на этом уровне выявляется их общая природа как деяний, ориентированных на подрыв политико-правового строя, трансформацию механизмов публичной власти и деформацию условий реализации основных прав и свобод. В отличие от традиционной привязки к общественной безопасности в широком понимании, данная категория позволяет выстроить более точную систему координат, в которой становятся различимыми специфические формы воздействия на демократический порядок, в том числе через ненасильственные экстремистские вызовы и насильственные террористические угрозы.

Выявление обозначенного объекта в качестве основания охраны исследуемых составов создает дополнительные возможности для совершенствования уголовного закона и практики его применения. С одной стороны, уточняется доктринальная привязка соответствующих норм к охране устойчивости публичной власти и базовых демократических процедур, с другой — появляются более строгие критерии отнесения конкретных деяний к экстремистским или террористическим. Это позволяет избежать как неоправданного расширения применения специальных составов к любому массовому насилию или запугиванию населения, так и недооценки тех форм идеологически мотивированной активности, которые без прямого насилия подрывают доверие к государственным

и общественным институтам, процедурам свободных выборов и системе правосудия.

В этом смысле конституционная безопасность может рассматриваться как наиболее адекватный родовой объект для группы экстремистских и террористических преступлений, поскольку она объединяет в себе как ключевые конституционные принципы, закрепляющие основы государственного строя, так и реальное состояние их защищенности в практической деятельности органов публичной власти, выборных процедур, судебной системы и иных элементов политико-правового механизма. Такая постановка вопроса не подменяет традиционные конструкции объекта охраны, а дополняет их, позволяя наиболее наглядно отразить, что уголовно-правовая реакция в рассматриваемой сфере направлена прежде всего на сохранение способности государства и общества поддерживать демократический порядок, обеспечивать осуществимость закрепленных прав и восстанавливать нормальный режим функционирования органов публичной власти после экстремистских и террористических вызовов.

Список источников

1. Назарова Е. В. Экстремизм как угроза основам конституционного строя и безопасности государства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-4 (49). С. 23–25.
2. Станкин А. Н. Конституционно-правовая безопасность: понятие, признаки и соотношение с национальной безопасностью // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47). С. 51–56.
3. Федотова Ю., Рогов А. О категориях «конституционная безопасность» и «национальная безопасность»: терминологический анализ // Государственная служба. 2014. № 3 (89). С. 6–9.
4. Пшеничнов И. М. Незаконный наем в экстремистских и террористических преступлениях: вопросы взаимообусловленности и противодействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 183–188.

5. Дорохов Н. И. Основы конституционного строя Российской Федерации: теоретико-правовая модель, состояние и проблемы // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2019. № 2 (20). С. 7–16.

6. Андриянов В. Н. Конституционно-правовые основы противодействия экстремизму // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 32–42.

7. Экстремизм в контексте манипуляции общественным сознанием и свободой слова / М. А. Кириллов, Е. В. Нечаева, А. В. Петрянин, И. М. Пшеничнов // Вестник российского университета кооперации. 2023. № 4 (54). С. 107–114.

References

1. Nazarova E. V. Extremism as a threat to the foundations of the constitutional order and the security of the state. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, no. 10-4 (49), pp. 23–25. (In Russ.).
2. Stankin A. N. Constitutional and legal security: concept, signs and correlation with national security. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3 (47), pp. 51–56. (In Russ.).
3. Fedotova Yu., Rogov A. On the categories of “constitutional security” and «national security»: terminological analysis. *Civil Service*, 2014, no. 3 (89), pp. 6–9. (In Russ.).
4. Pshenichnov I. M. Illegal hiring in extremist and terrorist crimes: issues of interdependence and counteraction. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 183–188. (In Russ.).
5. Dorokhov N. I. Fundamentals of the constitutional system of the Russian Federation: theoretical and legal model, status and problems. *Bulletin of the S.Y. Witte Moscow University. Series 2: Legal Sciences*, 2019, no. 2 (20), pp. 7–16. (In Russ.).
6. Andrianov V. N. Constitutional and legal foundations of countering extremism. *All-Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 32–42. (In Russ.).
7. Extremism in the context of manipulation of public consciousness and freedom of speech / M. A. Kirillov, E. V. Nechaeva, A. V. Petryanin, I. M. Pshenichnov. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2023, no. 4 (54), pp. 107–114. (In Russ.).

Информация об авторе

И. М. Пшеничнов — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Санкт-Петербургской академии Следственного комитета; доцент кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Information about the author

I. M. Pshenichnov — Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Branch of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky.

Научная статья
УДК 343

Некоторые уроки современной российской судебной реформы в контексте национальной идентичности уголовного процесса России

Тарасов Александр Алексеевич¹, Эксархопуло Алексей Алексеевич²

^{1,2}Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

¹aatar@mail.ru, ORCID 0000-0001-6743-5517

²a.exarkhopulo@mail.ru

Аннотация. Судебно-правовая реформа, начавшаяся в России в 1990-е годы и продолжающаяся до сих пор, традиционно сопровождается острой полемикой в юридической науке и в обществе в целом. Для уголовно-процессуальной научной полемики по проблемам судебной реформы характерен не только повышенный эмоциональный накал, но и взаимные упреки разных групп авторов в тех недостатках и противоречиях, которые выявились в ходе проведения реформы. Упреки эти касаются в значительной их части не содержания конкретных процессуальных норм и институтов, не особенностей их реализации в правоприменительной практике, а идеологических характеристик реформы в целом и отдельных ее элементов. Отчасти основа для эмоционально-идеологической критики реформы была заложена в ее программном официальном документе – Концепции судебной реформы, в которой анализ кризиса отечественной системы уголовной юстиции советского периода сопровождается многими откровенными и при этом резко негативными оценочными суждениями. Такой тон критики российского уголовного процесса и всех государственных органов, в нем участвующих, не мог не затронуть чувств многочисленных сотрудников этих органов, а также ученых, изучавших проблемы их функционирования и добросовестно пытавшихся эти проблемы решать задолго до появления Концепции судебной реформы. Негативный эмоциональный тон Концепции судебной реформы не мог не вызвать такой же эмоциональной реакции на нее саму и на ее авторов, что выявилось с самого начала реформирования российской системы уголовной юстиции, но стало особенно заметным при обнаружении первых неудач. Избыточное увлечение некоторыми российских процессуалистов резкой эмоциональной критикой основных лозунгов Концепции судебной реформы закономерно отвлекло их от научного анализа юридического содержания Концепции судебной реформы. Лозунговый формат научной критики априори чреват многими искажениями суждений оппонентов, публичным наполнением их совсем не тем смыслом, который в него вложили сами критикуемые авторы. Полемика, ведущаяся в таком эмоционально-пропагандистском тоне, неизбежно превращается в состязание в гневной обличительной риторике, полной субъективизма в оценках чужого мнения, а к тому же, и многих достаточно грубых фактических неточностей в собственных рассуждениях, но главное, что такая полемика, как правило, далека от конкретных предложений по решению конкретных практических проблем здесь и сейчас. На примерах современной юридической литературы показано, что чрезмерное увлечение идеологической стороной реформ российского уголовного процесса нередко не только вытесняет из научных трудов анализ собственно процедурного его содержания, но и способно подорвать доверие даже к тем здравым идеям, которые предлагают и отстаивают любители пропагандистских заявлений. Судебная реформа, при всех ее недостатках, трудностях и противоречиях, сыграла важную позитивную роль в развитии уголовно-процессуальной науки и способствовала расширению ее мировоззренческого разнообразия, появлению новых направлений научных исследований, заслуживающих не пропагандистского, а содержательного профессионального внимания и обсуждения в публичном пространстве.

© Тарасов А. А., Эксархопуло А. А., 2025

Ключевые слова: уголовный процесс, судебная реформа, Концепция судебной реформы, уголовно-процессуальные институты, уголовно-процессуальные нормы, англосаксонская и континентально-европейская правовые семьи, суд присяжных, явка с повинной, следственный судья, судебный следователь, уголовно-процессуальные правоотношения

Для цитирования: Тарасов А. А., Эксархопуло А. А. Некоторые уроки современной российской судебной реформы в контексте национальной идентичности уголовного процесса России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 191–203.

Original article

Some lessons of contemporary Russian judicial reform in the context of the national identity of Russia's criminal procedure

Alexander A. Tarasov¹, Aleksey A. Eksarkhopulo²

^{1,2}Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

¹aatar@mail.ru, ORCID 0000-0001-6743-5517

²a.exarkhopulo@mail.ru

Abstract. The judicial and legal reform that began in Russia in the 1990s and continues to this day has traditionally been accompanied by heated debate in legal science and in society as a whole. Criminal procedural scientific debate on the problems of judicial reform is characterized not only by heightened emotional intensity, but also by mutual reproaches from different groups of authors regarding the shortcomings and contradictions that have emerged during the reform. These reproaches relate, to a large extent, not to the content of specific procedural norms and institutions, or the specifics of their implementation in law enforcement practice, but to the ideological characteristics of the reform as a whole and its individual elements. In part, the basis for the emotional and ideological criticism of the reform was laid in its programmatic official document, the Concept of Judicial Reform, in which the analysis of the crisis of the domestic criminal justice system of the Soviet period is accompanied by many frank and at the same time sharply negative evaluative judgments. Such a tone of criticism of the Russian criminal process and all state bodies participating in it could not help but touch the feelings of numerous employees of these bodies, as well as scientists who studied the problems of their functioning and conscientiously tried to solve these problems long before the appearance of the Concept of Judicial Reform. The negative emotional tone of the Concept could not help but cause the same emotional reaction to it and to its authors, which was revealed from the very beginning of the reform of the Russian criminal justice system, but became especially noticeable when its first failures were discovered. The excessive passion of some Russian proceduralists for sharp emotional criticism of the main slogans of the Concept of Judicial Reform naturally distracted them from the scientific analysis of the legal content of the Concept. The slogan format of scientific criticism is a priori fraught with many distortions of the opponents' judgments, publicly filling them with a meaning completely different from that which the criticized authors themselves put into them. A debate conducted in such an emotional and propagandistic tone inevitably turns into a competition in angry, accusatory rhetoric, full of subjectivity in assessing someone else's opinion, and, in addition, many rather gross factual inaccuracies in one's own reasoning. But the main thing is that such debates, as a rule, are far from specific proposals for solving specific practical problems here and now. Examples from modern legal literature show that excessive enthusiasm for the ideological side of reforms of the Russian criminal procedure often not only displaces analysis of its procedural content from scientific works, but is also capable of undermining trust even in those sound ideas that are proposed and defended by lovers of propaganda statements. The judicial reform, with all its shortcomings, difficulties and contradictions, played an important positive role in the development of criminal procedural science and contributed to the expansion of its ideological diversity, the emergence of new areas of scientific research that deserve not propaganda, but substantive professional attention and discussion in the public space.

Keywords: criminal procedure, judicial reform, the concept of judicial reform, criminal procedure institutions, criminal procedure rules, Anglo-Saxon and continental European legal families, jury trial, confession, investigating judge, judicial investigator, criminal procedure legal relations

For citation: Tarasov A. A., Eksarkhopulo A. A. Some lessons of contemporary Russian judicial reform in the context of the national identity of Russia's criminal procedure. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 191–203. (In Russ.).

Введение

Судебно-правовая реформа в России на рубеже XX и XXI столетий с самого начала, то есть приблизительно со второй половины 1980-х годов, была предметом самых ожесточенных споров не только в профессиональном

юридическом сообществе, но и на всех уровнях политического руководства страны и регионов, во всех слоях российского общества. Удивлений это не вызывало: система правосудия всегда была в центре общественного внимания, она в той или иной мере касалась или потенциально могла коснуться в любой момент любого жителя страны, его семьи, его профессиональной деятельности. По прошествии времени накал общественных и профессиональных страстей вокруг судебной реформы, продолжающейся по сей день, не то чтобы снизился, но, очевидно, приобрел несколько иные черты. То, что раньше было прогнозами, надеждами либо опасениями, сегодня стало либо принятой, либо отвергнутой реальностью, у которой появилась возможность оценивать *postfactum*, что называется, «задним умом». На момент таких оценок все ошибки и просчеты уже свершились и обнаружались их причины, по утверждениям многих, кажутся очевидными и даже ожидаемыми, хотя и воспринимаются всеми по-разному. Постфактум в науке почти всегда ведется активный поиск ответа на извечный русский вопрос: «Кто виноват?». Виноватые, разумеется, всегда и у всех находятся, и значительная доля мыслительной энергии профессионалов, которые могли бы ответить на другой, куда более важный вопрос: «Что делать?», тратится на взаимные упреки либо просто на одностороннюю ругань в адрес реальных или воображаемых оппонентов. У медиков есть очень точный и применимый к данной ситуации профессиональный афоризм: «Патологоанатом — лучший диагност». Между тем в реальной действительности диагноз ставится в начале болезни, а не после смерти больного, и методики лечения определяются, как правило, в условиях информационной неопределенности, когда даже самый опытный и образованный специалист, действующий к тому же из самых благих побуждений, не может предугадать всех последствий своего прогнозирования и лечения. С социальными прогнозами ситуация аналогичная.

В уголовно-процессуальной науке до сих пор обсуждаются последствия тех ошибочных или даже заведомо вредных для России идей, которые, по убеждению некоторых авторов, изначально были заложены в Концепцию судебной реформы (далее — Концепция), принятую Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 года. Дискуссии в специальной литературе об идеологических основах уголовного процесса, о «западных» либо, напротив, «традиционных российских» ценностях, о необходимости

противостояния одним из них или следовать другим, о замене одних законодательных деклараций на другие, очевидно, менее продуктивен, чем конкретные предложения о замене того, что «плохо» на то, что «хорошо» с конкретными формулировками, которые необходимо вставить в конкретные законодательные предписания. Регулируют уголовно-процессуальную деятельность вовсе не лозунги, не какие-то красивые и правильные слова (например, истина или состязательность), а конкретные нормы права, правила поведения конкретных людей в конкретных условиях. Формулировки этих правил должны быть понятны и недвусмысленны, просты в толковании и потому пригодны для пользования и применения, что, разумеется, не исключает общей концептуальной и идеологической направленности всех этих правил, которые совсем не обязательно переводить в лозунговый формат. Прав Л. В. Головки, утверждающий, что текстуальное удаление из действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) принципа материальной истины вошло в противоречие со всей «нашей уголовно-процессуальной инфраструктурой», которая настроена на всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела и активную роль суда в их установлении, поскольку все судебные решения должны быть мотивированными. Таким образом, возникло противоречие между принципами уголовного процесса и традиционной для России континентальной инфраструктурой всего уголовного процесса, и это противоречие необходимо снять [1]. Так выглядит содержательный научный анализ соответствия процедурной и идеологической составляющей системы уголовного процесса, Л. В. Головки обходится без эмоциональных аргументов, что явно на пользу изложению профессиональной авторской позиции.

Нельзя не отметить, что текст Концепции сам изобилует хлесткими оценочными суждениями, которые не могли не вызвать негативной реакции у какой-то части населения России. Приведем точные цитаты из данного текста: «Длительное время государство оставалось враждебной силой по отношению к гражданскому обществу и личности. Для современной юстиции характерны преувеличенная забота об интересах государства в ущерб другим субъектам правоотношений, подмена общественных и частных начал государственными. Государство оказывается на земле тем же, что и Бог на небе: создателем заповедей,

всепроникающим куратором, всеведущим вершителем судеб [2]».

Воздержимся от оценок соответствия сказанного реальной действительности тех лет. Просто представим себе реакцию сотрудников государственных органов, которые априори, независимо от их индивидуальных деловых и личностных качеств, жизненных устремлений приобретали негативные черты той почему-то внешней для общества (то есть всего населения страны) государственной машины, в отношении которой авторы Концепции не скупилась на разрушительную и неизменно пафосную критику. Вне связи с оценками справедливости либо несправедливости такой критики подчеркнем, что излишне эмоциональная риторика текста Концепции впоследствии не могла не вызвать столь же эмоциональной ответной реакции. Функционирование системы уголовной юстиции не прекращается ни на день, «плохой» кадровый состав, воспитанный предшествующими десятилетиями, не может быть заменен на «хороший» одномоментно, даже если бы можно было точно понимать, что именно в этом контексте означают слова «хороший» и «плохой». Как бы то ни было, но избыток эмоционального напряжения в процессах социального реформирования всегда играл негативную роль, хотя и был всегда неизбежным.

Разграничение лозунгов и процедурных правил в теоретических дискуссиях по поводу концептуальных основ, хода и промежуточных результатов, а также перспектив современной судебно-правовой реформы в России представляет, на наш взгляд, самостоятельный научный и практический интерес, поскольку позволяет перевести эмоциональный обмен упреками и остроумными замечаниями в сугубо прагматическое русло, что всегда куда полезнее для позитивного развития отечественной правовой системы.

Выбор концептуальной модели реформирования российского уголовного процесса

Анализ уголовно-процессуальной литературы последних лет позволяет выявить весьма симптоматичную «линию аргументации» причин неудач постсоветской судебно-правовой реформы, формально начавшейся в 1991 году, а законодательно воплощенной в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) 2001 года. Главной причиной некоторые авторы называют «прозападную», а точнее — «англосаксонскую», а еще точнее — «проамериканскую» ориентацию самих

реформаторов, иногда именуемых персонально, и всей реформы как их детища [3].

Увлекаясь этой критикой и такой не совсем юридической ее аргументацией, исследователи иногда допускают преувеличения и неточности. Так, например, Н. В. Азарёнок, известный автор очень обстоятельных трудов о реформировании отечественного уголовного судопроизводства на основе российских исторических традиций, что само по себе может вызвать только уважение и одобрение, в докторской диссертации, подготовленной в 2021 и защищенной в 2022 году, пишет о «поспешно разработанном в 2001 году» [4] новом российском УПК РФ. Однако известно, что работа как минимум над тремя альтернативными проектами нового УПК РФ велась в условиях очень широкого обсуждения с момента принятия Верховным Советом РСФСР Концепции в октябре 1991 года. Трудно считать *поспешной* (выделено нами — **А. Т., А. Э.**) разработку УПК РФ 2001 года, если между официальным утверждением его концептуальной основы и принятием самого закона прошло более 10 лет.

Первый проект общей части УПК РФ, разработанный от имени так называемого Государственно-правового управления при Президенте Российской Федерации, был опубликован в журнале № 9 «Российская юстиция» в сентябре 1994 года. Этот проект не выдержал никакой критики ни с точки зрения определенности общей концептуальной основы проектируемого закона, ни с точки зрения юридической техники. Даже сам факт изолированной подготовки к обсуждению только общей части УПК РФ воспринимался среди профессионалов однозначно негативно. Дальше обсуждений в научных коллективах этот исторический документ не пошел, однако с этого момента обсуждение всех проектов УПК РФ приобретало широкий общественный резонанс.

К началу двухтысячных годов как раз вовсе не поспешность законопроектной работы, а ее очевидная затянутость на долгие девять лет, если вести отсчет времени с момента официального принятия Концепции, вызывала заметное раздражение в обществе. Тот законопроект, который в июне 2001 года был представлен ко второму чтению в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, был результатом этого многолетнего обсуждения и соединения идей нескольких проектов в одном тексте. Правы авторы, утверждающие, что УПК РФ, принятый Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в итоге 22 ноября 2001 года, одобренный

Советом Федерации 5 декабря 2001 года и подписанный Президентом Российской Федерации 18 декабря 2001 года, был плодом компромисса между разными группами профессионалов, ученых и практиков и между разными государственными ведомствами, занятыми в уголовном процессе. На это прямо указывали в 2017 году такие видные ученые, как Б. Я. Гаврилов и В. П. Божьев [5], которые известны сугубо деловым подходом к анализу законодательства и правоприменительной практики, предельно свободным от идеологических штампов и навешивания политических ярлыков на оппонентов. Многие неточности, противоречия и двусмысленности редакционного, равно как и концептуального свойства в УПК РФ 2001 года стали следствием такого многопланового компромисса. И. Л. Петрухин [6] и С. А. Шейфер [7] отмечали концептуальную эклектичность нового УПК РФ, то есть соединение в нем элементов разных школ права и разных правовых систем. Компромиссный, а потому и эклектичный характер кодекса, разумеется, не мог не проявиться и впоследствии в многократном его «латании», в придании процессуальным институтам принципиально иного звучания, чем в предыдущей редакции, иногда даже многократно. Это случилось, например, с институтом возвращения уголовного дела прокурору судом (ст. 237 УПК РФ), который из практически точного аналога гражданско-процессуального института возвращения искового заявления истцу для устранения недостатков (с оставлением дела без движения) за 20 лет действия УПК РФ постепенно превратился в почти столь же точный аналог известного советскому законодательству института возвращения дела судом для производства дополнительного расследования [8]. Не давая этому факту никаких оценок, отметим лишь, что система уголовного процесса — это живой организм, развивающийся в тех направлениях, которые ему продиктованы социально-политическими условиями развития страны на данном историческом этапе. Б. Я. Гаврилов недвусмысленно утверждал, что фактически возвращение дела прокурору — это возвращение дела на дополнительное расследование [9], и с ним трудно не согласиться. Дело ведь не в названии, а в существе.

Н. В. Азарёнок настаивает на необходимости «возродить институт дополнительно-го расследования, однако применять его не по инициативе суда, а по ходатайству сторон, если в условиях судебного разбирательства не удалось устранить выявленную неполноту

расследования [4, с. 17]. Такой подход, независимо от личного отношения к нему кого бы то ни было, отражает фактически сложившееся сегодня на практике положение вещей. В предложении Н. В. Азаренка важно, что названное решение не отдается им исключительно на усмотрение суда, который, по общей логике правосудия, должен сохранять нейтральность по отношению к сторонам, а не предлагать одной из них «залатать дыры» там, где она не сделала этого раньше, хотя и должна была. Как бы то ни было, но здесь речь идет точно не о лозунге, а о конкретном процедурном правиле, и такой научный разговор, несомненно, более полезен и с теоретической, и с практической точек зрения.

На этом фоне обратим внимание на другое высказывание Н. В. Азарёнка в той же диссертации: «Множество изменений и дополнений, внесенных в УПК РФ за двадцать лет его действия, не трансформировали сложившуюся архитектуру уголовного процесса в англосаксонскую модель. Стабильность правовой организации уголовно-процессуальной деятельности как производства континентального типа свидетельствует о бесперспективности ее коренной ломки по причине неизменности ментальных основ российской нации, что обуславливает исключительно эволюционный путь совершенствования уголовного процесса [4, с. 11].

Нет ни малейших сомнений в большей продуктивности именно эволюционного развития правовой системы в целом и уголовного процесса в частности, чем их коренной ломки, всегда болезненной в социальном плане и всегда крайне обременительной в плане экономического. Однако явным преувеличением выглядит утверждение, будто бы 20-летние усилия законодательной власти по изменению и дополнению УПК РФ 2001 года были нацелены на трансформацию российского уголовного процесса по англосаксонской модели. Глобальная реформа российского предварительного следствия, произошедшая в июне 2007 года, то есть всего через 5 лет после начала действия УПК РФ, — это сугубо российский вариант организации досудебного производства, не имеющий аналогов где-либо и уж тем более в странах англосаксонской правовой семьи с их деформализованным досудебным производством по уголовным делам. Эта реформа постепенно и тщательно готовилась Генеральной прокуратурой Российской Федерации [10], которую, к счастью, невозможно даже заподозрить в «прозападной ориентации». Несколько странным выглядит и утверждение об ориентации верховной

законодательной власти России после 2000-го года на какие-то «англосаксонские образцы». Если бы были приведены какие-то примеры законодательных решений именно «последних 20 лет» (предшествующих подготовке диссертации), нацеленных на отмеченную Н. В. Азарёнок трансформацию российского уголовного процесса в англосаксонскую модель, авторскую мысль было бы проще понять.

Наиболее известные сторонники Концепции М. А. Краснов и Г. А. Саттаров, обстоятельно и критично оценивающие ее промежуточные итоги в 2010 году, не делали тайны из того, что в процессе подготовки концептуальных основ преобразований в системе отечественной уголовной юстиции занятые в нем российские творческие коллективы активно сотрудничали с зарубежными и международными профессиональными организациями и с американскими юридическими фондами и ассоциациями, в частности [11]. Но описание содержательных целей и направлений судебной реформы, что в самой Концепции, что в книге, специально посвященной анализу ее первых итогов, не оставляет сомнений, что вся реформа была нацелена прежде всего на становление сильной и независимой судебной власти [11], имеющей к англосаксонской модели уголовного процесса ничуть не большее отношение, чем к любой другой. Никто из современных авторов идею независимости судей под сомнение не ставит, на каких бы позициях по поводу идеологических основ и процедурных деталей ее функционирования они ни стояли.

Приведем еще одну цитату из докторской диссертации Н. В. Азарёнка: «В результате российской общественности настойчиво внушается мысль о необходимости движения в англосаксонском направлении как единственно возможном пути совершенствования уголовного судопроизводства» [4]. Это пишется не в 1990-е годы и даже не в начале 2000-х. Это пишется в 2021 году, когда от Концепции 1991 года и от первоначального текста УПК РФ 2001 года мало, что осталось. Практика применения Уголовно-процессуального закона ничем не напоминает никакие «англосаксонские направления», что верно подчеркивается и в работах самого Н. В. Азарёнка. Трудно поверить, что в этих условиях кто-то может продолжать «настойчиво внушать» эти направления российскому обществу. Отметим, что процитированное утверждение начинается со слов «в результате», обозначающим, как известно, причинно-следственную связь. В предыдущем абзаце

цитируемого текста высказаны содержательные критические суждения в отношении процессуальной фигуры «так называемого следственного судьи, призванного в итоге вытеснить современного следователя с привычного места, а досудебное производство переместить под юрисдикцию судебной власти» [4]. Только ведь в англосаксонской модели уголовного процесса нет и никогда не было следственного судьи либо кого-то его напоминающего. И судебного следователя там не было, а в российской истории, на традиции которой Н. В. Азарёнок справедливо и настойчиво предлагает опираться, судебный следователь был. Да и в большинстве стран «континентальной модели уголовно-процессуальной деятельности», по которой Н. В. Азарёнок обоснованно считает целесообразным развиваться российскому уголовному процессу [4, с. 9], следственные судьи есть. Они разные во Франции, Италии и Германии, например. Одни самостоятельно собирают доказательства, другие осуществляют судебный контроль в отношении «полицейско-прокурорского дознания». Уголовно-процессуальный профиль этого института в разных государствах менялся по ходу истории, иногда даже неоднократно, как в Германии в XX веке, и в литературе оценивался по-разному [12–15]. Авторы этих строк сами вовсе не поддерживают идею передачи следственных функций представителям судебной власти, как бы они ни назывались. Однако в любом случае следственные судьи, как и судебные следователи, характерны именно для континентальных систем уголовного процесса, и к англосаксонской его модели они не имеют никакого отношения.

Мировые тенденции и отечественные традиции в современной судебной реформе

Самые острые и эмоционально окрашенные дискуссии в уголовно-процессуальной литературе обычно разворачиваются по поводу противопоставления отечественных традиций и мирового опыта в уголовном судопроизводстве. И первое, и второе исследователи тоже понимают по-разному. В этих дискуссиях легко прослеживается весьма симптоматичная закономерность: чем больше в авторских текстах используется тезисов и аргументов идеологического, то есть мировоззренческого свойства, тем меньше в этих текстах остается для анализа конкретных правовых норм и институтов.

Приведем дословную цитату из научной статьи с говорящим названием «Действительно ли отказ от «общецивилизационного мирового тренда» в уголовном судопроизводстве губителен

для России?» [16] авторитетного ученого-процессуалиста профессора В. А. Азарова. «Поводом к постановке вынесенной в название настоящей статьи проблемы послужила конкретная ситуация, которая возникла 23 июня 2023 года на заседании диссертационного совета, работающего на базе юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета при защите кандидатской диссертации П. О. Герцен. В частности, сославшись на мнение профессора Н. А. Колоколова, данную идею утвердительно озвучил официальный оппонент П. О. Герцен — профессор А. А. Тарасов. В рамках состоявшейся дискуссии автор данной статьи, положительно оценив диссертацию П. О. Герцен в качестве неофициального оппонента, не может согласиться с утверждением А. А. Тарасова, так как *возвращение в лоно отечественных доктринальных и законодательных канонов («трендов») благотворно для российского уголовного судопроизводства» (курсив цитируемого оригинала)* [16]. Что именно профессор А. А. Тарасов со ссылкой на профессора Н. А. Колоколова назвал «мировым общецивилизационным трендом», в самой статье не сказано. Это видно из названия темы диссертации П. О. Герцен («Реализация права на апелляционное обжалование и пересмотр промежуточных судебных решений, вынесенных в ходе досудебного производства: обеспечение баланса частных и публичных интересов»), а также из видеотрансляции ее защиты [16]. Далее критические рассуждения В. А. Азарова о недостатках действующего УПК РФ с указанием на то, что «исток дисгармонии» и «первопричина» этого УПК РФ были заложены Концепцией судебной реформы, но не сопровождаются анализом текстов ни того, ни другого. Заслуживающее одобрения авторское утверждение об исторической преемственности российского уголовно-процессуального законодательства в отношении Устава уголовного судопроизводства 1864 года, впитавшего в себя положения Кодекса Наполеона, в отношении первых советских УПК РФ тоже, к сожалению, не сопровождается никакими примерами из названных документов. Изложение главной идеи статьи, к не меньшему сожалению, тоже не сопровождается никакой правовой конкретикой: «определенные политические силы прозападной ориентации попытались нас затащить в русло «мирового общецивилизационного тренда» (см. название статьи), фактически навязав уголовному судопроизводству в высшей

степени сомнительный тезис о необходимости деидеологизации системы уголовной юстиции и соответствующего федерального законодательства» [16, с. 13].

Упреки такого рода в современных условиях звучат совсем не безобидно. Они сравнимы с публичным обвинением в непатриотизме. Между тем речь на защите этой диссертации шла о судебном контроле в досудебном производстве. К современной практике судебного контроля в России, к уровню его эффективности и своевременности, к исполнению и принципиальной исполнимости решений судов по жалобам на действия или бездействие органов предварительного расследования сегодня звучит немало обоснованных претензий. За годы применения УПК РФ стало очевидным, что изначальных надежд на более эффективное обеспечение судом как органом независимой судебной власти защиты прав и законных интересов участников досудебного производства по уголовным делам реальный судебный контроль в целом не оправдал [18]. Однако отказываться от того, чем не научились пользоваться, сегодня нельзя. Возложение этой контрольной функции на суд — это и есть общецивилизационный мировой тренд (*trend* в переводе с англ. означает «тенденция»), поскольку постепенно к нему приходили все страны с очень разными правовыми системами. В качестве примера была названа Швейцария, которая среди европейских государств дольше других сохраняла прокурорское санкционирование заключения под стражу (известное и советскому уголовному процессу), но с 2019 года и она передала эту функцию суду. Именно это было сказано профессором А. А. Тарасовым, который положительно отзывался и о советском опыте прокурорского санкционирования заключения под стражу, поскольку прокурор лично проверял обоснованность избрания этой меры пресечения в каждом случае, так, по требованиям УПК РСФСР 1960 года, был обязан лично допросить несовершеннолетнего, которого следователь предлагал арестовать, а фактически допрашивал и многих других обвиняемых. Тем не менее судебный контроль в досудебном производстве — это шаг вперед в развитии правовой системы, поэтому от него и нельзя сегодня отказываться, но необходимо его изучать, совершенствовать и повышать эффективность, чему, собственно, и была посвящена защищаемая диссертация. В своем выступлении А. А. Тарасов сослался на опубликованные в 2009 году рассуждения Н. А. Колоколова — доктора юридических наук, профессора и судьи

Верховного Суда Российской Федерации в почетной отставке — о суде присяжных, практика которого в современной России тоже далека от ожидавшегося когда-то идеала: «Позиция автора этих строк: демократия, а вместе с нею и суд с участием присяжных заседателей прогресс, отказ от данных институтов гибелен для нации» [19]. Объединение двух этих высказываний было использовано В. А. Азаровым в названии и в тексте его статьи для обоснования «прозападной ориентации» некоторых ученых.

Профессора Н. А. Колоколов и А. А. Тарасов в разных контекстах говорили об одном: демократические институты в системе правосудия, суд с участием присяжных заседателей и судебный контроль в досудебном производстве — это признанные в истории большинства самых разных государств достижения мировой цивилизации. Эти социально-правовые ценности принимаются нашей системой правосудия не потому, что мы стремимся кому-то подражать и уж конечно, не потому, что кто-то извне нам их навязал, а потому, что в них сконцентрирован позитивный человеческий опыт и здравый смысл. К названному можно смело прибавить право того, кто подвергается уголовному преследованию, на защиту и квалифицированную юридическую помощь, право каждого на доступ к правосудию, отказ от пыток как способа получения показаний и т. д. От пыток человечество постепенно отказалось не только потому, что это антигуманно и эстетически неприятно, а еще и потому, что под пытками человек говорит то, чего от него требует его мучитель и необязательно правду. Совершенно неважно, какая из стран пришла к этому выводу первой. Презумпция невиновности, например, в виде классического античного принципа *in dubio pro reo* («сомнения в пользу обвиняемого») была воспринята некоторыми странами даже без официального закрепления их в законодательстве, как, например, в Швейцарии, о чем пишет Л. В. Головкин [20]. Большая часть того, что можно назвать «мировыми общецивилизационными трендами» поддается такому же, идеологически нейтральному анализу с точки зрения здравого смысла, а вовсе не источника происхождения.

В цитируемой статье В. А. Азарова собственно юридическому анализу подвергнута единственная уголовно-процессуальная норма в действующем УПК РФ о безусловном признании недопустимыми показаний обвиняемого или подозреваемого, данных в досудебном производстве в отсутствие защитника и не подтвержденных впоследствии этим подсудимым

на допросе в суде (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ) [16, с. 16–17]. Критика этого, возможно, и не самого удачного законоположения не нова и звучит на страницах специальной литературы с самого момента принятия УПК РФ 2001 года. Однако в данном случае обратим внимание на текстовую деталь: В. А. Азаров критикует это положение статьи 75 УПК РФ за обращенное к суду альтернативное требование признать ранее данные показания обвиняемого недопустимым доказательством, несмотря на то, что вина подсудимого «железно подтверждается другими доказательствами» [16, с. 17].

Жаль, что и здесь в статье не приведено ни одного конкретного примера из практики. Авторам этих строк ни в собственной, ни в изученной судебной практике не довелось встретить ни одного дела, по которому вина подсудимого была бы «железно подтверждена доказательствами», но он был оправдан судом только потому, что отказался от ранее заявленного им признания своей вины. Может, критикуемая В. А. Азаровым норма в реальности не так уж и страшна?

Лозунговая составляющая уголовно-процессуальной риторики чревата не только отвлечением от собственно юридического содержания полемики, но и такими текстовыми оговорками, которые способны подорвать доверие к самим провозглашаемым лозунгам. Приведем точную цитату из упоминавшейся ранее монографии А. А. Давлетова и Н. В. Азаренка, в основе которой лежит текст докторской диссертации второго соавтора. «Управлением экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Свердловской области в ходе проведения доследственной проверки по факту мошеннических действий был осуществлен оперативный эксперимент, в ходе которого Б. задержана при получении от Ш. 30 тысяч рублей и доставлена в отдел полиции для дачи объяснений. В служебном кабинете она добровольно выдала телефон, полученный от потерпевшей, и еще один телефон, использовавшийся ею при совершении противоправных действий. Указанные предметы были изъяты путем оформления протокола осмотра места происшествия. После этого Б. полностью признала свою вину и написала явку с повинной» [3]. Главная авторская мысль изложена в контексте ясно и представляет безусловный профессиональный интерес — протоколом осмотра места происшествия оформлена фактическая выемка, которая до возбуждения уголовного дела действующим УПК РФ не допускается, что впоследствии было выявлено прокуратурой

на основании жалобы непосредственной участницы событий самой задержанной.

Принимая во внимание и не оспаривая в целом главную авторскую идею о неоправданности запрета на производство выемки на начальном этапе процессуальной деятельности, обратим внимание на другое. «Явка с повинной» — это «добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении» (ч. 1 ст. 142 УПК РФ). Так сказано в действующем уголовно-процессуальном законе, и в этой части он авторами монографии под сомнение не ставится. Согласно пункту 5 части 1 статьи 108 УПК РСФСР 1960 года явка с повинной тоже была названа в числе поводов для возбуждения уголовного дела и даже без законодательного определения официально толковалась точно так же: «добровольно обращенное к органам дознания, следствия, прокуратуры, суду заявление гражданина о совершенном им уголовно наказуемом деянии» [21]. Таким образом, и в российской исторической традиции явка с повинной воспринималась исключительно как добровольное заявление самого преступника о том преступлении, которое либо неизвестно правоохранительным органам, либо известно, но не раскрыто. Такая законная «явка с повинной» ничем не напоминает описанное соавторами книги принудительное доставление в правоохранительный орган человека, захваченного с поличным при совершении преступления, да еще и в ходе специально организованного для этого оперативного эксперимента. Какие же это «явка с повинной» и «добровольная выдача», если человек сам добровольно и не думал никуда являться, да и вряд ли сделал бы это, если бы преступление «сошло ему с рук»?

Известно, что подобные «явки с повинной» встречаются на практике и в советские годы тоже встречались. Однако некоторую профессиональную досаду вызывает то обстоятельство, что практику «явок с повинной» лиц, на самом деле захваченных с поличным в момент совершения преступления и принудительно доставленных в полицию, описывают как «нормальную» в содержательном и полезном для юристов-профессионалов научном труде. Не лишне задуматься над тем, что в основу властных правоприменительных решений в этих случаях закладывается исходящая от представителей власти заведомая ложь, притом, что целью доказывания в российском уголовном процессе является объективная (или материальная) истина, на что справедливо многократно указывают соавторы в этой же книге [3]. Благодаря этому

разные обстоятельства дела трудно согласуются между собой, ибо невозможно понять, кто и когда на самом деле выявил преступление. Но главное, что эта ложь порождает уголовно-правовые последствия в виде установления верхнего предела назначаемого наказания (ст. 61 и 62 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) или даже освобождения от уголовной ответственности в предусмотренных в законе случаях (ч. 1 ст. 75 УК РФ) [22]. Распоряжаются этими «законными льготами» вовсе не государство в целом и не «большинство населения России», на мнение которого иногда тоже ссылаются в научных дискуссиях [23]. Распоряжаются этой государственной «милостью к падшим» конкретные должностные лица, и хорошо, если с чистыми руками и благими помыслами.

Рискуя вызвать на себя очередную порцию гнева противников Концепции и самой судебной реформы конца XX-начала XXI века, обозначим некоторые направления научных исследований, которые без начавшегося в 1990-е годы многолетнего и крайне противоречивого процесса реформирования российской системы уголовной юстиции сегодня просто невозможно было бы даже представить.

Одним из таких исследований является докторская диссертация В. В. Колесник с весьма непривычно звучащим названием «Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства». Даже само название темы способно вызвать эмоциональную негативную реакцию у специалистов по уголовному процессу любой идеологической ориентации. Беглое ознакомление с содержанием работы может вызвать многие недоумения и у ученых-цивилистов любого профиля. Именно поэтому названная работа В. В. Колесник и заслуживает профессионального внимания. Случаи согласования воли между разными участниками уголовно-процессуальных правоотношений, если детально проанализировать разные процедуры производства по уголовному делу, не так уж редки. В работе В. В. Колесник высказывается мысль, имеющая непосредственное отношение к рассмотренной выше «явке с повинной»: разного рода «договоренности» правоохранительных органов с лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, существовали на практике всегда. Однако осуществление таких договоренностей вне официальных процедур чревато произволом [24]. Использование официальных процедур не по прямому их назначению, а для

подобного рода договоренностей — это тоже один из вариантов властного произвола.

Другое направление исследований выше уже упоминалось — это проблемы суда с участием присяжных заседателей и «народного элемента» в правосудии в целом. Притом, что тематика эта традиционно, в течение нескольких веков мировой истории сопровождалась, пожалуй, самыми эмоционально насыщенными дискуссиями, именно современная российская судебная реформа постепенно приучила российских юристов к тому, что «народный элемент» в правосудии тоже может быть предметом делового позитивного обсуждения, а вовсе не обязательно вечным полигоном для идеологических баталий.

Суду присяжных посвящена докторская диссертация С. А. Насонова, защищенная в 2022 году [25]. Эта научная работа известного московского адвоката с 25-летним опытом практической правозащитной деятельности изобилует полезной информацией, в том числе добротным авторским анализом примеров из практики суда присяжных в разные периоды его функционирования в России, эксклюзивным сравнительно-правовым материалом. Под руководством С. А. Насонова студентами и преподавателями МГЮА имени О. Е. Кутафина были подготовлены к современному переизданию несколько редких дореволюционных книг о российском уголовном процессе, суде присяжных и адвокатуре в России, и они тоже легли в основу этого фундаментального научного труда. Но в контексте настоящей статьи особенно подчеркнем, что написана диссертация С. А. Насонова в удивительно интеллигентном стиле, в каком-то смысле именно этим напоминающем дореволюционную русскую юридическую литературу, текст его работы начисто лишен даже интонаций многословной эмоциональной критики в адрес многочисленных противников суда присяжных, притом, что сам С. А. Насонов — горячий сторонник этой формы отправления правосудия, которую он считает ни много ни мало «способом легитимизации судебной власти» [25]. Такой вариант приверженности российским национальным традициям выглядит куда более симпатично, чем далекие от правовой материи пропагандистские заявления об особенностях российского национального менталитета, которому что-то соответствует, а что-то чуждо.

Профессионально заинтересованный и деловой стиль характерен и для рассуждений заместителя председателя Верховного Суда Республики Татарстан, кандидата юридических

наук М. В. Беляева по поводу распространения с 1 июня 2018 года суда присяжных на районное звено судебной системы. Такой масштаб распространения, к слову, предусматривался в перспективе в раскритикованной к этому моменту Концепции, но не был характерен для Российской Империи второй половины XIX века и не имеет аналогов в современном мире. М. В. Беляев, знающий лучше многих других все связанные с этим организационные трудности, не просто оценивает этот этап позитивно, он предлагает решать конкретные, сугубо практические вопросы, характерные и для всех других регионов страны [26].

Завершить этот разговор считаем целесообразным еще одной цитатой из Концепции, которая вызвала как бы ни самую бурную негативную реакцию: «Вопреки вульгарным идеям, целью уголовной юстиции является не борьба с преступностью, а защита общества от преступлений путем реализации уголовного закона, защита прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции (обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков)». Если бы не эмоционально броское словосочетание с негативным смысловым посылом «вопреки вульгарным идеям» едва ли нашелся бы хоть один сторонник эволюционного развития отечественного уголовного процесса в соответствии с его историческими традициями, который взял бы на себя смелость оспаривать необходимость «защиты общества от преступлений путем реализации уголовного закона и защиты прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции».

Заключение

Современная российская судебно-правовая реформа — процесс длительный, противоречивый и не всегда в полной мере прогнозируемый. Эта реформа проводилась с самого начала и проводится по сей день в условиях постоянного общественного и профессионального обсуждения, отличающегося высоким эмоциональным накалом.

Повышенная эмоциональность научных дискуссий по вопросу реформирования отечественного уголовного процесса отчасти была спровоцирована авторами Концепции, в которой использовались эмоциональные риторические приемы, изначально объективно нацеленные на резкую ответную реакцию.

Эмоциональные идеологические мотивы и заявления в научных дискуссиях не только создают неблагоприятный фон для делового

обсуждения и решения реальных проблем современной российской системы уголовной юстиции. Пропагандистские заявления способны и вовсе вытеснить юридическое содержание научной полемики и увести ее участников в сторону от решения реальных проблем: одни лозунги нередко просто предлагают заменить на другие, что в правовом смысле, как правило, крайне непродуктивно.

Судебная реформа, начавшаяся в России в конце XX века, при всех трудностях и противоречиях ее реализации, стимулировала развитие уголовно-процессуальной науки, расширение ее мировоззренческого многообразия и способствовала созданию благоприятной среды для поиска оптимальных путей совершенствования российской правовой системы.

Список источников

1. Головкин Л. В. Нам нужно определиться с моделью уголовного процесса для его дальнейшего развития // Закон. 2024. № 4.
2. О Концепции судебной реформы: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2025).
3. Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития: монография. Екатеринбург, 2023. С. 6.
4. Азарёнок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2021. С. 4.
5. Гаврилов Б. Я., Божьев В. П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 75.
6. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. II. Москва, 2005. С. 20.
7. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: монография. Москва, 2013. С. 89.
8. Шарипова А. Р. Концептуальные основы междотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: монография. Москва, 2023. С. 136–138.
9. Гаврилов Б. Я. Досудебное уголовное производство в XXI веке: видение ученого и практика // Юридический вестник Самарского государственного университета. 2015. Т. 1. № 3. С. 123.
10. Аристархов А. Л. Современные особенности построения и функционирования органов предварительного расследования // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI века: материалы V Международной научно-практической конференции 10–11 ноября 2016 года. Москва: РГУП, 2017. С. 104–105.
11. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа / А. К. Горбуз, М. А. Краснов, Е. А. Мишина, Г. А. Саттаров. Санкт-Петербург, 2010. С. 6–10.
12. Белоносов В. О. Следственный судья по УПК Франции // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 8–17.
13. Ковтун Н. Н. «Следственный судья или судебный следователь»: судебная реформа требует определенности в терминах // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных трудов / под ред. проф. В. А. Лазаревой. Самара: Издательство «Самарский университет». 2010. Вып. 5. С. 335–341.
14. Коновалов С. Г. Следственный судья или прокурор? // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 4. С. 87–114.
15. Маслов И. В. К вопросу о фигуре следственного судьи // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник статей. IV Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. В. Красильникова. Москва, 2019. С. 238–243.
16. Азаров В. А. Действительно ли отказ от «общезивилизационного мирового тренда» в уголовном судопроизводстве губелен для России? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 11–19.
17. Видеотрансляция защиты диссертации П. О. Герцена. URL: <https://m.youtube.com/watch?v=QVxnhwgF39Y> (дата обращения: 30.07.2024).
18. Лазарева В. А. Реформируемое предварительное расследование // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных статей / под ред. проф. В. А. Лазаревой; Федеральное агентство по образованию. Самара: Издательство «Самарский университет», 2009. Вып. 4. С. 5.
19. Колоколов Н. А. Актуальные проблемы защиты прав и законных интересов личности в уголовном процессе: в призме результатов мониторинга 2008–2009 года. Москва, 2009. С. 313.
20. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. Москва: Издательский Дом «Городец», 2022. 464 с.
21. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А. М. Рекункова и А. К. Орлова. Москва: Юридическая литература, 1981. С. 148.
22. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. 9-е изд., перераб. и доп. Москва, 2014. С. 319.
23. Азаров В., Боярская А. Рецензия на монографию «Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального

правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. А. Тарасова. Москва: ЮСТИЦИЯ, 2015. 246 с.

24. Колесник В. В. Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Пермь, 2024. С. 5.

25. Насонов С. А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2022. 517 с.

26. Беляев М. В. О некоторых вопросах рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI века: материалы V Международной научно-практической конференции 10–11 ноября 2016 года. Москва: РГУП, 2017. С. 111.

References

1. Golovko L. V. We Need to Define a Model of Criminal Procedure for Its Further Development. *Law*, 2024, no. 4. (In Russ.).

2. On the Concept of Judicial Reform: Resolution of the Supreme Soviet of the RSFSR of October 24, 1991, no. 1801-1. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 24.05.2025). (In Russ.).

3. Davletov A. A., Azarenka N. V. Criminal Procedure in Russia: Historical Roots, Current State, and Prospects for Evolutionary Development: monograph. Yekaterinburg, 2023. P. 6. (In Russ.).

4. Azarenka N. V. Concept for Improving Russian Criminal Procedure within the Framework of Its Historical Form. Author's abstract... doctor of legal sciences. Omsk, 2021. P. 4. (In Russ.).

5. Gavrilo B. Ya., Bozhev V. P. Concept of Improving Pre-Trial Proceedings in the 21st Century: Opinion of Science and Practice. *Legal Science and Practice. Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2 (38), p. 75. (In Russ.).

6. Petrukhin I. L. Theoretical Foundations of Criminal Procedure Reform in Russia. Part II. Moscow, 2005. P. 20. (In Russ.).

7. Sheifer S. A. Pre-Trial Proceedings in Russia: Stages of Development of Investigative, Judicial, and Prosecutorial Authority: monograph. Moscow, 2013. P. 89. (In Russ.).

8. Sharipova A. R. Conceptual Foundations of Intersectoral Convergence in Criminal Proceedings: monograph. Moscow, 2023. Pp. 136–138. (In Russ.).

9. Gavrilo B. Ya. Pre-trial criminal proceedings in the 21st century: a scholar's vision and a practitioner. *Legal Bulletin of Samara State University*, 2015, vol. 1, no. 3, p. 123. (In Russ.).

10. Aristarkhov A. L. Modern features of the structure and functioning of preliminary investigation bodies. Strategies for the development of criminal procedural law in the 21st century: materials of the V International

scientific and practical conference on November 10–11, 2016 (Moscow). Moscow: RGUP, 2017. Pp. 104–105. (In Russ.).

11. Transformation of the Russian judiciary. Experience of a comprehensive analysis / A. K. Gorbuz, M. A. Krasnov, E. A. Mishina, G. A. Sattarov. Saint Petersburg. 2010. Pp. 6–10. (In Russ.).

12. Belonosov V. O. Investigative Judge under the Criminal Procedure Code of France. *The Rule of Law: Theory and Practice*, 2024, no. 1 (75), pp. 8–17. (In Russ.).

13. Kovtun N. N. "Investigative Judge or Judicial Investigator": Judicial Reform Requires Clarity in Terms / Current Issues of Modern Criminal Procedure in Russia: Interuniversity Collection of Scientific Papers / ed. by prof. V. A. Lazareva. Samara: Samara University Publishing House. 2010. Issue 5. Pp. 335–341. (In Russ.).

14. Konovalov S. G. Investigative Judge or Prosecutor? *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*, 2023, no. 4, pp. 87–114. (In Russ.).

15. Maslov I. V. On the Figure of the Investigative Judge. Criminal Procedure and Forensic Science: Theory, Practice, Didactics: collection of articles. IV All-Russian Scientific and Practical Conference / ed. by A. V. Krasilnikov. Moscow, 2019. Pp. 238–243. (In Russ.).

16. Azarov V. A. Is the Rejection of the "General Civilizational World Trend" in Criminal Proceedings Really Disastrous for Russia? *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (68), pp. 11–19. (In Russ.).

17. Video Broadcast of the Defense of P. O. Herzen's Dissertation. URL: <https://m.youtube.com/watch?v=QVxnhwgF39Y> (accessed 30.07.2024). (In Russ.).

18. Lazareva V. A. Reformed Preliminary Investigation. Current Issues of Modern Criminal Procedure in Russia: Inter-University Collection of Scientific Articles / ed. by prof. V. A. Lazareva; Federal Agency for Education. Samara: Samara University Publishing House, 2009. Issue 4. P. 5. (In Russ.).

19. Kolokolov N. A. Current Issues of Protecting the Rights and Legitimate Interests of an Individual in Criminal Procedure: in the Light of the 2008–2009 Monitoring Results. Moscow, 2009. P. 313. (In Russ.).

20. Golovko L. V. The State and Its Criminal Proceedings: monograph. Moscow: Gorodets Publishing House, 2022. 464 p. (In Russ.).

21. Commentary on the Criminal Procedure Code of the RSFSR / ed. by A. M. Rekunkov and A. K. Orlov. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1981. P. 148. (In Russ.).

22. Scientific and Practical Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / ed. by V. M. Lebedev; scientific editor V. P. Bozhev. 9th edition, revised and enlarged. Moscow, 2014. P. 319. (In Russ.).

23. Azarov V., Boyarskaya A. Review of the monograph "Implementation of Criminal Policy: Contemporary Problems of Criminal and Criminal Procedure Lawmaking, Law Enforcement, and Personnel Manage-

ment: monograph / ed. by Doctor of Law, Professor A. A. Tarasov. Moscow: YUSTITSIYA, 2015. 246 pages. (In Russ.).

24. Kolesnik V. V. The Concept of Contractual Relations in Conciliation, Expedited, and Conciliation Procedures of Criminal Proceedings: Dissertation ... doctor of legal sciences. Perm, 2024. P. 5. (In Russ.).

25. Nasonov S. A. Conceptual Foundations of Proceedings in Court with the Participation of Jury Members.

Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2022. 517 p. (In Russ.).

26. Belyaev M. V. On Some Issues of Consideration of Criminal Cases with the Participation of Jury Members / Strategies for the Development of Criminal Procedure Law in the 21st Century: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference, November 10–11, 2016. Moscow: Russian State University of Printing Arts, 2017. P. 111. (In Russ.).

Информация об авторах

A. A. Тарасов — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий;

A. A. Эскархопуло — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий.

Information about the authors

A. Tarasov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Process, Ufa University of Science and Technology;

A. A. Eskarkhopulo — Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of the Department of Forensic Science at the Ufa University of Science and Technology.

Научная статья
УДК 34

Категории «правовая определенность» и «правовая неопределенность» в системе отношений «личность-государство»

Анисимова Александра Сергеевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, alexandrasoldatkina@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются категории «правовая определенность» и «правовая неопределенность» в качестве основы теоретического осмысления права как социального феномена. Исследуется сущность данных категорий в системе отношений «личность-государство», а также обозначаются некоторые проблемы, требующие решения.

Ключевые слова: правовая определенность, правовая неопределенность, система отношений «личность-государство»

Для цитирования: Анисимова А. С. Категории «правовая определенность» и «правовая неопределенность» в системе отношений «личность-государство» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 204–208.

Original article

Categories of “legal certainty” and “legal uncertainty” in the system of relations “personality-state”

Alexandra S. Anisimova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, alexandrasoldatkina@gmail.com

Abstract. This article examines the categories of “legal certainty” and “legal uncertainty” as the basis for a theoretical understanding of law as a social phenomenon. The essence of these categories within the system of individual-state relations is explored, and certain problems requiring solutions are identified.

Keywords: legal certainty, legal uncertainty, the system of relations “personality-state”

For citation: Anisimova A. S. Categories of “legal certainty” and “legal uncertainty” in the system of relations “personality-state”. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 204–208. (In Russ).

Система отношений «личность-государство» государства наблюдается дисбаланс в интересах выступает фундаментальной основой любой государства и личности. При этом интересы правовой системы. С момента возникновения государства всегда были приоритетны по

© Анисимова А. С., 2025

отношению к интересам личности. В исторической ретроспективе баланс интересов государства и личности был динамичным. Он зависел от экономических, политических, социальных, культурных и других факторов. В любом случае право является регулятором взаимоотношений личности и государства, оно определяет рамки дозволенного и запрещенного. Право должно быть четким, ясным и непротиворечивым, что находит свое отражение в категориях «правовая определенность» и «правовая неопределенность». Данные категории являются дискуссионными, их рассмотрение широко представлено в научной литературе, а также проводятся научные конференции, например, в Российском государственном университете правосудия в 2017 году состоялась Международная научно-практическая конференция на тему «Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики» [1], но еще ни один ученый, рассматривающий данный вопрос, не исследовал его в области отношений между «личностью-государством».

Проблема единства и противостояния правовой определенности и правовой неопределенности представляет собой одну из основ теоретического осмысления права как социального феномена. Обращаясь к словарной и энциклопедической литературе [2–7] в поисках значения категорий «правовая определенность» и «правовая неопределенность», мы пришли к выводу, что авторы не уделяют должного внимания этой теме. В Толковом словаре русского языка [8] под «определенностью» понимается свойство, означающее нечто вполне сложившееся, ясное, не допускающее сомнений, отчетливое, несомненное, безусловное, бесспорное. В Толковом словаре В. Даля она понимается как состояние, в качестве синонимов которого указываются точность, положительность и аккуратность [9]. Далее рассмотрим сущность категорий «правовая определенность» и «правовая неопределенность».

Правовая определенность в своем нормативном выражении предполагает такое качество правового регулирования, при котором правовые нормы являются ясными, непротиворечивыми, доступными для понимания и стабильными во времени. Для личности правовая определенность означает возможность достоверно предвидеть юридические последствия своих действий и бездействия, а также действий государства. Именно эта предсказуемость формирует основу для доверия к закону и правовой системе в целом, позволяя людям строить долгосрочные жизненные планы, реализовывать свои права и законные интересы,

не опасаясь внезапных и необоснованных изменений правил.

В рамках отношений «личность-государство» правовая определенность предполагает, что государство перед личностью имеет ряд обязанностей. Во-первых, обязанность по обеспечению ясности законодательства. Законы и иные нормативные правовые акты должны быть сформулированы таким образом, чтобы круг лиц, которому они адресованы, понимал, о чем идет речь. Неясность, двусмысленность правовых норм негативно сказываются на их толковании, что приводит к нарушению прав и свобод граждан. Во-вторых, требование стабильности правового регулирования. Частые и непредсказуемые изменения законодательства ставят под вопрос идею права как гаранта свободы. В-третьих, находит свое отражение в сфере правоприменения, требуя от судов и органов, выполняющих административные функции, последовательности и единообразия в принятии решений.

Таким образом, правовая определенность во взаимоотношениях «личность-государство» выполняет охранительную функцию. Она служит юридической защитой, ограждая личность от непредсказуемости государства. Чем выше уровень правовой определенности, тем более защищенной чувствует себя личность во взаимодействии с государством.

Какой бы очевидной ни была категория «правовая определенность», она все равно содержит в себе множество проблем, требующих разрешения.

1. В юридической науке отсутствует единое понимание сущности правовой определенности. На самом ли деле она отражает четкость, ясность, непротиворечивость? Правовая определенность влияет не только на четкость и ясность правовых норм, но и на эффективность всей правовой системы.

2. Лингво-герменевтическая проблема. Язык является инструментом, с помощью которого реализуется правовая определенность. Абсолютно любая норма, даже детализированная, содержит в себе элементы, которые требуют разъяснения в процессе правоприменения. Правовую неопределенность порождают любые оценочные категории, например в статье 330 «Самоуправство» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1993 года № 63 ФЗ «существенный вред»; в статье 314 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51 ФЗ — «разумный срок»; в статье 7 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года — «достойная жизнь», в статье 40 — «доступная плата»,

в статье 72 — «достойное воспитание», в статье 114 — «доступная среда». Следовательно, возникает вопрос, заключающийся в том, как правильно управлять неопределенностью так, чтобы этот процесс был не в ущерб правам человека, минимизировать ущерб от нее и как выработать определенный механизм, который бы компенсировал ее неизбежное существование.

3. Функциональная проблема. Заключается в поиске баланса между правовой определенностью и гибкостью правового регулирования. В условиях цифровизации общества появляются новые проблемы и вызовы, которые нельзя сразу урегулировать на уровне законодательства. Если правовая система будет стремиться к полной определенности, то законодательство не сможет эффективно реагировать на возникающие проблемы.

Полной противоположностью правовой определенности выступает правовая неопределенность. Джон Ло, занимающийся вопросами методологии науки, пришел к выводу, что неопределенность не всегда есть результат методологического краха [10, с. 316]. В отечественном правоведении вопросам правовой неопределенности уделялось внимание еще в дореволюционный период, упоминались понятия «неясность», «темнота» норм права, которые оценивались достаточно негативно [11, с. 316].

Само отношение к правовой неопределенности неоднозначно, а ее оценка разными учеными дается как в позитивном, так и в негативном ключе. Так, А. В. Демин [12], Н. А. Власенко [13, с. 58], А. И. Сидоренко [14, с. 78] и другие рассматривают ее и как дефект, технико-юридические ошибки правотворческих органов, и как особую технологию правового регулирования, метод изложения нормативного материала. С указанным мнением не соглашаются С. А. Батманов [15, с. 73–79], В. В. Лазарев [16, с. 144], В. П. Реутов [17, с. 91] и другие, полагая, что отличительная особенность права от иных социальных норм и состоит в том, что для него характерна определенность, а правовая неопределенность выступает лишь дефектом правового регулирования и может восприниматься только в негативном аспекте. Из приведенных выше мнений более убедительным нам представляется мнение А. В. Демина, Н. А. Власенко и А. И. Сидоренко. Таким образом, несмотря на формальное признание правовой определенности, сама категория находится в кризисном положении, обусловленном как объективными факторами, так и субъективными. В связи с этим возникает потребность в переосмыслении категории «правовая определенность» и разработке системной модели.

По нашему мнению, правовая неопределенность — это такое состояние правового регулирования, при котором содержание правовых норм является расплывчатым, неоднозначным и в некоторой степени противоречивым. Стоит отметить, что правовая неопределенность далеко не всегда является следствием законодательных ошибок. Она может быть результатом осознанной деятельности законодателя, которая ведет к гибкости правового регулирования. При этом правовая неопределенность может выступать деструктивным фактором, потому что размывает границы дозволенного и расширяет пределы административного, судебного и иного усмотрения. В ряде случаев правовая неопределенность создает ситуацию, когда человек не может прогнозировать последствия своего поведения, а также защищать свои права и законные интересы, в том числе и в системе отношений «личность-государство».

Серьезной проблемой является разграничение объективной и субъективной правовой неопределенности. Объективная правовая неопределенность вытекает из природы права как языкового и социального феномена. Субъективная же порождается дефектами в правотворческом процессе: коррупционные факторы, низкий уровень знания юридической техники у законодателя, непоследовательность правовой политики и другие факторы. Именно она представляет наибольшую опасность в рамках отношений «личность-государство», так как является следствием несовершенства государственного управления.

Правовая неопределенность выполняет деструктивные функции, нарушая баланс между публичными и частными интересами. Ключевым моментом выступает дестабилизация статуса личности в государстве, потому что, если закон сформулирован не четко, человек остается лишенным правильных ориентиров в своей деятельности. Он будет вынужден действовать в условиях постоянного риска и останется не уверенным в правомерности либо противозаконности своих действий. Вследствие этого на подсознательном уровне будет порождаться «сдерживающий эффект», когда из-за непонимания что делать и страха перед непредсказуемыми санкциями граждане воздерживаются от реализации даже тех прав, которые гарантированы Конституцией Российской Федерации.

Еще одним проявлением деструктивной функции может служить легитимация административного, судебного и иного произвола. Те самые неясные и расплывчатые нормы открывают возможность для злоупотребления полномочиями со стороны государственных органов

и должностных лиц. Чем менее определены рамки принятия решений органами власти, тем шире поле административного усмотрения и тем выше риск принятия произвольных и несправедливых решений. В следствие этого личность оказывается в незащищенном положении перед властным субъектом.

В сфере правосудия также присутствует ряд проблем. Конституционный Суд Российской Федерации высказал позицию, которая заключается в том, что неясность и противоречивость правового регулирования недопустимы, так как, препятствуя надлежащему уяснению его содержания, открывают перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод [18], но мы можем наблюдать, что практика принятия решений судами в регионах по одному и тому же вопросу совершенно разная, тем самым подрывается вера людей в справедливость судебного решения. Например, М. М., житель Сочи, купил земельный участок и приступил к постройке жилого дома. Сотрудники отдела земельного контроля администрации города Сочи провели осмотр строения и, не произведя ни единого замера, вынесли акт о том, что М. М. нарушает законодательство. Спустя некоторое время той же администрацией была инициирована выездная проверка Государственным строительным надзором. Согласно их акту построено два этажа и возведена опалубка третьего, что не противоречит действующим нормам законодательства. Администрация города в лице отдела земельного контроля обратилась с иском в Хостинский районный суд Сочи с требованием сноса постройки. Инстанция удовлетворила требования частично, постановив устранить нарушения, убрать опалубку, ограничившись двумя этажами. М. М., не согласившись с этим решением, обратился с апелляционной жалобой в Краснодарский краевой суд, который отменил решение первой инстанции и вынес новое — о сносе дома [19].

Интересным моментом является то, что борьба с правовой неопределенностью может породить новые ее формы. Если законодатель будет стремиться к полной конкретизации, описанию всевозможных жизненных ситуаций, то это приведет к загромождению правового поля и оно станет трудным в рамках восприятия и применения, сводится к казуистичности, свойственной и для памятников древнего и средневекового права.

В связи с этим возникает ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения. Где проходит грань, за которой гибкость правовых норм перерастает в деструктивность правоприменения?

В чем заключается роль правосознания и правовой культуры? В ослаблении действия правовой неопределенности? Какие компенсаторные механизмы можно выработать для нейтрализации негативных последствий правовой неопределенности? В любом случае, правовая неопределенность — это не какой-то абстрактный теоретический конструкт, а один из важных элементов в сложном механизме взаимодействия личности и государства.

В заключение необходимо отметить, что категории «правовая определенность» и «правовая неопределенность» являются ключевыми элементами правового регулирования. Их баланс — мера оценки защищенности личности от произвольных действий со стороны государства. Дальнейшее исследование данной проблемы целесообразно в проведении межотраслевого исследования, которое заключается в разработке теоретической основы правовой определенности и правовой неопределенности, которая могла бы служить методологической основой для совершенствования законодательной техники.

Список источников

1. Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции: в 3-х ч. Ч. I. Москва, РГУП, 2018.
2. Большой юридический словарь. Москва: Книжный мир, 2010. 848 с.
3. Юридическая энциклопедия / под общ. ред. С. Ш. Цагикяна. Ереван: Российско-Армянский университет, 2017. 912 с.
4. Большой юридический словарь / под ред. Я. А. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2002. 704 с.
5. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. О. Е. Кутафин: научное издательство Большая Российская Энциклопедия, 2002. 557 с.
6. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. Изд. 5-е, доп. и перераб. / под ред. М. Ю. Тихомирова. Москва: 2007. 972 с.
7. Российская юридическая энциклопедия / [Абова Т. Е. и др.]; гл. ред. А. Я. Сухарев. Москва: Издательский Дом ИНФРА-М, 1999. X. 1110 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Москва, 1994. 447 с.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. Т. 2: И—О. Москва, 1981. 684 с.
10. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / пер. с англ. под ред. С. Гавриленко. Москва: Издательство Института Гайдара, 2015. 352 с.
11. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Ч. 1 Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901 376 с.

12. Демин А. В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 48 с.

13. Власенко Н. А. Методологическая результативность исследования определенности права // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. 1 Москва: РГУП, 2018. С. 51–63.

14. Сидоренко А. И. Правовая неопределенность как средство ограничения конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 76–82.

15. Батманов С. А. Правовая определенность оценочных понятий в уголовном судопроизводстве // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 73–79.

16. Лазарев В. В. Об органичности для права разумности и определенности // Журнал российского права. 2015. № 3 С. 142–145.

17. Реутов В. П. Типы правовопонимания и вопрос определенности права // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. 1 Москва: РГУП, 2018. С. 91.

18. Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов): одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/76d6e371c9956235c4b329710ca52f5fdf91f8c9/ (дата обращения: 11.10.2025).

19. Два решения по одному делу // Человек и закон. URL: <https://chelovekizakon.ru/dela/dva-resheniya-po-odnomu-delu> (дата обращения: 17.10.2025).

References

1. Certainty and Indeterminacy of Law as Paired Categories: Problems of Theory and Practice: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference: in 3 parts. Part I. Moscow, Russian State University of Printing Arts, 2018. (In Russ.).

2. The Comprehensive Law Dictionary. Moscow: Knizhny Mir, 2010. 848 p. (In Russ.).

3. The Legal Encyclopedia / ed. by S. Sh. Tsagikyan. Yerevan: Russian-Armenian University, 2017. 912 p. (In Russ.).

4. The Comprehensive Law Dictionary / ed. by Ya. A. Sukharev, V. E. Krutskikh. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: INFRA-M, 2002. 704 p. (In Russ.).

5. The Legal Encyclopedic Dictionary / ed. by A. A. Sukharev, V. E. Krutskikh. O. E. Kutafin: scientific publishing house Great Russian Encyclopedia, 2002. 557 p. (In Russ.).

6. Tikhomirova L. V., Tikhomirov M. Yu. Legal encyclopedia. 5th edition, expanded and revised / ed. M. Yu. Tikhomirov. Moscow: 2007. 972 p. (In Russ.).

7. Russian legal encyclopedia / [Abova T. E. et al.]; Ch. ed. A. Ya. Sukharev. Moscow: Publishing House INFRA-M, 1999. X. 1110 p. (In Russ.).

8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Moscow, 1994. 447 p. (In Russ.).

9. Dahl V. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Volumes 1–4. Vol. 2: I-O. Moscow, 1981. 684 p. (In Russ.).

10. Lo J. After Method: Disorder and Social Science / tran. from English; ed. by S. Gavrilenko. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2015. 352 p. (In Russ.).

11. Vas'kovsky E. V. Civilistic Methodology. Part 1. Theory of Interpretation and Application of Civil Laws. Odessa, 1901, 376 p. (In Russ.).

12. Demin A. V. Uncertainty in Tax Law and Legal Means of Overcoming It. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2014. 48 p. (In Russ.).

13. Vlasenko N. A. Methodological effectiveness of the study of the certainty of law. Certainty and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice: materials of the XII International scientific and practical conference: in 3 parts. Part 1. Moscow: RGUP, 2018. pp. 51–63. (In Russ.).

14. Sidorenko A. I. Legal uncertainty as a means of restricting competition in public and municipal procurement. *Actual problems of economics and law*, 2014, no. 4 (32), pp. 76–82. (In Russ.).

15. Bat'manov S. A. Legal certainty of evaluative concepts in criminal proceedings. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, 2020, vol. 7, no. 1, pp. 73–79. (In Russ.).

16. Lazarev V. V. On the Organicity of Reason and Certainty in the Law. *Journal of Russian Law*, 2015, no. 3, pp. 142–145. (In Russ.).

17. Reutov V. P. Types of Legal Understanding and the Issue of Certainty of Law / Certainty and Uncertainty of Law as Paired Categories: Problems of Theory and Practice: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference: in 3 parts. Part 1 Moscow: RGUP, 2018. p. 91. (In Russ.).

18. Constitutional and Legal Protection of Entrepreneurship: Current Aspects (based on decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation from 2018 to 2020) (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 17, 2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/76d6e371c9956235c4b329710ca52f5fdf91f8c9/ (accessed 11.10.2025). (In Russ.).

19. Two Decisions on One Case. Man and the Law. URL: <https://chelovekizakon.ru/dela/dva-resheniya-po-odnomu-delu> (accessed 17.10.2025). (In Russ.).

Научная статья
УДК 342.7

Юридическая техника административно-правового регулирования в сфере миграционных отношений

Булатов Тимур Рашидович

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия, bulatov_t64@mail.ru

Аннотация. Исследуя дефиницию «юридическая техника» в трактовке известных советских и российских ученых, мы сформулировали понятие «юридическая техника административно-правового регулирования» и рассмотрели его применительно к сфере миграционных отношений; определили сущность этих правоотношений. Отметим, что проблемы правового регулирования миграционных отношений зачастую выражаются в несовершенстве принимаемых нормативных правовых актов, в том числе и по причине технико-юридических ошибок, которые отрицательно влияют на качественную форму их изложения. Выделили ряд проблем, связанных с применением юридической техники при осуществлении правотворчества и правоприменения в миграционной сфере, для решения которых, по нашему мнению, необходимо обеспечить правоприменителей грамотно изложенным и доступным кодифицированным миграционным законодательством в форме Миграционного кодекса Российской Федерации, что позволило бы успешно оперировать миграционно-правовыми нормами как правоприменителям, так и самим мигрантам. Сделан вывод о том, что применение юридической техники имеет важное значения для совершенствования российской системы права, в том числе в миграционной сфере.

Ключевые слова: система российского права, юридическая техника, административно-правовое регулирование, миграционные отношения, миграция, правотворчество, правоприменение, миграционные процессы

Для цитирования: Булатов Т. Р. Юридическая техника административно-правового регулирования в сфере миграционных отношений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 209–215.

Original article

The legal technique of administrative and legal regulation in the field of migration relations

Timur R. Bulatov

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russian Federation, bulatov_t64@mail.ru

Abstract. Exploring the definition of “legal technique” in the interpretation of famous Soviet and Russian scientists, the author formulated the concept of “legal technique of administrative and legal regulation” and considers it in relation to the sphere of migration relations; the essence of these legal relations is determined. It is noted that the

© Булатов Т. Р., 2025

problems of legal regulation of migration relations are often expressed in the imperfection of the adopted normative legal acts, including due to technical and legal errors that negatively affect the qualitative form of their presentation. The author identifies a number of problems related to the use of legal techniques in the implementation of law-making and law enforcement in the migration sphere. And in order to solve them, he considers it necessary to provide law enforcement officers with well-written and accessible codified migration legislation in the form of the Migration Code of the Russian Federation, which would allow both law enforcement officers and migrants themselves to successfully operate with migration legal norms. It is concluded that the use of legal technology is important for improving the Russian legal system, including in the migration sphere.

Keywords: the system of Russian law, legal technology, administrative and legal regulation, migration relations, migration, law-making, law enforcement, migration processes

For citation: Bulatov T. R. The legal technique of administrative and legal regulation in the field of migration relations. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 209–215. (In Russ.).

Миграция на сегодняшний день является одним из самых актуальных правовых феноменов во всем мире и уже представляет собой естественное состояние общества. В ее основе лежат фундаментальные, неотчуждаемые права человека на свободу перемещения и выбора местожительства. Они закреплены в статье 27 Конституции Российской Федерации [1].

Миграционные процессы влияют на все сферы жизнедеятельности общества: экономическую, социально-культурную и административно-политическую, в статье мы акцентируем внимание на государственно-правовом воздействии на данные процессы, выражающиеся через административно-правовое регулирование миграционной сферы.

Актуальность исследования проблем административно-правового регулирования миграционных процессов в современной Российской Федерации выражается в резком росте числа иностранных граждан, прибывающих на территорию нашей страны. Отмечается, что за январь–декабрь 2024 года показатели прибывших на территорию России иностранцев с различными целями поездок достигли 16,7 миллионов человек, по отношению к тому же периоду 2021 года (7,3 миллиона) их количество увеличилось более чем в 2 раза [2, 3]. Международный политический кризис повысил миграционную активность по всему миру, а Россия стала лидером по количеству беженцев, прибывших с территории Украины [4].

Проблемы правового регулирования миграционных отношений, зачастую, возникают по ошибке законодателя и выражаются в несовершенстве принимаемых нормативных правовых актов, в которых может содержаться несовершенная форма изложения или технико-юридические ошибки, препятствующие эффективному нормативно-правовому регулированию миграционных отношений. Одна из причин — невозможность

создания совершенной системы права при игнорировании требований юридической техники. В связи с этим, исследование юридической техники, как правового феномена, в контексте административно-правового регулирования миграционных отношений, имеет важное значение для развития всей системы российского права.

Исследование юридической техники в советский период олицетворяется с такими именами выдающихся ученых-юристов, как Д. А. Керимов, А. С. Пиголкин, А. А. Ушаков, А. Ф. Черданцев и другие [5–8]. Если обобщить мнения этих известных ученых, то можно выявить полисемию данного понятия и заключить, что юридическая техника — это совокупность (система) соответствующих средств, приемов, методов и правил подготовки и изложения правовых актов. Профессор Р. А. Ромашов выделяет среди прочих составляющих «процедуры составления юридических документов» [9, с. 293]. С. С. Алексеев верно отмечает, что цель юридической техники — в обеспечении совершенства системы права [10, с. 267].

Если рассматривать понятие «юридическая техника» в словарных источниках, то можно найти следующие интерпретации. В Большой российской энциклопедии под юридической техникой понимается совокупность приемов, способов и правил, применяемых при разработке, оформлении, публикации и систематизации нормативных и иных правовых актов [11]. Энциклопедический юридический словарь дает следующую формулировку: «совокупность принципов, правил, методов, средств и приемов, используемых для качественного написания и оформления (проектов) текстов нормативных актов» [12].

В современной интерпретации эта дефиниция трактуется профессором В. М. Барановым как «система профессиональных юридических правил и средств, используемых при

составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания» [13, с. 38]. Считаем, что данное определение является наиболее полным и отражает более комплексный подход к правотворчеству и правоприменению с использованием юридической техники.

Анализируя подходы авторитетных ученых к пониманию юридической техники, а также различные словарные источники, в большей степени опираясь на позицию профессора В. М. Баранова [13, 14], автор сформулировал понятие «юридическая техника административно-правового регулирования». И считает, что под этой дефиницией понимается совокупность профессиональных юридических правил, средств, методов и процедур, используемых при осуществлении административно-правовой деятельности, направленных на обеспечение совершенства формы и содержания правовых актов и осуществления иной юридической деятельности в сфере правотворчества, правоинтерпретации, властной реализации права в процессе публично-правового управления.

Следует отметить, что ранее в научном сообществе было сформулировано понятие «юридическая техника в публичном управлении», с точки зрения В. А. Томина, — это система определенных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания [15, с. 21]. А как утверждает В. К. Нехайчик, в современном мире объектом и предметом административно-правового воздействия являются публичные правовые отношения [16, с. 222].

Прежде чем рассматривать юридическую технику административно-правового регулирования в сфере миграционных отношений, необходимо определить сущность этих отношений. Сущность миграционных отношений заключается в том, что лицо в процессе территориального перемещения, а также перед его началом или по его окончании, приобретает, реализует, изменяет или прекращает административно-правовой статус мигранта. А. Н. Жеребцов считает, что миграционные правоотношения — это правоотношения, регулируемые нормами административного права, возникающие между

мигрантом, который реализует гарантированное Конституцией Российской Федерации право на свободу передвижения и органами публичной власти, компетентными в данной сфере, в связи с необходимостью или фактическим осуществлением перемещения между территориями, а также в результате такого перемещения [17, с. 22].

Изучая характерные особенности и признаки миграционных правоотношений, можно понять их специфику. Эти отношения сочетают в себе как универсальные черты юридических связей, так и собственные уникальные характеристики. В основе миграционных правоотношений лежит социальное взаимодействие различных участников общественной жизни. Движущей силой этих отношений выступают конкретные потребности и интересы субъектов, реализуемые через их волеизъявление. Участниками таких правоотношений могут быть: государственные и муниципальные органы, общественные организации, иностранные граждане и апатриды. Между ними формируются индивидуализированные правовые связи, которые являются частным проявлением более широкой системы общественных отношений.

Взаимодействие участников миграционных правоотношений характеризуется индивидуальным характером, где каждый субъект четко определен. Эти отношения возникают в результате добровольного волеизъявления конкретных лиц, стремящихся реализовать свои потребности и интересы. В основе таких правоотношений лежат различные материальные и нематериальные ценности, а также юридически значимые действия участников. Подобно другим социально-идеологическим отношениям, миграционно-правовые связи формируются между определенными субъектами общественной жизни, отражая их взаимные права и обязанности [17, с. 21].

Ранее в одной из своих работ мы определили понятие термина «миграция населения», по нашему мнению, это пространственное перемещение субъектов (мигрантов) для постоянного или временного нахождения на территории Российской Федерации, независимо от целей, длительности пребывания и пространственных границ, при условии действия национального законодательства [18, с. 421–422]. Однако правовое положение иностранных граждан, пребывающих на территории России, имеет определенные особенности. Они обладают теми же правами, что и граждане нашей страны, но с отдельными обязательными ограничениями, которые вызваны необходимостью контроля

за их пребыванием в нашей стране, в целях обеспечения ее государственной и общественной безопасности. Вместе с тем иностранные граждане наделяются специальными правами и обязанностями (по причине их нахождения за пределами собственных государств), включающими оформление целого ряда документов, получение которых легализует их пребывание на территории России [19, с. 15].

На основании сказанного, мы можем сделать вывод о том, что юридическая техника административно-правового регулирования в сфере миграционных отношений — это совокупность профессиональных юридических правил, средств и методов, используемых в процессе административно-правового регулирования общественных отношений, возникающих между мигрантом, который реализует гарантированное Конституцией Российской Федерации право на свободу передвижения, и органами публичной власти, компетентными в данной сфере, в связи с необходимостью или фактическим осуществлением перемещения между территориями, а также в результате такого перемещения.

В сфере административно-правового регулирования миграционных процессов выделяется ряд задач:

— обеспечение конституционного права граждан на свободное перемещение и выбор места проживания в пределах страны, что поддерживает социально-экономическое распределение населения;

— управление международным перемещением, включая въезд, выезд и транзит через границу Российской Федерации для граждан Российской Федерации и иностранцев;

— создание условий для законного пребывания иностранных граждан, в том числе их регистрацию и предоставление административно-правового статуса временно пребывающих, временно и постоянно проживающих иностранных граждан, и лиц без гражданства на территории Российской Федерации;

— регламентация вопросов, связанных с трудовой миграцией, в том числе предоставление разрешения на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности в Российской Федерации;

— регулирование вынужденной миграции населения, в том числе предоставление правового статуса беженца или вынужденного переселенца лицам, столкнувшимся с вынужденной миграцией;

— борьба с нелегальной миграцией, осуществление контроля за соблюдением

миграционного законодательства, депортация и выдворение на родину иностранцев в случае нарушений.

На сегодняшний день основными полномочиями по осуществлению миграционного контроля обладает Министерство внутренних дел Российской Федерации и его территориальные подразделения, полномочия которых закреплены в Федеральном законе от 25 июля 2002 года №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [20] и Федеральном законе от 18 июля 2006 года №109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [21], в указах Президента Российской Федерации и внутренних приказах МВД Российской Федерации [22, 23]. Осуществляемые ими полномочия предполагают составление процессуальных и иных документов, которые обязывают составителя владеть юридической грамотностью и навыками юридической техники. Однако существует ряд проблем, связанных с этим:

1) государственные служащие не обладают достаточной квалификацией и допускают юридические ошибки при составлении процессуальных и иных документов, что в последствии влечет их отмену органами судебной власти;

2) во множестве российских вузов тема «юридическая техника» изъята из курса дисциплины «Теория государства и права» и из программы в целом. Считаем, что изучение этой темы, особенно в специализированных вузах, готовящих будущих государственных служащих, крайне необходимо. Это бы могло помочь избежать ряда ошибок при правотворчестве и правоприменении;

3) внутренние приказы МВД Российской Федерации в подавляющем большинстве написаны сложным, формальным языком, требующим издания дополнительных методических рекомендаций, разъясняющих сотрудникам порядок работы в соответствии с этими приказами. Зачастую эти методические рекомендации издаются несвоевременно или совсем не издаются. Это сказывается на своевременности выполнения установок территориальными подразделениями и снижает эффективность их работы;

4) несовершенство действующих законов порождает необходимость регулярного внесения изменений в миграционное законодательство, что порождает путаницу, а отсюда и проблемы в правоприменении. Так, к примеру, Указом Президента Российской Федерации от 30 декабря 2024 года № 1126 «О временных мерах по урегулированию положения

отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки» [24] и в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [25], с 1 января по 30 апреля 2025 года у мигрантов, находящихся на территории Российской Федерации, нелегально имеется возможность узаконить свой статус. Эти меры направлены на борьбу с нелегальной миграцией и они напрямую касаются деятельности подразделений МВД России, осуществляющих миграционный контроль. Также из недавно вступивших в силу изменений, стоит отметить Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [26], который устанавливает порядок депортации иностранных граждан. Ранее решение о депортации принимал только суд, теперь эти полномочия переданы соответствующим подразделениям МВД России.

Это далеко не все изменения, вносимые в миграционное законодательство в последнее время, поэтому необходимо систематизировать миграционное законодательство, провести его кодификацию и упорядочить нормы так, чтобы правоприменитель мог уверенно оперировать миграционно-правовыми нормами. Для этого нами предлагается создание единого кодифицированного акта Миграционного кодекса Российской Федерации, который бы собрал в себе все нормы, регулирующие миграционную сферу, касающиеся в первую очередь федерального законодательства. Однако подобную кодификацию также необходимо провести и на региональном уровне, создав Миграционный кодекс субъекта и включив туда правовые акты, регулирующие миграционные отношения вплоть до местного уровня. Это позволило бы легко ориентироваться в миграционном законодательстве как самим мигрантам, так и правоприменителям, правомочным в этой сфере. Аналогичную кодификацию правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации в своих работах освещал В. М. Баранов [26]. Кроме того, отсутствие грамотно изложенной методической базы для правоприменителей, разъясняющей порядок реализации многих законодательных нововведений, создает сложности для их эффективного исполнения, поэтому следует уделять внимание соблюдению правил юридической техники при правотворчестве, чтобы обеспечить правоприменителей доступным и

грамотно изложенным законодательством, не требующим дополнительных разъяснений.

Таким образом, подводя итог нашему исследованию, следует отметить, что юридическая техника, как правовой феномен, применяемый при осуществлении административно-правового регулирования миграционных отношений, играет ключевую роль в этом процессе и напрямую влияет на эффективность разрабатываемых, принимаемых и уже действующих правовых актов, а также на качество их применения. Нами были обозначены лишь некоторые проблемы, связанные с юридической техникой, возникающие при правотворчестве и правоприменении в миграционной сфере. Считаем, что дальнейшее исследование применения юридической техники в процессе административно-правового регулирования миграционных отношений положительно отразится на регулировании миграционной ситуации в Российской Федерации и укреплении нашей правовой системы.

Список источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31, ст. 4398; 2020. № 11, ст. 1416.
2. Сколько иностранцев приехало в Россию в 2024 году. Инфографика. URL: <https://www.rbc.ru/business/05/02/2025/67a23e129a794772bb4f28e6> (дата обращения 12.05.2025).
3. Миграционная ситуация в Российской Федерации за 2021 год. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3823/99651/> (дата обращения 12.05.2025).
4. Россия приняла пять миллионов беженцев с Украины // Российская газета. 2023. № 132 (9077).
5. Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. Москва, 1962. 104 с.
6. Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика). Москва, 1966. 167 с.
7. Ушаков А. А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах. Пермь, 1961. С. 73–85.
8. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 1999. 429 с.
9. Теория государства и права для обучающихся по специальности «Правоохранительная деятельность»: учебное пособие для среднего профессионального образования / Р. А. Ромашов [и др.]; под ред. Р. А. Ромашова, Е. Л. Харьковского. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 471 с.

10. Алексеев С. С. Общая теория права: курс лекций: в 2 т. Т. 2. Москва, 1982. 359 с.

11. Арзамасов Ю. Г. Юридическая техника // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/iuridicheskaja-tehnika-0ca945/?v=9024316> (дата обращения 12.05.2025)

12. Юридический энциклопедический словарь / [А. В. Малько и др.]; под ред. А. В. Малько. Изд. 2-е. Москва: Проспект, 2017. 1129 с.

13. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. Москва: Проспект, 2021. 648 с.

14. Баранов В. М. Техничко-юридическая форма правовой неопределенности: сущность, основные виды, ценность функционирования // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 15–41.

15. Томин В. А. Юридическая техника: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 84 с.

16. Нехайчик В. К. Публичное управление как объект административно-правового регулирования и новая парадигма административного права России // Образование и право. 2018. № 11. С. 220–223.

17. Жеребцов А. Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации (комплексный анализ теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2009. 58 с.

18. Булатов Т. Р., Михайлов В. В. О правовом регулировании пребывания иностранных граждан на территории РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 1. С. 418–423.

19. Булатов Т. Р., Игнатъева С. В. К вопросу о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации // Миграционное право. 2024. № 2. С. 13–15.

20. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25 июля 2002 года №115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3032.

21. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 30, ст. 3285.

22. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 года № 622 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45, ст. 6917.

23. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, форм заявления иностранного гражда-

нина или лица без гражданства о регистрации по месту жительства, заявления о снятии иностранного гражданина или лица без гражданства с регистрации по месту жительства, уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания, отметок о регистрации (снятии с регистрации) иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства, отметок о подтверждении выполнения принимающей стороной и иностранным гражданином или лицом без гражданства действий, необходимых для его постановки на учет по месту пребывания, проставляемых, в том числе, многофункциональным центром предоставления государственных и муниципальных услуг: приказ МВД России от 10 декабря 2020 года № 856. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.05.2025).

24. О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки: указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2024 года № 1126 // Собрание законодательства РФ. 2025. № 1, ст. 1.

25. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 8 августа 2024 года № 248-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (Ч. I), ст. 4944.

26. Баранов В. М. Кодификация правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации: сущность, необходимость, перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 12–27.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (taking into account amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 no. 6-FKZ, of December 30, 2008 no. 7-FKZ, of February 5, 2014 no. 2-FKZ, of July 21, 2014 no. 11-FKZ, of March 14, 2020 no. 1-FKZ). *Collected Legislation of the RF*, 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416. (In Russ.).

2. How many foreigners arrived in Russia in 2024. Infographics. URL: <https://www.rbc.ru/business/05/02/2025/67a23e129a794772bb4f28e6> (accessed 12.05.2025). (In Russ.).

3. Migration situation in the Russian Federation in 2021. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3823/99651/> (accessed 12.05.2025). (In Russ.).

4. Russia has accepted five million refugees from Ukraine. *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, no. 132 (9077). (In Russ.).

5. Kerimov D. A. Codification and legislative technique. Moscow, 1962. 104 p. (In Russ.).

6. Pigolkin A. S. Preparation of draft regulatory acts (organization and methodology). Moscow, 1966. 167 p. (In Russ.).

7. Ushakov A. A. On the Concept of Legal Technique and Its Main Problems. Perm, 1961. Pp. 73–85. (In Russ.).
8. Cherdantsev A. F. Theory of State and Law: a textbook for Universities. Moscow: Yurait, 1999. 429 p. (In Russ.).
9. Theory of State and Law for Students Majoring in Law Enforcement: A Textbook for Secondary Vocational Education / R. A. Romashov et al.; ed. by R. A. Romashov and E. L. Kharkovsky. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 471 p. (In Russ.).
10. Alekseev S. S. General Theory of Law: Lecture Course: in 2 vol. Vol. 2. Moscow, 1982. 359 p. (In Russ.).
11. Arzamasov Yu. G. Legal Techniques. The Great Russian Encyclopedia: Scientific and Educational Portal. URL: <https://bigenc.ru/c/iuridicheskaja-tehnika-0ca945/?v=9024316> (accessed 12.05.2025). (In Russ.).
12. Legal Encyclopedic Dictionary / [A. V. Malko et al.]; ed. by A. V. Malko. 2nd ed. Moscow: Prospect, 2017. 1129 p. (In Russ.).
13. Legal Techniques: textbook / ed. by V. M. Baranov. Moscow: Prospect, 2021. 648 p. (In Russ.).
14. Baranov V. M. Technical and legal form of legal uncertainty: essence, main types, value of functioning. *State and legal studies*, 2021, no. 4, pp. 15–41. (In Russ.).
15. Tomin V. A. Legal technique: a tutorial. St. Petersburg: Saint Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2015. 84 p. (In Russ.).
16. Nekhaychik V. K. Public administration as an object of administrative and legal regulation and the new paradigm of administrative law in Russia. *Education and Law*, 2018, no. 11, pp. 220–223. (In Russ.).
17. Zherebtsov A. N. Concept of administrative and legal regulation of migration relations in the Russian Federation (comprehensive analysis of theory and practice). Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2009. 58 p. (In Russ.).
18. Bulatov T. R., Mikhailov V. V. On the legal regulation of the stay of foreign citizens on the territory of the Russian Federation. *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences*, 2023, vol. 9 (75), no. 1, pp. 418–423. (In Russ.).
19. Bulatov T. R., Ignatyeva S. V. On the issue of the legal status of foreign citizens in the Russian Federation. *Migration Law*, 2024, no. 2, pp. 13–15. (In Russ.).
20. On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: federal law no. 115-F of July 25, 2002. *Collected Legislation of the RF*, 2002, no. 30, art. 3032. (In Russ.).
21. On the migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation: federal law no. 109-FZ of July 18, 2006. *Collected Legislation of the RF*, 2006, no. 30, art. 3285. (In Russ.).
22. On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025: decree of the President of the Russian Federation no. 622 of October 31, 2018. *Collected Legislation of the RF*, 2018, no. 45, art. 6917. (In Russ.).
23. On approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the provision of the public service for the implementation of migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation, forms of an application by a foreign citizen or stateless person for registration at the place of residence, an application for deregistration of a foreign citizen or stateless person from the place of residence, notification of the arrival of a foreign citizen or stateless person at the place of stay, marks on the registration (deregistration) of a foreign citizen or stateless person at the place of residence, marks confirming the performance by the host party and the foreign citizen or stateless person of the actions necessary for his registration at the place of stay, affixed, among other things, by the multifunctional center for the provision of state and municipal services: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 856 dated December 10, 2020. URL: www.pravo.gov.ru (accessed 12.05.2025). (In Russ.).
24. On temporary measures to regulate the legal status of certain categories of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation in connection with the application of the expulsion regime: decree of the President of the Russian Federation of December 30, 2024 no. 1126. *Collected Legislation of the RF*, 2025, no. 1, art. 1. (In Russ.).
25. On amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: federal law of August 8, 2024 no. 248-FZ. *Collected Legislation of the RF*, 2024, no. 33 (Part I), art. 4944. (In Russ.).
26. Baranov V. M. Codification of legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation: essence, necessity, prospects. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (61), pp. 12–27. (In Russ.).

Научная статья
УДК 349.6

Принципы экологического права с позиции позитивистского правопонимания

Додонов Карен Владимирович

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия, drgrip@yandex.ru

Аннотация. С учетом специфики экологического права как комплексной некодифицированной отрасли, исходя из позитивистского правопонимания и разработанного в научной литературе общего подхода к определению принципов права, сформулировано определение принципов экологического права. Принципы экологического права – это закрепленные в Конституции Российской Федерации, а также прямо маркированные в Федеральном законе от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Земельном кодексе Российской Федерации, Водном кодексе Российской Федерации, Лесном кодексе Российской Федерации, Федеральном законе от 24 апреля 1995 года № 52 «О животном мире», Федеральном законе от 20 декабря 2004 года № 166 «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», Федеральном законе от 4 мая 1999 года № 96 «Об охране атмосферного воздуха», Федеральном законе от 24 июня 1998 года № 89 «Об отходах производства и потребления», Федеральном законе от 23 ноября 1995 года № 174 «Об экологической экспертизе», Градостроительном кодексе Российской Федерации, Федеральном законе от 21 ноября 1995 года № 170 «Об использовании атомной энергии» и в Экологической доктрине Российской Федерации основополагающие идеи в сфере правового регулирования общественных отношений, связанных с охраной окружающей среды в целом, отдельных ее компонентов и использования природных ресурсов, представляющих собой специфические нормы права, обладающие императивностью для субъектов экологических и связанных с ними правоотношений, выражающих сущность экологического права.

Ключевые слова: принципы права, принципы экологического права, позитивистское правопонимание, некодифицированная отрасль права

Для цитирования: Додонов К. В. Принципы экологического права с позиции позитивистского правопонимания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 216–223.

Original article

Principles of environmental law from the standpoint of positivistic legal understanding

Karen V. Dodonov

Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russian Federation, drgrip@yandex.ru

© Додонов К. В., 2025

Abstract. Taking into account the specifics of environmental law as a complex non-codified branch, based on the positivist understanding of law and the general approach to defining the principles of law developed in scientific literature, a definition of the principles of environmental law has been formulated. The principles of environmental law are enshrined in the Constitution of the Russian Federation, and also directly marked in the Federal Law of January 10, 2002 no. 7-FZ "On Environmental Protection", the Land Code of the Russian Federation, the Water Code of the Russian Federation, the Forest Code of the Russian Federation, the Federal Law of April 24, 1995 no. 52 "On the Animal World", the Federal Law of December 20, 2004 no. 166 "On Fisheries and Conservation of Aquatic Biological Resources", the Federal Law of May 4, 1999 no. 96 "On Atmospheric Air Protection", the Federal Law of June 24, 1998 no. 89 "On Production and Consumption Waste", the Federal Law of November 23, 1995 no. 174 "On Environmental Expertise", the Urban Development Code of the Russian Federation, the Federal Law of November 21 1995 no. 170 "On the Use of Atomic Energy" and in the Environmental Doctrine of the Russian Federation, fundamental ideas in the sphere of legal regulation of public relations related to the protection of the environment as a whole, its individual components and the use of natural resources, which represent specific legal norms that are imperative for subjects of environmental and related legal relations, expressing the essence of environmental law.

Keywords: principles of law, principles of environmental law, positivist legal understanding, non-codified branch of law

For citation: Dodonov K. V. Principles of environmental law from the standpoint of positivistic legal understanding. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 216–223. (In Russ.).

Проблема принципов права много десятилетий привлекает внимание российских и зарубежных исследователей. Однако до сих пор нет ни единого общепризнанного подхода к пониманию принципов права, их содержанию, видам, системе, ни единого представления о сущности принципов права.

В научной литературе совершенно верно было отмечено, что подходы к решению этих вопросов обусловлены в первую очередь типом правопонимания, которого придерживается автор той или иной концепции [1, с. 46; 2, с. 15]. При всей множественности типов правопонимания в современной юриспруденции полноценные завершённые концепции принципов права сформировались только в рамках естественно-правового учения, либертарно-правовой теории и позитивизма.

Не отрицая вклад представителей естественно-правовой, либертарной и интегративной теории в учение о принципах права, мы разделяем позицию, что наиболее практико-ориентированной и отражающей правовые реалии является в настоящее время позитивистская концепция принципов права, причем в ее жесткой нормативистской интерпретации [1–5; 6, с. 231–266; 7, с. 162–170; 8; 9, с. 35–52]. В рамках указанного научного направления принципы права по ряду критериев отграничиваются от доктринальных принципов права [1, с. 241–349; 7, с. 162–170; 10–12]. При этом признается, что отдельные доктринальные принципы, несмотря на то, что они не являются нормами права, а представляют собой явление правосознания, играют роль регулятора общественных отношений [11; 13].

В. А. Илюхиной было разработано многоаспектное универсальное определение принципов права в континентальной правовой семье [1, с. 114]. Учитывая специфику экологического права как некодифицированной отрасли российского права, адаптируем к нему это определение. Еще раз обратим внимание, что в рамках позитивистского правопонимания мы рассматриваем принципы экологического права и принципы экологического законодательства в качестве синонимов.

В. А. Илюхина, определяя принципы права в континентальной правовой семье, пошла по пути выделения ряда характеристик принципов, что в совокупности и составило их определение. Переориентируем каждый из выделенных ею пунктов на экологическое право, точнее, принципы экологического права.

1. Принципы права — «исходные (базовые, определяющие, основополагающие и т. п.) идеи, лежащие в основе всего правового регулирования совокупности отраслей права или отдельной отрасли права в конкретном государстве» [1, с. 114]. Здесь мы имеем дело с традиционным для теории права и разделяемым нами подходом к принципам как основополагающим идеям. Применительно к принципам экологического права речь идет об идеях, лежащих в основе регулирования отношений, связанных с природопользованием и охраной окружающей среды.

Принципы экологического права представляют собой концентрированное выражение его сущности. Как верно отмечает А. П. Анисимов, знакомство только с принципами какой-либо

отрасли права позволяет составить адекватное представление о системе этой отрасли, целях и задачах и ряде других аспектов [14]. Действительно, если увидеть просто перечень принципов экологического права, сразу становится ясно, о принципах какой отрасли идет речь. Вряд ли при ознакомлении с принципами экологического права может возникнуть мысль, что это принципы уголовного, уголовно-процессуального или, например, семейного права.

2. Принципы права — это идеи, «прямо закрепленные в тексте нормативных правовых актов» [1, с. 114]. Следствием некодифицированности экологического права является то, что его принципы закреплены не в одном, а в нескольких нормативных актах.

Функциональную роль кодекса в экологической сфере играет Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее — ФЗ «Об охране окружающей среды»), в статье 3 которого закреплен перечень принципов экологического права.

Обратим внимание, что только принципами, содержащимися в ФЗ «Об охране окружающей среды», принципы экологического права не исчерпываются. Экологические отношения возникают, изменяются и прекращаются в объективной реальности. И круг их чрезвычайно широк. А вот выделение отраслей, подотраслей, институтов, субинститутов — это, по сути, результат мыслительно-логической деятельности, имеющий искусственный характер.

Мы полагаем, что отношения, связанные с использованием земли, недр, континентального шельфа, водного объекта, леса, животного и растительного миров, обращения с отходами производства и потребления и т. д. — это отношения в системе «человек — природа». Их характер как экологических отношений объективно не зависит от того, считаем ли мы земельное, водное, лесное, горное фаунистическое, флористическое и т. п. право самостоятельными отраслями права, подотраслями экологического права или его институтами. Следовательно, принципы этих правовых образований также являются принципами экологического права, поскольку они представляют собой нормативно выраженные идеи в сфере правового регулирования отношений человека, общества и природы.

По той же причине мы считаем принципы государственной политики, государственного управления в области экологии, в области обращения с отходами, охраны и устойчивого использования объектов животного мира

принципами экологического права. Таким образом, принципы экологического права (не подотраслей и институтов, а именно экологического права в целом) закреплены в Земельном кодексе Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ (далее — ЗК РФ), Водном кодексе Российской Федерации от 3 июня 2006 года № 74-ФЗ (далее — ВК РФ), Лесном кодексе Российской Федерации от 4 декабря 2006 года № 200-ФЗ (далее — ЛК РФ), Федеральном законе от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» (далее — ФЗ «О животном мире»), Федеральном законе от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее — ФЗ «Об отходах производства и потребления»), Экологической доктрине Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 года № 1225-р (далее — Экологическая доктрина Российской Федерации).

Отметим, что важную роль в системе принципов права играют конституционные принципы. Это в полной мере относится и к экологическому праву. Проблему конституционных принципов экологического права мы в данной работе не затрагиваем, поскольку рассматривали ее ранее [15].

3. Принципы права — это основополагающие нормативно закрепленные идеи, «четко маркированные законодателем в качестве принципов (основных положений, основных начал)» [1, с. 114]. В нормативных правовых актах, составляющих экологическое законодательство, принципами экологического права являются только те идеи, которые в названии соответствующих статей нормативных правовых актов маркированы в качестве принципов.

По нашему мнению, принципы экологического права нашли нормативное закрепление:

— в статье 3 «Основные принципы охраны окружающей среды» ФЗ «Об охране окружающей среды»,

— в статье 1 «Основные принципы земельного законодательства» ЗК РФ;

— в статье 1 «Основные принципы лесного законодательства» ЛК РФ;

— в статье 3 «Основные принципы водного законодательства» ВК РФ;

— в статье 12 «Основные принципы государственного управления в области охраны и устойчивого использования объектов животного мира» ФЗ «О животном мире»;

— в статье 2 «Основные принципы законодательства о рыболовстве и сохранении водных

биоресурсов» Федерального закона от 20 декабря 2004 года № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»;

— в статье 3 «Основные принципы государственного управления в области охраны атмосферного воздуха» Федерального закона от 4 мая 1999 года № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»;

— в статье 3 «Основные принципы и приоритетные направления государственной политики в области обращения с отходами» ФЗ «Об отходах производства и потребления»;

— в статье 3 «Принципы экологической экспертизы» федерального закона от 23 ноября 1995 года № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»;

— также принципы экологического права не только закреплены, но и маркированы в качестве принципов государственной политики в области экологии в разделе 2 «Стратегическая цель, задачи и **принципы** (выделено нами. — **К. Д.**) государственной политики в области экологии» подзаконного акта Экологическая доктрина Российской Федерации.

В статье 2 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ (далее — ГрК РФ) закрепляются основные принципы законодательства о градостроительной деятельности. С. А. Боголюбов в коллективной монографии «Правовое и индивидуальное регулирование природоресурсных отношений» высказывает мысль о том, что нормы градостроительного законодательства, судя по принципам, принадлежат «преимущественно к природоресурсному, природоохранному, то есть к экологическому законодательству» [16, с. 24]. В качестве аргумента С. А. Боголюбов приводит три принципа, которые действительно имеют экологический оттенок. Однако в настоящее время в статье 2 ГрК РФ закреплено тринадцать принципов, подавляющее большинство из которых не имеет прямого отношения к регулированию отношений между человеком, обществом и природой. Кроме того, как известно, принципы правового образования отражают его сущность. При знакомстве с принципами, закрепленными в статье 2 ГрК РФ, не создается впечатления, что речь идет о сфере общественных отношений, связанных с охраной окружающей среды и/или ее использованием. Следовательно, мы не можем отнести все принципы, которые перечислены в статье 2 «Принципы и задачи правового регулирования в области использования атомной энергии» Федерального закона от 21 ноября 1995 года № 170-ФЗ «Об использовании

атомной энергии» (далее — ФЗ «Об использовании атомной энергии»). Тем не менее отдельные принципы, названные в статье 2 ГрК РФ и статье 2 ФЗ «Об использовании атомной энергии» можно отнести к принципам экологического права.

Специфической чертой закрепления принципов экологического права в текстах законов является то, что в большинстве из них перечень принципов является открытым, прямым указанием на это является то, что соответствующие статьи называются «Основные принципы...». Следовательно, подразумевается и наличие других принципов, которые по отношению к принципам, закрепленным в конкретном нормативном правовом акте, являются «не основными».

4. Принципы права — это нормативно закрепленные основополагающие идеи, «являющиеся разнovidностью правовых норм и выступающие непосредственным правовым регулятором общественных отношений» [1, с. 114]. Мы разделяем позицию, что принципы права — это разнovidность норм права. Да, они обладают спецификой по сравнению с «обычными» нормами права, тем не менее, они представляют собой именно нормы права, а не что-то иное.

Специфика норм-принципов, в том числе в экологическом праве, заключается в том, что они:

— имеют более абстрактный и обобщенный характер по сравнению с прочими нормами права. Полагаем, что в этом проявляется особенность изложения правовых идей в тексте нормативных правовых актов;

— им присуща декларативность, что не является недостатком принципов права, поскольку правоприменитель должен осознавать значимость идей, заключенных в принципах права;

— обладают более высокой юридической силой по отношению ко всем прочим правовым нормам [17, с. 245];

— структура нормы-принципа включает, как правило, только диспозицию [1, с. 196; 18, с. 58];

— механизм реализации принципов права предусмотрен совокупностью иных норм, расположенных в том же или иных нормативных правовых актах. Эта специфическая черта принципов права обуславливается декларативным характером и отмеченными выше особенностями структуры.

Мы не можем согласиться с Е. В. Скурко, полагающей, что нормы-принципы представляют собой не имеющую самостоятельного значения и/или «вырожденную» норму права [18, с. 57–58]. Принципы права являются не «вырожденными»

нормами, а непосредственным регулятором общественных отношений. Свидетельством этому является судебная практика. При аргументации выносимых актов правоприменитель может ссылаться либо на принцип как таковой, либо просто на соответствующую статью нормативного правового акта, где он закреплён.

5. Принципы права обладают «императивностью для правоприменителя и прочих субъектов права» [1, с. 114]. По нашему мнению, нет какой-то необходимости дополнительно аргументировать это положение, поскольку неотъемлемым свойством правовых норм, отличающих их от прочих регуляторов общественного поведения, является их императивность, обеспеченная мерами государственного принуждения.

6. Принципы права служат «критерием и ориентиром для законодателя при принятии новых и совершенствовании действующих нормативных правовых актов» [1, с. 114]. В этом, по нашему мнению, больше проявляется свойство принципов права как идей, а не как правовых норм.

Исследователями верно отмечается, что принципы экологического права «мотивируют поведение граждан в решении задач охраны окружающей среды, дают толчок в организации и развитии системы экологического образования, воспитании и формировании экологической культуры» [19]. На наш взгляд, высокий уровень экологической культуры общества (в первую очередь законодателя и правоприменителя) ведет к принятию качественных законов и осмысленному их неукоснительному исполнению. Ярким примером ориентира для развития экологического законодательства были принципы права, закреплённые в статье 3 Закона РСФСР от 19 декабря 1991 года № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды».

7. Принципы права отражают «исторически эволюционировавшую к моменту их нормативного закрепления систему ценностей и приоритетов и выражающие сущность права в конкретно-исторический период» [1, с. 114]. Ни для кого не секрет, что система ценностей и приоритетов со временем в любом обществе эволюционирует, и со временем она выражается в государственной политике, в том числе в содержании нормативных правовых актов.

Вышесказанное в полной мере проявляется и в экологической сфере. Считаем необходимым отметить два момента.

Во-первых, к концу 1980 года к научному сообществу, советскому обществу, а потом и к руководству РСФСР пришло реальное осознание ценности природы, ее значения для

существования человечества, ограниченности и во многих случаях невосполнимости природных ресурсов. Изменение ценностных приоритетов (точнее, появление этого нового приоритета) нашло четкое выражение в преамбуле Закона РСФСР от 19 декабря 1991 года «Об охране окружающей природной среды».

Во-вторых, распад СССР привел к образованию Российской Федерации как государства нового типа, основанного не на классовом подходе, а на общечеловеческих и так называемых демократических ценностях. Наиболее четко это проявилось на конституционном уровне, а в интересующем нас ракурсе — в институте собственности на землю и другие природные ресурсы. В статье 11 Конституции СССР от 7 октября 1977 года устанавливалась исключительная собственность государства на землю, ее недра, воды, леса. Это же положение было продублировано в статье 11 Конституции РСФСР от 12 апреля 1978 года. Напротив, в части 2 статьи 9 Конституции Российской Федерации устанавливается, что «земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности». Также в части 1 статьи 36 Конституции Российской Федерации особо закрепляется право граждан и их объединений иметь землю в частной собственности. При этом у законодателя в 1993 году хватило мудрости ввести конституционную норму, что полномочия, связанные с правом собственности на землю и другие природные ресурсы, осуществляются собственниками свободно, «если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц» (ч. 2 ст. 36 Конституции Российской Федерации).

8. Принципы права обладают «динамичностью в правовой системе как в плане введения/упразднения, так и наполнения содержания» [1, с. 114].

Экологическое право является относительно молодой отраслью права. По мнению одних авторов, оно формируется в 60–70-е годы XX века [20, с. 11], по мнению других, начинает формироваться во второй половине XX века и завершается этот процесс на международном и национальном уровнях в 1980-е годы [21, с. 10]. В силу такой его «молодости» динамику принципов экологического права проследить намного сложнее, чем в «старых» отраслях (уголовное, уголовно-процессуальное, гражданское процессуальное).

Что касается отраслей природоресурсного права (земельного, лесного, водного), то они

старше, чем экологическое право в целом. Начиная с советского (и даже дореволюционного) периода, вплоть до действующих ЗК РФ, ЛК РФ, ВК РФ, можно выявить динамику земельного, лесного, водного законодательства. Однако динамику их принципов проследить чрезвычайно сложно, поскольку в текстах нормативных актов не использовалось слово «принцип», не было ни статей, ни тем более глав, специально посвященных принципам права. Более реально выявить развитие доктринальных принципов, поскольку советские ученые занимались этими проблемами и выводили основополагающие идеи земельного, лесного, водного законодательства, исходя из его содержания, путем его толкования. Однако анализ развития доктринальных принципов экологического права не входит в задачи нашего исследования.

Что касается динамики принципов экологического права в постсоветский период, то ее проследить вполне реально. Так, из одиннадцати принципов экологического права, изначально, закрепленных в статье 1 ЗК РФ, к моменту написания данной работы коррекции подверглись три из одиннадцати принципов, из содержащихся в статье 1 ЛК РФ — четыре принципа, из восьми принципов в статье 12 ФЗ «О животном мире» — один принцип, из семи принципов в части 1 статьи 3 ФЗ «Об отходах производства и потребления» — два принципа. Новых принципов в указанных законах не появлялось со времени их принятия. Интересно, что самым стабильным в плане принципов оказалось водное законодательство, в котором все шестнадцать принципов экологического права, закрепленные в статье 3 ВК РФ, остались в неизменном виде.

Динамика принципов экологического права в данном случае стала следствием нормально-го развития экологического законодательства, обусловленного необходимостью реагирования государства на новые экологические вызовы, возникающие экологические проблемы, на изменения в социально-экономической обстановке, на изменения в других отраслях права (в первую очередь в гражданском и предпринимательском).

В заключение сформулируем позитивистское определение принципов экологического права с учетом специфики данной отрасли. По нашему мнению, принципы экологического права — это закрепленные в Конституции Российской Федерации, а также прямо маркированные в ФЗ «Об охране окружающей среды», ЗК РФ, ВК РФ, ЛК РФ, ФЗ «О животном мире»,

ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», ФЗ «Об отходах производства и потребления», ФЗ «Об экологической экспертизе», ГрК РФ, ФЗ «Об использовании атомной энергии» и в Экологической доктрине Российской Федерации основополагающие идеи в сфере правового регулирования общественных отношений, связанных с охраной окружающей среды в целом, отдельных ее компонентов и использования природных ресурсов, представляющие собой специфические нормы права, обладающие императивностью для субъектов экологических и связанных с ними правоотношений, выражающие сущность экологического права.

Список источников

1. Илюхина В. А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2024. 618 с.
2. Илюхина В. А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А. А. Демичева. Москва: Директ-Медиа, 2024. 408 с.
3. Демичев А. А. К вопросу о принципах гражданского процессуального права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2005. № 1 (42). С. 92–98.
4. Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13.
5. Демичев А. А., Илюхина В. А. К вопросу о месте закрепления принципов права в нормативных правовых актах (сравнительный анализ российского и армянского опыта) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 23–27.
6. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. 1. Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права: монография / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2020. 376 с.
7. Источники и формы права в современной юридической науке / под ред. Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2021. 320 с.
8. Demichev A., Iliukhina V., Demichev K., Paramonov A. Principles of law in the continental legal family (problematic aspects of determining the essence and classification) // Laplage em Revista. 2021. Vol. 7. №. 1. Pp. 609–616.
9. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12-ти т. Т. VII. Семейное право России / под

ред. А. А. Демичева, Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2022. 336 с.

10. Илюхина В. А. Доктринальные принципы права: понятие и специфика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 9–21.

11. Илюхина В. А. Доктринальные принципы права в правоприменительной практике // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 5–11.

12. Илюхина В. А. Классификация доктринальных принципов права // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2023. № 3. С. 10–25.

13. Илюхина В. А. Принцип неотвратимости ответственности как доктринальный принцип российского и армянского права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 46–51.

14. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об охране окружающей среды» (постатейный) / под ред. А. П. Анисимова. Москва: Деловой двор, 2010. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.09.2025).

15. Додонов К. В. Конституционные принципы экологического права // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 6. С. 60–64.

16. Правовое и индивидуальное регулирование природоресурсных отношений: монография / под ред. В. Н. Власенко, И. О. Красновой. Москва: РГУП, 2021. 208 с.

17. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. Москва: Статут, 2006. 269 с.

18. Скурко Е. В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: теория и практика // Правоведение. 2006. № 2. С. 55–61.

19. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный) / под ред. О. Л. Дубовик. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2025).

20. Демичев А. А., Грачева О. С. Экологическое право: учебник. Москва: Прометей, 2017. 348 с.

21. Дубовик О. Л. Экологическое право: учебник. Москва: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2004. 584 с.

References

1. Ilyukhina V. A. Principles of Law in the National Legal Systems of the Russian Federation and the Republic of Armenia (a comparative legal study). Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2024. 618 p. (In Russ.).

2. Ilyukhina V. A. Principles of Law in the National Legal Systems of the Russian Federation and the Republic of Armenia (a comparative legal study): monograph / ed. by A. A. Demichev. Moscow: Direct-Media, 2024. 408 p. (In Russ.).

3. Demichev A. A. On the Principles of Civil Procedural Law. *Bulletin of the Saratov State Academy of Law*, 2005, no. 1 (42), pp. 92–98. (In Russ.).

4. Demichev A. A. Positivist Classification of the Principles of Modern Russian Law. *State and Law*, 2014, no. 5, pp. 5–13. (In Russ.).

5. Demichev A. A., Ilyukhina V. A. On the Place of Enshrining the Principles of Law in Normative Legal Acts (a Comparative Analysis of the Russian and Armenian Experience). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2 (46). pp. 23–27. (In Russ.).

6. Formation and Development of Branches of Law in the Historical and Modern Legal Reality of Russia: in 12 vol. Vol. 1. Theoretical and Methodological Aspects of the Formation of Branches of Russian Law: monograph / ed. by R. L. Khachaturov. Moscow: Yurлитинформ, 2020. 376 p. (In Russ.).

7. Sources and Forms of Law in Modern Legal Science / ed. by R. L. Khachaturov. Moscow: Yurлитинформ, 2021. 320 p. (In Russ.).

8. Demichev A., Ilyukhina V., Demichev K., Paramonov A. Principles of law in the continental legal family (problematic aspects of determining the essence and classification). *Laplage em Revista*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 609–616.

9. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 vol. Vol. VII. Family law of Russia / ed. by A. A. Demichev, R. L. Khachaturov. Moscow: Yurлитинформ, 2022. 336 p. (In Russ.).

10. Ilyukhina V. A. Doctrinal principles of law: concept and specificity. *Actual problems of state and law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 9–21. (In Russ.).

11. Ilyukhina V. A. Doctrinal principles of law in law enforcement practice. *Altai Legal Bulletin*, 2023, no. 3 (43), pp. 5–11. (In Russ.).

12. Ilyukhina V. A. Classification of doctrinal principles of law. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, 2023, no. 3, pp. 10–25. (In Russ.).

13. Ilyukhina V. A. The principle of inevitability of responsibility as a doctrinal principle of Russian and Armenian law. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 46–51. (In Russ.).

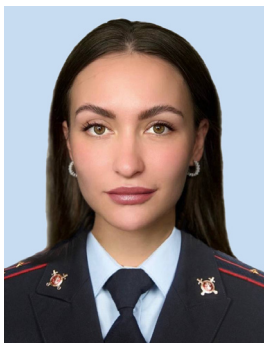
14. Scientific and practical commentary to the Federal Law «On Environmental Protection» (article by article) / ed. by A. P. Anisimov. Moscow: Delovoy Dvor, 2010. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 10.09.2025). (In Russ.).

15. Dodonov K. V. Constitutional principles of environmental law. *Constitutional and municipal law*, 2025, no. 6, pp. 60–64. (In Russ.).

16. Legal and individual regulation of natural resource relations: collective monograph / ed. by V. N. Vlasenko, I. O. Krasnova. Moscow: RGUP, 2021. 208 p. (In Russ.).

17. Kuznetsova O. A. Norms and principles of Russian civil law. Moscow: Statut, 2006. 269 p. (In Russ.).
18. Skurko E. V. Legal principles in the legal system, legal system and legislative system: theory and practice. *Jurisprudence*, 2006, no. 2, pp. 55–61. (In Russ.).
19. Commentary on the Federal Law of January 10, 2002, no. 7-FZ, “On Environmental Protection” (article-by-article) / ed. by O. L. Dubovik (Prepared for the ConsultantPlus system, 2015). Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 10.09.2025). (In Russ.).
20. Demichev A. A., Gracheva O. S. Environmental Law: textbook. Moscow: Prometey, 2017. 348 p. (In Russ.).
21. Dubovik O. L. Environmental Law: textbook. Moscow: TK Velbi, Prospect Publishing House, 2004. 584 p. (In Russ.).

Научная статья
УДК 343

Виктимность сотрудников органов внутренних дел как детерминанта преступных посягательств, сопряженных с дискредитацией правоохранительной деятельности

Дубова Мария Евгеньевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, shaleeva0005@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены виктимологические особенности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации как особой категории потерпевших, уязвимость которых детерминирована их профессиональным статусом, спецификой выполняемых полномочий и условиями службы. Исследованы объективные и субъективные факторы профессиональной виктимности сотрудников полиции, включая социально-демографические, психологические и поведенческие характеристики, а также специфику виктимогенных ситуаций. Особое внимание уделено феномену дискредитации органов внутренних дел, выступающему не только как форма посягательства на личность сотрудника, но и как угроза авторитету ведомства и государству в целом. На основе анализа научных концепций и судебной практики выделены типичные черты жертв преступлений, направленные против сотрудников ОВД, описаны разновидности виктимного поведения и факторы, способствующие их виктимизации. Сделан вывод о необходимости разработки комплекса мер виктимологической профилактики, направленных на минимизацию уязвимости сотрудников полиции и повышение уровня защиты их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: виктимность, органы внутренних дел, полиция, дискредитация, профессиональная уязвимость, факторы виктимизации

Для цитирования: Дубова М. Е. Виктимность сотрудников органов внутренних дел как детерминанта преступных посягательств, сопряженных с дискредитацией правоохранительной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 224–229.

Original article

Victimization of law enforcement officers as a determinant of criminal offenses associated with the discrediting of law enforcement activities

Maria E. Dubova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, shaleeva0005@yandex.ru

Abstract. The article examines the victimological characteristics of law enforcement officers of the Russian Federation as a distinct category of victims, whose vulnerability is determined by their professional status, the specific nature of their duties, and service conditions. The author investigates both objective and subjective factors of professional victimization among police officers, including socio-demographic, psychological, and behavioral

© Дубова М. Е., 2025

characteristics, as well as the specifics of victimogenic situations. Special attention is given to the phenomenon of discrediting law enforcement agencies, which acts not only as an offense against the individual officer but also as a threat to the authority of the agency and the state as a whole. Based on an analysis of scientific concepts and judicial practice, typical traits of victims targeted in crimes against law enforcement officers are identified, types of victim behavior are described, and factors contributing to their victimization are highlighted. The article concludes with the need to develop a comprehensive set of victimological preventive measures aimed at minimizing the vulnerability of police officers and enhancing the protection of their professional activities.

Keywords: victimization, law enforcement agencies, police, discrediting, professional vulnerability, victimization factors

For citation: Dubova M. E. Victimization of law enforcement officers as a determinant of criminal offenses associated with the discrediting of law enforcement activities. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 224–229. (In Russ.).

Современное развитие криминогенной обстановки в Российской Федерации сопровождается ростом числа преступных посягательств, объектом которых становятся сотрудники органов внутренних дел (далее — ОВД). Данная категория правоприменителей выступает в особом качестве — носителей публичной власти, выполняющих социально значимые функции по охране общественного порядка, обеспечению безопасности граждан и защите их прав и свобод. Вместе с тем специфика статуса сотрудников полиции обуславливает их повышенную уязвимость, которая в научной литературе обозначается понятием «профессиональная виктимность» [1–3].

Изучение виктимности сотрудников ОВД не сет не столько теоретическую, сколько практическую значимость, поскольку данная категория потерпевших характеризуется особым сочетанием объективных и субъективных факторов, создающих предпосылки для их виктимизации. Преступные посягательства, сопряженные с дискредитацией сотрудников полиции, отличаются не только причинением вреда конкретному лицу, но и негативным воздействием на авторитет правоохранительной системы и государства в целом.

Актуальность темы усиливается в условиях нарастающей социальной напряженности, расширения информационно-коммуникационного пространства и трансформации общественных представлений о роли полиции в жизни общества. Внешняя дискредитация ОВД становится одним из ключевых криминологических факторов, детерминирующих рост виктимности сотрудников.

По справедливому замечанию Д. В. Ривмана и В. С. Устинова, содержание категории «виктимность» зависит от уровня, на котором она рассматривается: индивидуальном или массовом.

Индивидуальная виктимность представляет собой обусловленное существованием преступности состояние уязвимости конкретного лица, выражающееся в его способности стать жертвой преступления вследствие сочетания субъективных и объективных факторов [4, с. 41, 46].

Массовая виктимность — это социальное явление, отражающее состояние общества в условиях преступности и проявляющееся в совокупности жертв и преступных посягательств на определенной территории за определенный период, а также в общей для населения или его групп предрасположенности к уязвимости от преступных посягательств [4, с. 55].

В современных криминологических исследованиях, посвященных видам виктимности, наиболее часто упоминается индивидуальная, видовая, групповая и массовая (общественная) виктимность. По оценке И. В. Ильина и О. Л. Морозова, наибольшую публичную значимость представляет виктимология, направленная на изучение групповой и общественной виктимности [5].

Типичным примером групповой виктимности, традиционно используемым классическими изданиями по криминологии, является повышенная уязвимость полицейских, то есть присущая им склонность становиться жертвами посягательств против порядка управления в силу своего служебного статуса. Некоторые исследователи даже утверждают о изначальной предопределенности виктимизации сотрудников ОВД [6, с. 35], подтверждающей социальную обусловленность пункта «ж» части 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Групповая виктимность обуславливается наличием у отдельной группы граждан схожих социально-демографических, статусно-ролевых, психологических качеств, которые в своей совокупности увеличивают риск и развивают потенциальную склонность становиться жертвами.

Существуют объективные и субъективные факторы виктимности полицейских, совокупность которых рождает состояние уязвимости, особенно опасное при стечении неблагоприятных факторов внешней среды (то есть в виктимогенной ситуации).

Объективные факторы виктимности — это внешние условия и обстоятельства, создающие условия для роста уязвимости сотрудников. Они выступают следствием окружающей социально-экономической, политической, криминогенной среды, спецификой и организацией службы. Стержневыми объективными факторами виктимности полицейских, на наш взгляд, являются особый статус, предполагающий риск для жизни, здоровья, деловой репутации, и специфики службы (экстремальные, конфликтные и стрессовые ситуации при взаимодействии с гражданами, недостатки в правовой и социальной защищенности личного состава).

А. С. Чумичкин к основным виктимобразующим ситуациям причисляет массовые беспорядки, локальные конфликты, процессуальную деятельность и новые угрозы личной безопасности, детерминированные самоутверждением граждан в интернете («пранк-культура») [3, с. 9].

Субъективные факторы виктимности — это специфические личностные особенности, установки, психоэмоциональные, интеллектуально-волевые, поведенческие особенности, обуславливающие большую вероятность стать жертвой преступления. Например, субъективным фактором виктимности является недостаточная служебная, правовая и физическая подготовленность конкретного полицейского, нестабильное психологическое состояние, недостаток знаний и опыта, накопленная усталость, невнимательность, легкомысленное отношение к исполнению служебных обязанностей, склонность к агрессии, конфликтность.

В. М. Гарманов сводит виктимность сотрудников именно к субъективным факторам и выделяет 4 типичные ситуации, существенно повышающие уязвимость полицейских: 1) тактически неправильные действия при исполнении служебных обязанностей; 2) провокационные действия, не вызванные необходимостью; 3) психологически безграмотное поведение в конфликтной ситуации; 4) возможно, незаконные действия [6, с. 35].

В данном контексте уместным представляется изучение поведения потенциальной жертвы в условиях виктимогенной ситуации.

В литературе жертв, чье поведение характеризуется положительно, но в результате их

социально одобряемых действий им причиняется вред, называют инициативными [7, с. 99–101]. А. Л. Репецкая, основательно исследовавшая и описавшая особенности виновного поведения жертв, отнесла действия сотрудников милиции по пресечению противоправных действий в целях защиты интересов общества или отдельных граждан к социально одобряемому виду виктимного поведения потерпевшего. Наряду с этим видом она определяет виновное поведение как «социально неодобряемое поведение жертвы, являющееся результатом ее сознательного отрицательного отношения к общепринятым социальным ценностям, способствующее совершению преступления против ее интересов» [8, с. 17–18].

Представляется, что виктимное поведение сотрудников ОВД может быть как социально одобряемым (в случае, когда сотрудник действует правомерно, не нарушая нормы морали и этики) и социально неодобряемым (в случае, когда при исполнении полномочий им допускаются различного рода провокации, оскорбления, иные формы аморального, грубого, уничижительного, высокомерного и неуважительного отношения к гражданам).

В данном контексте следует охарактеризовать виды жертв. Не углубляясь в сущность основных подходов к содержанию термина «жертва преступления» обозначим, что нам наиболее близка концепция, предполагающая рассмотрение в качестве жертвы преступления не только физических лиц, но и организаций, социальных групп, институтов, общество и государство [9, с. 8].

В случае дискредитации ОВД жертвой может стать физическое лицо (например, в случае публичного оскорбления сотрудника), социальная группа (например, при возбуждении ненависти или вражды в отношении социально-профессиональной группы сотрудников ОВД), юридическое лицо МВД России (например, в результате превышения сотрудником ОВД полномочий, подорвавшего авторитет ведомства), государство (например, при совершении гражданами посягательств против порядка управления, подрывающих авторитет всего государственного аппарата).

А. С. Чумичкин, характеризуя сотрудников ОВД как жертв преступлений, описывает их личность по трем группам признаков: 1) общие социально-демографические (совершеннолетние граждане Российской Федерации, имеющие необходимый уровень образования и нравственные качества, приемлемые для замещения

должности в ОВД); 2) профессиональные (обусловленные прохождением службы в ОВД (служебные риски)) и 3) иные черты, отражающие особенности служебного поведения, обусловленные темпераментом, психологической уравновешенностью, умением минимизировать конфликтные ситуации [10, с. 32].

Принимая такую точку зрения, позволим поставить под сомнение верность рассмотрения нравственных качеств в числе социально-демографических признаков. Кроме того, полагаем, что недостаточно раскрытыми остались так называемые «профессиональные признаки», которые автор сводит к специфике прохождения службы в полиции. Если речь идет о личностных качествах, связанных с профессиональной деформацией, почему автор не отнес их к третьей группе, описывающей поведенческие особенности жертвы, ее психологические качества?

Вместе с тем согласимся, что виктимность жертв-физических лиц чаще обуславливается индивидуальными чертами. Опишем характерные черты данной категории жертв посредством классификации А. Б. Сахарова (социально-демографические, образовательно-культурные, функционально-отношенческие, нравственно-психологические), для чего обратимся к приговорам по уголовным делам, в которых потерпевшими стали сотрудники ведомства.

Социально-демографические характеристики.

Среднестатистический портрет жертвы внешней дискредитации ОВД можно описать следующим образом: в 77 % случаев потерпевшим является мужчина в возрасте от 25 до 54 лет, проходящий службу в подразделениях ГАИ, ППС, УУП, реже — ДЧ, ОКОН, УР со стажем от 3 до 15 лет. Среди женщин, ставших жертвами преступных посягательств, чаще фигурируют представительницы подразделений следствия и дознания, ДЧ, ППС, ПДН в возрасте от 30 до 40 лет, состоящие в должности от 1 года до 9 лет. В 73 % рассмотренных случаев преступления совершены в городской местности, в 59% — в общественных местах и на улицах, а также на дорогах, трассах вне населенных пунктов. Данных о семейном положении жертв, уровне их дохода получить не удалось [11, с. 159].

Отметим, что полученные данные согласуются с результатами исследований, проведенных А. С. Чумичкиным [10, с. 33–36] и В. Ф. Щербаковым [12].

Образовательно-культурная характеристика жертв внешней дискредитации ОВД позволяет

установить связь между степенью их виктимности и уровнем образования, интеллектуальным развитием, навыками коммуникации. Исходя из того, что в материалах уголовных дел не содержится данных, позволяющих установить такие признаки, можем оттолкнуться от специальных званий и занимаемых должностей жертв посягательств, назначение на которые возможно только при наличии среднего общего, среднего профессионального, высшего образования. В 55 % рассмотренных случаев, жертвы состояли на офицерских должностях, из них в звании от лейтенанта до майора — 95 %, занимающие руководящие должности — 12 %. Из указанных данных, можем сделать вывод о том, что образовательный уровень большинства потерпевших выше среднего [11, с. 159].

Функционально-отношенческая характеристика с точки зрения И. В. Ильина, включает реальные функции индивида (его принадлежность к социальным группам), взаимоотношения с иными людьми, учреждениями и его внутреннее отношение к выполняемым функциям, жизненные планы, то есть в данном случае речь идет о принадлежности жертвы к социально-профессиональной группе полицейских, осознании принадлежности к ней, выполнении роли, обусловленной специальным статусом [11, с. 160].

Нравственно-психологические особенности жертвы — это совокупность моральных качеств, ценностей, установок и эмоционально-волевых черт, которые определяют поведение лица в обществе и его взаимодействие с окружающими. Эти особенности влияют на его отношение к окружающему миру, способность к эмпатии и саморегуляции, определяя эмоциональную зрелость личности. Нравственно-психологический фактор зачастую определяет модель поведения жертвы в виктимогенной ситуации, поэтому более предрасположенными к внешней дискредитации ОВД сотрудники, характеризующиеся слабой саморегуляцией, неуверенностью в себе, вспыльчивостью, импульсивностью при принятии решений. Анализ судебной практики позволяет предположить, что наиболее подвержены публичным оскорблениям и применению насилия лица, допускающие провокации, в том числе грубые и уничижительные высказывания по отношению к нарушителям правопорядка. Менее подвержены дискредитации сотрудники женского пола, однако жертвами от посягательств со стороны женщин более предрасположены сотрудники мужского пола, зачастую руководствующиеся ложной убежденностью в

том, что женщины менее агрессивны и опасны, чем мужчины [10, с. 60].

В. Ф. Щербаков, характеризуя личность жертвы в лице сотрудников ОВД, резонно дополняет ее структуру уголовно-правовыми признаками. Автор отмечает, что «...из общего числа опрошенных им сотрудников, потерпевших от посягательств, предусмотренных статьями 318 УК РФ стали 46 % (75 сотрудников), 319 УК РФ — 42 % (68 сотрудников); 213 УК РФ — 7 % (12 сотрудников), 306 УК РФ — 3 % (5 сотрудников), 128¹ УК РФ — 1 % (1 сотрудник). Преступления в 82 % случаев совершены в общественных местах, в 10 % случаев — на дорогах и трассах вне населенных пунктов; единолично — в 77 % случаев; в состоянии опьянения — в 75 % случаев. В 94 % случаев в момент посягательства сотрудники находились при исполнении служебных обязанностей, то есть непосредственной причиной преступления выступила конкретная жизненная виктимогенная ситуация, спровоцированная внезапно возникшим неприязненным отношением субъекта посягательства к сотруднику в связи с выполнением им своих должностных обязанностей» [12, с. 159].

Виктимность жертвы-социальной общности обуславливается их имиджем, уровнем авторитета среди населения. В случае, если речь идет об индивидуально неопределенном потерпевшем в лице социально-профессиональной группы сотрудников ОВД, факторами виктимности выступают репутационные потери, детерминированные должностной преступностью, коррупцией в ведомстве, непрофессионализмом отдельных представителей ведомства (то есть репутационной причиной, рассмотренной ранее). Кроме того, в современном обществе престиж полицейской службы, как и труд педагогов и медицинских работников, остается невысоким, что предопределяет снижение социальной значимости профессии, уровня уважения со стороны населения. Отрицательно влияет и пассивное отношение дискредитированных сотрудников к восстановлению нарушенных прав, рождающее высокую латентность преступности, подрывающей авторитет ОВД.

Виктимность жертвы-государства и ведомства (МВД России) от преступлений, сопряженных с дискредитацией, детерминирована аналогичными факторами, при этом специфическими причинами и условиями видятся упущения в кадровой политике, недостаточное финансирование ведомства, некоторая индифферентность к посягательствам на его деловую репутацию.

В свете вышеизложенного констатируем: сотрудники ОВД представляют особую категорию жертв преступлений из-за своей профессиональной виктимности, формируемой сочетанием объективных и субъективных факторов. Преступные посягательства, сопряженные с дискредитацией полиции, наносят ущерб не только отдельным сотрудникам, но и авторитету ведомства и государства, поэтому выявление факторов виктимности и форм виктимного поведения позволяет разрабатывать меры профилактики, направленные на снижение уязвимости сотрудников и защиту их профессиональной деятельности.

Список источников

1. Глухова А. А. Виктимологические факторы преступности: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999. 223 с.
2. Папкин И. А. Психологические пути снижения виктимности сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. псих. наук. Москва, 2004. 259 с.
3. Чумичкин А. С. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 24 с.
4. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология: монография. Нижний Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1998. 210 с.
5. Ильин И. В., Морозов О. Л. Роль виктимологии в современном российском обществе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 302–303.
6. Гарманов В. М. Отдельные направления предупреждения виктимности сотрудников полиции // Виктимология. 2014. № 2 (2). С. 34–40.
7. Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Ленинград, 1975. 153 с.
8. Репецкая А. Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1994. 151 с.
9. Кабанов П. А., Магизов Р. Р. Криминологическая виктимология. Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. 118 с.
10. Чумичкин А. С. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 197 с.
11. Дубова М. Е. Дискредитация органов внутренних дел: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2025. 300 с.
12. Щербаков В. Ф. Виктимность сотрудников органов внутренних дел в современной России // Юри-

дическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 1 (69). С. 157–161.

References

1. Glukhova A. A. Victimological factors of crime. Dissertation ... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 1999. 223 p. (In Russ.).
2. Papkin I. A. Psychological ways to reduce victimization of law enforcement officers. Dissertation... candidate of psychological sciences. Moscow, 2004. 259 p. (In Russ.).
3. Chumichkin A. S. Victimological prevention of crimes committed against law enforcement officers. Author's abstract of dissertation ... candidate of legal sciences. Moscow, 2019. 24 p. (In Russ.).
4. Rivman D. V., Ustinov V. S. Victimology: monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1998. 210 p. (In Russ.).
5. Ilyin I. V., Morozov O. L. The role of victimology in modern Russian society. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66). pp. 302–303. (In Russ.).
6. Garmanova V. M. Separate directions for preventing the victimization of police officers. *Victimology*, 2014, no. 2 (2). pp. 34–40. (In Russ.).
7. Rivman D. V. Victimological factors and prevention of crimes. Leningrad, 1975. 153 p. (In Russ.).
8. Repetskaya A. L. Guilty behavior of the victim and the principle of justice in criminal policy. Irkutsk: Irkutsk State University, 1994. 151 p. (In Russ.).
9. Kabanov P. A., Magizov R. R. Criminological victimology. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University, 2018. 118 p. (In Russ.).
10. Chumichkin A. S. Victimological prevention of crimes committed against law enforcement officers. Dissertation ... candidate of legal sciences. Moscow, 2019. 197 p. (In Russ.).
11. Dubova M. E. Discrediting of internal affairs bodies: criminal law and criminological aspects. Dissertation ... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2025. 300 p. (In Russ.).
12. Shcherbakov V. F. Victimization of law enforcement officers in modern Russia. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 1 (69). pp. 157–161. (In Russ.).

Научная статья
УДК 343.1

Искусственный интеллект и *Big Data* в доказывании по делам о хищениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Дудин Николай Вячеславович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, nikolay.dudin@mail.ru

Аннотация. В настоящее время количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло, при том что раскрываемость данной категории преступлений достаточно низкая. В настоящей статье рассмотрены возможности использования искусственного интеллекта и *Big Data* в доказывании по делам о хищениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Для раскрытия данной темы были использованы как эмпирические, так и теоретические методы, а именно: анализ, синтез, дедукция, индукция, моделирование, статистический метод. Рассмотрены возможности использования искусственного интеллекта и *Big Data* в доказывании и разработаны предложения по наиболее оптимальному внедрению их в уголовный процесс. Искусственный интеллект и *Big Data* только начинают внедрять в правоохранительную деятельность, поэтому на практике возникают проблемы с законностью сбора информации, допустимостью доказательств, полученных с помощью цифровых технологий и т. д.

Ключевые слова: доказывание, искусственный интеллект, *Big Data*, хищения, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Для цитирования: Дудин Н. В. Искусственный интеллект и *Big Data* в доказывании по делам о хищениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 230–235.

Original article

Artificial intelligence and Big Data in evidence in cases of theft committed using information and telecommunication technologies

Nikolay V. Dudin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation, nikolay.dudin@mail.ru

Abstract. Currently, the number of crimes committed using information and telecommunication technologies has increased, while the detection rate is quite low. This article examines the possibilities of using artificial intelligence and Big Data in proving cases of theft committed using information and telecommunication technologies. This study used both empirical and theoretical methods, including analysis, synthesis, deduction, induction, modeling, statistical

© Дудин Н. В., 2025

methods, and others. The possibilities of using artificial intelligence and Big Data in proving are considered and proposals are developed on the most optimal introduction of them into the criminal process. Artificial intelligence and Big Data are only beginning to be introduced into law enforcement activities, therefore, in practice, there are problems with the legality of information collection, admissibility of evidence obtained using digital technologies, etc.

Keywords: evidence, artificial intelligence, Big Data, theft committed using information and telecommunication technologies

For citation: Dudin N. V. Artificial intelligence and Big Data in evidence in cases of theft committed using information and telecommunication technologies. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 230–235. (In Russ.).

Современное общество переживает этап глубокой цифровой трансформации, которая затрагивает все сферы человеческой деятельности, включая преступность и борьбу с ней. В последнее десятилетие наблюдается экспоненциальный рост количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ). По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России), в 2024 году было зарегистрировано свыше 765 тыс. киберпреступлений, что на 13 % больше, чем за аналогичный период прошлого года (далее — АППГ). Более 60 % из них составляют хищения денежных средств граждан и организаций путем телефонного и интернет-мошенничества [1].

В таких условиях традиционные методы расследования и доказывания зачастую оказываются недостаточно эффективными.

ИТТ — это совокупность методов, технических и программных средств, а также инфраструктуры, предназначенных для сбора, обработки, хранения, передачи и распространения информации с использованием электронных и телекоммуникационных систем.

К ИТТ относятся:

- компьютерные сети (включая интернет);
- системы мобильной связи (GSM, 5G, VoIP);
- спутниковые и радиокommunikации;
- криптографические и защитные технологии;
- базы данных и облачные сервисы;
- автоматизированные системы управления и обработки данных [2, с. 105].

Современные ИТТ предоставляют широкие возможности для хищений. Так, преступники используют вредоносные программы, совершая взлом банковских систем и платежных сервисов для хищения денежных средств, находят уязвимости в программном обеспечении (далее — ПО) (эксплойты, SQL-инъекции) для несанкционированного доступа к базам данных.

Широко распространены мошеннические транзакции через мобильные приложения (подмена реквизитов, SIM-свопинг), кражи с криптокошельков через фишинг или взлом частных ключей.

Рассмотрим характеристику преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, и наиболее типичный перечень статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В первую очередь к таким преступлениям относятся:

- мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ);
- хищения с применением компьютерных технологий (ст. 159.6 УК РФ);
- хищения с использованием пластиковых карт (п. «г», ч. 3, ст. 158 УК РФ).

Преступления, которые служат инструментом для завладения чужим имуществом:

- неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), речь идет о случаях, когда была получена компьютерная информация, необходимая для хищения, например, базы данных банка;
- создание и распространение вредоносных программ (ст. 273 УК РФ);
- нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТТ (ст. 274 УК РФ);
- неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ).

Кроме того, подавляющее количество преступлений совершается путем социальной инженерии. Злоумышленники звонят гражданам, зачастую используя переадресацию или подменные номера, представляются сотрудниками правоохранительных органов, банков, близкими родственниками, тем самым входя в доверие к потерпевшему. После психологического воздействия преступники легко получают конфиденциальную информацию, необходимую для хищения, а также заставляют жертв совершать в свою пользу определенные сделки с денежными

средствами и имуществом. Данное деяние квалифицируется по статье 159 УК РФ.

Способы совершения хищений с использованием ИТТ постоянно претерпевают изменения в связи с трансформацией законодательства, появлением новых технологий и усилением систем безопасности. Из самых распространенных способов можно отметить фишинг — поддельные сайты и электронные письма для получения конфиденциальных данных, вишинг — телефонные звонки от имени банков или государственных органов, и смишинг — SMS-сообщения с вредоносными ссылками. Применяются также вредоносные программы, обеспечивающие управление устройствами жертв, и сайты-двойники, имитирующие официальные ресурсы. Широко распространено мошенничество в сфере интернет-инвестиций с обещаниями фиктивной прибыли.

Специфика цифровых хищений заключается в их трансграничном характере, высокой скорости совершения и использовании сложных схем сокрытия следов преступления. Все это требует новых подходов к собиранию, проверке и оценке доказательств.

Для доказывания по делам о хищениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в настоящее время необходимы цифровые сервисы. Целесообразно внедрение искусственного интеллекта (далее — ИИ) и *Big Data* в процесс по собиранию доказательств.

ИИ и технологии *Big Data* открывают новые возможности для правоохранительных органов в борьбе с преступностью, однако их применение в уголовном судопроизводстве порождает ряд сложных правовых вопросов [3, с. 117]:

- 1) соответствие технологий ИИ принципам уголовного процесса;
- 2) проблемы допустимости доказательств, полученных с использованием ИИ;
- 3) обеспечение прав личности при обработке больших массивов данных;
- 4) отсутствие четких правовых стандартов применения этих технологий.

Для решения данных вопросов необходим комплексный анализ возможностей и пределов использования ИИ и *Big Data* в доказывании по делам о цифровых хищениях с точки зрения действующего уголовно-процессуального законодательства и криминалистики.

Согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) доказательствами могут быть показания различных участников процесса,

вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы. Из представленных категорий наибольший интерес представляют вещественные доказательства и иные документы, которые могут содержать информацию о схеме совершения преступления, участниках и т. д.

В научной литературе под цифровыми доказательствами понимают информацию, которая:

- хранится, обрабатывается или передается с использованием электронных средств;
- имеет значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию;
- получена в установленном законом порядке [4].

Цифровые доказательства по делам о хищениях с использованием ИТТ можно условно разделить на следующие виды:

- 1) логи серверов и сетевого оборудования;
- 2) метаданные электронных документов;
- 3) история интернет-соединений и транзакций;
- 4) данные геолокации мобильных устройств и персональных компьютеров;
- 5) скриншоты и записи экрана;
- 6) дампы оперативной памяти.

Для решения вопроса об использовании ИИ в качестве инструмента доказывания необходимо дать ему определение и разобраться в его сущности.

ИИ — это междисциплинарная область науки и технологий, занимающаяся разработкой компьютерных систем, способных выполнять когнитивные функции, традиционно ассоциируемые с человеческим интеллектом, такие как обучение, рассуждение, восприятие, распознавание образов, принятие решений и обработка естественного языка.

В основе ИИ лежат методы машинного обучения (включая глубокое обучение), математическая логика, теория вероятностей, нейронаука и алгоритмическая оптимизация. ИИ-системы могут быть основаны на правилах (экспертные системы) или обладать способностью к самообучению на больших массивах данных (статистические и нейросетевые модели) [5, с. 405].

Ключевые характеристики ИИ включают адаптивность — способность улучшать производительность на основе опыта, автономность — выполнение задач без постоянного вмешательства человека, генерализацию — применение знаний к ранее не встречавшимся ситуациям.

В настоящее время ИИ широко используется в робототехнике, компьютерном зрении,

обработке естественного языка (NLP), медицине, экономике и других сферах, где требуется автоматизация сложных интеллектуальных процессов.

Современные системы ИИ могут выступать в качестве инструмента доказывания на различных этапах расследования цифровых хищений. Начиная с раннего этапа выявления преступной деятельности, ИИ может анализировать аномалии, происходящие в финансовых операциях, выявлять подозрительные транзакционные паттерны, мониторить *Darknet* на предмет продажи похищенных данных. Также в настоящее время многие операторы сотовой связи и банки разрабатывали и внедрили голосовых помощников, которые самостоятельно ведут диалог и распознают мошенников.

На этапе предварительного расследования ИИ может по заранее написанному алгоритму вести автоматизированный сбор цифровых следов, классифицировать и категоризировать доказательства, устанавливать связи между фигурантами дела. Для этого необходимо создать программу, которая сможет самостоятельно направлять запросы в информационные системы операторов сотовой связи, банков, собирать информацию с серверов и т. д.

На этапе оценки доказательств системы ИИ способны проверять непротиворечивость доказательств, сопоставляя различные факты друг с другом, объединяя их в единую картину события преступления. Также с помощью ИИ возможно выявление скрытых взаимосвязей в данных, прогнозирование развития криминальной ситуации.

Применение ИИ в доказывании должно соответствовать базовым принципам уголовного процесса, закрепленным в главе 2 УПК РФ:

1) законность (ст. 7 УПК РФ): требует четкой правовой регламентации применения ИИ;

2) осуществление правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ): ИИ не может подменять суд в оценке доказательств;

3) свобода оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ): алгоритмы ИИ не должны ограничивать эту свободу;

4) презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ): системы ИИ не должны создавать предвзятость.

Одна из основных проблем использования ИИ в доказывании — непрозрачность алгоритмов принятия решений, что противоречит требованию статьи 75 УПК РФ о проверяемости доказательств. Кроме того, система ИИ далека от совершенства. В результате хакерских атак или по иным причинам может возникнуть сбой

в программе, что приведет к искажению доказательственной базы, неправильной оценке доказательств и т. д. [6, с. 76].

Big Data — это совокупность методов, технологий и инструментов для обработки, хранения и анализа сверхбольших (объемом от терабайт до экзбайт) и сложноструктурированных массивов данных, которые невозможно эффективно обрабатывать традиционными системами управления базами данных и статистическими инструментами [7, с. 13].

Ключевые характеристики:

1) *volume* (объем) — данные в масштабах, превышающих возможности классических систем хранения и обработки;

2) *velocity* (скорость) — высокая скорость генерации и обновления данных (например, потоки с IoT-устройств или социальных сетей);

3) *variety* (разнообразие) — неоднородность форматов: структурированные (таблицы), полуструктурированные (*JSON*, *XML*) и неструктурированные данные (тексты, изображения, видео).

Технологический стек (программные инструменты) *Big Data* можно разделить по функциям на три категории. Это стек по хранению информации (распределенные системы *Hadoop HDFS*, *NoSQL* — *MongoDB*, *Cassandra*), ее обработке (фреймворки *Apache Spark*, *Flink*, *MapReduce*) и анализу (использование машинного обучения, методов *data mining*, потоковой аналитики *Apache Kafka*) [8, с. 217].

Big Data применяется в прогнозной аналитике, персонализации сервисов, умных городах и финансовом мониторинге. Данная технология критически важна для развития ИИ, так как обеспечивает его обучающими данными.

Поскольку *Big Data* в основном представляет собой базы данных, следовательно, ее можно использовать в качестве основного инструмента получения цифровой информации, необходимой для доказывания по уголовным делам о хищениях, совершенных с помощью ИТТ. Однако на практике может возникнуть ряд проблем.

Массовый сбор и анализ данных с использованием *Big Data* может нарушать конституционные права человека и гражданина, такие как:

— право на тайну частной жизни (ст. 23 Конституции Российской Федерации);

— право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции Российской Федерации);

— право на защиту персональных данных (ст. 24 Конституции Российской Федерации).

Тем не менее *Big Data* позволяет извлекать, анализировать и систематизировать огромные

массивы цифровых следов, которые могут служить доказательствами в суде.

Например, можно получить данные о финансовых операциях из логов банковских транзакций, платежных систем (*SWIFT, SEPA, Visa/Mastercard*), криптовалютных блокчейнов, таких как *Bitcoin, Ethereum*, электронных кошельков *Qiwi, WebMoney, PayPal* и т. д. С помощью полученной информации возможно доказать факт незаконных переводов путем выявления цепочек перемещения средств через подставные счета, а также обнаружить схемы отмывания денежных средств, анализируя транзакции и выявляя миксеры в криптовалюте. Кроме того, с помощью данных из *Big Data* отслеживаются временные корреляции путем сопоставления времени хищения с действиями подозреваемых (например, логины в систему).

Немаловажную роль для доказывания по делам о хищениях, совершаемых с использованием ИТТ, представляют данные сетевой активности. *Big Data* обладает возможностями получения логов корпоративных серверов, VPN, прокси, журналов доступа к базам данных (*SQL*-запросы), метаданных почты и мессенджеров. Вышеуказанная информация необходима для установления факта входа злоумышленника в систему (например, с украденными учетными данными), определения местоположения устройства в момент совершения преступления, выявления *SQL*-инъекций или *DDoS*-атак через анализ трафика.

ИИ и *Big Data* могут быть использованы для идентификации устройства и обнаружения цифровых отпечатков. Цифровыми доказательствами будут *MAC*-адреса, *IMEI* телефонов, серийные номера жестких дисков, *cookies*, браузерные отпечатки (*fingerprinting*), данные с камер наблюдения и систем контроля доступа. Они позволяют установить связь между конкретным гаджетом и его действиями в системе, а также найти подменный *IP*-адрес через анализ сопутствующих данных.

Открытые данные из профилей в социальных сетях представляют интерес для доказывания умысла подозреваемых, обвиняемых. Зачастую преступники обсуждают свои действия в мессенджерах и социальных сетях. Алгоритмы ИИ на базе *Big Data* собирают информацию с открытых источников. Они анализируют *VK, Telegram, Dark Web*-форумы, реестры *WHOIS*-доменов, регистрационные данные компаний.

Для подтверждения алиби, установления причастности лица к совершению преступления, поиска свидетелей и очевидцев целесообразно проанализировать данные интернет-вещей – это записи с умных камер, датчиков доступа, голосовых помощников, логи смарт-устройств (например, время включения/выключения). Однако получение и использование такой информации не должно нарушать конституционные права человека и гражданина.

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод: современная цифровая эпоха, характеризующаяся стремительным развитием ИТТ, порождает новые формы преступности, в частности, хищения, совершаемые с использованием цифровых средств. Традиционные методы расследования зачастую оказываются неэффективными против киберпреступлений, поэтому ИИ и *Big Data* могут стать важными инструментами в доказывании. Они обеспечивают автоматизированный сбор и анализ цифровых следов, могут выявлять аномалии в финансовых операциях, распознавать мошеннические схемы, анализировать блокчейн-транзакции, логи серверов, метаданные сообщений для установления связей между преступниками, а также ИИ-системы облегчают обработку больших массивов данных.

Несмотря на потенциал, применение ИИ и *Big Data* в уголовном процессе влечет за собой ряд проблем. В настоящее время сложно обеспечить законность сбора данных и нарушение конституционных прав граждан на частную жизнь, неприкосновенность жилища и т. д. Также остается спорным вопрос по поводу допустимости доказательств, полученных с использованием ИИ, поскольку нарушается требование проверяемости информации. Кроме того, в настоящее время отсутствует такая технология, которая обеспечивала бы безопасность обмена данными без их утечки.

Для эффективного внедрения ИИ-технологий и *Big Data* в уголовный процесс необходимо разработать правовые стандарты использования ИИ в доказывании, обеспечить прозрачность алгоритмов для соблюдения принципов уголовного процесса, создать межведомственные платформы для безопасного обмена данными между банками, операторами связи и правоохранительными органами.

ИИ и *Big Data* не просто инструменты, а новая парадигма борьбы с цифровой преступностью, требующая сбалансированного подхода между технологическими возможностями и защитой прав личности.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – август 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации (23 сентября 2024). URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/55225633/> (дата обращения: 11.09.2025).
2. Информационное право: учебник для вузов / под ред. Н. Н. Ковалевой. Москва: Юрайт, 2025. 353 с.
3. Кукарцева А. Н. Влияние цифровизации на осуществление судебной власти в Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2023. Т. 7. № 1. С. 112–118.
4. Бикмиев Р. Г., Бурганов Р. С. Искусственный интеллект на службе правосудия: современное состояние и будущее: монография. Москва: Проспект, 2024. 128 с.
5. Чурикова А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе: взгляд ученых и практиков на проблемы и перспективы // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. Казань: Познание, 2023. № 6. С. 404–414.
6. Рябцева Е. В. Проблема использования искусственного интеллекта в уголовном правосудии // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1. С. 73–80.
7. Макшанов А. В., Журавлев А. Е., Тындыкарь Л. Н. Большие данные. *Big Data*: учебник. 2-е изд. Санкт-Петербург: Лань, 2022. 184 с.
8. Копылов В. А. Информационное право: учебник для вузов. 6-е изд. Москва: Норма, 2023. 480 с.

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–August 2024: official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia (September 23, 2024). URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/55225633/> (accessed 11.09.2025). (In Russ.).
2. Information law: textbook for universities / ed. by N. N. Kovaleva. Moscow: Yurait, 2025. 353 p. (In Russ.).
3. Kukartseva A. N. The impact of digitalization on the exercise of judicial power in the Russian Federation. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 112–118. (In Russ.).
4. Bikmiev R. G., Burganov R. S. Artificial Intelligence in the Service of Justice: Current State and Future: monograph. Moscow: Prospect, 2024. 128 p. (In Russ.).
5. Churikova A. Yu. Artificial Intelligence in Criminal Procedure: The View of Scientists and Practitioners on the Problems and Prospects / Digital Technologies and Law: collection of Scientific Papers of the II International Scientific and Practical Conference. Kazan: Poznanie, 2023. Vol. 6. Pp. 404–414. (In Russ.).
6. Ryabtseva E. V. The Problem of Using Artificial Intelligence in Criminal Justice. *All-Russian Criminological Journal*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 73–80. (In Russ.).
7. Makshanov A. V., Zhuravlev A. E., Tyndykar L. N. Big Data. Big Data: textbook. 2nd ed. Saint Petersburg: Lan Publ., 2022. 184 p. (In Russ.).
8. Kopylov V.A. Information Law: textbook for Universities. 6th ed. Moscow: Norma, 2023. 480 p. (In Russ.).

Научная статья
УДК 343.2/.7

Особенности уголовного законодательства зарубежных стран об ответственности за дорожно-транспортные происшествия с летальным исходом, совершенные по вине водителей механических транспортных средств

Каменова Наталья Андреевна

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, Kamenova.nat@mail.ru

Аннотация. В статье представлен компаративный анализ зарубежного опыта уголовно-правового регулирования ответственности за дорожно-транспортные происшествия с летальным исходом, совершенные по вине водителей механических транспортных средств. Объектом исследования послужило законодательство Канады, Австралии (штат Виктория), Японии, Германии и Нидерландов с целью оценки эффективности различных подходов к уголовно-правовому закреплению указанных деяний и выявлению общих тенденций в данной сфере. Акцентируется внимание на дифференциации уголовной ответственности с учетом субъективной стороны деяния и обстоятельств, влияющих на степень его общественной опасности и уголовно-правовую оценку. Установлено, что в уголовное законодательство рассматриваемых зарубежных стран имплементированы нормы, предусматривающие уголовную ответственность за причинение смерти в результате опасного вождения или грубого нарушения правил дорожного движения. Констатируется пробел в российском уголовном законодательстве, заключающийся в отсутствии состава преступления, предусматривающего ответственность за опасное вождение, повлекшее летальный исход. Автором сформулировано предложение по совершенствованию действующего уголовного законодательства в части регулирования ответственности за опасное вождение, повлекшее смерть человека.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия, безопасность дорожного движения, причинение смерти, уголовная ответственность, зарубежное законодательство, опасное вождение, механическое транспортное средство

Для цитирования: Каменова Н. А. Особенности уголовного законодательства зарубежных стран об ответственности за дорожно-транспортные происшествия с летальным исходом, совершенные по вине водителей механических транспортных средств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 236–244.

Original article

Features of criminal legislation in foreign countries on liability for fatal road accidents caused by the fault of drivers of motor vehicles

Natalya A. Kamenova

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation, Kamenova.nat@mail.ru

© Каменова Н. А., 2025

Abstract. The article presents a comparative analysis of the foreign experience of criminal law regulation of liability for fatal traffic accidents caused by drivers of motor vehicles. The object of the study was the legislation of a number of foreign jurisdictions, namely Canada, Australia (Victoria), Japan, Germany and the Netherlands, in order to assess the effectiveness of various approaches to the criminal law enforcement of these acts and identify common trends in this area. Attention is focused on the differentiation of criminal liability, taking into account the subjective side of the act and the circumstances affecting the degree of its public danger and criminal law assessment. It has been established that the criminal legislation of the foreign countries under consideration implements norms providing for criminal liability for causing death as a result of dangerous driving or gross violation of traffic rules. A significant gap has been identified in Russian criminal legislation, which consists in the absence of *corpus delicti* providing for liability for “dangerous driving” that resulted in death. The author has formulated a proposal to improve the current criminal legislation in terms of regulating liability for dangerous driving that caused death.

Keywords: road traffic accidents, road safety, causing death, criminal liability, foreign legislation, dangerous driving, motor vehicle

For citation: Kamenova N. A. Features of criminal legislation in foreign countries on liability for fatal road accidents caused by the fault of drivers of motor vehicles. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 236–244. (In Russ.).

Дорожно-транспортные происшествия (далее — ДТП), повлекшие смерть человека по вине водителя механических транспортных средств, представляют одну из наиболее острых и социально значимых проблем, стоящих перед современными правовыми государствами. Национальные правовые системы, стремясь к реализации принципов справедливости, соразмерности наказания и превенции общественно опасных деяний, разрабатывают сложные механизмы дифференциации уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения, повлекшее смерть человека. Признавая наличие нерешенных проблем, Российская Федерация также предпринимает активные усилия по снижению неприемлемо высокого уровня смертности на дорогах. Подтверждением тому служит последовательная работа по совершенствованию законодательства в области обеспечения безопасности дорожного движения, направленная на максимальную защиту всех ее участников. В этой связи особую значимость приобретает обращение к зарубежному опыту уголовно-правового регулирования ответственности за автотранспортные преступления.

Изучение зарубежного опыта в области уголовного права, в частности, в сфере ответственности за ДТП, повлекшие смерть человека по вине лица, управлявшего механическим транспортным средством, может способствовать совершенствованию российского законодательства, позволяя адаптировать наиболее эффективные и перспективные модели правовых норм к совершенным российским реалиям. В контексте вышесказанного, особое значение приобретает сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за автотранспортные преступления, повлекшие смерть человека,

в таких юрисдикциях, как Канада, Австралия (штат Виктория), Япония, Германия и Нидерланды. Выбор указанных государств обусловлен не только наличием развитых систем уголовно-правового регулирования в сфере безопасности дорожного движения и их принадлежностью к различным правовым семьям, но и относительно низкими показателями смертности в результате ДТП. Согласно статистическим данным, представленным в отчете *BITRE Safety: International Road Safety Comparisons 2022*, подготовленном Департаментом инфраструктуры и транспорта при правительстве Австралии, коэффициент смертности в ДТП на 100 000 населения в 2022 году составил: в Нидерландах — 4.19, в Японии — 2.57, в Австралии — 4.54, в Германии — 3.35 [1]. Согласно данным Международного транспортного форума (ITF) за 2021 год, коэффициент смертности на дорогах Канады составил 4.6 [2]. Для сравнения, по расчетам автора, основанным на данных, опубликованных информационным агентством «ТАСС», со ссылкой на доклад Федеральной службы государственной статистики (Росстат) о численности населения Российской Федерации в 2024 году [3], и информации, представленной на официальном сайте Госавтоинспекции в разделе «Показания состояния безопасности дорожного движения» о количестве погибших в ДТП [4], в Российской Федерации этот показатель составляет приблизительно 9,9 на 100 000 населения. Данное соотношение свидетельствует о значительно более высокой смертности на дорогах в России по сравнению с вышеуказанными странами, что обуславливает актуальность детального изучения структуры и содержания их уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за ДТП со смертельным исходом, с целью

выявления наиболее эффективных механизмов, применяемых для снижения смертности на дорогах в Российской Федерации.

Правовая система Канады, характеризующаяся дуализмом в виде сосуществования системы общего права (доминирующей в большинстве провинций и территорий) и гражданско-правовой системы (в провинции Квебек), унифицирует уголовное законодательство на федеральном уровне посредством Уголовного кодекса Канады (*Criminal Code of Canada*, с последними изменениями от 8 апреля 2025 года) [5], который включает отдельную Часть VIII.1 «Правонарушения, связанные с перевозками», определяющую ответственность за деяния, совершаемые в процессе использования транспортных средств и квалифицируемые как преступные. За совершение ДТП, приведших к смерти потерпевших, канадское законодательство предусматривает дифференцированный подход к назначению наказания, принимая во внимание степень виновности водителя и совокупность обстоятельств, оказывающих влияние на меру ответственности.

Основные составы преступлений, определяющие ответственность за такие ДТП:

1. Статья 320.13 (3) устанавливает ответственность за управление транспортным средством опасным образом, создающим угрозу для других участников дорожного движения, если такое управление повлекло смерть потерпевшего. Опасным признается управление транспортным средством, не соответствующее требованиям безопасности и создающее повышенную опасность для других лиц. Для квалификации деяния по данной статье необходимо установление объективно опасного характера управления транспортным средством и причинно-следственной связи между таким управлением и наступлением смерти потерпевшего.

2. Статья 320.14 (3) определяет ответственность за совершение ДТП со смертельным исходом, если установлено, что водитель управлял транспортным средством в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Состояние опьянения, согласно данной статье, означает превышение установленных законом допустимых концентраций алкоголя в крови или наличие наркотиков, которые негативно воздействуют на способность водителя безопасно управлять транспортным средством. Ключевым элементом для привлечения к ответственности является подтверждение причинно-следственной связи между состоянием опьянения водителя и смертью потерпевшего.

За опасное управление транспортным средством (320.13(3)) и управление в состоянии опьянения (320.14(3)), повлекшие смерть, Уголовного кодекса Канады предусмотрено наказание вплоть до пожизненного лишения свободы.

Статья 320.16 (3) Уголовного кодекса Канады, предусматривающая уголовную ответственность за оставление места ДТП, повлекшего смерть потерпевшего, при условии, что лицо, управлявшее транспортным средством, осознавало факт происшествия и намеренно уклонилось от исполнения обязанностей, возложенных на него законом в связи с произошедшим событием. Объективная сторона данного преступления может характеризоваться как действием, так и бездействием — осознанным невыполнением установленных законом обязанностей: игнорирование требований об остановке транспортного средства, несообщение личных данных, неоказание помощи, при наличии осознания причинения смерти в результате ДТП. Санкция, предусмотренная за совершение анализируемого преступления, эквивалентна санкциям, установленным за совершение деяний, квалифицируемых по статьям 320.13(3) и 320.14(3) Уголовного кодекса Канады, вплоть до пожизненного лишения свободы.

Согласно статье 320.22 Уголовного кодекса Канады в качестве отягчающих обстоятельств, учитываемых судом при вынесении приговоров за совершение рассматриваемых преступлений выступают такие признаки, как причинение телесных повреждений или смерти более чем одному человеку (п. а); участие в незаконных уличных гонках (п. б), нахождение в транспортном средстве лица, не достигшего 16-летнего возраста (п. с), получение вознаграждения за управление транспортным средством (п. д), высокая концентрация алкоголя в крови (п. е), управление крупногабаритным транспортным средством (п. ф), отсутствие права управления транспортным средством (п. г).

Особый интерес представляет пункт (с), предусматривающий усиление ответственности за совершение преступления при наличии в транспортном средстве лица, не достигшего 16-летнего возраста. Данное положение отражает повышенную заботу о безопасности детей как наиболее уязвимой категории участников дорожного движения и свидетельствует о стремлении законодателя обеспечить их максимальную защиту.

Помимо рассмотренных выше видов наказания в случаях признания лица виновным в совершении деяний, квалифицируемых по статье

320.13 или 320.14 (3) Уголовного кодекса Канады, суд также обладает правом вынести решение о лишении данного лица права управления транспортным средством. Продолжительность данного лишения определяется в соответствии со статьей 320.24(4), (5) Уголовного кодекса Канады, который устанавливает следующие пределы, зависящие от тяжести назначенного основного наказания:

— при назначении пожизненного лишения свободы срок лишения права управления транспортным средством определяется судом и прибавляется к сроку лишения свободы;

— при назначении лишения свободы на срок более пяти лет, но не пожизненно, максимальный срок лишения права управления не может превышать десяти лет и прибавляется к сроку лишения свободы;

— в иных случаях максимальный срок лишения права управления не может превышать трех лет и прибавляется к сроку лишения свободы.

Вместе с санкциями, предусмотренными уголовным законодательством Канады за рассматриваемые деяния, применяется специализированная программа, направленная на минимизацию степени риска повторного совершения правонарушения и снижение вероятности ДТП, обусловленных алкогольным опьянением. Ключевым элементом указанной программы является применение технических средств контроля трезвости водителя, в частности, установка алкоблокираторов.

Как и большинство провинций Канады (за исключением Квебека), штат Виктория (Австралия) придерживается системы общего права (*common law*). Если в Канаде уголовное законодательство унифицировано на федеральном уровне, то в Австралии оно регулируется на уровне штатов и территорий. В связи с этим в австралийском штате Виктория уголовная ответственность за ДТП, повлекшее смерть человека, регламентируется основным уголовным законом — Законом о преступлениях 1958 года (*Crimes Act 1958*), который предусматривает различные составы преступлений в зависимости от степени вины и характера нарушения [6]. Важную роль в квалификации деяний играет и Закон о безопасности дорожного движения 1986 года, определяющий стандарты поведения участников дорожного движения и устанавливающий ответственность за их нарушение [7]. Рассмотрим ключевые положения Закона о преступлениях (1958).

Статья 318 устанавливает уголовную ответственность за деяние, квалифицируемое

как «виновное вождение, повлекшее смерть» (*Culpable Driving Causing Death*). Состав данного правонарушения образуется, если управление транспортным средством осуществлялось при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств:

— во-первых, при наличии опрометчивости, выражающейся в осознанном и неоправданном игнорировании существенного риска наступления летального исхода;

— во-вторых, при наличии небрежности, заключающейся в грубом нарушении стандартов должной осмотрительности, которых при аналогичных обстоятельствах придерживался бы разумный и предусмотрительный водитель;

— в-третьих, в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, установленном в соответствии с действующим законодательством.

За совершение указанного деяния предусматривается уголовное наказание в виде лишения свободы на срок до 20 лет либо наложение штрафных санкций, либо применение совокупности указанных мер в порядке, определенном законодательством.

Статья 319, регламентирующая ответственность «за опасное вождение, повлекшее смерть или серьезную травму». Под опасным вождением австралийский законодатель подразумевает управление автотранспортным средством со скоростью или манерой, опасной для общестественности. Таким образом, понятие «опасное вождение» носит оценочный характер, и суд в каждом конкретном случае самостоятельно определяет, представляло ли вождение реальную опасность для окружающих, исходя из всех обстоятельств дела: погодных условий, состояния дороги, интенсивности движения и т. д.). Санкция за данное преступление предусмотрена в виде лишения свободы на срок до 10 лет.

Закон о безопасности дорожного движения 1986 года штата Виктория (Австралия), устанавливает ответственность за управление транспортным средством в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Управление транспортным средством в состоянии опьянения признается фактором, существенно повышающим общественную опасность действий водителя, и оказывает непосредственное влияние на квалификацию его действий и, как следствие, на строгость назначаемого наказания.

Японская правовая система представляет собой синкретичный правовой феномен, аккумулирующий элементы романо-германской

правовой семьи, институты англосаксонского общего права и влияние американской правовой модели. Уголовная ответственность за ДТП, повлекшие смерть, регламентируется общими положениями Уголовного кодекса Японии [8] и специальным законодательством в сфере безопасности дорожного движения, в частности, Законом о дорожном движении 1960 года [9]. Как отмечают В. И. Майоров, О. Н. Дунаева и С. В. Полякова, «...в Японии транспортные и социальные риски, связанные с участием в дорожном движении, сведены к минимуму, что является результатом системного воздействия ряда факторов на национальном уровне: последовательной государственной политики; своевременно изменяющегося законодательства; активного внедрения инновационной дорожной инфраструктуры и современной оснащённости транспортных средств; эффективной деятельности полиции; высокого уровня транспортной культуры населения» [11, с. 100].

Ответственность за ДТП, результатом которых стала смерть, в Уголовном кодексе Японии регламентируется положениями статьи 211 главы 28 «Преступления, состоящие в причинении телесных повреждений по неосторожности». Данная статья устанавливает ответственность за причинение смерти по неосторожности или телесных повреждений, совершенное в результате осуществления профессиональной деятельности. Управление транспортным средством квалифицируется как деятельность, подпадающая под указанную категорию, что делает эту статью основополагающей при рассмотрении дел о ДТП, повлекших смерть. При этом, как отмечает И. Д. Козочкин, ответственность наступает «...когда невнимательность допускается специальным субъектом, на котором лежит обязанность уделять повышенное внимание, например в случаях причинения телесных повреждений или смерти в результате ДТП, вызванного неосторожностью водителя, а грубая (тяжкая) неосторожность — когда проявляется высокая степень манкирования обязанностью уделять внимание (однако метод определения «грубости» нигде не прописан)» [12, с. 463]. По мнению Л. С. Аистовой и Д. Ю. Краева, «...японское законодательство не содержит определений неосторожности и ее видов — обычной неосторожности, грубой неосторожности и неосторожности при осуществлении профессиональной деятельности» [13, с. 108]. Санкция за данное деяние предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет или штраф в размере до одного миллиона иен.

В Уголовном кодексе Японии содержится глава 11 «Преступления, состоящие в нарушении движения транспорта» (ст. 124–129), которая касается вопросов безопасности транспорта и в ряде случаев, предусматривает ответственность за действия, повлекшие смерть (ст. 124, 126). Важно отметить разницу в структуре и сфере применения. Глава 11, в отличие от статьи 211 Уголовного кодекса Японии, направлена на защиту системного функционирования общественного транспорта и обеспечения сохранности транспортной инфраструктуры. Она предусматривает ответственность за действия, создающие угрозу безопасности функционирования наземного и водного транспорта, к примеру, разрушение или повреждение путей сообщения, создание препятствий для движения, а также нарушение правил эксплуатации транспортных средств, создающее риск масштабных аварий. Статья 211 Уголовного кодекса Японии применима в случаях, когда нарушение правил по предосторожности при управлении транспортным средством привело к конкретному ДТП с пострадавшими при отсутствии признаков, требующих квалификации по более специальным составам, предусмотренным статьями 124 и 126 главы 11 Уголовного кодекса Японии.

Несмотря на то, что в Уголовном кодексе установлены общие принципы, именно японский Закон о дорожном движении содержит детальную регламентацию тех нарушений правил, которые признаются особо опасными для участников дорожного движения, и определяет соответствующие меры ответственности. По сути, речь идет о конкретизации форм опасного вождения. Данный нормативный акт, не оперируя формальным определением «опасное вождение» как таковым, эффективно противодействует данному явлению путем установления ответственности за конкретные виды поведения, создающие угрозу безопасности на дорогах Японии. В рамках данного нормативного акта регламентируются разнообразные нарушения, каждое из которых представляет собой проявление опасного вождения. К числу таких нарушений относятся значительное превышение установленной скорости, управление транспортным средством в состоянии опьянения, резкое торможение без достаточных оснований, а также блокировка движения других транспортных средств. Таким образом, японский законодатель, избегая широкой дефиниции, акцентирует внимание на конкретных действиях, повышающих риск дорожно-транспортных происшествий,

создает систему эффективного противодействия опасному вождению.

В немецком уголовном праве ответственность за причинение смерти в результате ДТП, регулируется общими нормами Уголовного кодекса Германии о неосторожном убийстве (§ 222 StGB) [13]. Данная норма предусматривает ответственность за причинение смерти по неосторожности вследствие нарушения правил предосторожности и в общем случае является основной статьей, применяемой для квалификации действий виновника ДТП со смертельным исходом. Вместе с тем в Уголовном кодексе Германии предусмотрены дополнительные составы, устанавливающие ответственность в случаях, когда в действиях лица, управляющего транспортным средством, усматриваются признаки создания общей опасности на дороге (§ 315c StGB) или управления транспортным средством в состоянии опьянения (§ 316 StGB). При этом следует отметить, что уголовная ответственность за данные деяния наступает независимо от наступивших последствий. Однако при наличии причинно-следственной связи между указанными нарушениями и наступлением смерти данные деяния квалифицируются по совокупности § 222 StGB и соответствующей статьи (§ 315c или § 316 StGB), что влечет более строгое наказание. Важно отметить, что, несмотря на наличие отдельных составов преступлений, предусматривающих ответственность за опасные действия на дороге, немецкий законодатель, как указывает А. М. Зокина, «...избегает использования общих понятий «опасное вождение» или «опасная езда», ограничиваясь описанием конкретных деяний, представляющих опасность, таких как превышение скорости на участках дороги с пониженной видимостью, на перекрестках, примыкающих улицах или железнодорожных переездах; развороты на автобанах или улицах для автотранспорта» [14, с. 79]. С данным выводом возможно согласиться, учитывая, что немецкий законодатель в основном избегает широких обобщений. Это подтверждается анализом положений Уголовного кодекса Германии, где ответственность дифференцируется в зависимости от конкретных действий. Исключение составляют положения об ответственности за причинение смерти в результате незаконных автогонок (§ 315d StGB), которые можно рассматривать как обобщенную категорию опасного вождения. При наличии умысла возможно применение статей об убийстве (§ 212 StGB) или убийстве с отягчающими обстоятельствами (§ 211 StGB). Наказания варьируются от

денежного штрафа и лишения свободы до пяти лет (за неосторожное убийство) и до пожизненного лишения свободы (за убийство).

В Нидерландах уголовная ответственность за причинение смерти в результате ДТП регламентируется положениями Закона о дорожном движении 1994 года (*Wegenverkeerswet* 1994) [15] и нормами Уголовного кодекса Нидерландов [16]. Определяющим фактором при квалификации деяния и назначении наказания является установленная форма вины лица, управлявшего транспортным средством. Иными словами, уголовная ответственность за причинение смерти в результате ДТП в нидерландской юрисдикции дифференцируется в зависимости от субъективной стороны деяния. В случае установления прямого умысла на лишение жизни деяние квалифицируется как убийство и подпадает под действие статьи 287 Уголовного кодекса Нидерландов (*Wetboek van Strafrecht*), предусматривающей санкцию в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет (ч. 2 ст. 303). Необходимо учитывать, что для квалификации деяния как убийства недостаточно установления факта причинения смерти и наличия вины в действиях причинителя. Необходимо доказать, что лицо осознавало свои действия и имело цель именно прекращение жизни потерпевшего, тем самым, как совершенно верно подчеркивает И. В. Голубев, «...преступник не может быть виновен в умышленном убийстве, если он, хотя и стал причиной смерти другого человека, только намеревался причинить серьезные телесные повреждения» [17, с. 180]. В случае установления намеренного причинения тяжкого телесного повреждения, которое повлекло смерть потерпевшего, деяние квалифицируется как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть, и подпадает под действие статьи 302 Уголовного кодекса Нидерландов (*Wetboek van Strafrecht*). При этом применяется статья 302.1 (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) в сочетании со статьей 302.2 (Наступление смерти). В данном случае максимальная санкция составляет лишение свободы на срок до десяти лет. Следует отметить, что, несмотря на наступление смерти потерпевшего, данное деяние не квалифицируется как убийство (ст. 287 Уголовного кодекса Нидерландов), поскольку отсутствует прямой умысел на лишение жизни.

В ситуациях, когда смерть наступила вследствие неосторожности водителя, применяются нормы, регламентирующие общие составы преступлений, совершенных по неосторожности.

В частности, статья 307 Уголовного кодекса Нидерландов устанавливает ответственность за причинение смерти по неосторожности, предусматривая санкцию в виде лишения свободы на срок до двух лет в случае легкомыслия и до четырех лет в случае небрежности. Важно отметить, что ответственность за причинение смерти по неосторожности также предусмотрена и специальными нормами. Так, статья 6 Закона о дорожном движении 1994 года в совокупности со статьей 175 того же закона, устанавливает ответственность за причинение смерти по неосторожности, предусматривая наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. Данный дуализм в нормативном регулировании одного и того же деяния — причинение смерти по неосторожности — является отражением принципа конкуренции уголовно-правовых норм, а также разграничения общей и специальной норм. Согласно общей теории права статья 307 Уголовного кодекса Нидерландов представляет собой общую норму, распространяющую свое действие на все случаи причинения смерти по неосторожности вне зависимости от сферы деятельности, в которой было совершено деяние. В свою очередь статья 6 Закона о дорожном движении 1994 года выступает в качестве специальной нормы, конкретизирующей общий состав применительно к сфере дорожного движения. Специальные нормы, как правило, учитывают специфику регулируемых отношений и направлены на более эффективную охрану соответствующих общественных отношений.

В подобных ситуациях при квалификации деяния необходимо руководствоваться следующим принципом: специальный закон отменяет действие общего закона. Это означает, что если деяние подпадает под признаки как общей, так и специальной норм, применению подлежит специальная норма (статья 6 Закона о дорожном движении) при условии, что она полностью охватывает все элементы состава преступления. Если специальные нормы не охватывают всех аспектов деяния, то могут применяться общие нормы Уголовного кодекса.

Таким образом, наличие двух норм, регулирующих одно и то же деяние, обусловлено стремлением законодателя к дифференциации ответственности в зависимости от контекста совершения преступления и специфики регулируемых общественных отношений, а также принципом специализации норм права.

Следует отметить, что нидерландский законодатель особое внимание уделяет обеспечению безопасности на дорогах и предотвращению

опасного поведения водителей. Это проявляется в имплементации мер, направленных на выявление, пресечение и уголовное преследование действий, представляющих угрозу для участников дорожного движения. Подтверждением тому является статья 5а Закона о дорожном движении 1994 года (*Wegenverkeerswet*, 1994), которая устанавливает ответственность за намеренное создание опасной ситуации на дороге. Данная норма охватывает широкий спектр действий, характеризующихся грубым нарушением правил дорожного движения и создающих реальную угрозу причинения смерти или тяжкого вреда здоровью. К таким действиям относятся управление транспортным средством, сопряженное с недостаточным контролем, совершение опасных маневров обгона, игнорирование сигналов регулирования дорожного движения, нарушение правил расположения транспортного средства на проезжей части, а также любые иные действия, квалифицируемые как грубое пренебрежение правилами безопасности дорожного движения. Таким образом, законодатель стремится охватить все возможные проявления опасного вождения, тем самым обеспечивая всестороннюю защиту безопасности на дорогах, используя альтернативные подходы при отсутствии формального определения.

Кроме того, статья 10 Закона о дорожном движении 1994 года устанавливает ответственность за организацию и участие в несанкционированных уличных гонках. В рамках данной статьи гонкой признается любое мероприятие с использованием транспортных средств, организованное с целью определения технических преимуществ одних транспортных средств (или их элементов) перед другими либо для выявления победителя в скоростном соревновании. В качестве субъектов ответственности за организацию и участие в уличных гонках рассматриваются как непосредственные участники соревнований, так и лица, являющиеся собственниками транспортных средств, используемых для участия в указанных мероприятиях. Совершение действий, квалифицируемых как организация и участие в уличных гонках, образует состав уголовного преступления, наказуемого лишением свободы на срок, не превышающий двух месяцев, либо наложением штрафа, размер которого определяется в соответствии с установленной законом категорией. Размер санкции за данное деяние, повлекшее смерть в результате нарушения ПДД, определяется с учетом следующих факторов: последствий ДТП

(смерть или причинение тяжкого вреда здоровью); степени вины правонарушителя (халатность, неосторожность); наличия квалифицирующих признаков, отягчающих ответственность (например, состояние опьянения, превышение скорости).

Таким образом, уголовно-правовая система Нидерландов демонстрирует дифференцированный подход к определению ответственности за смерть, наступившую в результате ДТП, учитывает объективную и субъективную стороны состава преступления, а также наличие отягчающих обстоятельств, повышающих степень общественной опасности деяния.

Проведенный анализ уголовного законодательства Канады, Австралии (штат Виктория), Японии, Германии и Нидерландов выявил существенные различия в подходах к регламентации ответственности за дорожно-транспортные происшествия с летальным исходом. Анализируемые юрисдикции используют различные способы нормативного закрепления соответствующих деяний, варьирующиеся от применения общих положений о причинении смерти по неосторожности и иных преступлениях против личности (Германия, Япония) до выделения специализированных составов, аккумулированных в отдельных главах, разделах, частях уголовных кодексов (Канада, Австралия (штат Виктория)). В Нидерландах же наблюдается сочетание обоих подходов, где в зависимости от обстоятельств конкретного дела ответственность за ДТП со смертельным исходом может наступать как по общим нормам Уголовного кодекса, так и по специальным положениям Закона о дорожном движении 1994 года.

Независимо от выбранного способа регламентации общим для всех рассмотренных стран является стремление к установлению повышенной ответственности за совершение ДТП при наличии обстоятельств, свидетельствующих о грубом нарушении правил дорожного движения и создании повышенной опасности для окружающих. Таким образом, во всех рассмотренных юрисдикциях, несмотря на различия в подходах, законодательно закреплены нормы, направленные на противодействие опасному вождению и предусматривающие повышенную ответственность за такое поведение. В отличие от большинства зарубежных юрисдикций, в российском законодательстве отсутствует отдельный состав преступления, предусматривающий ответственность за опасное вождение, повлекшее смерть человека, как таковое, что, на наш взгляд, является существенным

пробелом, требующим устранения. В контексте возможной имплементации зарубежного опыта в российскую правовую систему представляется целесообразным введение концепции опасного вождения, повлекшего смерть человека, в качестве самостоятельного состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации.

Список источников

1. Международное сравнение показателей безопасности дорожного движения за 2022 год // Бюро исследований в области инфраструктуры и транспорта при правительстве Австралии. 2023. URL: https://www.bitre.gov.au/sites/default/files/documents/international_comparisons_2022.pdf (дата обращения: 20.08.2025).
2. Road Safety Annual Report 2023 // Международный транспортный форум, ОЭСР. Париж. 2023. URL: <https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/canada-road-safety.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).
3. Численность населения России на 1 апреля 2024 года составила 146 млн человек // ТАСС. 5 июня 2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21004001> (дата обращения: 20.08.2025).
4. Показатели состояния безопасности дорожного движения Госавтоинспекции. Показатели состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 20.08.2025).
5. Уголовный кодекс Канады 1985 года (с изм. от 8 апреля 2025 года) // Government of Canada. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/> (дата обращения: 22.08.2025).
6. Закон о преступлениях 1958 года (Австралия, штат Виктория) // VIC. GOV. AU. URL: <https://www.legislation.vic.gov.au/in-force/acts/crimes-act-1958/311> (дата обращения: 22.08.2025).
7. Закон о безопасности дорожного движения 1986 года (Австралия, штат Виктория) // VIC. GOV. AU. URL: <https://www.legislation.vic.gov.au/in-force/acts/road-safety-act-1986/233> (дата обращения: 27.08.2025).
8. Уголовный кодекс Японии: закон № 45 от 24 апреля 1907 года (с изм., внесенными Законом № 36 от 8 мая 2006 г.) URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Penal_Code_\(Japan\)](https://en.wikisource.org/wiki/Penal_Code_(Japan)) (дата обращения: 11.08.2025).
9. Закон о дорожном движении Японии: закон от 1960 года № 105 (с изм. от 2022 г.) URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/335AC0000000105> (дата обращения: 11.08.2025).
10. Майоров В. И., Дунаева О. Н., Полякова С. В. Актуальные направления деятельности полиции Японии по обеспечению безопасности участников дорожного движения // Общество и право. 2020. № 4 (74). С. 96–101.
11. Козочкин И. Д. Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть: учебное пособие. Москва: Камерон, 2004. 528 с.

12. Аистова Л. С., Краев Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие. 2-е изд., перераб. Санкт-Петербург, 2020. С. 131.

13. Уголовный кодекс Германии 1871 года (с изм. и доп., внесенными Законом от 7 ноября 2024 г. № 351). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html> (дата обращения: 07.08.2025).

14. Зокина А. М. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, связанным с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств: зарубежный опыт; вопросы совершенствования российского законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2019. 171 с.

15. Закон о дорожном движении 1994 года (Wegenverkeerswet 1994) // Overheid. nl. Wettenbank. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0006622/2021-01-01> (дата обращения: 14.05.2025).

16. Уголовный кодекс Нидерландов от 3 марта 1881 года (ред. на 14 мая 2025 г.). URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001854/2025-01-01> (дата обращения: 14.05.2025).

17. Голубев И. В. Особенности привлечения к уголовной ответственности за грубые нарушения правил дорожного движения в отдельных европейских государствах // Полицейская деятельность. 2024. № 6. С. 173–184. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.6.71233EDN:JIPWURL:https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71233 (дата обращения: 20.08.2025).

References

1. International Road Safety Comparisons 2022 / Australian Government Bureau of Infrastructure and Transport Research. 2023. URL: https://www.bitre.gov.au/sites/default/files/documents/international_comparisons_2022.pdf (accessed 20.08.2025). (In Russ.).

2. Road Safety Annual Report 2023 / International Transport Forum, OECD. Paris. 2023. URL: <https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/canada-road-safety.pdf> (accessed 20.08.2025). (In Russ.).

3. Russia's population as of April 1, 2024, was 146 million people / TASS. June 5, 2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21004001> (accessed 20.08.2025). (In Russ.).

4. Road Safety Indicators of the State Traffic Safety Inspectorate. Road Safety Indicators. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (accessed 20.08.2025). (In Russ.).

5. Criminal Code of Canada 1985 (as amended on April 8, 2025) / Government of Canada. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/> (accessed 20.08.2025). (In Russ.).

6. Crimes Act 1958 (Australia, State of Victoria) / VIC. GOV. AU. URL: <https://www.legislation.vic.gov.au/in-force/acts/crimes-act-1958/311> (accessed 22.08.2025). (In Russ.).

7. Road Traffic Safety Act 1986 (Australia, State of Victoria) / VIC. GOV. AU. URL: <https://www.legislation.vic.gov.au/in-force/acts/road-safety-act-1986/233> (accessed 27.08.2025). (In Russ.).

8. Penal Code of Japan: Act No. 45 of 24 April 1907 (as amended by Act No. 36 of 8 May 2006). URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Penal_Code_\(Japan\)](https://en.wikisource.org/wiki/Penal_Code_(Japan)) (accessed 11.08.2025). (In Russ.).

9. Japan Road Traffic Law: Act No. 105 of 1960 (as amended in 2022). URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/335AC000000105> (accessed 11.08.2025). (In Russ.).

10. Mayorov V. I., Dunaeva O. N., Polyakova S. V. Current Areas of Japanese Police Activities to Ensure Road Safety. *Society and Law*, 2020, no. 4 (74), pp. 96–101. (In Russ.).

11. Kozochkin I. D. Criminal Law of Foreign States. Special Part: a textbook. Moscow: Cameron, 2004. 528 p. (In Russ.).

12. Aistova L. S., Kraev D. Yu. Criminal Law of Foreign Countries: a textbook. 2nd ed., revised. Saint Petersburg, 2020. P. 131. (In Russ.).

13. The German Criminal Code of 1871 (as amended by law no. 351 of 7 November 2024). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html> (accessed 07.08.2025). (In Russ.).

14. Zokina A. M. Criminal-legal counteraction to crimes related to the violation of traffic safety rules and the operation of vehicles: foreign experience; issues of improving Russian legislation. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow. 2019. 171 p. (In Russ.).

15. The Road Traffic Act of 1994 (Wegenverkeerswet 1994) / Overheid. nl. Wettenbank. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0006622/2021-01-01> (accessed 14.05.2025). (In Russ.).

16. The Dutch Criminal Code of 3 March 1881 (as amended on 14 May 2025). URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001854/2025-01-01> (accessed 14.05.2025). (In Russ.).

17. Golubev I. V. Features of criminal liability for gross violations of traffic rules in certain European states. *Police activity*, 2024, no. 6, pp. 173–184. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.6.71233EDN:JIPWURL:https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71233 (accessed 20.08.2025). (In Russ.).

Научная статья
УДК 343.3/.7

Ретроспективный анализ законодательного регулирования правового статуса иностранного гражданина в России

Макарова Екатерина Сергеевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, leramak2007@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа широкого круга исторических и нормативных правовых источников (от Белозерской уставной грамоты 1488 года до современного законодательства Российской Федерации) нами выделено семь основных этапов эволюции статуса иностранных граждан в России. В заключение сделан вывод, что на протяжении длительного периода времени правовой статус иностранцев прошел путь от фрагментарного регулирования, сосредоточенного на экономических аспектах, до создания комплексной систематизированной законодательной базы, основанной на принципах национального права с учетом международных норм.

Ключевые слова: правовой статус иностранных граждан, историко-правовой анализ, уголовный и уголовно-процессуальный статус, миграционное законодательство, этапы эволюции, российское законодательство

Для цитирования: Макарова Е. С. Ретроспективный анализ законодательного регулирования правового статуса иностранного гражданина в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 245–249.

Original article

A retrospective analysis of legislative regulation of the legal status of a foreign citizen in Russia

Ekaterina S. Makarova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, leramak2007@yandex.ru

Abstract. Based on an analysis of a wide range of historical and legal sources (from the Belozersk Charter of 1488 to contemporary Russian legislation), the author identifies seven main stages in the evolution of the status of foreign citizens in Russia. In conclusion, the author concludes that, over a long period of time, the legal status of foreigners has evolved from fragmented regulation focused on economic aspects to the creation of a comprehensive, systematized legislative framework based on the principles of national law and incorporating international norms.

Keywords: legal status of foreign citizens, historical and legal analysis, criminal and criminal procedural status, migration legislation, stages of evolution, Russian legislation

For citation: Makarova E. S. A retrospective analysis of legislative regulation of the legal status of a foreign citizen in Russia. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 245–249. (In Russ.).

© Макарова Е. С., 2025

Принцип государственного суверенитета позволяет каждой стране самостоятельно определять правовой статус иностранных граждан / лиц без гражданства, руководствуясь в первую очередь, законодательством своего государства. Эволюция общих норм, касающихся правового статуса иностранцев, неизменно приводила к последовательным изменениям и в их уголовно-процессуальном статусе.

Исследование проведено с применением комплекса научных методов, среди которых ключевая роль отведена историко-правовому. Также использовались системно-структурный, сравнительно-правовой и логический методы.

Законодательные акты, регламентирующие торговлю, стали первыми источниками, в которых встречаются сведения об иноземных купцах. Чтобы пресечь произвол в отношении них, Белозерская уставная грамота 1488 года четко определила размер таможенных платежей для иностранных торговцев. Позднее Уставная земская грамота крестьянам трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 года закрепила специальные пошлыны с приезжих купцов, носивших название «гостиные явки» [1, с. 98].

Анализ этих документов показывает, что правовые нормы того времени затрагивали иностранных граждан, главным образом в связи с их торговой и въездной деятельностью.

В XVII столетии, в условиях Смутного времени, положение иностранцев изменилось не в лучшую сторону. С воцарением династии Романовых для подданных Польши и исповедующих католицизм был установлен запрет на въезд и проживание в стране. Новоторговый устав 1667 года ограничил передвижение и торговлю иностранных купцов, став первым нормативным правовым актом, регламентирующим их правовой статус, пусть только в экономической сфере [2, с. 296].

В рамках курса на сближение с мировыми державами, проводимый в России с конца XVII до середины XVIII века, был установлен порядок въезда иностранцев. Их заграничный паспорт, хоть и требовал визирования российским посольством, однако не позволял свободно перемещаться им по территории государства. По правилам статьи 129 Устава о паспортах прибывший должен был в первом же городе получить у губернатора специальный вид на жительство, дающий ему это право [3, с. 116]. Документ действовал год и требовал продления по месту жительства.

Институт гражданства начал формироваться при Петре I: пункт 61 главы 1 Регламента

об управлении адмиралтейства и верфи и части второй Регламента морского от 5 апреля 1722 года определял «иноземца» как приезжего из-за границы, поступившего на службу, в отличие от его родившихся в России детей, которые считались местными уроженцами. Манифест от 16 апреля 1702 года гарантировал им свободный въезд и право на постоянное проживание. Данная привилегия предоставлялась лицам любого звания, желающим служить в армии, а также купцам и мастерам различных профессий при условии предъявления соответствующего разрешения на въезд [1, с. 214].

В Российской империи второй половины XVIII столетия началось формирование законодательной базы, определяющей положение иностранцев. Ключевым моментом стала Жалованная грамота дворянству 1785 года, уравнявшая в правах с российским дворянством прибалтийских баронов, польскую шляхту и казацкую старшину. Это означало, в частности, разрешение на торговлю и владение землей. Представители этих групп также получили привилегии в уголовном процессе: они освобождались от телесных наказаний, а их дела разбирались в специальных судах.

В XIX веке Россия заключила ряд международных договоров с Австрией, Пруссией, Баварией, Швецией, Норвегией и другими иностранными государствами, которые в большей степени рассматривали проблемы оптации, а не правовой статус иностранных граждан [4, с. 243–244].

Систематизация порядка въезда и пребывания (по паспортам) иностранцев на территории Российской империи произошла с изданием Свода законов «О состояниях людей».

Важным шагом в регулировании правового статуса иностранцев стал Устав уголовного судопроизводства 1864 года, устанавливающий процедуру привлечения их к ответственности. Например, дела против жителей Царства Польского и Финляндии должны были рассматриваться на общей территории Российской империи по российским законам. Если иностранец обвинялся в нескольких преступлениях — одном за границей и другом в России, расследование велось по месту совершения более тяжкого из них [5, с. 338].

По мнению Т. Ю. Филипповой, «...данный факт свидетельствует о появлении впервые единого нормативного правового акта, закреплявшего уголовно-процессуальный статус иностранных граждан на территории российского государства» [2, с. 297].

Делая предварительный вывод по XIX–XX векам, в России не существовало самостоятельного миграционного законодательства, однако политика государства в рассматриваемой сфере была отражена в деятельности многочисленных ведомств [6, с. 47].

Уголовно-правовой статус иностранцев регулировался Уголовным уложением от 22 марта 1903 года, а вопросы выдачи иностранцев, совершивших преступления вне пределов России, согласно международному договору с тем государством, которое требует его выдачи.

Правовое положение иностранцев в дореволюционной России регулировалось не единым законом, а рядом отдельных актов. Первым из них, носившим конституционный характер, стал Основной государственный закон 1906 года, предоставляющий иностранным гражданам такие же права, как и российским подданным.

В 1911 году Россия приняла закон «О выдаче преступников по требованию иностранных государств». Это сделало ее одной из немногих стран с детальной регламентацией экстрадиции.

Как отмечал К. С. Родионов, главным недостатком этого закона была возможность высылки лиц, преследуемых за политические взгляды, что, впрочем, объяснялось нестабильной внутриполитической обстановкой в стране [7, с. 91].

Таким образом, в дореволюционный период единого свода правил, определяющего права и обязанности иностранцев, не существовало. Статус подданных Российской империи и иностранных граждан имел существенные отличия.

После революции 1917 года Декретом об уничтожении сословий и гражданских чинов было провозглашено, что иностранцы имеют право на такую же судебную защиту, как и граждане РСФСР. Однако при рассмотрении дел с данной категорией субъектов существовал специфический судебный порядок: если истцом был иностранец, ответчик мог потребовать от него обеспечить покрытие судебных издержек на случай проигрыша дела. Решения зарубежных судов в России не признавались, если между государствами не было специального соглашения.

В уголовной сфере на иностранцев распространялись нормы советского законодательства, но для них существовала особая мера наказания — высылка за границу по решению суда.

После революции 1917 года подход к иностранцам стал классово-ориентированным. Законодательство раннего Советского государства

(Декрет ВЦИК и Конституция РСФСР 1918 г.) разрешало натурализацию лишь трудящимся — рабочим и крестьянам [8, с. 312].

Параллельно заключались международные договоры, регулировавшие вопросы оптации (выбора гражданства), репатриации и имущественных прав [9, с. 35].

Дальнейшее развитие правового регулирования отразилось в Декретах Совета Народных Комиссаров 1921 года, где были детализированы правила въезда и выезда, вопросы уголовной ответственности и защиты прав иностранных граждан.

Статус иностранных граждан в СССР начал активно формироваться благодаря правовым реформам 50–60-х годов XX века (например, в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года была включена специальная статья (ст. 33 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР)). В ней говорилось, что если иностранец или лицо без гражданства совершало преступление в РСФСР, то суд над ним проходил по советским законам [10].

Важным этапом стало закрепление в статье 37 Конституции СССР 1977 года фундаментальных принципов правового статуса как иностранцев, так и апатридов. Данная конституционная норма способствовала унификации правового статуса этих лиц, устраняя какие-либо различия по социальным, национальным, религиозным или иным подобным признакам.

В 1981 году данная правовая база была дополнена и систематизирована в специальном Законе СССР «О правовом положении иностранных граждан в СССР» [11].

Этот документ комплексно урегулировал практически все аспекты их жизни в Советском Союзе: от въезда и выезда до ответственности за правонарушения.

Существенным шагом вперед стало принятие Закона от 28 ноября 1991 года № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации» [12], который впервые на законодательном уровне зафиксировал основные принципы правового положения иностранцев и лиц без гражданства, ориентируясь на международные нормы. Ключевой же нормой, определяющей сегодня правовой статус данной категории лиц, является статья 62 Конституции Российской Федерации. Она устанавливает принцип равноправия иностранных граждан и апатридов с российскими гражданами, оговаривая, что изъятия из этого правила могут быть установлены только на уровне федерального закона или международного договора [13].

Современное российское законодательство, регламентирующее статус иностранцев, представляет собой многоуровневую систему. Ее основу составляют: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Конкретные вопросы, касающиеся, например, порядка приема на работу, дополнительно регулируются соответствующими постановлениями Правительства Российской Федерации [14, с. 43].

Таким образом, историко-правовой анализ позволяет выделить семь основных этапов формирования статуса иностранных граждан в России, каждый из которых характеризуется специфическими законодательными новеллами:

1. Зарождение (XV–XVI вв.): первые законодательные упоминания о правовом положении иностранцев.
2. Становление (XVII — первая половина XVIII в.): Соборное Уложение 1649 года детализировало вопросы юрисдикции и ответственности иностранных граждан.
3. Привилегированный (вторая половина XVIII в.): иностранное дворянство получило особые права в уголовном процессе, включая иммунитет от телесных наказаний.
4. Систематизации (XIX в.): Устав уголовного судопроизводства консолидировал разрозненные нормы в единый акт.
5. Советский период (первая половина XX в.): УПК РСФСР 1922 и 1923 годов ввели такие меры, как высылка, и закрепили статус на уровне кодификации.
6. Детализации (вторая половина XX в.): УПК РСФСР 1960 года ввел отдельную статью, посвященную иностранным гражданам.
7. Современный период (рубеж XX–XXI вв.): Инкорпорация соответствующих норм в УПК Российской Федерации и профильные федеральные законы («О гражданстве...», «О правовом положении...» и прочее).

За весь длительный период времени (с XV века по настоящее время) правовой статус иностранцев прошел путь от фрагментарного регулирования, сосредоточенного на экономических аспектах, до создания комплексной, систематизированной законодательной базы, основанной на принципах национального права с учетом международных норм.

Очевидно, что ретроспективный анализ законодательного регулирования отражает эволюцию норм, регламентирующих правовой статус иностранных граждан, их права и ответственность. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что законодательство в данной сфере на современном этапе является объемным и динамичным, поэтому для его совершенствования, а также разработки перспективной государственной политики в сфере миграции, требуется постоянное совершенствование норм в соответствии с актуальными реалиями.

Список источников

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Москва: Юридическая литература, 1985. 519 с.
2. Филиппова Т. Ю. История развития законодательства о правовом положении иностранных граждан на территории Российского государства // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 6 (77). С. 295–301.
3. Корсик К. А. Особенности правового положения иностранных граждан в Российской Федерации. Москва: Юрист, 1998. 274 с.
4. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15 т. Т. 4. Трактаты с Австрией. 1815–1849 / сост. Ф. Мартенс. Санкт-Петербург: Типография Министерства Путей Сообщения, 1878. 621 с.
5. Ивановский И. А. Собрание действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами: в 2 т. Т. 1. Одесса: Экон, 1890. 584 с.
6. Лесовик И. В. Теоретические аспекты правового статуса иностранцев и лиц без гражданства в Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 3. С. 45–48.
7. Родионов К. С. Закон Российской империи 1911 года «Об экстрадиции» // Государство и право. 2003. № 7. С. 91–93.
8. Конституция (Основной закон) РСФСР (принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года) / Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. Очерк истории Советской Конституции. Москва: Политиздат, 1987. 36 с.
9. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами: действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1924 года. Вып. 1. Москва: Народный комиссариат иностранных дел РСФСР, 1924. 31 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости Верховного совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

11. О правовом положении иностранных граждан в СССР: закон СССР от 24 июня 1981 года № 5152-X // Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 26, ст. 836.

12. О гражданстве Российской Федерации: закон от 28 ноября 1991 года № 1948-1 // Российская газета. 1992. 6 февраля.

13. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 года всенародным голосованием (с изменениями, внесенными Законом Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ и одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года) // Российская газета. 2020. 4 июля.

14. Гаврилов Е. Д. Основные этапы становления и развитие правового статуса иностранных граждан в России // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2017. 7 (40). С. 40–43.

References

1. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 vol. Vol. 2: Legislation during the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1985. 519 p. (In Russ.).

2. Filippova T. Yu. History of the development of legislation on the legal status of foreign citizens on the territory of the Russian state // *Bulletin of the Irkutsk State Technical University*, 2013, no. 6 (77), pp. 295–301. (In Russ.).

3. Korsik K. A. Features of the legal status of foreign citizens in the Russian Federation. Moscow: Jurist, 1998. 274 p. (In Russ.).

4. Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers: in 15 volumes. Volume 4. Treaties with Austria. 1815–1849 / comp. by F. Martens. Saint Petersburg: Printing House of the Ministry of Railways, 1878. 621 p. (In Russ.).

5. Ivanovsky I. A. Collection of current treaties concluded by Russia with foreign powers: in 2 vol. Vol. 1. Odessa: Ekon, 1890. 584 p. (In Russ.).

6. Lesovik I. V. Theoretical Aspects of the Legal Status of Foreigners and Stateless Persons in the Russian Federation. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2007, no. 3, pp. 45–48. (In Russ.).

7. Rodionov K. S. Law of the Russian Empire of 1911 “On Extradition”. *State and Law*, 2003, no. 7, pp. 91–93. (In Russ.).

8. Constitution (Basic Law) of the RSFSR (adopted by the Fifth All-Russian Congress of Soviets at its session on July 10, 1918) / Yu. S. Kukushkin, O. I. Chistyakov. Essay on the History of the Soviet Constitution. Moscow: Politizdat, 1987. 36 p. (In Russ.).

9. Collection of current treaties, agreements, and conventions concluded with foreign states: current treaties, agreements, and conventions that entered into force before January 1, 1924. Issue 1. Moscow: People's Commissariat of Foreign Affairs of the RSFSR, 1924. 31 p. (In Russ.).

10. Criminal Procedure Code of the RSFSR. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR*, 1960, no. 40, art. 592. (In Russ.).

11. On the Legal Status of Foreign Citizens in the USSR: USSR Law of June 24, 1981, no. 5152-X. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1981, no. 26, art. 836. (In Russ.).

12. On Citizenship of the Russian Federation: law no. 1948-1 of November 28, 1991. *Rossiyskaya Gazeta*, 1992. February 6. (In Russ.).

13. Constitution of the Russian Federation: adopted on December 12, 1993, by popular vote (as amended by the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, no. 1-FKZ and approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). *Rossiyskaya Gazeta*, 2020. July 4. (In Russ.).

14. Gavrilov E. D. The main stages of formation and development of the legal status of foreign citizens in Russia. *Eurasian Union of Scientists*, 2017, no. 7 (40), pp. 40–43. (In Russ.).

Научная статья
УДК 347

Недвижимость вне регистрации: проблемы реализации права собственности на гараж в гаражно-строительных кооперативах

Михалук Александр Николаевич^{1, 2}

¹Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Чебоксары, Россия, mck.pochta@gmail.com;

²Нотариальный округ города Чебоксары Чувашской Республики, Чебоксары, Россия.

Аннотация. В статье рассмотрена актуальная проблема реализации права собственности на недвижимое имущество гараж, принадлежащее пайщику гаражно-строительного кооператива. Автором проанализированы правовые основания возникновения и реализации права собственности членов гаражно-строительного кооператива, особенности применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации, а также норм законодательства о государственной регистрации прав на недвижимое имущество. Особое внимание уделено сложностям, связанным с отсутствием разрешительной документации и необходимостью судебного подтверждения права собственности в условиях действующего регистрационного режима.

Анализ действующего законодательства и судебной практики позволил констатировать наличие существенных противоречий между нормативными положениями о возникновении права собственности в рамках паевых взносов и современными требованиями к регистрации недвижимости. С одной стороны, право собственности пайщика гаражно-строительного кооператива на гараж возникает с момента выплаты паевого взноса, с другой — для легальной реализации права на владение, пользование и распоряжение гаражом необходима регистрация права собственности на недвижимое имущество.

Таким образом, имеет место коллизия между материальным правом и процедурными требованиями к его оформлению, что ставит граждан, добросовестно исполняющих свои обязательства перед кооперативами, в заведомо проигрышное правовое положение. Устранение данного правового несоответствия требует как нормативного уточнения механизмов приобретения права собственности в условиях кооперативной формы собственности, так и более гибкого подхода со стороны регистрирующих органов. Предложены пути совершенствования правоприменительной практики с целью обеспечения баланса интересов граждан и государства в сфере регистрации прав на объекты недвижимости.

Ключевые слова: гаражно-строительный кооператив, право собственности, недвижимость, государственная регистрация, паевой взнос, самовольная постройка, судебная практика, законодательство о регистрации недвижимости

Для цитирования: Михалук А. Н. Недвижимость вне регистрации: проблемы реализации права собственности на гараж в гаражно-строительных кооперативах // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 250–255.

© Михалук А. Н., 2025

Original article

Real estate outside of registration: problems with realizing ownership of a garage in garage-construction cooperatives

Alexander N. Mikhelukov^{1, 2}

¹Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Cheboksary, Russian Federation, mck.pochta@gmail.com;

²Notarial District of the city of Cheboksary of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Abstract. The article discusses the current problem of the implementation of the right of ownership of real estate — a garage owned by a member of a garage construction cooperative. The author analyzes the legal grounds for the emergence of the right of ownership for members of a garage construction cooperative, the specifics of applying the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, as well as the norms of legislation on the state registration of rights to real estate. Special attention is paid to the difficulties associated with the lack of permits and the need for judicial confirmation of ownership under the current registration regime.

An analysis of the current legislation and judicial practice allows us to state that there are significant contradictions between the regulatory provisions on the emergence of ownership rights within the framework of share contributions and the current requirements for the registration of real estate. On the one hand, the ownership rights of a garage construction cooperative. Shareholder to a garage arise from the moment of payment of the share contribution, and on the other hand, in order to legally exercise the right to possession, use, and disposal of a garage, it is necessary to register the ownership rights to real estate.

There is a conflict between substantive law and procedural requirements for its implementation, which puts citizens who faithfully fulfill their obligations to cooperatives in a legally disadvantageous position. To resolve this legal inconsistency, it is necessary to clarify the mechanisms for acquiring ownership rights in cooperative ownership, as well as to adopt a more flexible approach by the registration authorities. The article proposes ways to improve law enforcement practices in order to ensure a balance between the interests of citizens and the state in the registration of real estate rights.

Keywords: garage construction cooperative, ownership rights, real estate, state registration, share contribution, unauthorized construction, judicial practice, legislation on real estate registration

For citation: Mikhelukov A. N. Real estate outside of registration: problems with realizing ownership of a garage in garage-construction cooperatives. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 250–255. (In Russ.).

Желание каждого члена гаражного кооператива считать себя полноценным собственником недвижимости, приобретенной посредством выкупа паевого взноса, сегодня находит поддержку не только среди правоведов [1], но и в практике многочисленных судебных инстанций. Суды все чаще становятся на сторону граждан, стремящихся защитить свое право на имущество, приобретенное в рамках кооперативных отношений.

Особенностью правоотношений в сфере кооперативной собственности является наличие исключений из общих норм вещного права, в частности, отсутствие обязательной государственной регистрации права собственности на объект недвижимого имущества. В соответствии с действующим законодательством (ч. 4 ст. 218 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)) право собственности у члена кооператива возникает с момента полной выплаты паевого взноса [2]

без необходимости формальной постановки объекта на кадастровый учет или регистрации права [2, 3]. Такой порядок был заложен еще в советский период, когда кооперативы рассматривались как форма коллективного пользования, а не индивидуальной собственности. Между тем вопрос о том, соответствует ли такой порядок современным реалиям гражданского оборота, остается дискуссионным. Для значительного числа граждан кооперативная форма приобретения недвижимости, особенно в части гаражей, остается одним из наиболее доступных способов оформления права собственности. Однако простота приобретения часто влечет трудности реализации и защиты этого права в дальнейшем.

Понятие «гараж» впервые было закреплено на законодательном уровне лишь в 2023 году в Федеральном законе от 24 июля 2023 года № 338-ФЗ «О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации». Согласно данному закону гараж определяется как нежилое здание или сооружение, предназначенное для хранения транспортных средств. При этом закон не ограничивает виды гаражей, допуская их разнообразие по конструкции и функциональному назначению.

Юридически различают гаражи как движимое и недвижимое имущество. К движимому относятся конструкции, не связанные с землей, которые можно легко демонтировать и переместить. Такие объекты рассматриваются как вещи, подлежащие обороту на общих основаниях.

Иное дело гараж как недвижимость. Таковым признается строение, имеющее фундамент и прочную связь с земельным участком. Подобные объекты подлежат государственной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН) через Росреестр. Без такой регистрации распоряжение недвижимостью невозможно: нельзя продать, подарить или завещать.

Однако на практике многие гаражи, особенно расположенные в гаражных кооперативах, никак не оформлены юридически. Это создает сложности при продаже и дальнейшем использовании объекта. Возникает вопрос: «Как продать гараж, если он не стоит на учете?». В таких случаях заинтересованным лицам часто приходится проходить процедуру легализации объекта, включая межевание земельного участка и техническую инвентаризацию, что связано с дополнительными затратами времени и средств.

Анализ судебной практики показывает, что отсутствие государственной регистрации порождает множество споров, связанных с легитимацией права собственности, возможностью распоряжения имуществом, а также защитой от незаконного изъятия. Несмотря на то, что такие объекты могут быть фактически в пользовании десятилетиями, они остаются вне системы государственного контроля и учета, что делает их уязвимыми перед действиями третьих лиц, в том числе в части признания строений самовольными постройками и последующего их сноса.

Однако в последние годы наблюдаются тенденции к усилению защиты прав собственников. Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях демонстрирует более ответственный подход к рассмотрению споров, связанных с кооперативной недвижимостью, защищая интересы граждан [4]. Тем не менее члены кооперативов зачастую сталкиваются

с невозможностью легализовать свое право даже через судебную защиту, поскольку суды руководствуются формальным отсутствием необходимых документов, а местные органы власти декларируют незаконность использования таких объектов [5].

Несмотря на наметившуюся тенденцию к усилению просообщественной политики со стороны государства, реализация права собственности на кооперативное имущество продолжает сталкиваться с рядом барьеров. Решение этих вопросов требует как совершенствования законодательства, так и системного подхода к урегулированию правовых последствий правоотношений, сложившихся задолго до принятия современных норм о регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Особенности формирования гаражной инфраструктуры на территории Российской Федерации обусловили длительное существование значительного числа объектов вне правового поля. Многие гаражные постройки, возведенные в советский период, функционировали и продолжают функционировать в режиме неофициального использования. Такая практика привела к тому, что десятки тысяч гаражей оказались в правовой неопределенности: они используются годами, но юридически не имеют оформленного статуса, а их владельцы сталкиваются с трудностями в реализации своих имущественных прав.

Сложность ситуации усугублялась отсутствием четкого законодательного регулирования деятельности гаражно-строительного кооператива (далее — ГСК). На протяжении многих лет действующее законодательство не содержало однозначных норм, определяющих правовой статус этих организаций, механизм передачи имущества в собственность членов кооператива, порядок регистрации прав на недвижимость и особенности управления такими объектами. По данным за 2023 год, в стране насчитывалось более 37 тысяч ГСК, многие из которых находились в состоянии правовой неопределенности [6]. Этот правовой пробел порождал не только сложности у граждан в оформлении имущественных прав, но и противоречивую судебную практику.

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая вопросы реализации имущественных прав граждан, указал на необходимость установления четкого механизма юридического переоформления уже сложившихся правоотношений, особенно в тех случаях, когда речь идет о добросовестном использовании земельных участков. В частности, в

постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2020 года № 48-П [7] подчеркнута важность обеспечения правовой определенности для лиц, которые десятилетиями использовали гаражи и прилегающие к ним земельные участки еще с советских времен и продолжают это делать до настоящего времени.

Решение Конституционного Суда Российской Федерации стало важным ориентиром для законодателя и способствовало принятию специального закона, вступившего в силу с 1 сентября 2021 года [8], так называемой гаражной амнистии. Данный закон предоставил возможность гражданам до 1 сентября 2026 года бесплатно оформить право собственности на земельный участок, на котором расположен гараж, при соблюдении определенных условий.

Согласно данным условиям, гараж должен быть возведен до 30 декабря 2004 года; земельный участок находится в государственной или муниципальной собственности; земля должна быть предоставлена владельцу гаража какой-либо организацией (например, заводом, фабрикой, научным учреждением) либо выделена другим образом; объект должен представлять собой отдельно стоящее капитальное сооружение с фундаментом, допускается наличие общих стен или крыши с соседними гаражами.

Принятие данного закона стало важным шагом в устранении последствий длительного правового вакуума, в котором находились тысячи гаражей, построенных в советский период без надлежащего оформления. Однако практика применения нового закона выявила ряд проблем, препятствующих полноценному урегулированию ситуации.

Особую сложность вызывает реализация права на оформление собственности в крупных городах федерального значения, где плотная застройка и ограниченное количество свободных земельных участков порождают дополнительные административные и правовые барьеры. Часто возникают споры между владельцами гаражей, органами местного самоуправления и третьими лицами, претендующими на землю. Кроме того, остаются неясными некоторые правовые аспекты, связанные с признанием построек капитальными, а также вопросами перевода земель из одной категории использования в другую.

Споры о признании гаражей самовольными постройками и требование их сноса продолжают оставаться актуальными в правоприменительной практике. Один из споров касался распоряжения уполномоченного органа местного самоуправления о сносе ряда гаражей,

мотивированного тем, что данные объекты не зарегистрированы в ЕГРН, а земельные участки под ними не состоят на кадастровом учете. Правообладатель одного из таких гаражей оспорил это решение в суде, указав, что его право на гараж возникло законным путем еще в 1996 году, когда он, являясь членом ГСК, полностью выплатил паевой взнос за предоставленное ему помещение [9]. Гараж был возведен по решению органа местного самоуправления, согласно которому земельный участок предоставлен для эксплуатации 32 боксов-гаражей. Также представлен акт об отводе границ участка и красных линий, подтверждающий целевое назначение земли. Таким образом, строительство гаража не было произведено в нарушение норм землепользования и застройки.

Суд первой инстанции пришел к обоснованному заключению: спорный объект нельзя признать самовольной постройкой, поскольку право на него возникло в силу закона. Решающее значение имели положения части 1 статьи 69 Федерального закона от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», согласно которым права на недвижимость, возникшие до вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ, признаются действительными даже при отсутствии записи в ЕГРН. Иными словами, факт отсутствия государственной регистрации не может служить основанием для отрицания наличия у лица права собственности, особенно если оно возникло в порядке, предусмотренном законом.

Таким образом, суд первой инстанции справедливо решил (апелляция и кассация его поддержали), что требование о сносе объекта недвижимости, право собственности на который возникло в силу закона, допустимо исключительно в судебном порядке, а также только при наличии всех предусмотренных законом условий. Принятие уполномоченным органом решения о сносе в данном случае противоречит действующему законодательству и нарушает права добросовестного владельца.

Данный случай подчеркивает важность сохранения правовой преемственности и применения дифференцированного подхода к объектам, возникшим до введения обязательной государственной регистрации прав. Он также демонстрирует необходимость тщательной проверки фактических обстоятельств и документального оформления до принятия мер принудительного характера в отношении недвижимости.

Еще в одной ситуации истец была вынуждена обратиться в суд с целью признания права

собственности на гараж, несмотря на то, что указанное право собственности на гараж у нее возникло ранее с момента выплаты паевого взноса и вступления в ряды членов кооператива «Рыбак» [10].

Гражданка М. обратилась в суд с иском о признании права собственности на нежилое помещение — гаражный бокс, расположенный на территории ГСК «Рыбак», ссылаясь на то, что является его добросовестной правообладательницей с 1972 года и полностью выполнила свои обязательства перед кооперативом.

По ее словам, она с момента вступления в члены ГСК «Рыбак» систематически и добровольно исполняла обязанности, связанные с содержанием объекта и инфраструктуры: оплачивала членские и целевые взносы, участвовала в финансировании текущего ремонта, содержании подъездных путей и внутренних дорог, а также своевременно внесла свой паевой взнос за предоставленное ей помещение. При этом задолженность по платежам отсутствовала, что подтверждено соответствующей справкой от самого кооператива.

Индивидуальный гаражный бокс, принадлежащий истцу, имеет кадастровый номер, состоит на государственном кадастровом учете и характеризуется как нежилое помещение общей площадью 17,5 кв. м, расположенное на первом этаже по указанному адресу. Вместе с тем строительство всего блока гаражей (43 бокса) было завершено еще в 1989 году, что подтверждается техническим паспортом, выданным ФГУП «Ростехинвентаризация — Федеральное БТИ».

Земельный участок площадью 1 609 кв. м, на котором расположены гаражи, был предоставлен кооперативу решением Находкинского городского совета народных депутатов от 10 сентября 1982 года для строительства и эксплуатации индивидуальных гаражей. Государственный кадастровый учет земельного участка был осуществлен только в 2018 году, а право постоянного (бессрочного) пользования зарегистрировано в том же году.

Несмотря на это, в 2020 году при обращении в управление Росреестра по месту нахождения объекта с заявлением о регистрации права собственности на гараж М. получила уведомление о приостановлении процедуры. Основанием послужило отсутствие разрешения на ввод объекта в эксплуатацию либо решения суда, подтверждающего право собственности.

Однако ей не удалось получить указанные документы, так как разрешение на ввод в эксплуатацию не оформлялось ввиду того, что

строительство осуществлялось хозяйственным способом силами самих членов кооператива, а необходимые бумаги со временем были утрачены.

Сложившаяся ситуация демонстрирует одну из типичных проблем, возникающих у граждан, чьи имущественные права возникли задолго до введения современной системы государственной регистрации недвижимости. Право на гараж было оформлено законным образом через членство в ГСК и полную уплату паевого взноса, что, согласно статье 218 ГК РФ, должно служить основанием для возникновения права собственности у члена кооператива. Между тем действующее законодательство требует дополнительных документов, которые либо отсутствуют в принципе, либо утеряны по причинам, не зависящим от лица. Это создает препятствия для реализации уже существующих прав и ставит граждан в условия, когда они фактически лишены возможности легализовать свое право без обращения в суд.

Данный случай наглядно показывает необходимость в более гибком подходе со стороны регистрирующих органов и применении положений части 1 статьи 69 Федерального закона № 218-ФЗ, согласно которой право, возникшее до 1997 года, признается действительным даже в отсутствие государственной регистрации. Также важным представляется применение пункта 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10/22, который подчеркивает, что член ГСК, исполнивший свои обязательства, приобретает право собственности на выделенный ему гараж независимо от наличия формальной регистрации.

Аналогичный подход закреплён и в случае перехода права собственности по наследству (пункт 4 статьи 1152 ГК РФ), а также при реорганизации юридических лиц. В этих ситуациях право на недвижимое имущество переходит к новому правообладателю с момента открытия наследства или завершения процедур реорганизации вне зависимости от наличия записи в ЕГРП. Таким образом, если на момент наступления соответствующего события (смерти наследодателя или прекращения деятельности реорганизованного юридического лица) объект недвижимости принадлежал правопреемнику на праве собственности, такое право автоматически переходит к наследнику или вновь созданному юридическому лицу.

Эти нормы указывают на то, что фактическое возникновение права собственности может опережать его государственную

регистрацию. Такой подход отражает баланс интересов между необходимостью в обеспечении прозрачности оборота недвижимости и защитой добросовестных правообладателей, чье право возникло на основаниях, установленных законом. Поэтому важно, чтобы суды и регистрирующие органы руководствовались не только формальными требованиями, но и системным толкованием норм гражданского законодательства, направленным на обеспечение справедливости и защиты законных интересов правообладателей.

Список источников

1. Алексеевская А. А. Потребкооперация — анализ проблем, права в ней? // *Жилищное право*. 2020. № 5. С. 35–44.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г., с изм. от 31 октября 2024 г.) // *Собрание законодательства РФ*, 1994. № 32, ст. 3301.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июля 2020 года. Доступ из СПС «Консультант-плюс» (дата обращения: 07.07.2025).
4. О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2023 года № 338-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.07.2025).
5. Белова Т. В. Анализ правоприменительной практики о производном характере права собственности члена гаражно-строительного кооператива на недвижимое имущество // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 12 (240). С. 120–123.
6. Смолин (Молчанов) П. В. Правовые проблемы признания и реализации права собственности на гаражи (по результатам социологических исследований) // *Административное право и процесс*. 2024. № 10. С. 28–35.
7. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Волкова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2020 года № 48-П // *Собрание законодательства РФ*. 2020. № 49, ст. 8028.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 5 апреля 2021 года № 79-ФЗ (ред. от 29 октября 2024 года). URL: <http://pravo.gov.ru>, 05 (дата обращения: 09.07.2025).
9. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 ноября 2022 г.) // *Бюллетень Верховного Суда РФ*, 2023. № 2.

10. Решение Находкинского городского суда (Приморский край) от 26 ноября 2020 года № 2-3195/2020 2-3195/2020~М-2946/2020 М-2946/2020 по делу № 2-3195/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iHNhU5wguoLW/> (дата обращения: 09.07.2025).

References

1. Alekseevskaya A. A. Consumer cooperation-problem analysis, rights in it? *Housing law*, 2020, no. 5, pp. 35–44. (In Russ.).
2. Part One of the Civil Code of the Russian Federation no. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on August 8, 2024, as amended on October 31, 2024) *Collected Legislation of the RF*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.).
3. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation no. 2 (2020), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 22, 2020. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 07.07.2025). (In Russ.).
4. On Garage Associations and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: federal law no. 338-FZ of July 24, 2023. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 08.07.2025). (In Russ.).
5. Belova T. V. Analysis of law enforcement practice on the derivative nature of the ownership right of a member of a garage construction cooperative to real estate. *Law and State: Theory and Practice*, 2024, no. 12 (240), pp. 120–123. (In Russ.).
6. Smolin (Molchanov) P. V. Legal problems of recognition and implementation of ownership rights to garages (based on the results of sociological research). *Administrative Law and Process*, 2024, no. 10, pp. 28–35. (In Russ.).
7. On the case concerning the verification of the constitutionality of paragraph 1 of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Volkov: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 48-P of November 26, 2020. *Collected Legislation of the RF*, 2020, no. 49, art. 8028. (In Russ.).
8. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of April 5, 2021 no. 79-FZ (as amended on October 29, 2024). URL: <http://pravo.gov.ru>, 05 (accessed 09.07.2025). (In Russ.).
9. Review of judicial practice in cases related to unauthorized construction (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 16, 2022). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2023, no. 2. (In Russ.).
10. Decision of the Nakhodka City Court (Primorsky Krai) no. 2-3195/2020 2-3195/2020~М-2946/2020 М-2946/2020 dated November 26, 2020 in case no. 2-3195/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iHNhU5wguoLW/> (accessed 09.07.2025). (In Russ.).

Научная статья
УДК 340

О классификации юридического содействия

Прынова Виктория Ивановна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, prinovavictoriya@mail.ru

Аннотация. В данной статье проанализировано такое юридически значимое деяние, как юридическое содействие. Доказывается его многогранное существование в правовой реальности путем приведения практических примеров из правовой системы Российской Федерации. Автор выделяет и подробно рассматривает шесть оснований для классификации: по направленности деятельности (цели), субъекту оказания, характеру коммуникации, предмету содействия, отрасли права, характеру связи. Особое внимание уделяется первому основанию по направленности деятельности, которое имеет практическую значимость, обусловленную разработкой критериев выбора оптимального вида правовой помощи. Юридическое содействие — это сложное правовое явление, включающее ряд различных форм и способов его осуществления, ввиду чего рассмотренные основания не являются исчерпывающими.

В статье сделаны следующие выводы: классификация юридического содействия играет ключевую роль в систематизации правовой помощи, позволяет четко отразить ее виды, рассмотреть формы и определить субъектов; проведенная классификация позволяет глубже понять правовую природу юридического содействия, не раскрытого еще в полной мере исследователями, но являющегося важным элементом правовой системы; классификация — это не просто теоретическая конструкция, а инструмент, который возможно использовать для повышения эффективности регулирования правоотношений. Результаты исследования имеют значение для развития теории права, формирования государственной политики в сфере юридических услуг и совершенствования юридического образования.

Ключевые слова: юридическое содействие, виды содействия, юридически значимое деяние, правовая помощь

Для цитирования: Прынова В. И. О классификации юридического содействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 256–260.

Original article

On the classification of legal assistance

Victoria I. Prynova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, prinovavictoriya@mail.ru

Abstract. This paper analyzes such a legally significant act as legal assistance. It proves its multifaceted existence in the legal reality by providing practical examples from the legal system of the Russian Federation. The author identifies and examines in detail six grounds for classification: by the focus of activity (purpose), by the subject of

© Прынова В. И., 2025

assistance, by the nature of communication, by the subject of assistance, by the branch of law, and by the nature of the relationship. Special attention is paid to the first ground, the focus of activity, which is of practical significance due to the development of criteria for selecting the optimal type of legal assistance. Legal assistance is a complex legal phenomenon that includes a variety of different forms and methods of its implementation. Therefore, the grounds discussed in this article are not exhaustive.

The article draws the following conclusions: the classification of legal assistance plays a key role in the systematization of legal aid, allowing for a clear reflection of its types, forms, and subjects; the classification allows for a deeper understanding of the legal nature of legal assistance, which has not yet been fully explored by researchers but is an important element of the legal system; the classification is not just a theoretical construct, but a tool that can be used to improve the efficiency of legal regulation. The results of this research are significant for the development of legal theory, the formation of public policy in the field of legal services, and the improvement of legal education.

Keywords: legal assistance, types of assistance, legally significant act, legal aid

For citation: Prynova V. I. On the classification of legal assistance. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 256–260. (In Russ.).

Сегодняшняя реальность такова, что юридическая наука закономерно старается обращаться к вызовам, порожденным активным развитием информационных технологий. Вместе с тем параллельно с этим существует пласт правовых явлений, давно присутствующих в практике, однако являющихся «слепым пятном» правовой действительности. Теоретическая неосмысленность правовой наукой юридических явлений, которые давно укоренены в правоприменительную практику и социальную реальность, несет в себе определенные риски и проблемы. В частности, попытки законодателя изменить область, где имеются неисследованные практики, часто оказываются неудачными по причине отсутствия глубинных исследований о функционировании данных явлений. Одним из таких, на наш взгляд, является юридическое содействие, пронизывающее всю сферу права, однако на сегодняшний день не исследованное в должной мере.

Юридическое содействие существует в правовой реальности в разных формах и видах, его можно наблюдать как различные самостоятельные процессуальные функции, нашедшие отражение в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ), Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации [1]. Речь идет о содействии правосудию в качестве присяжных заседателей, содействии подозреваемых (обвиняемых) при заключении соглашения о сотрудничестве, о процедуре медиации в гражданском процессе и иное. Также оно существует и в материальном праве: институт представительства, институт юридической помощи (существующий в самых

разнообразных формах: от возмездного оказания услуг до юридических клиник, создаваемых на базе образовательных организаций), институт общественных наблюдательных комиссий, осуществляющий содействие лицам, находящимся в местах принудительного содержания.

При этом важно понимать, что юридическое содействие может проявляться в самой правовой природе того или иного государственного органа. Например, Совет Безопасности Российской Федерации, целью функционирования которого является оказание «...содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов...» [2]. Оно может проявляться и при издании правовых актов, направленных на решение конкретной ситуации, или, как справедливо их называет Ю. К. Макаручук, при издании «...правовых актов государственного юридического содействия» [3], например, вводимые на территории Российской Федерации кредитные каникулы в период пандемии COVID-19. Все вышесказанное подчеркивает многогранность юридического содействия, а также обуславливает необходимость ее классификации. Для систематизации видов правовой поддержки, оптимизации доступа к ней и повышения эффективности функционирования правовой системы в целом.

Также считаем целесообразным обозначить, что для достижения целей настоящей статьи под юридическим содействием понимается «вид юридической деятельности, направленный на оказание помощи и поддержки в достижении правовых целей» [4].

Первым основанием для классификации является *направленность деятельности (цель)*. Именно это основание позволяет разграничить виды юридического содействия, основываясь

на сущность совершаемого деяния. Так, на наш взгляд, все юридическое содействие можно разделить на следующие виды: информационно-разъяснительное содействие, консультационно-правовое содействие, негативное юридическое содействие, представительское содействие, содействие правосудию, примирительное содействие. Рассмотрим каждый вид более подробно.

Информационно-разъяснительное содействие, на наш взгляд, представляет собой комплексную деятельность, направленную: 1) на доведение правовой информации для определенного круга лиц; 2) на ее интерпретацию. При этом указанные действия должны проводиться по инициативе субъекта, оказывающего данное содействие. Главной его целью является повышение уровня правосознания граждан. Ярким примером данного вида может стать правовое информирование, проводимое органами государственной власти.

Консультационно-правовое содействие, можно спутать с предыдущим в том числе потому, что оно также включает в себя разъяснение норм права для объекта содействия (в отношении которого оказывается содействие). Кроме того, оно также может включать в себя и доведение правовой информации, однако главное их различие кроется в инициаторе возникновения содействия.

Консультационное содействие всегда возникает в результате запроса от объекта содействия. Обращение к лицу, владеющему юридическими знаниями, обуславливает следующую цель для субъекта содействия: выполнить поступивший запрос, провести информирование в рамках заявленной проблемы. Пример такого содействия — договор возмездного оказания юридических услуг или деятельность юридических клиник.

Следующий вид юридического содействия имеет противоправную цель, что позволяет называть его *негативным*. Содействие неправомерному деянию по своей сути не преследует правовой цели, однако несет юридические последствия, что и позволяет относить его к юридическому содействию в целом. Примером негативного содействия может выступать институт пособничества в уголовном праве. Несомненно, пособничество преступлению есть не что иное, как разновидность неправомерного деяния. Вместе с тем, на наш взгляд, его также справедливо можно отнести и к разновидностям юридического содействия.

Следующим видом юридического содействия, выделяемого нами по названной классификации,

является *представительское содействие*. Оно реализуется путем представления интересов в суде от имени и в интересах представляемого, а также при заключении сделок или урегулировании споров в досудебном порядке и т. д. Наиболее ярким его примером могут служить действия, совершаемые по доверенности.

Содействие правосудию является тем видом, который играет важнейшую роль в процессуальном праве. Присяжные заседатели, свидетели, понятые — лишь малая часть его проявления в правовом поле.

Примирительное содействие проявляется в виде деятельности специальных органов, одной из функций которых является урегулирование правового спора (финансовый уполномоченный, медиаторы, комиссии по трудовым спорам и иное). Основная цель такого содействия — разрешение правового спора. Здесь уместно поднимать вопрос о том: «Оказывает ли суд примирительное содействие?». На наш взгляд, данный вопрос является дискуссионным. С одной стороны, суд в рамках уголовного судопроизводства не оказывает примирительного содействия, а лишь осуществляет правосудие. Вместе с тем статья 153.1 ГПК РФ прямо говорит о том, что «...суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства» [5]. Так, особенности различных производств в суде не позволяют однозначно ответить на этот вопрос.

Второй, не менее значимой классификацией является выделение юридического содействия *в зависимости от субъекта оказания*. На наш взгляд, юридическое содействие подразделяется на государственное, или муниципальное содействие, частное содействие, общественное содействие.

Государственное (муниципальное) содействие реализуется при оказании помощи органами государственной власти (органами местного самоуправления) и их должностными лицами.

Частное содействие возникает при осуществлении помощи физическим или юридическим лицом. Ярким его проявлением служит оказание содействия в рамках договора о возмездном оказании юридических услуг.

Общественное содействие оказывается различными некоммерческими правозащитными организациями, студенческими юридическими клиниками, профсоюзами.

Данная классификация позволяет отразить многогранность и распространенность

юридического содействия в современных правовых отношениях.

Третьей выделяемой нами классификацией выступает *характер коммуникации*. Данная классификация обусловливается в виду существования в некоторых правовых отношениях вертикали власти. На наш взгляд, все юридическое содействие подразделяется на вертикальное и горизонтальное. *Вертикальное содействие* возникает в том случае, когда один из субъектов содействия обладает по отношению к другому властными полномочиями; *горизонтальное содействие* предполагает равный правовой статус.

Четвертым основанием для классификации является *предмет содействия*. На наш взгляд, все юридическое содействие можно подразделить на содействие реализации прав и законных интересов и содействие исполнению обязанности.

Содействие реализации прав и законных интересов выступает наиболее широким видом, включающим в себя множество форм. Так, В. Ю. Панченко справедливо отмечает, что «... юридическое содействие реализации прав и законных интересов — сложное правовое явление, объединяющее комплекс правовых средств, видов правовой деятельности и ее отдельных функций, способствующих беспрепятственной реализации прав и интересов субъектов права, которое имеет разные формы проявления (адвокатская и нотариальная деятельность, юридическое информирование и консультирование, публичные услуги...» [6]. Предметы данного юридического содействия — права и законные интересы.

Содействие исполнению обязанности представляет собой менее распространенный вид, однако не менее важный. Оно возникает в случаях, когда объект содействия имеет какую-либо юридическую обязанность и для ее осуществления обращается к субъекту содействия. Например, у физического лица имеется обязанность подать налоговую декларацию в соответствии с законом, и для этого он обращается к юристу за помощью.

Следующей выделяемой нами классификацией является *отрасль, в которой оказываются*: гражданско-правовое, уголовно-правовое, административное, конституционно-правовое, трудовое, налоговое и иное содействие. Данное основание крайне важно для того, чтобы правильно определить конкретные нормы права, в рамках которых будет регулироваться то или иное содействие.

Здесь уместно говорить о том, что на практике нередко можно встретить и межотраслевое содействие, и ряд юридических фактов требуют именно такого подхода. Примером может служить оказание содействия в предъявлении гражданского иска в рамках уголовного процесса (защитник в уголовном процессе, оказывая уголовно-правовое содействие, также может быть представителем истца в рамках гражданского иска о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением).

Шестой рассматриваемой нами классификацией является *характер связи*: одностороннее содействие, взаимное содействие.

Одностороннее содействие оказывается одной стороной в интересах другого без встречного юридически значимого действия, не создает взаимных обязательств, часто имеет безвозмездный характер. Наиболее яркое его проявление — правовое информирование граждан.

Взаимное содействие, возникает на двустороннем волеизъявлении, часто создает систему взаимных прав и обязанностей и имеет договорную природу. Например, частный юрист оказывает содействие обратившемуся к нему клиенту в предоставлении нужных документов и информации.

Предложенная классификация по характеру связи раскрывает принципиально разные модели взаимодействия между участниками правоотношений. Эта дифференциация имеет важное значение для четкого определения правового статуса сторон. Так, одностороннее содействие предполагает асимметричную связь (исполнитель — получатель), где ключевую роль играет профессиональный долг или социальная миссия. Взаимное содействие строится на равноправном сотрудничестве, где обязательства сторон, как правило, формализованы договором.

Юридическое содействие можно классифицировать и по другим основаниям: по способу оказания, времени оказания, уровню делегирования полномочий, стадиям правового регулирования и иное. Классификация юридического содействия играет ключевую роль в систематизации правовой помощи, позволяет четко отразить ее виды, рассмотреть формы и определить субъектов.

Проведенные виды классификации позволяют глубже понять правовую природу юридического содействия, не раскрытого еще в полной мере исследователями, но являющегося важнейшим элементом правовой системы.

Классификация это не просто теоретическая конструкция, а инструмент, который возможно

использовать для повышения эффективности регулирования правоотношений. Кроме того, проведенная классификация не просто инструмент систематизации, а важный элемент правовой теории. Она создает концептуальную основу для дальнейшего изучения природы, функций и эффективности правовой помощи в современном обществе, открывая новые перспективы для научных исследований.

Список источников

1. Латыпов В. С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2023. С. 4.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. 2020. 4 июля.
3. Макаrchuk И. Ю. Правовые акты государственного юридического содействия: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2020. С. 208.
4. Прынова В. И. Юридическое содействие как элемент юридической техники // Юридическая наука и практика (трибуна молодых ученых): сборник статей. Нижний Новгород, 2024. С. 123–126.
5. Гражданский процессуальный кодекс: федеральный закон от 13 ноября 2002 года № 138-ФЗ. До-

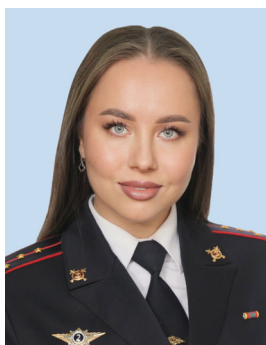
ступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.07.2025).

6. Панченко В. Ю. Публичные формы юридического содействия реализации прав и законных интересов: монография, 2014. 152 с.

References

1. Latypov V. S. Assistance in the Administration of Justice in the Russian Criminal Procedure: Conceptual and Legal Frameworks. Author's abstract... candidate of legal sciences. Ufa, 2023. P. 4. (In Russ.).
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). *Rossiyskaya Gazeta*, 2020, July 4. (In Russ.).
3. Makarchuk I. Yu. Legal Acts of State Legal Assistance. Dissertation... candidate of legal sciences. Krasnoyarsk, 2020. P. 208. (In Russ.).
4. Prynova V. I. Legal Assistance as an Element of Legal Technique. Legal Science and Practice (the Tribune of Young Scientists): collection of articles. Nizhny Novgorod. 2024. Pp. 123–126. (In Russ.).
5. Civil Procedure Code: federal law no. 138-FZ dated November 13, 2002. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 01.07.2025). (In Russ.).
6. Panchenko V. Yu. Public Forms of Legal Assistance in the Implementation of Rights and legal interests: monograph. 2014. 152 p. (In Russ.).

Научная статья
УДК 343.9

Информационные технологии и их влияние на формирование молодежных деструктивных движений

Пыжова Елена Витальевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Vasyika93@mail.ru.

Аннотация. В статье представлено комплексное исследование детерминантов и механизмов формирования молодежных деструктивных движений в условиях стремительного развития информационных технологий. Рассмотрены вопросы, касающиеся использования коммуникативных стратегий и методов вербовки новых участников с помощью сети «Интернет», включая психологическое манипулирование (буллинг). Особое внимание уделено адаптации молодежных деструктивных движений к различным формам интернет-активности (социальные сети, мессенджеры, игровые платформы) и использованию пробелов в законодательстве. Выявлена системная взаимосвязь между социально-экономическими (маргинальность, экономическое неравенство, ограниченность социальных лифтов), психологическими (потребность в принадлежности, искажение традиционных ценностей) и культурными факторами (влияние глобализации), обуславливающими уязвимость молодежи к воздействию «внушаемых» идеологий. На основе изученного материала обращено внимание на необходимость своевременного реагирования на существующие проявления деструктивного поведения не только посредством психолого-педагогической работы, создания системы оперативного выявления и мониторинга деструктивного контента, но и с помощью актуализации законодательства в сфере интернет-пространства.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровая среда, молодежь, молодежные деструктивные движения, неформальные объединения, идеология, фактор

Для цитирования: Пыжова Е. В. Информационные технологии и их влияние на формирование молодежных деструктивных движений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 261–266.

Original article

Information technologies and their influence on the formation of youth destructive movements

Elena V. Pyzhova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Vasyika93@mail.ru.

Abstract. The article presents a comprehensive study of the determinants and mechanisms of the formation of youth destructive movements in the context of the rapid development of information technology. The issues related to the use of communication strategies and methods of recruiting new participants

© Пыжова Е. В., 2025

using the Internet, including psychological manipulation (bullying), are considered. Special attention is paid to the adaptation of destructive youth movements to various forms of Internet activity (social networks, messengers, gaming platforms) and the use of gaps in legislation. In addition, a systemic relationship has been revealed between socio-economic (marginality, economic inequality, limited social elevators), psychological (the need for belonging, distortion of traditional values) and cultural factors (the influence of globalization) that cause the vulnerability of young people to the effects of "indoctrinated" ideologies. Based on the studied information, attention is drawn to the need for a timely response to existing manifestations not only through psychological and pedagogical work, the creation of a system for the rapid detection and monitoring of destructive content, but also through updating legislation in the field of Internet space.

Keywords: information technologies, digital environment, youth, destructive youth movements, informal associations, ideology, factor

For citation: Pyzhova E. V. Information technologies and their influence on the formation of youth destructive movements. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 261–266. (In Russ.)

Современный этап общественного развития характеризуется тотальной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, что обуславливает трансформацию социальных, экономических и политических процессов. Информационные технологии, выступая ключевым драйвером этих изменений, создают не только беспрецедентные возможности для роста и инноваций, но и формируют комплекс новых угроз.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информационными технологиями понимаются «...процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов» [1].

В рассматриваемом контексте нельзя не упомянуть информационно-телекоммуникационную сеть, определение которой в вышеуказанном нормативном правовом акте формулируется как «...технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники» [1].

Все это, несомненно, положительно влияет на развитие всех сфер жизнедеятельности. Однако расширение и усложнение цифровой среды, выступающей в качестве неотъемлемого элемента социальной реальности, сопровождаются возникновением новых и трансформацией существующих вызовов в сфере информационной безопасности личности и общества. С учетом обозначенных тенденций особую остроту приобретают две взаимосвязанные группы рисков. Во-первых, это лавинообразное распространение контента

(к которому относится информация, побуждающая к суицидальному поведению, кибербуллинг), отрицательно влияющего на психологическое здоровье, нравственное развитие и физическую безопасность несовершеннолетних. Во-вторых, наблюдается активная консолидация и активизация деструктивных сообществ и идеологий, использующих анонимность и глобальный охват различных интернет-платформ для вербовки, пропаганды радикальных взглядов и координации противоправной деятельности. Эффект от таких процессов создает устойчивую угрозу для социальной стабильности и затрудняет формирование безопасной цифровой образовательной и развивающей среды для подрастающего поколения.

В настоящее время молодежные движения демонстрируют растущее влияние, что обусловлено их способностью активно задействовать инструменты цифровой коммуникации и социальные медиа. Такие технологии позволяют им эффективно распространять идеи, мобилизовывать сторонников и координировать коллективные действия, включая протестные акции. В результате подобного взаимодействия возрастает как масштаб, так и комплексность воздействия этих движений на общественные процессы, одновременно усиливая их потенциал, который может носить как конструктивный, так и деструктивный характер. Указанная динамика актуализирует задачу научного осмысления влияния информационных технологий на формирование молодежных деструктивных движений.

Современный период характеризуется активизацией процессов объединения молодежи (в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной

политике в Российской Федерации» молодежь, молодые граждане — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации) [2] в рамках неформальных объединений, в том числе демонстрирующих признаки экстремистской направленности. Возрастные особенности, включая несформированность критического мышления, психологическую нестабильность и повышенную внушаемость, обуславливают уязвимость исследуемой социальной группы и способствуют ее вовлечению в деструктивные сообщества.

Само по себе понятие «молодежные движения деструктивного характера» определяется в науке как «...неформальные движения, призывающие молодого человека к совершению противоправных действий и пропагандирующие девиантное поведение» [3, с. 1] или как «...неформальные движения, оказывающие разрушительное воздействие на личность подростка; искажающие понимание традиционных норм и ценностей; деморализующие молодого человека; призывающие к совершению противоправных действий и пропагандирующие девиантное поведение» [4, с. 14].

В среде подобных формирований получают распространение радикальные интерпретации политических, религиозных и националистических идей, что создает потенциал для мобилизации их участников на противодействие государственным институтам. Усиление международной напряженности интенсифицирует риски, связанные с деятельностью внешних деструктивных сил. Последние, используя существующие уязвимости, целенаправленно фокусируются на молодежной аудитории, уделяя особое внимание наиболее структурированным неформальным объединениям с целью их интеграции в протестную активность и совершение правонарушений экстремистского характера [5].

Проводимые многочисленные исследования [6–8] показывают, что молодежь демонстрирует выраженную восприимчивость к радикальным идеологиям. У части несовершеннолетних наблюдается тенденция к вовлечению в деструктивные и криминальные формы активности, что связано, по нашему мнению, с поиском каналов для реализации накопленного протестного потенциала.

В современном информационном пространстве наблюдается устойчивая динамика увеличения количества деструктивных интернет-сообществ, чья совокупная аудитория исчисляется от тысяч до миллионов пользователей

[9, 10]. Так, ключевыми каналами распространения идеологии деструктивизма и экстремизма в молодежной среде выступают следующие (*перечисленные интернет-сообщества и форумы признаны террористическими и экстремистскими организациями на территории Российской Федерации* (курсив наш. — Е. П.):

1) социальные сети и информационные порталы;

2) интернет-сообщества, тематические форумы: «Привет со дна», «Разбуди меня в 4.20», «Никомуненужная», «Секта снов», «Группа смерти», «Тихий дом», «Киты», «МореКитов», «Рина», «НяПока», «А.У.Е.», «Расчлененка», «Колумбайн» и др.);

3) интернет-игры (например, в сети «Интернет» представителями националистических организаций создан ряд ресурсов, на которых пропагандируется разжигание межнациональной, расовой и религиозной вражды путем проведения интернет-игр под общим названием «Большая игра. Сломай систему!». Цель этой игры — пропаганда идей национал-социализма) [11].

В качестве одного из инструментов распространения экстремистских взглядов все активнее используется флешмоб-технология. Несмотря на то, что подобная форма коллективной активности появилась более десяти лет назад, в последнее время она адаптирована деструктивными молодежными формированиями к достижению своих целей.

Привлекательность технологии для рассматриваемых групп обусловлена рядом факторов.

1. Правовой пробел. Организация и проведение акций в формате флешмоба в значительной степени не регламентированы действующим законодательством Российской Федерации. Участники могут быть привлечены лишь к косвенной ответственности, преимущественно за нарушения общественного порядка, в то время как организаторы, как правило, остаются вне сферы административного и уголовного преследования [12].

2. Латентность и низкая идентифицируемость. Подготовка характеризуется высоким уровнем конспирации, что затрудняет своевременное выявление и пресечение акций правоохранительными органами. Установление заказчиков и координаторов представляет значительную оперативную сложность.

3. Высокий потенциал эскалации. Существует значительный риск трансформации изначально нейтральной акции в протестную или экстремистскую посредством заранее спланированных

организационных мер и методов психологического воздействия на массовую аудиторию.

4. Целевое воздействие на молодежную аудиторию с точки зрения девиантной мотивации. Основной целевой группой являются представители молодежи, чья система ценностных ориентаций находится в стадии формирования. Присущие социально-демографической группе черты, такие как склонность к нигилизму, гиперболизация собственных возможностей и стремление к самовыражению, становятся объектом для целенаправленного манипулятивного воздействия со стороны экстремистских элементов.

5. Феномен управляемой стихийности. Флешмоб-акции обладают свойством выполнять функцию социального детонатора: изначально немногочисленные они способны в кратчайшие сроки вовлекать в активное взаимодействие или формировать сочувствующее отношение у случайных наблюдателей, многократно увеличивая масштаб воздействия.

По мнению А. К. Яковенко, деструктивная активность молодежных движений представляет собой широкий спектр проявлений: от акций вандализма и хулиганства до форм организованной преступности и террористической деятельности, которые дифференцируются по уровню общественной опасности, масштабам воздействия и характеру последствий, однако все они оказывают дестабилизирующее влияние на социальные институты и общественный порядок [8].

Вандализм и хулиганство как формы девиантного поведения выступают значимым фактором дестабилизации социальной среды. Посредством нормализации противоправных действий и укрепления установок правового нигилизма они оказывают негативное воздействие на общественную безопасность.

Организованная преступность и терроризм, являющиеся крайними формами деструктивного проявления, представляют собой прямую угрозу фундаментальным основам государственности и гражданского общества, посягая на его суверенитет и безопасность.

Детерминанты возникновения деструктивных молодежных движений носят комплексный и системный характер. Значимым фактором выступают социально-экономические ограничения, включающие такие проявления, как бедность, безработица и структурное неравенство [13].

В контексте экономической нестабильности и ограниченности социальных лифтов у молодого поколения формируется комплекс

психоэмоциональных состояний фрустрации, ощущения безнадежности и когнитивного диссонанса, вызванного восприятием несправедливости. Они (состояния), в свою очередь, стимулируют поиск внешних объектов для «додумывания» проблем, что приводит к возникновению радикальных установок, направленных против политических институтов, экономически преуспевающих слоев населения или иных этнических и социальных групп. Таким образом, социально-экономическое неблагополучие создает определенную среду для усвоения экстремистских нарративов [9].

Кризис идентичности, присущий подростковому и юношескому возрасту, выступает ключевой детерминантой вовлечения в деструктивные движения. В процессе поиска собственного «я» и формирования ценностно-нормативной системы молодые люди склонны к активному экспериментированию с социальными ролями и идентичностями. Все это может принимать девиантные формы, выражаясь в присоединении к деструктивным группам.

Кризисное состояние делает личность высоковосприимчивой к воздействию радикальных идеологий, предлагающих двойственные мировоззренческие конструкции и иллюзию принадлежности к элитарному сообществу.

Дополнительным катализирующим условием являются личностные деформации, включающие заниженную самооценку, коммуникативные дефициты и аффективные расстройства [14]. Деструктивные сообщества в данном случае выполняют компенсаторную функцию, предлагая замещение личностной несостоятельности чувством групповой принадлежности и самоутверждением через доминирование.

Значимым криминогенным фактором, детерминирующим возникновение девиантных форм молодежной активности, выступает влияние криминальной субкультуры [15]. В условиях, где происходит романтизация криминального поведения и идеализация образа преступного авторитета, у молодого поколения формируется искаженное восприятие социальных норм, при котором насилие и противоправные действия могут восприниматься как законные сценарии поведения.

Дополнительным эффектом обладает пропаганда насилия в медиапространстве и компьютерных играх, способствующая формированию агрессивных установок и снижению порога чувствительности к проявлениям насилия. Криминальная субкультура искажает систему ценностно-нормативных искажений, где

жестокость, пренебрежение правовыми нормами и демонстрация силы трактуются как атрибуты социальной состоятельности. Данная система координат оказывается привлекательной для молодежи, находящейся в процессе поиска идентичности и стремящейся к социальному самоутверждению среди своих «соратников».

Итак, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Современная интернет-среда обладает дуалистической природой, выступая одновременно как пространство многообразия возможностей, так и мощный стимулятор деструктивных социальных процессов. Информационно-телекоммуникационные технологии кардинально изменили механизмы функционирования молодежных движений, предоставив им различные инструменты для «вредного» идеологического воздействия.

В этой связи представляется объективной необходимостью перехода от применения фрагментарных мер к формированию целостной системы противодействия, включающей совершенствование законодательства и реализацию превентивных социально-педагогических мер.

Перспектива решения проблемы видится в объединении усилий государства и общества, направленных на создание альтернативных форм и методов для самореализации молодежи, формирование цифровой грамотности и устойчивых ценностей, что в совокупности составит надежный иммунитет против влияния деструктивных идеологий в цифровую эпоху.

Список источников

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. I, ст. 2448.
2. О молодежной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (Ч. I), ст. 28
3. Методические рекомендации по организации профилактической работы в сфере противодействия деструктивным молодежным движениям, в том числе через сеть «Интернет». URL: 1680612382_metodicheskie_rekomendacii.pdf (дата обращения: 21.10.2025).
4. Мухина Т. К. Профилактика вовлечения молодежи в деструктивные движения: учебное пособие. Владимир: Издательство ВлГУ, 2025. 108 с.
5. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года № 344 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22, ст. 3475.

6. Ахмедов А. Г. Оперативно-профилактическая работа в сфере противодействия деструктивным молодежным движениям, в том числе через сеть «Интернет» // Современные парадигмы устойчивого развития региональных социально-экономических систем в условиях роста неопределенности внешней среды: материалы Международной научно-практической конференции (Гатчина, 21 апреля 2023 г.). Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 453–459.

7. Занина Т. М., Плотникова К. Ю. Организация профилактической работы в сфере противодействия деструктивным молодежным движениям // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2023. № 9-1. С. 191–195.

8. Яковенко А. К. О деятельности деструктивных молодежных движений // Социология и право. 2024. Т. 16, № 4. С. 518–530.

9. Костылева Т. Более 7 млн подростков вовлечены в деструктивные группы в соцсетях. URL: <https://d-russia.ru/bole-7-mln-podrostkov-vovlecheny-v-destruktivnye-gruppy-v-sotssetyah.html> (дата обращения: 21.10.2025).

10. Лига безопасного интернета назвала число российских аккаунтов, находящихся под воздействием деструктивного контента. URL: <https://news.rambler.ru/internet/50211964-liga-bezopasnogo-interneta-nazvala-chislo-rossijskih-akkauntov-nahodyaschihsya-pod-vozdeystviem-destruktivnogo-kontenta/> (дата обращения: 21.10.2025).

11. Никитина И. Ф., Лядова А. С. Противодействие распространению и профилактика радикальной деструктивной идеологии в молодежной среде // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 37–44.

12. Сердюк Н. В., Грищенко Л. Л., Столяренко А. М. Психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде // Психология и право. 2018. Т. 8, № 3. С. 167–178.

13. Волчецкая Т. С., Авакьян М. В., Осипова Е. В. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 5. С. 578–591.

14. Чирун С. Н. Молодежное «АУЕ» как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 49–65.

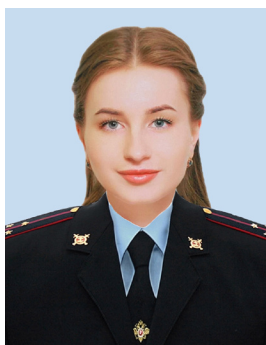
15. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Анализ деятельности адептов радикального идейного движения «Колумбайн» // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 12. С. 74–83.

References

1. On Information, Information Technology, and Information Protection: federal law no. 149-FZ of July 27, 2006. *Collection of Legislation of the RF*, 2006, no. 31 (Part I), art. 2448. (In Russ.).

2. On Youth Policy in the Russian Federation: federal law no. 489-FZ of December 30, 202. *Collection of Legislation of the RF*, 2021, no. 1 (Part I), art. 28. (In Russ.).
3. Methodological Recommendations for Organizing Preventive Work in the Sphere of Counteracting Destructive Youth Movements, Including via the Internet. URL: 1680612382_metodicheskie_rekomendacii.pdf (accessed 21.10.2025). (In Russ.).
4. Mukhina T. K. Preventing Youth Involvement in Destructive Movements: A Study Guide. Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov. Vladimir: Vladimir State University Publishing House, 2025. 108 p. (In Russ.).
5. On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025: decree of the President of the Russian Federation no. 344 of May 29, 2020. *Collected Legislation of the RF*, 2020, no. 22, art. 3475. (In Russ.).
6. Akhmedov A. G. "Operational and Preventive Work in the Sphere of Counteracting Destructive Youth Movements, Including Through the Internet". Modern Paradigms of Sustainable Development of Regional Socioeconomic Systems in the Context of Growing Uncertainty in the External Environment: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Gatchina, April 21, 2023. Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2023. Pp. 453–459. (In Russ.).
7. Zanina T. M., Plotnikova K. Yu. Organization of Preventive Work to Counteract Destructive Youth Movements. *Public Safety, Law and Order in the III Millennium*. 2023, no. 9-1, pp. 191–195. (In Russ.).
8. Yakovenko A. K. On the Activities of Destructive Youth Movements. *Sociology and Law*, 2024, vol. 16, no. 4, pp. 518–530. (In Russ.).
9. Kostyleva T. More than 7 million teenagers are involved in destructive groups on social networks. URL: <https://d-russia.ru/boleee-7-mln-podrostkov-vovlecheny-v-destruktivnye-gruppy-v-sotssetyah.html> (accessed 21.10.2025). (In Russ.).
10. The Safe Internet League has named the number of Russian accounts affected by destructive content. URL: <https://news.rambler.ru/internet/50211964-liga-bezopasnogo-interneta-nazvala-chislo-rossiyskih-akkauntov-nahodyaschihsya-pod-vozdeystviem-destruktivnogo-kontenta/> (accessed 21.10.2025). (In Russ.).
11. Nikitina I. F., Lyadova A. S. Counteracting the Spread and Preventing Radical Destructive Ideology Among Young People. *Bulletin of the Kama Social Institute*, 2019, no. 3 (84), pp. 37–44. (In Russ.).
12. Serdyuk N. V., Grishchenko L. L., Stolyarenko A. M. Psychological and Pedagogical Aspects of Extremism Prevention Among Young People. *Psychology and Law*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 167–178. (In Russ.).
13. Volchetskaya T. S., Avakyan M. V., Osipova E. V. Criminological characteristics and prevention of school shooting and cyberbullying in Russia and foreign countries. *All-Russian Criminological Journal*, 2021, vol. 15, no. 5, pp. 578–591. (In Russ.).
14. Chirun S. N. Youth "AUE" as an integral phenomenon of Russian postmodernism. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 2019, no. 1, pp. 49–65. (In Russ.).
15. Puchnina M. Yu., Puchnin A. V. Analysis of the activities of adherents of the radical ideological movement "Columbine". *Lex russica (Russian law)*, 2021, vol. 74, no. 12, pp. 74–83. (In Russ.).

Научная статья
УДК 340.1

Инновационные средства юридической техники ведомственного нормотворчества: понятие и практика применения

Самойлюк Маргарита Сергеевна

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Домодедово, Россия, zemlyakova.rita@yandex.ru

Аннотация. В рамках данной научной статьи автором проведен общетеоретический анализ такой правовой категории, как «инновационные средства юридической техники ведомственного нормотворчества», дано определение указанного понятия, выделены основания для разграничения традиционных и инновационных средств юридической техники. Рассмотрен процесс ведомственного нормотворчества с указанием на то, какие инновационные средства юридической техники могут быть использованы на каждом отдельно взятом этапе. Заключительная часть статьи посвящена анализу перспектив применения инновационных средств юридической техники в современном ведомственном нормотворчестве.

Ключевые слова: инновационные средства, традиционные средства, юридическая техника, ведомственное нормотворчество, цифровизация, искусственный интеллект, автоматизированные системы

Для цитирования: Самойлюк М. С. Инновационные средства юридической техники ведомственного нормотворчества: понятие и практика применения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 267–273.

Original article

Innovative means of legal technique in departmental norm-setting: concept and practice of application

Margarita S. Samoylyuk

All-Russian Institute of Advanced Training for Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Domodedovo, Russian Federation, zemlyakova.rita@yandex.ru

Abstract. In this scientific article, the author conducts a general theoretical analysis of the legal category of “innovative means of legal technique in departmental rule-making”, defines this concept, and identifies the grounds for distinguishing between traditional and innovative means of legal technique. The author also examines the process of departmental rule-making, highlighting the innovative means of legal technique that can be used at each individual stage. The final part of the article focuses on analyzing the prospects for using innovative means of legal technique in modern departmental rule-making.

Keywords: innovative tools, traditional tools, legal technology, departmental rulemaking, digitalization, artificial intelligence, automated systems

© Самойлюк М. С., 2025

For citation: Samoylyuk M. S. Innovative means of legal technique in departmental norm-setting: concept and practice of application. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72). pp. 267–273. (In Russ.).

Актуальность проблематики, посвященной инновационным средствам юридической техники ведомственного нормотворчества, обусловлена целым рядом факторов, отражающих современные тенденции правового регулирования. Так, увеличение объема нормативных правовых актов, принимаемых органами исполнительной власти, ведет к необходимости повышения качества их подготовки, а также оптимизации процедур, связанных с их принятием. Использование традиционных средств юридической техники не позволяет в должной мере справиться с решением этой задачи, а инновационные средства, в свою очередь, способны помочь в минимизации ошибок, сокращении временных затрат, а также повышении прозрачности процессов нормативного регулирования.

Инновационные средства напрямую связаны с развитием цифровых технологий и использованием искусственного интеллекта (далее — ИИ), что, безусловно, требует от науки изучения методов и инструментов, позволяющих эффективно интегрировать технологические новшества в практику ведомственного нормотворчества. Однако, несмотря на значимость подобных исследований, на сегодняшний день обозначенная проблематика остается мало изученной, она косвенно затрагивается лишь в некоторых работах М. Л. Давыдовой [1], О. В. Кулика [2], Т. Г. Минеевой, Б. А. Иммаевой [3], В. И. Червонюка [4].

Таким образом, есть все основания утверждать, что современная юридическая наука нуждается в проведении исследований, касающихся использования инновационных средств юридической техники в ведомственном нормотворчестве.

Для того чтобы иметь возможность говорить о сущности рассматриваемых средств и практике их применения, необходимо разобраться в вопросе о том, что же вообще такое инновационные средства юридической техники и в чем их основные отличия от традиционных средств.

Этимология слова «традиционный (ые)» происходит от латинского *tradition*, что означает передача, наследие, традиция. При этом Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова трактует слово «традиционный (ые)» как сохранившийся от старины, основанный на традиции [5]. Таким образом, основываясь на семантическом и лексическом анализе слова «традиционный (ые)»,

можно сделать вывод о том, что традиционные средства юридической техники ведомственного нормотворчества представляют собой устоявшуюся систему материальных элементов или, иначе говоря, инструментов, выработанных и проверенных практикой многократного применения в процессе ведомственной нормотворческой деятельности. Принципиально иным является определение «инновационные средства юридической техники ведомственного нормотворчества». Вновь обращаясь к семантическому и лексическому анализу, можно заключить, что слово «инновационный (ые)» происходит от термина «инновация», который, в свою очередь, происходит от латинского *novatio*, что означает обновление, изменение и приставки *in*, имеющей значение «в направлении». Таким образом, рассматриваемый термин дословно можно трактовать как «в направлении изменений». Если же обратиться к Большому толковому словарю русского языка, то «инновация» определяется как какое-либо нововведение или новшество [6]. Таким образом, инновационные средства юридической техники ведомственного нормотворчества можно определить, как систему инструментов ведомственного нормотворчества, соответствующих современным требованиям и отличающихся новизной, оригинальностью и эффективностью.

В приведенных определениях подчеркиваются различия между традиционными средствами юридической техники ведомственного нормотворчества, характеризующимися старыми, уже испытанными на протяжении длительного периода времени инструментами юридической техники, и инновационными средствами, для которых характерны новые, соответствующие духу времени современные инструменты.

Переходя к вопросу о сущности и практике применения инновационных средств юридической техники ведомственного нормотворчества, следует акцентировать внимание на том, что разработка ведомственного нормативного правового акта является весьма трудоемким процессом, который связан с большим количеством нюансов и технических деталей [7]. Даже небольшие ошибки и упущения в ходе нормотворческой деятельности могут привести к возникновению серьезных проблем при реализации правовых актов. Исключить либо, по крайней мере, минимизировать

их становится возможным благодаря цифровизации и постоянному расширению возможностей ИИ, ввиду чего инновационные средства юридической техники в современных условиях оказываются напрямую связаны с цифровыми технологиями.

Процесс разработки ведомственного нормативного правового акта представляет собой последовательную процедуру, осуществляемую федеральным органом исполнительной власти либо его должностным лицом [8], включающую в себя ряд этапов: от инициирования проекта того или иного акта до его официального опубликования. Предлагаем рассмотреть этот процесс пошагово с указанием инновационных средств юридической техники, которые могут быть применены на каждом из этапов.

Опираясь на анализ текста постановления Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 года № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» [9], можно говорить о наличии в процессе разработки ведомственного нормативного правового акта девяти этапов.

Выявление и постановка проблемы. Включение задачи по принятию нормативного правового акта, решающего эту проблему, в план на очередной календарный год, утверждаемый руководителем федерального органа исполнительной власти.

В ходе данного этапа необходимо определить круг проблемных вопросов, для разрешения которых будет разрабатываться новый нормативный правовой акт. Безусловно, указанный этап сопровождается необходимостью анализа практики применения уже существующих нормативных правовых актов и/или содержания отдельно взятого акта с целью обнаружения в нем проблем и несовершенств, негативно влияющих на его реализацию. Инновационным средством юридической техники, способствующим оптимизации существующих норм и процедур, выступает технология *Big Data* [10]. При помощи указанной технологии с использованием сложных математических алгоритмов появляется возможность автоматизировать процесс поиска несоответствий в нормативных правовых актах, а также анализ данных, касающихся практики их применения. Это позволяет получить в сжатые сроки информативные выводы относительно эффективности существующих нормативных правовых актов, выявить проблемы, возникающие в процессе их реализации, а

также определить проблемы, требующие решения посредством нормотворчества.

Изучение законодательства Российской Федерации, договоров о разграничении предметов ведения и полномочий, научной литературы и материалов периодической печати по рассматриваемому вопросу, а также данных социологических и иных исследований, касающихся темы проекта.

На данном этапе необходимо тщательно проанализировать существующий массив нормативных правовых актов, связанных по тематике с проектом нового акта, для того, чтобы исключить появление дублирующих или коллизионных норм, а также принять во внимание существующие научные наработки. Ввиду этого на данном этапе особенно актуальным становится использование такого инновационного средства юридической техники, как «автоматизированные системы учета нормативного материала» [11], позволяющие упорядочивать и обеспечивать структурированное хранение нормативных правовых актов, иных документов и вообще любой информации, которая может потребоваться в процессе разработки новых актов. Благодаря названному инструменту государственные органы и их должностные лица имеют возможность получить полноценный доступ к актуальным источникам права, а также удобные механизмы поиска необходимой информации (включая полнотекстовые запросы, фильтры по ключевым словам, датам внесения изменений). Таким образом, несомненным является тот факт, что автоматизация процесса учета анализа нормативных правовых актов позволяет значительно ускорить процедуру подготовки ведомственного нормативного правового акта, а также минимизировать риск ошибок.

Подготовка концепции и структуры проекта нормативного правового акта.

Инновационное средство юридической техники, которое может быть использовано в рамках третьего этапа подготовки проекта нормативного правового акта, — это ментальные модели (*Mind Map*) или, иначе говоря, интеллектуальные карты. Указанная технология на сегодняшний день активно используется в образовательной сфере, в том числе в системе высшего образования юристов [12]. Более того, в последнее время учащаются случаи использования рассматриваемой технологии юристами при разрешении различных судебных кейсов. На наш взгляд, указанная технология, предложенная британским ученым Тони Бьюзен, также может быть применима в процессе

ведомственного нормотворчества, поскольку все мы мыслим ассоциациями и образами, а ментальные карты позволяют упорядочить и детализировать информацию, представляя мыслительные процессы в виде наглядных изображений. Основные программы, посредством которых можно составлять *Mind*-карты, — это *Xmind* и *Drowmind*.

Используя названную технологию в процессе ведомственного нормотворчества, прежде всего необходимо определиться с центральной идеей будущей интеллектуальной карты, которая должна отразить цель разрабатываемого акта. Затем формируются первые ветви, отражающие ключевые вопросы и принципы. Каждая ветвь карты постепенно расширяется путем добавления деталей и разъяснений. Этот этап позволяет структурировать весь объем необходимой информации, что препятствует появлению пробелов или избыточной информации.

Современные программы для построения интеллектуальных карт поддерживают совместную работу нескольких пользователей онлайн, что позволяет вовлечь в разработку нормативного правового акта сразу нескольких специалистов разных направлений. Это значительно ускоряет процесс выработки оптимального варианта проекта нормативного правового акта. В свою очередь, используя построенную схему, разработчики легко могут обнаружить пробелы в проекте или противоречивость отдельных положений.

Таким образом, использование интеллектуальных карт в процессе разработки ведомственных нормативных правовых актов способно повысить качество проектов, ускорить процесс принятия решений и способствовать эффективному правовому регулированию в рамках отдельных отраслей и сфер государственного управления.

Составление текста проекта нормативного правового акта.

При подготовке текста проекта нормативного правового акта, когда его идея, цели, задачи, структура и содержание уже определены, особенно важным становится проведение лингвистического анализа текста, осуществляемого с использованием различных инновационных средств юридической техники, в частности, с использованием таких программ, как *Grammarly*, *LanguageTool*, *Textus Pro*. Указанные сервисы позволяют проверять текст на грамматические ошибки, стилистические нарушения, повторения, сложность предложений, а также

анализировать текст на его читаемость и стиль изложения.

Подготовка финансово-экономического обоснования решений, предлагаемых к принятию проектом нормативного правового акта.

Финансово-экономическое обоснование проектов ведомственных нормативных правовых актов выполняется, как правило, несколькими структурными единицами министерства или ведомства (отделом экономики, управлением планирования и контроля, юридической службой, подразделением аналитики и экспертизы и другими структурными элементами) и предполагает оценку расходов и доходов бюджета, связанных с реализацией предлагаемого акта. Процедура составления финансово-экономического обоснования имеет строгий регламент и проводится на основании целого ряда методик, стандартов и рекомендаций [13]. При этом, если анализировать уже существующие финансово-экономические обоснования как проектов ведомственных нормативных правовых актов, так и законопроектов, то можно отметить тенденцию, согласно которой подавляющее число обоснований ограничиваются утверждением об отсутствии дополнительного бюджетного бремени вследствие принятия предлагаемых проектов. Данный факт позволяет предположить наличие формального подхода к выполнению процедуры по оценке финансовых последствий, характеризующегося недостаточным учетом потенциальных финансовых рисков. Мы убеждены в том, что процедура оценки проекта ведомственного нормативного правового акта с точки зрения его финансовой обоснованности — это не формальная задача, а серьезный процесс, направленный на всестороннюю оценку всех потенциальных финансовых последствий принятия ведомственного нормативного правового акта. Подготовленное финансово-экономическое обоснование подлежит обязательной экспертизе как соответствующими службами самого ведомства, так и вышестоящими структурами. Таким образом, финансово-экономическое обоснование является важнейшей частью нормотворческой деятельности и требует тщательной проработки и анализа. В качестве возможного инновационного средства, позволяющего оценить финансовую реализуемость проекта ведомственного нормативного правового акта, можно назвать такой финансовый инструмент, как *Cost-benefit analysis* (далее — *CBA*), который используется предприятиями и организациями для оценки общей ожидаемой стоимости проекта и сравнение

ее с ожидаемыми выгодами. В целом цель *СВА* можно определить как получение ответа на вопрос о том, перевешивают ли выгоды затраты и насколько, позволяют говорить о прибыльности и, соответственно, жизнеспособности проекта. Безусловно, все, что касается принятия новых ведомственных нормативных правовых актов, должно быть оценено с экономической точки зрения, чтобы не допустить излишнего использования бюджетных средств. Ввиду этого использование на этапе подготовки проекта нормативного правового акта такого инструмента, как *СВА*, по нашему мнению, будет способствовать экономии государственного бюджета и рациональному использованию его средств.

Проведение правовой и антикоррупционной экспертизы.

На сегодняшний день помочь упростить проведение правовой и антикоррупционной экспертизы способны такие инновационные средства юридической техники, как средства ИИ, способные проанализировать большой объем страниц, выявляя возможные случаи появления коррупциогенных факторов или иные дефекты. Однако, несмотря на широкие возможности ИИ, полностью заменить человека при проведении правовой и антикоррупционной экспертизы ведомственных нормативных правовых актов нельзя, поскольку, во-первых, юридическая экспертиза требует глубокого понимания контекста и различных нюансов, но компьютерные алгоритмы способны лишь формально проверить текст, а глубина анализа и понимание политических, культурных и исторических аспектов остается прерогативой профессионалов-юристов. Во-вторых, антикоррупционная экспертиза требует выявления латентных признаков коррупционного потенциала, которые часто зависят от психологических и социальных факторов, учесть которые компьютерные программы, несмотря на развитие технологий, пока не способны.

Подписание (утверждение) нормативного правового акта.

Подписание (утверждение) нормативного правового акта является важным этапом в процессе ведомственного нормотворчества. Учитывая, что некоторые нормативные акты требуют согласования с несколькими ведомствами, особую значимость приобретают инновационные средства юридической техники, позволяющие обеспечить быстроту и безопасность процедуры подписания. Инновационное средство юридической техники, которое может быть использовано на данном этапе, — это технология блокчейн.

Сегодня в Российской Федерации имеется опыт применения блокчейна на выборах разных уровней. В правотворчестве он применяется редко, однако опыт его использования все же имеется (например, при проведении общероссийского голосования по поправкам к Конституции Российской Федерации). Кроме того, некоторые исследователи акцентируют внимание на возможности использования указанной технологии в парламентской и внутрипартийной деятельности, связанной с рассмотрением проектов нормативных правовых актов [14]. Мы убеждены, что названную технологию можно использовать и при рассмотрении проектов ведомственных нормативных правовых актов, которые требуют как внутриведомственного, так и межведомственного согласования (когда речь идет о совместном нормативном правовом акте).

Кроме того, стандартом для подписания официальной документации де-факто стала электронная цифровая подпись (далее — ЭЦП). В случаях принятия ведомственных нормативных правовых актов использование ЭЦП позволяет подписывать документы удаленно, сохраняя гарантии подлинности и отсутствия фальсификации.

Государственная регистрация нормативных правовых актов Министерством юстиции Российской Федерации. Государственная регистрация нормативных правовых актов представляет собой процедуру проверки нормативных актов, изданных федеральными органами исполнительной власти, на соответствие целому ряду критериев (проверка законности, оценка регуляции, контроль соблюдения прав и свобод и т. д.) и включение названных актов в единый государственный реестр. На данном этапе возникает необходимость использования целого ряда инновационных средств юридической техники, многие из которых уже назывались: это и анализ больших данных (*Big Data*), и алгоритмы ИИ, и компьютерные программы по проверке лингвистики.

Официальное опубликование является заключительным этапом ведомственного нормотворчества. Говоря о нем, стоит отметить, что современные информационные технологии уже позволяют осуществлять официальное опубликование нормативных правовых актов электронным способом на официальных сайтах.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод о том, что сегодня существует возможность использования инновационных средств юридической техники на каждом из этапов

ведомственного нормотворчества. Более того, мы убеждены, что в нем есть необходимость, которая объясняется такими факторами, как: сложность и объем ведомственного нормотворческого процесса, необходимость оперативного реагирования на изменения в регулируемых ведомственными актами отношениях, значимость прозрачности нормотворческой деятельности, постоянный рост нагрузки на систему государственного управления, активное развитие цифровых технологий, рост влияния ИИ.

В то же время анализ сложившейся практики ведомственного нормотворчества свидетельствует о том, что применяются инновационные средства юридической техники не так уж и часто, и связано это с целым рядом причин, в их числе: технические ограничения, отсутствие необходимого финансирования, недостаток высококвалифицированных кадров, риск неэффективности и ошибок, непринятие инноваций.

Надо отметить, что положительные эффекты от внедрения в ведомственное нормотворчество инновационных средств юридической техники явно превосходят негативные, ввиду этого необходима специальная государственная программа, реализация которой позволила бы преодолеть сдерживающие факторы и начать применять инновационные средства юридической техники в ведомственном нормотворчестве повсеместно.

Список источников

1. Давыдова М. Л. Инновационные правотворческие технологии и проблемы их применения // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 158–165.
2. Кулик О. В. Принцип инновационности правотворчества // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 343–345.
3. Минеева Т. Г., Иммаева Б. А. Инновации в деятельности органов исполнительной власти по автоматизации и цифровизации документационных процессов // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 529–535.
4. Червонюк В. И. Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности. Статья 7. Инновационные технологии восприятия и осуществления права // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 298–304.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник. 2000. 940 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург. 2008. 1534 с.
7. Герасимова Н. Р., Цукарев А. Е. Актуальные проблемы ведомственного правотворчества // Пробелы в

российском законодательстве. Юридический журнал. 2020. № 2. С. 12–15.

8. Иванов С. А., Гермер В. М. Формирование понятия ведомственного нормативного правового акта // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 19–21.

9. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 года № 1009 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 33, ст. 3895.

10. Часовских В. П., Балакина Д. С. Источники *Big Date* и сферы ее применения // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 111-8. С. 107–109.

11. Елисеева В. С. Автоматизированный учет нормативного материала как форма систематизации законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 232–236.

12. Сакулина Ю. В., Ионова Е. Б. Технология майндмэппинга в системе высшего образования будущих юристов // Проблемы современного образования. 2023. № 2. С. 201–208.

13. Об утверждении формы финансово-экономического обоснования решений, предлагаемых к принятию проектом акта: приказ Министерства финансов Российской Федерации от 10 мая 2023 года № 65н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.08.2025).

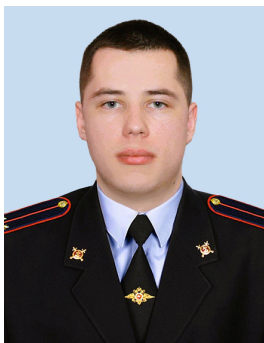
14. Технология блокчейн в правотворчестве: опыт применения / С. С. Зенин, Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, И. М. Япрынцев // Проблемы права. Конституция, государство и общество. 2020. № 2 (76). С. 46–50.

References

1. Davydova M. L. Innovative law-making technologies and problems of their application. *Legal technology*, 2021, no. 15, pp. 158–165. (In Russ.).
2. Kulik O. V. The principle of innovative law-making. *Legal technology*, 2021, no. 15, pp. 343–345. (In Russ.).
3. Mineeva T. G., Immaeva B. A. Innovations in the activities of executive bodies on automation and digitalization of documentation processes. *Legal technique*, 2021, no. 15, pp. 529–535. (In Russ.).
4. Chervonyuk V. I. Innovations in law: modern legal technologies in the context of digital reality. Article 7. Innovative technologies for the perception and implementation of law. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 6, pp. 298–304. (In Russ.).
5. Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: Azbukovnik, 2000, 940 p. (In Russ.).
6. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / ed. by S. A. Kuznetsov. Saint-Petersburg. 2008, 1534 p. (In Russ.).

7. Gerasimova N. R., Tsukarev A. E. Actual Problems of Departmental Lawmaking. *Gaps in Russian Legislation. Law Journal*, 2020, no. 2, pp. 12–15. (In Russ.).
8. Ivanov S. A., Germer V. M. Formation of the Concept of a Departmental Normative Legal Act. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 5, p. 19–21. (In Russ.).
9. On Approval of the Rules for the Preparation of Regulatory Legal Acts of Federal Executive Bodies and Their State Registration: resolutions of the Government of the Russian Federation of August 13, 1997, no. 1009. *Collection of Legislation of the RF*, 1997, no. 33, art. 3895. (In Russ.).
10. Chasovskikh V. P., Balakina D. S. Big Data Sources and Its Application Areas. *Trends in the Development of Science and Education*, 2024, no. 111-8, pp. 107–109. (In Russ.).
11. Eliseeva V. S. Automated Accounting of Regulatory Material as a Form of Systematization of Legislation. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no 1 (41), 2018, pp. 232–236. (In Russ.).
12. Sakulina Yu. V., Ionova E. B. Mind mapping technology in the system of higher education of future lawyers. *Problems of modern education*, 2023, no 2, pp. 201–208. (In Russ.).
13. On approval of the form of financial and economic justification for decisions proposed for adoption by the draft act: Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated no. 65n May 10, 2023. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.08.2025). (In Russ.).
14. Technology in lawmaking: application experience / S. S. Zenin, D. L. Kuteinikov, O. A. Izhaev, I. M. Yaprntsev. *Problems of Law. Constitution, State and Society*, 2020, no. 2 (76), pp. 46–50. (In Russ.).

Научная статья
УДК 343.13

Юридическая природа и процессуальная реализация института подозрения в уголовном процессе Германии

Танисов Роман Антонович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, rtanisov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию института подозрения в системе уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия. Актуальность темы обусловлена фундаментальной ролью, которую данная процессуальная категория играет в обеспечении баланса между эффективностью уголовного преследования и незыблемостью гарантий прав личности на досудебных стадиях процесса. Основа исследования сосредоточена на выявлении юридической природы системной структуры и процедурных механизмов реализации подозрения как многогранного правового феномена в немецкой правовой традиции. Установлено, что немецкая модель института подозрения характеризуется развитой многоуровневой структурой, где каждому уровню соответствует строго определенный комплекс процессуальных полномочий органов уголовного преследования и адекватных ему правовых гарантий, предоставленных субъекту, в отношении которого оно направлено. В статье уделено внимание конституционно-правовым основаниям и механизмам судебного контроля, обеспечивающим соразмерность ограничения прав личности тяжести возникающего подозрения. Сделан вывод о том, что германский опыт представляет собой целостную и сбалансированную систему, в которой доктринальные разработки, законодательные предписания и правоприменительная практика находятся в состоянии постоянного диалектического взаимодействия. Выявленные закономерности и системные характеристики могут служить теоретической моделью для совершенствования соответствующих институтов национального уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс Германии, институт подозрения, первичное подозрение, достаточное подозрение, существенное подозрение, процессуальные гарантии, соразмерность, уголовно-процессуальная доктрина

Для цитирования: Танисов Р. А. Юридическая природа и процессуальная реализация института подозрения в уголовном процессе Германии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 274–278.

Original article

The legal nature and procedural implementation of the institution of suspicion in German criminal proceedings

Roman A. Tanisov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, rtanisov@mail.ru

© Танисов Р. А., 2025

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the institution of suspicion in the criminal justice system of the Federal Republic of Germany. The relevance of the topic is due to the fundamental role that this procedural category plays in ensuring a balance between the effectiveness of criminal prosecution and the inviolability of guarantees of individual rights at the pre-trial stages of the process. The research focuses on identifying the legal nature, systemic structure, and procedural mechanisms of suspicion as a multifaceted legal phenomenon in the German legal tradition. As a result of the conducted research, it was established that the German model of the institution of suspicion is characterized by a developed multi-level structure, where each level corresponds to a strictly defined set of procedural powers of the criminal prosecution authorities and adequate legal guarantees for the person. Special attention is paid to the constitutional and legal grounds and judicial control mechanisms that ensure the proportionality of the restriction of individual rights to the severity of the suspicion. Based on the results of the study, it is concluded that the German experience is an integrated and balanced system in which doctrinal developments, legislative prescriptions and law enforcement practice are in a state of constant dialectical interaction. The revealed patterns and system characteristics can serve as a theoretical model for improving the relevant institutions of national criminal procedure legislation.

Keywords: German criminal procedure, institution of suspicion, primary suspicion, sufficient suspicion, substantial suspicion, procedural guarantees, proportionality, criminal procedure doctrine

For citation: Tanisov R. A. The legal nature and procedural implementation of the institution of suspicion in German criminal proceedings. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 274–278. (In Russ.).

Концепция подозрения занимает центральное место в системе уголовного судопроизводства Германии, выполняя роль фундаментального процессуального института, опосредующего взаимосвязь между властными полномочиями государства и правами личности. Юридическая природа подозрения раскрывается через его двойственную функцию: с одной стороны, оно выступает необходимым условием для осуществления уголовного преследования, а с другой — служит процессуальным барьером, ограничивающим произвольное вторжение в правовую сферу индивида.

Теоретическое осмысление категории «подозрение» в немецкой доктрине характеризуется глубокой разработкой и системностью. Как отмечал классик немецкой процессуальной науки К. Роксин, «...подозрение не является единой и монолитной категорией, но представляет собой градуированную систему уровней вероятности, каждому из которых законодатель придает строго определенные юридические последствия» [1, с. 153]. Данная многоуровневая конструкция, включающая первичное подозрение (*Anfangsverdacht*), существенное подозрение (*dringender Tatverdacht*) и достаточное подозрение (*hinreichender Tatverdacht*), представляет собой методологический каркас всего досудебного производства.

Возникновение и развитие учения о подозрении неразрывно связано с конституционно-правовым развитием Федеративной Республики Германия после 1949 года. Принцип правового

государства (*Rechtsstaatsprinzip*), закрепленный в статье 23 Основного закона Германии, а также гарантии человеческого достоинства (ст. 1) и права на свободу (ст. 2) были интерпретированы Федеральным конституционным судом в качестве нормативных оснований, требующих соразмерного ограничения прав личности [2]. В своей знаковой практике Федеральный Конституционный Суд Германии неоднократно указывал, что любое процессуальное действие, сопряженное с вмешательством в основные права, должно основываться на подозрении, степень тяжести которого адекватна предполагаемому ограничению. Таким образом, конституционная доктрина соразмерности (*Verhältnismäßigkeit*) стала тем краеугольным камнем, который предопределил дифференциацию уровней подозрения и их корреляцию с принудительными мерами.

Важно подчеркнуть, что дифференциация уровней подозрения в германском уголовном процессе представляет собой не теоретическую абстракцию, а практический механизм, определяющий правомочия органов уголовного преследования на каждом этапе досудебного производства. Реализация данной концепции осуществляется через строгую привязку конкретных процессуальных действий к требуемой степени вероятности виновности лица.

Первичное подозрение, регламентированное § 152 (2) Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Германии, служит процессуальным триггером, обязывающим прокуратуру возбуждать официальное производство. Как

разъясняет Федеральная судебная палата (BGH), этот минимальный порог считается преодоленным, когда на основании конкретных фактов с учетом криминалистического опыта совершение преступления представляется вероятным. Профессор У. Зибер в своих комментариях к УПК подчеркивает, что «...эти факты должны быть предметно установлены и документально зафиксированы, что исключает возможность возбуждения дела на основе анонимных заявлений или предположений» [3, с. 5–6]. Несмотря на низкий уровень достоверности, наличия первичного подозрения достаточно для проведения широкого спектра следственных действий, включая обыск (§ 102), выемку (§ 94 и следующие) и судебно-медицинскую экспертизу (§ 81a). Данные меры, по мнению правоведов, оправданы необходимостью оперативного реагирования для сохранения следов преступления, однако их применение должно соответствовать принципу соразмерности.

Существенное подозрение, требуемое § 112 (1) УПК Германии, представляет качественно иной уровень обоснованности. Как установлено в практике BGH (BGHSt 38, 276), оно предполагает высокую степень вероятности, основанную на совокупности допустимых доказательств, собранных на момент оценки [4]. Наличие достаточного подозрения выступает процессуальным условием для заключения под стражу, поскольку именно эта степень уверенности позволяет признать обоснованным столь серьезное ограничение прав личности. Аналогичным образом существенное подозрение требуется для временного лишения водительских прав (§ 111a), что демонстрирует его роль как универсального стандарта для любых мер, существенно затрагивающих правовой статус лица.

Достаточное подозрение, предусмотренное § 170 (1) УПК Германии, завершает досудебное производство, выступая основанием для направления обвинительного заключения в суд. Его критерий, как формулирует профессор Л. Мейер-Гобнер, заключается в том, что «...вероятность будущего осуждения превышает вероятность оправдания» [5, с. 423]. Данная оценка носит прогностический характер и требует от прокурора анализа не только собранных, но и ожидаемых доказательств. В этом заключается ключевое отличие от существенного подозрения: если оно констатирует высокую вероятность совершения преступления обвиняемым, то достаточное подозрение предполагает оценку перспектив успешного поддержания обвинения в суде.

Соотношение между уровнями подозрения характеризуется динамическим развитием. Как справедливо отмечает исследователь Б. Бьюльке, «...существенное подозрение может возникнуть раньше достаточного подозрения в ходе расследования, однако к моменту подачи обвинительного заключения существенное подозрение должно достигать более высокого уровня достоверности, трансформируясь в убежденность обвинителя» [6, с. 81]. Такой подход обеспечивает поэтапное наращивание процессуальных гарантий: по мере увеличения интенсивности вмешательства государства в права личности повышается и требуемая степень обоснованности подозрения.

Реализация данной системы на практике обеспечивается институтом судебного контроля. Как подчеркивает Федеральный Конституционный Суд Германии, оценка соответствия уровня подозрения требуемому стандарту не может оставаться на усмотрение органов уголовного преследования. Судья обязан самостоятельно проверить фактическое обоснование подозрения, что выступает важнейшей гарантией против произвольного применения принудительных мер. Такая проверка, как отмечает Я. М. Плошкина, «...должна быть особенно тщательной при применении мер, связанных с лишением свободы, где стандарт существенного требует максимально объективного подтверждения» [7, с. 95].

Следовательно, процессуальная реализация уровней подозрения в германском уголовном процессе образует целостную систему, где степень обоснованности подозрения определяет допустимые пределы государственного вмешательства, обеспечивая баланс между эффективностью уголовного преследования и защитой основных прав личности.

Существенной характеристикой немецкой уголовно-процессуальной системы выступает тесная корреляция между возникновением и развитием подозрения и действием комплексного механизма гарантий прав личности. Институциональное обеспечение данного механизма направлено на неукоснительное соблюдение принципа соразмерности. Ключевая роль в этой системе отводится институту судебного контроля (*Richtervorbehalt*), который, будучи конституционно закрепленным, выступает обязательной предпосылкой для любого существенного ограничения основных прав.

Как справедливо отмечает немецкий процессуалист И. Фридрих, «...судебная проверка обоснованности подозрения представляет собой не формальность, а действенное средство защиты

от произвольных действий государства» [8, с. 48]. Правовая позиция Федерального Конституционного Суда Германии развивает этот подход, устанавливая требование о немедленном уведомлении лица о характере и основании возникшего в его отношении подозрения, что создает необходимые условия для реализации права на эффективную защиту. В данном контексте право на молчание и право на получение консультации защитника до проведения первого допроса приобретают статус фундаментальных элементов справедливого судопроизводства, обеспечивающих процессуальное равенство сторон.

Особую значимость в гарантийном механизме имеет институт судебной проверки законности ареста (*Haftprüfung*), регламентированный § 117 УПК Германии. Как разъясняется в постановлении Федеральной судебной палаты (*BGHSt* 45, 158), данная процедура возлагает на суд обязанность не только оценки соблюдения формальных условий для заключения под стражу, но и проверки соответствия интенсивности подозрения критерию соразмерности. Важно подчеркнуть, что бремя доказывания обоснованности применения столь строгой меры пресечения возлагается на прокуратуру, что является прямым следствием действия презумпции невиновности.

Следовательно, германская процессуальная модель демонстрирует глубокую интеграцию судебного контроля на всех стадиях развития подозрения, что обеспечивает реальный, а не декларативный характер гарантий прав личности и соответствие применяемых мер принуждения конституционному принципу соразмерности.

Нельзя не подчеркнуть, что анализ германской модели института подозрения выявляет системные пробелы в регламентации данного института в российском уголовном процессе. УПК Российской Федерации, в отличие от немецкого законодательства, не содержит дифференцированной системы уровней подозрения, что приводит к правовой неопределенности при применении мер процессуального принуждения. Как справедливо отмечает Я. М. Плошкина, «...отсутствие четких критериев разграничения оснований для различных процессуальных решений создает предпосылки для произвольного ограничения прав личности на досудебных стадиях» [9, с. 39].

Опыт Германии демонстрирует эффективность модели, при которой каждый уровень подозрения коррелирует с конкретными процессуальными

последствиями. Введение аналогичной градации в УПК РФ позволило бы установить соразмерность между степенью доказательственной обоснованности подозрения и интенсивностью применяемых мер принуждения. Особую актуальность приобретает закрепление требования о наличии существенного подозрения для применения заключения под стражу, что соответствует конституционному принципу ФРГ соразмерности.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Германская модель института подозрения представляет собой целостную систему, основанную на принципе процессуальной экономии и дифференциации уровней доказывания.

Конституционно-правовые гарантии и институт судебного контроля обеспечивают эффективность реализации данной модели в правоприменительной практике.

Сравнительный анализ выявил существенные расхождения в регламентации института подозрения в УПК РФ и УПК Германии, касающиеся определенности критериев и системности регулирования.

Доктринальная разработанность института подозрения в немецкой правовой науке служит теоретической основой для совершенствования законодательства.

Итак, германский опыт построения института подозрения обладает значительным имплементационным потенциалом для совершенствования российского уголовного процесса. Рецепция ключевых элементов данной модели — дифференциации уровней подозрения, усиления судебного контроля на досудебных стадиях, формализации момента возникновения статуса подозреваемого — могла бы способствовать достижению оптимального баланса между интересами уголовного преследования и защитой прав личности. Успех такой реформы зависит от ее системного характера, предполагающего не только внесение изменений в УПК РФ, но и развитие соответствующих правовых позиций высших судебных инстанций, а также формирование единообразной правоприменительной практики.

Список источников

1. Роксин К., Шюнеманн Б. Уголовно-процессуальное право Германии: учебник. 30-е изд. Мюнхен: К. Х. Бек, 2022. 592 с.
2. Конституция Федеративной Республики Германия 1949 года. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/German_Federal_Republic_2014 (дата обращения: 19.09.2025).

3. Зибер У. Уголовное право и уголовно-процессуальное право в эпоху цифровых технологий // Журнал общей науки уголовного права. 2019. Т. 131, ч. 1. С. 1–38.

4. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ — Научно-практический комментарий и перевод текста закона. URL: <https://d-nb.info/1219660698/34> (дата обращения: 17.09.2025).

5. Мейер-Гобнер Л., Шмитт Б. Уголовно-процессуальный кодекс с GVG и дополнительными законами: комментарий. 64-е изд. Мюнхен: К. Х. Бек, 2021. 790 с.

6. Бьюльке В. Уголовно-процессуальное право. 14-е изд. Гейдельберг: К. Ф. Мюллер, 2019. 558 с.

7. Плошкина Я. М. Подозрение в немецком уголовном процессе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 93–97.

8. Фридрих Й. Право на молчание в немецком уголовном процессе: современные вызовы и гарантии / пер. с нем. А. В. Смирнова // Уголовный процесс. 2021. № 5. С. 45–52.

9. Плошкина Я. М. Учение о подозрении в уголовных процессах России и Германии // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 1. С. 36–43.

References

1. Roxin K., Schünemann B. Criminal Procedure Law of Germany: textbook. 30th ed. Munich: K. H. Beck, 2022. 592 p. (In Russ.).

2. Constitution of the Federal Republic of Germany of 1949. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/German_Federal_Republic_2014 (accessed 19.09.2025). (In Russ.).

3. Sieber U. Criminal Law and Criminal Procedure Law in the Digital Age. *Journal of General Science of Criminal Law*, 2019, vol. 131, part 1, pp. 1–38. (In Russ.).

4. Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany — Scientific and Practical Commentary and Translation of the Text of the Law. URL: <https://d-nb.info/1219660698/34> (accessed 17.09.2025). (In Russ.).

5. Meyer-Gobner L., Schmitt B. The Code of Criminal Procedure with the GVG and Supplementary Acts: commentary. 64th ed. Munich: K. H. Beck, 2021. 790 p. (In Russ.).

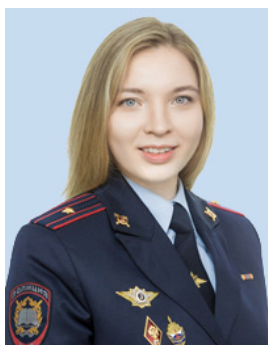
6. Bjuhlke W. Criminal Procedure Law. 14th ed. Heidelberg: K. F. Müller, 2019. 558 p. (In Russ.).

7. Ploshkina Ya. M. Suspicion in German Criminal Procedure. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 2, pp. 93–97. (In Russ.).

8. Friedrich J. The Right to Silence in German Criminal Procedure: Modern Challenges and Guarantees / tran. from German by A. V. Smirnova. *Criminal Procedure*, 2021, no. 5, pp. 45–52. (In Russ.).

9. Ploshkina Ya. M. The Doctrine of Suspicion in Criminal Procedures in Russia and Germany. *Legal Bulletin of Samara University*, 2019, no. 1, pp. 36–43. (In Russ.).

Научная статья
УДК 343.364

О признаках фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности

Тихонова Елизавета Николаевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, etikhonova123@yandex.ru

Аннотация. В статье исследованы научные подходы к пониманию фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-розыскной деятельности. На основе изученной литературы, нормативных правовых актов и правоприменительной практики нами предпринята попытка сформулировать собственное видение основных признаков анализируемого явления. В результате автор пришел к выводу о необходимости корректировки действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: фальсификация, доказательства, оперативно-розыскная деятельность, органы внутренних дел, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Тихонова Е. Н. О признаках фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 279–284.

Original article

On the signs of falsification of evidence and the results of investigative operations

Elizaveta N. Tikhonova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, etikhonova123@yandex.ru

Abstract. The article examines scientific approaches to understanding the falsification of evidence in a criminal case and the results of operational investigative activities. Based on the studied literature, regulatory legal acts and law enforcement practice, the author attempts to formulate his own vision of the main features of the phenomenon being analyzed, and comes to the conclusion that it is necessary to adjust the current criminal legislation.

Keywords: falsification, evidence, operational investigative activities, law enforcement agencies, criminal proceedings

For citation: Tikhonova E. N. On the signs of falsification of evidence and the results of investigative operations. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 279–284. (In Russ.).

© Тихонова Е. Н., 2025

Фальсификация доказательств по уголовному делу была предусмотрена еще первоначальной версией Уголовного кодекса Российской Федерации, а вот запрет на фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) законодательно появился в 2007 году. Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 211 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия терроризму» [1] в целях обеспечения соблюдения прав и свобод человека и гражданина ввел дополнительные запреты в деятельность сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих ОРД. Уголовная ответственность за совершение фальсификационных действий в отношении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) и их результатов как часть статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2] появилась лишь в 2012 году и нашла отражение в статье 303 УК РФ.

Структурно действующая редакция статьи 303 УК РФ разделена на четыре части. Второй и третьей частями анализируемой статьи предусмотрена уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу, а частью четвертой — за фальсификацию результатов ОРД. Осознавая нарастающую проблему фальсификации, законодатель с 1996 года по настоящее время несколько раз ужесточал санкцию по этой статье. Действующей редакцией вторая и четвертая части статьи 303 УК РФ отнесены к преступлениям средней тяжести, а вот третья — к тяжким преступлениям.

Таким образом, очевидным становится влияние фальсификации как результатов ОРД, так и доказательств по уголовному делу на досудебное производство. Даже малейший намек на совершение фальсификационных действий дает повод усомниться в итогах предварительного расследования. В дальнейшем тень сомнения может лечь и на предыдущие результаты служебной деятельности должностного лица-фальсификатора. Правильное толкование фальсификации результатов ОРД и доказательств по уголовному делу крайне важно для уголовного процесса, поскольку при совершении таких уголовно наказуемых деяний нарушаются основные принципы уголовного судопроизводства.

Несмотря на законодательно закрепленный запрет совершения фальсификационных действий, стоит констатировать увеличение степени распространенности данного негативного

явления по сравнению с аналогичными периодами прошлых лет. Согласно статистическим данным, за 2023 год по частям 2–4 статьи 303 УК РФ осуждены 57 лиц: 3 из которых приговорены к лишению свободы, 34 — к лишению свободы условно, 11 — к ограничению свободы, 5 — к штрафу, а 1 — к обязательным работам. Всего пять человек оправдано по различным причинам. Для сравнения: общее число привлеченных к уголовной ответственности в 2022 году составило 54 лица, в 2021 году — 46 лиц, оправданных нет [3]. Данные показатели свидетельствуют не столько о нераспространенности фальсификации, сколько о латентности данной категории преступлений.

Что же следует понимать под фальсификацией? Ни один нормативный правовой акт федерального или ведомственного уровня не закрепил понятия «фальсификация». Он указывается только в диспозиции статьи 303 Особенной части УК РФ, однако его содержание не конкретизировано. Разъяснительные постановления судов раскрывают это понятие через объективную сторону фальсификации. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 28 июня 2022 года № 20 (далее — постановление Пленума № 20) указал, что фальсификация доказательств заключается в предоставлении должностному лицу органа предварительного расследования или суду заведомо поддельных предметов и документов либо в подделке и приобщении в качестве вещественных доказательств предметов и документов уполномоченным должностным лицом [4]. К фальсификации результатов ОРД постановление Пленума № 20 предлагает относить умышленное внесение в служебные документы недостоверных сведений о результатах ОРД и предоставление поддельных объектов материальных носителей информации.

Ключевыми признаками, которые законодатель заложил в смысл фальсификации, являются «поддельность», «подлог» доказательства или результата ОРД. Толковый словарь Д. Н. Ушакова определяет фальсификацию как «...подделку чего-либо (то есть изменение вида или свойства какого-нибудь предмета с целью обмана, для того, чтобы выдать его за предмет другого вида или качества), а также как подмену чего-нибудь (подлинного, настоящего) ложным, мнимым» [5]. Именно искажение действительного смысла объектов, выступающих доказательствами или результатами ОРД, большинство теоретиков и предлагают понимать под фальсификацией [6, с. 108]. Таким образом, здесь отражен

важный признак подложности, подразумевающий изменение реальности.

Имеется и другая точка зрения, предлагающая более широкое понимание, чем законодательные формулировки. Ю. А. Цветков полагает, что фальсификация доказательств возможна и в форме бездействия. Он приводит в пример ситуацию, когда следователь, составляя протокол осмотра места происшествия, не фиксирует следы преступления [7, с. 92]. По аналогии можно умолчать и о факте проведения ОРМ. Однако в результате такого бездействия обстоятельства совершенного преступления не меняются. В этом случае никакой процессуальный документ, доказательство или результат ОРД не подделываются, в них не заносятся ложные сведения. Следовательно, бездействие, на наш взгляд, не может квалифицироваться как фальсификация.

С. С. Шестало предлагает также включить в объективную сторону преступления уничтожение доказательств [8]. По нашему мнению, данный вопрос также является спорным. Ликвидация доказательства — негативный фактор, препятствующий установлению обстоятельств произошедшего и изобличению лица, виновного в совершении преступления. Но в результате таких действий в материалах уголовного дела не появляются подложное доказательство или результат ОРД. Предлагаемые С. С. Шестало действия логичнее квалифицировать по статье 286 УК РФ («Превышение должностных полномочий» или статья 325 УК РФ («Похищение или повреждение документов, штампов, печатей...»)).

Правоприменительная практика предлагает отнести к фальсификации и другие действия (например, в июне 2024 года Шуйский городской суд Ивановской области признал адвоката виновным по ч. 3 ст. 303 УК РФ [9]). Суд резюмировал, что фальсификация доказательств выразилась в склонении потерпевшей к даче ложных показаний. С такой позицией сложно согласиться, хотя решение осталось неизменным и после апелляционной инстанции. Сошлемся на постановление Пленума № 20, в котором содержится указание о необходимости квалификации таких деяний по статье 309 УК РФ («Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу»). Квалификация действий адвоката по статье 309 УК РФ была бы более логичной.

Таким образом, объективная сторона фальсификации выражена в форме активных

действий, направленных на создание ложных или изменение доказательств по уголовному делу. Данной позиции можно придерживаться и для фальсификации результатов ОРД.

Переходя к характеристике субъекта фальсификации, отметим, что диспозиции некоторых частей статьи 303 УК РФ содержат указания на специальный субъект. Так, в части второй статьи 303 УК РФ закреплён перечень лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств: следователь, дознаватель, защитник или прокурор. По нашему мнению, перечень таких лиц шире, чем предложенный законодатель. Это представитель потерпевшего, гражданского лица и частного обвинителя. Свидетели также участвуют в уголовном деле, имеют право на предоставление доказательств. Помимо прочего, исполняя поручения следователя по уголовному делу, сфальсифицировать доказательства может и сотрудник органа дознания, который фактически в момент проведения какого-либо следственного действия подменяет следователя.

В. Л. Бердников констатирует, что в зарубежных странах за аналогичные преступления привлекаются и работники суда [10, с. 88]. С этим можно согласиться. Действительно, сфальсифицировать материалы уголовного дела можно и в период от поступления дела в суд до его рассмотрения судьей.

Часть третья статьи 303 УК РФ вообще не акцентирует внимание на субъекте преступления. Получается, что сфальсифицировать доказательства по тяжкому или особо тяжкому преступлению, в отличие от преступлений иных категорий, может более широкий круг лиц, допущенных к уголовному процессу, раз на это не указано в диспозиции к статье. Например, в 2009 году Р. Н. совместно с сотрудниками правоохранительных органов подбросил наркотическое средство, а затем участвовал как понятой при его изъятии, что нашло отражение в соответствующих процессуальных документах. Осознавая, что перед досмотром у задержанного при себе нет запрещённых предметов, а предметы эти появятся в результате «подброса», осуждённый понимал, что последующее привлечение к уголовной ответственности через возбуждение дела по тяжкому преступлению по сфальсифицированным ими доказательствам будет незаконным. Следователями, а затем и судом Свердловской области его действия были квалифицированы по части 3 статьи 303 УК РФ [11]. В приведённом случае Р. Н. не был ни дознавателем, ни следователем, ни прокурором

или защитником, однако признан фальсификатором доказательств по тяжкому преступлению.

Выходит, что субъектами фальсификации доказательств по уголовному делу могут быть должностные лица, осуществляющие расследование уголовного дела, или лица, их замещающие, работники суда и участники уголовного судопроизводства. На наш взгляд, неправильно ставить в зависимость от категории преступления круг субъектов фальсификации доказательств. В связи с этим требуется рассмотреть вопрос об исключении из части 2 статьи 303 УК РФ указания на специальный субъект.

Частью 4 верно указан специальный субъект преступления — лицо, уполномоченное на проведение ОРМ. В данном случае идет прямая отсылка к федеральному закону «Об ОРД», в котором дан точный перечень органов, которым предоставлено право проводить ОРД [12]. Согласно статье 13 ФЗ «Об ОРД» этот список может быть изменен или дополнен только федеральным законом. Подменять оперативные подразделения, проводя вместо них ОРМ, запрещено. Соответственно, сфальсифицировать результаты ОРД и в дальнейшем быть привлеченным к уголовной ответственности по части 4 статьи 303 УК РФ может только уполномоченное на ведение данной деятельности лицо — оперативный сотрудник.

Конструктивно статья 303 УК РФ не содержит указание на субъективную сторону преступления. Следует согласиться с мнением В. Л. Бердникова [13, с. 94], М. П. Ефимовой [14, с. 59] о безапелляционности факта совершения таких преступлений умышленно. Предоставляя или создавая ложные доказательства или результаты ОРД, лицо не может не знать об их мнимости. Следователь или дознаватель до приобщения к материалам уголовного дела обязан проверить новые предметы или документы, сопоставив с уже установленными обстоятельствами. При наличии противоречий сотрудник обязательно должен принять меры к их устранению. В случае выявления ложности доказательства существуют законные механизмы исправления ситуации по уголовному делу, например, вынесение постановления об отмене постановления о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств.

Если участник уголовного судопроизводства добросовестно заблуждается относительно источника происхождения доказательства или его объективности, расследование фальсификации должно охватывать и установление умысла. В случае отсутствия умысла надлежит

рассматривать вопрос о квалификации деяния по смежным статьям уголовного закона.

Не менее важным пунктом для понимания фальсификации является цель совершения фальсификационных действий. Вторая и третья части анализируемой статьи указания на такую специальную цель не содержат. Напротив, диспозицией части четвертой статьи 303 УК РФ такая цель предусмотрена: уголовное преследование лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо причинение вреда чести, достоинству и деловой репутации. По нашему мнению, цели намного шире и не всегда только такие, как предусмотрены диспозицией. Тогда возникают вопросы: «Как следует квалифицировать действия сотрудников, фальсифицирующих результаты ОРД, в отношении лиц, действительно совершающих преступления, когда имеющих фактов недостаточности для принятия процессуального решения? Почему указанные лица должны привлекаться к уголовной ответственности по другой статье Кодекса, ведь фактически они совершают идентичные действия — искажение объективной реальности произошедшего?». По нашему мнению, в результате совершения фальсификационных действий происходит недостижение истинного назначения уголовного судопроизводства: виновные лица не привлекаются к уголовной ответственности, а невиновные осуждаются за совершенные ими преступления. На наш взгляд, указывать эту цель в диспозиции статьи излишне, поскольку неблагоприятные последствия очевидны. Таким образом, часть 4 статьи 303 УК РФ нуждается в корректировке, исключая указание на цель совершения фальсификационных действий.

Подводя итог вышеизложенному, следует сказать, что термин «фальсификация» нуждается в уточнении и корректировке. По нашему мнению, представляется возможным сформулировать понятие «фальсификация» для целей частей 2, 3 статьи 303 УК РФ как «умышленное создание ложных или искажение доказательств по уголовному делу должностными лицами, осуществляющими расследование уголовного дела, или лицами, их замещающими, работниками суда или участниками уголовного судопроизводства, влияющее на достижение целей уголовного судопроизводства». Фальсификация результатов ОРД видится как умышленное создание ложных или искажение результатов ОРД сотрудником оперативных подразделений, влияющее на достижение целей уголовного судопроизводства.

Список источников

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: федеральный закон от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31, ст. 4008.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 8 января 2025 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2025).

3. Данные о назначенном наказании по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 03.06.2025).

4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 года № 20 // Российская газета. № 145. 2022.

5. Значение слова «фальсификация» // Академик: словари и энциклопедии URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1074766> (дата обращения: 10.06.2025).

6. Крутиков И. Л. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности: вопросы юридической техники // *Ius Publicum et Privatum*. 2024. № 2 (26). С. 102–112.

7. Цветков Ю. А. Вопросы объективной стороны фальсификации доказательств // *Уголовное право*. 2016. № 6. С. 90–97.

8. Шестало С. С. Фальсификация доказательств. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.06.2025).

9. Адвоката признали виновным в фальсификации доказательства в виде воздействия на потерпевшую. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokata-priznali-vinovnym-v-falsifikatsii-dokazatelstva-v-vide-vozdeystviya-na-poterpeвшuyu/?ysclid=m70f8gpbqs912616534> (дата обращения: 11.07.2025).

10. Бердников В. Л. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств как преступление против правосудия: сравнительно-правовой анализ // *Аграрное и земельное право*. 2022. № 6 (210). С. 87–91.

11. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 2 сентября 2015 года по делу № 22-7284/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.07.2025).

12. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2025).

13. Бердников В. Л. Субъективная сторона преступления, предусмотренного статьей 303 УК РФ //

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1(100). С. 87–97.

14. Ефимова М. П. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303 УК РФ) // *Апробация*. 2013. № 4 (7) С. 59–62.

References

1. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with Improving Public Administration in the Sphere of Countering Extremism: federal law no. 211-FZ of July 24, 2007. *Collected Legislation of the RF*, 2007, no. 31, art. 4008. (In Russ.).

2. Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on December 28, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on January 8, 2025). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 11.06.2025). (In Russ.).

3. Data on the Punishment Imposed under Articles of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal Information Agency. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (accessed 03.06.2025). (In Russ.).

4. On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Crimes Against Justice: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 20 of June 28, 2022. *Rossiyskaya Gazeta*, no. 145, 2022. (In Russ.).

5. The Meaning of the Word "Falsification". Academician: Dictionaries and Encyclopedias URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1074766> (accessed 10.06.2025). (In Russ.).

6. Krutikov I. L. Falsification of Evidence and Results of Operational-Investigative Activities: Issues of Legal Technique. *Ius Publicum et Privatum*. 2024, no. 2 (26), pp. 102–112. (In Russ.).

7. Tsvetkov Yu. A. "The Objective Aspects of Evidence Falsification". *Criminal Law*, 2016, no. 6, pp. 90–97. (In Russ.).

8. Shestalo, S. S. "Falsification of Evidence." Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 10.06.2025). (In Russ.).

9. A lawyer was found guilty of falsifying evidence by influencing the victim. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokata-priznali-vinovnym-v-falsifikatsii-dokazatelstva-v-vide-vozdeystviya-na-poterpeвшuyu/?ysclid=m70f8gpbqs912616534> (accessed 11.07.2025). (In Russ.).

10. Berdnikov V. L. Criminal Liability for Falsification of Evidence as a Crime against Justice: A Comparative Legal Analysis. *Agrarian and Land Law*, 2022, no. 6 (210), pp. 87–91. (In Russ.).

11. Appellate Ruling of the Sverdlovsk Regional Court of September 2, 2015, Case no. 22-7284/2015. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 18.06.2025). (In Russ.).

12. On operational-search activities: federal law no. 144-FZ of August 12, 1995. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 11.06.2025). (In Russ.).

13. Berdnikov V. L. "The Subjective Side of the Crime Provided for by Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation". *Bulletin of the East Siberian Insti-*

tute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022, no. 1 (100), pp. 87–97. (In Russ.).

14. Efimova M. P. "Falsification of Evidence and Results of Operational-Investigative Activities (Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation)." *Approbation*, 2013, no. 4 (7), pp. 59–62. (In Russ.).

Отзыв на автореферат кандидатской диссертации
УДК 34.01

**Доктринальная экспертиза федерального законотворчества
(концепция, практика, техника).
Отзыв на автореферат диссертации Веселова Игоря Геннадьевича на
тему «Научно-экспертное обеспечение законодательной деятельности
в федеральном законодательном процессе (теоретико-правовое
исследование)» (Санкт-Петербург, 2025. 26 с.), представленной
на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 5.1.1. (теоретико-исторические правовые науки)**

Баранов Владимир Михайлович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Baranov_prof@bk.ru,
orcid.org/0000-0003-2689-739X.

Для цитирования: Баранов В. М. Доктринальная экспертиза федерального законотворчества (концепция, практика, техника). Отзыв на автореферат диссертации Веселова Игоря Геннадьевича на тему «Научно-экспертное обеспечение законодательной деятельности в федеральном законодательном процессе (теоретико-правовое исследование)» (Санкт-Петербург, 2025. 26 с.), представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. (теоретико-исторические правовые науки) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 285–288.

Original article

Review of the abstract of a candidate's dissertation

**Doctrinal expertise of federal lawmaking (concept, practice, technique). Review
of the abstract of Veselov's Igor Gennadyevich dissertation on the topic
“Scientific and expert support of legislative activity in the federal legislative
process (theoretical and legal research)” (Saint Petersburg, 2025. 26 p.),
submitted for the degree of Candidate of Law in the specialty 5.1.1.
(theoretical and historical legal sciences).**

Vladimir M. Baranov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, baranov_prof@bk.ru, orcid.org/0000-0003-2689-739X.

For citation: Baranov V. M. Doctrinal expertise of federal lawmaking (concept, practice, technique). Review of the abstract of Veselov's Igor Gennadyevich dissertation on the topic “Scientific and expert support of legislative activity in the federal legislative process (theoretical and legal research)” (Saint

© Баранов В. М., 2025

Petersburg, 2025. 26 p.), submitted for the degree of Candidate of Law in the specialty 5.1.1. (theoretical and historical legal sciences). *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 285–288. (In Russ.).

Диссертационное исследование И. Г. Веселова посвящено актуальной теме, имеющей большое теоретическое, практическое и дидактическое значение в правовой жизни российского общества. Построение в России демократического правового государства и подлинного гражданского общества предполагают последовательное, целенаправленное, системное совершенствование организации законодательного процесса. При этом значимая роль должна отводиться совершенствованию его научно-экспертного обеспечения. Успех в этой работе во многом обусловлен уровнем развития национальной правовой системы, обеспечивающей эффективное функционирование всего механизма правового регулирования общественных отношений. Представленная работа является своевременной с точки зрения объективного осмысления сложных, противоречивых, динамичных современных политико-правовых процессов, происходящих в Российской Федерации.

Следует признать то обстоятельство, что в настоящее время изменение федерального законодательства не всегда осуществляется на научной основе (хотя определенные положительные сдвиги в этом направлении имеются). Это подтверждается количеством федеральных законов, в которые ежегодно вносятся изменения и дополнения российским парламентом. Такая ситуация во многом обусловлена недостаточной эффективностью научно-экспертного обеспечения законодательной деятельности, неоправданной спешкой при подготовке и принятии некоторых законов.

Судя по автореферату, автор правильно определил и убедительно раскрыл тему исследования, последовательно решая поставленные задачи, используя для этого различные методы исследования, эмпирический материал и практический опыт.

Научной новизной обладает понятие научно-экспертного обеспечения законодательной деятельности, которое в юридической науке не разработано. Для всестороннего исследования данного понятия автором были определены принципы его осуществления, субъекты, выявлены основные формы осуществления. Автором исследованы юридические технологии, направленные на повышение качества законодательных инициатив, проанализирована

нормативная правовая база, регламентирующая учет научного знания при осуществлении правотворческой работы. Акцентируется внимание на существующих проблемах научно-экспертного обеспечения законодательной деятельности. Основываясь на теоретической базе и законодательном опыте, соискателем обоснованы пути их решения. И. Г. Веселов сформулировал и ввел в научный оборот и другие понятия, касающиеся проблематики исследования. Например, новизной обладает авторское определение понятия «научная экспертиза законопроекта». Кроме этого, элементами новизны обладают сделанные автором важные обобщения и выводы, расширяющие и дополняющие научные знания по вопросам научно-экспертного обеспечения законодательной деятельности. Важное значение имеют предложенные автором пути и способы оптимизации парламентской законопроектной работы.

Таким образом, можно констатировать, что диссертант успешно применил комплексную методологию к исследованию проблем научно-экспертного обеспечения законодательной деятельности как целостной системы во взаимосвязи составляющих ее элементов, что не просто определило научную ценность и практическую полезность работы, но и позволило исследовать научно-экспертное обеспечение законодательной деятельности в федеральном законодательном процессе в его различных аспектах.

Работа имеет теоретическое и практическое значение, содержит решение проблемы, имеющей важное значение для развития современной науки теории государства и права. Теоретическая и практическая значимость исследования не вызывают сомнения, поскольку полученные результаты являются важным вкладом в научную разработку проблем общей теории государства и права, а точнее законотворчества. Предложенные автором понятия, выводы и обобщения существенно дополняют и расширяют знания по проблемам научно-экспертного обеспечения законодательной деятельности в федеральном законодательном процессе.

Практическая значимость исследования заключается в том, что высказанные в диссертации предложения могут быть учтены и использованы в работе по совершенствованию организации научно-экспертного обеспечения

законодательной деятельности как в федеральном, так и региональных законодательных процессах, в том числе при внесении соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, регламенты законодательных органов. Многие положения и результаты исследования могут быть использованы для подготовки практических рекомендаций и частных методик при организации экспертной законопроектной работы. Помимо этого, результаты диссертационной работы могут и должны быть использованы в преподавательской деятельности, в вузовском образовательном пространстве.

Судя по автореферату, диссертационная работа прошла достаточную апробацию, свидетельствующую о достоверности полученных знаний. Содержащиеся в ней основные положения, выводы и предложения нашли отражение в 17 публикациях, из которых 8 статей опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Вместе с тем, как и всякое творческое самостоятельное монографическое исследование, работа И. Г. Веселова не свободна от некоторых недостатков и спорных положений.

Первое. На странице 18 автореферата соискатель пишет, что «в качестве эффективного инструмента формирования краткосрочных планов законопроектных работ в диссертации выделен правовой мониторинг». Указывает, что «на конкретных примерах показано использование этой юридической технологии для планирования законопроектных работ в субъектах Российской Федерации». Однако в разделе, посвященном методологии исследования, не указаны социологические методы исследования. Данное мое замечание основано на том, что правовой мониторинг — это метод комплексной оценки нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, которая осуществляется преимущественно при помощи социологической методологии.

Второе. Во втором положении, выносимом на защиту, автор справедливо отмечает, что «научно-экспертное обеспечение законодательной деятельности в федеральном законодательном процессе должно осуществляться на

основе определенных принципов». Но по непонятным причинам он не перечисляет их. В этой связи второе положение, выносимое на защиту, не только выглядит очень лаконично, оно «повисает в воздухе».

Третье. Предложение о создании при российском парламенте научной организации (стр. 7, 13 автореферата), хотя логично и вытекает из предлагаемого автором подхода к повышению научной обоснованности законодательной деятельности, на практике вряд ли реализуемо, поскольку в стране уже действуют несколько разноплановых научно-исследовательских институтов и центров в сфере права.

Четвертое. Спорно утверждение автора на странице 11 о том, что «...полноценная независимость законодательной власти от исполнительной может быть достигнута только путем наличия у первой достаточных научно-экспертных ресурсов для эффективного обеспечения своей деятельности и формирования объективной и независимой позиции по любому из законопроектов, подготовленных в структурах исполнительной власти (интеллектуальная независимость)». В нынешней ситуации зависимость законодательной власти от исполнительной обусловлена и другими факторами, среди которых: формирование и распределение бюджета; конкретизация законодательных положений нормами подзаконных актов; формирование государственной политики федеральными министерствами.

Выведенные мною замечания носят дискуссионный либо частный характер и не снижают общей высокой положительной оценки рассматриваемого диссертационного исследования.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что рассматриваемая диссертационная работа соответствует критериям, которым должна отвечать диссертация на соискание ученой степени кандидата наук, установленным Положением о присуждении ученых степеней (утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842), а ее автор — Веселов Игорь Геннадьевич — вполне заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. (теоретико-исторические правовые науки).

Информация об авторе

В. М. Баранов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Нижегородской области, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии

МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника».

Information about the author

V. M. Baranov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Nizhny Novgorod region, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for innovative development of scientific activity, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center “Legal Technology”.

Рецензия на монографию
УДК 343.9

**Преступность правоприменителей как социальный феномен
современного российского общества. Рецензия на монографию:
А. Б. Марданова «Преступность правоприменителей:
криминологический анализ официальной статистики»
(Санкт-Петербург: Юридический центр, 2025. 160 с.)**

Баранов Владимир Михайлович¹, Баранова Марина Владимировна², Кабанов Павел Александрович³

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, orcid.org/0000-0003-2689-739X 2;

²Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

³Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань, Россия.

¹baranov_prof@bk.ru

²qazxsw1232007@yandex

³rukabanovp@mail.ru

Для цитирования: Баранов В. М., Баранова М. В., Кабанов П. А. Преступность правоприменителей как социальный феномен современного российского общества. Рецензия на монографию: А. Б. Марданова «Преступность правоприменителей: криминологический анализ официальной статистики» (Санкт-Петербург: Юридический центр, 2025. 160 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 289–297.

Original article

Review of the monograph

**Crime by law enforcers as a social phenomenon in contemporary russian
society. Review of the monograph: A. B. Mardanova
“Crime by law enforcers: a criminological analysis of official statistics”
(Saint Petersburg: Legal Center, 2025. 160 p.)**

Vladimir M. Baranov¹, Marina V. Baranova², Pavel A. Kabanov³

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, orcid.org/0000-0003-2689-739X 2;

²National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

³Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation.

¹baranov_prof@bk.ru

²qazxsw1232007@yandex

³rukabanovp@mail.ru

© Баранов В. М., Баранова М. В., Кабанов П. А., 2025

For citation: Baranov V. M., Baranova M. V., Kabanov P. A. Crime of law enforcement officers as a social phenomenon of modern Russian society. Review of the monograph: A. B. Mardanova "Crime of law enforcement officers: a criminological analysis of official statistics" (Saint Petersburg: Legal Center, 2025. 160 p.). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 289–297. (In Russ.).

Вопросы обеспечения защиты населения от преступных посягательств актуальны вне зависимости от исторической эпохи, государственного устройства, политического режима. Во все времена и у всех народов были институты и лица, которые обеспечивали защиту общества от преступных проявлений. Их именовали по-разному, но функции оставались одни: обеспечение общественной безопасности и борьба с преступностью, противодействие противоправному поведению. Эти лица и институты, наделенные властью, пользовались доверием государства (государства) и общества. Однако явные пороки общества: жадность, тщеславие, карьеризм, попадая к лицам, наделенным властью по обеспечению безопасности общества, превращали их в свою противоположность: из борцов с преступностью, как еще недавно писали в российских средствах массовой информации и отдельных научных произведениях, в «оборотней в погонах» [1, с. 355–364; 2, с. 100–102; 3, с. 51–64]. Преступность представителей органов публичной власти, вовлеченных в реализацию мер по обеспечению безопасности общества, известна и российской действительности. Об этом написано много работ отечественных специалистов, включая и рецензентов, поэтому мы не видим необходимости повторяться. По мере развития государства и его институтов появляется значительное количество государственных функций, направленных на дифференциацию правоохранительной деятельности и правоприменения, что обуславливает создание отдельных, относительно самостоятельных органов публичной власти, направленных на обеспечение законных прав и интересов населения. Реализация этих функций, осуществляемая уполномоченными на то лицами под влиянием упомянутых нами ранее страстей и профессионального невежества, повлекла искажение содержания этих функций правоприменителями. Как закономерное следствие, на это обстоятельство обратили внимание не только сами правоприменители, но и представители научного сообщества, сделав объектом своих исследований общественные отношения и сферы противоправной деятельности, вызванные не качественным исполнением правозащитных функций.

В начале текущего века стали открыто и активно проводиться исследования феномена преступности и социальных девиаций в российской правоохранительной системе, в первую очередь в наиболее крупном ведомстве — Министерстве внутренних дел Российской Федерации.

С удовлетворением констатируем: четверть века назад на базе Нижегородской академии МВД России под научным руководством профессора В. М. Баранова было подготовлено общетеоретическое диссертационное исследование о теории и практике правонарушений сотрудников органов внутренних дел¹, некоторые рекомендации которого до сих пор не реализованы.

На сегодняшний день наиболее известными являются исследования, проведенные А. Н. Варыгиным [4; 5; 6, с. 105–111; 7, с. 13–18; 8], Д. А. Рясковым [9; 10, с. 102–108; 11; 12, с. 85–90], Ю. А. Аксеновым [13], С. А. Новоселовым [14; 15, с. 97–99], Е. А. Брайцевой [16; 17; 18, с. 231–232], Н. М. Тагаевым [19] и другими авторами [20, с. 206–210; 21, с. 97–100; 22, с. 91–99; 23, с. 127–131; 24; 25, с. 296–300; 26, с. 453–456; 27, с. 93–98; 28, с. 151–163; 29, с. 53–54; 30, с. 239–242; 31, с. 17–22]. Иногда специалистами исследуется преступность иных представителей правоприменительных органов [32, с. 322–324; 33, с. 72–75]. В тоже время комплексные исследования преступности сотрудников правоохранительных органов не проводятся: имеются лишь небольшие по объему работы, отражающие отдельные аспекты этого вида преступности [34, с. 282–288; 35, с. 89–94; 36, с. 275–278; 37, с. 128–141; 38, с. 215–222], в том числе и зарубежных изданиях [39, с. 207–211; 40; 41, с. 405–410].

В связи с этим заслуживает внимания книга «Преступность правоприменителей: криминологический анализ официальной статистики», подготовленная доцентом кафедры публичного и уголовного права Сургутского государственного университета, кандидатом юридических наук Мардановым Азером Балай оглы,

¹См.: Куманеев В. В. Правонарушения сотрудников органов внутренних дел современной России. Проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000. 28 с.

опубликованная в 2025 году авторитетным Санкт-Петербургским издательством «Юридический центр» в серии «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса». Издателем определен тираж этого произведения — 1 000 экземпляров [42]. Следует отметить, что представленная монографическая работа — не первое научное произведение, подготовленное и опубликованное А. Б. Мардановым. Ранее в упомянутом издательстве в 2014 году была издана его монография «Криминальная экономическая антропология как направление отечественной криминологии» [43], подготовленная на основе проведенного им диссертационного исследования «Личность современного экономического преступника» [44], официальным оппонентом по которой был один из авторов настоящей рецензии (П. А. Кабанов) [45, с. 61–64].

Рецензируемое монографическое произведение структурно состоит из следующих разделов: предисловие, благодарности, введения, краткого терминологического пояснения отдельных правовых категорий, пяти глав, заключения, библиографического списка и 6 приложений. Указанная структура является традиционной для работ подобного жанра и не вызывает каких-либо принципиальных возражений. Общий объем произведения составляет 160 страниц машинописного текста или 10 условно-печатных листов.

Анализ рецензируемого научного продукта показал, что автором четко сформулирована цель исследования — изучение личности преступника правоприменителя (42, с. 15). В качестве главных задач определены: выявление основных тенденций и закономерностей преступности правоприменителей; факторы, способствующие преступности правоприменителей; разработка мер, направленных на профилактику преступности правоприменителей (42, с. 16). При этом автор сформулировал собственную криминологическую дефиницию «преступность правоприменителей», под которой он понимает совокупность преступлений, совершаемых адвокатами, нотариусами, судьями (работниками суда), прокурорами, следователями, а также иными сотрудниками правоохранительных органов в стране за определенный промежуток времени (42, с. 16–17, 27). Обращение к этой разновидности преступности обусловлено не только спецификой личности преступника — субъекта правоприменения, но и степенью общественной опасности этого явления для государства и общества, поэтому исследование

этого феномена заслуживает внимания, а инициатива автора — поддержки.

Своего рода общим «фоном» всех наших последующих рассуждений об этом явлении выступает доктринальная позиция о преступности как естественном, но **ненормальном** проявлении цивилизационной идентичности и квазиправовой антиценности¹.

Научная ценность представленной работы заключается в том, что в ней впервые в российской правовой науке представлена криминологическая характеристика преступности отдельных категорий правоприменителей: адвокатов и нотариусов (42, с. 38–45); судей и работников аппаратов суда, отраженная в материалах официальной статистики (42, с. 45–50).

Представляются значимыми результаты исследования структуры преступности правоприменителей, описанные автором, где доля преступников-правоприменителей в зависимости от их правового статуса составила: сотрудников правоохранительных органов — 89 %, адвокатов и нотариусов — 5,1 %, работников судов, включая судей — 0,5 %, прокуроров и следователей — 5,4 % (42, с. 64–65, 103). Не менее ценными выглядят результаты исследования структуры преступности осужденных правоприменителей по видам совершенных ими преступлений (42, с. 66–102). Вызывают интерес статистические данные о степени тяжести совершенных преступлений и формах вины, осужденными правоприменителями (42, с. 108–113), а также о назначенных им наказаниях в виде лишения свободы (42, с. 115), штрафа (42, с. 115), условного осуждения к лишению свободы (42, с. 116), обязательных работ (42, с. 116), ограничению свободы (42, с. 117) и освобожденных от наказания (42, с. 117).

В работе много и других положений, заслуживающих одобрения и поддержки, но добровольно принятый на себя статус рецензентов требует поиска спорных положений, явных и скрытых противоречий оцениваемого произведения. И такие положения и противоречия нами выявлены.

Во-первых, неясно, почему автор избирательно (по сути, субъективно) указал численность сотрудников правоохранительных органов: органов внутренних дел (42, с. 30–31) и органов прокуратуры (42, с. 31); представителей судейского сообщества (42, с. 31–32), нотариата (42, с. 32), адвокатуры (42, с. 32–33). В результате такого подхода автором было учтено

¹Сигалов К. Е. Преступное как ненормальное // История государства и права. 2024. № 11. С. 42–49.

1 039 602 субъекта правоприменения. Такая позиция явно противоречит реальному положению вещей: не учтены многие иные представители правоохранительных органов. Например, представители Следственного комитета Российской Федерации, в котором в соответствии с Указом Президента Российской Федерации насчитывается личного состава 23 083 единиц, в том числе сотрудников, замещающих должности (с присвоением специальных званий) в количестве 20 800 человек, федеральных государственных гражданских служащих — 270 человек [46]. Вне авторского учета оказались представители уголовно-исполнительной системы в количестве 234 176 единиц [47], Федеральной службы судебных приставов в количестве 78 150 единиц (без рабочих и служащих по охране, обслуживанию зданий и транспортному обеспечению), в том числе сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации в количестве 65 493 человек, федеральных государственных гражданских служащих — 12 657 человек [48]. Эти данные можно было бы дополнить представителями и других правоохранительных органов: Федеральной таможенной службы, Федеральной службы безопасности, Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Федеральной службы охраны, Военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и другое.

Во-вторых, в процессе исследования автор, объединив в одну графу сотрудников органов прокуратуры и следователей, не указал ведомственную принадлежность однородных по уголовно-процессуальному статусу следователей: следователей следственных подразделений МВД России, следователей следственных подразделений ФСБ России, следователей следственных подразделений Следственного комитета России, которые входят в состав соответствующих правоохранительных органов. Неполный учет правоохранителей и распределение их по категориям не позволяет измерить и оценить степень распространенности преступности среди них с использованием общепринятого показателя — коэффициента преступности. При этом следует отметить и то обстоятельство, что нормативная численность сотрудников правоохранительных органов не всегда совпадает с их фактической численностью из-за некомплекта в территориальных органах.

В-третьих, в процессе криминологической группировки преступников правоохранителей автор использовал данные официального статистического учета преступлений без их критической оценки. В результате при осуществлении классификации преступников правоприменителей по возрасту им выделена возрастная группа 14–17 лет (42, с. 60). Но такой возрастной группы правоприменителей быть не может, поскольку российское законодательство подобной градации не предусматривает. Напротив, установлены возрастные критерии занятия соответствующих должностей, а в некоторых случаях — требования к образованию и профессиональному стажу. Так, занятие должности судьи в соответствии с требованиями части 2 статьи 4 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [49] требует не только достижения определенного возраста, наличия высшего юридического образования не ниже уровня специалитета, но и стажа профессиональной деятельности по юридической специальности.

Высказанные нами критические замечания по содержанию и форме монографии носят частный и дискуссионный характер и в целом не влияют на положительную оценку опубликованной работы. Эти замечания являются лишь рекомендацией автору на будущее для дальнейшего совершенствования своих исследований по преступности российских правоприменителей.

Общий вывод по рецензируемой монографии: исследование А. Б. Марданова «Преступность правоприменителей: криминологический анализ официальной статистики» является законченным научным произведением, раскрывающим содержание преступности правоприменителей в Российской Федерации, основанным на данных официальной российской статистики. Она соответствует заявленному научному жанру — монография как по форме, так и по содержанию. Работа может быть использована в образовательных учреждениях высшего образования по направлениям подготовки «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность» при проведении занятий по курсам уголовно-правового цикла, в первую очередь по учебным дисциплинам «Криминология», «Правоохранительные органы» и производным от них специальным курсам «Профилактика преступности», «Адвокатура» «Адвокатская деятельность», «Нотариат».

Монография может быть полезна и специалистам по теории государства и права при освещении

проблем правонарушений и юридической ответственности.

Список источников

1. Голев Н. Д., Лебедева Н. Б. «Оборотни в погонах» и «банда фашистских молодчиков» // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 355–364.
2. Вепрева И. Т., Купина Н. А. Оборотни в погонах // Русский язык за рубежом. 2006. № 1 (195). С. 100–102.
3. Говоров И. В. «Оборотни в погонах» в послевоенном Ленинграде (Преступность в органах милиции и борьба с ней. Уроки истории) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2002. № 2 (14). С. 51–64.
4. Варыгин А. Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее: дис. ... д-ра юрид. наук / Саратовская государственная юридическая академия. Саратов, 2003. 389 с.
5. Варыгин А. Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и воздействие на нее. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2003. 224 с.
6. Варыгин А. Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел как криминологический феномен // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 3. С. 105–111.
7. Варыгин А. Н. О преступности сотрудников органов внутренних дел и ее тенденциях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 1 (11). С. 13–18.
8. Варыгин А. Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел состояние и меры воздействия: учебное пособие. Саратов: Саратовский юридический университет МВД России, 2005. 174 с.
9. Рясов Д. А. Преступность сотрудников органов внутренних дел: криминологический аспект (по материалам Ставропольского края): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 203 с.
10. Рясов А. И., Рясов Д. А. Методы общего предупреждения преступности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2005. № 3. С. 102–108.
11. Рясов Д. А. Преступность сотрудников органов внутренних дел: монография. Москва: Илекса, 2009. 151 с.
12. Рясов Д. А. Особенности криминогенного типа личности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2008. № 1. С. 85–90.
13. Аксенов Ю. А. Криминологический анализ и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. 161 с.
14. Новоселов С. А. Предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации. Тверь: Тверской государственный университет, 2022. 144 с.
15. Новоселов С. А. Причины преступности сотрудников службы ГИБДД МВД России // Закон и право. 2014. № 4. С. 97–99.
16. Брайцева Е. А. Преступления, совершаемые следователями и дознавателями в системе органов внутренних дел: криминологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Юридический институт МВД России, 2002. 178 с.
17. Брайцева Е. А. Предупреждение преступлений, совершаемых следователями и дознавателями в системе органов внутренних дел: учебное пособие. Москва: Юридический институт МВД России, 2002. 68 с.
18. Брайцева Е. А. Причины и условия совершения преступлений следователями органов внутренних дел // Вестник Юридического института МВД России. 2001. № 5. С. 231–232.
19. Тагаев Н. М. Противодействие преступности сотрудников органов внутренних дел (полиции) по российскому и зарубежному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 239 с.
20. Дубягина О. А. Причины возникновения организованной преступности в системе органов внутренних дел // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5 (145). С. 206–210.
21. Асадченко А. В. Особенности личности сотрудника органов внутренних дел, совершающего коррупционные преступления // Символ науки: международный научный журнал. 2024. № 12-2. С. 97–100.
22. Баландин А. Л. Понятие профессиональных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Омского университета. 2020. Т. 17. № 2. С. 91–99.
23. Гиззатуллин Р. Р. Характеристика причин и профилактика совершения преступлений сотрудниками полиции // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1 (23). С. 127–131.
24. Мальков С. М., Токманцев Д. В. Профилактика коррупционной преступности в органах внутренних дел: учебное пособие. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2019. 104 с.
25. Жукова М. С. Противодействие коррупции в органах МВД России // Матрица научного познания. 2023. № 10-2. С. 296–300.
26. Чумачев А. А. «Профессиональная» преступность сотрудников органов внутренних дел // Научное образование. 2020. № 3 (8). С. 453–456.
27. Дубова М. Е. Обзор количественных показателей преступности сотрудников органов внутренних дел России, сопряженной с самодискредитацией // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 1 (51). С. 93–98.
28. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Девиантное поведение сотрудников органов внутренних дел: опыт диалектической оценки // Российский девиантологический журнал. 2021. Т. 1. № 1. С. 151–163.

29. Тарасова Л. Я. Анализ состояния преступности среди сотрудников органов внутренних дел Алтайского края в 2021 году // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23-2. С. 53–54.
30. Профилактика коррупционной преступности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: современные тенденции / Ю. В. Быстрова, У. А. Абдуллаева, М. А. Азиев, Н. Б. Байболатова // Право и управление. 2024. № 1. С. 239–242.
31. Зотов Д. А. Международный опыт борьбы с коррупционной преступностью в полиции // Science Time. 2023. № 3 (110). С. 17–22.
32. Махмутов Т. А. Преступления против правосудия, совершаемые дознавателями, следователями и судьями, как специальные виды должностных преступлений // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 322–324.
33. Колентеева А. С. Типичные свойства личности сотрудника ФССП России, совершающего преступления коррупционной направленности // Альманах молодого исследователя. 2020. № 8. С. 72–75.
34. Шадрин Е. В. Преступность сотрудников правоохранительных органов как угроза национальной безопасности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5 (148). С. 282–288.
35. Григорян Г. Ф., Качмазов О. Х. Некоторые вопросы предупреждения служебных преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов // Бюллетень Владикавказского института управления. 2025. № 70. С. 89–94.
36. Медведицкова Л. В. Предупредительные меры борьбы с преступностью в правоохранительных органах // Вестник университета. 2014. № 9. С. 275–278.
37. Лютых В. А., Коноплева И. Н. Индивидуально-психологические особенности сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение преступлений // Психология и право. 2016. Т. 6. № 2. С. 128–141. DOI: 10.17759/psylaw.2016060210.
38. Недилько М. С., Злоказов К. В. Различия в субъективных представлениях бывших сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение корыстных и коррупционных преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). С. 215–222. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-215-222.
39. Yasir Habiebie. Legal Analysis Of Crime Advocates Who Commit Crimes In Carrying Out Their Duties And Professions // International Asia Of Law and Money Laundering (IAML). 2022. Vol. 1. № 3. Pp. 207–211. DOI: 10.59712/iaml.v1i3.36;
40. Francis D. Boateng, Daniel K. Pryce, Ming-Li Hsieh. The Criminal Police Officer: Understanding Factors That Predict Police Crime in the United States // Crime & Delinquency. 2021. November. Vol. 69. № 9. 001112872110547. DOI: 10.1177/00111287211054732.
41. Олефир Л. И., Царюк С. В. Правовые аспекты борьбы с насильственными злодеяниями в деятельности правоохранительных органов // Электронное научное видение «Аналитически-познавательное правознавание». 2025. Т. 2. № 3. С. 405–410. DOI:10.24144/2788-6018.2025.03.2.66
42. Марданов А. Б. Преступность правоприменителей: криминологический анализ официальной статистики: монография. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр», 2025. 160 с.
43. Марданов А. Б. Криминальная экономическая антропология как направление отечественной криминологии. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2014. 184 с
44. Марданов А. Б. Личность современного экономического преступника: дис ... канд. юрид. наук. Сургут, 2010. 240 с.
45. Кабанов П. А. Отзыв на диссертацию Марданова Азера Балай оглы на тему: «Личность современного экономического преступника», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности: 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право // Следователь. 2011. № 1. С. 61–64.
46. О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 14 января 2011 года № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации»: указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 года № 469 // Собрание законодательства РФ. 2025. № 28, ст. 3956.
47. Об установлении штатной численности работников уголовно-исполнительной системы: указ Президента Российской Федерации от 27 ноября 2015 года № 577 (в ред. от 10 мая 2024 года № 321) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 48 (часть II), ст. 6818.
48. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 1 января 2020 года № 1 «О некоторых вопросах Федеральной службы судебных приставов», в перечень должностей высшего начальствующего состава в органах принудительного исполнения Российской Федерации и соответствующих этим должностям специальных званий, в структуру Федеральной службы судебных приставов, в перечень типовых должностей в органах принудительного исполнения Российской Федерации и соответствующих этим должностям специальных званий, утвержденные этим Указом, и в Указ Президента Российской Федерации от 26 декабря 2022 года № 955 «Об установлении предельной штатной численности работников органов принудительного исполнения Российской Федерации»: указ Президента Российской Федерации от 22 августа 2024 года № 723 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 35, ст. 5331.
49. О статусе судей в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 (в ред. от 10 июля 2023 года № 286-ФЗ // Российская газета. 1992. 29 июля.

References

1. Golev N. D., Lebedeva N. B. "Werewolves in Uniform" and "a Gang of Fascist Thugs". *Jurislinguistics*, 2008, no. 9, pp. 355–364. (In Russ.).
2. Vepreva I. T., Kupina N. A. Werewolves in Uniform. *Russian Language Abroad*, 2006, no. 1 (195), pp. 100–102. (In Russ.).
3. Govorov I. V. "Werewolves in Uniform" in Post-War Leningrad (Crime in the Police and the Fight Against It. History Lessons). *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2002, no. 2 (14), pp. 51–64. (In Russ.).
4. Varygin A. N. Crime among employees of internal affairs bodies and the problems of influencing it. Dissertation... doctor of legal sciences. Saratov State Law Academy. Saratov, 2003. 389 p. (In Russ.).
5. Varygin A. N. Crime among employees of internal affairs bodies and the problems of influencing it. Saratov: Saratov University Publishing House, 2003. 224 p. (In Russ.).
6. Varygin A. N. Crime among employees of internal affairs bodies as a criminological phenomenon. *Bulletin of Moscow State Regional University*, 2015, no. 3, pp. 105–111. (In Russ.).
7. Varygin A. N. On the crime among employees of internal affairs bodies and its trends. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 1 (11), pp. 13–18. (In Russ.).
8. Varygin A. N. Crime among employees of internal affairs bodies: status and measures of influence: a textbook. Saratov: Saratov Law University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 174 p. (In Russ.).
9. Ryasov D. A. Crime among employees of internal affairs bodies: criminological aspect (based on materials of Stavropol Krai). Dissertation... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2008. 203 p. (In Russ.).
10. Ryasov A. I., Ryasov D. A. Methods of general crime prevention among employees of internal affairs bodies. *Bulletin of the North Caucasian State Technical University*, 2005, no. 3, pp. 102–108. (In Russ.).
11. Ryasov D. A. Crime among employees of internal affairs bodies: a monograph. Moscow: Ilekxa, 2009. 151 p. (In Russ.).
12. Ryasov D. A. Features of the criminogenic personality type of employees of internal affairs bodies. *Bulletin of the North Caucasian State Technical University*, 2008, no. 1, pp. 85–90. (In Russ.).
13. Aksyonov Yu. A. Criminological analysis and prevention of crimes committed by employees of internal affairs bodies. Dissertation... candidate of legal sciences. Saint Petersburg, 2004. 161 p. (In Russ.).
14. Novoselov S. A. Prevention of crimes committed by employees of internal affairs bodies of the Russian Federation. Tver: Tver State University, 2022. 144 p. (In Russ.).
15. Novoselov S. A. Causes of criminality of employees of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Law and Right*, 2014, no. 4, pp. 97–99. (In Russ.).
16. Braitseva E. A. Crimes Committed by Investigators and Inquiry Officers in the System of Internal Affairs Bodies: Criminological Aspect. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. 178 p. (In Russ.).
17. Braitseva E. A. Prevention of Crimes Committed by Investigators and Inquiry Officers in the System of Internal Affairs Bodies: textbook. Moscow: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. 68 p. (In Russ.).
18. Braitseva E. A. Causes and Conditions of Crimes Committed by Investigators of Internal Affairs Bodies. *Bulletin of the Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2001, no. 5, pp. 231–232. (In Russ.).
19. Tagaev N. M. Combating Crime by Employees of Internal Affairs Bodies (Police) Under Russian and Foreign Legislation. Dissertation... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2014. 239 p. (In Russ.).
20. Dubyagina O. A. Causes of Organized Crime in the System of Internal Affairs Bodies. *Bulletin of Tambov University*, 2015, no. 5 (145), pp. 206–210. (In Russ.).
21. Asadchenko A. V. Personality Traits of an Internal Affairs Officer Committing Corruption Crimes. *Symbol of Science: International Scientific Journal*, 2024, no. 12-2, pp. 97–100. (In Russ.).
22. Balandin A. L. Concept of Professional Crimes Committed by Internal Affairs Officers. *Bulletin of Omsk University*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 91–99. (In Russ.).
23. Gizzatullin R. R. Characteristics of the Causes and Prevention of Crimes Committed by Police Officers. *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2017, no. 1 (23), pp. 127–131. (In Russ.).
24. Malkov S. M., Tokmantsev D. V. Prevention of Corruption-Related Crime in Internal Affairs Bodies: A Study Guide. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. 104 p. (In Russ.).
25. Zhukova M. S. Anti-Corruption Measures in the Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Matrix of Scientific Knowledge*, 2023, no. 10-2, pp. 296–300. (In Russ.).
26. Chumachev A. A. "Professional" Crime of Employees of Internal Affairs Bodies. *Scientific Education*, 2020, no. 3 (8), pp. 453–456. (In Russ.).
27. Dubova M. E. Review of quantitative indicators of crime among employees of internal affairs bodies of Russia, associated with self-discrimination. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2023, no. 1 (51), pp. 93–98. (In Russ.).
28. Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Deviant behavior of employees of internal affairs bodies: An experience of dialectical assessment. *Russian Journal of Deviantology*, 2021, vol. 1, no. 1, pp. 151–163. (In Russ.).
29. Tarasova L. Ya. Analysis of the state of crime among employees of the internal affairs bodies of the

Altai Territory in 2021. *Current issues of combating crimes and other offenses*, 2023, no. 23-2, pp. 53–54. (In Russ.).

30. Prevention of corruption-related crime among employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation: current trends / Yu. V. Bystrova, U. A. Abdullaeva, M. A. Aziev, N. B. Baibolatova *Law and Management*, 2024, no. 1, pp. 239–242. (In Russ.).

31. Zotov D. A. International experience in combating corruption-related crime in the police. *Science Time*, 2023, no. 3 (110), pp. 17–22. (In Russ.).

32. Makhmutov T. A. Crimes against justice committed by inquiry officers, investigators and judges as special types of official crimes. *Eurasian Law Journal*, 2022, no. 10 (173), pp. 322–324. (In Russ.).

33. Kolenteeva A. S. Typical personality traits of an employee of the Federal Bailiffs Service of Russia committing corruption-related crimes. *Almanac of a young researcher*, 2020, no. 8, pp. 72–75. (In Russ.).

34. Shadrina E. V. Crime by law enforcement officers as a threat to national security. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2022, no. 5 (148), pp. 282–288. (In Russ.).

35. Grigoryan G. F., Kachmazov O. Kh. Some issues of preventing official crimes committed by law enforcement officers. *Bulletin of the Vladikavkaz Institute of Management*, 2025, no. 70, pp. 89–94. (In Russ.).

36. Medveditskova L. V. Preventive measures to combat crime in law enforcement agencies. *Bulletin of the University*, 2014, no. 9, pp. 275–278. (In Russ.).

37. Lyutykh V. A., Konopleva I. N. Individual psychological characteristics of law enforcement officers convicted of committing crimes. *Psychology and Law*, 2016, vol. 6, no. 2, pp. 128–141. DOI: 10.17759/psylaw.2016060210. (In Russ.).

38. Nedilko M. S., Zlokazov K. V. Differences in the Subjective Perceptions of Former Law Enforcement Officers Convicted of Committing Self-Serving and Corruption Crimes. *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2 (86), pp. 215–222. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-215-222. (In Russ.).

39. Yasir Habiebie. Legal Analysis Of Crime Advocates Who Commit Crimes In Carrying Out Their Duties And Professions / International Asia Of Law and Money Laundering (IAML). 2022. Vol. 1. No. 3. pp. 207–211. DOI: 10.59712/iaml.v1i3.36.

40. Francis D. Boateng, Daniel K. Pryce, Ming-Li Hsieh. “The Criminal Police Officer: Understanding Factors That Predict Police Crime in the United States.” *Crime & Delinquency*. 2021. November. Vol. 69. No. 9. 001112872110547. DOI: 10.1177/00111287211054732. (In Russ.).

41. Olefir L. I., Tsaryuk S. V. “Legal Aspects of the Fight Against Violent Crimes in the Peculiarities of Law Enforcement Agencies.” *Electronic Scientific Vision “Analytical and Cognitive Law Studies.”* 2025. Vol. 2. No. 3. pp. 405–410. DOI:10.24144/2788-6018.2025.03.2.66. (In Russ.).

42. Mardanov A. B. Crime of Law Enforcement Officers: A Criminological Analysis of Official Statistics: Monograph. Saint Petersburg: Legal Center Publishing House, 2025. 160 p. (In Russ.).

43. Mardanov A. B. Criminal Economic Anthropology as a Direction of Domestic Criminology. Saint Petersburg: Legal Center, 2014. 184 p. (In Russ.).

44. Mardanov A. B. Personality of the Modern Economic Criminal. Dissertation... candidate of legal sciences. Surgut, 2010. 240 p. (In Russ.).

45. Kabanov P. A. Review of the dissertation of Mardanov Azer Balay oglu on the topic: “Personality of a modern economic criminal”, submitted for the degree of candidate of legal sciences in the specialty: 12.00.08 — criminal law and criminology; penal law. *Investigator*, 2011, no. 1, pp. 61–64. (In Russ.).

46. On amending the Decree of the President of the Russian Federation no. 38 of January 14, 2011 “Issues related to the activities of the Investigative Committee of the Russian Federation”: decree of the President of the Russian Federation no. 469 of July 9, 2025. *Collected Legislation of the RF*, 2025, no. 28, art. 3956. (In Russ.).

47. On establishing the staffing levels of employees of the penal system: decree of the President of the Russian Federation no. 577 of November 27, 2015 (as amended no. 321 on May 10, 2024). *Collected Legislation of the RF*, 2015, no. 48 (Part II), art. 6818. (In Russ.).

48. On Amendments to Decree of the President of the Russian Federation of January 1, 2020 no. 1 “On Certain Issues of the Federal Bailiff Service”, to the list of senior command positions in the enforcement agencies of the Russian Federation and the special ranks corresponding to these positions, to the structure of the Federal Bailiff Service, to the list of standard positions in the enforcement agencies of the Russian Federation and the special ranks corresponding to these positions, approved by this Decree, and to Decree of the President of the Russian Federation of December 26, 2022 no. 955 “On Establishing the Maximum Staffing Level of Employees of the Enforcement Agencies of the Russian Federation”: decree of the President of the Russian Federation no. 723 of August 22, 2024. *Collected Legislation of the RF*, 2024, no. 35, art. 5331. (In Russ.).

49. On the status of judges in the Russian Federation: Law of the Russian Federation no. 3132-1 of June 26, 1992 (as amended no. 286-FZ on July 10, 2023. *Rossiyskaya Gazeta*, 1992. July 29. (In Russ.).

Информация об авторах

В. М. Баранов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Нижегородской области, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии

МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»;

М. В. Баранова — доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;

П. А. Кабанов — доктор юридических наук, доцент, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, член рабочей группы президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции по взаимодействию со структурами гражданского общества.

Information about the authors

V. M. Baranov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for innovative development of scientific activity, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center “Legal Technology”;

M. V. Baranova — Doctor of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Cultural Studies), Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky;

P. A. Kabanov — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Director of the Anti-Corruption Research Institute of Kazan Timiryasov Innovation University, member of the working group of the Presidium of the Presidential Council under the President of the Russian Federation for Combating Corruption on interaction with civil society structures.

Триалог о методологии исследования механизма доказывания преступной деятельности

Отзыв на докторскую диссертацию
УДК 343

**Методологический опыт решения проблем криминалистики
и уголовно-процессуальной науки (отзыв официального оппонента на
диссертацию Афанасьева Алексея Юрьевича «Методология исследования
механизма доказывания преступной деятельности», представленной на
соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности
5.1.4. (уголовно-правовые науки))**

Гармаев Юрий Петрович

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия,
garmaeff1@mail.ru.

Для цитирования: Гармаев Ю. П. Методологический опыт решения проблем криминалистики и уголовно-процессуальной науки (отзыв официального оппонента на диссертацию Афанасьева Алексея Юрьевича «Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 298–303.

Original article

Review of a doctoral dissertation

**Methodological experience in solving the problems of criminalistics and
criminal procedure science (review of the official opponent for the dissertation
of Afanasyev Alexei Yuryevich “Methodology for studying the mechanism of
proving criminal activity”, submitted for the degree of Doctor of Sciences (Law) in
specialty 5.1.4. (Criminal law sciences))**

Yury P. Garmaev

Dorji Bazarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation, garmaeff1@mail.ru.

For citation: Garmaev Yu. P. Methodological experience in solving the problems of criminalistics and criminal procedure science (review of the official opponent for the dissertation of Afanasyev Alexei Yuryevich “Methodology for studying the mechanism of proving criminal activity”, submitted for the degree of Doctor of Sciences (Law) in specialty 5.1.4. (Criminal law sciences)). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 298–303. (In Russ.).

© Гармаев Ю. П., 2025

Криминалистическая наука крайне многогранна. Направления исследований, выделяемые в рамках ее предметной области, являются наглядным тому подтверждением. Только по различным проблемным аспектам технико-криминалистического и тактико-методического обеспечения уголовного судопроизводства ежегодно проводятся сотни исследований.

Объединение научных специальностей под единым началом уголовно-правовых наук и вовсе расширило границы для исследований по оригинальным темам, предоставив возможность ученым на законных основаниях, наряду с чисто криминалистическими разработками, проводить междисциплинарные. Связи криминалистики, судебной экспертологии, теории оперативно-розыскной деятельности с уголовно-процессуальной наукой, некогда разорванные в номенклатуре научных специальностей, были реанимированы и восстановлены. Это позволило дать действенный импульс для развития соответствующих областей научного знания.

Вместе с тем с новой силой проявилось давно забытое, но чрезвычайно важное направление исследований, посвященное методологии уголовно-правовых наук в целом и методологии криминалистики в частности. В паспорте научной специальности 5.1.4. (уголовно-правовые науки) впервые этим вопросам было уделено достойное комплексное внимание. Очевидно, эти инновационные направления закономерно должны были найти своего исследователя.

В этом плане в современной истории криминалистики и уголовно-процессуальной науки представленная диссертация является одной из первых работ. Несмотря на то, что были разработки, отражающие методологические аспекты различных проблем (например, посвященных развитию методологической основы формирования методик расследования преступлений), выдержать на всем протяжении исследования подобный метатеоретический уровень еще не удавалось. Пожалуй, такой цели и не ставили, не для всех исследователей подойдет подобный подход к постановке и решению проблем, не для всех отчетливо заметны его ценность и значение. Но автор наглядно продемонстрировал и первое, и второе.

Начало этому направлению в свое время положил А. Ф. Лубин, который в 1997 году принял успешную попытку представить методологию криминалистического исследования относительно механизма преступной деятельности. Вероятно, именно влияние научного

консультанта позволило А. Ю. Афанасьеву обнаружить столь важную, интересную и существенную для науки тему, раскрыть с методологической позиции механизм противоположной деятельности — доказательственной.

С полной уверенностью можно согласиться с тем, что выбранная тема актуальна и обусловлена: нераскрытыми сторонами системообразующей составляющей всего уголовного судопроизводства — деятельности по уголовно-процессуальному доказыванию, от качества реализации которой в большей степени зависит достижение цели уголовного процесса; заложенным потенциалом умпостижения этой методологической междисциплинарной категории, который может быть распространен на решение крупной научной проблемы; существованием устойчивых, неустраняемых десятилетиями противоречий и метаморфоз действительности, порождаемых самой деятельностью по доказыванию, уголовно-процессуальным доказательственным правом и соответствующей доктриной.

В частности, у научного сообщества почему-то не вызывает особых вопросов существование проблем практики уголовного судопроизводства в виде низких показателей раскрываемости преступлений, возмещения ущерба, нарушений прав и свобод в уголовном процессе, завышенных объемов уголовных дел, затянутых сроков производства по ним, одновременно с проведением многочисленных криминалистических и уголовно-процессуальных исследований и внесением частых изменений в текст уголовно-процессуального закона. Кому, если не самим ученым, задаваться вопросом о результативности проводимых исследований? Представляется, что нельзя дать оценку их продуктивности и пригодности, а также в целом состояния взаимовлияния системы уголовного судопроизводства, уголовно-процессуального закона и процесса их научного обеспечения в рамках и формате классических доктринальных разработок. Именно методологический уровень проектирования, моделирования и проведения исследования позволит это реализовать. Автор возложил на себя практически неподъемную ношу — разрешить не только оригинальную и важную проблему, но и создать и показать в работе собственный путь этого исследования. В этом плане и тема, и проблема, и решение, что ни на есть методологические.

Приведенная степень разработанности убедительно подтверждает, что в уголовно-правовых науках не только не разработан механизм

уголовно-процессуального доказывания, в особенности с позиций всеобщей организационной науки, но и преимущества сочетания методологического и механистического подходов при исследовании доказывания преступной деятельности как сложной функциональной системы. Традиционная теория доказывания (доказательств) в уголовном судопроизводстве и вовсе развивается несколько по иному пути: по пути совершенствования процессуальной регламентации, гносеологических аспектов и т. д. Признавая необходимость дальнейшего развития исследований в указанных направлениях, видится весьма продуктивным также поиск новых решений.

Отражению во введении таких атрибутов исследования, как объект, предмет, цель, задачи, предшествовала их специальная разработка в рамках самой диссертации при прохождении процедур концептуализации, моделирования и конструирования исследования (с. 104–124, 147–182 диссертации). Вероятно, для диссертаций в области юридических наук подобное проектирование исследования не является традиционным. В совокупности с другими стадиями, представленными в главах 1.1 и 1.2, они позволяют осуществить нормирование и упорядочивание работы для эффективной ее организации. Все это оправдывается методологическим подходом автора, рассматриваемым через внутринаучную рефлексию организации мыследеятельности.

Несмотря на то, что объект и предмет исследования, представленные в виде «методологии криминалистического и уголовно-процессуального исследования дуализма преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию» и «закономерностей криминалистического и уголовно-процессуального исследования механизма доказывания преступной деятельности», соответственно, отличаются от привычно выделяемых в уголовно-правовой науке, они полностью относятся к научной специальности, отражают соответствующее направление исследований, а также тему диссертации. Более того, они обращают внимание на слаборазвитую область научных знаний, в которой могут быть и другие методологические исследования. Цель сформирована в соответствии с научно-методологической проблемой, согласуется с объектом и предметом исследования, позволяет организовать исследовательско-рефлексивную деятельность автора. Задачи, представленные в развитие цели исследования, являются неотъемлемыми элементами программы, являющейся ядром методологии.

Учитывая специфику работы, автор также не мог обойти стороной гипотезы, подходы и методы исследования. В частности, им (подходам и методам), помимо весьма подробно отраженной во введении методологической основы и методов исследования, посвящен самостоятельный параграф (с. 162–182 диссертации), а также соответствующий глоссарий (с. 566–570 диссертации). Крайне ценным представляется позиция А. Ю. Афанасьева к отражению методологической основы исследования через концептуальные идеи философии, методологии, теории функциональных систем, кибернетики, научной школы, воспринятые и преломленные на предмет собственного исследования.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, не вызывает сомнений. Автор последовательно и аргументированно представил концептуальную модель методологии исследования механизма доказывания преступной деятельности, формирующую научно-методологическую основу для оценки и снижения дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию. Эта модель нашла свое отражение в основных положениях, выносимых на защиту, а также в выводах по итогам прохождения фаз, стадий и этапов исследования. Сама диссертация и есть концептуальная методологическая модель. Ее сердцевину составляют положения о внутринаучной рефлексии относительно организации собственного исследования, приведшей к созданию и применению методики раскрытия и использования закономерностей механизма доказывания преступной деятельности. А. Ю. Афанасьеву удалось выявить, сформировать, интерпретировать и апробировать ранее не установленные статистические (вероятностные) закономерности, которые в сочетании с обнаруженными аномалиями указали на критический дисбаланс в исследуемом дуализме. Благодаря этой авторской методике раскрыты неизвестные стороны доказывания как сложной функциональной системы, произведено обоснование ее системообразующих проблем, предложено их научно-методологическое решение.

В обобщенном виде закономерности свидетельствуют о недостаточности разнообразия и доказательственной силы, неуниверсальности, «разносильности», недоступности и непригодности имеющихся средств доказывания, доказательств, обстоятельств, подлежащих доказыванию. Эти закономерности получены путем

применения строгих авторских алгоритмов и основаны на множестве других устойчивых зависимостей, полученных по результатам экспертной оценки, кластерного анализа, математических подсчетов и вычислений.

Интерпретация и апробация закономерностей механизма доказывания преступной деятельности и вовсе привели автора к установлению аномалий в реализации назначения уголовного судопроизводства, функций доказывания и принятия уголовно-процессуальных решений, принципа состязательности в уголовном процессе. Тем самым ценность представляют как сами закономерности и аномалии, так и методика, которую можно перепроверить и использовать в отношении иных сложных функциональных систем и не только.

Кроме этого, в ходе исследования автору удалось с высокой степенью обоснованности и убедительности:

- подтвердить эффективность методологического подхода в исследовании механизма доказывания преступной деятельности;

- предложить авторскую трактовку методологии исследования механизма доказывания преступной деятельности как результата внутринаучной рефлексии, обращенной к собственному исследованию механизма доказывания преступной деятельности;

- успешно экстраполировать логическую структуру исследовательско-рефлексивной модели исследования;

- выдвинуть, подтвердить, опровергнуть и уточнить исследовательские гипотезы;

- установить дуализм двух сложных функциональных систем «преступная деятельность и деятельность по доказыванию»;

- выявить дисбаланс в дуалистической системе «преступная деятельность и деятельность по ее доказыванию», проявляющийся в несоответствии разнообразия и силы средств одной деятельности другой;

- раскрыть сущность механизма доказывания преступной деятельности через понятую организацию функциональной системы «деятельность по доказыванию»;

- определить соотношение «черного ящика» и механизма доказывания преступной деятельности как бинарной оппозиции «непонятное» и «понятая» функциональная система «деятельность по доказыванию»;

- рассмотреть функциональную, бифункциональную, информационно-познавательную и версию модели механизма доказывания преступной деятельности;

- сформулировать предложения по конструированию «концептуального моста» и научную модель создания типового механизма доказывания преступной деятельности.

Полностью подтверждая научную новизну представленных автором положений (с. 19–20 диссертации), стоит заметить, что им указано далеко не все, что в работе установлено и предложено впервые. Речь идет в особенности о том, что им введены новые понятия и категории: «механизм доказывания преступной деятельности», «доказывание как сложная функциональная система», «дуализм преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию», измененные трактовки методологии исследования, механизма доказывания, средств преступной деятельности, средств доказывания преступной деятельности доказыванию и другие; установлено, что преступная деятельность и деятельность по ее доказыванию являются дуализмом, состоящим из двух сложных функциональных систем со своей архитектурой и изоморфными структурами; доказана зависимость существования системообразующих проблем уголовного процесса от дисбаланса в средствах двух функциональных систем: преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию; предложены методологический, научный и практический уровни моделирования действительности; и другие.

Полученные результаты согласовываются с общепринятыми опубликованными данными в области методологии, теории мышления, науковедения, теории доказывания (доказательств), доказательственного права, криминалистических основ деятельности по доказыванию, механизма, теории функциональных систем, теории деятельности, теории познания, теории вероятностей, тектологии, кибернетики и других; верифицируются эмпирическими данными в виде результатов использования методов экспертной оценки и кластерного анализа; материалов нераскрытых преступлений; статистических данных МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации; отчетных документов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Более того, достоверность выводов, представленных автором, можно проверить по самой работе. В ней отражен весь исследовательско-рефлексивный путь — от выявления противоречий действительности до программирования их научно-методологического решения, от разработки методики раскрытия и использования закономерностей механизма доказывания преступной деятельности до ее

применения. Это и позволяет реализовать «неприкрытая» авторская методология, включающая программу исследования, а также процедуру подтверждения, опровержения и уточнения концептов и гипотез.

В работе много иных достоинств, которые выгодно выделяют ее среди аналогичных. Фундаментальность идеи и процедуры ее реализации, новизна. Теоретическая и практическая значимость представленных положений бесспорны. В то же время ее преимущества, а также высокая исследовательско-рефлексивная составляющая породили ряд вопросов дискуссионного характера, которые требуют авторского пояснения.

Во-первых, несмотря на то, что в диссертации содержится полноценный параграф, посвященный концептам и гипотезам исследования (с. 125–146 диссертации), а в основном содержании автореферата диссертации имеется отсылка к главной гипотезе (с. 27 автореферата диссертации), предстает весьма обоснованным указание во введении на такую рубрику, как «гипотезы исследования». От этого работа только бы выиграла. Однако автор по какой-то причине обошел этот момент.

Во-вторых, требует дополнительной аргументации позиция автора об отнесении процедур выявления, раскрытия и расследования преступлений к доказыванию преступной деятельности (с. 9, 98 диссертации). Традиционно к доказыванию мы относимся либо как к познавательной, либо как к удостоверительной деятельности в уголовном судопроизводстве, благодаря которой следовая информация принимает процессуальную форму. Непонятно, при представлении доказывания преступной деятельности в качестве сложной функциональной системы учитывается это обстоятельство или нет.

В-третьих, признавая репрезентативность и оригинальность использованного эмпирического материала в целом (с. 18–19 диссертации), остается под вопросом исключительная ценность материалов 229 нераскрытых преступлений из 54 регионов России, уголовные дела по которым были возбуждены в период с 2019 по 2023 годы. Представляется, что не меньшее значение следовало уделить успешно доказанным, а равно раскрытым преступлениям. Например, с помощью положительных примеров можно отследить, какие именно средства доказывания эффективнее в применении.

В-четвертых, в положении 10, выносимом на защиту, в качестве одной из аномалий

доказывания преступной деятельности приводится идея о нивелировании недостаточности разнообразия и доказательственной силы имеющихся средств доказывания, доказательств и несформированности предмета доказывания по отдельным видам или группам преступной деятельности, обвинительным уклоном в уголовном судопроизводстве (с. 25 диссертации). С одной стороны, такая позиция нами одобряется, поскольку нарушение баланса связательности является достаточно серьезной системной проблемой уголовного судопроизводства, с другой — в этом положении не затрагивается вопрос: «Как бы эта аномалия проявила себя при оправдательном уклоне?».

В-пятых, не содержится в работе пояснений относительно того, по какому именно принципу должны формироваться и отражаться в уголовно-процессуальном законе типовые модели уголовно-процессуального доказательственного права (с. 26, 441–447 диссертации). В целом, поддерживая идею о необходимости определенной дифференциации процедур доказывания по отдельным видам и группам преступной деятельности, представляется невозможным учет всего разнообразия доказательств, средств доказывания и обстоятельств, подлежащих доказыванию, в УПК РФ. Или же у автора имеется иная прогностическая модель реализации данного предложения?

Указанные замечания не снижают общей положительной оценки диссертации, а лишь подчеркивают ее инновационный характер. Благодаря им в сочетании с основными выводами работы раскрываются новые идеи, подходы, направления и темы научных исследований, заслуживающие самого пристального внимания со стороны научной общественности.

Таким образом, в результате проведенного исследования создана концептуальная модель методологии криминалистического и уголовно-процессуального исследования механизма доказывания преступной деятельности, формирующая научно-методологическую основу для оценки и снижения дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию. Представленные в работе теоретические и методологические положения в совокупности являются научным достижением в области криминалистики и уголовно-процессуальной науки, имеют важное значение для развития соответствующей области научного знания, а также для решения системообразующих проблем практики уголовного судопроизводства.

Диссертация «Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности» является завершенной, обладающей внутренним единством, самостоятельной и оригинальной научно-квалификационной работой, в которой содержатся научные результаты и положения, свидетельствующие о личном вкладе автора в уголовно-правовые науки; соответствует критериям, которым должны отвечать

диссертации на соискание ученой степени доктора наук (пункты 9–11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842), а сам автор — Афанасьев Алексей Юрьевич — заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. (уголовно-правовые науки).

Информация об авторе

Ю. П. Гармаев — доктор юридических наук, профессор, профессор уголовного права, процесса и криминалистики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова.

Information about the author

Yu. P. Garmaev — Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of Criminal Law, Process and Criminalistics of the Buryat State University named after Dorji Banzarov.

Отзыв на докторскую диссертацию
УДК 343

Системно-деятельностный подход в исследовании криминальной и антикриминальной действительности (отзыв официального оппонента на диссертацию Афанасьева Алексея Юрьевича «Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. (уголовно-правовые науки))

Каминский Александр Маратович

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, kam2090@yandex.ru.

Для цитирования: Каминский А. М. Системно-деятельностный подход в исследовании криминальной и антикриминальной действительности (отзыв официального оппонента на диссертацию Афанасьева Алексея Юрьевича «Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. (уголовно-правовые науки)) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 304–309.

Original article

Review of a doctoral dissertation

System-activity approach in the study of criminal and anti-criminal reality (review of the official opponent for the dissertation of Afanasyev Alexei Yuryevich “Methodology for studying the mechanism of proving criminal activity”, submitted for the degree of Doctor of Sciences (Law) in specialty 5.1.4. (Criminal law sciences))

Alexandr M. Kaminsky

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, kam2090@yandex.ru.

For citation: Kaminsky A. M. System-activity approach in the study of criminal and anti-criminal reality (review of the official opponent for the dissertation of Afanasyev Alexei Yuryevich “Methodology for studying the mechanism of proving criminal activity”, submitted for the degree of Doctor of Sciences (Law) in specialty 5.1.4. (Criminal law sciences)). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 304–309. (In Russ.).

Потенциал системно-деятельностного подхода в изучении проблем криминальной и антикриминальной действительности в уголовно-правовых науках является явно недооцененным. Еще меньше внимания уделяется методологическим исследованиям, призванным

провести ревизию текущего состояния дел в самой науке, степени ее организованности в решении проблем противодействия преступности и отправления правосудия. По всей видимости, на эту ситуацию оказывают влияние следующие обстоятельства:

© Каминский А. М., 2025

— во-первых, убежденность ученых в достаточности традиционно применяемого инструментария для исследования всех проблем теории и практики;

— во-вторых, ожидание того, что предлагаемые научные разработки напрямую «сработают» на практику;

— в-третьих, отрицание необходимости и возможности проведения рефлексивного анализа относительно как самой отрасли научного знания, так и отдельно взятой исследовательской деятельности.

Как следствие, мы перестаем обращать внимание на тенденции и закономерности, свидетельствующие о системных сбоях, начинаем ко всему происходящему относиться как к «нормальному» или «должному», не видим общих проблем в массиве частных, не размышляем о пригодности и качестве проводимых исследований и т. д.

А. Ю. Афанасьев наглядно продемонстрировал, как методологическое исследование, опирающееся на системно-деятельностный подход, может быть эффективным в работе с вроде бы привычными предметами, но рассмотренными и представленными под иным углом. В этом ему помогли: раскрытие методологии через результат рефлексии; правильный выбор системообразующей деятельности в уголовном судопроизводстве, доказывания преступной деятельности, воспринятого в качестве сложной функциональной системы; обращение к эффективному методологическому средству — механистическому подходу.

Только таким путем, вероятно, можно было приблизиться к крайне интересным и продуктивным идеям о существовании критического дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию; о возможности и необходимости научно-методологического обоснования деятельности по его оценке и снижению.

Несмотря на то, что объект криминалистики принято видеть через взаимовлияние преступной деятельности и деятельности по ее выявлению, раскрытию и расследованию, в совокупности, как единая дуалистическая система они не рассматривались. Не говоря уже о дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию. Эта связь также характеризуется признаками несводимости, противоположности, взаимообусловленности, что убедительно подтверждается автором.

Очевидно, не вызывает вопросов существование дисбаланса в целом. Равновесие между

двумя противоположными видами деятельности всегда нарушено. Именно в таком случае действие рождает противодействие. Прежде всего, подобное неустойчивое состояние обеспечивается тем, что субъекты доказывания имеют дело не с самими преступлениями, а с их отражениями, представленными через следовые картины, а также тем, что криминальная среда крайне восприимчива к влиянию научно-технологического прогресса, изменениям в социальной, политической и экономической сферах общества и государства. Однако нельзя забывать, что у степени нарушения равновесия также могут быть свои пределы. Критический уровень дисбаланса может свидетельствовать о разрушении дуализма, впрочем, как и их абсолютное равновесие, что в принципе невозможно.

Предпосылки такого критического состояния автор увидел не просто в противоречиях действительности в виде низкой раскрываемости преступлений, неудовлетворительных показателей возмещения ущерба, нарушений прав и свобод участников уголовного процесса, продолжительных сроков расследования, больших объемов уголовных дел, но и в невозможности их устранения с помощью имеющихся средств и ресурсов. Кардинально изменившаяся криминальная картина мира, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий при совершении большинства преступлений (которые в большинстве своем и являются нераскрытыми)¹, обнажила старые проблемы и проявила новые. Следует согласиться с А. Ю. Афанасьевым: закон необходимого разнообразия в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию однозначно нарушен. Разнообразие средств доказывания не может конкурировать с современными средствами преступной деятельности.

Разумеется, нельзя утверждать, что принимаемые правоприменителями, законодателями и учеными меры никак не улучшают систему уголовного судопроизводства. Напротив, есть примеры положительных изменений, фиксируемые в этой сфере, в том числе обусловленные эффективными процессуальными, криминалистическими, оперативно-розыскными, судебно-экспертными и другими средствами обеспечения выявления, раскрытия, расследования преступлений. Например, официальная

¹Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 15.04.2025).

статистика показывает высокие показатели раскрываемости по некоторым видам преступлений (к примеру, по убийствам, причинению тяжкого вреда здоровью этот показатель и вовсе стремится к 100 %)¹; внесено изменение в уголовно-процессуальный закон, в соответствии с которым обвиняемому, защитнику или потерпевшему разрешено вручать копию обвинительного заключения с приложениями, изготовленную в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью²; постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 года № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» поставило в рамки сроки рассмотрения уголовных дел судами и т. д.

Несмотря на их ценность, нельзя отрицать, что такие вмешательства не соразмерны с имеющимися сбоями. Автору удалось обратить внимание на это обстоятельство и выдвинуть предположения об основаниях такого дисбаланса и возможностях методологического исследования механизма доказывания преступной деятельности для его оценки и снижения. Очевидно, классический научно-исследовательский путь не позволил бы приблизиться к таким умозаключениям.

В этой связи вполне объяснимо выглядит главная гипотеза исследования — методологический подход к исследованию механизма доказывания преступной деятельности за счет создания и применения методики работы с ее закономерностями позволяет одновременно представить в понятном виде саму деятельность по уголовно-процессуальному доказыванию, оценить состояние дисбаланса в дуалистической системе «преступная деятельность и деятельность по ее доказыванию», а также построить научную модель конструирования «концептуального моста», которая методологически обеспечивает программирование и проведение исследований в области теории доказывания, имеющих высокий потенциал эффективного применения для снижения уровня дисбаланса.

¹Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. URL: <https://мвд.рф/news/item/62189090/> (дата обращения: 15.04.2025).

²О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25 декабря 2023 года № 672-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202312250076?index=4> (дата обращения: 15.04.2025).

Без предварительного ознакомления с предшествующими шагами проектирования исследования и ее концептами такая формулировка покажется перегруженной специальной терминологией и вовсе непроверяемой. Однако автор к ней приходит на основе формулирования общих и частных гипотез, процедуру выдвижения которых можно наглядно проследить в самой работе.

Это все оправдывает и обосновывает приведенную цель исследования в виде создания концептуальной модели методологии криминалистического и уголовно-процессуального исследования механизма доказывания преступной деятельности, формирующей научно-методологическую основу для оценки и снижения дисбаланса в обозначенном дуализме, а также объект и предмет исследования. Несмотря на то, что они звучат непривычно, через них в очередной раз подчеркивается методологический уровень исследования, дуалистическая связь между преступной деятельностью и деятельностью по ее доказыванию, а также работа с закономерностями исследования закономерностей. Тем самым отчетливо прослеживается связь между темой, объектом, предметом, целью и задачами исследования.

В этом плане степень разработанности не вызывает вопросов. Действительно, тема нова, оригинальна и не исследована другими авторами. Рассматриваемую проблематику выгодно выделяет три обстоятельства: отсутствие в криминалистике, уголовно-процессуальной науке в целом и в теории доказывания работ, предлагающих к методологии относиться не просто как к совокупности методов научного познания, а как к результату внутринаучной рефлексии, к доказыванию как к сложной функциональной системе, к механизму как к понятой организации функционирования деятельности через ее закономерности.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, следует характеризовать как высокую. С полной уверенностью можно засвидетельствовать, что цель диссертации достигнута. Сама работа составляет самостоятельную, оригинальную и обоснованную методологию криминалистического и уголовно-процессуального исследования механизма доказывания преступной деятельности, а в ней содержится соответствующая научно-методологическая основа для оценки и снижения дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию. Достижение

цели подтверждается завершенностью реализации исследовательской программы, процедуры проверки основных и частных гипотез, выводами, предложениями и рекомендациями, представленными в конце параграфов диссертации, а также основными положениями, выносимыми на защиту, отличающимися научной и методологической новизной. Получение таких результатов стало возможным благодаря организованной упорядоченности и основательности авторского подхода не только к их получению, но и программированию этой процедуры. Пожалуй, это тот редкий случай, когда перед традиционной исследовательской частью проводится рефлексивный анализ относительно организации самого научного исследования.

Что касается самих научных положений, выводов и рекомендаций, то они, главным образом, сосредоточены в рубрике «основные положения, выносимые на защиту». Их обоснованность и научная ценность подтверждается последовательным, непротиворечивым и аргументированным:

- объяснением связи между методологией и рефлексией для формирования соотношения как результата и средства;

- приложением философских оснований двойственности человеческой природы к представлению преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию в качестве дуализма;

- переносом положений теории функциональных систем на доказывание преступной деятельности и представление его в качестве сложной функциональной системы;

- отражением механизма доказывания преступной деятельности через идеи понятой организации, заимствованной из всеобщей организационной науки;

- выводением значения методологического уровня моделирования исследования, служащего «материнским» по отношению к доктринальному моделированию;

- определением типов и видов моделей, допустимых и достаточных для понимания доказывания преступной деятельности как сложной функциональной системы;

- представлением подробных алгоритмов работы с закономерными связями в механизме доказывания преступной деятельности;

- установлением статистических закономерностей механизма доказывания преступной деятельности, которые указывают на нарушение закона необходимого разнообразия в криминальной и антикриминальной действительности;

- выявлением аномалий в доказывании преступной деятельности, свидетельствующих об отклонениях между ожидаемым и действительным;

- подтверждением критического уровня дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию;

- предложением нового видения объекта, предмета и методов теории доказывания в уголовном судопроизводстве;

- раскрытием новой формы и содержания методики доказывания преступной деятельности;

- формированием научно-методологической программы по снижению дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию;

- выводением, раскрытием и применением категории «функциональная безопасность уголовного судопроизводства».

Эти и другие результаты получены в рамках авторской методологии и исследовательской программы, основаны на общепризнанных положениях философии; методологии и рефлексии; науковедения; методологии юриспруденции, уголовно-правовых наук и криминалистики; теорий доказывания (доказательств), деятельности, мышления, познания, отражения, функционализма, функциональных систем, моделирования, вероятностей; всеобщей организационной науки; кибернетики; статистики; и других областях научного знания.

Полученные результаты в теоретическом плане можно использовать в переосмыслении объектов, предметов и методов (подходов), а также в укреплении и развитии междисциплинарных связей уголовно-правовых наук; в становлении и развитии теории доказывания как самостоятельной междисциплинарной области научного знания; в создании новых продуктов исследовательско-рефлексивного творчества в области теории доказывания; при исследовании иных сложных функциональных систем. В практическом направлении они могут быть весьма эффективны в критической оценке и повышении эффективности научной, законотворческой и правоприменительной деятельности; в разработке методик доказывания отдельных видов и групп преступной деятельности; в выявлении и снижении дисбаланса в дуализмах отдельных видов или групп преступной деятельности и деятельности по их доказыванию.

Обоснованное сочетание дуалистического, системно-деятельностного, механистического подходов, совокупности общенаучных и

частнонаучных методов научного познания, а также теоретического и эмпирического материала позволило разработать и представить оригинальные определения методологии исследования механизма доказывания преступной деятельности; создать и апробировать авторскую экспериментальную методику раскрытия и использования закономерностей механизма доказывания преступной деятельности; выявить, сформировать, интерпретировать и апробировать качественно новые закономерности и аномалии, проявляющиеся в доказывании преступной деятельности как сложной функциональной системы; создать инновационную научно-методологическую основу междисциплинарной самостоятельной теории доказывания в уголовном судопроизводстве с собственным объектом, предметом и методами (подходами); представить структуру методики доказывания отдельных видов или групп преступной деятельности в виде типовых моделей средств доказывания, доказательств, обстоятельств, подлежащих доказыванию, в совокупности, позволяющих сформировать типовую модель уголовно-процессуального доказательственного права; предложить научно-методологическую программу снижения дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию и обеспечения функциональной безопасности системы уголовного судопроизводства.

Безусловно, подобные положения в криминалистике и уголовно-процессуальной науке звучат впервые. Новизной также характеризуется их форма конструирования и подачи. Благодаря авторской методологии удалось проследить и проверить путь получения каждого вывода, предложения и рекомендации. Они согласуются с общепринятыми опубликованными данными, эмпирической базой в виде результатов использования методов экспертной оценки и кластерного анализа; материалов нераскрытых преступлений; статистических данных МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации; отчетных документов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

В работе имеется множество иных положительных сторон. В то же время присутствуют также и спорные, и неоднозначные моменты, на которые следует обратить внимание.

1. Автор, основываясь на наработках представителей Московского методологического кружка, рассматривает методологию через рефлексию организации мыследеятельности (с. 33–45 диссертации), а механизм доказывания преступной деятельности — через понятую

организацию, воспринятую на основе положений всеобщей организационной науки (тектологии) (с. 223–245 диссертации). Однако в диссертации не содержится положений, призванных отразить авторскую позицию относительно соотношения между мышлением, пониманием, рефлексией, хотя по смыслу напрашивается такое объяснение.

2. При рассмотрении типов и видов моделей, создаваемых при изучении доказывания преступной деятельности как сложной функциональной системы, автор приходит к тому, что главенствующее положение занимают функциональная модель в сочетании с информационно-познавательной моделью (с. 246–282 диссертации). В самой работе помимо обозначенных моделей выделяются также бифункциональная, логическая (версионная) модели и приводится их содержание. Например, установлено, что «Версионная модель является наиболее сложной и абстрактной моделью, которая делает понятной, главным образом, не само доказывание преступной деятельности, а рефлексивное мышление субъектов доказывания преступной деятельности, а равно субъектов преступной деятельности» (с. 281 диссертации). Несмотря на оригинальность представленного вывода и ценность для криминалистической науки, автор не приводит его в положениях, выносимых на защиту. Также остается дискуссионным отождествление логического моделирования с версионным.

3. Статистические (вероятностные) закономерности механизма доказывания преступной деятельности, сформированные в параграфе 3.1.2 диссертации в результате применения авторской методики, имеют существенное значение для вскрытия онтологических основ текущего состояния доказывания преступной деятельности и уголовного судопроизводства в целом. Однако автор, сконцентрировавшись на идее обоснования дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию, не обратил внимание на то, что матрицы вероятностных значений (с. 673–692 диссертации) содержат и иные устойчивые и повторяющиеся зависимости, которые могут свидетельствовать также о других отклонениях в уголовном судопроизводстве.

4. Поставив во главу угла проблему уравнивания разнообразия и силы средств преступной деятельности и средств доказывания преступной деятельности, автору следовало более основательно рассмотреть потенциал не только нормативно закрепляемых средств

доказывания, но и иных средств, в особенности не требующих такого закрепления. Несмотря на то, что на с. 293, 433 диссертации автор указывает на пригодность любых средств, позволяющих функциональной системе «доказывание преступной деятельности» без сбоев выполнять необходимую функцию доказывания и принятия уголовно-процессуальных решений, остается непонятным, о каких именно криминалистических и организационных средствах доказывания преступной деятельности идет речь.

5. В положении 3, выносимом на защиту, а также на с. 222 диссертации, автор, устанавливая доказывание преступной деятельности как сложную функциональную систему, приводит два ее свойства: запрограммированность на полезный результат в виде системы доказательств для принятия обоснованных уголовно-процессуальных решений, а также моментальную организацию из составных частей в систему и ее запуск. В то же время в ходе самого исследования им обосновывается существование обратной ситуации, когда доказывание преступной деятельности не всегда реализуется в полной мере и сразу (с. 63–90 диссертации). Из-за этого противоречия непонятно, то ли все в порядке с этой функциональной системой, то ли у нее есть обозначенные сбои.

Представленные замечания и вопросы в большинстве своем носят дискуссионный или уточняющий характер и не снижают общей положительной оценки диссертации. Кроме этого, их наличие не всегда указывает на упущения автора именно в аргументации или формировании положений. Они могут служить подтверждением широты и глубины избранного подхода и получаемых результатов, в том числе недооцененных самим автором.

Таким образом, в результате изучения представленного исследования можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, диссертация представляет собой самостоятельно подготовленную, обладающую внутренним единством, завершенную научно-квалификационную работу по научной специальности 5.1.4. (уголовно-правовые науки).

Во-вторых, по всем признакам совокупность теоретико-методологических положений, представленных в диссертации, является научным достижением в области криминалистики и уголовно-процессуальной науки. Об этом свидетельствует фундаментальный и значимый характер представленной концептуальной модели методологии криминалистического и уголовно-процессуального исследования механизма доказывания преступной деятельности, формирующего научно-методологическую основу для оценки и снижения дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию.

В-третьих, полученные в ходе исследования оригинальные научные результаты и положения, выносимые на защиту, являются инновационными, приводятся впервые, свидетельствуют о личном вкладе автора диссертации в уголовно-правовые науки. Они аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями.

В-четвертых, основные научные результаты диссертации опубликованы в трех научных монографиях и 64 научных статьях, 27 из которых — в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

В-пятых, в диссертации имеются ссылки на источники заимствования, в том числе научные работы, подготовленные самим автором.

В-шестых, диссертация «Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности» соответствует критериям, установленным пунктами 9–11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, а сам автор — Афанасьев Алексей Юрьевич — заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.4. (уголовно-правовые науки).

Информация об авторе

А. М. Каминский — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Удмуртского государственного университета.

Information about the author

A. M. Kaminsky — Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Udmurt State University.

Отзыв на докторскую диссертацию
УДК 343

**Методологический уровень преодоления кризиса теории доказывания и
уголовно-процессуального доказательственного права
(отзыв официального оппонента на диссертацию
Афанасьева Алексея Юрьевича «Методология исследования механизма
доказывания преступной деятельности», представленной на соискание
ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4.
(уголовно-правовые науки))**

Тарасов Александр Алексеевич

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, aatar@mail.ru.

Для цитирования: Тарасов А. А. Методологический уровень преодоления кризиса теории доказывания и уголовно-процессуального доказательственного права (отзыв официального оппонента на диссертацию Афанасьева Алексея Юрьевича «Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. (уголовно-правовые науки)) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 310–314.

Original article

Review of a doctoral dissertation

**Methodological level of overcoming the crisis of the theory of evidence and
criminal procedural evidentiary law (review of the official opponent for the
dissertation of Afanasyev Alexei Yuryevich “Methodology for studying the
mechanism of proving criminal activity”, submitted for the degree of Doctor
of Sciences (Law) in specialty 5.1.4. (Criminal law sciences))**

Alexandr A. Tarasov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, aatar@mail.ru.

For citation: Tarasov A. A. Methodological level of overcoming the crisis of the theory of evidence and criminal procedural evidentiary law (review of the official opponent for the dissertation of Afanasyev Alexei Yuryevich “Methodology for studying the mechanism of proving criminal activity”, submitted for the degree of Doctor of Sciences (Law) in specialty 5.1.4. (Criminal law sciences)). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 310–314. (In Russ.).

Актуальность темы исследования и его научную новизну целесообразно оценивать если не в совокупности, то как минимум в тесной взаимосвязи, поскольку представленная к защите

докторская диссертация призвана восполнить методологический пробел, касающийся теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики. Потребность в таком восполнении

© Тарасов А. А., 2025

определяется, по мнению официального оппонента, прежде всего отсутствием в настоящее время единой методологической базы для целенаправленного и сколько-нибудь унифицированного исследования разнородной информации о преступной деятельности, получаемой разными субъектами, разными способами, в разное время и в разных объемах, притом что сама эта деятельность как объект познания является целостной.

Словосочетание «преступная деятельность» нехарактерное ни для текстов действующего законодательства, ни для процессуальных документов по уголовным делам, является одним из базовых авторских терминов и подчеркивает масштабность и сложную внутреннюю структуру познаваемого объекта. В этом качестве диссертант рассматривает разнородную совокупность совершенных, готовящихся, раскрытых и не раскрытых преступлений, ставших объектом уголовно-процессуальной деятельности и только предполагающихся в качестве такового.

В реальной действительности объект профессионального внимания правоохранительных органов именно так и выглядит. Важно подчеркнуть, что это объект профессиональной деятельности разных правоохранительных органов, действующих с использованием разных правовых средств, получающих разные информационные результаты, порождающие разные правовые последствия.

Предложенная в диссертации методологическая схема осуществления всей этой разнородной познавательной деятельности разных ее субъектов нацелена на решение глобальной и давно осознаваемой и в правоприменительной практике, и в науке проблемы — преодолеть разобщенность этой деятельности в отношении общего и единого ее объекта.

В работе показано, что такая разобщенность не могла не отразиться и на научных исследованиях, а точнее, на разных ее направлениях, объединенных ныне в одной научной специальности 5.1.4. (уголовно-правовые науки). Проблемами уголовно-процессуального регулирования доказательственной деятельности по уголовным делам занимаются специалисты в области уголовно-процессуального права. Криминалистические научные исследования традиционно для России развиваются в условиях известной автономии от теории уголовного процесса, что особенно ярко проявляется в специфике используемой криминалистами научной терминологии, не характерной для уголовно-процессуального закона, на которую, в свою

очередь, как правило, сориентированы научные труды по уголовно-процессуальному праву. Оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) — это предмет научной разработки для относительно узкого круга исследователей, имеющих специальные допуски к сведениям, составляющим государственную тайну.

У этой разобщенности, как верно отмечается и в рецензируемой диссертации, есть и прямые практические последствия.

1) Явно недостаточный, если не сказать неудовлетворительный уровень процессуальной «реализации» результатов ОРД в организации уголовного преследования, доведения уголовного дела до суда и в судебном следствии, фактически замененный непосредственным представлением результатов ОРД в уголовное дело и оценкой их субъектами доказывания вопреки прямому законодательному запрету в статье 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

2) Отсутствие практики инициативного возбуждения уголовных дел органами дознания по материалам, полученным в результате ОРД, хотя по действующему уголовно-процессуальному закону это не исключается, а согласно статье 108 УПК РСФСР 1960 года возбуждение уголовного дела при «непосредственном обнаружении органом дознания признаков преступления» было нормальной практикой.

3) Формализм во взаимном обмене «поручениями» и «сообщениями об исполнении поручений» между следователями и органами дознания, когда первые преследуют единственную цель — иметь в уголовном деле документ, подтверждающий такое обращение, а вторые — иметь такой же документ об исполнении поручения следователя, которое по закону является обязательным. К реальному раскрытию и исследованию преступлений такое «взаимодействие» отношения не имеет.

В работе на основе признания того известного постулата, что уголовно-процессуальное доказывание является ядром всего уголовного процесса, его сердцевиной (с. 98 диссертации) разработано авторское понятие «механизм доказывания», включающий в себя уголовно-процессуальные и криминалистические элементы. Нельзя сказать, что этот подход абсолютно нов в науке, однако выявление его соотношения с объектом процессуально-криминалистического исследования — механизмом преступной деятельности — можно признать новым словом в теории обеих названных наук.

Диссертант предлагает собственную трактовку одной из самых актуальных проблем современной практики производства по уголовным делам так называемого «обвинительного уклона» в правоохранительной, а вслед за ней и в судебной деятельности. Автор считает его следствием искусственной попытки государства уравновесить две стороны в системе взаимодействия преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию (с. 213 диссертации).

Преступная деятельность всегда оказывается более совершенной в сравнении с тем, что государство может ей противопоставить в конкретный момент времени. Это, в свою очередь, влечет «закладывание завышенного потенциала» в средства обвинения в сравнении со средствами защиты (положение, выносимое на защиту № 10, с. 25 диссертации). Последнее приводит к нарушению принципа состязательности, которое, судя по авторскому контексту, невозможно преодолеть без глобальной методологической перестройки всей доказательственной деятельности. С этим утверждением можно не соглашаться, как можно спорить и с самой правомерностью использования термина «сторона» в контексте принципа состязательности в отношении чего бы то ни было, кроме сторон обвинения и защиты. Однако авторское мнение по этому вопросу представляет интерес для научной общественности: приспособившись к меняющейся преступности, государственная правоохранительная система, действительно, не всегда вовремя реагирует на эти изменения, а потому вынуждена усиливать свою репрессивную составляющую, нередко за счет ограничения прав и свобод участников уголовного процесса. В работе выявлены и другие недостатки современной правоприменительной практики и предложены методологические подходы к изменению сложившейся ситуации, совокупность которых диссертантом обозначена поэтической метафорой — наведением «концептуальных мостов» (с. 130, 136, 215, 220, 234 диссертации), в том числе и с помощью предварительного моделирования механизма доказывания как деятельности правоохранительной (с. 160 диссертации и приложения к работе), на основе детального анализа объекта познания, то есть механизма самой преступной деятельности.

Научный и практический интерес представляет особая форма изложения авторского взгляда на решение глобальной проблемы всей государственной системы противодействия преступности. Преступность развивается под

воздействием характерных для нее закономерностей, закон, регулирующий уголовно-процессуальную и иную правоохранительную деятельность, часто живет своей обособленной от реальности жизнью, отстающей от потребностей противодействия преступности, а правоприменительная практика развивается по собственным правилам, пытаясь приспособиться и к особенностям преступности, и к закону, но часто не соответствуя ни первому, ни второму. Большинство сформулированных диссертантом гипотез, аргументов и выводов побуждают к спору, но это не снижает научной и практической значимости проделанной автором работы. Скорее, наоборот, способствуют развитию всего комплекса наук антикриминального цикла.

Нельзя не согласиться с авторской критикой общей направленности многих уголовно-процессуальных научных исследований, в которых непременно предлагалось как-то изменить уголовно-процессуальный закон, и все авторы-процессуалисты считали это своим долгом. Без системного методологического подхода к проблеме исследования преступной деятельности и государственного противодействия ей никакие законодательные новшества не способны изменить ситуацию сколько-нибудь существенно. То же в значительной степени касается и многих научных исследований в области криминалистических методик и тактик. Сказанное, к сожалению, само по себе не предопределяет ценности методологических рекомендаций самой рецензируемой диссертации, однако повод для дискуссий относительно реальной ценности многих современных научных изысканий дает.

Информационная база исследования образована обширным и разнообразным кругом литературных источников по проблемам философии, в том числе теории функциональных систем, гносеологии, методологии научного познания, уголовного процесса и криминалистики, теории ОРД. В работе анализируется и активно используется в системе авторских логических построений обширный статистический и социологический материал, а также результаты изучения материалов уголовных дел.

Структура диссертации отвечает целям и задачам исследования, а также содержанию положений, выносимых на защиту. Названия разделов работы выглядят несколько непривычно для юридических научно-квалификационных трудов, однако соответствуют общему авторскому замыслу и общему стилю изложения материала. В работе имеется несколько приложений, призванных иллюстрировать написанное и

демонстрировать процесс проведения исследования.

Диссертация прошла солидную апробацию на научных мероприятиях разного масштаба и уровня в нескольких российских регионах. Результаты исследования внедрены в образовательную деятельность нескольких юридических высших учебных заведений и в практику следственных подразделений Нижегородской области, а также судебных органов Нижегородской и Запорожской областей.

Рецензируемая диссертация заслуживает и ряда критических суждений.

1. Главным недостатком работы считаю избыточно сложную и многословную авторскую манеру изложения материала, не всегда обусловленную сложностью самого исследуемого объекта. Это касается и чрезмерной метафоричности авторского стиля письменной речи, нередко заставляющей читателя самостоятельно догадываться, что именно автор хотел сказать, формулируя и аргументируя доказываемые тезисы. К тому же текст диссертации явно перегружен хотя и небезынтересным материалом, но не имеющим прямого отношения к научной специальности 5.1.4, а касающимся методологии научного познания вообще.

2. Прямым следствием первого недостатка явился чрезмерный объем диссертационной работы. Философские рассуждения, обращение к теории функциональных систем и к теоретическим основам методологии научного познания нельзя считать избыточными в принципе. Все это необходимо автору для проведения собственного исследования. Однако все это совсем не лишние знания способны отвлекать от главного содержания диссертации по специальности 5.1.4.

3. Автор многократно заявляет о том, что одним из основных направлений его исследования является анализ действующего уголовно-процессуального закона. По ходу изложения диссертант не без оснований выявляет недостатки этого закона, влекущие многие известные пороки правоприменительной деятельности. Это и излишняя бюрократизация процессуального оформления с естественным для этого увеличением объема уголовных дел, это и явное превышение разумных сроков производства по делу со всеми последствиями и для справедливого наказания преступников, и для защиты прав потерпевших и т. д. Полагаем, что такие утверждения без анализа конкретных «плохих» норм действующего УПК РФ выглядят легковесными и без них явно не обойтись.

4. В авторских пояснениях со ссылками на конкретные положения уголовно-процессуального закона нуждается и следующее авторское утверждение: «цель деятельности по доказыванию, как и всего уголовного процесса в принципе, не приводится в тексте уголовно-процессуального закона, а цель преступной деятельности очень хорошо известна ее субъектам — ее достижение основной мотиватор; средства деятельности по доказыванию по сей день остаются неизменными, хотя средства преступной деятельности преобразовались существенно; субъекты деятельности по доказыванию по-прежнему не поспевают за развитием криминальной среды — информационно, технологически, технически и т. д.» (с. 101 диссертации). Даже если согласиться с общей обоснованностью всего здесь сказанного, в докторской диссертации по специальности 5.1.4 (уголовно-правовые науки) требуется анализ закона, а не публицистика. Авторские пояснения тем более необходимы, что вопрос о назначении, цели и задачах уголовного процесса — это предмет давних и острых научных дискуссий, а в части нормативно-правовой регламентации доказывания действующий УПК РФ претерпел немало изменений разного масштаба, которые тоже вызвали разные реакции в научной литературе.

Высказанные критические замечания не меняют общей положительной оценки представленного научно-квалификационного труда, а лишь отражают закономерный интерес ко всему написанному автором, к исследованным и даже вскользь затронутым в диссертации глобальным проблемам противодействия преступности и обеспечения правосудия в России.

Анализ содержания работы позволяет сделать следующие выводы.

1. Представленная к защите диссертация А. Ю. Афанасьева «Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности» соответствует критериям, установленным пунктами 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Правительством Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в действующей редакции) (далее — Положение).

2. Диссертация А. Ю. Афанасьева является самостоятельной, оригинальной, законченной, творческой научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решена крупная научная проблема, имеющая значение для развития теории и практики уголовного судопроизводства, а также теоретических основ

криминалистики. Диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, что свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку (п.п. 9 и 10 Положения). В диссертации А. Ю. Афанасьева не выявлены некорректные заимствования (п. 14 Положения).

3. Результаты диссертационной работы А. Ю. Афанасьева соответствуют следующим пунктам паспорта научной специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» (юридические науки): пункт 1. Уголовно-правовые науки (уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право, криминалистика, судебная экспертология, ОРД): теория и методология, предмет, система, принципы, функции науки, история институтов, взаимодействие с другими науками; пункт 5. Теория уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальное законодательство, закономерности и тенденции развития и совершенствования уголовного судопроизводства, содержание и формы реализации, уголовно-процессуальные институты и функции, стадии уголовного процесса,

уголовно-процессуальные производства, его участники, уголовное преследование, обеспечение прав, свобод и законных интересов личности, доказательственное право, процессуальный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль; пункт 6. Криминалистика: предмет, объект, задачи, система и функции. Методология криминалистики, ее современное состояние и тенденции развития. Криминалистическая техника, тактика, методика.

4. Автореферат диссертации и 67 опубликованных научных трудов А. Ю. Афанасьева в полной мере отражают основные положения диссертационного исследования. Среди них 3 монографии и 27 статей, опубликованных в изданиях, включенных в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (п. 11, 13 Положения).

5. Автор диссертации — Алексей Юрьевич Афанасьев — заслуживает присуждения ему ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.4. (уголовно-правовые науки (юридические науки)).

Информация об авторе

А. А. Тарасов — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий.

Information about the author

A. A. Tarasov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Process Ufa University of Science and Technology.

Отзыв на автореферат докторской диссертации
УДК 343

**Отзыв
на автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора
юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки): А. А. Лихолетов Уголовно-правовая охрана
специальных видов предпринимательской деятельности: теоретические и
прикладные проблемы (Волгоград, 2025. 45 с.).**

Милюков Сергей Фёдорович

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург,
Россия, dikoeoplesf@gmail.com.

Для цитирования: Милюков С. Ф. Отзыв на автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки): А. А. Ли-
холетов Уголовно-правовая охрана специальных видов предпринимательской деятельности: теоретические
и прикладные проблемы (Волгоград, 2025. 45 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской
академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 315–317.

Original article

Review of the abstract of the dissertation

**Review
of the Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor of Laws
in Specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences): A. A. Likholetov
Criminal law protection of special types of entrepreneurial activities: theoretical
and applied problems (Volgograd, 2025, 45 p.).**

Sergey F. Milyukov

A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation,
dikoeoplesf@gmail.com.

For citation: Milyukov S. F. Review of the Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor of Laws in Spe-
cialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences) A. A. Likholetov Criminal law protection of special types of entre-
preneurial activities: theoretical and applied problems (Volgograd, 2025, 45 p.). *Legal Science and Practice: Journal of
the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 315–317. (In Russ.).

Экономические отношения во многом опре-
деляют содержание политической и право-
вой надстройки любого современного обще-
ства, включая российское. Таким образом,

общественно опасные посягательства на этот
базис болезненно сказываются на всех сферах
общественного бытия и чреватые острыми социаль-
ными конфликтами.

© Милюков С. Ф., 2025

Обозначенная материя находится под пристальным вниманием правоведов и криминологов. Но ее исследование отнюдь не утратило актуальности, поскольку предлагаемые решения соответствующих проблем весьма противоречивы, а их законодательное и правоприменительное воплощение в целом следует считать малоудовлетворительным.

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук А. А. Лихолетова соответствует основным требованиям к такого рода работам, а именно: актуальности, методологической основательности, достоверности, научной новизне, теоретической и практической значимости, апробации, внедренности в научный, практический и педагогический процессы. Выводы и предложения соискателя базируются на разнообразной и репрезентативной эмпирической базе, включающей более 3 000 уголовных дел и судебных решений, вынесенных с 2009 по 2014 год, а также анкетирования 657 сотрудников правоохранительных органов (преимущественно следователей) и опроса 104 педагогических и научных работников большого числа регионов страны (с. 10–11).

Убедительны и потому заслуживают поддержки большинство положений, вынесенных автором на защиту, прежде всего касающихся модернизации ряда норм Общей и Особенной частей действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) (с. 15–17), а также разумного расширения содержания постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19; от 21 апреля 2009 года № 8 и от 18 ноября 2004 года № 23 (с. 17–19).

Вместе с тем настоящая диссертация, как можно судить по ее автореферату, не свободна от некоторых спорных и упречных положений. Укажем на два из них.

1. Основной текст автореферата и, очевидно, самой диссертации начинается со следующего утверждения: «В конце XX века наша страна перешла на новую модель государственного хозяйствования, основанную на рыночной экономике, свободном предпринимательстве и честной конкуренции при равенстве всех форм собственности» (с. 3).

Увы, этот пассаж никак не соответствует действительности. Как можно говорить о рыночной экономике и честной конкуренции, когда уже 35 лет в России непрерывно растут цены на все виды производимой предпринимателями продукции, включая продовольствие, а также оказываемые услуги? В условиях специальной

военной операции (о ней, кстати, в работе не говорится ни слова, хотя широкомасштабные боевые действия существенным образом сказываются на экономическом правопорядке) и массивных финансово-экономических санкциях Запада внутри России, перманентно образуются излишки сырой и переработанной нефти, газа, металлов, стройматериалов, леса, удобрений, зерна и другой сельскохозяйственной продукции. Однако цены на эти и другие виды товаров не только не падают, но и продолжают скачкообразно расти вопреки законам рынка. Это дает гигантские сверхприбыли монополиям, которые в значительной мере криминализованы и накрепко слились с коррумпированной ими частью чиновников, депутатского корпуса, правоохранителей и генералитета.

Сам автор смело констатирует, что внесенные в апреле 2024 года поправки в главу 22 УК РФ «наряду с увеличением пороговых значений сумм размера деяния, причиненного ущерба, извлеченного дохода или задолженности (...) декриминализировали формы незаконного предпринимательства, сопряженные с извлечением дохода в крупном (особо крупном) размере, фактически легализовав подпольный бизнес в нашей стране и расширив масштабы теневой экономики, что уже в ближайшее время может привести к глобальной криминализации народного хозяйства в целом» (с. 6). Далее диссертант счел необходимым подчеркнуть, что последствия осуществленного в вышеуказанное время реформирования «статьи 171 УК РФ для экономической системы страны катастрофичны» (с. 27).

Так что приближение к идеалам рыночной экономики, столь пафосно обрисованным в начале работы, становится все более проблематичным, поскольку государственная власть неустанно создает новые преференции экономическим хищникам, прежде всего крупным и особо крупным.

2. Как видно из вышеприведенной цитаты, соискатель вслед за некоторыми правоведами весьма примитивно понимает сущность процессов декриминализации (криминализации), сводя таковые к исключению (введению) в Особенную часть УК РФ статей или их частей.

По данной причине трудно согласиться с утверждением, что «в системе преступлений в сфере экономической деятельности декриминализовано пять деяний, ответственность за которые была предусмотрена статьями 173, 182, 188, 200 и 200.2 УК РФ» (с. 3). Дело в том, что большинство составов, содержащихся в

Особенной части УК РФ, перекрещиваются со многими другими близлежащими и отдаленными нормами уголовного закона. При исключении одной и даже нескольких однородных норм автоматически начинают свое действие иные, сохранившиеся в правовом поле.

Так, криминологически необоснованное исключение из УК РФ статьи 200 («Обман потребителей») отнюдь не означает, что таковой с декабря 2003 года стал абсолютно ненаказуемым, поскольку часть таких деяний образует состав мошенничества, в том числе мелкого (ст. 158.1 УК РФ). То же можно сказать, допустим, о заведомо ложной рекламе, которая зачастую выражается в покушении на то же мошенничество.

Другое дело, что практические работники действительно воспринимают такие шаги законодателя, как отказ от уголовного преследования тех или иных посягательств и прекращают противодействовать им.

Сделанные замечания не препятствуют выводу о том, что, судя по автореферату,

диссертация на тему «Уголовно-правовая охрана специальных видов предпринимательской деятельности: теоретические и прикладные проблемы» является законченной научно-квалификационной работой, в которой даны приемлемые для науки и правоприменения решения актуальных уголовно-правовых проблем. Диссертация написана самостоятельно, обладает внутренним единством и свидетельствует о значительном вкладе автора в юридическую науку по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Таким образом, названная работа соответствует критериям, закрепленным в пунктах 9 и 10 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в ред. от 16 октября 2024) «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор вполне заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Информация об авторе

С. Ф. Миллюков — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Information about the author

S. F. Milyukov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen.

Рецензия на диссертацию
УДК 34.01

Приоритет в праве: природа, ценность, результативность функционирования. Рецензия на диссертацию С. А. Чиркаева «Юридический приоритет как общеправовой феномен: теоретические и практические аспекты» (Саратов, 2025. 223 с.)

Плешаков Евгений Александрович

Московская коллегия адвокатов «Международная коллегия адвокатов № 1 города Москвы», Москва, Россия, law_pleshakov@mail.ru.

Для цитирования: Плешаков Е. А. Приоритет в праве: природа, ценность, результативность функционирования. Рецензия на диссертацию С. А. Чиркаева «Юридический приоритет как общеправовой феномен: теоретические и практические аспекты» (Саратов, 2025. 223 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 318–328.

Original article

Review of the dissertation

Priority in law: nature, value, effectiveness of functioning. Review of the dissertation of S. A. Chirkaev “Legal Priority as a general legal phenomenon: theoretical and practical aspects” (Saratov, 2025. 223 p.)

Evgeny A. Pleshakov

The Moscow Bar Association “International Bar Association no. 1 of Moscow”, Moscow, Russian Federation, law_pleshakov@mail.ru.

For citation: Pleshakov E. A. Priority in law: nature, value, and effectiveness of functioning. Review of the dissertation of S. A. Chirkaev “Legal Priority as a general Legal Phenomenon: Theoretical and Practical Aspects” (Saratov, 2025. 223 p.). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (72), pp. 318–328. (In Russ.).

Приоритет в контексте юридически значимой деятельности на любом этапе ее развития играет ключевую системообразующую роль. Этот феномен активно (а порой и определяюще) влияет на содержание правовой материи и интерпретацию правоотношений, предопределяет существующие и вновь обозначаемые цели правового регулирования, выбор

организационно-управленческих, технико-юридических, морально-психологических, культурно-воспитательных средств его реализации. В этом ракурсе сомневаться в актуальности темы диссертационного исследования С. А. Чиркаева «Юридический приоритет как общеправовой феномен: теоретические и практические аспекты» не приходится. Мы согласны с позицией

© Плешаков Е. А., 2025

автора, который правильно на страницах диссертации подмечает: «Именно приоритеты, аккумулирующие фундаментальные интересы личности и государства в важнейших сферах жизни, формируют основы государственной политики, задают магистральные пути развития общества» [1, с. 3].

Актуальность исследования проблематики приоритета в праве в современных условиях трудно переоценить. В обстановке усложнения юридической системы, роста количественных и качественных показателей нормативного массива, постоянного взаимодействия различных право порядков (национального, регионального, международного), а также конкуренции правовых норм и принципов возникает объективная необходимость в разработке теоретико-методологических основ их упорядочения: иерархического на основе формальных критериев, ценностных содержательных характеристик. В этой связи диссертационное исследование С. А. Чиркаева представляет собой попытку системного осмысления приоритета не как локального, ситуативного явления, а как общеправового феномена, обладающего собственной онтологией, структурой и функциональной нагрузкой.

Стоит отметить, что диссертация выполнена на высоком теоретическом уровне, основана на широком круге источников: от классических трудов отечественных и зарубежных правоведов до актуальных судебных решений и современных научных публикаций. Автор демонстрирует глубокое владение методологией юридической науки, успешно применяя общенаучные (анализ, синтез, сравнительно-правовой метод) и частнонаучные (формально-юридический, системно-структурный, историко-правовой) методы исследования.

Нами будет предпринята попытка осуществить не просто констатацию достоинств работы, но и критическую оценку ее концептуальных положений. Особое внимание будет уделено вопросам соотношения приоритета в праве с устоявшимися системообразующими категориями правоведения (правовые принципы в целом и равенство в частности; дифференциация, иерархия и конкуренция правовых норм; специализация в праве и появление коллизионных предписаний), а также возможности его операционализации в правоприменительной практике.

Начать полагаем уместным с указания на первую при этом наиболее ярко проявляющуюся негативную особенность исследования С. А. Чиркаева — **игнорирование связи**

приоритета в праве с более широкой, универсальной, можно даже утверждать, **фундаментальной категорией равенства**. Последняя выступает одной из краеугольных проблем общественно-политической мысли человечества на протяжении многих веков. При этом ряд классических концептуальных работ современности посвящены осмыслению нынешней трансформации равенства, его содержательной природы, исторических форм и практических путей реализации. В частности, юридическим категориям «равенство», «равноправие» и «дискриминация» посвятили свои монографические работы Н. С. Бондарь [2, 3], Г. Н. Комкова [4, 5], Т. Н. Самсонова [6], не говоря уже о весьма внушительном количестве кандидатских исследований, перечислить всех авторов которых не представляется возможным: В. Ю. Зубакин, Е. В. Тилеженский, И. М. Шапиро, М. А. Янц и многие другие. Вместе с тем даже такая фундаментальная категория, как «равенство», сегодня продолжает эволюционировать. В частности, при проецировании равенства на конкретные правоотношения оно приобретает множественные оттенки: от тривиальных до исключительно тонких и системно значимых.

К категории «равенство» тесно примыкает ее полярный феномен — дифференциация, которая сегодня все чаще становится предметом правового анализа. Одним из первых отечественных правоведов, заложивших теоретические основы исследования дифференциации как общеправового феномена, был профессор И. Н. Сенякин. Он не только выявил общесоциальные, исторические, экономические и политические закономерности, обуславливающие специализацию законодательства, но и предложил трехкомпонентную модель специализации: дифференциация, конкретизация и детализация [7]. К сожалению, в своем исследовании С. А. Чиркаев данный момент проигнорировал, видимо, не только не пожелав упомянуть о системном развитии последних двух категорий в трудах последователей И. Н. Сенякина [8, 9], но и не выстроив методологический мостик от специализации (как более широкой родовой категории) к юридическому приоритету. **Дифференциация** как самостоятельное явление по сей день остается в тени научного внимания, несмотря на ее возрастающую роль в условиях усложнения правовой системы. **Осталась она незамеченной и С. А. Чиркаевым.**

Учитывая юридическую аксиому, согласно которой содержание правоотношений составляют субъективные права и юридические

обязанности, логично предположить, что юридическая дифференциация реализуется преимущественно в этой нормативно-субъектной плоскости. **При этом основанием для дифференциации, то есть выделения отдельных субъектов или групп из общей массы, а следовательно, для формирования специальных прав и обязанностей, выступает, на наш взгляд, установление приоритетов в праве.**

Приоритет представляет собой универсальный общенаучный феномен, позволяющий выделять главное из второстепенного, фокусировать внимание на существенных аспектах, не уходя в периферийные детали. В правовой сфере эта функция приобретает особое значение. Вопросы установления приоритетов в обязанностях и правах участников общественных отношений затрагивают генеральные стантовые элементы правового статуса личности, а сама система юридических приоритетов занимает центральное положение в архитектуре правовой системы.

Следовательно, проблематика, рассматриваемая в диссертации С. А. Чиркаева, неминуемо должна была опираться на круг системообразующих тем теории права и отраслевых юридических наук: дифференциация законодательства, специализация правовых статусов, нахождение баланса между равноправием и прерогативами.

Переходя от дифференциации к специализации, заметим, что общетеоретическое исследование приоритета в праве приобретает сегодня особую актуальность в свете необходимости обеспечения адаптивности и гибкости современного законодательства без ущерба для его стабильности и определенности. Поиск равновесия между стремлением улучшить правовое положение отдельных субъектов и необходимостью сдерживать их потенциально вредное поведение составляет одну из ключевых задач современной теории права. В этом смысле попытка С. А. Чиркаева спроецировать приоритеты на систему специальных правовых статусов может быть воспринята лишь как относительно успешная (в силу изложенных ниже аргументов). Однако это оставляет необходимое поле (а порой кажется, что и значительный пробел) в юридическом знании для системного осмысления другими исследователями.

В частности, С. А. Чиркаев фактически игнорирует как общую, так и специальную теорию правовых статусов, лишь единожды упоминая, что «его смысл (*приоритета*. Курсив наш. — Е. П.) заключается в предоставлении

отдельным субъектам общественных отношений определенных благ» [1, с. 10]. Такой подход не только упрощает многогранную природу приоритета, но и **упускает из виду его ключевую функцию — выступать в качестве структурообразующего элемента при формировании специализированных правовых статусов.**

В рамках общей теории права правовой статус понимается как совокупность прав, обязанностей, гарантий и ответственности, закрепленных за субъектом в нормативных правовых актах. Однако в условиях дифференцированного и усложняющегося правового регулирования возникает необходимость в специализированных правовых статусах, таких, которые учитывают особые социальные роли, функции или положения субъектов (например, статус судьи, депутата, ребенка, военнослужащего, инвалида и других). Именно приоритет становится тем инструментом, который позволяет отделить и выделить от общего статуса его узкоспециализированные формы, наделяя определенные категории субъектов особыми правами, правовыми преимуществами или ограничениями, запретами. При этом **приоритет не сводится лишь к предоставлению «благ»** (данный аспект мы дополнительно аргументируем ниже), **он выражает нормативно-ценностную иерархию, отражающую признание государством или обществом особой значимости той или иной социальной роли.** Такая иерархия служит основанием для дифференциации правового статуса, его функциональной специализации и адаптации к конкретным условиям реализации прав и обязанностей. Игнорирование этой связи ведет к методологической неполноте анализа и не позволяет увидеть, как именно приоритет становится генетическим ядром, вокруг которого формируются и развиваются специализированные правовые статусы.

Таким образом, пренебрежение теорией правовых статусов, особенно ее специальной частью, лишает исследование С. А. Чиркаева возможности раскрыть приоритет как правовую технику дифференциации и индивидуализации регулирования, необходимую для обеспечения эффективности правового порядка и социальной справедливости.

Обозначенное и аргументированное замечание вдвойне вызывает недоумение, поскольку на протяжении всего исследования автор пытается обосновать не только связку «приоритет — правовое преимущество», но и весьма своеобразно доказывает инструментальную трактовку приоритета как «правового

преимущества» (в некоторых блоках работы приоритет у него — вид правового преимущества, в некоторых — элемент структуры). Так, «маятниковая» позиция С. А. Чиркаева заключается в том, что сначала приоритет — это «компонент системы правовых преимуществ» (с. 10), затем «вид» преимущества (с. 42), и, наконец, «часть» преимущества (с. 122). Обозначенная терминологическая нестабильность ведет к концептуальной неопределенности. Более того, если бы С. А. Чиркаев разобрался в вопросах общего и специального правовых статусов, то он бы знал, что отождествление приоритета с преимуществом, по сути, некорректно: правовое преимущество всегда предполагает улучшение правового положения субъекта [10, с. 13], тогда как приоритет может быть обременительным, устанавливая в поведении лица элементы должностования [11, с. 44]. К примеру, Верховный Суд Российской Федерации указывает на приоритетность назначения наказания в виде лишения свободы перед иными видами наказаний [12]. Аналогично законодательство возлагает приоритетные обязанности на родителей по воспитанию детей [13] или на лиц, находящихся под административным надзором [14], что также находит подтверждение в правовых позициях высших судов [15, 16]. В этих случаях приоритет не связан с предоставлением благ, а выражает первостепенную, усиленную повышенную ответственностью юридическую обязанность. Таким образом, **приоритет это не всегда преимущество, а нормативно обусловленное первенство в реализации прав, а равно и выполнении обязанностей.**

Обозначенные методологические упущения в диссертации С. А. Чиркаева детерминировали отсутствие решения ключевой, на наш взгляд, задачи исследования: соотношение приоритетного права и преимущественного. Автор уделяет этому проблемному узлу лишь три страницы [1, с. 122–124], ограничиваясь фрагментарными замечаниями и избирательным цитированием. Особенно непоследовательно выглядит его гипотеза о том, что преимущественное право «не связано с обязанностью», при этом он ссылается на А. А. Дергунова, который, напротив, прямо указывает на такую связь [17, с. 82–84]. Парадоксально, но критерием разграничения приоритетного права и преимущественного у С. А. Чиркаева выступает ранее упомянутая конструкция специального правового статуса. Автор снова противоречит себе: в первом положении на защиту (с. 10) диссертации он заявляет, что юридический приоритет характеризуется

адресностью регулятивного воздействия (мы могли бы это воспринимать как отнесение приоритета к субъектам со специальным правовым статусом), однако ниже утверждает, что преимущественное право принадлежит лицам со специальным статусом (с. 109). Эти признаки, по сути, совпадают, что ставит под сомнение обоснованность разграничения приоритетного права и преимущественного. Такая методологическая чехарда и смысловое, содержательное упрощение чреватые не только научной неточностью, но и практическими коллизиями в правоприменении и правотворчестве.

В условиях динамичной трансформации правовой системы и усиления дифференциации правового регулирования современная государственная политика и юридическая практика все острее нуждаются в четком и устойчивом разграничении конструкций приоритетного права и преимущественного права. Эти понятия, хотя и связаны с предоставлением особых условий определенным субъектам, выполняют различные функции в архитектуре правового статуса.

Приоритетное право в рамках общей теории правового статуса следует понимать как нормативно закрепленное первенство в реализации прав, свобод или интересов, вытекающее из конституционно значимых целей (например, приоритет прав ребенка, приоритет прав человека над интересами государства и т. п.). Оно носит ценностно-фундаментальный характер и, как правило, связано с защитой базовых условий существования личности или общества.

Преимущественное право, напротив, чаще проявляется в рамках специального правового статуса и представляет собой процедурную или ситуативную привилегию (в работах А. Г. Репьева преимущественное право входит в конструкцию особой правовой процедуры, что представляется оправданным в силу его процессуального начала [9, с. 311–312]), связанную с определенной ролью субъекта в конкретных правоотношениях (например, преимущественное право покупки доли в праве общей собственности, преимущественное право на заключение договора аренды). Такое право **не обладает универсальной ценностью и не затрагивает основ правового статуса личности, а служит техническим средством упорядочения конкурирующих интересов.**

Отсутствие четкого различия между этими конструкциями ведет к смешению уровней правового регулирования: нормы, призванные защищать фундаментальные ценности, начинают трактоваться как ситуативные правовые

преимущества и операционные регуляторы, в то время как технические преимущества ошибочно приписываются к сфере приоритетов конституционного масштаба. Это дезориентирует правоприменительные органы, порождает неопределенность в судебной практике и снижает эффективность государственной политики в сфере реализации прав и свобод.

Таким образом, пренебрежение проблемой соотношения приоритетного и преимущественного права в исследовании С. А. Чиркаева не только ослабляет его теоретическую основу, но и упускает возможность внести вклад в формирование системно-целостного подхода к дифференциации правовых статусов — подхода, без которого невозможно обеспечить ни правовую определенность, ни справедливость в условиях усложняющейся социальной и нормативной реальности.

Учитывая, что совсем недавно была защищена диссертация, посвященная преимущественному праву [17], можно было ожидать от С. А. Чиркаева более глубокой и конструктивной полемики, направленной на выработку четких критериев различения этих смежных феноменов, ведь, как справедливо отмечает сам автор, «отсутствие четкого разграничения приоритетного и преимущественного права в нормативных правовых актах неминуемо приводит к неоднозначному пониманию юридических предписаний» [1, с. 172]. Именно поэтому подобный теоретический вклад был бы востребован как для нормотворчества, так и для правоприменения.

Роль и значение приоритетных прав и преимущественных в отечественной правовой доктрине существенно недооценены, что не позволяет адекватно отразить в теории динамику их трансформации в современных условиях [18, с. 19]. В диссертации С. А. Чиркаева могла быть предложена оригинальная концепция преимущественного права в качестве практико-прикладного феномена и юридического приоритета как фундаментального, доктринального явления, чего мы не обнаружили. Между тем это позволило бы обозначить не только их позитивное, но и потенциально негативное измерение, в частности, в контексте дискриминации или злоупотребления преимущественными правами [19].

Правовая наука должна установить факторы, причины и последствия дифференциации, обусловленной приоритетами, что откроет пути для совершенствования нормативно-правовой базы, обеспечит баланс между требованиями равноправия и

необходимостью специального регулирования, а также определения обоснованных пределов прерогатив на основе существующих в обществе ценностей. В этой связи на аксиологическом компоненте работы С. А. Чиркаева также хотелось бы остановиться подробнее. Речь идет о том, что одна из проекций юридического приоритета, обозначенная в дефиниции, предложенной автором в первом положении, выносимом на защиту (с. 9–10), представляется недостаточно емкой. С. А. Чиркаев редуцирует сущность феномена к самой ожидаемой и оттого поверхностной константе — ценностно-ориентирующей, при этом он не обеспечивает ее глубокой теоретической интеграцией. Особенно слабо проработано соотношение приоритета с правовой ценностью как самостоятельной категорией. На этот аспект в диссертации отведена лишь одна страница [1, с. 39], где доказательная подпитка гипотезы сводится к перечислению доктринальных мнений без собственного анализа. Между тем именно сквозь призму ценностей (а не только через инструментальные, в частности ориентирующие функции) приоритет раскрывает свою нормативную суть. Сведение приоритета исключительно к ориентирующему, технико-правовому средству например, к способу упорядочения конкурирующих интересов, оптимизации правоприменения ведет к его деонтологическому обеднению и утрате глубинного смысла, заложенного в самом ядре правовой системы.

С позиций общей теории права **ценности выступают** не просто как внешние по отношению к норме ориентиры, но **как имманентные элементы правового регулирования, определяющие его направленность, легитимность и социальную эффективность.** Именно ценности формируют правовую идеологию, структурируют иерархию норм, задают критерии справедливости и служат основанием для признания тех или иных положений приоритетными. В этом контексте **приоритет это не просто юридическая техника ориентирования в правовом пространстве, а нормативное выражение высших ценностей, признанных обществом и зафиксированных в конституционном или иначе, фундаментальном правовом слое.** Например, приоритет прав и свобод человека и гражданина в конституционном порядке Российской Федерации не может быть понят вне ценностного содержания достоинства личности, свободы, равенства и социальной справедливости. Аналогично приоритет интересов несовершеннолетних в семейном,

уголовном или административном праве отражает ценностную установку на защиту наиболее уязвимых членов общества, а не просто процедурное преимущество в виде иммунитета от применения общих мер процессуального принуждения.

Игнорирование ценностного измерения приоритета приводит к тому, что нормативное обеспечение начинает восприниматься как набор формальных правил, лишенных этического и социального фундамента. Это ослабляет регулятивный потенциал права, затрудняет его адаптацию к меняющимся общественным вызовам и снижает уровень правосознания у адресатов норм. Напротив, ценностно насыщенное понимание приоритета позволяет:

- обеспечить системное единство правовой системы за счет иерархии ценностей;
- повысить предсказуемость и стабильность правового регулирования;
- усилить защитную функцию права по отношению к фундаментальным интересам личности и общества;
- содействовать совершенствованию законодательства через постоянную ретроспективную оценку норм с позиций их соответствия высшим ценностям.

Таким образом, **приоритет**, рассматриваемый сквозь призму ценностей, перестает быть лишь инструментом управления и **становится нормативным воплощением правовой справедливости, морального императива и конституционного смысла**. Только в таком ракурсе он способен выполнять свою подлинную функцию — быть ориентиром и мерилom как для правотворчества, так и для правоприменения в условиях правового государства.

Кроме отмеченного выше, автор, «монополизируя» ориентирующую проекцию приоритета, упускает из виду ряд других возможных форм объективации приоритета в праве. В частности, **приоритет в праве может выступать в качестве нормы права** (скорее всего, специальной (конкретизационной, иерархической или анти-коллизивной нормы)) **либо в качестве правового принципа**, на что прямо указывают правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации (например, приоритет интересов ребенка, приоритет прав человека над формальными процедурами) [20]. Эти проекции феномена лишь вскользь упоминаются диссертантом (с. 60, 142), но не подвергаются системному анализу, что приводит к существенному сужению понятийно-категориального поля.

Позволим себе предположить, что С. А. Чиркаев так и не ответил самому себе на главный вопрос: «Категориальный статус юридического приоритета — это, в его понимании, инновация или редукция?». Центральной теоретической идеей диссертации является утверждение о том, что юридический приоритет представляет собой самостоятельный общеюридический феномен, не сводимый к традиционным понятиям иерархии правовых норм или коллизивного регулирования. Если мы правильно интерпретируем положения обсуждаемой диссертации, то ее автор неоднократно подчеркивает, что приоритет проявляется не только в вертикальной иерархии (например, приоритет Конституции Российской Федерации над иными нормативными актами), но и в горизонтальных отношениях между отраслями права, между правами субъектов, между различными правовыми режимами. Такой подход заслуживает внимания, поскольку действительно фиксирует важную регулятивную реальность: правовая система не является механической пирамидой, где все определяется позицией нормы в иерархии. В ситуациях коллизии между нормами одного и того же уровня формальная иерархия не помогает — требуется субстанциональное обоснование приоритета. Однако здесь возникает серьезное методологическое возражение.

Введение новой категории должно быть оправдано ее эвристической и объяснительной аргументацией. Между тем значительная часть явлений, которые автор объединяет под рубрикой «юридический приоритет» уже достаточно полно описывается в рамках существующих теорий:

— теория иерархии норм (В. А. Толстик, Л. А. Морозова, В. Д. Зорькин и другие) объясняет приоритет высших норм над нормами, обладающими меньшей юридической силой;

— теория коллизивного права (Ю. А. Тихомиров, В. М. Баранов, И. Н. Сенякин, Н. А. Влащенко и другие) объясняет природу соотношения и конкуренции норм одного уровня и предлагает пути минимизации данного явления;

— теория правовых принципов (С. С. Алексеев, Н. Н. Вопленко, Г. Н. Комкова и другие) рассматривает принципы как критерии разрешения коллизий и приоритизации прав;

— доктрина пропорциональности (развитая в практике Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, как раз и предназначена для балансировки, гармонизации конкурирующих прав и интересов.

Можно предположить, что С. А. Чиркаев в известной мере редуцирует сложный комплекс различных правовых механизмов к единой категории «юридический приоритет», что ведет к смешению разных уровней правового регулирования. Например, приоритет Конституции Российской Федерации — это вопрос юридической валидности, тогда как приоритет одного права над другим в конкретной ситуации — это вопрос толкования и балансировки. Сведение этих разных феноменов под единый термин — без должной, фундаментальной методологической базы, рискует внести концептуальную неопределенность.

Более того, в диссертации недостаточно четко проведена граница между юридическим приоритетом и приоритетом содержательным (моральным, этическим, политическим). Хотя автор и утверждает, что речь идет именно о юридически закреплённом приоритете, на практике многие примеры, приводимые в работе (например, приоритет интересов ребенка), основываются на ценностных посылах, которые лишь частично закреплёны в праве и в значительной мере зависят от правоприменительного усмотрения.

В этой связи, **для познания сущности приоритетов в праве представляется более плодотворным подход, который различает формальную иерархию** (структуру источников права) и **материальную иерархию** (иерархию ценностей, закреплённых в нормах). Юридический приоритет, таким образом, может быть рассмотрен шире заявленного предметного поля в диссертации С. А. Чиркаева: не только как отдельная категория, а как проявление материальной иерархии в условиях нормотворчества, интерпретации, правоприменения.

Следующей уязвимой точкой рецензируемого исследования выступает эвристическая ценность приоритетов в праве. Не следует забывать, что данный феномен позволяет сконцентрировать внимание на динамике правового регулирования, на конфликтогенности правовой системы, на необходимости постоянного выбора между альтернативными правовыми решениями. В этом смысле **исследование приоритетов в праве должно развивать функциональное понимание права**, ориентированное не столько на статику норм, сколько на процесс их актуализации в конкретных ситуациях. Следовательно, **самое пристальное внимание должно быть отведено механизму реализации приоритета в различных сферах юридической действительности**: в правотворчестве, правоприменении, правореализации. Такими

проекциями механизма воплощения приоритета в правовую материю вполне можно рассматривать:

- установление иерархии источников права;
- закрепление коллизионных норм;
- формулирование приоритетных правовых принципов;
- применение правил толкования;
- использование судебных прецедентов как средств фиксации приоритетов.

При этом особое внимание должно быть уделено практике Конституционного Суда Российской Федерации, который играет ключевую роль в установлении и уточнении приоритетов в механизме действия права. Высшая инстанция судебного толкования все чаще выступает не просто как орган, проверяющий соответствие норм Конституции Российской Федерации, но как архитектор материальной конституционной иерархии, устанавливающий приоритеты между конституционными ценностями в конкретных правовых коллизиях. Например, в материалах суда часто подчеркивается важность приоритета духовного над материальным [21], приоритет права на защиту над формальными требованиями процессуального законодательства, если последние препятствуют реализации этого права [22], и многое другое.

Однако в диссертации С. А. Чиркаева вышеуказанным аспектам уделяется явно недостаточно внимания. Проблематика легитимности установления приоритетов судами вообще выпала из поля зрения автора (собственно говоря, в списке литературы к диссертации у С. А. Чиркаева присутствует лишь три решения Конституционного Суда Российской Федерации и ни одного решения судов общей юрисдикции). Элементарный поиск через автоматизированные системы, аккумулирующие информацию о судебных решениях, позволяет увидеть сотни правовых позиций, в которых суды общей юрисдикции и арбитражные суды участвуют в приоритизации прав. При этом науке и практике жизненно необходимы анализ данных решений, установление оснований этой приоритизации и определение ее пределов. Мы глубоко убеждены, что суд не вправе произвольно устанавливать иерархию прав — он обязан руководствоваться не только Конституцией Российской Федерации, но и сложившейся практикой высших судебных инстанций, а также международными стандартами. Однако диссертант в своем исследовании явно уклонился от ответа на такие сложные вопросы, существенно облегчив себе задачу.

Парадоксально, но в исследовании почти не затрагивается и вопрос о роли законодателя в установлении приоритетов. Между тем именно законодательное закрепление приоритетов (например, приоритета интересов несовершеннолетнего в семейном законодательстве) является наиболее легитимным и устойчивым способом их реализации. Судебное установление приоритетов носит ситуативный и прецедентный характер, что может вести к правовой неопределенности.

Именно в свете сказанного и бросается в глаза существенный недостаток: слабая проработка механизмов реализации приоритета в административной (в том числе правоохранительной) деятельности. Хотя в диссертации и упоминаются примеры из практики МВД России [1, с. 151], они носят фрагментарный характер. Между тем именно в этой сфере вопросы приоритета (например, приоритета прав личности над интересами оперативного розыска, права ребенка на семейное воспитание над публичными интересами по его изоляции от общества) приобретают особую остроту и требуют четких институциональных решений. В этой связи не хватает анализа норм административных регламентов правоохранительных структур и ведомств системы профилактики правонарушений, регулирующих приоритетность тех или иных действий сотрудников правоохранительных органов (например, по помещению несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого или закрытого типа).

Отсутствие проработанного в диссертационном исследовании механизма реализации приоритета в праве порождает и дефект иного рода. Автор, казалось бы, верно замечает, что усиление отраслевой и институциональной дифференциации права ведет к росту числа коллизий между нормами различных подсистем, что требует четких механизмов приоритизации. В этом контексте С. А. Чиркаев анализирует практику разграничения компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, а также коллизии между трудовым и гражданско-правовым регулированием. Гипотеза в целом корректна, однако она остается на уровне констатации. Не хватает теоретического обобщения: как именно дифференциация порождает потребность в приоритете? Возможно ли говорить о структурной необходимости приоритета как элемента интеграции дифференцированной правовой системы?

Здесь следовало бы обратиться к фундаментальным работам в этой области, анализ

которых показывает, что дифференциация права ведет не только к его специализации, но и к возникновению серых зон, где границы отраслей размыты. В этих зонах формальные коллизионные нормы часто не срабатывают и требуется субстанциональное приоритизирование на основе ценностных критериев. Таким образом, **приоритет в праве выступает не просто как инструмент разрешения коллизий, но как интегрирующий механизм, обеспечивающий целостность правовой системы в условиях ее фрагментации.**

К сожалению, эта важная теоретическая перспектива в диссертации не раскрыта в полной мере. Вместо этого автор ограничивается описанием отдельных примеров, что снижает обобщающую силу исследования.

Диссертация С. А. Чиркаева «Юридический приоритет как общеправовой феномен: теоретические и практические аспекты» представляет собой своевременное исследование, актуализирующее важную проблему иерархической и ценностной упорядоченности правовой системы. Автору удалось показать отдельные и при этом интересные стороны данного феномена. Вместе с тем работа обладает рядом существенных недостатков. Наиболее важный из них — недостаточная теоретическая обоснованность введения новой общеправовой категории. Юридический приоритет, как он представлен в диссертации, в значительной мере дублирует уже существующие понятия, категории и институты (материальная иерархия, функции права, правовые преимущества), при этом автор не предлагает четких критериев его отличия от них, что создает риск концептуальной перегрузки правовой теории. Кроме того, в исследовании недостаточно внимания уделено практическим аспектам реализации приоритета в деятельности правоохранительных органов, а также проблеме легитимности приоритизации прав в судебной практике. Наконец, не хватает глубокого теоретического осмысления связи между приоритетом и такими макропроцессами в праве, как дифференциация, специализация и интеграция.

Следует конституировать следующее. Несмотря на то, что отдельные аспекты приоритета неоднократно затрагивались в отраслевых исследованиях (например, в конституционном, административном или международном праве), до сих пор не сформирована общетеоретическая доктринальная концепция, способная охватить его онтологическую природу, структурные особенности, функциональное назначение и проявления в различных правовых контекстах.

На сегодняшний день научное сообщество, как правило, редуцирует юридический приоритет к организационно-процедурному инструменту, в лучшем случае рассматривая его как средство правового регулирования, обеспечивающее последовательность или очередность реализации субъективных прав и законных интересов. Подобный подход, хотя и не лишен практической целесообразности, существенно обедняет содержание феномена, сводя его к технико-юридической функции упорядочивания. Между тем **приоритет в праве обладает гораздо более широким регулятивным и ценностным потенциалом**: он выступает не только как механизм разрешения коллизий норм и прав, но и как инструмент выражения правовой политики, как маркер иерархии ценностей в конкретной правовой системе, как средство обеспечения справедливости в условиях ограниченных ресурсов и конкурирующих интересов. Следовательно, диалектическое осмысление приоритета в праве, осуществленное С. А. Чиркаевым, не может удовлетворить потребность в развитии общества и государства.

На сегодняшний день требуется выход за пределы упрощенной дихотомии «приоритет — очередность». Такое сужение категориального поля не позволяет уловить многоаспектность и структурную сложность данного явления. Более продуктивным представляется рассмотрение юридического приоритета в системе смысловых и функциональных связей с другими базовыми категориями права. В частности, перспективным направлением теоретического анализа выглядит исследование следующих концептуальных пар:

— «приоритет — паритет» (где приоритет может выступать как временное или ситуативное отступление от равенства, гармонизации с целью восстановления справедливости);

— «приоритет — правовое преимущество» (различие между которыми заключается в том, что преимущество чаще всего носит статусный характер, тогда как приоритет — объективно закреплён, стабилен и обладает нормативной силой);

— «приоритет — иерархия» (где приоритет может быть как следствием формальной иерархии норм (например, приоритет положений Конституции Российской Федерации), так и проявлением материальной иерархии ценностей, не всегда отраженной в структуре источников права);

— «приоритет — индивидуализация» (поскольку установление приоритета прав или интересов конкретного субъекта (например,

несовершеннолетнего, инвалида, потерпевшего) нередко служит основанием для индивидуализации правового регулирования);

— «приоритет — дифференциация» (поскольку приоритетные режимы (например, в сфере земельного или экологического права) часто лежат в основе дифференциации правового регулирования в зависимости от целевого назначения объектов или статуса субъектов).

Подобный подход позволяет увидеть в правовом приоритете не сугубо формальный прием упорядочения, а динамический, многоуровневый феномен, вбирающий в себя как нормативные, так и ценностные, институциональные и функциональные измерения. Он отражает не только структуру правовой системы, но и направление ее развития, фиксируя те ценности и интересы, которые общество и государство считают доминирующими в конкретный исторический период. Именно поэтому приоритет в праве заслуживает дальнейшего самостоятельного, системного теоретико-правового исследования. Только так можно избежать как нормативного волюнтаризма (когда приоритет устанавливается произвольно, без теоретического обоснования), так и формального игнорирования его содержательной нагрузки.

Разработка общей теоретической концепции «приоритет в праве» станет не только вкладом в фундаментальную юриспруденцию, но и обеспечит более качественное нормотворчество, более обоснованное правоприменение и качественную устойчивую защиту прав и свобод личности в условиях все возрастающей сложности правовой реальности.

Список источников

1. Чиркаев С. А. Юридический приоритет как общеправовой феномен: теоретические и практические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2025. 223 с.
2. Бондарь Н. С., Капанова Ю. В. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского государственного университета, 2002. 192 с.
3. Бондарь Н. С. Равенство в этико-правовом измерении человека как юридической личности (от равенства перед Богом — к конституционному равенству) // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 4. С. 5–21.
4. Реализация конституционного принципа равенства всех перед законом и судом в современной России / В. Ю. Зубакин, Г. Н. Комкова, М. А. Кулушева, Р. А. Малясов; под ред. Г. Н. Комковой. Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2005. 122 с.

5. Комкова Г. Н. Ценности равенства и справедливости в православной религии и российском праве // Межрегиональные Пименовские чтения. 2018. № 15. С. 158–163.
6. Самсонова Т. Н. Справедливость равенства и равенство справедливости: монография. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1996. 136 с.
7. Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права / под ред. М. И. Байтина. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1987. 96 с.
8. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2015. 472 с.
9. Репьев А. Г. Преимущества в праве и законодательстве: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И. Н. Сенякина. Москва: Юрлитинформ, 2020. 392 с.
10. Репьев А. Г. «Приоритет» и «паритет» как парные правовые категории (доктринальное толкование с содержательных и технико-юридических позиций) // Вестник Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации. 2021. № 1. С. 7–15.
11. Репьев А. Г., Хрони Н. Н. Приоритет в содержании правоотношений: монография. Москва: Юрлитинформ, 2024. 208 с.
12. Апелляционное определение апелляционного военного суда от 3 октября 2022 года: обзор практики Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 12. С. 18.
13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (в ред. от 23 ноября 2024 года, с изм. от 30 октября 2025 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 5 февраля 2025 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1, ст. 16.
14. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ (в ред. от 6 апреля 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15, ст. 2037.
15. По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2025 года № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2025. № 7, ст. 694.
16. О некоторых вопросах, возникающих в практике судов общей юрисдикции при рассмотрении административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел, в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (главы 31.2 и 31.3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 года № 20 // Российская газета. 2024. 9 июля.
17. Дергунов А. А. Преимущественное право: общетеоретическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2024. 213 с.
18. Репьев А. Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве // Вестник Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации. 2019. № 1. С. 14–20.
19. Баранов В. М. Стратегия, тактика и техника государственной поддержки посредством правовых преимуществ. Отзыв о диссертации А. Г. Репьева на тему «Преимущества в российском праве: теория, методология, техника» (Саратов, 2019. 529 с.), представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50). С. 210–221.
20. По делу о проверке конституционности подпункта 14 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Федеративной Республики Нигерия Акинеми Муджиба Джунаида: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2023 года № 37-П // Собрание законодательства РФ. 2023. № 29, ст. 5498.
21. Конституционно-правовая защита человеческого достоинства: актуальные аспекты (одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2025 года). Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.09.2025).
22. По делу о проверке конституционности подпункта 12 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Сербия М. М. Джурджевича: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 октября 2022 года № 41-П // Собрание законодательства РФ. 2022. № 42, ст. 7261.

References

1. Chirkaev S. A. Legal Priority as a General Legal Phenomenon: Theoretical and Practical Aspects. Dissertation... candidate of legal sciences. Saratov, 2025. 223 p. (In Russ.).
2. Bondar N. S., Kapranova Yu. V. Constitutional Dimension of Equality of Citizens of the Russian Federation. Rostov-on-Don: Rostov State University Publishing House, 2002. 192 p. (In Russ.).
3. Bondar N. S. Equality in the Ethical and Legal Dimension of a Person as a Legal Entity (From Equality before God to Constitutional Equality). *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 4, pp. 5–21. (In Russ.).

4. Implementation of the Constitutional Principle of Equality of All Before the Law and the Court in Modern Russia / V. Yu. Zubakin, G. N. Komkova, M. A. Kulush-eva, R. A. Malyasov; ed. by G. N. Komkova. Saratov: Volga Region Academy of Public Administration, 2005. 122 p. (In Russ.).
5. Komkova G. N. Values of Equality and Justice in the Orthodox Religion and Russian Law. *Interregional Pimenov Readings*, 2018, no. 15, pp. 158–163. (In Russ.).
6. Samsonova T. N. Justice of Equality and Equality of Justice: monograph. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1996. 136 p. (In Russ.).
7. Senyakin I. N. Special Norms of Soviet Law / ed. by M. I. Baitin. Saratov: Saratov University Publishing House, 1987. 96 p. (In Russ.).
8. Petrov, D. E. Differentiation and Integration of Structural Formations of the Russian Legal System; Saratov State Law Academy. Saratov: Saratov State Law Academy, 2015. 472 p. (In Russ.).
9. Repyev, A. G. Advantages in Law and Legislation: Monograph / ed. by Doctor of sciences (Law), Prof. I. N. Senyakin. Moscow: Yurлитinform, 2020. 392 p. (In Russ.).
10. Repyev, A. G. “Priority” and “Parity” as Paired Legal Categories (Doctrinal Interpretation from Substantive and Technical-Legal Positions). *Bulletin of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation*, 2021, no. 1, pp. 7–15. (In Russ.).
11. Repyev A. G., Khroni N. N. Priority in the Content of Legal Relations: Monograph. Moscow: Yurлитinform Publ., 2024. 208 p. (In Russ.).
12. Appellate Ruling of the Appellate Military Court of October 3, 2022: Review of the Practice of the Supreme Court of the Russian Federation. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2023, no. 12, p. 18. (In Russ.).
13. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 no. 223-FZ (as amended on November 23, 2024, as amended on October 30, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on February 5, 2025). *Collected Legislation of the RF*, 1996, no. 1, art. 16. (In Russ.).
14. On administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty: Federal Law of April 6, 2011 no. 64-FZ (as amended on April 6, 2024). *Collected Legislation of the RF*, 2011, no. 15, art. 2037. (In Russ.).
15. On the case of verifying the constitutionality of parts 1 and 3 of Article 10 of the Federal Law “On Insurance Pensions” in connection with the complaint of citizen M. Yu. Shchanikova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 11, 2025 no. 6-P. *Collected Legislation of the RF*, 2025, no. 7, art. 694. (In Russ.).
16. On Certain Issues Arising in the Practice of Courts of General Jurisdiction When Considering Administrative Cases Related to the Stay of a Minor in a Temporary Detention Center for Juvenile Offenders of the Internal Affairs Bodies, in a Special Closed-Type Educational and Correctional Institution (Chapters 31.2 and 31.3 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 25, 2024, no. 20. *Rossiyskaya Gazeta*, 2024. July 9. (In Russ.).
17. Dergunov A. A. Preemptive Right: General Theoretical Research. Dissertation... candidate of legal sciences. Saratov, 2024. 213 p. (In Russ.).
18. Repyev A. G. “Preemptive Right” and “Legal Priority” in Legal Doctrine and Legislation. *Bulletin of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation*, 2019, no. 1, pp. 14–20. (In Russ.).
19. Baranov V. M. Strategy, Tactics, and Techniques of State Support through Legal Advantages. Review of A. G. Repyev’s Dissertation on “Advantages in Russian Law: Theory, Methodology, Technique” (Saratov, 2019. 529 p.), submitted for the degree of Doctor of Law in specialty 12.00.01 – Theory and History of Law and State; History of Doctrines of Law and State. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2 (50), pp. 210–221. (In Russ.).
20. On the case of verifying the constitutionality of subparagraph 14 of part one of Article 27 of the Federal Law “On the Procedure for Exit from the Russian Federation and Entry into the Russian Federation” in connection with the complaint of a citizen of the Federal Republic of Nigeria, Akinemi Mujib Junaid: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 7, 2023, no. 37-P. *Collected Legislation of the RF*, 2023, no. 29, art. 5498. (In Russ.).
21. Constitutional and Legal Protection of Human Dignity: Current Aspects (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 30, 2025). Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 25.09.2025). (In Russ.).
22. In the case concerning the review of the constitutionality of subparagraph 12 of part one of Article 27 of the Federal Law “On the Procedure for Exit from the Russian Federation and Entry into the Russian Federation” in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Serbia, M. M. Djurdjevic: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 41-P of October 6, 2022. *Collected Legislation of the RF*, 2022, no. 42, art. 7261. (In Russ.).

**Цивилист, теоретик и творческий человек
(к 50-летию юбилею профессора А. М. Хужина)**

**Civilian, theorist and creative person
(on 50-year-old the first anniversary of Professor A. M. Khuzhin)**

27 ноября 2025 года исполнилось 50 лет доктору юридических наук, доценту, почетному работнику сферы образования Российской Федерации, профессору кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, профессору кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, полковнику полиции (в отставке) Альфиру Мисхатовичу Хужину.

50 лет для ученого — возраст небольшой, но это тот возраст, когда можно задуматься о пройденном пути, подвести некоторые промежуточные итоги и, конечно, наметить новые научные ориентиры. Это не юношеское перепутье, а время зрелого, осознанного выбора! К пятидесяти годам Альфиру Мисхатовичу есть, чем гордиться, и при этом впереди еще много времени и открытые горизонты, к которым нужно стремиться.

Авторы этого очерка знакомы с юбиларом уже не одно десятилетие, имея возможность знать профессора А. М. Хужина в разных профессиональных и жизненных статусах. Одному из авторов этих строк посчастливилось учиться с юбиларом на параллельных курсах тогда еще школы милиции, затем вместе проходить трехлетнее обучение в адъюнктуре и защищать кандидатские диссертации буквально с разницей в один день, быть в его подчинении, а теперь трудиться рядом с ним в одном профессорском коллективе.

За все эти годы Альфир Мисхатович рекомендовал себя как внимательный, тактичный и доброжелательный человек, способный поддержать словом, советом и примером. Его порядочность и внутреннее достоинство — качества, которые одинаково ярко проявлялись и в годы учебы, и в научной работе, и в служебных отношениях.

И во всех этих ситуациях, будь то общение в аудитории, научная работа или служебные отношения, он неизменно проявляет себя как внимательный, тактичный и доброжелательный человек, способный выслушать, поддержать и помочь советом. Его внутреннее достоинство и уважительное отношение к людям оставались неизменными, что заслуживает искреннего уважения и признательности.

А еще к характеристике личности Альфира Мисхатовича следует добавить, что он замечательный семьянин и многодетный отец, дети которого с ранних лет проявляют целеустремленность и добиваются успехов в выбранных направлениях, продолжая семейную традицию уважения к образованию и закону. Нет сомнений, что пример отца стал для них надежным ориентиром и вдохновением в достижении поставленных целей.

А. М. Хужин родился 27 ноября 1975 года на Урале, в небольшом городке Аша Челябинской области, в простой рабочей семье. По окончании средней школы вслед за старшим братом Салаватом Мисхатовичем (ныне кандидатом юридических наук, доцентом) переехал в Нижний Новгород. Сделав осознанный выбор, о котором никогда не жалел, Альфир Мисхатович поступил в Нижегородский юридический институт (сейчас Нижегородская академия МВД России), который окончил с отличием в 1997 году. Здесь же начался трудовой путь будущего профессора.

В своей *alma mater* Альфир Мисхатович прошел длительную эволюцию как ученый и преподаватель: он был курсантом, адъюнктом, преподавателем, старшим преподавателем, начальником кафедры гражданско-правовых дисциплин (после слияния с кафедрой гражданского процесса, трудового и экологического права, начальником кафедры гражданского права и

процесса), которую возглавлял десять лет, и, наконец, стал профессором, в коем солидном статусе пребывает и в настоящее время. Примечательно, что вся его профессиональная жизнь связана с одним учебным заведением. Поступив в Академию (тогда еще Нижегородская высшая школа МВД России) в 1993 году, он остается ей верен по сей день. Его трудовой и научно-педагогический стаж в стенах родного учебного заведения составляет уже более тридцати двух лет. Такая преданность своему делу и вузу — редкое явление, ярко свидетельствующее о постоянстве, устойчивости убеждений и искренней любви к профессии.

Особо стоит отметить, что, будучи начальником кафедры, Альфир Мисхатович в полной мере состоялся как руководитель. Возглавляя кафедру, он сумел создать сплоченный и творческий коллектив, вдохнуть в него энергию и стремление. Он всегда умел вовлекать коллег в общие инициативы, направлять их, проявляя при этом внимание и искреннюю заинтересованность в профессиональном и личностном росте каждого сотрудника. При этом, несмотря на высокий уровень результативности работы кафедры, стиль его руководства всегда основывался на уважении, доверии и силе убеждения. Альфир Мисхатович всегда оставался вежливым и доброжелательным руководителем, умел выслушать, вникнуть в личные обстоятельства подчиненных, поддержать словом и делом.

На научном поприще у Альфира Мисхатовича все складывалось и складывается успешно. В 2000 году он под руководством доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. К. Бабаева в диссертационном совете Нижегородского юридического института МВД России успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную сложной научно-теоретической проблеме, — объективно-противоправному поведению в российском праве. В 2004 году ему было присвоено ученое звание доцента по кафедре гражданско-правовых дисциплин. А в 2013 году в диссертационном совете Нижегородской академии МВД России при научном консультировании доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. М. Баранова состоялась не менее успешная защита уже докторской диссертации, в которой была разработана целостная авторская концепция невиновного поведения в праве.

Обратим внимание, что научное творчество А. М. Хужина отличается синкретизмом общей

теории права и цивилистики. Его работы являются ярким воплощением уникального сплава юридической мысли общетеоретического и отраслевого характера. На вопрос одного из авторов этого очерка: «Альфир, а ты, все-таки, кто: теоретик или цивилист?», Альфир Мисхатович, пошутил: «Цивилистический теоретик или теоретический цивилист, в зависимости от ситуации».

Из-под пера профессора А. М. Хужина вышло две индивидуальных монографии, внесших, как и его докторская диссертация, значительный вклад в развитие учения о невиновном поведении в праве и, соответственно, в развитие науки теории права. Под редакцией Альфира Мисхатовича опубликовано несколько коллективных монографий, посвященных защите деловой репутации, юридически значимым деяниям в частном праве, общетеоретическим и цивилистическим проблемам юридической ответственности в российском праве. А. М. Хужин является автором и соавтором более 280 научных и учебно-методических работ, в числе которых 25 учебников («Гражданское право», «Семейное право», «Предпринимательское право», «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс», «Право интеллектуальной собственности», «Конкурсное производство») и 8 монографий.

А. М. Хужин имеет высокие показатели научной деятельности, индекс Хирша составляет 32. Под его непосредственным руководством в Нижегородской академии МВД России организуется и проводится ежегодный Конгресс цивилистов правоохранительных органов. В 2025 году прошел уже седьмой конгресс. Свидетельством активной научной деятельности юбиляра является и то, что он состоит членом двух диссертационных советов (при Нижегородской академии МВД России и при Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского), является членом редколлегии ряда ведущих периодических изданий, осуществляет научное руководство по подготовке диссертационных исследований. Шесть кандидатов юридических наук, защитивших свои диссертации под научным руководством профессора А. М. Хужина, могут с гордостью назвать его своим Учителем.

Альфир Мисхатович не концентрируется только на науке — свои глубокие научные познания он реализует в педагогической и практической юридической деятельности: является советником адвокатского бюро города Москвы «МКП», арбитром Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и

предпринимателей, членом экзаменационной комиссии Нижегородской области по приему квалификационного экзамена на должность судьи, неоднократно подготавливал заключения специалиста по материалам уголовных дел, имеет опыт экспертно-аналитической деятельности по юридическому сопровождению бизнеса, конкурсного производства, разработки стратегии разрешения частноправовых споров.

Еще одним важным направлением деятельности А. М. Хужина является высшее образование. Альфир Мисхатович более чем за два с половиной десятилетия зарекомендовал себя как талантливый преподаватель, которого любят курсанты и студенты за глубокое знание материала, умение его доходчиво довести до любой аудитории, эрудицию и чувство юмора.

Многочисленные заслуги профессора А. М. Хужина в науке и образовании получили

признания на разных уровнях — он неоднократно входил в число призеров по итогам рейтинговой оценки деятельности профессорско-преподавательского состава Нижегородской академии МВД России, признавался победителем конкурса на лучшего лектора в Нижегородской академии МВД России, победителем конкурса «Лучший преподаватель образовательных учреждений МВД России», становился призером региональной премии «Юрист года» в Нижегородской области, имеет различные региональные награды и ведомственные награды МВД России. Наконец, в 2025 году Альфир Мисхатович был удостоен высокого звания «Почетный работник сферы образования Российской Федерации».

Мы гордимся, что судьба свела нас с Альфиром Мисхатовичем Хужиным! Желаем ему счастья, здоровья и дальнейших побед на всех поприщах, включая огромное поле науки и образования!

Демичев Алексей Андреевич —

доктор юридических наук, кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник высшего
профессионального образования Российской Федерации,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Нижегородской академии МВД России,
главный научный сотрудник научного центра
Нижегородского института управления —
филиала Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации

Ильин Игорь Вячеславович —

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Нижегородской академии МВД России

К новым победам: юбилей профессора Хужина!

To new victories: Professor Khuzhin's anniversary!

27 ноября 2025 года исполнилось 50 лет харизматичному ученому, вдохновляющему педагогу, доктору юридических наук и просто замечательному человеку — Хужину Альфиру Мисхатовичу!

Его биография и жизненный путь крепко связаны с Нижегородской академией МВД России — именно этот вуз он закончил с красным дипломом в далеком 1997 году, здесь передает свои знания курсантам, в стенах этого образовательного учреждения стал учеником профессора В.К. Бабаева, чей опыт, знания и научные принципы воплощает в жизнь вот уже четверть века.

Его карьера в цифрах льется песней: 2000 — успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата наук и работа на кафедре гражданско-правовых дисциплин; 2002 — становится самым молодым руководителем кафедры гражданского права за весь период ее существования и успешно ведет кафедру к победам на протяжении 8 лет; 2010 — продолжает научную карьеру в докторантуре Нижегородской академии МВД России; 2013 — успешная защита диссертации на соискание степени доктора наук; 2014 — признан лучшим преподавателем вузов системы МВД России. Уникальный взлет уникальной личности, взлет поступательный, ставший результатом потрясающей работоспособности и неординарных организаторских способностей.

Альфир Мисхатович увлеченно занимается научно-исследовательской деятельностью и является автором более 300 научных работ, в том числе 12 монографий, 70 учебников и учебных пособий, большого количества научных статей в авторитетных журналах «Государство и право»,

«Гражданское право», «Нотариус», «Философия права» и многих других. Реализуя свой творческий потенциал в науке, Альфир Мисхатович одновременно входит в состав диссертационных советов Нижегородской академии МВД России и Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, редакционных советов 7 научных журналов, развивает направления взаимодействия цивилистики и иных отраслей права, становится идейным вдохновителем десятков молодых ученых.

При его непосредственном участии ежегодно проводится всероссийская научно-практическая конференция, получившая название «Конгресс цивилистов правоохранительных органов» и объединившая не только правоохранителей, но и всех увлеченных цивилистикой.

Для комплектования правовых подразделений органов внутренних дел под его непосредственным руководством было начато обучение курсантов по гражданско-правовой специализации, начата разработка учебной и учебно-методической литературы по учебным дисциплинам кафедры. Учебник «Гражданское право» под редакцией А. М. Хужина и М. В. Карпычева стал настоящим бестселлером и с 2010 года ежегодно переиздается издательством «Инфра-М». Им разработаны оригинальные методологические приемы преподавания дисциплин специализации для сотрудников юридической службы органов внутренних дел.

Безусловно, вклад А. М. Хужина не остался незамеченным. Он неоднократно поощрялся руководством МВД России и образовательной организации, органами государственной власти и местного самоуправления, награжден медалями «За отличие в службе» 3-х степеней, «За доблесть в службе», «За заслуги в научной и педагогической деятельности» и другими знаками отличия. Но главная ценность и достижение педагога — благодарность в глазах тысяч выпускников, с которыми Альфир Мисхатович вот уже половину своей жизни делится знаниями, опытом, становясь проводником в науку.

Малютина Оксана Александровна — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России

Карпычев Михаил Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского

**Жизненный девиз профессора В. Ф. Щербакова:
быть полезным людям
(к 70-летию со дня рождения)**

**Professor V. F. Shcherbakov's life motto:
"To be useful to people" (on his 70th birthday)**

В 2025 году исполнилось 70 лет со дня рождения Владимира Филипповича Щербакова, доктора юридических наук, профессора, генерал-полковника полиции в отставке. В многочисленных поздравлениях, поступивших в адрес юбиляра от законодательных, исполнительных и судебных органов, предприятий, учреждений страны, коллег по службе, отмечались его заслуги перед государством. Обладая богатым профессиональным опытом и научно-практическими знаниями, высокой культурой, эрудицией, неординарностью мышления, настойчивостью в достижении поставленных целей, активной жизненной позицией, чутким и внимательным отношением к людям, Владимир Филиппович Щербаков пользуется уважением и авторитетом у населения.

Свои детские и юношеские воспоминания Владимир Филиппович связывает с семьей и школой. Его мать, Анна Прокопьевна, работала в колхозе птичницей, дояркой, была большой труженицей, трудилась там, где требовались ее неуставаемые умелые руки. Он также гордился своим отцом Филиппом Фёдоровичем, который трудился в колхозе на различных должностях: исполнял обязанности учетчика, бухгалтера, бригадира, управляющего.

В школе, по словам первой учительницы Марии Ильиничны Крайновой, Володя учился прилежно, отличался усидчивостью, был заводилой и организатором всех школьных дел, проявлял трудолюбие и упорство.

После окончания школы, следуя своей мечте, по совету дяди Анатолия Прокопьевича Щербакова, поступил в Омское летно-техническое училище гражданской авиации на факультет радиооборудования летательных аппаратов, в котором проходил обучение с сентября 1972 года по март 1975 года. Приобретенные в семье навыки к труду и полученные в школе знания, хорошая физическая подготовка способствовали его успешной учебе в данном учебном заведении.

После окончания училища Владимиру Щербакову было присвоено первичное офицерское звание младшего лейтенанта технической службы. Пройдя полугодовую стажировку в Магаданской области, сдал государственные экзамены и, защитив диплом на «отлично» приступил к

работе в качестве автомеханика Шмидтовского объединения авиаотряда Магаданского управления.

Романтика жизни на Крайнем Севере, ее новые суровые условия, северное сияние не только впечатлили молодого специалиста, но и закалили его характер. В ноябре 1975 года он вернулся домой и поступил на работу электромонтером на Омском заводе имени Октябрьской Революции, известном своими трудовыми традициями.

В 1976 году комсомольская организация отдела главного метролога завода рекомендовала Владимира Филипповича как передовика производства и активного комсомольца для поступления на учебу в Горьковскую высшую школу МВД СССР, где готовили специалистов в области обеспечения охраны экономической безопасности.

Горьковская высшая школа МВД СССР признавалась одним из ведущих вузов в системе МВД, она готовила специалистов-руководителей, обеспечивающих охрану общественного порядка, а ее профессорско-преподавательский состав считался лучшим, дающим глубокие теоретические и практические знания в области права. Так выбор профессии определил дальнейшую судьбу В. Ф. Щербакова, связав его с милицейской службой.

Учеба в указанном заведении была интересной: Владимир Филиппович получал не только прочные теоретические знания, но и

практические навыки, приобретал жизненный опыт, изучаемые предметы он не делил на важные и не важные, главные и второстепенные, понимал, что в дальнейшем ему понадобятся все знания. Во время учебы он усвоил для себя жизненный принцип: если поставленная задача подчиненным не выполняется, надо искать причину не в подчиненном, а в себе, в своих действиях, понять, правильно ли сформулирована задача, реально ли определены цели и сроки ее достижения, тому ли сотруднику поручено ее исполнение.

Учеба в данном учебном заведении научила его премудростям жизни, убедила в правильности выбранного решения посвятить свою судьбу милицмейской службе: милиция стала для него единственным органом, позволившим почувствовать себя защитником людей, прав граждан, человека, который не карает, а обеспечивает их безопасность. Сформулированный им в то время жизненный принцип «служу народу — служу закону» был определяющим во всех поступках и делах.

В сентябре 1980 года, по завершении учебы в Горьковской высшей школе МВД СССР, приступил к исполнению обязанностей в должности инспектора отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (далее — БХСС) города Омска. Полученные положительные результаты в оперативно-служебной деятельности послужили для назначения его 25 сентября 1981 года на должность инспектора БХСС Ленинского района Омска, а затем, с 1 октября 1981 года, на должность линейно-отраслевого отдела УБХСС. Занимаясь оперативно-розыскной деятельностью, уделял особое внимание профилактической работе по выявлению и пресечению хищений, бесхозяйственности и других правонарушений. За добросовестное исполнение служебного долга неоднократно поощрялся руководством органов внутренних дел. Все это послужило основанием о назначении его на вышестоящую должность — начальника отдела БХСС Советского РОВД города Омска. Полученные им положительные результаты послужили основанием для награждения его нагрудным знаком «Отличник Советской милиции», а личные и деловые качества позволили руководству управления назначить его на должность заместителя начальника отдела УБХСС УВД Омского облисполкома.

Проходя службу в указанной должности, он зарекомендовал себя принципиальным, умелым, грамотным руководителем: в результате правильной организации работы коллектива, используя передовые методы борьбы с преступностью, осуществляя постоянный контроль

за подчиненными, за выполнением ими поставленных задач, активизировал деятельность по выявлению преступлений, связанных с хищением и спекуляцией, что позволило повысить результативность и эффективность профилактических мероприятий.

На всех этапах работы — от инспектора БХСС до начальника отдела БЭП УВД Омской области, В. Ф. Щербаков признавался инициативным, энергичным работником, возглавляемые им подразделения добивались высоких результатов в раскрытии преступлений экономической направленности, что послужило в дальнейшем основанием для его выдвижения на должность заместителя начальника ГУЭБ МВД России, а 19 октября 1996 года он был представлен к присвоению специального звания высшего начальствующего состава — «генерал-майор милиции».

Несмотря на высокие занимаемые должности в системе МВД России, с одной стороны, он оставался доступным и открытым для общения человеком, умеющим взаимодействовать с подчиненными, а с другой — был требовательным, взыскательным, принципиальным руководителем, проявляющим твердость и решимость в отстаивании своей точки зрения. Целеустремленность, высокий профессионализм, ответственность, умение оперативно организовать работу, налаживать контакт с различными слоями населения, структурами власти, энергичность и личная инициатива позволили руководимым им подразделениям добиваться высоких результатов в оперативно-служебной деятельности.

За период работы в центральном аппарате В. Ф. Щербаков с октября 1996 года по май 1997 года был направлен в командировку в район ликвидации последствий Осетино-Ингушского конфликта на территории Республики Северная Осетия — Алания, Республики Ингушетия для выполнения важнейшей государственной задачи. Используя накопленный опыт руководящей работы, проявил высокие профессиональные и деловые качества и организаторские способности; исходя из специфики сложившейся ситуации, принимал правильные, выверенные решения, за что был награжден именным оружием и ему был вручен нагрудный знак «Почетный сотрудник МВД».

В 1998 году генерал-майор милиции В. Ф. Щербаков по ходатайству Министерства внутренних дел Российской Федерации постановлением Государственного Совета Удмуртской Республики был назначен Министром внутренних дел Удмуртской Республики. Службу в органах внутренних дел в Удмуртии можно признать

успешной: ему было присвоено звание «генерал-лейтенант милиции».

Три с половиной года службы в Удмуртии не прошли бесследно: Владимир Филиппович в полной мере реализовал себя, выполнил главную задачу, честно исполнил свой долг по защите прав и свобод человека и гражданина, всегда оставался верным принципу «служу закону, служу народу».

Высокая работоспособность, организаторский талант, проявленные в процессе службы на различных должностях в органах внутренних дел, послужили основанием для его дальнейшего выдвижения на руководящую должность. Жизнь и судьба человека в погонах, в том числе и В. Ф. Щербакова, не всегда зависит от его собственного желания. Отдан приказ, и его необходимо выполнять. Новым местом службы стал г. Нижний Новгород и высокая должность. 25 декабря 2005 года Указом Президента Российской Федерации Владимир Филиппович Щербаков был назначен начальником вновь создаваемого Главного управления МВД России по Приволжскому федеральному округу.

Округ был образован в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июня 2000 года № 1149 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» и включал в себя 15 субъектов Российской Федерации, в которых проживало более 32 миллионов человек, представляющих свыше 100 национальностей и народностей. Масштабность решаемых задач, складывающаяся криминальная ситуация не испугали В. Ф. Щербакова: организация и координация оперативно-разыскной деятельности, профессиональная подготовка кадров, материально-техническое обеспечение наряду с другими задачами стали первоочередными, воплотились в принцип его жизни — служить людям, быть полезным, нужным им.

Перед ним стояла одна из важнейших задач — укомплектовать штат сотрудников, способных качественно и результативно решать возникающие служебно-оперативные вопросы, то есть создать эффективно функционирующий орган по противодействию преступности.

Поставленная перед ним задача была в кратчайший срок реализована: проведены организационно-штатные и управленческие мероприятия, определены функциональные обязанности сотрудников, исходя из двух основных направлений, включая координирующую и оперативную деятельность.

Координирующая деятельность сотрудников управления заключалась в организации планирования работы оперативных подразделений по противодействию преступным формированиям,

повышению эффективности и результативности всех правоохранительных подразделений округа, усилению контроля за проводимыми ими оперативными и процессуальными мероприятиями.

В процессе реализации указанного направления им предписывалось: взять на особый контроль деятельность органов внутренних дел в республиках, областях по противодействию преступности; организовать работу по выявлению и пресечению преступлений в свободных экономических и таможенных зонах; обеспечить качественную работу на уровне республиканских, областных и краевых подразделений по преступлениям экономической направленности; совершенствовать механизм взаимодействия и координации деятельности между другими службами, правоохранительными и контролирующими органами, а также заинтересованными министерствами и ведомствами.

Оперативная деятельность непосредственно связана с реализацией основных направлений, определяемых Министерством внутренних дел Российской Федерации: по выявлению, пресечению и предупреждению преступлений; сбору необходимой информации о криминогенной ситуации в экономике; проведению ее оценки и разработке на этой основе мер, позволяющих упреждать совершение готовящихся преступлений.

За время руководства Главным управлением сотрудниками были пресечены десятки межрегиональных преступных групп, занимающихся отмыванием денежных средств, полученных преступным путем, поставкой наркотиков и оружия. Одним из показателей результативности работы Главного управления может служить деятельность созданных по его инициативе оперативных мобильных групп, позволивших ликвидировать преступные группы, совершающие разбойные нападения на дорогах на территории Нижегородской и Самарской областей. Четкая оперативная работа, проводимая в рамках созданных региональных специальных подразделений и временных групп по выявлению и пресечению дорожных разбоев, позволила стабилизировать оперативную обстановку в указанном регионе.

Наличие в зоне оперативного обеспечения двух автомобильных гигантов — «ГАЗ» и «Автоваз» способствовали обострению криминогенной обстановки, привели к разделу сфер влияния, сопровождаясь заказными убийствами и масштабными хищениями с указанных предприятий. Правильно спланированные и реализованные организационно-управленческие и оперативно-розыскные мероприятия позволили

не только пресечь деятельность указанных преступных групп, но и в конечном итоге оздоровить сложившуюся негативную ситуацию. Указанный и другие многочисленные примеры реализации полномочий по основным направлениям деятельности стали возможными не только в результате грамотного руководства управлением, но и его сотрудниками, добросовестно выполняющими свой служебный долг по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Научная деятельность. В. Ф. Щербаков научной деятельностью стал заниматься с 1992 года. В 1995 году без отрыва от службы в Московской высшей школе милиции МВД России защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Документирование преступлений в сфере приватизации государственной и муниципальной собственности».

В 2006 году в Научно-исследовательском институте МВД России защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Реализация государственной политики противодействия преступности в сфере экономики подразделениями экономической безопасности органов внутренних дел (теоретико-прикладной анализ)» и ему была присуждена ученая степень. Ведущей организацией выступила Академия экономической безопасности, официальными оппонентами: доктора юридических наук, профессора А. Г. Маркушин, М. Ш. Махтаев, Г. К. Сенилов.

Владимир Филиппович подготовил и опубликовал четыре монографии («Уголовно-правовая охрана внешнеэкономической деятельности: законодательная регламентация, организационно-практические меры», «Теоретические основы деятельности Федеральной службы по экономическим и налоговым преступлениям в системе государственного противодействия преступности в сфере экономики», «Теоретические основы государственной политики противодействия экономической преступности», «Организационно-методические основы борьбы с безнадзорностью и правонарушениями несовершеннолетних в Приволжском федеральном округе»).

Владимир Филиппович подготовил и опубликовал ряд монографических работ по актуальным вопросам противодействия экономической преступности. В изданных научных сочинениях прослеживается глубокий социальный смысл правового обеспечения и защиты экономических интересов граждан, общества и государства от различных преступных посягательств, исходящих как извне, так и изнутри.

Так, в предисловии к коллективной монографии «Преступления в сфере экономической деятельности» отмечается, что она подготовлена на основе обобщения практической деятельности правоохранительных органов, проведенных в многочисленных научных исследованиях в данной области. В разделе II данного издания В. Ф. Щербаков комплексно исследовал проблемы, возникающие в сфере внешнеэкономической деятельности, рассмотрел вопросы информационного обеспечения, выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности. Внешнеэкономические преступления, по его мнению, носят многоэпизодный, межрегиональный характер, совершаются организованными преступными сообществами с использованием современных информационных технологий. В результате совершения противоправных деяний подрываются основы экономической безопасности страны, тормозится проведение рыночных реформ.

В монографии «Теоретические основы государственной политики противодействия экономической преступности» исследовал общетеоретические, организационные и управленческие проблемы, цели, задачи и принципы. Автор отмечает, что процесс становления и развития отношений рыночного типа оказался тернистым, трудным и противоречивым и повлек за собой резкий рост экономической преступности. В условиях криминализации экономики государство, по его мнению, призвано играть решающую роль в реализации антикриминального потенциала общества, организации общего и специального предупреждения экономической преступности. Однако в силу сложившихся объективных и субъективных обстоятельств данное положение было проигнорировано. Экономическая преступность стала угрожать рыночным отношениям, социальному и политическому развитию страны, устоям государственности. Кризисные явления в экономике способствовали наращиванию в обществе криминального потенциала, получили распространение преступные формы поведения субъектов экономических отношений. В этой связи правильно определен автором объект исследования — проблемы формирования государственной политики противодействия экономической преступности, ее нормативно правовая регламентация и практическая реализация — предопределили постановку и решение целей и задач, что позволило обосновать новые научные подходы в понимании государственной политики в противодействии экономической преступности и на этой основе сформулировать комплекс

конкретных научно-практических предложений по совершенствованию нормативной правовой базы законодательства криминального цикла.

Одновременно с этим он принял участие в написании тринадцати учебных пособий и более пятидесяти научных статей по вопросам реализации уголовной политики противодействия экономической преступности. В изданных научных сочинениях прослеживается глубокий социальный смысл правового обеспечения и защиты экономических интересов граждан, общества и государства от различных преступных посягательств, исходящих как извне, так и изнутри.

В настоящий момент В. Ф. Щербаков занимает должность профессора кафедры теории и истории государства и права Волжского государственного университета водного транспорта.

Законотворческая деятельность. Постановлением Государственного Совета Удмуртской Республики от 28 апреля 2009 года № 267-4 В. Ф. Щербаков избран представителем от законодательного органа власти в члены Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. 13 мая 2009 года Совет Федерации подтвердил полномочия В. Ф. Щербакова как члена Совета Федерации от Удмуртской Республики. С июня 2009 по февраль 2010 года он входил в комитет по экономической политике, предпринимательству и собственности, а с ноября 2011 года являлся заместителем председателя этого комитета. С июля 2010 по ноябрь 2011 года состоял в комиссии по взаимодействию со Счетной палатой Российской Федерации. С ноября 2011 года — член комитета Совета Федерации Российской Федерации по регламенту и организации парламентской деятельности.

Работа в системе указанных комитетов характеризовалась многогранностью, многоаспектностью, многоплановостью и включала в себя широкий круг вопросов, требующих как теоретических, так и практических знаний. Используя свой практический опыт, профессиональные и научные знания, В. Ф. Щербаков выступал инициатором

ряда нормативных правовых актов, давал заключения по принимаемым законам.

За большой личный вклад в дело укрепления законности и правопорядка, значительную работу по предупреждению преступности, плодотворную практическую и законотворческую деятельность В. Ф. Щербаков неоднократно награждался государством: медаль «300 лет российскому флоту», медаль «В память 85-летия Москвы», медаль «Во славу Осетии», медаль «В память 100-летия Казани», орден «За личное мужество», медаль «Ордена за заслуги перед Отечеством II степени», медаль «Ордена за заслуги перед Отечеством I степени», а также многочисленные ведомственные награды.

В. Ф. Щербаков службу в органах внутренних дел начал в 1976 году в Горьковской высшей школе МВД СССР (в настоящее время — Нижегородская академия МВД России) и прошел путь от слушателя до начальника Приволжского федерального округа МВД России, генерал-полковника милиции. Автору представилась счастливая возможность не только знать этого удивительного, необыкновенного человека, но и работать с ним на поприще практической деятельности и научных изысканий. Упорство, с которым он занимался практической и научно-исследовательской работой, поражающее воображение, чувствовался его сибирский характер, умение не только выявлять и понимать проблемы, но и решать их. Какие бы должности он не занимал, на всех этапах своей служебной деятельности он оставался бойцом, верным данной им присяге, честно служить своей Родине, до конца оставаться преданным своему народу, быть полезным людям. Свое 70-летие Владимир Филиппович отмечает достойно, с чувством исполненного долга человека, честно и добросовестно служившего государству и народу, ставшего полезным и нужным людям. Поздравляя Владимира Филипповича со знаменательным юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, добра и счастья, дальнейших творческих удач, успехов в нелегком труде служения на благо Российской Федерации.

Кузнецов Александр Павлович —

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного
права Нижегородской академии МВД России,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

Обзор защит диссертаций за 2025 год в диссертационном совете 03.2.009.01, созданном на базе Нижегородской академии МВД России

Review of dissertation defenses for 2025 in dissertation council 03.2.009.01, created at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Диссертационный совет 03.2.009.01 создан на базе Нижегородской академии МВД России на основании приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2022 года № 218/нк. Совету предоставлено право проводить защиты **по двум научным специальностям**: 5.1.1. — Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.4. — Уголовно-правовые науки (юридические науки).

В состав диссертационного совета входят 17 докторов юридических наук:

1. Баранов Владимир Михайлович, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Нижегородской области, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.1. — председатель диссертационного совета.

2. Ильин Игорь Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.4. — заместитель председателя диссертационного совета.

3. Поляков Михаил Петрович, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.4. — заместитель председателя диссертационного совета.

4. Афанасьев Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.4. — ученый секретарь диссертационного совета.

5. Баранова Марина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.1.

6. Демичев Алексей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.1.

7. Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.4.

8. Кириллов Михаил Андреевич, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.4.

9. Кудрявцев Алексей Вадимович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.4.

10. Леханова Елена Семеновна, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.4.

11. Макарейко Николай Владимирович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.1.

12. Плясов Константин Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.4.

13. Поляков Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.1.

14. Терехин Владимир Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.4.

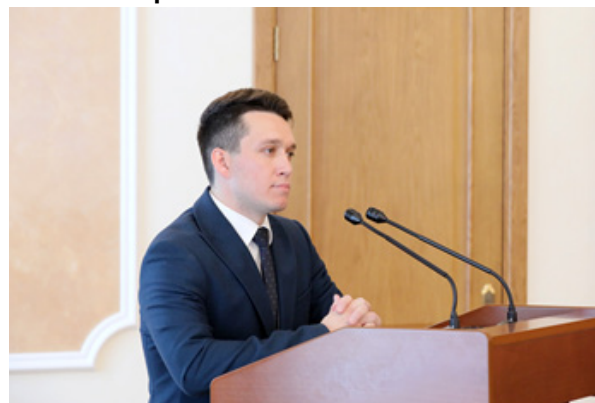
15. Толстик Владимир Алексеевич, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.1.

16. Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент, специальность 5.1.1.

17. Шаров Виктор Иванович, доктор юридических наук, профессор, специальность 5.1.4.

В 2025 году в совете защищены 1 диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук и 4 диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

2 июля диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему **«Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности»** защитил начальник кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России **Афанасьев Алексей Юрьевич**.

Объектом исследования выступила методология криминалистического и уголовно-процессуального исследования дуализма преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию.

Предмет исследования составили закономерности криминалистического и уголовно-процессуального исследования механизма доказывания преступной деятельности.

Цель исследования заключалась в создании концептуальной модели методологии криминалистического и уголовно-процессуального исследования механизма доказывания преступной деятельности, формирующей научно-методологическую основу для оценки и снижения дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию.

Научный консультант: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Лубин Александр Федорович.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, профессор Гармаев Юрий Петрович, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова; доктор юридических наук, профессор Каминский Александр Маратович, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Удмуртского государственного университета; доктор юридических наук, профессор Тарасов Александр Алексеевич, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий.

Ведущая организация: Ростовский юридический институт МВД России.

Также **2 июля** диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «**Запрет определенных действий в системе мер процессуального принуждения российского уголовного процесса: теоретический и прикладной аспекты**» по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки защитила преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России Тимошкина Виктория Андреевна.

Объект исследования представлен в виде совокупности общественных отношений,

возникающих в связи и по поводу применения уголовно-процессуального института мер принуждения, а также его отдельного составного элемента — запрета определенных действий.

Предмет исследования составили нормы права (позитивные и иные, опосредующие данную меру процессуального принуждения, материалы судебно-следственной практики, прямо и косвенно имеющие отношение к исследуемой проблематике, а также совокупность теоретических положений уголовно-процессуальной доктрины в аспекте мер процессуального принуждения; законодательные (в том числе и зарубежные) нормативные акты, регулирующие запреты как составные элементы принудительного воздействия.

Цель исследования заключалась в получении обоснованного научного знания о сущности запрета определенных действий и разработке на его основе предложений по совершенствованию правового регулирования (в соответствии с гуманистическими началами уголовно-процессуального законодательства и назначением уголовного судопроизводства) запрета определенных действий и формулировании рекомендаций, направленных на оптимизацию ее практической реализации.

Научный руководитель: доктор юридических наук, доцент Терехин Владимир Вячеславович, профессор кафедры уголовно-процессуального права Приволжского филиала РГУП имени В. М. Лебедева.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, доцент Рудич Валерий Владимирович, профессор кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета; кандидат юридических наук, доцент Фетищева Лидия Михайловна, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского института ФСИН России.

Ведущая организация: Волгоградский государственный университет.

1 октября состоялись защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Диссертацию на тему «**Уголовные наказания в Российской Федерации: система, целеполагание, эффективность применения**» по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки защитил старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России **Ковалев Александр Федорович**.

Объектом исследования выступили система уголовных наказаний, целеполагание при их назначении и общественные отношения, возникающие в силу и по поводу применения уголовных наказаний.

Предметом исследования явились законодательные, интерпретационные, доктринальные положения о системе, целеполагании и эффективности применения уголовных наказаний, которые содержатся:

- в дореволюционных, советских и современных отечественных нормативных правовых актах;
- в нормативных правовых актах других государств;
- в следственно-судебной практике;
- в отечественных и зарубежных доктринальных источниках.

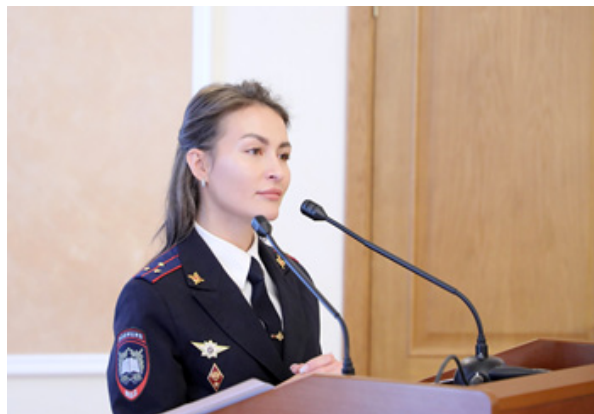
Цель исследования заключалась в разработке научно обоснованных положений о системе уголовных наказаний, целеполагании при их назначении, эффективности их применения, а также положений, направленных на совершенствование доктрины уголовного права, законодательства, правоприменения для формирования оптимальной системы уголовных наказаний.

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор Сверчков Владимир Викторович, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин филиала Московского университета имени С. Ю. Витте в Нижнем Новгороде.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Минязева Татьяна Федоровна, профессор департамента права Московского городского педагогического университета; доктор юридических наук, доцент Степашин Виталий Михайлович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Ведущая организация: Удмуртский государственный университет.

Диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «**Дискредитация органов внутренних дел: уголовно-правовой и криминологический аспекты**» по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки защитила преподаватель кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России **Дубова Мария Евгеньевна**.

Объект исследования составили общественные отношения, возникающие в сфере уголовно-правовой и криминологической охраны ОВД России от дискредитации.

Предметом исследования являются правовые и организационные проблемы охраны ОВД России от дискредитации криминологическими и уголовно-правовыми средствами; преступность, сопряженная с дискредитацией ОВД России, ее современное состояние, структура и динамика, детерминирующие ее факторы; личность преступника, дискредитирующего ОВД России; система предупреждения преступности, сопряженной с дискредитацией ведомства.

Цель исследования состояла в разработке научно-практических уголовно-правовых и криминологических мер по защите ОВД России от дискредитации.

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации Кузнецов Александр Павлович, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, профессор Вишневецкий Кирилл Валерьевич, начальник управления учебно-методической работы Красноводского университета МВД России; кандидат

юридических наук, доцент Дроздов Денис Евгеньевич, доцент кафедры юриспруденции Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского.

Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

10 декабря диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «**Ретроспектива и перспектива теории формальной оценки доказательств в уголовном процессе**» по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки защитил преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России **Кузнецов Максим Сергеевич**.

Объектом исследования выступили общественные отношения и методологические тенденции, возникающие в сферах формирования, продвижения, ликвидации и возрождения ключевых концепций доказательств и

доказывания в отечественном уголовном процессе.

Предмет исследования составили эволюция, современное состояние и перспективы развития теории формальной оценки доказательств в отечественном и зарубежном уголовных процессах, рассматриваемые сквозь призму взаимодействия доктринальных концепций, нормативных источников и судебной практики.

Цель исследования заключалась в получении объективного научного знания о сущности теории формальной оценки доказательств, ее реальных недостатках, достоинствах и актуальных возможностях, позволяющих совершенствовать отечественное уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительную деятельность.

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Поляков Михаил Петрович, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

Официальными оппонентами выступили: доктор юридических наук, доцент Муратов Константин Дмитриевич, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова; кандидат юридических наук, доцент Кудряшова Елена Семеновна, доцент кафедры уголовно-процессуального Приволжского филиала Университета правосудия имени В. М. Лебедева.

Ведущая организация: Волгоградская академия МВД России.

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Нижегородской области, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, председатель диссертационного совета 03.2.009.01, созданного на базе Нижегородской академии МВД России;

Афанасьев Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, ученый секретарь диссертационного совета 03.2.009.01, созданного на базе Нижегородской академии МВД России.

**Современный классик юриспруденции.
Памяти профессора Юрия Александровича Тихомирова**

**A modern classic of jurisprudence.
In memory of Professor Yuri Alexandrovich Tikhomirov**

Российское правоведение в последние годы обогатилось серией уникальных во многих отношениях биографических трудов, посвященных научному наследию отечественных ученых-юристов. Назовем лишь некоторые из них: двадцатитомный научный проект «Российская академия наук: выдающиеся ученые — правоведы. XX век» (руководитель — академик РАН А. Н. Савенков); Летопись российской юридической науки: в 5 т. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2023 (руководитель — академик РАН Т. Я. Хабриева); Учитель, Ученый, Человек! К 85-летию со дня рождения профессора Владимира Терентьевича Кабышева / [сост. Т. В. Заметина; под ред. Е. В. Ильговой]. Саратов: Издательство Саратовской государственной юридической академии, 2023; Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2024; Дудко И. Г., Эбзеев А. А. Государственник. К 75-летию юбилею выдающегося ученого и государственного деятеля, профессора Бориса Сафаровича Эбзеева. Москва, 2025; Насибуллин Р. А. Командор Виктор Перевалов — Служение Уральскому государственному юридическому университету имени В. Ф. Яковлева: монография. Екатеринбург, 2025.

Обнаружилось — мы не знаем: к какому типу ученых следует отнести правоведов в имеющихся науковедческих классификациях¹.

История правовой науки почему-то самоустранилась от участия в решении этой сложной и важнейшей задачи. Выдающийся, видный, знаменитый, известный, великий, замечательный, крупный, первоклассный, даровитый, талантливый, одаренный, гениальный — вот распространенные характеристики и оценки, которыми оперируют исследователи творческого наследия ушедших от нас правоведов. При этом никаких различий (даже в первом приближении) между этими характеристиками не делается, они используются в качестве синонимов.

В первом монографическом междисциплинарном теоретическом исследовании о классиках в гуманитарном знании эти феномены

¹См.: Новиков А. С. Классификация типов ученых. Концепции и модели гениальности. Типология геоэвристики. Москва: ЛЕНАНД, 2024. 248 с.

представляются социологами, экономистами, политологами, филологами, философами, культурологами². Правоведов среди исследователей проблем классического знания нет и это неоспоримое, малоприятное обстоятельство.

Крайне редко и также без аргументированного обоснования применяется понятие «классик». Это понятие вводится, пожалуй, как красивая метафора. Проблема классики в юриспруденции не исследована. Но именно понятия «классика» и «классик» в гуманитарной науке получили основательную разработку, хотя до выработки системы точных критериев идентификации этих феноменов еще очень далеко.

Тем не менее мы можем опереться на следующий вывод специалистов: «классика — набор идей, выработанных в прошлом, сохраняющих свою актуальность в настоящем и выступающих

²Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. Москва: Новое литературное обозрение, 2009. 536 с.

в качестве основы современных представлений и исследований в конкретной области»¹.

В этом ракурсе научные труды Ю. А. Тихомирова в подавляющем большинстве — классика. Если классика — часть знания высокого или высочайшего уровня, то его «добытчик» (в нашем случае профессор Ю. А. Тихомиров) не «может», а должен быть признанным классиком. Число юридических проблем, которые впервые поставил и посильно решил Ю. А. Тихомиров, необозримо. Количество реальных областей правоведения, в которых он работал, свидетельствует об энциклопедичности этой феноменальной личности. Масштаб предлагавшихся им обобщений огромен и далеко не всегда по плечу целым научным коллективам. Независимый характер и невероятная любознательность не могли не поражать.

17 ноября 2025 года Юрий Александрович Тихомиров ушел из жизни. Выдающийся российский ученый-правовед, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии сравнительного права, член научно-консультативных советов и комиссий при Президенте Российской Федерации, Государственной Думе Российской Федерации, Министерстве юстиции Российской Федерации, Верховном Суде Российской Федерации, Генеральной Прокуратуре Российской Федерации, член редколлегий журналов «Журнал российского права», «Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения», «Правоведение», «Законы России», «Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России», ежегодника «Юридическая техника». Личность необыкновенной мощи и таланта.

Его личностное становление неразрывно связано со столицей. Юрий Александрович родился в 1931 году в Москве и долгое время жил на Старом Арбате. Он был коренным москвичом с генетически заложенной интеллигентностью и любознательностью, знанием латыни, английского и французского языков. Тридцатые годы были сложным временем для страны, ее граждан. Потом война. В одном из интервью

Юрий Александрович говорил, что ему запомнилась бомбежка, которой был полностью разрушен театр Вахтангова. Потом эвакуация в Башкирию. Рано сформировавшаяся самостоятельность свойственна была всем детям в то время, но именно это закалило характер и Юрия Александровича. Его самодисциплиной, трудолюбием в науке, которой он занимался увлеченно и самоотверженно, можно только восхищаться.

Надо сказать, что на знаменитый юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Ю. А. Тихомиров попал волей случая за компанию со своим школьным товарищем. Хотя этот «случай» был предопределен юношеской одержимостью «отыскивать преступников» и стал, по словам самого Юрия Александровича, его «счастливым выбором».

Его научная деятельность началась еще в университете. Он закончил МГУ с отличием в 1954 году. Поступил в аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР. В 1957 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1969 году — докторскую. Долгое время (с 1958 по 1985 годы) работал в Институте государства и права, затем (с 1985 по 1989 годы) был заведующим кафедрой Академии народного хозяйства. С 1989 года и до последних дней — в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Россия, бесспорно, богата талантами и талантливymi учеными. Между тем Юрий Александрович занимает в плеяде ученых-правоведов особое место. Со своей безудержной научной страстью он одинаково талантливо и компетентно исследовал вопросы теории государства и права, юридической техники, международного права, создал каркас базовых и самых, пожалуй, объемных отраслей права — конституционного и административного. Вклад Юрия Александровича в науку о праве сложно переоценить. Он разработал современную концепцию и основные институты публичного права. Его книги «Теория компетенции» (2001), «Публичное право» (2005), «Коллизионное право» (2000) стали классическими работами и основой для исследования самой разной научной проблематики: публичного интереса административного усмотрения, поведенческих механизмов действия права и многое другое.

В работах, посвященных государственному управлению, «Управленческое решение» (1972), «Управление делами общества» (1984), «Управление на основе права» (2007),

¹Савельева И. М., Полетаев А. В. Классическое наследие. Москва: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010. С. 22. На с. 27 отмечается, что классическими считаются работы, которые одновременно удовлетворяют трем условиям: 1) называются классическими в научном сообществе; 2) издаются в процессе обучения, то есть в «классах»; 3) в явном виде используются в исследованиях современных авторов.

«Государство» (2013), «Правовые акты» (1999) он обозначил векторы развития системы и правового положения органов исполнительной власти, совершенствования системы правовых актов управления, способы обеспечения юридических режимов и законности в государственном управлении. В его монографиях «Теория закона» (1982), «Действие закона» (1992) создана типология законов и определена роль законов в правовой системе, создана современная концепция действия закона, технико-юридический механизм его применения.

Кроме того, Юрий Александрович разработал механизмы юридического прогнозирования и моделирования. Его книги «Юридическое прогнозирование» (2018), «Право: прогнозы и риски» (2015) увлекают своей перспективой и своевременностью. Ему принадлежат разработки методологии правоприменения и мониторинга права, базовых критериев оценки эффективности закона в цикле исследований, посвященных проблемам теории правового регулирования: «Правовое регулирование: теория и практика» (2010) и другие.

Юрий Александрович Тихомиров, будучи ведущим специалистом в области сравнительного правоведения, выработал методологию сравнительно-правового анализа национальных законодательств с учетом международно-правовых регуляторов — «Курс сравнительного правоведения» (1996). Не раз выступал с докладами на зарубежных конференциях Международной академии сравнительного права. На одной из них Юрию Александровичу удалось побеседовать с принцем Филиппом, герцогом Эдинбургским, что запечатлено на фотографии в кабинете Ю. А. Тихомирова. Заложенная Юрием Александровичем научная школа сравнительного правоведения нашла выражение в проводимых в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ежегодных форумах — Международном конгрессе сравнительного правоведения и в известном в России и за рубежом научном издании — Журнале зарубежного законодательства и сравнительного правоведения.

У Ю. А. Тихомирова, согласно данным РИНЦ, размещено 600 публикаций, 36 282 цитирований, его индекс Хирша — 92.

В уникальном научном наследии Юрием Александровичем большое внимание уделено административному праву. В присущем только ему образном, «сюжетном» стиле административное право называлось «осью публичного права», выделялось его четыре функции:

государственное управление, государственное регулирование, легализация, контроль и надзор. Закон Юрий Александрович представлял «в качестве первичной юридической клетки». Критиковал «гегемонию КоАП», которая, по его мнению, «привела к своеобразному отождествлению его с административно-процессуальным законодательством», что, как он полагал, являлось «явным преувеличением»¹.

Интересно, что многие его идеи гармонично встраивались в правовую действительность. Например, как правило, нормы трудового права долгое время устойчиво относили к блоку цивилистических наук. Ю. А. Тихомиров в самом начале 2000-х рассматривал трудовое и экологическое право как «отрасли с большой долей публично-правовых институтов и норм». Сегодня трудовое право внесено в паспорт научной специальности 5.1.2. (публично-правовые (государственно-правовые) науки). То же касается его идей о прогнозировании и планировании — не так давно, например, национальные проекты внесены законодателем в федеральный закон «О стратегическом планировании».

Юрий Александрович, безусловно, был блестящим административистом, но его доктринальные изыскания отнести исключительно к административному праву нельзя, этим он и восхищал: поразительным комплексным видением проблемы или нового направления знания, высоким уровнем осмысления. Его креативный ум шагнул за пределы привычных направлений научных специальностей. В этом хрупком человеке будто одновременно жило несколько сильных, безуданно погруженных в научный поиск исследователей.

Идеи Юрия Александровича можно сравнить с мощным прожектором, который освещает направления «движения» научных исследований в праве, определяя перспективы и содержательные векторы развития правовой науки. Однажды он сформулировал очень показательный ответ на вопрос: «Как у Вас получается сохранять уникальную продуктивность и издавать каждый год по книжке?». Юрий Александрович сказал так: «Когда у Наполеона спрашивали, как ему удавалось выигрывать так много войн, он ответил: я думаю об этом всегда». Сказал и многозначительно улыбнулся...

Юрий Александрович черпал свои идеи из практики государственного управления, организовывал научные экспедиции в регионы,

¹Тихомиров Ю. А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 3–12.

вовлекая в исследования целые коллективы. Будучи первым заместителем директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, он договаривался о встрече с руководителями региональных исполнительных органов, губернаторами, быстро заводил «нужные» для исследований по проблемам государственного управления знакомства. В начале 2000-х профессор Ю. А. Тихомиров был приглашен в Высшую школу экономики и стал первым деканом факультета права. Тогда аналогичный факультет был открыт и в Нижегородском филиале ВШЭ. Юрий Александрович организовал несколько научных проектов и смог вовлечь, подключить к его реализации не только преподавателей и студентов ВШЭ, но и представителей региональных органов власти. В рамках проекта «Проблемы эффективности действия закона» (2000–2002) была разработана Схема управления Нижегородской областью и отправлена губернатору. Этот проект нашел отражение в его научной статье «Правовое обеспечение экономики: территориальный аспект»¹. Затем были другие проекты: Разработка рекомендаций по совершенствованию законодательной нормативной базы регионов, получающих государственную поддержку» в рамках общей темы «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации» (2002); Публичная власть и экономические субъекты: нормативная модель и реальные механизмы воздействия (2004). Юрию Александровичу удавалось не просто создать команду, но и задать мощный импульс личностного развития каждому участнику. Почти все участники его проектов на нижегородской земле впоследствии преуспели в государственно-служебной или научной карьере.

Профессор Тихомиров Ю. А. длительное время и очень активно участвовал в научно-представительских мероприятиях Нижегородской академии МВД России, стоял у истоков Международного научно-практического форума «Юртехнетика».

В сборнике научных статей «Проблемы юридической техники» (Нижний Новгород, 2000) на с. 37–45 размещена его заглавная статья «Законодательная техника как фактор эффективности законодательной и правоприменительной деятельности». Это издание получило символическое название — «зеленая книга об

юридической технике» и до сих пор широко цитируется.

Не меньшим успехом пользуется следующая его оригинальная статья: Тихомиров Ю. А. Теория кодекса // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 года) / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. М. Баранова, канд. юрид. наук, доцента Д. Г. Краснова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. С. 38–45.

Юрий Александрович Тихомиров принял участие в 4-х форумах «Юртехнетика» и опубликовал такие новаторские статьи:

Тихомиров Ю. А. Юридическая техника — инструмент правотворчества и правоприменения // Юридическая техника. 2007. № 1: материалы VIII Международного научно-методического семинара на тему «Методологические проблемы юридической техники и их отражение в отраслевой регламентации общественных отношений» (Нижний Новгород, 26–27 сентября 2007 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: «Дятловы горы», 2007. С. 12–15;

Тихомиров Ю. А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности // Юридическая техника. 2015. № 9: материалы XVI Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Стратегия, тактика, техника законотворчества (взаимосвязь, инновационные достижения, ошибки)» (Нижний Новгород, 25–27 сентября 2014 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: «Кириллица», 2015. С. 46–52;

Тихомиров Ю. А. Коллизии как источник развития права // Юридическая техника. 2017. № 11: материалы XVIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления» (Нижний Новгород, 22–23 сентября 2016 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: «Кириллица», 2017. С. 35–38;

Тихомиров Ю. А. Риски в правовом пространстве // Юридическая техника. 2019. № 13: материалы XX Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Риски в законотворчестве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления» (Нижний Новгород, 27–28 сентября 2018 года) / гл. ред.

¹Тихомиров Ю. А. «Правовое обеспечение экономики — территориальный аспект» // Законодательство и экономика. 2002. № 10. С. 4–7.

проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2019. С. 28–35.

Ему так были интересны люди... Он умел понять, дать личный совет, чувствовал и ценил искреннее, доброе отношение. Однажды во время поездки в Дивеево он был очень оживлен, задавал вопросы о монастыре, мощах Преподобного батюшки Серафима, купальнях со святой водой, храмах. По приезде на место он искренне восхищался трудом людей, создавших этот оазис покоя, надежды и молитвы. Была какая-то особая легкость в его походке, в неспешном перемещении по заснеженной монастырской территории и созерцании окрестностей. Ему было интересно все: «Почему светские строения переплелись с монастырскими, перезимует ли сад, сколько здесь монахинь, где отдел полиции, какво количество храмов и жителей в Дивеево?». При этом в купальни он не пошел, сказав: «Вы идите, а я побеседую» и направился в киоск с монастырскими товарами, где увлеченно и долго говорил о житейских мелочах с местной жительницей, «купавшейся» в его обаянии и щедрой живой энергии. Ее мнение, мироощущение было для него не менее важно и интересно, чем рассуждения кого-то, облеченного властью или научными регалиями.

Умение отметить главное, дать яркую и четкую характеристику любому объекту касалась не только науки. В Нижнем Новгороде в здании Московского железнодорожного вокзала еще до реконструкции висела огромная, сделанная на заказ специально для нашего вокзала люстра. Она считалась одной из наших нижегородских достопримечательностей. В один из приездов Юрий Александрович отреагировал на нее быстро и емко: «какая густая и плотная!» Все, кто помнит эту замечательную люстру, с ним согласятся, при этом никто не смог бы так метко и лаконично ее описать, кратко и образно передав ощущение от увиденного.

Юрий Александрович прожил долгую и насыщенную жизнь. Может быть, потому, что ему было интересно любое ее проявление. Во время одной из прогулок по улице Большая Покровская (старинной пешеходной улице купеческого Нижнего Новгорода) он увидел медведя, с которым выступали артисты. Столпились люди, а Юрий Александрович совершенно по-юношески старался подойти поближе и кричал: «Смотрите, смотрите! Это же живой медведь!!!». Его открытость эмоциям, способность радоваться и удивляться мелочам восхищала и очаровывала. В Юрии Александровиче не чувствовалось возраста. Он как будто бы был вне времени. В нем

уживался и выдающийся академический ученый, и руководитель высокого уровня, и непосредственный, немножко хулиганистый юноша. Не зря же он называл себя в шутку «арбатской шпаной».

Ю. А. Тихомиров всегда тщательно относился к своей внешности. Выглядел аккуратно и даже стильно. Его подтянутость восходит, вероятно, к сформированной с детства самодисциплине, внутренней культуре не только ментальной, но и физической. Всегда в свежей рубашке с красивым галстуком, иногда с элегантной бабочкой, в чистой обуви, он между тем не делал из того, что его окружало в быту, фетиша. Его призванием и самой большой любовью все же была наука о праве. Он умел абстрагироваться от конкретной обстановки и моделировать, придумывать то, что потом оказывалось чудесным образом в основе и содержании новой статьи и книги. При нем всегда был маленький блокнот, в который периодически записывались небольшие сюжеты наблюдений (это могло быть в кафе, театре, метро).

В начале двухтысячных зимой Юрий Александрович выразил желание отдохнуть неделю в каком-нибудь пансионате на Горьковском водохранилище («Горьковское море»), советовался, спрашивал, где ему будет спокойнее. В то время инфраструктура загородного досуга в Нижегородской области была не столь разнообразна и привлекательна, как ныне. Нас, нижегородцев, не покидало некоторое чувство тщательно подавляемой неловкости, когда, встретив глубоко уважаемого гостя, мы направлялись в пансионат. Юрий Александрович, увлеченный красотой пейзажей и кристальной чистотой воздуха, будто и не заметил скромности обстановки номера, а через неделю вдохновенно и с мягкой озорной улыбкой демонстрировал исписанные блокноты — мороз, величественные сосны и талант ученого вызвали к жизни новые идеи и замыслы, позже претворенные в жизнь. Лет через десять Юрий Александрович в беседе после конференции внезапно вспомнил ту поездку и сказал, что место замечательное, жаль название забыл, и советует всем там побывать. В этот момент мы, нижегородцы, уже знали, что все в этом туристическом уголке кардинально изменилось к лучшему, и не без гордости соглашались с авторитетным мнением. Великодушные, уважение к людям, их любимой земле и талант увлеченного исследователя позволяли ему абстрагироваться от мелкого и низменного и увидеть, почувствовать главное — атмосферу природы, дарующую вдохновение.

Тяга к прекрасному — еще одно удивительное личностное качество человека «с тихой и мирной фамилией» как шутил Ю. А. Тихомиров. Юрий Александрович был любителем искусства. Он хорошо знал и очень любил театр: драматургию, режиссуру, актерскую игру. Даже в своих поездках старался посмотреть спектакль из репертуара регионального театра. Не был равнодушен к художественному творчеству. Мог сказать: не смогу вырваться, а вы доставьте, пожалуйста, мне удовольствие, сходите в Центральный дом художника. Там замечательная выставка!

Как-то рассуждая о занятости, он сказал: какое удовольствие заниматься самосозерцанием. Сначала показалось, что это легкая насмешка. А сейчас задаешься вопросами: «Хватило ли времени этой необыкновенно содержательной личности, создавшему классические научные труды по юриспруденции, величайшему российскому ученому, заглянуть в себя, объять и понять масштаб своей собственной личности?».

Его жизнелюбие уживалось с жесткой профессиональной принципиальностью. Юрий Александрович совершенно не выносил халтуры. Тщательно читал тексты, не стеснялся в оценке работ авторов, которые не потрудились так, как, по его мнению, было нужно. Тем не менее секрет того, как с ним поладить, был прост: работать нужно было самозабвенно и добросовестно... как он.

Работать, как он, невозможно... Ему был свойственен особый «почерк», отражавшийся в словах, текстах, действиях и, казалось, неисчерпаемом объеме энергии мудрого, уверенного, увлеченного созидания. При этом не создавалось впечатление тяжеловесности и довлеющего превосходства, что для личности такого уровня редкость. Труд Юрия Александровича Тихомирова получил должное признание государства и научного сообщества. Он отмечен: медалью Анатолия Кони (2000); медалью «За заслуги перед судебной системой Российской Федерации» 1-й степени (2010); Орденом Почета (4 августа 2001 года); Орденом Дружбы (31 августа 2005 года); почетным званием «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (5 октября 1995 года); Благодарностью Президента Российской Федерации (3 июня 2010 года); Почетной грамотой Совета МПА СНГ (26 ноября 2015 года, Межпарламентская ассамблея СНГ); Орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (22 августа 2015 года); Премией «Юрист года» в номинации «За вклад

в юридическую науку» (2019); Почетной грамотой Президента Российской Федерации (2021); медалью Гавриила Державина (2023).

24 ноября 2025 года состоялось распоряжение Правительства Российской Федерации № 3411-Р «О присуждении премий Правительства Российской Федерации 2025 года в области науки и техники».

В соответствии с этим юридическим актом присуждена премия Правительства Российской Федерации 2025 года в области науки и техники и присвоено почетное звание лауреата премии Правительства Российской Федерации 2025 года в области науки и техники академику РАН Т. Я. Хабриевой и профессору Ю. А. Тихомирову за монографию «Научные концепции развития российского законодательства».

Это уже восьмое издание концепций развития российского законодательства. Работа является уникальным источником, объединяющим доктринальное знание и практические решения, способствует сохранению правовых идеалов и реализации принципа верховенства права во всех областях общественной жизни, планомерности выстраивания системы законодательных и иных нормативных правовых актов на новой конституционной основе в соответствии с необходимостью обеспечения технологического суверенитета и конкурентоспособности государства в научной и производственной сферах.

Особый акцент сделан на развитии правового регулирования в технологической сфере, которая в настоящее время охватывает все без исключения правовые отношения, становится определяющей не только в экономике или производстве, но и в повседневной жизни людей.

Результатом подготовки концепций развития российского законодательства является реализация уникальной мультидисциплинарной познавательной модели, позволяющей усовершенствовать механизмы правового регулирования практически во всех отраслях российского законодательства. Модернизирована основа последующих общетеоретических и прикладных исследований.

2 декабря 2025 года при вручении Председателем Правительства России М. В. Мишустиным награды Т. Я. Хабриева в ответном слове (это прозвучало по всем телеканалам страны) тепло отметила творческий вклад Ю. А. Тихомирова в подготовку этого высокоценного труда, выразила глубокое сожаление о его уходе из жизни.

**НЕКРОЛОГ
IN MEMORIA**

Высокая государственная награда «нашла» профессора Ю. А. Тихомирова уже после смерти, но его имя навсегда теперь «высечено» в ряду выдающихся исследователей, классиков правовой науки.

Мыслитель Юрий Александрович Тихомиров принадлежит Вечности и Истории: он оставил нам подлинно классическое научное правовое наследие, которое будет переходить из поколения в поколение гуманитариев.

Баранов Владимир Михайлович,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Нижегородской области,
почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации,
помощник начальника Нижегородской академии МВД России
по инновационному развитию научной деятельности,
президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра
«Юридическая техника»;

Баранова Марина Владимировна,

доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
академик Российской академии юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
заместитель декана по научной работе юридического факультета
Национального исследовательского Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского, вице-президент Нижегородского исследовательского
научно-прикладного центра «Юридическая техника»;

Михеева Ирина Вячеславовна,

доктор юридических наук, профессор Департамента публичного права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород.

**Требования к рукописям статей,
представляемым для опубликования в журнале
«Юридическая наука и практика:
Вестник Нижегородской академии МВД России»**

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике Журнала.

2. Рукопись статьи должна содержать:

— **универсальный десятичный код (УДК)** (см.: <http://teacode.com/online/udc/>);

— **сведения об авторе на русском и английском языках** (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, рабочий адрес, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), контактные телефоны);

— **заголовок на русском и английском языках;**

— **аннотацию на русском и английском языках;**

— **ключевые слова на русском и английском языках;**

— **список библиографических ссылок на русском и английском языках** (в журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТ 7.0.5—2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках; использование подстрочных ссылок не допускается).

3. Статья объемом **не более 12 машинописных страниц** направляется в редакцию в распечатанном и электронном вариантах (в формате RTF), которые должны быть идентичны.

4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman, размер шрифта — 14, интервал — 1,5.

Поля — по 2 см с каждой стороны. Нумерация страниц обязательна.

5. Цветная вертикальная портретная фотография автора в формате jpg, разрешением не менее 300 dpi, размером 3,5*4,5 см (фон однотонный, белый).

6. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

7. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

8. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: **«Рукопись вычитана, цитаты проверены (дата, подпись)»**.

9. При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет» (на сайте Нижегородской академии МВД России, сайтах научных электронных библиотек).

9. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей.

Почтовый адрес:
603144, Нижегородская область,
г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3,
Нижегородская академия МВД России (РИО).
Тел.: 8 (831) 421-73-21.
E-mail: vestniknamvd@mail.ru
Сайт: na.mvd.ru